5. EREMIA, N. Apicultura. Chişinău, Ediţia a II. Tipogr. „Print-Caro”, 2020, 455 P. ISBN 978-9975-56-754-1.

6. ЕРЕМИЯ, Н.Г., MAȘNER, O., PETCU, I., JEREGHI, V. Evaluarea utilizării albinelor la polenizarea rapiței. Știința Agricolă. Chișinău, 2025, nr. 1, P. 130-142. ISSN 1857-0003 / E-ISSN 2587-3202. https://jmabonline.com/en/article/lmEjcDNMF6y6XBqF8Tmw.

7. EREMIA, N., NEICOVCENA, I. Particularităţile morfo-productive ale albinelor carpatice din Republica Moldova. Chişinău, 2011. 224 P. ISBN 978-9975-4180-5-8.

8. EREMIA, N., ZAGAREANU, A., MODVALA, S. Particularitățile tehnologiei creșterii mătcilor de albine și stupăritului pastoral. Monografie. Chișinău, 2018. 356 P. ISBN 978-9975-75-930-4.

9. GARIBEY, S., BERNET, T., WEILER, M. [Apicultura ecologică]. Ediția pentru Republica Moldova, Nr. 1211. Institutul de Cercetare pentru Agricultură Ecologică FiBL, Ediția pentru Republica Moldova, 2021, AED. ISBN 978-9975-89-236-0; ISBN PDF: 978-9975-89-239-1. Agriculture, 11(4), 281. https://www.fibl.org/fileadmin/documents/shop/1211-apicultura-ecologica.pd.

10. КРАСОЧКО, П., ЕРЕМИЯ, Н. Технология продуктов пчеловодство и их применение. Учебник для Вузов. ООО «Издательство Лань». Санкт-Петербург, 2022. 656 с. ISBN: 978-5-8114-8533-8. «Лань»: http://www.lanbook.com.

11. MODVALA, S. Dinamica familiilor de albine şi suprafeţelor culturilor nectaro-polinifere în Republica Moldova. În: Ştiinţa Agricolă. Chişinău, 2015, nr. 2, P. 81-88. https://ibn.idsi.md/sites/default/files/j_nr_file/Stiinta_Agricola_2_2015.pdf.

12. PETCU Iana. Flight Intensity of Honeybees During Rapeseed Pollination and Families Development, Journal of Mountain Agriculture on the Balkans, 2025, nr. 28 (2), P. 59-76. ISSN1311-0489/ISSN2367-8364. ttps://jmabonline.com/en/article/lmEjcDNMF6y6XBqF8Tmw

13. ZAGAREANU, A**.** *Bunele practici în apicultură în contextul schimbărilor climatice: Ghid practic pentru producătorii agricoli.* Chișinău, 2020. 80 P. ISBN 978-9975-87-758-9.

UDC 664:663.1:547.458

MODERN TECHNOLOGIES FOR THE EXTRACTION AND MODIFICATION OF DIETARY FIBERS FROM AGRO-FOOD BY-PRODUCTS

Barbaroș Maria-Marcela
PhD student, Technical University of Moldova,
Chisinau, Republic of Moldova
e-mail: barbarosmarcela@gmail.com
orchid: 0000-0002-4339-5589

Abstract

Dietary fibers are essential structural components of the plant cell wall, playing a major role from both nutritional and technological perspectives [3,4]. Classified into soluble and insoluble dietary fibers, they are associated with important physiological benefits and functional properties relevant to the food industry [4]. Agro-food by-products, particularly fruit and vegetable pomace, represent valuable yet underutilized sources of dietary fibers [1]. This article provides a critical overview of the main types of dietary fibers, their plant sources, and the conventional and emerging methods used for their extraction and modification.

Conventional chemical and thermal extraction methods are widely used to obtain dietary fibers from agro-food by-products; however, they may lead to polysaccharide degradation and loss of functional properties. In this context, emerging non-enzymatic technologies, such as ultrasound-assisted extraction and microwave-assisted extraction, have attracted significant interest due to their

higher efficiency and reduced environmental impact. The study evaluates the influence of three extraction methods—conventional extraction, ultrasound-assisted extraction, and microwave-assisted extraction—on the physicochemical characteristics of dietary fiber concentrates obtained from fruit pomace.

The results provide a scientific basis for the sustainable valorization of fruit processing industry by-products as functional ingredients for food and nutraceutical applications. Chemical, enzymatic, and physical methods (ultrasound, microwaves, pulsed electric fields, supercritical fluids), as well as processing technologies such as extrusion and thermal treatments, are analyzed, highlighting their impact on yield, structure, and functionality of dietary fibers [1,2,5–7]. Within the context of the circular bioeconomy, the need to develop sustainable technologies that enable efficient valorization of food waste and the production of high value-added functional ingredients is emphasized [1,2].

Keywords: dietary fibers; agro-food by-products; extraction processes; emerging technologies; circular bioeconomy; food processing.

Introduction

The growing interest in sustainable food systems has intensified research on the valorization of agro-industrial by-products as alternative sources of dietary fibers [1,2]. Fruit pomace, generated during the industrial processing of fruits for juice and puree production, represents a valuable raw material rich in structural polysaccharides such as cellulose, hemicellulose, and pectin [3].

Conventional extraction methods based on thermal or chemical treatments are efficient in terms of yield but may affect fiber structure and generate significant waste [4]. In recent years, emerging non-enzymatic technologies, such as ultrasound and microwave-assisted extraction, have been proposed as alternative or complementary methods capable of improving mass transfer and facilitating the release of polysaccharides from the plant matrix without the use of enzymes [5,6].

Ultrasound-assisted extraction is based on the phenomenon of acoustic cavitation, which generates shear forces and micro-jets capable of disrupting cell wall structures and promoting the diffusion of target compounds into the solvent [7]. Similarly, microwave-assisted extraction employs non-ionizing electromagnetic waves that produce rapid volumetric heating, leading to increased internal pressure and enhanced mass transfer [8,9].

Despite the reported advantages, the effects of these technologies on the structure and functionality of dietary fibers require systematic evaluation [10]. Therefore, the aim of this study is to compare conventional extraction with ultrasound- and microwave-assisted extraction in terms of their influence on the physicochemical characteristics of dietary fiber concentrates obtained from fruit pomace.

Dietary fibers (DF) are defined as non-digestible carbohydrate polymers, mainly present in the plant cell wall structure, playing an essential role in maintaining the structural integrity of plant tissues [3,4]. Chemically, they include cellulose, hemicellulose, pectin, and lignin, each contributing differently to the mechanical and functional properties of plants [3]. Based on water solubility, dietary fibers are classified into soluble dietary fibers (SDF) and insoluble dietary fibers (IDF), a classification relevant both for physiological effects and technological applications [4].

Due to their chemical structure and physicochemical properties, dietary fibers play a significant role in regulating digestion, reducing glucose and cholesterol absorption, and maintaining gut microbiota health [4,10]. Soluble fibers form viscous gels that slow intestinal transit and nutrient absorption, whereas insoluble fibers increase stool bulk and accelerate intestinal transit [3,4].

In recent years, interest in dietary fibers has increased significantly due to their role in preventing chronic diseases and in the development of functional foods [4]. At the same time, the growing amount of agro-food waste has directed research toward the valorization of plant by-products, such as fruit and vegetable pomace, as alternative sources of dietary fibers [1,2]. The integration of these by-products into sustainable value chains aligns with the concept of the circular bioeconomy [1,2].

In the food industry, dietary fibers extracted from agro-food by-products are used to improve texture, stabilize products, form gels, and reduce the caloric content of foods [1,8]. Extracted functional fibers can be incorporated into beverages, bakery products, dairy products, and nutritional supplements, providing both nutritional value and technological benefits [8,10].

Recently, emerging technologies have been expanded to include synergistic combinations of physical and enzymatic methods. For example, ultrasound-assisted enzymatic extraction has been reported to increase soluble fiber yield and improve gelling properties while preserving polyphenolic activity and antioxidants in plant materials [6,13].

Additionally, supercritical fluid extraction, particularly supercritical CO_2, enables the removal of lipid fractions and the concentration of polysaccharides with increased efficiency and reduced environmental impact [6,12].

However, the complex structure of the plant cell wall, characterized by covalent and non-covalent cross-linked polymeric networks, complicates dietary fiber extraction, influencing yield and functionality [3]. For this reason, the selection and optimization of extraction methods represent a critical aspect in agro-food by-product processing [1].

Figure 1 presents details on different types and sources of dietary fibers based on agro-food materials. Accordingly, soluble dietary fibers include pectin (sugars from whole grains, legumes, etc.), gums (sugar monomers from beans and legumes), and mucilage (aquatic plants, cactus, aloe vera, as well as glycoproteins used as food additives). Insoluble dietary fibers include cellulose (providing glucose monomers derived from fruits and root vegetables), hemicellulose (complex sugars from cereal bran and grains), and lignin (aromatic alcohols from vegetables). Regarding extraction methods, dietary fibers (soluble and/or insoluble) are obtained through dry and/or wet processing, chemical methods, enzymatic-gravimetric methods, and microbial methods (with certain limitations) [3,4].

Fiber modification technologies, such as extrusion combined with controlled thermal treatments, allow the production of fibers with increased solubility, improved water-holding capacity, and potential prebiotic properties [3,4,15,16]. These approaches contribute to the development of functional ingredients for foods and supplements, supporting the objectives of the circular bioeconomy through efficient valorization of agro-food waste [1,2,12].

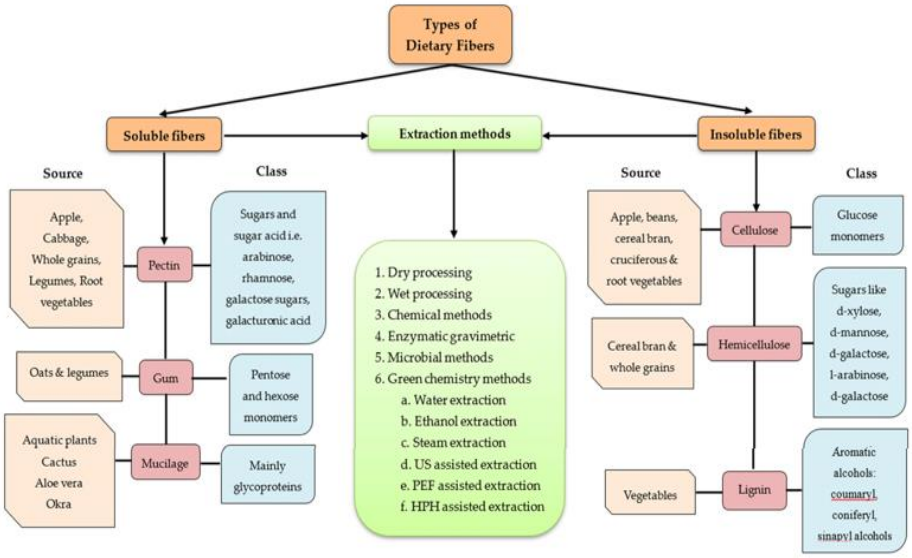

Figure 1. Types and extraction and purification methods of dietary fibers from food waste.

In the current context, the growing interest in the valorization of agro-food by-products and the development of sustainable industrial processes has stimulated research in the field of dietary fiber extraction and modification technologies.

Methods for the Extraction and Modification of Dietary Fibers

Recent research highlights a significant shift in industrial paradigms toward the adoption of more sustainable and environmentally responsible practices. Optimization of extraction conditions and the combination of conventional methods with innovative technologies allow reductions in solvent consumption, processing time, and operating temperatures [1,8,9,12].

This transition is supported by interdisciplinary collaborations among food science, engineering, and environmental sciences, which address issues related to efficiency, sustainability, and ecological impact in a holistic manner [2,8,9]. The main objective of these efforts is the development of technologies that balance industrial needs with the conservation of natural resources and ecosystem protection.

Currently, chemical, mechanical, thermal, and/or enzymatic treatments are used to obtain dietary fibers from various plant sources. The yield and functional properties of extracted polysaccharides depend primarily on process operating conditions, such as temperature, extraction time, pH, and the nature of the solvents used [3,10,11].

Hot water extraction is one of the most commonly used methods and is often combined with chemical treatments to facilitate solubilization of cell wall components. However, the use of chemical solvents and high temperatures may lead to polysaccharide degradation and negative environmental impacts [4,11,12].

To improve fiber extractability, mechanical and enzymatic methods are often applied as pre-treatments, contributing to increased extraction yield by fragmenting the plant matrix and releasing cross-linked polysaccharides [5,6,11].

Types and Sources of Dietary Fibers

Soluble dietary fibers include pectin's, gums, and mucilage's, found in fruits, legumes, and whole grains, and are characterized by their ability to form viscous solutions and gels with beneficial effects on carbohydrate and lipid metabolism [3,4]. Insoluble dietary fibers, represented by cellulose, hemicellulose, and lignin, are mainly found in vegetables, cereal brans, and mature plant by-products and contribute to normal gastrointestinal function [3]. The origin of dietary fibers in fruits and vegetables lies in the cell walls of parenchyma cells, which at maturity contain both soluble and insoluble polysaccharides in variable proportions depending on species and degree of ripeness [1].

Chemical and Biological Extraction Methods

Chemical extraction methods, such as water extraction, acidic extraction, and alkaline extraction, are widely used due to their operational simplicity and low cost [3]. However, they may lead to fiber structure degradation, loss of functional fractions, and generation of residues with negative environmental impact [1,3].

In contrast, enzyme-assisted extraction uses specific enzymes (cellulases, hemicelluloses, pectinases) to selectively degrade the plant cell wall, facilitating fiber release under mild conditions and with reduced environmental impact [1,4]. Limitations of this method include enzyme cost, process duration, and the need for strict control of technological parameters [2].

Physical Methods and Emerging Technologies

Modern physical methods, such as microwave- and ultrasound-assisted extraction, have demonstrated high efficiency in increasing extraction yield and reducing processing time [5,6]. Microwaves induce volumetric heating of plant material, promoting compound diffusion, while ultrasounds act through acoustic cavitation, leading to cell wall disruption and fiber release [5].

Other emerging technologies include pulsed electric field (PEF)-assisted extraction, which induces membrane electroporation and facilitates mass transfer [7], as well as supercritical fluid extraction, mainly used for lipid fraction removal and fiber purification [6]. The combination of enzymatic methods with ultrasound or microwaves is considered a promising strategy for obtaining fibers with improved functional properties and reduced environmental impact [1,5].

Modification of Dietary Fibers through Processing Technologies

Extrusion and thermal treatments are used to modify the composition and functionality of dietary fibers, leading to an increase in soluble fiber content through partial solubilization of insoluble

fibers [3]. Consequently, functional properties such as water-holding capacity and solubility are improved, which are relevant for industrial applications [3,4].

Thermal treatments may promote fiber release from the cell wall structure and the conversion of protopectin into soluble pectin; however, severe conditions may lead to fiber degradation and loss of functionality [3].

Conclusions

The extraction and modification of dietary fibers from agro-food by-products represent a strategic research direction with major implications for the food industry and sustainable development. Conventional methods are complemented by emerging and combined technologies, enabling higher yields and fibers with improved functional properties while reducing environmental impact.

These technologies allow the production of concentrates with superior yields and functional properties, supporting the sustainable valorization of agro-food by-products and the development of functional ingredients for the food and nutraceutical industries. Emerging and hybrid technologies, including ultrasound, microwaves, pulsed electric fields, and supercritical fluid processing, offer significant advantages by enhancing extraction efficiency, preserving fiber functionality, and reducing processing intensity.

The integration of these technologies within the circular bioeconomy framework contributes to the efficient valorization of food waste and the development of high value-added functional ingredients. Future research should focus on process optimization, techno-economic assessment, and industrial-scale implementation, as well as on establishing clear links between processing conditions, fiber structure, and physiological functionality.

Bliografie:

1. Hussain, S.; Jõudu, I.; Bhat, R. Dietary Fiber from Underutilized Plant Resources—A Positive Approach for Valorization of Fruit and Vegetable Wastes. Sustainability 2020, 12, 5401. https://doi.org/10.3390/su12135401
2. Erșova, S.; Suhovici, D.; Cește, T.; Barbaroș, M.; Popescu, L.; Ghendov-Moșanu, A. Possibilities of Obtaining and Valorizing Dietary Fibers in the Context of the Circular Bioeconomy. Journal of Engineering Science 2024.
3. Gupta, K. Fermentative utilization of waste from food processing industry. In: Postharvest Technology of Fruits and Vegetables: Handling, Processing, Fermentation and Waste Management; Verma, L.R., Joshi, V.K., Eds.; Indus Publishing Company: New Delhi, India, 2000; Vol. 2, pp. 1171–1193.
4. Ben-Othman, S.; Jõudu, I.; Bhat, R. Bioactives from Agri-Food Wastes: Present Insights and Future Challenges. Molecules 2020, 25, 510. https://doi.org/10.3390/molecules25030510
5. Wang, L.; Xu, H.; Yuan, F.; Pan, Q.; Fan, R.; Gao, Y. Ultrasound-Assisted Extraction of Polysaccharides from Plants. Food Chemistry 2015, 172, 713–721. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2014.09.129
6. Chemat, F.; Rombaut, N.; Sicaire, A.G.; Meullemiestre, A.; Fabiano-Tixier, A.S.; Abert-Vian, M. Ultrasound Assisted Extraction of Food and Natural Products: Mechanisms, Techniques, Combinations, Protocols and Applications. Ultrasonics Sonochemistry 2017, 34, 540–560. https://doi.org/10.1016/j.ultsonch.2016.06.035
7. Aguiló-Aguayo, I.; Oms-Oliu, G.; Martín-Belloso, O.; Soliva-Fortuny, R. Impact of Pulsed Electric Fields on the Extraction of Bioactive Compounds from Plant-Based Foods. Trends in Food Science & Technology 2014, 37, 84–96. https://doi.org/10.1016/j.tifs.2014.03.010
8. Galanakis, C.M. Valorization of Fruit Processing By-Products for the Development of Functional Foods. Foods 2020, 9, 189. https://doi.org/10.3390/foods9020189

9. Kumar, K.; Yadav, A.N.; Kumar, V. Food Waste Valorization for Sustainable Food Systems. Sustainability 2023, 15, 9211. https://doi.org/10.3390/su15129211
10. Rocchetti, G.; Lucini, L. Dietary Fiber from Fruit By-Products: Chemical Composition and Functionality. Foods 2022, 11, 1134. https://doi.org/10.3390/foods11081134
11. Wang, S.; Xu, Q.; Zhang, Y. Limitations of Conventional Extraction Methods for Dietary Fibers. Processes 2020, 8, 1412. https://doi.org/10.3390/pr8111412
12. Chemat, F.; Abert-Vian, M.; Fabiano-Tixier, A.S. Green Extraction of Natural Compounds: Concept and Principles. Sustainability 2020, 12, 1746. https://doi.org/10.3390/su12051746
13. Zhao, X.; Chen, J.; Li, Y. Ultrasound-Assisted Extraction of Dietary Fiber from Fruit By-Products. Foods 2021, 10, 1805. https://doi.org/10.3390/foods10081805
14. Alupului, A.; Călinescu, I. Microwave-Assisted Extraction of Bioactive Compounds. Processes 2021, 9, 1210. https://doi.org/10.3390/pr9071210
15. Wang, L.; Weller, C.L. Recent Advances in Microwave-Assisted Extraction of Bioactive Compounds. Processes 2020, 8, 1478. https://doi.org/10.3390/pr8111478
16. Martínez-Abad, A.; Gómez-Guillén, M.C. Impact of Emerging Technologies on Dietary Fiber Structure and Functionality. Foods 2022, 11, 256. https://doi.org/10.3390/foods11030256

UDC 636.2.083:612.35

THE INFLUENCE OF THE LEVEL OF FETAL EMBRYOCONNECTION ON RUMINAL DIGESTION AND IMMUNITY AFTER BIRTH

Oleksandr Demidko
Postgraduate Student,
Sumy State Agrarian University,
Sumy, Ukraine.
orcid.org.:0000-0002-6433-315X
Email: kaf.akusherstvatahirurgii@ukr.net

Maria Kambur
Doctor of Veterinary Sciences, Professor,
Sumy State Agrarian University,
Sumy, Ukraine.
orcid.org/0000-0002-4864-5292
E.mail: kaf.anatomia@ukr.net
Zamazy Andriy
D. vet. sciences, professor,
Poltava State Agrarian University,
Poltava, Ukraine. "Poltava National Agrarian University"
Poltava, Ukrainian
orcid.org/0000-0003-3138-0424
E.mail: jwrum@rambler ru.

Abstract. A key condition for intensifying livestock production is ensuring herd turnover with highly productive animals. The solution to this important livestock problem lies in the organization of viable young animals and the creation of conditions for their proper rearing. This primarily concerns the development of rumen digestion processes. In dairy farming, various feeding schemes for replacement calves are used, taking into account the animals' needs for nutrients and biologically

active substances. However, most of the feeding schemes used for replacement calves do not take into account the physiological characteristics of feed consumption, metabolism, growth, and development of replacement calves during the transition from dairy to plant-based feeds, which does not always allow for the maximum utilization of the animals' genetic productivity potential. It is important to remember that calves from birth to 15-20 days of age are monogastric animals. The abomasum, the true stomach, the only compartment of the complex stomach, actively supports the digestive processes. The formation of a microbial community of microorganisms and protozoa in the rumen of ruminants has long been studied in isolated cases and was carried out by seeding the contents of the rumen onto nutrient media in Petri dishes.

These studies allowed us to examine the intensity of rumen colonization by anaerobic microflora, whose role is to ferment plant feed components. Available data indicate that calves are born with a sterile gastrointestinal tract. The rumen becomes colonized by microorganisms and bacteria quite rapidly. Given the fact that dairy cattle productivity is constantly increasing, the potential for maximizing it requires knowledge of the influence of various physiological factors of fetal growth and development on subsequent growth and development characteristics, the body's ability to utilize feed, and the formation of digestive processes. When considering prenatal and postnatal growth and development processes and their impact on the body's condition after birth, the processes of the embryonic connection between the fetus and the mother during intrauterine growth and development are of significant importance. Fetal growth and development are largely determined by a complex of dynamic reactions in the mother-placenta-fetus system. Changes in the mother's body and the formation of a functional connection between the fetus and the mother's body are aimed at maintaining homeostasis and enentiostasis of the mother's body, creating maximum conditions for the growth and development of the fetus.

It is believed that the main factors influencing fetal growth and development are the mother's health, the functional capacity of the placenta, and the health of the fetus. Pregnancy is most often complicated by placental insufficiency. It is believed that the functional activity of the placenta is a necessary and crucial condition for the full development of the fetus. Placental insufficiency is the main negative factor affecting fetal development. The mother, in turn, is also concerned with the fetus's health. It has been proven that the fetus is not passive, as was previously believed. During various periods of intrauterine development, the fetus emits numerous signals sent through various systems of its body. These signals are received by the corresponding systems of the mother and influence changes in the activity of many organs and functional systems of the mother. All this has allowed the development of a coherent theory about the existence of a multi-linked mother-fetus system during pregnancy. According to most scientists, the mother-fetus system is a combination of two independent organisms united by the common goal of ensuring the proper, physiological development of the fetus. Indeed, the end result of a physiologically healthy pregnancy is the birth of a healthy organism. Therefore, all bodily activity during pregnancy should be aimed at maximizing the normal development of the fetus and maintaining the necessary conditions for its physiological development [1, p. 211].

The primary link between the fetus and the mother is the placenta. However, this organ, which has both maternal and fetal origins, does not function as an independent system. Metabolic changes observed during pregnancy play a significant role in the physiological relationship between the mother and fetus. No metabolic function is unaffected to some extent during pregnancy. Changes in protein metabolism are characterized by the accumulation of proteins in the pregnant woman's body, which serve as the building blocks for fetal tissue and organs. Protein accumulation in the mother's body is primarily necessary for the growth and development of the uterus and mammary glands—organs that reach their greatest development during pregnancy. Pregnancy is accompanied by fat deposition in the hips, abdomen, and breast area. Increased concentrations of neutral fat and cholesterol are observed in the blood of pregnant women. Fetal blood contains 1-3 times less lipids than maternal blood. Fat accumulation in the bodies of both mother and fetus is necessary for the creation of energy reserves. Energy expenditure is particularly high during labor. Significant changes

also occur in carbohydrate metabolism. Carbohydrates (primarily in the form of glycogen) are deposited in increased quantities in the maternal and fetal livers, placenta, and uterus. Carbohydrates (primarily in the form of glucose) pass from the mother's body to the fetus. Glucose is essential for the fetus, primarily to support the processes of anaerobic glycolysis—a specific process of fetal survival.

Keywords: embryonic connection, fetus, rumen, immunity, growth, development.

It has been established that the specific metabolic conditions during pregnancy are reflected in the acid-base balance of maternal and fetal blood. A mild to moderate metabolic acidosis is observed in pregnant women. In fetal blood, the acidosis is more pronounced. It is caused by both the maternal metabolic acidosis and the predominance of anaerobic glycolysis, with the release of increased amounts of underoxidized products, primarily from carbohydrate metabolism. Fetal acidosis is metabolic in nature, with fluctuations in pH. Physiological metabolic acidosis does not indicate fetal pathology and does not lead to intrauterine hypoxia. Therefore, this condition, caused by the specific metabolic conditions, should be considered physiological [2, p. 267]. When the fetus's oxygen supply is disrupted, physiological metabolic acidosis can become pathological, leading to intrauterine hypoxia, fetal malnutrition, and inadequate fetal development. Therefore, determining the level of fetoplacental connection between the mother and fetus allows us to assess the conditions of its growth and development, its functional activity, and the body's ability to adapt to new conditions after birth and to create conditions for nutrient supply. Importantly, the development and functional activity of organs after birth and their dependence on the level of embryonic connection between the fetus and the mother, particularly the digestive system, are identified. The importance of this issue is reflected in the development of the rumen digestive system and immunity.

We found that calves born with a low level of embryonic attachment to their mother's body experience slower postnatal growth and development than functionally active calves. By the time digestive function stabilized, rumen fermentation levels varied according to the level of embryonic attachment. The rumen microbiome was significantly larger in animals with a high level of embryonic attachment. The number of microbiome representatives in the rumen of calves in the third group ranged from 5434 ± 22.0 to 5920 ± 24.0 million/mL. It was significantly higher only in calves in the second group, by 1.64-1.70 times ($p < 0.01$).

Calves with a high level of embryonic growth demonstrated more intensive rumen digestion and more active metabolism. Ketone bodies in the blood of 180-day-old animals before and after feeding were not significantly higher (groups two and three). After feeding, total lipids in animals of the third group were 1.29 times ($p<0.01$) higher. Lactate levels in the blood of calves of the second and third groups were 1.17 to 1.19 times ($p<0.05$) higher before feeding. Acetic acid levels were 1.28 to 1.44 times higher in the blood of animals of the first group ($p<0.01$). Calves with low embryonic growth had 1.42-1.50 and 1.64-2.18 times less propionic acid in the blood before and after feeding than animals of the second and third groups ($p<0.01$-$p<0.001$). The ketogenicity coefficient was 2.14-2.13 times higher in calves of the first group compared to animals of the second group ($p<0.001$). It was 1.94-2.22 times lower in animals of this group ($p<0.001$).

In 6-month-old calves with low embryonic development, hematopoiesis remains at a low level and does not reach physiological levels. This is evidenced by the white blood cell count. Calves with a low level of connection with the mother's body retained significantly more leukocytes, 1.11-1.19 times, (group 1 animals compared to groups 2 and 3 ($p < 0.05$). Protein metabolism in group 1 animals continued to be lower by 1.09-1.12 times than in groups 2 and 3 ($p < 0.05$), and immunoglobulins were 1.27-1.34 times lower ($p < 0.01$). γ-globulin content, and consequently a high level of protection for the body, was higher in groups 2 and 3, 1.21-1.34 times higher ($p < 0.05$).

Bibliographia:
1. Holtshausen L., Cruywagen C. (2017) The effect of dietary rumen-degradable protein content on veal calf performance. South African Journal of Animal Science, vol. 30. No. 3. P. 204–211.
2. Priante, E., Verlato, G., Giordano, G., Stocchero, M., Visentin, S., Mardegan, V., &Baraldi, E. (2019). Intrauterine Growth Restriction: New Insight from the Metabolomic Approach. Metabolites. 9 (11):267. doi: 10.3390/metabo9110267.

UDC 636.0:612.64:612.017

FORMATION OF RESISTANCE FACTORS OF THE ORGANISM OF CALVES IN CRITICAL PERIODS OF GROWTH AND DEVELOPMENT IN THE CASE OF DISRUPTION OF THE RESPIRATORY PROCESS.

Kolenchenko V.A.
Postgraduate student,
Sumy National agrarian University.
Sumy, Ukraine
orcid.org/0009-00085-3472-9259
E.mail: kaf.anatomia@ukr.net
Kambur Maria
Doctor of Vet. Sciences, Professor,
Sumy National Agrarian University,
Sumy, Ukrainian
orcid.org/0000-0002-4864-5292
E.mail: kaf.anatomia@ukr.net
Zamaziy Andriy
Dr. Vet. Sciences, Professor,
Poltava State Agrarian University,
Poltava, Ukraine.
orcid.org/0000-0003-3138-0424
E.mail: jwrum@rambler ru.

Abstract. Food production and provision of the population with food is impossible without the intensive development of the livestock industry. The effectiveness of this industry largely depends on the ability to obtain viable young animals. This problem largely depends on the conditions. Intrauterine development of the fetus, the formation of a new organism with a high level of resistance after birth. Currently, considerable attention is paid to the study of the mechanisms of natural resistance and immune defense of the body, studying their role in the organism's ability to adapt to new conditions of existence after birth. It is necessary to take into account the presence of critical periods in the process of animal growth and development under production conditions. A critical period, a period of dominance, retardation, and stabilization are distinguished.

It has been established that the most critical period of growth and development of an animal organism is the first month of life after birth. During this period, the organism goes through 4 [1, p. 8] critical periods of growth and development. This critical period includes the rebuilding period; imprinting period; Depression, stress reaction; immunodeficiency. Rebirth – a period lasting several hours after birth. During this period, the functions of most body systems are under stress due to the emergence of new living conditions. The critical condition is caused by overstrain of the gastrointestinal tract and thermoreceptors.

During this period, timely colostrum feeding and temperature regulation are important. The imprinting period is characterized by increased exposure to environmental factors on the central

nervous system during the first 5-6 days after birth. During this period, the foundations of long-term memory are formed, which causes CNS strain. During this period, animals must be protected from stresses arising during their regrouping process. The immunodeficiency period [2, p. 4] is associated with decreased immunoglobulin levels in milk and the lack of proper immune system function.

Therefore, our goal was to study the development of resistance in functionally active calves and calves born with respiratory impairment and to implement appropriate correction.

Keywords: period, critical, resistance, factor, calves, indices.

The study results indicate a disruption in the formation of resistance factors if the calves were asphyxiated at birth and had adequate or inadequate spontaneous respiration.

The phagocytic activity of blood leukocytes in functionally active calves decreased insignificantly from birth to the immunodeficient period and gradually increased toward the stabilization period. The phagocytic activity in calves from the first group reached 85.46±3.98%. The phagocytic count followed the dynamics of leukocyte phagocytic activity. It decreased toward the second study and increased toward the stabilization period by 1.49 times compared to the phagocytic activity after birth ($p<0.01$). In functionally active calves, the nuclear index decreases by 1.33 times before the immunodeficiency period and gradually increases by 1.70 times ($p < 0.01$) before the stabilization period. The resistance index of the animal's body increases by 2.73 times from birth to the stabilization period ($p < 0.001$).

The percentage of activated leukocytes increases from birth to the immunodeficiency period by 1.53 times ($p < 0.01$). In the subsequent period, the increase was 47.78 ± 1.92%. The number of activated leukocytes increased by 1.90 times ($p < 0.001$) over the study period. The microbial count decreased insignificantly before the immunodeficiency period, by 1.08 times, and increased by 1.87 times by the stabilization period ($p < 0.001$).

In the second group of calves born in a state of asphyxia, the leukocyte activity index was significantly lower than in functionally active calves. Leukocyte phagocytic activity remained virtually unchanged until the end of the immunodeficiency period. Only at the end of the second month of life did leukocyte phagocytic activity begin to increase. However, the increase was insignificant: by 1.08, 1.04, and 1.06 times. Overall, by the stabilization period, leukocyte phagocytic activity in the blood of calves in the second group increased by 1.20 times ($p < 0.05$). The phagocytic index was lowest after birth, at -5.29 ± 0.28, and was significantly higher by the stabilization period. The nuclear index was most significant in calves after birth. It decreased by 1.89 times ($p < 0.01$) until the end of the immunodeficiency period. In the following two periods, the nuclear index continued to decrease and increased only by the stabilization period, reaching 1.27 times compared to the value in the third animal study ($p < 0.01$).

The dynamics of resistance indicators in calves born with spontaneous, inadequate respiration differed significantly from those in calves born asphyxiated. The leukocyte FA in calves decreased from birth to the immunodeficiency period. During the dominance period, FA increased by 1.11 times and remained at this level during the retardation period. NF increased by 1.13 times from birth to the immunodeficiency period and by 1.17 times during the dominance period.

By the end of the retardation period, it did not change. During the stabilization period, this indicator was found to be 1.33 times ($p<0.01$) higher. The nuclear blood index of calves of the third group decreased from birth to the retardation period by 2.07 times ($p<0.001$) and increased by 1.34 times ($p<0.05$) to the stabilization period. The resistance index from birth to the immunodeficiency period in animals of the third group decreased by 2.16 times ($p<0.001$) and continued to decrease until the retardation period, with an increase in the stabilization period by 2.45 times ($p<0.05$). The percentage of activated lymphocytes significantly decreases from birth to the immunodeficiency period by 1.30 times, with a slight increase in subsequent periods. And during the stabilization period, it increases compared to the previous period by 1.52 times ($p<0.01$). CAF repeats the dynamics of the VAL indicator and affects the microbial number. The leukocyte intoxication index increases in the immunodeficiency period by 1.44 times ($p<0.01$) and decreases to the dominance period by 1.38

times and to the retardation period by 1.28 times ($p<0.05$). It was established that it increased in the stabilization period by 1.28 times, ($p<0.05$,

In calves of the fourth group, the FA of leukocytes decreased from birth to the immunodeficiency period (Table 3.4.7). In the following periods of the calves' life, the FA of leukocytes increased and on average amounted to 79.80±3.68%. The PF indicator practically did not change until the immunodeficiency period. From the period of dominance, it increased consistently until the stabilization period. PF and ISF did not have significant changes until the end of the dominance period. The nuclear index in calves of the fourth group decreased until the immunodeficiency period by 1.76 times. ($p<0.01$). It increased until the period of dominance by 1.29 times and decreased during the retardation period by 1.15 times ($p<0.05$). The resistance index decreased from the period of birth of animals to the retardation period and increased until the stabilization period by 1.62 times ($p<0.01$).

The nuclear index in calves of the fourth group was accompanied by a decrease of 1.76 times before the immunodeficiency period. ($p<0.01$). It increased by 1.29 times during the period of dominance and decreased by 1.15 times during the period of retardation ($p<0.05$). The resistance index also decreased by the period of retardation from birth and increased by 1.62 times before the last study during the period of stabilization ($p<0.01$).

The percentage of activated leukocytes significantly increased from the immunodeficiency period to the dominance period, by 2.13 times ($p<0.001$). However, by the period of retardation of activated leukocytes decreased by 2.05 times ($p<0.001$) and by the period of stabilization it was 1.51 times more than the indicator of the previous period ($p<0.01$). The number of activated leukocytes repeated the dynamics of the percentage of activated leukocytes, which was accompanied by an increase in the number of microbes in the period of dominance and in the period of stabilization.

Bibliography:

1. Kambur M. D,. Zamaziy A. A., Kolenchenko V. A., Demydko O. S., Livoshchenko E. M. (2023).. Hemostasis of cows and resistance of the calf organism under hypoxia. Scientific Horizons, 26(9), 9-20. https://doi.org/10.48077/scihor9.2023.09.

2. Hamada, H., & Matthews, S. G. (2019). Prenatal programming of stress responsiveness and behaviors: Progress and perspectives. Journal Neuroendocrinology, 31(3). doi: 10.1111/jne.12674.

CZU: 634.7

CAPACITATEA DE RAMIFICARE A COACAZULUI NEGRU LA DIFERITE DISTANȚE DE PLANTARE

Bulgac Natalia
Doctorandă Universitatea Tehnică a Moldovei
IP Institutul Național de Cercetări Aplicative
în Agricultură și Medicină Veterinară
mun. Chișinău, Republica Moldova
e-mail: bulgacnatalia@gmail.com
orcid id: 0009-0008-4089-9803
Sava Parascovia
Doctor habilitat în științe agricole, conferențiar cercetător
IP Institutul Național de Cercetări Aplicative
în Agricultură și Medicină Veterinară
mun. Chișinău, Republica Moldova
e-mail: psava2110@gmail.com
orcid id: 0000-0001-7902-1039

Rezumat. În articol sunt prezentate rezultatele cercetărilor efectuate în anul 2025 pe o plantație de coacăz negru din satul Todirești, raionul Ungheni. Au fost studiați indicatori precum lungimea medie și numărul creșterilor anuale la soiurile de coacăz negru: Titania, Tisel și Tiben. Experimentul a fost realizat la diferite scheme de plantare: într-un rând – 3,0 × 0,7 m; 3,0 × 0,8 m; 3,0 × 0,9 m și 3,0 × 1,5 m; precum și în zig-zag (cu două rânduri) – (2,80 – 0,20) × 0,7 m; (2,80 – 0,20) × 0,8 m și (2,80 – 0,20) × 0,9 m. În urma cercetărilor s-a constatat că cea mai mare lungime a creșterilor anuale a fost înregistrată la schemele combinate (2,80 – 0,20) × 0,70 m și (2,80 – 0,20) × 0,80 m, iar numărul maxim de lăstari anuali a fost observat la soiul Titania la schema de plantare (2,80 – 0,20) × 0,90 m. Particularitățile de soi au influențat semnificativ reacția plantelor la schemele de plantare. Datele obținute permit recomandarea schemelor combinate de amplasare a plantelor pentru sporirea productivității și optimizarea capacităţii de ramificăre a tufelor de coacăz negru.
Cuvinte-cheie: coacăz negru, soiuri, ramificare, creşteri anuale, lungimea şi numărul creşterilor anuale, scheme de plantare.

Abstract. The article presents the results of studies conducted in 2025 on a black currant plantation located in the village of Todirești, Ungheni District. The study investigated such parameters as the average length of annual shoots and the number of annual shoots in black currant cultivars *Titania*, *Tisel*, and *Tiben*. The experiment was carried out using different planting schemes: linear arrangements of 3.0 × 0.7 m, 3.0 × 0.8 m, 3.0 × 0.9 m, and 3.0 × 1.5 m, as well as zig-zag arrangements (with two lines) of (2.80–0.20) × 0.7 m, (2.80–0.20) × 0.8 m, and (2.80–0.20) × 0.9 m. The results showed that the greatest length of annual shoots was observed under the combined planting schemes (2.80–0.20) × 0.70 m and (2.80–0.20) × 0.80 m, while the maximum number of annual shoots was recorded in the cultivar *Titania* under the planting scheme (2.80–0.20) × 0.90 m. Cultivar-specific characteristics had a significant influence on plant responses to planting schemes. The obtained data make it possible to recommend combined planting schemes to increase productivity and optimize bush branching in black currant.
Keywords: black currant, varieties, branching, annual shoots, length and number of annual shoots, planting schemes.

Introducere

Coacăzul negru este una dintre principalele culturi bacifere ale zonei cu climat temperat și este cultivat pe scară largă datorită valorii nutritive și biologice ridicate a fructelor, precum și datorită plasticității sale relative față de condițiile de cultivare. Productivitatea și longevitatea plantațiilor de

coacăz negru sunt determinate în mare măsură de structura morfologică a tufei, în special de caracterul ramificării și de intensitatea formării lăstarilor anuali, pe care se formează recolta principal [1, p.2-4]

Ramificarea tufei reprezintă un indicator integrator al creșterii și dezvoltării plantei, reflectând reacția acesteia la condițiile mediului extern și la elementele de agrotehnică. Numărul, lungimea și dispunerea spațială a lăstarilor influențează gradul de iluminare a coroanei, activitatea fotosintetică a frunzelor și eficiența utilizării elementelor de nutriție minerală. Conform mai multor studii, particularitățile formării lăstarilor determină în mare măsură nivelul de productivitate și calitatea fructelor la coacăzul negru [2, p.3-5].

Unul dintre factorii-cheie care influențează formarea ramificării tufelor este densitatea de plantare, exprimată prin distanțele dintre plante pe rând și dintre rânduri. Modificarea schemei de plantare determină schimbări ale condițiilor de iluminare, ale regimului hidric și nutritiv, precum și intensifică sau diminuează competiția dintre plante, ceea ce se reflectă direct asupra intensității creșterii lăstarilor laterali și asupra numărului de creșteri anuale [3, p.211-213].

Conform recomandărilor agrotehnice, distanțele optime dintre tufele de coacăz negru variază în funcție de soi și de condițiile de cultivare, însă majoritatea ghidurilor sunt orientate în principal către indicatorii de productivitate și mecanizarea lucrărilor de întreținere, acordând o atenție mai redusă particularităților morfologice ale tufelor, în special ramificării [4, p.12-15].

În același timp, datele experimentale arată că, în cazul plantațiilor îndesite, se constată reducerea lungimii lăstarilor și inhibarea ramificării laterale, în timp ce schemele excesiv de rare pot conduce la utilizarea ineficientă a suprafeței de nutriție [5, p.85–87].

Cercetările contemporane dedicate creșterii și dezvoltării coacăzului negru abordează în principal aspecte legate de înmulțire, fiziologia creșterii lăstarilor și reacțiile adaptive ale plantelor, însă influența distanțelor dintre plante asupra formării ramificării rămâne insuficient studiată, în special din perspectiva comparativă între soiuri [6, p. 31–33; 7, p. 79–81].

În acest context, scopul prezentului studiu a constat în investigarea influenței diferitelor distanțe dintre plante asupra indicatorilor de ramificare ai coacăzului negru.

Studierea ramificării coacăzului negru la diferite distanțe de plantare reprezintă o problemă științifico-practică actuală, cu importanță majoră pentru optimizarea tehnologiilor de cultivare a culturii, creșterea productivității și sporirea stabilității acesteia în condițiile pomiculturii intensive.

Materiale şi metode

Studiul dezvoltării plantelor de coacăz negru a fost realizat în anul 2025 într-o plantație experimentală situată în partea centrală a Republicii Moldova, în raionul Ungheni, satul Todireşti. Obiectele cercetării au fost soiurile: Titania (martor), Tiben și Tisel. Soiurile au fost plantate în diferite variante: într-un singur rând, conform schemelor de plantare 3,0 × 0,7 m; 3,0 × 0,8 m; 3,0 × 0,9 m și 3,0 × 1,5 m; precum și în zig-zag, cu două rânduri, plantate după schemele (2,80 – 0,2) × 0,7 m; (2,80 – 0,2) × 0,8 m și (2,80 – 0,2) × 0,9 m. Pentru determinarea lungimii medii a creșterilor anuale și a numărului de creșteri anuale, în fiecare variantă au fost selectate câte trei plante crescute alăturat. Toate măsurătorile au fost efectuate la sfârșitul perioadei de vegetație (fIg.1).

Fig. 1. Măsurări biometrice a plantelor de coacăz negru

Lungimea creșterilor anuale a fost determinată prin metoda măsurătorilor directe, iar numărul de creşteri anuale – prin numărarea lor la o tufa (fig.2).

Fig. 2. Plantele pentru evidența indicatorilor biometrici
sunt marcate cu bandă colorată

Datele obținute au fost prelucrate prin metode de statistică variațională, cu calcularea valorilor medii ale indicatorilor analizați. Rezultatele cercetărilor sunt prezentate sub formă tabelară.

Rezultate şi discuţii

Cercetările efectuate au demonstrat că indicatorii capacitţii de ramificare a coacăzului negru depind în mod semnificativ atât de soi, cât şi de schema de plantare, iar rezultatele obţinute sunt incluse în tabelul 1.

Tabelul 1

Lungimea medie a creşterilor anuale a unor soiuri de coacăz negru
la diferite distanţe de plantare, anul 2025, cm

Distanţa de plantare	Titania	Tiben	Tisel	Media
3,00 x 0,70 m	8,52	11,53	8,60	9,55
3,00 x 0,80 m	10,35	10,53	6,58	9,15
3,00 x 0,90 m	7,77	7,81	9,60	8,39
2,80 x 0,20 x 0,70 m	7,85	14,58	8,89	10,44
2,80 x 0,20 x 0,80 m	9,2	9,38	13,75	10,78
2,80 x 0,20 x 0,90 m	9,14	8,10	10,78	9,34

Conform datelor incluse în tabelul 1 cea mai mare lungime a creșterilor anuale a fost înregistrată la soiul **Tiben** (11,53 cm) la schema de plantare 3,00 × 0,70 m, în timp ce la soiurile **Titania** și **Tisel** acest indicator a fost mai redus, constituind 8,52 și respectiv 8,60 cm. Valoarea medie pentru toate soiurile studiate a fost de 9,55 cm.

Majorarea distanței dintre plante până la 3,00 × 0,80 m a favorizat mărirea lungimii creșterilor anuale la soiul **Titania** (10,35 cm), însă la soiul **Tisel** s-a constatat o diminuare pronunțată a indicatorului (6,58 cm), ceea ce a condus la scăderea valorii medii până la 9,15 cm.

În schema 3,00 × 0,90 m, lungimea creșterilor anuale a scăzut în general (media – 8,39 cm), cu excepția soiului **Tisel**, la care s-a înregistrat o creștere până la 9,60 cm.

Soiul **Titania** s-a caracterizat prin creșteri anuale mai stabile, lungimea maximă fiind de 10,35 cm în schema 3,00 × 0,80 m.

Soiul **Tisel** a manifestat o reacție moderată la modificarea distanțelor dintre plante, cea mai mare lungime a lăstarilor fiind de 13,75 cm la schema de plantare (2,80–0,20) × 0,80 m.

În schemele de plantare (2,80–0,20) × 0,70 m și (2,80–0,20) × 0,80 m s-a observat o creștere medie mai ridicată a lăstarilor, până la 10,44 și respectiv 10,78 cm.

O creștere deosebit de intensă a lăstarilor a fost remarcată la soiul **Tiben**, unde valoarea maximă a atins 14,58 cm la schema (2,80–0,20) × 0,70 m. Soiul **Tisel** a înregistrat, de asemenea, valori ridicate – 13,75 cm la schema (2,80–0,20) × 0,80 m.

Efectuarea determinării numărului mediu de creşteri anuale a soiurilor de coacăz negru studiate a permis să obţinem reyultate care au fost incluse în tabelul 2.

Analiza datelor din tabelul 2 a evidențiat că numărul de creșteri anuale depinde, de asemenea, de schema de plantare și de particularităţile soiului, însă reacția plantelor la modificarea distanțelor dintre acestea este mai diferențiată.

Cel mai mare număr de creșteri anuale a fost înregistrat la soiul **Titania** (10,33 buc.) la schema de plantare 3,00 × 0,70 m, în timp ce la soiurile **Tiben** și **Tisel** acest indicator a fost semnificativ mai redus, cu valorile de 7,00 și respectiv 5,00 buc. Valoarea medie a creşterilor anuale pentru toate soiurile a constituit 7,44 buc.

Odată cu mărirea distanței de plantare până la 3,00 × 0,80 m, s-a observat o scădere generală a numărului de creșteri anuale până la 6,01 buc., iar la schema de 3,00 × 0,90 m – o diminuare a activității de formare a lăstarilor anuali până la 5,44 buc., în special la soiul **Titania**, unde valorile stabilite au fost de 5,33 și respectiv 3,33 buc.

Schema (2,80–0,20) × 0,70 m s-a dovedit a fi cea mai favorabilă pentru formarea unui număr mare de creșteri anuale, valoarea medie atingând 8,93 buc., toate soiurile demonstrând rezultate relativ ridicate. Rezultate deosebit de echilibrate au fost înregistrate la soiurile **Tiben** și **Tisel** (8,60 și respectiv 9,20 buc.).

Tabelul 2

Numărul mediu de creşteri anuale a unor soiuri de coacăz negru
la diferite distanţe de plantare, anul 2025, buc.

Distanţa de plantare	Titania	Tiben	Tisel	Media
3,00 x 0,70 m	10,33	7,00	5,00	7,44
3,00 x 0,80 m	5,33	8,20	4,50	6,01
3,00 x 0,90 m	3,33	8,00	5,00	5,44
2,80 x 0,20 x 0,70 m	9,00	8,60	9,20	8,93
2,80 x 0,20 x 0,80 m	5,00	9,00	3,50	5,83
2,80 x 0,20 x 0,90 m	12,66	8,40	5,00	8,69

Valorile maxime a numărului de creșteri anuale a fost consemnat la soiul **Titania** (12,66 buc.) la schema de plantare (2,80–0,20) × 0,90 m, însă la soiul **Tisel,** în aceleași condiții de plantare, numărul de creșteri anuale a rămas relativ scăzut (5,00 buc.), fapt ce evidențiază diferențele varietale la reacția condițiilor de cultivare.

Concluzii

Rezultatele experimentului confirmă faptul că schema de plantare reprezintă un factor-cheie în determinarea dezvoltării morfologice şi capacităţii de fructificare a tufelor de coacăz negru, iar alegerea soiului trebuie luată în considerare la planificarea plantațiilor intensive.

Conform datelor obținute s-a constatat că:

- lungimea și numărul creșterilor anuale la coacăzul negru depind semnificativ de schema de plantare și de particularitățile de soi ale plantelor;
- condiții mai favorabile pentru creștere au fost înregistrate la schemele de plantare (2,80–0,20) × 0,70 m și (2,80–0,20) × 0,80 m, unde valorile medii ale lungimii creșterilor anuale au constituit 10,44 și respectiv 10,78 cm;
- soiul **Tiben** s-a caracterizat prin cea mai mare intensitate a creșterii liniare a lăstarilor, atingând valoarea maximă a lungimii creșterilor anuale (14,58 cm) la schema de plantare (2,80–0,20) × 0,70 m, în timp ce soiul **Tisel** a manifestat o reacție mai stabilă, dar mai puțin pronunțată la modificarea schemelor de amplasare a plantelor;
- cel mai mare număr mediu de creșteri anuale s-a format la schema de plantare (2,80–0,20) × 0,70 m – 8,93 buc., ceea ce indică o corelație optimă între suprafața de nutriție și capacitatea de formare a lăstarilor anuali;
- valoarea maximă a numărului de creșteri anuale a fost înregistrat la soiul **Titania** la schema de plantare (2,80–0,20) × 0,90 m – 12,66 buc., fapt ce demonstrează adaptabilitatea ridicată a acestui soi în condițiile de plantare mai rară;
- cea mai favorabilă combinație între lungimea și numărul creșterilor anuale a fost observată la schemele de plantare în zig-zag (2,80–0,20) × 0,70 m şi liniar (2,80–0,20) × 0,80 m, acestea putând fi considerate perspective pentru cultivarea coacăzului negru în condițiile studiului realizat.

Bibliografie:

1. B. Djordjević *et al.*, “Does Shoot Age Influence Biological and Chemical Properties in Black Currant (Ribes nigrum L.) Cultivars?,” *Plants (Basel)*, vol. 11, no. 7, pp. 866, 2–7, Mar. 2022, doi: 10.3390/plants11070866.
2. E. T. Wolske, B. E. Branham, and K. J. Wolz, “Growth and Productivity of ‘Consort’ Black Currant Grown under Varying Levels of Artificial Shade,” pp. 56, 3–7, Jan. 2021, doi: 10.21273/HORTSCI15115-20.

3. T. Toldam-Andersen, and P. Hansen, “growth and development in black currants (ribes nigrum). I. Effects of light and leaf-shoot removals on growth distribution and fruit drop,” in *ishs*, pp. 237–246. Accessed:Jan.26,2026.Available:https://ishs.org/ishs-article/352_34/?utm_source =chatgpt.com
4. B. Davison and E. Wolske, “info@savannainstitute.org www.savannainstitute.org”.
5. А. С. Клинов, А. Н. Марковская, and С. В. Залесов, “Размножение смородины чёрной (Ribus nigrum L.) зелеными черенками в условиях Среднего Урала,” *Propagation of blackcurrant (Ribus nigrum L.) green cuttings in the conditions of the Middle Ural*, vol. 4, no. 91, pp. 80–93, 2024, doi: 10.51318/FRET.2024.91.4.009.
6. Т. М. Хромова, Л. В. Ташматова, and О. В. Мацнева, “ПРИМЕНЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ РОСТА ПРИ КЛОНАЛЬНОМ МИКРОРАЗМНОЖЕНИИ СМОРОДИНЫ ЧЕРНОЙ (RIBES NIGRUM L.),” *Вестник российской сельскохозяйственной науки*, no. 1, pp. 30–34, Apr. 2024, doi: 10.31857/S2500208224010071.
7. А. С. Клинов, А. Н. Марковская, A. S. Klinov, and A. N. Markovskaya, “Эффективность размножения сортов смородины черной (Ribes nigrum L.) одревесневшими черенками для обогащения подлеска,” *The efficiency of propagation of currant varieties black (Ribes nigrum L.) lignifi ed cuttings for enriching the undergrowth*, vol. 2, no. 93, pp. 78–87, 2025, doi: 10.51318/FRET.2025.93.2.009.

Notă: Cercetările au fost efectuate în cadrul Programului Instituțional 200101 „Crearea soiurilor și clonelor pomicole, viticole și legumicole, perfecționarea procedeelor agrotehnice de cultivare și elaborarea tehnologiilor de producere a vinurilor din soiuri de struguri locale și produselor alimentare de ultima generație.” pe anii 2024-2027, finanţate de (ANCD şi MAIA).

CZU 637.146:579.864:663.9

INFLUENȚA CULTURILOR BACTERIENE AUTOHTONE ASUPRA CALITĂȚII IAURTURILOR DIN LAPTE DE CAPRĂ ȘI LAPTE DE VACĂ

Barbaroș Maria-Marcela
doctoranda, IP INCAAMV,
Chisinau, Republica Moldova
e-mail: barbarosmarcela@gmail.com
orchid: 0000-0002-4339-5589
Cartasev Anatoli
PhD in biology,
IP INCAAMV,
Chisinau, Republica Moldova
e-mail: anatolicartasev@gmail.com
orchid id: 0000-0002-3592-3919
Liudmila Necrîlova
Cercetător științific superior,
IP Institutul Național de Cercetări Aplicative în Agricultură și Medicină Veterinară, Chișinău, RM
e-mail: necc_liudmila@yahoo.com
orchid id: 0000-0002-3206-9251

Abstract. Fermented dairy products represent an important category of functional foods due to their nutritional value and beneficial effects on human health. In the present study, the organoleptic and

microbiological characteristics of yogurts obtained from goat milk and cow milk were evaluated using autochthonous bacterial cultures developed and tested under laboratory conditions. The results demonstrated that these cultures ensure efficient milk fermentation and allow the production of products with sensory and microbiological properties compliant with current quality standards.
Cuvinte-cheie: yogurt, goat milk, bacterial cultures, organoleptic evaluation, fermented dairy products

Introducere

În ultimii ani, produsele lactate fermentate au căpătat o importanță tot mai mare în alimentația populației, datorită proprietăților lor dietetico-curative și rolului benefic asupra sănătății umane. Iaurtul, în special, reprezintă un aliment complex, bogat în proteine de înaltă valoare biologică, vitamine și minerale, care contribuie la menținerea echilibrului microflorei intestinale, la îmbunătățirea digestiei și la creșterea biodisponibilității nutrienților esențiali precum calciul și vitaminele B [1,2].

Conform Reglementării Tehnice „Lapte și produsele lactate”, iaurtul este definit ca produs lactat obținut prin fermentarea laptelui cu culturi starter de *Streptococcus thermophilus* și *Lactobacillus delbrueckii* subsp. *bulgaricus* [3, 9]. În acest context, utilizarea culturilor bacteriene autohtone constituie o direcție actuală de cercetare, cu impact asupra calității, autenticității și valorificării resurselor microbiologice locale.

Totuși, culturile comerciale standardizate pot reduce diversitatea microbiană și autenticitatea organoleptică a produsului final. În acest sens, utilizarea culturilor autohtone poate contribui la menținerea caracteristicilor locale ale produselor lactate și la creșterea valorii lor funcționale [4,5].

Studiile recente arată că microflora autohtonă are un potențial crescut de adaptare la condițiile locale și poate influența pozitiv proprietățile organoleptice și microbiologice ale iaurturilor, inclusiv prin creșterea activității probiotice și stabilității produsului [6, 7]. Prin urmare, investigarea influenței culturilor bacteriene autohtone asupra calității iaurturilor din lapte de capră și lapte de vacă este relevantă atât pentru optimizarea proceselor de fermentație, cât și pentru dezvoltarea tehnologiilor locale de producere a iaurturilor cu valoare adăugată.

Materiale și metode

Pentru realizarea studiului au fost utilizate lapte de capră cu un conținut de grăsime de 4,1% și lapte de vacă cu un conținut de grăsime de 3,6%, lapte degresat și culturi starter bacteriene autohtone, reactivate pe lapte degresat. Laptele a fost analizat din punct de vedere al acidității titrabile și al conținutului de grăsime.

Normalizarea laptelui

Normalizarea laptelui s-a realizat în funcție de sortimentul de iaurt obținut. Calculul fracției masice de grăsime în laptele normalizat a fost efectuat conform relației:

$$GLN = (Gp \times 100) / (100 - a)$$

unde GLN reprezintă fracția masică de grăsime în laptele normalizat (%), Gp – fracția masică de grăsime a laptelui (%), iar a – norma de introducere a culturilor bacteriene (%).

Elaborarea rețetelor de iaurt

Au fost elaborate rețete pentru iaurt clasic (2,5% grăsime), iaurt degresat (0,1%) și iaurt cu conținut sporit de grăsime. Rețetele de producere a iaurturilor din lapte de capră și lapte de vacă pentru diferite sortimente: clasic (2,5% grăsime), degresat (0,1%) și cu conținut sporit de grăsime (3,0–3,2%). Se observă că, în funcție de tipul de lapte, s-au ajustat proporțiile de lapte integral și degresat, precum și cantitatea de cultură starter autohtonă reactivată, pentru a asigura omogenitatea și consistența finală a produsului sunt prezentate în Tabelele 1 și 2.

Tabelul 1. Rețete de producere a sortimentului de iaurt (pentru 100 kg de produs finit fără evidența pierderilor).

Nr.	Materie primă	Iaurt 2,5% de grăsime	Iaurt degresat	Iaurt 3,0% de grăsime
1	Lapte de capră 4,1% de grăsime	68, 34	-	75,14
2	Lapte degresat	24,0	93,4	17,2
3	Cultura starter reactivată pe lapte degresat	5,0	5,0	5,0
	TOTAL	100	100	100

Tabelul 2. Rețete de producere a sortimentului de iaurt (pentru 100 kg de produs finit fără evidența pierderilor).

Nr.	Materie primă	Iaurt 2,5% de grăsime	Iaurt degresat	Iaurt 3,2% de grăsime
1	Lapte de vacă 3,6% de grăsime	33,9	-	82,5,5
2	Lapte degresat	70,1	93,4	12,5
3	Cultura starter reactivată pe lapte degresat	5,0	5,0	5,0
	TOTAL	100	100	100

Rezultate și discuții

Caracteristicile culturilor bacteriene autohtone, rezultatele obținute pentru culturile bacteriene asociate între specii sunt prezentate în Tabelele 3 și 4.

Tabelul 3. Caracteristicile mostrelor culturilor bacteriene autohtone asociate între specii

Denumirea indicilor	**M1**	**M2**	**Cerințe normative**
Cultura mixtă inoculată	CNMN-LB-25 (*S. thermophilus*) + CNMN-LB-44 (*Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus*)	CNMN-LB-29 (*S. thermophilus)* + CNMN-LB-45 (*Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus*)	Coci, bacili separaţi şi asociaţi în lanţuri de diferite lungimi coraport
Aspect şi consistenţă	Omogenă, cremoasă, moderat filantă.	Omogenă, moderat vîscoasă, moderat filantă	Omogenă, moderat vîscoasă, posibil moderat filantă
Gust şi miros	De lapte fermentat, fără gust sau miros străin	De lapte fermentat, fără gust şi miros străin, moderat înţepător	De lapte fermentat, fără gust şi miros străin, posibil moderat înţepător
Aciditatea titrabilă, °T	98	110	75-140
Bacterii lactice, UFC/1ml	7×10^8	7×10^8	min 1×10^7

Tabelul 4. Caracteristicile mostrelor culturilor bacteriene autohtone asociate între specii

Denumirea indicilor	M3	M4	M5	**Cerințe normative**
Cultura mixtă inoculată	CNMN-LB-25 (*S. thermophilus*) + CNMN-LB-44 (*Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus*) în raport 1:1	CNMN-LB-29 (*S. thermophilus*) + CNMN-LB-45 (*Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus*) în raport 2:1	CNMN-LB-26 (*S. thermophilus*) + CNMN-LB-43 (*Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus*) în raport 2:1	Coci, bacili separaţi şi asociaţi în lanţuri de diferite lungimi coraport
Aspect şi consistenţă	Omogenă, cremoasă, moderat filantă.	Omogenă, moderat vîscoasă, moderat filantă	Omogen dens fără eliminare de zer, lucios, vîscos	Omogenă, moderat vîscoasă, posibil moderat filantă
Gust şi miros	De lapte fermentat, fără gust sau miros străin	De lapte fermentat, fără gust şi miros străin	De lapte fermentat, fără gust şi miros străin	De lapte fermentat, fără gust şi miros străin, posibil moderat înţepător
Aciditatea titrabilă, °T	77	87	115	75-140
Bacterii lactice, UFC/1ml	7×10^8	7×10^8	7×10^8	min 1×10^7

Din tabelul 3 și 4 putem spune că toate mostrele de culturi elaborate – indiferent de tipul de lapte sau raportul de inoculare – au respectat cerințele minime stipulate în HG 611 Cerințe pentru late și produsele lactate cum ar fi: **Aspectul și consistența** omogenă, fără separare de zer, cu consistență cremoasă, moderat filantă sau vâscoasă. **Gust și miros** specifice laptelui fermentat, fără deviații organoleptice (gust străin, amar sau rânced). **Aciditatea titrabilă (°T)** s-au situat între 77–115°T, respectând intervalul normativ (75–140°T). **Conținutul de bacterii lactice (UFC/ml)** au prezentat concentrații foarte bune (7×10^8 UFC/ml), depășind cu mult minimul reglementat (1×10^7 UFC/ml), indicând o fermentație activă și viabilitate bacteriană ridicată.

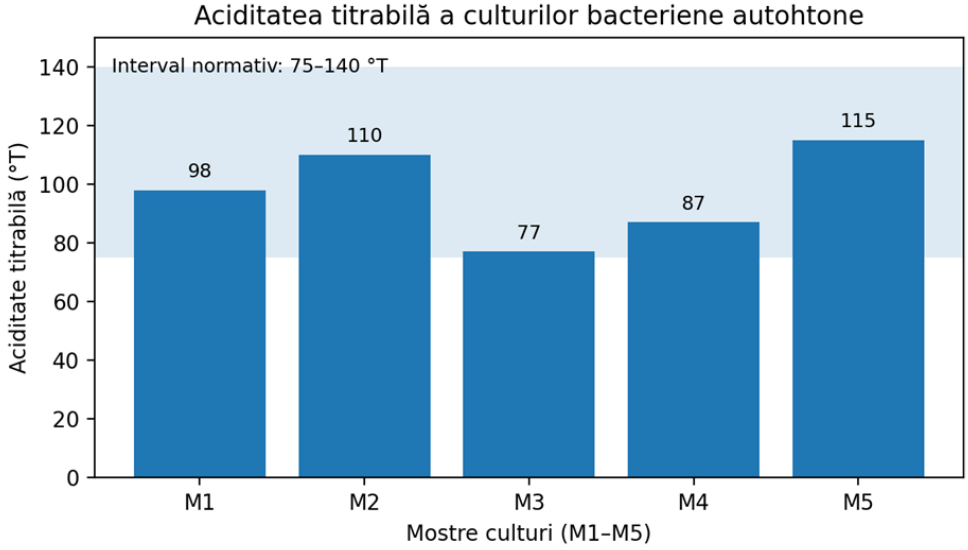

Fig. 1 Aciditatea titrabilă bacteriilor lactice autohtone

Analiza datelor evidențiază faptul că toate mostrele analizate au respectat cerințele minime stipulate în HG nr. 611 privind laptele și produsele lactate, în ceea ce privește aspectul, consistența, aciditatea titrabilă și conținutul de bacterii lactice vii [8].

Efectul tulpinilor și al raportului de inoculare

Simbioza dintre Streptococcus thermophilus și Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus este determinată de schimburi metabolice complementare, care accelerează acidifierea și stabilizează structura gelului proteic. În faza inițială a fermentației, S. thermophilus se multiplică rapid, consumă lactoză și reduce pH-ul, creând condiții favorabile pentru activarea enzimatică a lui Lb. bulgaricus. În paralel, Lb. bulgaricus, cu activitate proteolitică mai pronunțată, hidrolizează cazeinele și eliberează peptide și aminoacizi esențiali care stimulează creșterea lui S. thermophilus; acest mecanism explică, în mod tipic, scurtarea timpului până la atingerea pH-ului țintă și intensificarea formării aromei specifice.

Din punct de vedere fizico-chimic, acidifierea rapidă indusă de tulpinile CNMN-LB-44 și CNMN-LB-43 favorizează coagularea cazeinei prin apropierea de punctul izoelectric, cu formarea unei rețele tridimensionale mai compacte și, implicit, o consistență mai densă. În plus, tulpinile cu potențial ridicat de sinteză de exopolizaharide (EPS) pot crește vâscozitatea fazei serice, îmbunătățind retenția de apă și reducând sinereza; astfel, diferențele inter-tulpină se pot reflecta direct în fermitatea gelului și stabilitatea texturii pe parcursul păstrării.

Raportul de inoculare influențează atât cinetica acidifierii, cât și echilibrul dintre proteoliză, producerea de compuși volatili și formarea microstructurii. Un raport 3:1 (dominant în favoarea culturii cu multiplicare inițială mai rapidă) poate asigura o scădere controlată a pH-ului în primele ore, urmată de o maturare acidă adecvată, evitând supra-acidifierea și slăbirea rețelei gelului. În consecință, raportul 3:1 a favorizat dezvoltarea optimă a texturii și atingerea unei acidități finale echilibrate, compatibile cu o percepție senzorială plăcută (gust acrișor moderat, corp consistent) și cu cerințele de calitate microbiologică ale produsului.

Evaluarea caracteristicilor organoleptice

Evaluarea organoleptică a fost realizată prin degustare de către o comisie de specialiști, utilizând o fișă standardizată și o scală de punctaj, în care au fost apreciate aspectul, consistența, gustul, mirosul și percepția acidității. O astfel de abordare este relevantă deoarece parametrii senzoriali la iaurt sunt strâns corelați cu procesele biochimice ale fermentației: scăderea pH-ului și creșterea acidității determină coagularea cazeinei și formarea gelului, iar metabolismul culturilor starter generează compuși volatili (în special acetaldehidă, diacetil, acizi organici) responsabili de aroma tipică. În plus, proprietățile de textură (fermitate, cremozitate, absența sinerezei) reflectă microstructura rețelei proteice și capacitatea acesteia de a reține apa, influențate de viteza acidifierii, de proteoliză și, în anumite cazuri, de producerea de exopolizaharide de către tulpini.

Mostrele M1 și M5 au obținut cele mai bune scoruri senzoriale, fiind recomandate pentru producerea iaurturilor autohtone de calitate superioară.

Evaluarea caracteristicilor microbiologice

Analizele microbiologice au demonstrat un conținut ridicat de bacterii lactice vii (7×10^8 UFC/mL), ceea ce indică o cultură starter viabilă și o fermentație desfășurată eficient. Din punct de vedere tehnologic, un nivel de ordinul 10^8 UFC/mL este specific produselor lactate fermentate bine maturate și reflectă capacitatea tulpinilor de a se multiplica în matricea lactată, de a metaboliza lactoza și de a susține acidifierea până la valorile-țintă de pH/aciditate. O populație ridicată de bacterii lactice contribuie direct la stabilitatea microbiologică a produsului prin competiție pentru nutrienți și spațiu, precum și prin formarea de metaboliți inhibitori (acid lactic, acizi organici, eventual bacteriocine), reducând probabilitatea proliferării microflorei nedorite pe durata păstrării.

Din perspectiva funcționalității, menținerea unui număr mare de celule vii este un criteriu relevant deoarece efectele benefice atribuite produselor cu culturi vii (susținerea echilibrului microbiotei intestinale, efecte imunomodulatoare și metabolice) sunt condiționate de administrarea unei doze suficiente de microorganisme viabile. În consecință, valoarea de 7×10^8 UFC/mL sugerează un potențial probiotic/funcțional bun, cu condiția ca viabilitatea să se mențină până la

sfârșitul termenului de valabilitate și ca tulpinile utilizate să fie identificate și caracterizate corespunzător (siguranță, stabilitate, toleranță la acid și săruri biliare, absența genelor de rezistență transferabile).

În plus, concordanța cu cerințele normative privind încărcătura minimă de bacterii lactice în produsele fermentate confirmă conformitatea lotului atât din punct de vedere al calității microbiologice, cât și al consistenței procesului tehnologic (inoculare adecvată, regim termic corect, igienă și răcire rapidă după atingerea acidității finale). Pentru consolidarea concluziei, este recomandabilă raportarea simultană a pH-ului/acidității titrabile și a absenței indicatorilor de contaminare (coliformi, drojdii și mucegaiuri) în aceeași etapă de evaluare. [5, p. 78].

Concluzii

Studiul a demonstrat că utilizarea culturilor bacteriene autohtone permite obținerea iaurturilor din lapte de capră și lapte de vacă cu proprietăți organoleptice și microbiologice superioare. Toate mostrele analizate au respectat cerințele normative privind aspectul, consistența, aciditatea titrabilă și conținutul de bacterii lactice vii. Rezultatele evidențiază contribuția tulpinilor *Lactobacillus delbrueckii subsp. bulgaricus* și *Streptococcus thermophilus* la fermentație rapidă și la obținerea unei texturi dense și uniforme.

Cele mai bune scoruri organoleptice au fost obținute pentru mostrele M1 și M5, ceea ce indică faptul că selectarea tulpinilor autohtone și ajustarea raportului de inoculare influențează direct calitatea produsului final. Prin utilizarea culturilor locale se poate promova autenticitatea produselor lactate, crește valoarea lor nutrițională și funcțională și sprijini dezvoltarea tehnologiilor de bioproducție locale.

Pe termen lung, se recomandă investigarea influenței culturilor autohtone asupra conținutului de peptide bioactive, proprietăților antioxidante și efectelor asupra sănătății intestinale, pentru a dezvolta iaurturi inovative cu valoare adăugată și caracter distinct local.

Bibliografie:

1. Tamime, A.Y., & Robinson, R.K. (2007). Yoghurt: Science and Technology. Woodhead Publishing, Cambridge.
2. Park Y.W. **Goat Milk: Chemistry and Nutrition.** Wiley-Blackwell, 2017.
3. Regulamentul Tehnic „Lapte și produsele lactate”. Monitorul Oficial al RM, 2010.
4. Walstra P., Wouters J.T.M., Geurts T.J. Dairy Science and Technology. CRC Press, Boca Raton, 2006.
5. Jay J.M. Modern Food Microbiology. Springer, New York, 2000.
6. Granato, D., Branco, G.F., Nazzaro, F., Cruz, A.G., & Faria, J.A.F. (2010). Functional foods and nondairy probiotic food development: Trends, concepts, and products. Comprehensive Reviews in Food Science and Food Safety, 9(3), 292–302.
7. Farnworth, E.R. (2008). Handbook of Fermented Functional Foods. CRC Press
8. Hotărârea Guvernului RM nr. 611. Cerințe pentru lapte și produsele lactate, Chișinău, 2011
9. Cartasev, A., Barbaros, M.-M., Grijuc, A., Neicovcena, I., & Mahamat, Y. (2025). Caracterizarea iaurtului artizanal obţinut cu tulpini autohtone de bacterii lactice şi miere de albine: Potenţial probiotic şi proprietăţi funcţionale. Pomicultura, Viticultura, Vinificaţia, (2), 37–45. https://doi.org/10.53082/1857-3142.25.94.01

УДК 637.146:579.864

ELABORAREA UNUI SORTIMENT DE BĂUTURI ACIDOLACTATE FUNCȚIONALE PE BAZĂ DE IAURT ȘI LAPTE FERMENTAT

Liudmila Necrîlova
Cercetător științific superior,
IP Institutul Național de Cercetări Aplicative în Agricultură și Medicină Veterinară, Chișinău, RM
e-mail: necc_liudmila@yahoo.com
orchid id: 0000-0002-3206-9251

Abstract: This paper reports the development of a range of ready-to-drink fermented dairy beverages based on yogurt and fermented milk ("prostokvasha"), enriched with functional ingredients (probiotics, prebiotics, vitamins), fruit/berry fillings, and stabilizers to ensure texture stability. Product classification principles, indicative formulations (percentages and grams for 2 L batches), and processing regimes including thermization are described. Quality control was performed using a set of sensory, physicochemical, and microbiological indicators. Shelf-life assessment under refrigerated storage is outlined, incorporating a safety reserve coefficient for highly perishable products to support standard and technological documentation.
Cuvinte-cheie: băuturi acidolactate, iaurt de băut, bifidobacterii, lactuloză, termizare, indicatori de calitate, termen de valabilitate.

Introducere

Băuturile acidolactate reprezintă o categorie de produse cu consum frecvent, în care valoarea nutritivă a bazei lactate poate fi completată prin adaosuri cu rol fiziologic (probiotice/prebiotice) și componente care îmbunătățesc acceptabilitatea senzorială (sucuri, concentrate, siropuri, arome). În dezvoltarea sortimentului, o cerință practică importantă este păstrarea unei microflore viabile la niveluri ridicate (ordine de 10^7 celule/g), concomitent cu asigurarea siguranței microbiologice și a stabilității fizico-chimice pe durata depozitării [1-4].

În lucrarea de față, dezvoltarea sortimentului a fost organizată ca activitate tehnologică aplicată: (i) precizarea tipurilor de băuturi în funcție de baza acidolactată și adaosuri, (ii) formularea rețetelor și a fluxului de fabricație pentru loturi experimentale, (iii) controlul calității prin indicatori standardizați, și (iv) proiectarea evaluării termenului de valabilitate în regim de refrigerare.

Scopul cercetării a constat în elaborarea și testarea unui sortiment de băuturi acidolactate pe bază de iaurt și lapte fermentat „prostocvașa", cu adaosuri funcționale și umpluturi de fructe/pomușoare, urmate de determinarea indicilor de calitate și proiectarea termenului de valabilitate, în vederea fundamentării documentației tehnologice.

Obiective operaționale:
– precizarea sortimentului și producerea lotului experimental;
– determinarea indicilor organoleptici, fizico-chimici și microbiologici;
– evaluarea termenului de valabilitate în condiții de refrigerare;
– sistematizarea rezultatelor pentru elaborarea documentelor normative (standard/instrucțiune tehnologică).

Materiale și metode

Principii de clasificare a sortimentului

Sortimentul a fost structurat după trei criterii:
A) după baza acidolactată: (1) pe bază de iaurt; (2) pe bază de „prostocvașa";
B) după adaosuri: probiotice (bifidobacterii), prebiotice (lactuloză), sinbiotice (bifidobacterii + lactuloză), vitaminizate (A, C, D, E/β-caroten), cu umpluturi din fructe/pomușoare;
C) după tehnologia de producere: netermizate vs termizate.

Materii prime și aditivi funcționali

În calitate de probiotic s-au utilizat bifidobacterii, iar ca prebiotic – lactuloză (preparat farmaceutic), cu o doză optimă indicată de 0,175 g/100 g produs.

Pentru vitaminizare s-a utilizat β-caroten; aromatizanții și stabilizatorii au fost selectați pentru reducerea riscului de coagulare a proteinelor la amestecarea bazei lactate cu umpluturile acide și pentru extinderea stabilității în depozitare.

Obținerea bazei acidolactate

Iaurtul a fost preparat pe bază de lapte praf degresat, cu parametri de referință: substanță uscată ~13% și aciditate ~122°T. „Prostocvașa" a fost preparată din lapte pasteurizat 2,5% grăsime, cu substanță uscată ~10% și aciditate ~67°T; ca maia s-a utilizat o tulpină de Streptococcus thermophilus izolată și cultivată în laborator.

Elaborarea umpluturilor din fructe/pomușoare

Au fost dezvoltate umpluturi tip sirop pe bază de concentrate/sucuri și sisteme de stabilizare, cu încălzire la 80–90°C, menținere câteva minute și evaporare până la 55–60% substanță uscată; pH-ul a fost ajustat, după necesitate, spre ~3,8.

Mostre experimentale și regimuri tehnologice (netermizat/termizat)

Au fost descrise 10 mostre reprezentative (№1–№10), incluzând variante cu concentrat de mere, sucuri (măr/vișină), umpluturi stabilizate, cacao, combinații cu bifidobacterii și/sau lactuloză și opțional vitaminizare/aromatizare.

Mostrele netermizate au fost obținute fără prelucrare termică finală, menținând încărcături de microfloră vie în intervalul 10^7–10^9 UFC/g. Mostrele termizate au inclus pasteurizarea produsului finit la 72–74°C timp de 5–10 min.

Metode de analiză a calității

Indicatorii organoleptici au inclus: aspect/consistență, gust/miros, culoare (conform standardelor în vigoare).

Indicatorii fizico-chimici au inclus: fracția masică de grăsime, substanță uscată, zaharoză, aciditate titrabilă (°T), pH, eficacitatea pasteurizării (fosfatază), temperatura produsului.

Indicatorii microbiologici au inclus: număr de microorganisme acidolactice vii (UFC/g), bacterii coliforme, Staphylococcus aureus, Salmonella (în 25 g), Proteus, drojdii și micete.

Proiectarea evaluării termenului de valabilitate

Mostrele au fost depozitate la 6°C și 9°C. Necesitatea includerii unei temperaturi mai înalte a fost justificată prin riscul întreruperii lanțului frigorific în distribuție. A fost utilizat un coeficient de rezervă 1,3 pentru produse ușor alterabile, extinzând punctele de control (ex.: 15 zile × 1,3 = 20 zile; 30 zile × 1,3 = 39 zile) și stabilind un număr de 5 puncte de control.

Rezultate și discuție

Sortimentul rezultat și raționamentul funcțional

Sortimentul a inclus băuturi pe bază de iaurt cu adaosuri distincte: (i) probiotice (bifidobacterii), (ii) prebiotice (lactuloză), (iii) sinbiotice (bifidobacterii + lactuloză), (iv) vitaminizate, (v) cu umpluturi din fructe/pomușoare, inclusiv în formă de sisteme stabilizate (siropuri) prezentate în figura 1.

Fig.1 Mostre experimentale de băuturi pe bază de iaurt (Elaborat de autor)

Abordarea permite obținerea de produse netermizate cu microfloră viabilă ridicată (ordin 10^7-10^9 UFC/g), dar impune control strict al contaminanților și al stabilității coloidale; pentru alternative

cu stabilitate mai mare, termizarea finală reduce semnificativ microflora vie (ordin 10^2 UFC/g, conform datelor exemplificate), cu impact direct asupra poziționării funcționale a produsului.

Exemplu de rețetă pentru băutura acidolactată pe bază de iaurt

Tabelul 1. Reetă pentru băutură pe bază de iaurt cu concentrat de mere, bifidobacterii și lactuloză

Component	%	g / 2 L
Iaurt negras	50,0	1000,0
Concentrat din fructe (legume) 70% (din mere, SA „Orhei-Vit”)	6,0	120,0
Zahăr	7,5	150,0
Stabilizator GDL (firma „HAHN”, Germania)	0,6	12,0
Bifidobacterii	—	—
Lactuloza (preparat „Imoper”, Bulgaria)	0,175	3,5
Apă 85°C	5,0	100,0
Apă	30,725	614,5

Pentru o băutură pe bază de iaurt cu concentrat de mere, bifidobacterii și lactuloză (netermizată), rețeta orientativă pentru 2 L include: 1000 g iaurt bază (50%), 120 g concentrat de mere 70% SU (6%), 150 g zahăr (7,5%), 12 g stabilizator (0,6%), lactuloză 3,5 g (0,175%), apă la 85°C 100 g (5%) și rest apă până la 2000 g.

Această structură este relevantă pentru standardizarea rețetelor în condiții de laborator și pentru extrapolare la loturi pilot, cu mențiunea că dozele pentru unele componente (arome, vitamine, bifidobacterii) pot fi stabilite conform recomandărilor producătorilor, datorită cantităților mici de dozare.

Indicatori de calitate

Pentru o mostră pe bază de iaurt cu concentrat de mere, bifidobacterii și lactuloză (netermizată), au fost raportate caracteristici organoleptice de masă omogenă, gust acidolactic curat cu aromă de mere, culoare crem uniformă; parametri fizico-chimici exemplificați: substanță uscată 18,8%, zaharoză 10,5%, aciditate 101°T, pH ~4,0; indicatori microbiologici: 1×10^7 UFC/g, cu absența coliformilor, *S. aureus, Salmonella, Proteus*, drojdiilor și micetelor în probele analizate (Tabelul 2).

Acest profil indică fezabilitatea combinării bazei acidolactate cu umpluturi de fructe și adaosuri funcționale fără compromiterea siguranței microbiologice, în condițiile respectării igienei, a materiilor prime conforme și a temperaturilor de păstrare.

Tabelul 2. Indicatori microbiologici ale mostrelor

Mostra	Bact.lact (UFC/g)	Coliformi (0,01 g)	S. aureus (1 g)	Salmonella (25 g)	Proteus (1 g)	Drojdii (1 g)	Micete (1 g)
№1	1×107	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat
№2	1×102	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat
№3	1×107	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat
№4	1×108	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat
№5	1×107	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat	Nu s-a depistat

Relația dintre doi indicatori esențiali ai fermentației și ai calității produsului: pH (aciditate activă) și aciditatea titrabilă (°T, aciditate totală) este prezentată pe figura 2.

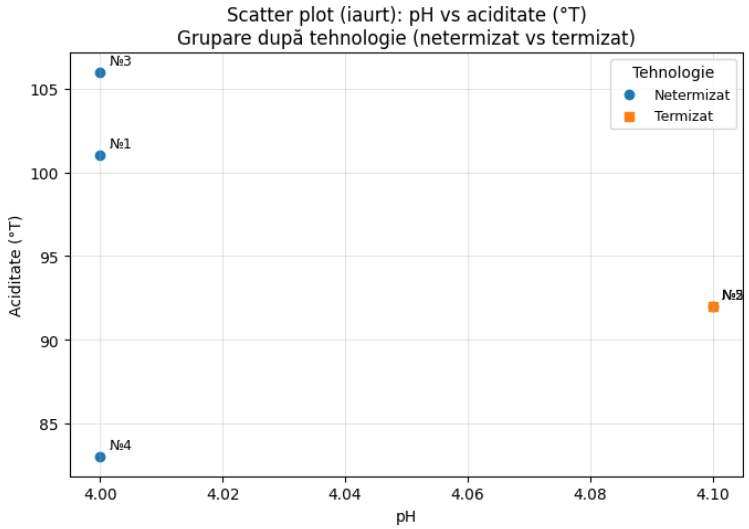

Figura 2. Diagramă de dispersie pentru 5 mostre de băutură pe bază de iaurt

Figura 2 prezintă relația dintre pH (aciditate activă) și aciditatea titrabilă (°T) pentru 5 mostre de băutură pe bază de iaurt, diferențiate după tehnologie (netermizat vs termizat). Valorile pH sunt apropiate (4,0–4,1), în timp ce aciditatea titrabilă variază mai amplu (83–106°T), indicând diferențe ale cantității totale de acizi și ale capacității tampon a matricei. Mostrele netermizate se grupează la pH ~4,0, însă se separă pe axa °T, cu maxima la mostra №3 și minima la №4. Mostra termizată (№2) se poziționează la pH 4,1 și 92°T, sugerând un profil acid moderat comparativ cu mostrele cu aciditate ridicată.

Stabilitate și control pe durata depozitării

Schema de control periodic propusă (puncte la 0, 5, 10, 15, 20 zile pentru netermizate și 0, 10, 20, 30, 39 zile pentru termizate) reflectă un design pragmatic de monitorizare, corelat cu termenul recomandat și cu aplicarea coeficientului de rezervă 1,3.

Separarea loturilor la 6°C și 9°C asigură evaluarea atât în condiții ideale de refrigerare, cât și în scenarii de risc (întreruperi ale lanțului frigorific), care pot accelera procesele de alterare.

Lapte fermentat ca matrice pentru "gut health". Literatura recentă indică faptul că produsele lactate fermentate (iaurt, lapte fermentat, chefir etc.) pot influența pozitiv simptome gastrointestinale și biomarkeri asociați sănătății intestinale (inflamație, integritate de barieră, SCFA, microbiotă), fără a raporta efecte dăunătoare în studiile evaluate; însă magnitudinea efectului depinde de populația țintă și de designul studiilor [5].

Rolul fructelor/pomușoarelor: diferențiere senzorială + argument funcțional (moderat). Recenziile despre "functional yogurt" arată că adaosurile (fructe, fibre, culturi probiotice, vitamine/minerale) sunt utilizate pentru a extinde portofoliul și pentru a ținti beneficii percepute (digestie, aport de compuși bioactivi) [6].

Introducerea în practică a acestei tehnologii va permite extinderea sortimentului de băuturi acidolactate prin combinarea controlată a bazei fermentate cu umpluturi din fructe/pomușoare și ingrediente funcționale, adaptate preferințelor diferitelor segmente de consumatori. Standardizarea rețetelor și a regimurilor tehnologice va îmbunătăți reproductibilitatea loturilor și va reduce variația calității, ceea ce simplifică tranziția de la laborator la producție pilot/industrială. Implementarea setului de indicatori senzoriali, fizico-chimici și microbiologici va crește siguranța produselor și va asigura conformitatea cu cerințele de control al calității pe întreg termenul de valabilitate. Diferențierea liniilor netermizate și termizate va permite balansarea între menținerea microflorei viabile (pentru produse funcționale) și stabilitatea sporită la distribuție (pentru produse tratate termic). În ansamblu, tehnologia poate genera produse cu valoare adăugată și competitivitate mai bună pe

piață, cu premise pentru comunicarea responsabilă a beneficiilor în limitele dovezilor științifice și ale cadrului de reglementare.

Concluzii

A fost elaborat un sortiment de băuturi acidolactate pe bază de iaurt, clasificat după baza lactată, adaosuri (probiotice/prebiotice/sinbiotice/vitamine/umpluturi) și tehnologie (netermizat/termizat). Rețetele orientative și regimurile tehnologice (inclusiv termizarea 72–74°C, 5–10 min) permit reproducerea loturilor experimentale și tranziția la documentație tehnologică standardizată. Setul de indicatori organoleptici, fizico-chimici și microbiologici aplicat oferă un cadru complet pentru controlul calității și siguranței produselor. Proiectarea evaluării termenului de valabilitate prin depozitare la 6°C și 9°C, cu utilizarea coeficientului de rezervă 1,3 și puncte de control multiple, crește robustețea estimării stabilității în condiții de distribuție reală.

Bibliografie:

1. Cartasev, A., Barbaros, M.-M., Grijuc, A., Neicovcena, I., & Mahamat, Y. (2025). Caracterizarea iaurtului artizanal obţinut cu tulpini autohtone de bacterii lactice şi miere de albine: Potenţial probiotic şi proprietăţi funcţionale. Pomicultura, Viticultura, Vinificaţia, (2), 37–45. https://doi.org/10.53082/1857-3142.25.94.01

2. Cartasev, A. (2018). Identification, characterization and industrial utilization of autochthonous strains of Streptococcus thermophilus isolated from Moldavian raw milk and dairy products of spontaneous fermentation. Ukrainian food journal, (7, Issue 3), 453-463. https://nuft.edu.ua/doi/doc/ufj/2018/3/10.pdf

3. Dimitrellou, D., Moschakis, T., & Kandylis, P. (2025). Impact of apple pulp on textural characteristics, microstructure, volatile profile, and sensory acceptance of yogurts. Foods, 14(14), 2453.

4. Demirkol, M., & Tarakçi, Z. (2025). Utilization of Fruit Juice Processing Wastes as Prebiotic Ingredients in Probiotic Yogurt: Effects on Microbial Short Chain Fatty Acid Production. *Food Science & Nutrition*, *13*(7), e70612.

5. Glory Bui, Maria L Marco, Impact of Fermented Dairy on Gastrointestinal Health and Associated Biomarkers, Nutrition Reviews, 2025;, nuaf114, https://doi.org/10.1093/nutrit/nuaf114

6. Sarıtaş, S., Mondragon Portocarrero, A. d. C., Miranda, J. M., Witkowska, A. M., & Karav, S. (2024). Functional Yogurt: Types and Health Benefits. *Applied Sciences*, *14*(24), 11798. https://doi.org/10.3390/app142411798

УДК 636.2.08.003(478)

АНАЛИЗ ЛАКТАЦИОННЫХ МАРКЕРОВ ПРОДУКТИВНОСТИ КОРОВ В ЮЖНОЙ ЗОНЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Варбан Степан,
др. хаб., проф., КГУ, Комрат, РМ
e-mail: varban@mail.ru
orcid id: 0000-0001-7053-0910
Кара Алла,
докторант, КГУ, Комрат, РМ
e-mail: adimkara1@gmail.com
orcid id: 0000- 0002-7183-469X

Summary. This research provides a comprehensive analysis of the dairy sector in the southern

zone of the Republic of Moldova 2010 to 2024. Despite a national decline in cattle population, the region has demonstrated successful intensification, with milk yields increasing from 3,886 kg to 8,340 kg per cow. The study utilizes two key biological markers: Milkiness Coefficient (MC): Highlighting that cows in top-tier breeding farms produce up to 1,482 kg of milk per 100 kg of body weight, indicating excellent feed-to-milk conversion. Lactation Completeness Coefficient (LCC): Revealing high stability in milk production (over 94%) in specialized farms, which proves the successful adaptation of imported Holstein genetics to the local heat stress conditions. The findings reveal a significant efficiency gap between elite breeding centers and smaller commercial farms. The authors propose integrating these lactation markers into annual breeding evaluations to improve the genetic core and economic sustainability of the regional dairy industry.

Key words: Cow, Lactation, Productivity.

Введение

Эффективность молочного скотоводства в значительной степени определяется способностью животных реализовывать свой генетический потенциал в конкретных условиях кормления, содержания и эксплуатации. В условиях интенсификации отрасли особую актуальность приобретает не только абсолютная величина удоя, но и показатели, характеризующие биологическую и экономическую эффективность животных, их продуктивное долголетие и устойчивость лактационной функции. [2; 4]

Одним из информативных инструментов комплексной оценки молочной продуктивности коров является мониторинг лактационных коэффициентов, в частности коэффициента молочности и коэффициента полноценности лактации. Данные показатели позволяют оценить соотношение живой массы и уровня продуктивности, а также стабильность синтеза молока в течение лактационного периода, что имеет важное значение для селекционно-племенной работы и управления стадом. [3;5]

В этой связи актуальной является оценка лактационной деятельности коров в хозяйствах различных категорий АТО Гагаузия с учётом возрастной динамики и уровня продуктивности.

Материал и методика исследований

Исследования проводились на базе молочнотоварных ферм и племенных репродукторов АТО Гагаузия, а также в хозяйствах соседствующего региона. Материалом исследований послужили данные первичного зоотехнического и племенного учёта (племенные карточки коров, Formularul T-2), а также сведения региональной и республиканской статистической отчётности.[1]

Объектом исследований являлись коровы чистопородной голштинской породы в племенных репродукторах и голштинизированные коровы товарных хозяйств.

Целью исследований являлась комплексная оценка молочной продуктивности и характера лактационной деятельности коров в разрезе трёх последовательных лактаций.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- изучить лактационную полноценность коров по периодам лактации;
- проанализировать возрастную динамику удоев и оценить молочную продуктивность за лактацию;
- исследовать характер лактационной деятельности коров по лактационным периодам в трёх последовательных лактациях.

Результаты исследований и их обсуждение

Проведённый анализ полученных данных свидетельствует о высоком лактационном потенциале молочного скота исследуемого региона и положительной динамике основных показателей продуктивности.

Таблица 1. Динамика изменения поголовья и удоя коров
в Р. Молдова и АТО Гагаузия*

Года	Р. Молдова		АТО Гагаузия	
	голов	удой, кг	голов	удой, кг
2010	161195	2993	3746	3886
2015	130274	3478	3478	5305
2020	81052	3579	2610	6393
2021	71256	3812	2313	4752
2022	68400	3478	2267	5159
2023	67100	3605	2567	5926
2024	63100	5048	2604	8340

**По материалам, Statistica. md*

Мониторинг поголовья коров и их продуктивности (табл. 1) показал, что на фоне общереспубликанского сокращения массива молочного скота в 2,5 раза в АТО Гагаузия сохраняется относительная стабильность численности животных, сопровождаемая выраженным ростом их продуктивности. К 2024 году средний удой в хозяйствах автономии достиг 8340 кг, что в 1,65 раза превышает средний показатель по Республике Молдова (5048 кг).

Накопленный за пятилетний период исследовательский материал в разрезе лактаций позволил в полной мере реализовать цель и задачи настоящего исследования и провести детальную оценку продуктивных качеств коров.

Таблица 2. Возрастная динамика среднегодовых удоев и живой массы коров

Предприятие	статус	Номер лактация	Удой за 305 дней	Живая масса, кг	Коэффициент молочности, кг
Doxsancom	племенной	I	9100	650	1400
		II	9700	690	1406
		III	10822	730	1482
		среднее	**9874**	**690**	**1431**
SRL „GÖMERT EFREM”	племенной	I	8103	590	1373
		II	8317	630	1320
		III	8418	680	1238
		среднее	**8279**	**633**	**1308**
SRL«Anatoli grup»	товарный	I	4171	428	975
		II	4739	476	996
		III	4867	517	941
		среднее	**4592**	**474**	**971**
CAP „Elita Alexandrfeld”	товарный	I	4248	537	791
		II	4680	570	821
		III	5215	605	862
		среднее	**4714**	**571**	**826**

Для анализа лактационного потенциала и биологической эффективности синтеза молока был рассчитан удой на 100 кг живой массы — коэффициент молочности (табл. 2) по формуле: КМ = **(У × 100) / ЖМ**, где **У** – удой за лактацию, кг; **ЖМ** – живая масса коров, кг [6].

Оценка коэффициента молочности выявила выраженные различия между категориями хозяйств. В племенном репродукторе Doxsancom среднее значение КМ составило 1431 кг, достигая максимума у коров III лактации – 1482 кг, что свидетельствует о высокой биологической и продукционной эффективности животных. В племенном хозяйстве GÖMERT EFREM данный показатель также находился на высоком уровне — 1308 кг.

Вместе с тем на товарных фермах (SRL «Anatoli grup», CAP «Elita Alexandrfeld») коэффициент молочности был значительно ниже и варьировал в пределах 826–971 кг, что

указывает на менее эффективное использование биологического потенциала коров. Сравнительный анализ демонстрирует прямую зависимость между племенным статусом предприятия и достижением максимальных показателей коэффициента молочности (рис.1).

Предприятие (статус)	Средний КМ (кг)	Визуальный масштаб (эффективность)
Doxsancom (племенной)	**1431**	
GÖMERT EFREM (племенной)	**1308**	
Anatoli grup (товарный)	**971**	
Elita Alexandrfeld (товарный)	**826**	

Рис.1. Диаграмма коэффициента молочности лактации коров

Не менее важным показателем устойчивости лактационной функции у высокопродуктивных коров является коэффициент полноценности лактации (КПцЛ), который рассчитывался по формуле:

КПцЛ = (удой за 305 дней лактации / (высший месячный удой × число месяцев лактации) × 100 %, [5]

где КПцЛ — коэффициент полноценности лактации, %.

Таблица 3. Динамика коэффициента полноценности лактации

Предприятие	**Показатель**	**I лактация**	**II лактация**	**III лактация**	**Сред. за 3 лакт.**
Doxsancom	Надой за 305 дней лактации, кг	9100	9700	10822	9874
	Выс. мес. удой, кг	970	1031	1137	1046
	КПцЛ	93,80	94,05	95,13	94,40
SRL „GÖMERT EFREM”	Надой за 305 дней лактации, кг	8103	8317	8418	8279
	Выс. мес. удой, кг	861	889	885	878
	КПцЛ	94,11	93,55	95,12	94,29
SRL«Anatoli grup»	Надой за 305 дней лактации, кг	4171	4739	4867	4592
	Выс. мес. удой, кг	525	571	598	565
	КПцЛ	79,5	83.0	81.4	81,3
CAP „Elita Alexandrfeld”	Надой за 305 дней лактации, кг	4248	4680	5215	4714
	Выс. мес. удой, кг	550	588	613	584
	КПцЛ	77,2	79,6	85,0	80,7

Анализ данных по коэффициенту полноценности лактации (табл. 3) показал, что в племенных хозяйствах данный показатель характеризуется высокими и стабильными значениями (94,3–94,4%), что свидетельствует о выраженной персистентности лактационной кривой(рис.2) и равномерности синтеза молока.

Хозяйство (тип)	КПцЛ (%)	Визуальный масштаб
Doxsancom (плем.)	94,4	[██████████]
Gömert efrem (плем.)	94,3	[██████████]
SRL Anatoli grup (МТФ)	81,3	[████████░░]
CAP Elita Alexandrfeld (МТФ)	80,7	[████████░░]

Рис.2. Диаграмма коэффициента полноценности лактации коров

На товарных фермах КПцЛ был существенно ниже и составил 80,7–81,3%, что указывает на наличие резервов повышения продуктивности за счёт оптимизации условий кормления, содержания и технологии доения.

Выводы

1. **Динамика продуктивности.** В АТО Гагаузия за период 2010–2024 гг. средний удой коров увеличился с 3886 до 8340 кг, что свидетельствует об успешной интенсификации молочного скотоводства в регионе.
2. **Биологическая эффективность.** Коровы племенных репродукторов характеризуются наивысшей способностью к трансформации кормов в продукцию, достигая коэффициента молочности 1482 кг на 100 кг живой массы к третьей лактации.
3. **Устойчивость лактации.** Стабильно высокие значения коэффициента полноценности лактации (более 94%) в племенных хозяйствах подтверждают успешную адаптацию голштинского генетического материала к климатическим и производственным условиям региона.
4. **Межхозяйственные различия.** Установлен существенный разрыв в эффективности использования лактационного потенциала между племенными и товарными хозяйствами, что указывает на необходимость технологической модернизации последних.

Предложения

- Рекомендовать хозяйствам АТО Гагаузия и соседствующих районов включить показатели коэффициента молочности и коэффициента полноценности лактации в систему ежегодной бонитировки коров для выявления наиболее адаптивных и экономически эффективных животных.
- Использовать уровень коэффициента полноценности лактации не ниже 94% в качестве целевого ориентира при оценке качества управления стадом в племенных хозяйствах.
- Активизировать процессы голштинизации и совершенствования технологии содержания на товарных фермах с целью повышения коэффициента молочности до уровня не менее 1100–1200 кг.

Библиография:

1. Национальное бюро статистики Республики Молдова. Сельское хозяйство Республики Молдова (статистический сборник). Кишинев: Statistica.md, 2024.
2. Арзуманян Е. А. Скотоводство: учебник для вузов. — М.: Агропромиздат, 2005.
3. Дунин И. М., Данкверт А. Г. Совершенствование скота голштинской породы в России. — М.: ВНИИплем, 2012.
4. Логинов С. В. Оценка лактационной деятельности и персистентности коров при интенсивных технологиях производства молока // Вестник зоотехнии. — 2018. — № 4.
5. Абрамова Н. И., Селимян М. Г. Влияние генетических и экологических факторов на реализацию потенциала молочной продуктивности // Молочное и мясное скотоводство. — 2020. — № 2.

6. Колокольцев А. С. Коэффициент молочности как селекционный признак в молочном скотоводстве // Вестник аграрной науки. — 2021. — № 3 (90).

УДК 536.7:573.01

ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИОСФЕРЫ И ПОЧВЫ

Петкович Иван
доктор с.-х. наук
НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич, РМ
e-mail: ipetcovici@yahoo.ca
orcid-id: 0000-0003-1698-959X

Abstarct. The article discusses such topics as thermodynamic theory of natural selection, negentropic and entropic spheres of the biosphere, maximization systems, negentropic and entropic abilities as a way to survive, two ways of determining soil energetic health, and energy theory of value.

Key words: biosphere, natural selection, thermodynamics, soil energetic health

Естественный отбор действует таким образом, чтобы увеличить общую массу органической системы(16). Для этого он создает новые виды и увеличивает уровень их организации(1), а также повышает синтез органического вещества всей обитаемой земной поверхностью путем заселения экониш максимальным количеством видов минимально конкурирующих друг с другом и комплементарные по поглощению жизненных факторов (18).

В 1880 году впервые высказывается идея о термодинамической природе естественного отбора, цит:"…мы должны получить такое видоизменение закона борьбы за существование, где количество энергии заключающейся в каких-либо произведениях природы, систематически и потому с успехом увеличивалось бы при одновременном сохранении этой энергии от рассеяния…"(2).

В последствии борьба за существование была представлена как борьба за свободную энергию поступающая от солнца (8), а естественный отбор как стремление повысить поток энергии через систему, в котором преимущество имеют организмы максимизирующие ее течение (16).

Важным вкладом в термодинамику стали открытия энтропии - процесса означающий необратимое рассеивание энергии и невозможность выполнения работы всей энергией системы в силу различных ее потерь(12), и отрицательной энтропии, которая является процессом сбора свободной энергии и указывает на меру упорядоченности системы (23). Позже отрицательная энтропия была названа негативной энтропией или негэнтропией (10).

Создание упорядоченности и повышение собственной организации свойственно всем организмам, но с той разницей, что для автотрофов (растений и зеленых бактерий) мощным источником отрицательной энтропии является солнечный свет, а для гетеротрофов (консументов и редуцентов) упорядоченное состояние биологической материи, которую они расщепляют и извлекают энергию и вещество для своей жизнедеятельности (23)

В биосфере существуют следующие энергии:

1. Свободная энергия солнца.
2. Энергия живого и мертвого органического вещества биосферры или энергия биосферы не обладающая сознанием
3. Антропная энергия - энергия биосферы обладающая сознанием или физическая и умственная энергия человека

4. Антропогенная энергия - электрическая энергия, кинетическая энергия транспорта и энергия тепла используемая для обогрева получаемые из энергии солнца, от сжигания органического вещества участвующего (древесина, биотопливо) и не участвующего (ископаемые углеводороды) в круговороте веществ биосферы, термоядерного управляемого распада вещества и др.

В настоящее время известны и общепризнанны три закона термодинамики. Первый из них гласит, что энергию нельзя ни создать ни уничтожить, второй - тепло переходит самопроизвольно от более горячего предмета к более холодному и никогда в обратном направлении и третий – нижний предел температуры возможный во Вселенной (абсолютный нуль) равняется – 273,15 °С, при которой молекулы перестают двигаться, что является показателем отсутствия у них энтропии. В результате изучения естественного отбора и биосферы как термодинамических процессов были предложены еще три закона термодинамики пока не получившие всеобщего признания. Четвёртый закон утверждает, что конкуренцию среди самоорганизующихся процессов, выигрывают сетевые конструкции которые максимизируют мощность (20), пятый - энергетические потоки Вселенной организованы в иерархии преобразования энергии (20) и шестой - в процессе деградации энергии количество материального потока на каждом уровне также уменьшается (21).

Биосфера как открытая термодинамическая система состоит из двух энергетических сфер соединенных трофическими связями. Негэнтропийную сферу образуют автотрофы аккумулирующие солнечную энергию и тем самым относящиеся к биологическим системам осуществляющие свою жизнедеятельность в направлении противоположном от действия второго закона термодинамики. Энтропийную сферу формируют гетеротрофы освобождающие солнечную энергию и поэтому действующие в соответствии со вторым законом термодинамики. Для достижения состояния максимального течения энергии через биосферу отмеченные сферы также стремятся к максимизаци ее движения. Для этого как автотрофные, так и гетеротрофные системы максимизируют собственную негэтропийность - способность захватывать и удерживать энергию и энтропийность - способность ее освобождать в процессе своей жизнедеятельности. У природы нет целей, и поэтому нельзя допустить, что биосфера была создана ради обеспечения второй энтропии после первого освобождения энергии из вещества в солнце. Думается, что смысл эволюции заключается в максимизации удержания энергии, что ведет к максимизации массы системы и ее структурному и функциональному развитию. Однако , в любом случае в условиях локальной одинаковости факторов среды больший шанс на выживание имеют системы, которые достигают максимизации отмеченных процессов при меньшем потреблении свободной энергии солнца или меньших затратах времени.

Движение энергии в биосфере происходит в виде энергетической пирамиды у основания которой находятся продуценты собирающие энергию, затем следуют консументы 1 и 2, а над ними располагаются редуценты, которые ее освобождают. В соответствии с Законом 10 %, на каждом трофическом уровне теряется до 90 % энергии (15). Кроме этого, живые организмы, согласно Общей Теории Систем, обмениваются с средой не только энергией, но также веществом и информацией (3,5).

Отдельную сферу в биосфере представляет собой антропосфера. Она охватывает область земного шара, которая находится под влиянием человека и состоит из массы людей, антропогенных систем, сельскохозяйственных культур и животных. Исследования проведенные в 2020 году показали, что масса антропогенных систем равна 1,1 триллионов тонн, что примерно соответствует массе всех живых организмов биосферы и она удваивается каждые 20 лет (13).

Антропосфера это естественная часть биосферы, результат ее эволюции, и она всегда, в большей или меньшей степени влияет на ее. Современная биосфера это то, как выглядит доантропогенная биосфера, в которой осуществляет свою деятельность антропосфера.

Взаимоотношение между биосферными неразумными, биосферными разумными и антропогенными системами в биосфере происходит на вещественном уровне, но двигаемые своими энергиями. Отмеченные энергии не образуют единую энергетическую цепь и эта их энергетическая обособленность является источником антагонизма между ними. Хотя есть и исключения когда антропогенная энергия входит в трофические цепи биосферы через фотоны, которых продуцируют электрические лампы при выращивании растений в теплицах. Общим свойством отмеченных энергий является то, что они не образуют круговорот, а покидают поверхность земли в форме тепла после выполнения своих функций, в отличии от вещества, который остается на планете и подвержен круговороту.

Антропосфера это место где сходятся энергии всех трех систем. По своей природе биосферная энергия не обладающая сознанием является мягкой энергией двигающаяся по трофическим цепям медленно выбирая пути увеличивающие скорость и объем ее движения из существующих или эволюционируя новые возможности. Биосферная энергия обладающая сознанием получает энергию из трофических цепей биосферы, но действует самостоятельно. При этом результаты ее сознательной деятельности в виде научных открытий, выдающихся агрономических и инженерных решений, гениальных произведений искусства и литературы не коррелируют с количеством потребленной и потраченной биологической энергии, и происходит по своим, пока не познанным законам. Антропная энергия осуществляет свою деятельность с целью, для реализации которой она создает антропогенные системы и антропогенные энергетические цепи. Антропогенная энергия, в свою очередь, по характеру действия является энтропийной и полностью подчиняется второму закону термодинамики.

Биосфера располагается в трех сферах - в атмосфере, литосфере и гидросфере и в каждой из них образовались и действуют внутри - и межсферные трофические цепи. Согласно гипотезе Гея, живые организмы адаптируют среду обитания для своих нужд. Кроме того, цит: "существа, которые улучшают окружающую среду для своего выживания, чувствуют себя лучше, чем те, которые наносят ей вред" (17), то есть выигрывают борьбу за выживание. Результатом адаптации верхнего слоя литосферы для жизнедеятельности живых организмов стало образование педосферы (почвы). Другим итогом приспособления живыми организмами окружающей среды для своих потребностей, по утверждению отмеченной гипотезе, является повышение содержания кислорода и снижение углекислого газа в атмосфере и сохранение их на современном уровне. В отмеченном контексте атмосфера, представляющая собой сферу газов, приобретает негэнтропийный характер, поскольку увеличение солнечным теплом числа состояний ее молекул способствует прохождению химических процессов в живых организмах не нарушая их упорядоченности (10), что отличает ее от газов статистической энтропии согласно которой энергия поступающая в систему извне, является энтропией (9), так как она повышает число состояний молекул, но не осуществляет никакую работу.

Почва является термодинамически открытой системой, в которую поступает лучистая энергия солнца по трофическим цепям биосферы и тепло молекулами воздуха. Заключительную ступень в трофических цепях образуют аэробные микроорганизмы, которые осуществляют полное разделение органического вещества на энергию, углерод и неорганическое вещество. Первые два компонента покидают почву, а третий остается в ней и служит питанием для растений. Этот процесс известен как минерализация. Однако когда в почву не проникает кислород, то трофическая цепь "обрывается", аэробные микроорганизмы перестают работать и начинают функционировать анаэробные, которые не полностью разлагают органическое вещество. Более того, они связывают его с механическими частицами почвы и таким образом образуют гумус, а сам этот процесс называется гумификацией.

Энергию почвы образуют энергии содержащиеся в гумусе, мертвом и живом органическом веществе. Вместе с тем, почва может удержать только определенное количество энергии, что зависит в первую очередь от ее механического состава. Природным регулятором отмеченного процесса является механизм минерализации-гумификации, который при повышенном поступлении кислорода в почву вследствие легкого гранулометрического состава интенсивно

освобождает энергию, а в случае тяжелого механического состава уменьшает скорость ее выхода из органического вещества. Так например, известно, что тучные черноземы характеризуются тяжелым гранулометрическим составом, в итоге процессы гумификации сформировали в этих почвах 9—15 % гумуса. Песчаные почвы, наоборот, характеризуются легким гранулометрическим составом и как результат в них содержится не более 1,0 % гумуса.

Ухудшение качества почвы состоит в разрушении ее органического вещества и в водной и ветровой эрозии (22). В связи с отмеченным в последние 20-30 лет активно обсуждается понятие здоровая почва. Он как термин, впервые упоминается в 1910 году в диссертации студента Университета штата Айова Henry A. Wallace, которая была посвящена важности гумуса, особенно получаемого из навоза, для поддержания здоровья почвы. В 1933 году президент Ф. Рузвельт назначил Henry A. Wallace Министром сельского хозяйства США, а в 1936 году отмеченное Министерство опубликовало доклад “Здоровье почвы и национальное богатство”, в котором, в том числе, указывается на роль живых организмов в формировании плодородия почвы и обеспечении сельскохозяйственных культур необходимыми питательными веществами (7).

За прошедшие 100 лет понятие здоровая почва эволюционировало и теперь существует более 20 ее определений предложенные в разное время. Одна из них гласит, что здоровая почва это непрерывная ее способность функционировать как жизненно важная живая экосистема, поддерживающая растения, животных и людей (25).

Признаками здоровой почвы является содержание в ней большого количества органического вещества, ее хорошая структура, водопроницаемая и водоудерживающая способность, устойчивость к уплотнению и эрозии, высокая биологическая активность, доступность питательных веществ для растений, отсутствие токсичных химических веществ и пониженное присутствие сорняков и болезней (4).

Близким понятием к здоровью почвы является качество почвы, которое определяется как ее способность функционировать в естественных и управляемых экосистемах, обеспечивая продуктивность растений и животных, сохраняя и улучшая качество воды и воздуха, и поддерживая их здоровье (14). Однако, поскольку оба отмеченных понятия характеризуются общими базовыми показателями, то в настоящее время различия между ними из области принципиальных перешли в область предпочтений (11).

Известный американский эколог Альдо Леопольда определил плодородие почвы как ее способность принимать, хранить и передавать биологическую энергию (19). Учитывая то, что органическое вещество содержит эквивалентное количество энергии, минеральных веществ и углерода, то можно определить и энергетическое здоровье почвы. Так, во-первых, ее показателем может служить содержание в почве такого количества биологической энергии при котором растения аккумулируют наибольшее количество солнечной энергии. Во-вторых, показателем энергетически здоровой почвы может служить содержание в ней биологической энергии относительно предельной энергоемкости конкретной почвы по схеме, чем ближе к ней, тем лучше. И поскольку каждая почва имеет свой предел энергоемкости, то каждая из них также обладает своим пределом энергетического здоровья.

В целом, здоровье почвы не следует рассматривать как технологию, а только как концепцию, которую нужно учитывать при принятии решений в управлении земельными ресурсами(24). И тем более, эту ее нельзя применять при установлении цены на землю при ее купле - продаже.

Наряду с концепцией здоровая почва, разное время были предложены и такие концепции как надо кормить почву, а не растения, живая почва, фертильная почва, изменено понятие земледелия с возделывания земли на делание земли, почва тоже имеет свои права, если мы будем кормить почву, она будет кормить нас, безопасная почва, которые посвящены одной и той же проблеме, привлекали и привлекают внимание общества к ней, но ни одна из них не стала инструментом способным остановить деградацию почв и накормить возрастающее население земного шара.

О связи почвы и здоровья человека было известно еще в начале человеческой цивилизации (6). В Библии говорится, что земля плохо качества это земля поедающая живущих на ней (Числа 13:33). В настоящее время здоровье почвы, растений, животных и человека рассматривается как единый и неделимый динамический процесс, а не состояние, поэтому нуждающиеся в постоянном поддержании (19), а с целью их интеграции между собой и с окружающей экосистемой Всемирная Организация Здравоохранения разработала концепцию единого здоровья (26).

Одним из самых сильных антропогенных потрясений для биосферы стало повышение ее температуры вследствие увеличения содержания углекислого и других парниковых газов в атмосфере поступающие из органического вещества не участвующего в круговороте и не входящего в баланс биосферы. Международным Энергетическим Агентством поставлена цель свести к нулю эмиссию парниковых газов к 2050 году и таким образом остановить нагревание нашей планеты. Для этого рекомендуется развивать энергетику, которая не приносит в атмосферу дополнительное количество вещества вызывающий парниковый эффект, например получаемые из возобновляемых источников, управляемого термоядерного распада и др. Кроме этого, во многих странах действует рынок торговли квотой углекислого и других парниковых газов. Экономические агенты поставляющие в атмосферу отмеченные газы получают квоту на их выброс. Предприятия, у которых выброс выше, могут увеличить свой лимит за счет покупки не использованной доли у других предприятий, но это ведет к повышению себестоимости производимой продукции, что в конечном счете снижает ее конкурентоспособность и вынуждает предприятие находить пути уменьшения выбросов парниковых газов. Осуществляется также секвестрация углерода - его улавливание из атмосферы фотосинтезом и длительным хранении в биомассе. Для этого восстанавливают и расширяют площади лесов, используют углеродное земледелие локализующее органическое вещество в почве и др.

Существуют и другие концепции по снижению углерода в атмосфере. Например, концепция продовольственные мили призвана сократить расстояние между производителем и потребителем продовольствия и тем самым уменьшить выбросы парниковых газов осуществляемые транспортом. Концепция низкоуглеродная диета призывает употреблять преимущественно растительную пищу и минимализировать, вплоть до полного исключения из рациона говядину и молочные продукты, производство которых связано с повышенным выбросом одного из парниковых газов метана.

Вместе с тем, остановка нагревания и даже восстановление температурного режима земли не ликвидирует все последствия антропогенного воздействия на биосферу, и в частности на почву. Поэтому важным представляется принятие материального механизма сбалансированного управления ее энергиями. Основными предпосылками для этого являются следующие обстоятельства.

1. Антропогенная энергия способствуя накоплению солнечной энергии через с/х и лесоводческую деятельность, и создавая более комфортные условия жизни для человека оказывает прямое разрушающее действие на биосферу.

2. Существует обратная связь, когда изменение параметров биосферы под воздействием антропогенной энергии ведет к неэффективному и даже росту объемов ее использования как это наблюдается в с/х производстве.

3. Естественный отбор заложил в человеке, как и другим организмам, неосознанное стремление максимизировать течение биологической энергии и осознанное максимизировать течение антропогенной энергии.

4. Человек не обладает силой воли для добровольного отказа от стремления максимизировать течение антропогенной энергии.

5. Антропная энергия нуждается в смене своей этической парадигмы по отношению к биосфере с стремления максимизировать течение антропогенной энергии на ее гармонизацию

с биологической энергией посредством повышения их комплементарности и снижения конфликтности.

6. Материальным механизмом гармонизации энергий в биосфере могла бы стать разработка энергетической теории стоимости товара измеряемая в джоулях, в которой биосферная неразумная энергия находилась бы в обратной пропорциональности к биосферной разумной и антропогенной энергиям.

Библиография:

1. Дарвин Ч. О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Сочинения, т. 3, Изд-во АН СССР, М., 1939. Библиотека Альдебаран: http://lib.aldebaran.ru
2. Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М. 2009, с.80.
3. Тоффлерю О. Предисловие к Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. Прогресс, 1986, с.17.
4. Awale R., Machado S., Ghimire R., Bista P., Chapter 2, Soil Health, p.48-50 https://www.researchgate.net/publication/317648217_Soil_Health/link/5946e00a45851525f899a6df/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19
5. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York, 1968, p. 50-52.
6. Brevik E. C., Sauer T. J. The past, present, and future of soils and human health studies. Soil, 2015, 1, p.35–46.
7. Brevik, Eric C. A brief history of the soil health concept. The Profile. 2019. https://profile.soils.org/posts/field-and-historical-notes/a-brief-history-of-the-soil-health-concept.
8. Boltzmann L. The second law of thermodynamics. In Ludwig Boltzmann: theoretical physics and philosophical problems: selected writings, Dordrecht, The Netherlands: D. Reidel, 1974. p. 14–32.
9. Boltzmann L. Further Studies on the Thermal Equilibrium of Gas Molecules. Stephen G. Brush and Nancy S. Hall. The Kinetic Theory of Gases: An Anthology of Classic Papers with Historical Commentary. Imperial College Press, 2003, p. 262–349.
10. Brillouin L. Scientific uncertainty and information. 1964, p 140-142.
11. Bünemanna E. K., Bongiornoa G., Baic Z., Creamerb R. E., Deynb G. and etrc. Soil quality. A critical review, Soil Biology and Biochemistry 2018, 120, p.105–125.
12. Clausius R. Mechanical theory of heat with its applications to the steam engine and to the physical properties of bodies.London 1864. P. 353-366.
13. Elhacham E., Ben-Uri L., Grozovski J, Bar-On Y. M., Milo R. Global human-made mass exceeds all living biomass. Nature, 2020, vol 588, p. 442–444.
14. Karlen D.L., Mausbach M.J., Doran J.W., Cline R.G., Harris R.F., Schuman G.E. Soil quality: A concept, definition, and framework for evaluation. Soil Science Society of America. 1997. 61, p. 4-10.
15. Lindeman R. E. Trophic-dynamic aspect of ecology. Ecology, 1942, 23, p. 399-418.
16. Lotka A. J. Contribution to the Energetics of Evolution. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, Vol. 8, No. 6. Jun. 15, 1922, p. 147-151.
17. Lovelock J. A new look at life on earth. Oxford. 2000. p. 119.
18. MacArthur R. H. Species packing and competitive equilibria for many species, Theoretical Population Biology. 1970, 1, p. 1-11.
19. Merrill M. C., Eco-Agriculture: A Review of its History and Philosophy, Biological Agriculture and Horticulture, 1983, Vol 1, p. 181-210.
20. Odum, H.T., 1996. Environmental Accounting: Energy and Environmental Decision Making. John Wiley, New York. p. 14-18.

21. Odum, H.T., 2000. An energy hierarchy law for biogeochemical cycles. In: Brown, M.T., Brandt-Williams, S., Tilley, D.R., Ulgiati, S. (Eds.), Energy Synthesis: Theory and Applications of the Energy Methodology. Center for Environmental Policy, University of Florida, Gainesville, p. 235–248.
22. Oldfield, E. E., Wood, S. A., Palm, C. A., & Bradford, M. A. How much SOMis needed for sustainable agriculture. Frontiers in Ecology and the Environment, 2015, 13, p. 527–527.
23. Schrodinger E. What is Life? The Physical Aspect of the Living Cell. Cambridge at the University Press. 1944. p. 72 - 78.
24. Seifu M., Elias E. Soil Quality Attributes and Their Role in Sustainable Agriculture: A Review. International Journal of Plant & Soil Science, 2018, 26(3), p. 1-26,
25. USDA-NRCS. Soil health. 2019. https://www.nrcs.usda.gov/wps/portal/nrcs/main/soils/health/
26.World Health Organization. One health. https://www.who.int/health-topics/one-health

УДК 636.5.085.55

ВЛИЯНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ КОРМОВЫХ ДОБАВОК НА ОПТИМИЗАЦИЮ КОРМЛЕНИЯ КУР-НЕСУШЕК

Кайсын Лариса
доктор хабилитат, профессор
Технический Университет Молдовы, Кишинев, РМ
e-mail: larisa.caisin@mpasa.utm.md
orcid id: 0000-0001-8934-2709
Кара Алла
докторант, магистр сельскохозяйственных наук
Аграрно-технологический факультет
Комратский Государственный Университет, Комрат, РМ
e-mail: adimkara1@gmail.com
orcid id: 0000-0002-7183-469x

Abstract. The aim of the study was to evaluate the effects of non-traditional feed additives – peat additive (EG1) and feather meal (EG2) – on nutrient digestibility and utilization in laying hens. During the balance trial, feed intake and excreta output were recorded. Digestibility coefficients of dry matter, organic matter, crude protein, fat, and crude fiber were determined, along with the balance and utilization of nitrogen, calcium, and phosphorus. The results demonstrated that the feed additives had a positive effect on nutrient digestibility. Dry matter digestibility increased from 71.23 ± 0.35% in the control group to 72.34 ± 0.42% in EG1 and 73.08 ± 0.32% in EG2. Organic matter digestibility increased from 74.25 ± 0.31% to 76.10 ± 0.37% and 76.45 ± 0.46%, respectively. Crude protein digestibility increased from 85.24 ± 0.32% in the control group to 87.26 ± 0.34% in EG1 and 86.03 ± 0.41% in EG2. Calcium utilization increased from 81.68 ± 1.35% to 84.65 ± 1.28% and 83.92 ± 1.19%, while phosphorus utilization increased from 47.88 ± 1.40% to 53.94 ± 1.48% and 50.68 ± 1.43% in EG1 and EG2, respectively. Thus, the inclusion of peat additive and feather meal in the diet improved nutrient digestibility, enhanced nitrogen balance, and increased calcium and phosphorus utilization, thereby improving the biological value of the diet and the feeding efficiency of laying hens.

Key words: Laying Hens, Feed Digestibility, Nitrogen, Calcium, Phosphorus, Peat, Feather Meal, Feed Additives

Абстракт. Целью исследования было оценить влияние нетрадиционных кормовых добавок -торфяной добавки (ОГ1) и перьевой муки (ОГ2) - на переваримость и использование питательных веществ у кур-несушек. В ходе балансового опыта учитывали потребление корма и выделение экскрементов. Определяли коэффициенты переваримости сухого вещества, органического вещества, сырого протеина, жира и сырой клетчатки, а также баланс и

использование азота, кальция и фосфора. Результаты показали, что исследуемые кормовые добавки оказали положительное влияние на переваримость питательных веществ. Переваримость сухого вещества увеличилась с 71,23 ± 0,35 % в контрольной группе до 72,34 ± 0,42 % в ОГ1 и 73,08 ± 0,32 % в ОГ2. Переваримость органического вещества возросла с 74,25 ± 0,31 % до 76,10 ± 0,37 % и 76,45 ± 0,46 % соответственно. Переваримость сырого протеина увеличилась с 85,24 ± 0,32 % в контрольной группе до 87,26 ± 0,34 % в ОГ1 и 86,03 ± 0,41 % в ОГ2. Использование кальция повысилось с 81,68 ± 1,35 % до 84,65 ± 1,28 % и 83,92 ± 1,19 %, а использование фосфора - с 47,88 ± 1,40 % до 53,94 ± 1,48 % и 50,68 ± 1,43 % в группах ОГ1 и ОГ2 соответственно. Таким образом, включение торфяной добавки и перьевой муки в рацион способствовало улучшению переваримости питательных веществ, повышению азотистого баланса, а также более эффективному использованию кальция и фосфора, что привело к увеличению биологической ценности рациона и эффективности кормления кур-несушек.

Ключевые слова: куры-несушки, переваримость корма, азот, кальций, фосфор, торф, перьевая мука, кормовые добавки.

Введение

Рациональное кормление птицы является одним из ключевых факторов, обеспечивающих высокую продуктивность и стабильное физиологическое состояние. Переваримость питательных веществ и эффективность усвоения макроэлементов, в частности кальция и фосфора, оказывают непосредственное влияние на обмен веществ, рост, уровень продуктивности и качество продукции птицеводства [10,1].

В последние годы всё большее внимание уделяется исследованиям, направленным на определение переваримости и баланса питательных веществ кормов, поскольку данные показатели объективно отражают интенсивность обменных процессов в организме и позволяют научно обосновывать оптимизацию кормления птицы [3]. Особое значение имеют исследования усвоения кальция и фосфора, так как данные макроэлементы играют ведущую роль в процессах минерализации костной ткани, поддержании прочности скелета, формировании яйценоскости и регуляции метаболических процессов [2,7]. Недостаточное поступление кальция и фосфора с рационом может приводить к нарушениям минерального обмена, ослаблению костной системы и снижению продуктивных показателей, что обусловливает актуальность исследований их усвоения в условиях современного птицеводства.

Современные научные данные также свидетельствуют о том, что применение кормовых добавок способно существенно повышать переваримость питательных веществ и эффективность усвоения макроэлементов. Так, результаты балансных опытов с использованием инновационных кормовых добавок показали улучшение переваримости сухого вещества, сырого протеина и минеральных веществ у кур и кур-несушек по сравнению с контрольной группой [5].

В связи с этим изучение влияния нетрадиционных кормовых добавок, таких как торфяная и перьевая мука, на переваримость питательных веществ, а также на баланс и усвоение азота, кальция и фосфора, остаётся актуальной научной задачей. Полученные данные позволяют не только повысить эффективность использования кормовых ресурсов, но и способствуют укреплению здоровья и повышению продуктивности птицы, что имеет особое значение для устойчивого развития отрасли птицеводства.

Целью настоящего исследования являлась оценка влияния нетрадиционных кормовых добавок на коэффициенты переваримости рациона кур-несушек в условиях балансового опыта.

Материал и методы исследований

При проведении исследований на курах-несушках в условиях балансового опыта уровень поедаемости корма устанавливали на основании ежедневного учёта количества выданного комбикорма и массы несъеденных остатков.

Химический состав кормов определяли общепринятыми методами зоотехнического анализа: первоначальную влагу - методом высушивания навески корма в сушильном шкафу при температуре 65°С до постоянной массы; гигроскопическую влагу - высушиванием навески при температуре 100-105 °С до постоянной массы; содержание «сырой» золы - путём сжигания навески в муфельной печи при температуре 500-600 °С; «сырой» протеин - по методу Кьельдаля; «сырую» клетчатку - методом Геннеберга и Штомана с применением кипячения в слабых растворах кислот и щелочей; «сырой» жир - методом экстракции сернокислым эфиром в аппаратах Сокслета; содержание кальция - титриметрическим (трилонометрическим) методом; фосфора - колориметрическим методом.

По завершении экспериментального периода был проведён балансовый опыт по изучению переваримости и использования питательных веществ кормосмеси при включении в рацион нетрадиционных кормовых добавок [12].

Птицу содержали в индивидуальных клетках с сетчатым дном, под которыми размещались каркасы с полиэтиленовой плёнкой для сбора помёта. Поедаемость корма определяли ежедневно как разницу между количеством выданного комбикорма и массой остатка, одновременно учитывая количество выделенного помёта.

Пробы помёта собирали два раза в сутки, взвешивали и помещали в герметичные полиэтиленовые пакеты. Для предотвращения потерь азота пробы обрабатывали 0,1 н. раствором щавелевой кислоты из расчёта 2 мл на 50 г помёта; количество внесённой кислоты учитывали при определении первоначальной влаги. До проведения анализа пробы хранили в холодильнике.

Продолжительность балансового опыта составила 10 дней, из которых первые 7 дней служили адаптационным периодом, а последние 3 дня - учётным периодом для регистрации поедаемости корма и сбора помёта. Химический состав кормосмеси и помёта определяли по общепринятым методикам; содержание азота в кале - по методу М. И. Дьякова. Коэффициенты переваримости питательных веществ, а также балансы азота, кальция и фосфора рассчитывали по стандартным зоотехническим методикам.

Результаты исследований и их обсуждение

Переваримость питательных веществ у птицы определяется совокупностью взаимосвязанных факторов. К числу наиболее значимых относятся состав кормосмесей, содержание в них питательных веществ и кормовых добавок, возраст птицы, направление её продуктивности, физиологическое состояние, а также условия содержания и система управления кормлением.

Переваримость питательных веществ оценивают количественно как разницу между содержанием питательных веществ в съеденном корме и их количеством, выделенным с калом. Данный показатель отражает степень эффективности использования корма и является одним из ключевых критериев рационального кормления птицы.

Для выявления закономерностей обмена веществ в организме птицы широко применяется метод балансового опыта. В рамках данного метода птице скармливают строго взвешенное количество корма, систематически учитывают его поедаемость и объём выделенного помёта, после чего проводят анализ поступивших с кормом и выведенных с калом питательных веществ. Такой подход позволяет объективно оценить коэффициенты переваримости отдельных компонентов рациона, а также установить влияние различных факторов и кормовых добавок на усвояемость питательных веществ.

В проведённом исследовании установлено (таблица1), что включение нетрадиционных кормовых добавок в рацион кур-несушек оказывает положительное влияние на переваримость питательных веществ комбикорма, что свидетельствует о повышении биологической ценности рациона и подтверждает целесообразность использования данных добавок для оптимизации кормления птицы.

Таблица 1. Схема научно-хозяйственного опыта

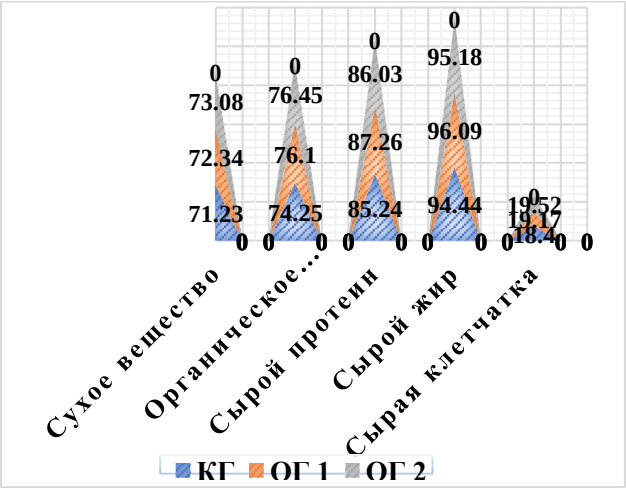
Группа	Число голов	Особенности кормления
Контрольная (КГ)	60	Основной комбикорм (ОК)
Опытная 1 (ОГ1)	60	ОК с включением ОКДТ* 1 кг/тонну
Опытная 2 (ОГ2)	60	ОК с включением ОКДП** 2,0 кг/тонну

Результаты исследования показали, что включение нетрадиционных кормовых добавок в рацион кур-несушек оказывает положительное влияние на переваримость основных компонентов кормосмесей. В контрольной группе (КГ), где птица получала базовый рацион без добавок, коэффициенты переваримости сухого вещества, органического вещества и сырого протеина составили 71,23 ± 0,35 %, 74,25 ± 0,31 % и 85,24 ± 0,32 % соответственно.

Введение торфяной кормовой добавки (ОГ1) способствовало повышению переваримости указанных компонентов до 72,34 ± 0,42 %, 76,10 ± 0,37 % и 87,26 ± 0,34 % соответственно. В опытной группе с включением перьевой муки (ОГ2) соответствующие показатели составили 73,08 ± 0,32 %, 76,45 ± 0,46 % и 86,03 ± 0,41 % (фигура 1). Таким образом, применение обеих добавок обеспечило достоверное улучшение усвояемости сухого и органического вещества, а также сырого протеина по сравнению с контрольной группой. Результаты дисперсионного анализа подтвердили статистическую значимость различий между группами по переваримости сухого вещества ($F = 6,41$; $p < 0,01$), органического вещества ($F = 9,50$; $p < 0,01$) и сырого протеина ($F = 8,18$; $p < 0,01$).

Переваримость сырого жира также характеризовалась положительной динамикой при введении кормовых добавок. Наиболее высокий коэффициент отмечен в группе ОГ1 и составил 96,09 ± 0,43 %, тогда как в группе ОГ2 данный показатель находился на уровне 95,18 ± 0,49 %, а в контрольной группе - 94,44 ± 0,45 %. Выявленные различия носили умеренно значимый характер ($F = 3,25$; $p < 0,05$), что указывает на тенденцию к улучшению усвояемости жира при использовании кормовых добавок, особенно торфяной.

Особого внимания заслуживает переваримость сырой клетчатки как показатель эффективности использования волокнистых компонентов кормосмеси. В контрольной группе данный показатель составил 18,40 ± 0,11 %, в группе с торфяной добавкой - 19,17 ± 0,10 %, а в группе с перьевой мукой - 19,52 ± 0,22 %. Различия между группами были высоко достоверными ($F = 14,24$; $p < 0,001$), что свидетельствует о выраженном улучшении усвоения клетчатки под влиянием кормовых добавок. Наибольший эффект отмечен при использовании перьевой муки, что, вероятно, связано с наличием легко усвояемых белковых фракций и стимуляцией ферментативной активности желудочно-кишечного тракта птицы.

Фиг.1. Коэффициенты переваримости питательных веществ комбикорма, при введении в рацион кур-несушек кормовых добавок, %

Сравнительный анализ показал, что торфяная добавка (ОГ1) оказывала более выраженное влияние на переваримость протеина и жира, способствуя повышению усвояемости органического вещества за счёт улучшения функциональной активности пищеварительного тракта. В то же время перьевая мука (ОГ2) оказывала наибольшее воздействие на переваримость клетчатки и органического вещества, что обусловлено её составом и высокой биологической ценностью белка.

Таким образом, включение обеих нетрадиционных кормовых добавок в рацион кур-несушек способствовало повышению коэффициентов переваримости всех ключевых компонентов кормосмеси, улучшению усвоения питательных веществ и увеличению биологической ценности рациона. Эти результаты подтверждают эффективность торфа и перьевой муки как функциональных кормовых добавок, способствующих оптимизации питания птицы и повышению её продуктивности.

В рамках проведённого балансового опыта, помимо оценки переваримости органических веществ, определяли также баланс и коэффициенты усвоения азота, кальция и фосфора. Азотистые вещества корма, поступая в желудочно-кишечный тракт птицы, подвергаются гидролизу до свободных аминокислот, которые используются для синтеза белка, обеспечения роста и развития организма, восстановления изношенных тканей, а также формирования яйца. Эффективность использования протеина в различные возрастные периоды оценивают по балансу азота, что позволяет объективно судить о рациональности кормления.

Анатомо-физиологические особенности пищеварительной и выделительной систем птицы позволяют учитывать одновременно весь азот, выделяемый с помётом и мочой, и азот, депонированный в тканях организма. Такой подход обеспечивает точную оценку эффективности белкового обмена и метаболизма азота в целом.

Кальций и фосфор, относящиеся к макроэлементам неорганической фракции корма, являются критически важными компонентами рационов птицы. Кальций преимущественно локализуется в костной ткани в форме фосфорнокислых и углекислых солей. Он необходим для нормального функционирования сердца, регуляции мышечной и нервной деятельности, а также для повышения защитных функций организма. Недостаток кальция у молодняка приводит к развитию рахита, проявляющегося нарушением минерализации костей, искривлением позвоночника, рёбер, трубчатых костей и клюва. У взрослой птицы дефицит кальция вызывает остеопороз, обусловленный нарушением эндокринной регуляции, прежде всего со стороны гипофиза и паратиреоидных желез. Ограниченная подвижность птицы усугубляет выраженность этих нарушений.

Фосфор содержится во всех тканях организма и является ключевым компонентом внутриклеточной среды. Основная его часть локализуется в костях в форме фосфорнокислого кальция. Фосфор входит в состав коферментов и макроэргических соединений (АТФ, АДФ, АМФ), которые служат универсальными аккумуляторами энергии, обеспечивая мышечную и метаболическую активность. Дефицит фосфора у молодняка вызывает рахит, а у взрослой птицы - остеопороз.

Обмен кальция и фосфора тесно взаимосвязан: при недостатке кальция у птицы одновременно наблюдается отрицательный баланс фосфора [10,13]. Ионы кальция повышают защитные функции организма, снижая мембранную проницаемость для токсических веществ и усиливая фагоцитарную активность [9].

Соединения фосфора активируют ферментативные процессы и участвуют в образовании макроэргических соединений, среди которых ключевое значение имеет аденозинтрифосфорная кислота (АТФ) [8]. По данным [14], усвоение кальция и фосфора у кур находится в прямой зависимости от усвоения азота. Кроме того, физиологическое состояние и возраст птицы существенно влияют на эффективность усвоения этих макроэлементов: у молодняка усвоение кальция и фосфора значительно выше, чем у взрослых птиц [11].

Проведение балансового опыта позволяет комплексно оценить эффективность усвоения белка и минеральных веществ у птицы, а также обосновать применение кормовых добавок,

направленных на повышение переваримости питательных веществ и усвоения макроэлементов.

Введение нетрадиционных кормовых добавок из торфа (ОГ 1) и перьевой муки (ОГ 2) в рацион подопытных кур положительно влияло на баланс и усвоение макроэлементов, в частности кальция и фосфора (таблица 2). Количество кальция, поступившего с кормом, было сопоставимо во всех группах: контрольная группа (КГ) - 4,15 ± 0,28 г, ОГ 1 - 4,30 ± 0,25 г, ОГ2 - 4,23 ± 0,30 г, что исключает влияние различий в потреблении на усвоение элемента.

Выделение кальция с помётом уменьшилось в опытных группах: КГ - 0,76 ± 0,19 г, ОГ1 - 0,66 ± 0,007 г, ОГ2 - 0,68 ± 0,008 г ($p < 0,01$ для ОГ 2), что свидетельствует о более эффективном использовании кальция организмом птицы. Баланс кальция в опытных группах увеличился: ОГ1 - 3,64 ± 0,002 г, ОГ2 - 3,55 ± 0,006 г по сравнению с контролем (3,39 ± 0,17 г).

Использование кальция от принятого количества также повысилось: КГ - 81,68 ± 1,35 %, ОГ1 - 84,65 ± 1,28 %, ОГ 2 - 83,92 ± 1,19 %, что подтверждает повышение биодоступности элемента при введении кормовых добавок.

Таблица 2. Баланс и использование кальция и фосфора подопытными курами, г ($\bar{X} \pm S\bar{x}$, n=3)

Показатель	Группа		
	КГ	ОГ1	ОГ2
Кальций			
Принято с кормом	4,15±0,28	4,30±0,25	4,23±0,30
Выделено в помете	0,76±0,19	0,66±0,007	0,68±0,008**
Баланс	3,39±0,17	3,64±0,002	3,55±0,006**
Использование от принятого, %	81,68±1,35	84,65±1,28	83,92±1,19
Фосфор			
Принято с кормом	0,71±0,11	0,76±0,19**	0,73±0,13**
Выделено в помете	0,37±0,16	0,35±0,18**	0,36±0,004**
Баланс	0,34±0,10	0,41±0,14	0,37±0,008
Использование от принятого, %	47,88±1,40	53,94±1,48	50,68±1,43**

*Примечание: разность по отношению к контрольной группе достоверна при *- p <0,95, **-p <0,99, ***-p <0,999*

Аналогичная тенденция наблюдалась и по фосфору. Поступление элемента с кормом было выше в опытных группах: ОГ1 - 0,76 ± 0,19 г, ОГ2 - 0,73 ± 0,13 г, в то время как в контроле оно составило 0,71 ± 0,11 г ($p < 0,01$). Выделение фосфора с помётом снизилось: КГ - 0,37 ± 0,16 г, ОГ1 - 0,35 ± 0,18 г, ОГ 2 - 0,36 ± 0,004 г ($p < 0,01$), что свидетельствует о более рациональном использовании макроэлемента организмом птицы.

Баланс фосфора увеличился в опытных группах: ОГ1 - 0,41 ± 0,14 г, ОГ2 - 0,37 ± 0,008 г по сравнению с контролем (0,34 ± 0,10 г). Использование фосфора от принятого количества также повысилось: КГ - 47,88 ± 1,40 %, ОГ1 - 53,94 ± 1,48 %, ОГ2 - 50,68 ± 1,43 % ($p < 0,01$ для ОГ2).

Сравнительный анализ показал, что торфяная добавка (ОГ1) оказывала более выраженное влияние на усвоение как фосфора, так и кальция, повышая их баланс и процент использования. Перьевая мука (ОГ2) также способствовала улучшению усвоения макроэлементов, особенно кальция, однако её эффект по фосфору был менее выражен.

Таким образом, включение торфа и перьевой муки в рацион кур-несушек повышает эффективность усвоения кальция и фосфора, снижает потери элементов с помётом и способствует их накоплению в организме, что важно для укрепления костной системы и повышения биологической ценности кормов. Полученные данные подтверждают целесообразность использования указанных нетрадиционных кормовых добавок для оптимизации минерального питания птицы.

Выводы и предложения

Проведённые исследования показали, что введение нетрадиционных кормовых добавок из торфа (ОГ1) и пера (ОГ2) в рацион кур-несушек положительно влияет на переваримость питательных веществ, а также на баланс и усвоение азота, кальция и фосфора.

Балансовый опыт продемонстрировал, что обе добавки способствуют увеличению коэффициентов переваримости сухого и органического вещества, сырого протеина, жира и клетчатки. Торфяная добавка (ОГ 1) более выраженно повышала усвоение белка и жира, тогда как перьевая мука (ОГ 2)-клетчатки и органического вещества. Эти результаты свидетельствуют о способности данных кормовых компонентов повышать биологическую ценность рациона и оптимизировать использование питательных веществ птицей.

Анализ баланса азота подтвердил эффективность усвоения белка при применении добавок. Азотистые вещества корма в опытных группах лучше использовались для синтеза белка, обеспечения роста и развития организма, что указывает на повышение продуктивной ценности корма и рационализацию белкового обмена.

Добавки также положительно влияли на усвоение макроэлементов. Кальций и фосфор, являясь ключевыми компонентами костной ткани и метаболических процессов, усваивались более эффективно в опытных группах. Торфяная добавка способствовала повышению усвоения фосфора, а перьевая мука кальция. В обеих группах снизились потери этих элементов с помётом, что свидетельствует о рациональном их использовании организмом птицы.

Таким образом, введение в рацион кур-несушек торфяной добавки и перьевой муки обеспечивает:

- повышение переваримости питательных веществ, особенно белка, жира и клетчатки;
- улучшение баланса азота и повышение эффективности использования белковых компонентов корма;
- оптимизацию усвоения кальция и фосфора и снижение их потерь с помётом;
- улучшение минерального обеспечения организма птицы, что особенно важно для формирования костной ткани и поддержания физиологической активности.

Использование нетрадиционных кормовых добавок в кормлении кур-несушек является эффективным средством повышения биологической ценности рациона и улучшения обмена питательных веществ, что может положительно сказаться на продуктивности и здоровье птицы.

Библиография:

1. Adedokun, S. A., & Adeola, O. (2013). Standardized ileal amino acid digestibility of feed ingredients for poultry. *Poultry Science, 92*(7), 1730–1739. https://doi.org/10.3382/ps.2012-02921
2. David, B., Kim, W. K., & Adeola, O. (2022). Calcium and phosphorus nutrition in broilers: impacts on bone development and egg production. *Animal Feed Science and Technology, 284*, 115141. https://doi.org/10.1016/j.anifeedsci.2022.115141
3. He, J., Zhao, X., & Wang, Y. (2020). Effects of dietary feed additives on nutrient digestibility and gut health in poultry. *Journal of Animal Science and Biotechnology, 11*(1), 88. https://doi.org/10.1186/s40104-020-00502-9
4. Leeson, S., & Summers, J. D. (2005). *Commercial poultry nutrition* (3rd ed.). Nottingham University Press.
5. Poultry Nutrition Additive Research. (2025). Effects of alternative feed additives on nutrient digestibility and mineral utilization in laying hens. *Poultry Press*, 10(20–24), 15–29. https://www.poultrypress.ru/gallery/%E2%84%9610%20%2820-24%29.pdf

6. S.S., P., Johnson, R., & Lee, K. (2023). Influence of enzyme and probiotic supplementation on nutrient digestibility in laying hens. *Animals, 12*(14), 1742. https://www.mdpi.com/2076-2615/12/14/1742
7. Van Vuure, C., & Van Krimpen, M. (2017). Calcium and phosphorus metabolism in poultry: efficiency and implications for diet formulation. *Poultry Science, 96*(9), 3307–3317. https://doi.org/10.3382/ps/pex142
8. Авцын, А.П. Микроэлементозы Человека Медицина, 1991.- 496 С.
9. Альберте, Б.И. Молекулярная Биология Клетки М.: Мир, 1994. - Т.2.-540 С.
10. Анспок, П.И. Микроудобрения Л.: Агропромиздат, 1990.-272 С.
11. Бессарабов, Н.В. Болезни Птиц И Профилактика.Птицеводство. - 1994. -№4. - С. 22.
12. Дьяков М. И**.** Методика Изучения Азотистого Обмена И Использования Протеина У Сельскохозяйственных Животных // *Труды ВНИИ Кормов*. -1965. - Т. 12. - С. 45–52.
13. Клейменов, Н.И. Минеральное питание скота. На Комплексах И Фермах. - М.: Россельхозиздат, 1987. - 191 С.
14. Олль, Ю.К. Минеральное питание животных в различных природно-хозяйственных условиях Л.: Колос, 1967. - С. 18.

УДК 634.23:631.811.98

ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯТОРА РОСТА PILARHANCE SL НА УРОЖАЙНОСТЬ И КАЧЕСТВО ПЛОДОВ ВИШНИ

Пештяну Анание
Доктор с.-х. наук, конференциар
Технический Университет Молдовы,
г. Кишинёв, Республика Молдова
e-mail: ananie.pesteanu@y.utm.md
orcid id: 0000-0002-8985-7101

Abstract: The investigations were carried out with Erdi Botermo sour cherry trees grafted on the mahaleb rootstock. The planting distance was 4.0 x 2.0 m, and the crown shape was mixed pyramid with reduced volume. The aim of the research was to study the effectiveness of Pilarhance, SL product as a growth regulator in different treatment doses to stimulate the growth and development processes of fruit in the sour cherry orchard. To achieve the planned objective, the following variants were studied: 1. Control, without treatment; 2. Pilarhance, SL, 0.8 l/ha; 3. Pilarhance, SL, 1.3 l/ha. On the basis of the obtained results, it was established that the growth regulator Pilarhance, SL can be included in the technological scheme for sour cherry cultivation at a dose of 1.3 l/ha, applied twice by foliar spraying. The first treatment should be carried out after flowering, and the next during the period when the color of the sour cherry fruits changes from green to yellow.
Keywords: cherry, growth regulator, fruit, setting rate, production, firmness, quality.

Наряду с использованием минеральных и органических удобрений, средств защиты растений, большое значение в последнее время в сельском хозяйстве имеет и применение регуляторов роста растений. [9, с. 25].

Регуляторами роста способны в малых количествах вызывать различные изменения в процессе роста и развития растений [11, с. 131].

Известно 6 групп фитогормонов: ауксины, гиббереллины, цитокинины, абсцизовая кислота, этилен и брассиностероиды, которые различаются химической природой и действием на физиологические процессы растений [7, с.5].

Гиббереллины - самый обширный класс естественных стимуляторов роста [4, с. 100; 7,

с. 181; 10, с 290]. Известно более сотни их разновидностей. Главные достоинства препаратов на их основе - высокая эффективность и безвредность. Они полностью безопасны для человека, не накапливаются в растениях и не имеют пост эффектов [8, с. 50].

Брассиностероиды - фитогормоны класса стероидов, поддерживающие нормальное функционирование защитной системы растения, особенно в неблагоприятных условиях, например, при засолении почвы, пониженных температурах, заморозках, засухе, заражении патогенами. [3, с. 64; 5, с. 456].

Наиболее распространен и изучен из этого класса 24-эпибрассинолид, который через гормональную систему влияет на активность и биосинтез ферментов окислительного цикла, гидролитических ферментов, оказывает разностороннее действие на растение: повышает устойчивость к биотическим и абиотическим факторам, усиливает ростовые и формообразовательные процессы, повышает урожайность и улучшает ее качество [1, с. 1459; 6, с. 37].

Целью исследований было установить влияние препарата Pilarhance SL в качестве регулятора роста для стимулирования ростовых процессов и развитья плодов в крону деревьев вишни сорта Эрди Ботермо, привитых на подвой Вишня магалебская в интенсивном вишнёвом саду и для поддержания физиологического баланса между ростом, плодоношения и получения постоянных качественных урожаев.

Работы по испытанию препарата Pilarhance, SL в качестве регулятора роста для стимулирования ростовых процессов и развитья плодов в насаждениях вишни были проведены в саду SRL „Ceteronis ST”, с. Гура Быкулуй, Ново Анненского р-на, в период вегетации 2025 года.

Сад посажен в 2022 году сортом Эрди Ботермо, подвой Вишня магалебская. Площадь питания 4 х 2 м, форма кроны свободнорастущее веретено. Обработка почвы в саду по типу чёрный пар.

Во втором и третьем вариантах провели по 2 обработки за вегетационный период тестированным препаратом Pilarhance, SL в дозе 0,8 и 1,3 л/га. Первую обработку провели в конце периода цветения (25.04.2025), а вторую в период перехода окраски плодов из зелёного в жёлтом цвете (12.05.2025).

Таблица 1

Схема опыта по определению эффективности препарата Pilarhance SL в качестве регулятора роста для стимулирования ростовых процессов и развитья плодов в насаждениях вишни

№	Варианты опыта	Активное вещество	Способ применения
1.	Контроль	Опрыскивание водой	Опрыскивание в период вегетации. Первую обработку провели в конце периода цветения, а вторую в период перехода окраски плодов из зелёного в жёлтом цвете
2.	Pilarhance, SL – 0,8 л/га	Гиббереллиновая кислота, 3,98 g/l+24-эпибрассинолид, 0,02 g/l 750 г/кг	
3.	Pilarhance, SL – 1,3 л/га		

Каждый вариант включал в себя по четыре повторности. Каждая повторность состояла из 8 деревьев.

Обработка деревьев проводилось ранцевыми опрыскивателем, в утренние часы, в отсутствие ветра. Количество раствора на дерево при обработке изучаемых препаратов составило 0,8 литра, исходя из количества деревьев на единицу площади и рекомендуемого количества воды 1000 л/га.

Исследования проводились в полевых и лабораторных условиях по принятой методике проведения опытов с плодовыми культурами и с регуляторами роста.

Продуктивность деревьев вишни определяли в фазе полного созревания плодов методом весового учета. Урожай с каждого дерева был собран отдельно и взвешен. Затем по каждому варианту определяли среднюю урожайность с дерева с последующим пересчётом на

единицу площади.

Среднюю массу плодов определяли в четырех проворностях каждого варианта путем взвешивания 100 штук, убранных подряд из кроны дерева с последующим делением полученного результата на их количество.

Твёрдость плодов вишни оценивали с помощью пенетрометра GY 1, фиксирующего сопротивление мякоти, проникновению плунжера площадью 3 мм^2. По каждому варианту было отобрано по 10 плодов. В экваториальной области с двух противоположных сторон плода (со стороны воздействия солнца на плод и со стороны тени) было выполнено 10 оценок твердости, при этом фиксировалось среднее значение.

Количество общего содержания сухих веществ в соке плодов вишни определяли с помощью цифрового рефрактометра марки Pocket. Общую кислотность определяли методом титрования 0,1% раствором NaOH. Для определения витамины С в плодах был использован титриметрический метод с использованием 2,6-дихлорфенолиндофенолята натрия.

Полученные результаты сравнивались с контрольным вариантом.

Основные полученные результаты статистически обработаны методом дисперсионного анализа по Доспехову [12].

Определяли процент завязывания и среднюю массу плодов, среднюю урожайность с дерева с последующим пересчётом на единицу площади, твёрдость плодов вишни, общего содержания сухих веществ титруемую кислотность и содержание витамины С в плодах.

Полученные результаты доказывают, что количества цветковых на деревьях в изучаемых вариантах варьировало от 3319 шт./дерево в варианте Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га до 3364 шт./дерево в контрольном варианте (табл. 2). Разница между количеством цветиков полученных по вариантам опыта несущественное, и не могло повлиять кардинально на результаты проведённых исследований.

Проведенные исследования доказали, что в вариантах обработанными регулятором роста Pilarhance, SL в дозах 0,8 и 1,3 л/га, сформировалось в кроне деревьев различное количество плодов. Меньшее количество плодов в кроне деревьев вишни отмечено в контрольном варианте - 720 шт./дерево и в варианте Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га – 738 шт./дерево, по сравнению с вариантом обработанным регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га – 780 шт./дерево, то есть произошло увеличение на 8,3% по сравнению с контрольным вариантом.

Такое увеличение количества плодов в варианте обработанным регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га произошло за счёт незначительного роста процента завязывания цветков по сравнению с остальными исследованными вариантами.

Таблица 2

Влияние регулятора роста Pilarhance, SL на количество плодов и их процента завязывания в кроне деревьев вишни сорта Эрди Ботермо

№	Варианты опыта	Количество цветков, шт./дер.	Количество плодов, шт./дер.	Процент завязывания,%
1.	Контроль	3364	720	21,4
2.	Pilarhance, SL – 0,8 л/га	3324	738	22,2
3.	Pilarhance, SL – 1,3 л/га	3319	780	23,5
НСР 0,05%		159	31,4	-

Наименьший процент завязывания плодов был зарегистрирован в контрольном варианте (21,4%), за котором следует вариант Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га (22,2%), где прирост изучаемого покозателя составило 0,8%.

Наибольшее значение процента завязывания плодов (23,5%) было зарегистрировано в варианте, обработанном препаратом Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, то есть увеличение составило 1,3 - 2,1% по сравнению с предыдущими вариантами.

Полученные результаты доказывают, что полученные результаты в варианте при обработки регулятором роста, взятого на испытания Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, доля завязанных цветков в кроне деревьев, и количества полученных плодов была выше по сравнению с остальными вариантами опыта.

Продуктивность - это показатель, который доказывает, как проводились все агротехнические мероприятия в вишнёвом саду сорта Эрди Ботермо.

Проведённые исследования доказывают, что изучаемый регулятор роста Pilarhance, SL влияет по-разному на средний вес плодов и урожая в целом.

За время проведения исследований, наименьший вес плодов был отмечен в контрольном варианте (5,45 г).

При использовании регулятора роста Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га средний вес плодов был несущественно выше контрольного варианта, то есть на 1,8% и составил 5,55 г. Полученные результаты доказываю, что регулятор роста Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га, не имеет такого существенного влияния на средний вес плодов как в варианте Pilarhance, SL – 1,3 л/га, где данный показатель был выше и составил 5,77 г, или на 4,0% по сравнению с предыдущем вариантом и на 5,9% по сравнению с контрольным вариантом. Изменение среднего веса плодов в варианте Pilarhance, SL – 1,3 л/га произошло в результате улучшения ростовых процессов в кроне деревьев и повышения устойчивости растений к неблагоприятным условиям окружающей среды (заморозки, засуха, болезни).

Контрольный вариант характеризуется наименьшем количеством плодов в кроне деревьев и самым низким средним весом одного плода. Соответственно, в данном варианте было отмеченно и самая низкая урожайность как с одного дерева (3,92 кг/дерево), так и с единицы площади (4,9 т/га).

При обработке варианта регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га, урожайность плодов была выше контрольного варианта, но намного ниже варианта Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га. Полученная урожайность, в данном варианте с дерева, составила 5,22 кг, а с гектара 6,52 т, или произошло увеличение на 4,7% по сравнению с контрольным вариантом.

В случае тестированного варианта Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, зарегистрировано существенное увеличение количества плодов (780 шт./дерево) и их среднего веса (5,77 г), что привело к значительной прибавке урожая как с дерева (4,5 кг), так и с единицы площади (5,62 т/га).

Таблица 3

Влияние регулятора роста Pilarhance, SL на средний вес и продуктивность деревьев вишни сорта Эрди Ботермо

№	Варианты опыта	Количество плодов, шт./дер.	Средний вес, г	Продуктивность		В % к контролю
				кг/дерево	т/га	
1.	Контроль	720	5,45	3,92	4,90	0,0
2.	Pilarhance, SL – 0,8 л/га	738	5,55	4,10	5,13	104,7
3.	Pilarhance, SL – 1,3 л/га	780	5,77	4,50	5,62	114,7
НСР 0,05%		32,1	0,24	0,19	0,25	-

Дозы обработки по-разному повлияло на полученную урожайность по вариантам опыта. То есть, разница между вариантами обработанным регулятором роста Pilarhance, SL в дозах 0,8 и 1,3 л/га была существеннее, что подтверждается и статистической обработкой.

Данные статистической обработки по продуктивности указывают на незначительную разницу между контрольным вариантом и вариантом Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га, и на существенное влияние по сравнению с вариантом Pilarhance, SL в дозах 1,3 л/га. То есть, если разница по урожайности плодов полученной между контролем и вариантом обработанным препаратом Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, достигло 14,7%, то между вариантом Pilarhance, SL в

дозе 0,8 л/га и предыдущем вариантом, данное значение составило 10,0%.

Полученные результаты доказывают, что среди вариантов опыта, наибольшая урожайность плодов зарегистрирована при применении препарата Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га по сравнению с остальными вариантами взятых в исследования.

Проведенные наблюдения (табл. 4) показывают, что твердость мякоти вишни сорта Эрди Ботермо на момент уборки в исследуемых вариантах составляла 0,38-0,46 кг/см^2.

Твёрдость плодов вишни сорта Эрди Ботермо изменяется под воздействием регулятора роста Pilarhance, SL, то есть, можно отметить, что соответствующие препараты, у которых активным ингредиентом является гиббереллиновая кислота + 24-эпибрассинолид, увеличивают в какой-то степени твердость вишни. Если в случае контрольного варианта твердость вишни составляла 0,38 кг/см^2, то в вариантах, обработанных регулятором роста Pilarhance, SL, соответствующий показатель увеличился и достигал параметров 0,41-0,46 кг/см^2.

Сравнивая между собой варианты обработанные гиббереллиновой кислотой + 24-эпибрассинолида, можно отметить, что самая низкую твердость плодов отмеченно в варианте Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га - 0,41 кг/см^2, то есть, наблюдается увеличение на 0,03 кг/см^2 по сравнению с контрольным вариантом. При увеличении дозы тестированного регулятора роста Pilarhance, SL до 1,3 л/га, данный показатель был выше на 21,1% по сравнению с контрольным вариантом, составив 0,46 кг/см^2.

Изучая влияние дозы обработки на исследуемый показатель, можно отметить, что увеличение дозы препарата Pilarhance, SL с 0,8 до 1,3 л/га повышает твердость плодов на 0,05 кг/см^2, то есть кожица плодов вишни становится более эластичнее и мякоть твёрже.

Таблица 4

Влияние регулятора роста Pilarhance, SL на твердость плодов вишни сорта Эрди Ботермо и их биохимических показателей

№	Варианты опыта	Твёрдость, кг/см^2	Растворимые сухие вещества, %	Кислотность, %	Витамин С, мг%,
1.	Контроль	0,38	16,5	0,64	15,9
2.	Pilarhance, SL – 0,8 л/га	0,41	16,8	0,60	16,1
3.	Pilarhance, SL – 1,3 л/га	0,46	17,2	0,57	16,4

Содержание растворимых сухих веществ является характеристикой сорта, и значение этого показателя можно использовать для определения оптимального времени сбора урожая. По мере приближения периода сбора урожая интенсивность накопления растворимых сухих веществ увеличивается.

Проведённые исследования доказывают, что количество растворимых сухих веществ в плодах вишни сорта Эрди Ботермо в исследуемых вариантах составило 16,5 – 17,2%.

Наименьшая доля растворимых сухих веществ зарегистрировано в контрольном варианте – 16,5%. При использовании регулятора роста Pilarhance, SL отмечено повышение исследуемого показателя до 16,5 – 17,2%. То есть, обработка в изучаемых вариантов с применением регулятора роста Pilarhance, SL увеличило содержание растворимых сухих веществ в плодах на 0,3 – 0,7% по сравнению с контролем.

Изучая влияние дозы обработки на количество растворимых сухих веществ в плодах, можно отметить, что с увеличением дозы препарата Pilarhance, SL с 0,8 до 1,3 л/га исследуемый показатель вырос. Если разница между вариантами, обработанными регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 0,8 и 1,3 л/га л/га, составила 0,4%, то между контрольным вариантом и вариантом, обработанным Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, увеличение было на 0,7%. Таким образом, обработка регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га повлияла в значительной степени на увеличение количества растворимых сухих веществ в плодах.

Доля титруемых кислот в плодах находится в прямой зависимости от количества растворимых сухих веществ. Одновременно с уменьшением количества растворимых сухих веществ в плодах увеличивается доля титруемых кислот, достигая наибольшего значения в контрольном варианте - 0,64 %.

Обработка деревьев регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, снизила долю титруемых кислот в данном варианте, составив 0,57%, что на 0,07% меньше по сравнению с контрольным вариантом. В варианте, обработанным регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га, изучаемый показатель составил 0,60%, что было ниже контрольного варианта на 0,04%.

Витамина С является одним из основных показателей качества плодов вишни. Проведенные исследования доказывают, что наименьшее количество витамины С было зарегистрировано в контрольном варианте, где его содержание составило 15,9 мг%.

Обработка опытных вариантов регулятором роста Pilarhance, SL увеличило содержание витамины С до 16,1 - 16,4 мг%, что на 0,2 – 0,5 мг% больше по сравнению с контрольным вариантом. Набольшее количества витамины С отмечено в варианте Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га (16,4 мг%), что на 0,5 мг% больше по сравнению с контрольным вариантом и на 0,3 мг% по сравнению с вариантом Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га.

Проведенные исследования доказывают, что обработка деревьев регулятором роста Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, увеличело твердость плодов, а растворимые сухие вещества, титруемая кислотность и содержание витамины С в данном варианте была более сбалансированной в плодах вишни по сравнению с другими вариантами опыта.

Выводы

Эффективность применения регулятора роста Pilarhance, SL в дозе 0,8 л/га для стимулирования ростовых процессов и развитья плодов была несущественно выше контрольного варианта, а при увеличении дозы до 1,3 л/га, изучаемый показатель был намного выше по сравнению с остальными исследованными вариантами.

Наибольшая интенсивность ростовых процессов в кроне деревьев и развитья плодов вишни было зарегистрировано в варианте Pilarhance, SL в дозе 1,3 л/га, обработанным 2 раза, путём опрыскивания. Первую обработку проводить в конце периода цветения, а вторую в период перехода окраски плодов из зелёного в жёлтом цвете.

Библиография:

1. Ahammed, G.J., Li, X., Liu, A., Chen, S. Brassinosteroids in Plant Tolerance to Abiotic Stress. In: J. Plant Growth Regul., 2020. 39: 1451-1464.

2. Buban T. Using plant growth regulators to increase fruit set in sour cherry trees. In: Acta Hortic. 410, 1996, p. 307-310.

3. Chai, Y.M., Zhang, Q., Tian, L., Li, C.L., Xing, Y., Qin, L., Shen, Y.Y. Brassinosteroid is involved in strawberry fruit ripening. In: Plant Growth Regul., 2013. 69: 63-69.

4. Kurlus, R., Swierczynski, S., Rutkowski, K., Ratajkiewicz, H., Malinowska, A., Wyrwal, A. Exogenus GA3 and GA4+7 effects on phenological indices, frost hardiness and quality properties of English Morello sour cherry (Prunus cerasus L.). In: Acta Sci. Pol. Hortorum Cultus, 2017, 16(6), p. 99–109.

5. Mandava, B., Wang, Y. Effect of brassinosteroids on cherry maturation firmness and fruit quality. Acta. Hortic., 2016. 1139: 451-458.

6. Muradoğlu, F, Kırkaya, H, Batur, Ş, Purlu, G, Hasanov, M, The Stimulating Effect of Polyamine and Brassinolide on Sweet Cherry cv. '0900 Ziraat' Pollen. In: Yuzuncu Yil University Journal of Agricultural Sciences, 2025. 35(1): 36-43.

7. Neamţu, G., Irimie, F. Fitoregulatori de crestere: aspecte biochimice si fiziologice. Bucureşti, 1991, 332 p.

8. Peşteanu, A., Balan, V., Ivanov, I., Lozan, A. Effect of Auxiger grow regulator on

development and fructification of Regina cherry variety. În: Lucrări ştiinţifice, Universitatea din Turcia, 2018, p. 50-57.

9. Pește anu, A., Cumpanici, A., Lozan, A. Influenţa produselor pe bază de 1-NAD şi 1-NAA asupra calităţii fructelor de cireş din soiul Regina în sistemul superintensiv de cultură. In: Ştiinţa agricolă, 2020, nr. 2, p. 25-34.

10. Пештяну, А. Влияние регулятора роста на продуктивность насаждений вишни сорта Uifehertoi Fiurtosi. In: Наука, образование, культура: Международная научно-практическая конференция: 31-ая годовщина Комратского государственного университета: сборник статей. Комрат, 2022, т. 1, с. 290-295.

11. Peșteanu, A., Cumpanici, A., Gudumac, E., Lozan, A. The influence of growth regulators on the achieving of high productions from the Kordia cherry variety on the MaxMa 14 rootstock. In: Scientific Papers. Series B, Horticulture. Vol. LXV, No. 1, 2023, pp. 131-138.

12. Доспехов Б.А. Методика полевого опыта. Москва: Агропромиздат. 1985. 351 с.

CZU 635.63:631.81:631.52

COMPARATIVE ASSESSMENT OF SALT TOLERANCE IN CUCUMBER (CUCUMIS SATIVUS L.) GENOTYPES OF DIFFERENT BREEDING ORIGINS

Fedotova Liudmila
Ph.D. in Agriculture, Associate Professor
Comrat State University,
Comrat, Republic of Moldova
e-mail: fedotovar298@gmail.com
orcid id: 0000-0002-4455-5353
Dmitroglo Margarita
Master, M.A
Aarhus,Denmark
e-mail: ritulik95@mail.ru
orcid id:0000-0003-3195-9524

Abstract. Soil salinization is a major environmental constraint to agricultural productivity, particularly in arid regions. Cucumber (*Cucumis sativus* L.), an economically important vegetable crop, is highly sensitive to salt stress and shows reduced germination and early growth even under moderate salinity. The present study provides a comparative assessment of salt tolerance in three cucumber genotypes representing Moldovan, Ukrainian, and Dutch breeding programs. The analysis focuses on seed germination and early seedling development as critical stages determining plant establishment and yield potential. The results contribute to the identification of genotypes with higher adaptive capacity and to a better understanding of breeding-related differences in responses to salinity stress.

Keywords: *Cucumis sativus* L.; salinity stress; seed germination; seedling growth; abiotic stress; genotype comparison

Introduction

In recent decades, the degradation of agricultural land due to soil salinization has acquired the scale of a global environmental crisis, posing a serious threat to food security in many regions of the world. Cucumber (*Cucumis sativus* L.), one of the most widely cultivated vegetable crops worldwide, is characterized by high sensitivity to increased mineralization of the soil solution [1]. As a typical glycophyte, *Cucumis sativus* exhibits a sharp decline in productivity even under moderate salt concentrations, which is associated with a complex set of physiological, biochemical, and molecular alterations within the plant organism. Under conditions of arid climates and intensive irrigation, often

involving the use of saline water, the selection of genetically salt-tolerant forms becomes a priority task of modern agrobiological research [2].

The present study is aimed at conducting an in-depth comparative analysis of salt tolerance in three cucumber genotypes representing different breeding schools: Moldovan, Ukrainian, and Dutch. This approach allows not only the assessment of the adaptive potential of specific cultivars and hybrids, but also the evaluation of the influence of breeding strategies on the development of mechanisms of tolerance to abiotic stress. Particular attention is paid to the early stages of ontogenesis—seed germination and early seedling growth—which are critical periods in the plant life cycle and largely determine stand establishment and future crop yield.

Materials and Methods

The research methodology combined three main analytical approaches:

Seed Germination Analysis – Laboratory germination tests were conducted to evaluate the response of cucumber seeds to different levels of salinity stress. Seeds of three *Cucumis sativus* L. genotypes were germinated in Petri dishes on filter paper moistened with sodium chloride (NaCl) solutions of varying concentrations. Germination percentage and germination energy were assessed on the 3rd and 7th days of the experiment under controlled temperature conditions (24–25 °C).

Salinity Stress Simulation – Salinity stress was simulated using aqueous NaCl solutions at concentrations of 25, 50, 100, 200, and 400 mM, corresponding to increasing stress intensity, with distilled water serving as the control. This gradient allowed the evaluation of genotype-specific tolerance thresholds and stress response patterns during early ontogenesis.

Early Seedling Growth Assessment – Early seedling development was evaluated by observing seedling emergence and initial growth under salinity stress. Comparative analysis among genotypes of Moldovan, Ukrainian, and Dutch breeding origin enabled the identification of differences in adaptive potential and sensitivity to salinity at the earliest developmental stages.

Results and Discussion

Genotypic Background and Breeding Context.

The selected cucumber genotypes differed substantially in their biological traits, breeding history, and adaptive orientation, allowing a broad representation of the genetic diversity within *Cucumis sativus* L. The Moldovan hybrid Rodnichok F1, a long-established bee-pollinated genotype, was developed with an emphasis on high yield, fruit quality, and performance under fertile chernozem soils with intensive agronomic inputs. Such breeding priorities suggest limited evolutionary pressure toward tolerance of abiotic stresses associated with substrate mineralization.

In contrast, the Ukrainian cultivar Dzherelo was bred for early maturity and resilience under open-field conditions in a continental climate. Its relative cold tolerance and high vegetative vigor indicate a generally elevated physiological plasticity, which is often associated with improved capacity to cope with osmotic stress.

The Dutch cultivar Beth Alpha represents a fundamentally different breeding paradigm. As a parthenocarpic type designed for protected cultivation and fertigation systems, it has undergone selection under conditions where precise control of nutrient and salt concentrations is critical. Genetic studies have shown that Beth Alpha-type cucumbers form a distinct cluster, reflecting deep divergence from traditional salad and pickling types. This divergence is associated with enhanced adaptive mechanisms, including stress-related gene expression, which may contribute to increased tolerance to salinity.

Response to NaCl Concentration Gradient

The application of a wide NaCl gradient (25–400 mM) enabled the identification of genotype-specific thresholds of salt tolerance and revealed clear differentiation among the tested materials.

Table 1.

Effect of Different NaCl Concentrations on Germination and Germination Energy

NaCl concentration (mM)	Rodnichok F1-Moldova	Dzherelo -Ukraine	Beth Alpha-Dutch

Control (0)	96%	94%	98%
25 mM	82%(growth delay)	92% (stable)	97% (optimal)
50 mM	68% (inhibition)	85% (stable)	95% (growth)
100 mM	42% (severe depression)	55% (decline)	88% (moderate)
200 mM	5% (individual seedlings)	12% (strong inhibition)	28% (viability)
400 mM	0% (complete inhibition)	0% (complete inhibition)	2%(minimal sprouting)

Low and mild salinity (25–50 mM NaCl).

At 25 mM NaCl (approximately 1.46 g L^{-1}), the first signs of differential responses among genotypes became apparent. Beth Alpha exhibited no significant deviations from the control in terms of germination energy or final germination percentage, indicating a high capacity for osmotic adjustment during seed imbibition. This suggests the presence of efficient mechanisms for water uptake and maintenance of cellular hydration under moderate osmotic stress.

Dzherelo also maintained stable germination at 25–50 mM NaCl; however, a slight reduction in hypocotyl elongation was observed compared to the control. This response indicates a moderate sensitivity of early growth processes, while basic germination capacity remained largely unaffected.

Rodnichok F1 proved to be the most sensitive genotype at this stress level. Even at 25 mM NaCl, initial inhibition of primary root development was detected, pointing to a low threshold of tolerance to increased external osmotic pressure. Such sensitivity is consistent with its breeding background, which prioritized performance under optimal soil conditions rather than stress resilience.

Moderate salinity (100 mM NaCl).

At 100 mM NaCl, inhibitory effects became pronounced across all genotypes, though with marked differences in severity. Beth Alpha maintained relatively high germination rates, albeit with a noticeable delay in seedling emergence and reduced seedling vigor. Dzherelo showed a substantial decline in germination energy, accompanied by reduced root and shoot growth, indicating that compensatory mechanisms were no longer sufficient to fully offset osmotic and ionic stress.

Rodnichok F1 exhibited sharp suppression of both germination and early seedling development, confirming its limited adaptive capacity under moderate salinity. Root growth inhibition at this concentration suggests disruption of cell division and elongation processes, likely caused by impaired water uptake and ion toxicity.

High and very high salinity (200–400 mM NaCl).

At 200 mM NaCl, germination was severely reduced in Dzherelo and almost completely suppressed in Rodnichok F1. Beth Alpha remained the only genotype capable of partial germination, although seedlings were weak and poorly developed.

At 400 mM NaCl, germination was either minimal or entirely absent in all genotypes, indicating that this concentration exceeded the physiological tolerance limits of *Cucumis sativus* during early ontogenesis.

Implications for Breeding and Cultivation

The observed differences in salt tolerance among the studied genotypes clearly reflect the influence of breeding strategy and target cultivation systems. Genotypes developed for high-input, fertile environments showed reduced plasticity under salinity stress, whereas forms selected under controlled or variable environmental conditions demonstrated higher adaptive potential. The superior performance of Beth Alpha at low and moderate salinity levels highlights the importance of breeding for physiological flexibility and stress-related regulatory mechanisms.

These findings emphasize that early developmental stages-seed germination and seedling growth-are highly sensitive indicators of salinity tolerance and can serve as effective screening criteria in cucumber breeding programs aimed at saline and irrigated agroecosystems.

Ecological conditions in breeding regions and their influence on tolerance

The tolerance of a cultivar often reflects the ecological conditions of the region in which it was bred and initially adapted [3].

Moldova and the Comrat District: mineralization Cchallenges.

The Moldovan breeding program (Rodnichok F1) developed against the backdrop of fertile chernozem soils. However, in some southern regions of the country, such as the Comrat District, groundwater salinization is a significant issue. The intrusion of ancient brines into natural water sources transforms their composition from bicarbonate–calcium to chloride–sodium. River water mineralization in these areas can reach 1.2–1.3 g L^{-1}, imposing stress on glycophytic crops. Nevertheless, traditional breeding addressed this problem primarily through soil amelioration, which explains Rodnichok's sensitivity to direct salt exposure.

Ukraine: Continental climate and aridity

The Ukrainian breeding program (Dzherelo) is adapted to the conditions of the Steppe and Forest-Steppe, where summer often brings rainfall deficits and intense evaporation, causing salt accumulation in upper soil layers. Dzherelo's ability to tolerate short-term drops in temperature and its relative resistance to mild salinity (up to 50 mM) make it a valuable resource for farms in southern Ukraine. In these regions, cucumber is frequently grown in open fields, where it is exposed to variable environmental factors, necessitating a certain degree of genetic plasticity.

The Netherlands : Technological stress

The Dutch breeding program (Beth Alpha) represents the pinnacle of industrial vegetable cultivation. In greenhouses in the Netherlands and Israel, plants are often grown in hydroponics or low-volume substrates, where even minor miscalculations in nutrient solutions can lead to localized salinization in the root zone. Selection for tolerance to high salt concentrations in the working solution (EC) has become a by-product, yet a highly important outcome, of Dutch breeding efforts. The genetic potential of Beth Alpha allows it to serve as a donor of salt tolerance in hybridization programs.

Conclusions

A comparative analysis of three cucumber (Cucumis sativus L.) genotypes of different geographical and breeding origins revealed significant variability in their response to chloride salinity [4]. It was established that varietal specificity is a determining factor for the survival of the crop at early stages of ontogenesis.

The Dutch breeding line, represented by the variety *Beth Alpha*, demonstrated the most advanced adaptive mechanisms, allowing it to maintain high germination rates and growth under NaCl concentrations up to 100 mM and remain viable at 200 mM. This genotype is characterized by high osmotic plasticity and efficient ion homeostasis systems, making it the most promising for cultivation in regions with high salinity risk and under intensive greenhouse conditions.

The Ukrainian variety *Dzherelo* occupies an intermediate position, showing good tolerance to weak and moderate salinity (up to 50 mM). Its adaptive potential is associated with general ecological resilience developed under continental climate conditions, making it suitable for use on soils with moderate mineralization levels.

The Moldovan hybrid *Rodnichok F1* exhibited extreme sensitivity to the presence of sodium chloride in the substrate. Even minimal salt doses (25 mM) caused a depression of growth processes. While this genotype possesses high commercial and taste qualities, it requires strict control of the salinity regime and is recommended only for cultivation on fertile, non-saline soils with high-quality irrigation water.

The overall tolerance limit for the species *Cucumis sativus* was confirmed at 400 mM NaCl, at which point complete inhibition of seed metabolism occurs in all studied samples. Further enhancement of cucumber productivity under saline conditions requires the integration of advanced breeding methods, including the use of molecular markers and genetic engineering aimed at enhancing the expression of key stress-protective genes.

The practical application of these results will allow for the optimization of varietal composition in vegetable plantations in arid zones and significantly reduce economic risks associated with soil resource degradation.

Bibliography:

1.Azeezahmed Shaik. Growth stage-specific responses of cucumber to salinity stress: germination, seedling establishment, and vegetative development. Department of Plant and Environmental Sciences, College of Agriculture, Forestry and Life Sciences, Clemson University, 2025 p.16.

2.Coşkun Ö. F., Aydın A., Toprak S., Başak H. Rootstock-mediated salinity resilience in cucumber (*Cucumis sativus* L.): integrating physiological traits, genomic stability and machine learning .2025. BMC Plant Biology.p.57.

3.Shaik A., Karthikeyan R., Kousik C. S. Growth stage-specific responses of cucumber to salinity stress: germination, seedling establishment, and vegetative development.2025. Frontiers in Plant Science. 35p.

4. Ivana Maksimovic. Effects of Salinity on Vegetable Growth and Nutrients Uptake. University of Novi Sad. March 2012. Irrigation Systems and Practices in Challenging Environments. 15 p.

УДК 631.5:633.18

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РИСОВОДСТВЕ: АЭРОБНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОТВЕТ НА КЛИМАТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Приходько Игорь Александрович
кандидат технических наук, заведующий кафедрой строительства и эксплуатации водохозяйственных объектов, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
Краснодар, Россия.
prihodkoigor2012@yandex.ru
orcid: 0000-0003-4855-0434
Кесафоти Христофор Евстафьевич
ассистент кафедры строительства и эксплуатации водохозяйственных объектов, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
Краснодар, Россия.
mr.kesafoti@mail.ru
orcid: 0009-0008-7468-865x

Аннотация. Продовольственная безопасность в XXI веке неразрывно связана с адаптацией сельского хозяйства к меняющимся климатическим реалиям. Традиционное рисоводство, основанное на длительном затоплении чеков, демонстрирует растущую уязвимость в условиях нарастающего дефицита пресной воды. В данной работе рассматривается перспективная альтернатива – технология аэробного выращивания риса, исключающая постоянное затопление и позволяющая культивировать рис в условиях пониженной влагообеспеченности (рисунок 1). На примере исследований, проведённых в различных агроэкологических регионах (Индия, Кот-д'Ивуар, Танзания), проанализированы агробиологические и экономические аспекты данной системы. Показано, что переход на аэробные технологии обеспечивает сокращение водопотребления на 40–73%, существенно снижает антропогенную эмиссию метана и позволяет оптимизировать трудозатраты. Одновременно обозначены ключевые лимитирующие факторы: необходимость специализированной селекции, риски распространения сорняков и почвенных патогенов, а также возможное снижение урожайности

при монокультуре. Особое внимание уделено вопросам экономической целесообразности и конкурентоспособности продукции аэробного рисоводства на внутренних рынках стран-импортёров риса. Интеграция данных аспектов позволяет рассматривать аэробное рисоводство не как локальную агротехнику, а как комплексную стратегию адаптации аграрного сектора к водному стрессу и климатической нестабильности.
Ключевые слова: ресурсосберегающее земледелие, водный дефицит, почвенно-климатические риски, эмиссия парниковых газов, продовольственная безопасность.
Abstract. Food security in the 21st century is inextricably linked with the adaptation of agriculture to changing climate realities. Traditional rice farming, based on long-term flooding of paddies, is demonstrating increasing vulnerability in the face of increasing freshwater shortages. This paper examines a promising alternative: aerobic rice cultivation technology, which eliminates constant flooding and allows for rice cultivation in conditions of reduced moisture availability (Figure 1). Using studies conducted in various agro-ecological regions (India, Côte d'Ivoire, and Tanzania) as examples, the agrobiological and economic aspects of this system are analyzed. It is shown that the transition to aerobic technologies reduces water consumption by 40–73%, significantly reduces anthropogenic methane emissions, and optimizes labor costs. Key limiting factors are also identified: the need for specialized breeding, the risk of weed and soil pathogen spread, and the potential for yield reduction in monoculture. Particular attention is paid to the economic feasibility and competitiveness of aerobic rice products in the domestic markets of rice-importing countries. The integration of these aspects allows us to consider aerobic rice farming not as a localized agricultural practice, but as a comprehensive strategy for adapting the agricultural sector to water stress and climate instability.
Keywords: resource-saving agriculture, water deficit, soil and climate risks, greenhouse gas emissions, food security.

Введение. Глобальные тренды в изменении климата и структуре водопотребления ставят под сомнение устойчивость многих устоявшихся агротехнологий. Культура риса (Oryza sativa L.), будучи основой пищевого рациона для миллиардов людей, традиционно ассоциируется с высоким водопотреблением и специфическими агроэкологическими требованиями [1, с. 270-276]. Однако растущий дисбаланс между доступными водными ресурсами и потребностями орошаемого земледелия [2, с. 3004-3015] диктует необходимость поиска принципиально новых подходов к возделыванию данной культуры. В этом контексте аэробное рисоводство, при котором растения культивируются в не переувлажнённой, хорошо аэрируемой почве, подобно пшенице или кукурузе, перестаёт быть экспериментальной методикой и превращается в практически значимую альтернативу для регионов, испытывающих хронический или прогнозируемый дефицит влаги. Настоящая статья представляет собой синтез знаний, полученных в различных географических и экономических условиях, и нацелена на комплексную оценку потенциала, ограничений и перспектив внедрения аэробных систем выращивания риса.

Концептуальные основы и агроэкологические преимущества аэробного рисоводства. Аэробная система базируется на использовании специализированных сортов, сочетающих физиологическую пластичность «горных» сортов (устойчивость к почвенной засухе) с продуктивным потенциалом «низинных» линий. Основной агротехнический принцип – поддержание влажности корнеобитаемого слоя на уровне, близком к полевой влагоёмкости, без создания постоянного водоносного слоя. Это приводит к каскаду положительных эффектов [3, с. 65-68]:

Гидрологический эффект: Радикальное сокращение непродуктивных потерь воды через глубинную фильтрацию и поверхностное испарение. Данные исследований свидетельствуют о снижении сезонного водопотребления с 1200 – 1300 мм до 470 – 900 мм.

Экологический эффект: Перевод почвенных процессов из анаэробного в аэробный режим практически нивелирует биогенную эмиссию метана – одного из ключевых парниковых газов рисовых агроценозов.
Агротехнический эффект: Отказ от трудоёмких операций по созданию и поддержанию затопления, подготовке рассады и её пересадке открывает возможности для механизации и снижения себестоимости производства.
Почвенный эффект: Сохранение макроструктуры почвы, предотвращение формирования уплотнённой подпочвенной «плужной подошвы», активизация деятельности аэробных микроорганизмов.
Опыт, накопленный в штате Тамилнад (Индия) [4, с. 189-207], демонстрирует, что при грамотном подборе сортов (например, PMK 3, CO 47) и соблюдении агрофона урожайность в аэробных условиях может достигать 5 – 6 т/га, что лишь на 15 – 30% ниже, чем у лучших низинных сортов при затоплении, но при вдвое меньших затратах воды (таблица 1).
Таблица 1 – Потребление воды и урожайность риса в различных условиях выращивания в штате Тамиланд (Индия)

Год	**Условия выращивания**	**Подача воды, мм**	**Урожайность, т/га**	**Затраты воды, кг/м^3**
2001	аэробное	1350	5,4 – 6,8	0,45
2001	аэробное	470 – 650	2,5 – 5,7	0,73
2002	аэробное	1250	4,6 – 5,3	0,40
2002	аэробное	550 – 900	2,9 – 5,7	0,59
2002	аэробное	566	5,5	0,97
2003	аэробное	688	3,6 – 4,5	0,59
2003	аэробное	600-700	5,0 – 6,0	0,85
2007	низинное	1200	6,0	0,50
2007	низинное	560	3,1	0,57

Селекционно-генетический фундамент технологии. Успех аэробной системы критически зависит от наличия сортов, адаптированных к новым условиям. Современная селекция ставит перед собой задачу создания генотипов с уникальным комплексом признаков:
Архитектоника корневой системы: Преимущество отдаётся сортам с глубоко проникающей, густо разветвлённой корневой системой, способной эффективно использовать влагу из нижних горизонтов почвы.
Физиологическая устойчивость: Ключевыми являются механизмы осмотической регуляции, высокая эффективность фотосинтеза в условиях умеренного водного стресса, устойчивость устьичного аппарата.
Фенологическая стабильность: Минимизация задержки цветения и равномерность созревания в условиях возможных перебоев с орошением.
Резистентность к биотическим стрессам: Повышенная конкурентоспособность по отношению к сорнякам и устойчивость к спектру патогенов (нематоды, грибные заболевания), чьё значение в аэробных условиях возрастает.
Агроинженерное и организационное обеспечение. Переход на аэробную технологию требует модификации всей системы земледелия [5, с. 653-658; 6, с. 395-398]:
Водоподача: Наиболее эффективным признано использование систем микроорошения (капельного, микродождевания), обеспечивающих локальное и дозированное увлажнение. Это повышает коэффициент полезного использования воды на 30–80% по сравнению даже с усовершенствованными методами затопления (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнение методов орошения риса

Показатель	Традиционное затопление	Капельное орошение	Микродождевание
КПД использования воды, %	40 – 50	70 – 90	65 – 85
Снижение водопотребления относительно затопления, %	—	30 – 50	25 – 40
Урожайность, т/га	5,5 – 6,5	6,8 – 7,8	6,5 – 7,5
Прирост урожайности относительно затопления, %	—	+18 – 25 %	+15 – 20 %
Затраты на воду, руб./га	8 000 – 10 000	4 000 – 6 000	5 000 – 7 000
Капитальные затраты на оборудование, руб./га	10 000–15 000 (каналы)	80 000 – 120 000	60 000 – 90 000
Эксплуатационные расходы, руб./га/год	12 000 – 15 000	18 000 – 22 000	16 000 – 20 000
Срок окупаемости системы, лет	—	4 – 6	5 – 7
Потребление удобрений, кг/га (NPK)	200 – 250	150 – 180	160 – 190
Снижение выноса удобрений в грунтовые воды, %	—	40 – 60	35 – 50
Контроль засоренности (снижение гербицидов), %	Базовый уровень	20 – 30	15 – 25
Риск заболачивания/засоления, балл (1–10)	7 – 9	2 – 3	3 – 4
Гибкость регулирования режима	Низкая	Высокая	Средняя
Зависимость от рельефа	Высокая	Низкая	Средняя
Трудозатраты на обслуживание, чел.-ч/га/сезон	80 – 100	40 – 60	50 – 70

Защита растений: В условиях отсутствия заливного слоя резко обостряется проблема сорняков. Обязательным элементом становится интегрированная система защиты, сочетающая применение почвенных гербицидов, севообороты с культурами-супрессорами (например, бобовые) и, при возможности, механическую обработку.

Питание растений: Динамика доступности элементов питания (особенно азота и микроэлементов) в аэробной почве иная. Рекомендуется использование легкоусвояемых форм удобрений (аммонийных, хелатных), а также мониторинг почвенного раствора для предотвращения дефицитов.

Проблемы экономической эффективности и рыночной конкуренции. Как показывает анализ ситуации в Кот-д'Ивуаре, внедрение аэробного рисоводства часто сталкивается не только с агротехническими, но и с экономическими барьерами. Производственные издержки, особенно высокая доля ручного труда, могут делать местный аэробный рис менее конкурентоспособным по сравнению с дешёвым импортным сырьём из Азии. Расчёт коэффициента затрат внутренних ресурсов (DRC) показывает, что конкурентоспособность местного производства может быть достигнута при выполнении двух условий: 1) существенное повышение урожайности (на 15–25%) за счёт улучшенных сортов и агропрактик; 2) снижение доли трудозатрат через механизацию. Кроме того, важнейшим фактором является формирование узнаваемого бренда и доверия потребителей к качеству местного риса, что требует инвестиций в переработку, упаковку и маркетинг.

Биотические риски: опыт Танзании. Отдельным вызовом для аэробного рисоводства является изменение фитосанитарной обстановки. Исследования в Танзании наглядно иллюстрируют [7, с. 847-859; 8, с. 213-219], как заболевание пирикуляриоз (Pyricularia oryzae) может нивелировать преимущества новой системы. В условиях аэробного выращивания восприимчивые сорта (Jaribu 220, Kalamata) теряли до 37,8% урожая, в то время как устойчивые линии (TXD 306, IR 64) демонстрировали потери не более 11 – 16%. Этот факт подчёркивает невозможность простого переноса старых сортов в новую агротехнику и жёсткую необходимость постоянного селекционного сопровождения технологии, направленного на усиление иммунного статуса сортов.

Заключение и стратегические ориентиры. Аэробное рисоводство не является панацеей, но представляет собой научно обоснованный и технологически осуществимый путь диверсификации систем производства риса в условиях нарастающей климатической неопределённости. Его успешная имплементация возможна только в рамках системного подхода, включающего:

Создание национальных и международных программ по селекции и первичному семеноводству аэробных сортов, адаптированных к местным условиям.

Развитие консультационных служб и демонстрационных площадок для трансферта соответствующих агротехнологий фермерским хозяйствам.

Государственную поддержку в модернизации инфраструктуры орошения и логистики, особенно на стартовом этапе внедрения.

Формирование экономических механизмов, стимулирующих производство и сбыт экологически безопасной и водосберегающей сельхозпродукции.

Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на долгосрочной оценке воздействия аэробных систем на агрофизические и биохимические свойства почв, разработке цифровых моделей для оптимизации поливных режимов и экономическом моделировании различных сценариев внедрения технологии в зависимости от макроэкономической конъюнктуры.

Список литературы:

1. Effect of Moisture Regimes and Weed Management Practices on Growth Indices under Drum Seeded Rice (Oryza sativa L.) / R. Prakash, R. Kumar, R. Verma [et al.] // International Journal of Environment and Climate Change. – 2023. – Vol. 13, No. 9. – P. 270-276. – DOI 10.9734/ijecc/2023/v13i92252.

2. Effect of irrigation and nitrogen management on yield, nutrient uptake and water productivity of direct–seeded rice in India / S. Sepat, K. Pavuluri, V. Singh [et al.] // Journal of Plant Nutrition. – 2022. – Vol. 45, No. 19. – P. 3004-3015. – DOI 10.1080/01904167.2021.2020819.

3. Kaur, M. Rice Productivity and Water Use Efficiency under Different Irrigation Management System in North-Western India / M. Kaur, K. Sharma // Indian Journal of Extension Education. – 2022. – P. 65-68. – DOI 10.48165/ijee.2022.58212.
4. Shekhar, Sh. Simulation and optimization of ponding water and nutrient management in rice irrigated with alternate wetting and drying practice under a humid subtropical region in India / Sh. Shekhar, D. R. Mailapalli, N. S. Raghuwanshi // Paddy and Water Environment. – 2024. – Vol. 22, No. 1. – P. 189-207. – DOI 10.1007/s10333-023-00961-7.
5. Приходько, И. А. Повышение эффективности работы рисовых оросительных систем в условиях техногенных угроз и возрастающего дефицита водных ресурсов на Юге России / И. А. Приходько, Е. Ф. Чебанова, Г. А. Молчанова // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2025. – № 5(407). – С. 653-658. – DOI 10.55186/25876740_2025_68_5_653.
6. Приходько, И. А. Совершенствование способов возделывания риса для повышения всхожести семян в условиях дефицита водных ресурсов / И. А. Приходько, А. С. Романова, Р. В. Огаджанян // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2025. – № 3(405). – С. 395-398. – DOI 10.55186/25876740_2025_68_3_395.
7. Importance of basic cultivation techniques to increase irrigated rice yields in Tanzania / N. Sekiya, M. Tomitaka, N. Oizumi [et al.] // Paddy and Water Environment. – 2017. – Vol. 15, No. 4. – P. 847-859. – DOI 10.1007/s10333-017-0597-8.
8. F. B. Can System of Rice Intensification Boost Smallholders' Rice Production in Rainfed, Lowland Areas of Tanzania. / F. B. - // Journal of Rice Research. – 2022. – Vol. 15, No. Special Issue. – DOI 10.58297/lpmw9267.

УДК 635.649

КОМБИНАЦИОННАЯ СПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЬСКИХ ФОРМ ПЕРЦА ОСТРОГО (*CAPSICUM ANNUM L.*) ПО ПРИЗНАКУ «СРЕДНЯЯ МАССА ПЛОДА»

Дыдышко Наталия
кандидат с/х наук, доцент
УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия»
Горки, Могилевская обл. Беларусь
e-mail: kafekon2010@baa.by
Dydyshko_natalia@mail.ru
orcid id: 0009-0008-2627-1083

Аннотация. В селекции на гетерозис данные о комбинационной способности необходимы для подбора наилучших комбинаций родительских пар. В статье представлены результаты научно-исследовательской работы изучения параметров комбинационной способности по признаку средняя масса плода. Объектом исследования являлись сорта и гибриды перца острого, полученные по схеме топкросса. Выявлены достоверные различия по эффектам ОКС и СКС материнских и отцовских форм по признаку средней массы плода. Для гетерозисной селекции с целью создания высокоурожайных крупноплодных гибридов рекомендуется использовать материнские линии Лара, Линия 9, и отцовские формы Каин, Ежик.

Ключевые слова перец острый, масса плода, топкросс, тестер, общая комбинационная способность (ОКС), специфическая комбинационная способность (СКС).

Abstract. In heterotic breeding, data on combining ability is essential for selecting the best combinations of parental pairs. This article presents the results of a research study examining combining ability parameters for average fruit weight. The study focused on hot pepper varieties and

hybrids obtained using the topcross technique. Significant differences in the overall combining ability (OCA) and specific combining ability (SCA) effects between maternal and paternal varieties were identified for average fruit weight. For heterotic breeding to create high-yielding, large-fruited hybrids, it is recommended to use the maternal lines Lara and Line 9 and the paternal lines Cain and Yezhik.

Keywords: hot pepper, fruit weight, topcross, tester, general combining ability (GCA), specific combining ability (SCA).

Обеспечение населения разнообразной качественной овощной продукцией является важной задачей агропромышленного комплекса Республики Беларусь. В соответствии с программой Государственного развития аграрного бизнеса в Беларуси овощной подкомплекс решает задачи максимального удовлетворения спроса на внутреннем рынке и уменьшения зависимости от импорта, а также обеспечения импортозамещения некоторых видов овощей путем собственного конкурентоспособного их производства.

Основными задачами овощеводства являются производство овощей в количестве, удовлетворяющем потребность населения, а также увеличение разнообразия ассортимента продукции[1; 2; 3, с. 146–164; 4, с. 39].

Почвенно-климатические условия Республики Беларусь обуславливают необходимость создания сортов и гибридов, устойчивых к резко меняющимся факторам окружающей среды, способных давать урожай при коротком вегетационном периоде, пригодных для малоэнергоемких технологий выращивания. Увеличение объемов производства овощной продукции может быть достигнуто в значительной степени путем создания качественно новых сортов и гибридов.

В Беларуси работы по селекции перца острого проводятся в Республиканском унитарном предприятии «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по картофелеводству и плодоовощеводству» и в Учереждении образования «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия». Цель исследований заключается в создании сортов и гибридов, которые были бы устойчивы к различным абиотическим и биотическим факторам внешней среды, обладали высокой адаптивной способностью. Значительное внимание уделяется таким качественным признакам плодов как цвет, размер, форма, степень остроты, а также урожайности, устойчивости к болезням как в открытом грунте, так и в теплицах. В результате проделанной работы в Государственный реестр сортов сельскохозяйственных растений включен сорт перца острого Ежик и гибриды F_1 Янка, Дыдыш, Захар, Василек [5, с. 9–12; 6, с. 73].

При создании высокоурожайных сортов и гибридов различных сельскохозяйственных культур селекционеры сталкиваются с необходимостью выбора подходящих родительских форм для скрещивания. Однако не каждая комбинация родителей приводит к проявлению гибридной мощности у потомства. Знание комбинационной способности сортов является научной основой для успешного получения гетерозисных гибридов [8, с. 15; 9, с. 118; 10].

Комбинационная способность относится к способности линии или сорта, используемых в качестве родительских форм, создавать гибридное потомство с повышенной жизнеспособностью и урожайностью [7, с. 18].

Линии для скрещивания подбирают с учетом результатов оценки общей и специфической комбинационной способности (ОКС и СКС).

Оценка на ОКС предполагает выявление линий, скрещивание которых приводит к получению гибридов, превышающих по изучаемому признаку родительские формы и лучшие гибридные комбинации. Оценка на СКС проводится с целью выявления конкретных пар линий, которые дают высокогетерозисный гибрид. Знание комбинационной способности образцов перца острого позволяет целенаправленно подходить к созданию гетерозисных гибридов и использованию исходного материала для повышения эффективности селекционного процесса, улучшения качества подбора родительских форм для скрещивания.

Значительное внимание уделяется таким качественным признакам плодов как цвет, размер, форма, степень остроты, а также урожайности как в открытом грунте, так и в теплицах [11, с. 16; 13, с. 40; 11, с. 39].

Экспериментальная работа проводилась в условиях защищенного грунта на опытном поле кафедры сельскохозяйственной биотехнологии, экологии и радиологии УО Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия. В качестве материнских компонентов использовались родительские формы: Агдас, Зимрид, Лара, Халапеньо, Волгоград, Чегевара, Линия 9, в качестве отцовских – Каин, Китай, Феферона красная, Красный дракон, Ежик. Выполнено комплексное изучение 35 гибридных комбинаций, полученных путем гибридизации по схеме топкросса.

В селекции перца острого выделяю три направления – получение острой паприки, для технических целей, и для универсального использования (консервации, употребления в свежем и сушеном виде). У растений перца масса плодов сильно варьирует в зависимости от сорта и может колебаться от 2–3 граммов до 300 граммов. Ряд авторов считают, что общая урожайность обуславливается средней массой плода, однако наши исследования показали, что средняя масса плода у гибридов перца острого занимает промежуточное наследование.

Средняя масса плода у родительских форм перца острого за исследуемый период варьировала от 3,3 до 51,8 г (таблица 1).

Наибольшей средней массой плода отличались Агдас (40,6 г), Линия 9 (51,8 г), которые являются материнскими образцами в наших исследованиях и могут быть рекомендованы в качестве источников для селекционной работы по данному признаку. Наименьшую среднюю массу плода имели сорта Китай (3,3 г), Феферона красная (5,8 г), Чегевара (6,5 г). Средняя масса плода гибридов варьировала от 5,5 до 31,2 г. Выделились гибридные комбинации с высокой массой плода: Линия 9 × Каин (31,0 г), Линия 9 × Ежик (28,5 г), Агдас × Ежик (28,0 г), Агдас × Каин (27,1 г), Лара × Ёжик (25,0 г).

Таблица 1 – Средняя масса плода родительских форм перца острого, г

Родительские формы	Годы исследования			Среднее
	2018	2019	2020	
Каин	12,4	11,8	14,0	12,7
Китай	3,8	2,9	3,3	3,3
Феферона красная	6,2	5,4	5,7	5,8
Красный дракон	11,7	10,3	11,3	11,1
Линия 9	53,2	45,6	56,5	51,8
Волгоград	11,0	12,9	12,8	12,2
Лара	26,8	26,1	25,6	26,2
Халапеньо	16,6	20,8	20,1	19,2
Агдас	40,1	37,5	44,2	40,6
Зимрид	23,7	26,0	27,1	25,6
Чегевара	5,7	7,6	6,3	6,5
Ежик (контроль)	12,6	13,5	11,1	12,4
$НСР_{05}$	4,8	4,9	4,1	

Разработано автором публикации

Знание комбинационной способности образцов перца острого позволяет целенаправленно подходить к созданию гетерозисных гибридов и использованию исходного материала для повышения эффективности селекционного процесса, улучшения качества подбора родительских форм для скрещивания

На рисунке 1 представлена доля вклада отцовских и материнских форм в общую изменчивость по изучаемому признаку в среднем за три года.

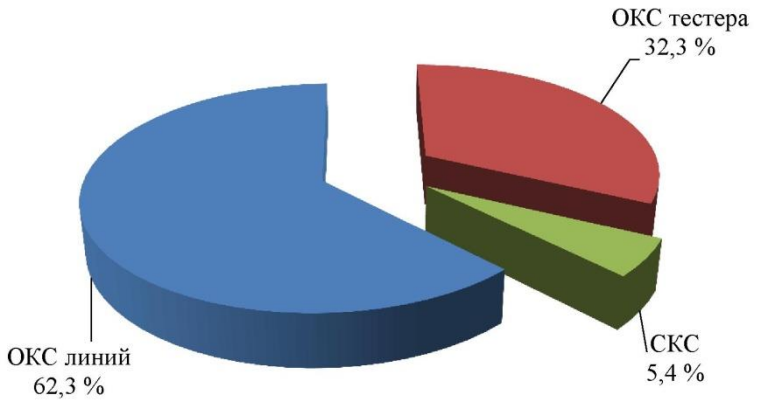

Рисунок 1 – Вклад ОКС и СКС в изменчивость по средней массе плода, %
Разработано автором публикации

По признаку «средняя масса плода» доля вклада материнских линий составила – 62,3 %, отцовских образцов – 32,3%.

Эффекты взаимодействия отцовских и материнских генотипов, которые характеризуют специфическую комбинационную способность, по всем признакам ниже вкладов родительских форм.

Оценка показателей общей комбинационной способности исследуемых образцов перца острого по признаку «средняя масса плода» (таблица 2) позволяет выделить материнские линии: Линия 9, Агдас, Лара и отцовские формы Ежик, Каин. Для прогнозирования лучших комбинаций гибридов были вычислены вариансы СКС сортов. Низкие эффекты ОКС по комплексу признаков имеют Китай (отцовская), и Чегевара (материнская) формы. Высокая варианса СКС показывает, что отдельные комбинации скрещивания с участием одного и того же сорта существенно отличаются друг от друга по эффекту гетерозиса. По высоким показателям эффектов ОКС и варианс СКС выделяются образцы Лара, Линия 9 (материнские формы) и Ежик (отцовская форма), их целесообразно использовать для получения высокопродуктивных гетерозисных гибридов F_1 перца острого.

Таблица 2 – Комбинационная способность родительских образцов перца острого по признаку «средняя масса плода», кг/м^2

Родительские образцы	Параметры комбинационной способности					
	Эффекты ОКС			Вариансы СКС		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Линии						
Линия 9	6,094	7,663	10,037	22,388	4,466	50,774
Волгоград	-5,006	-7,377	-6,683	7,533	1,138	1,560
Лара	2,514	3,323	1,737	10,094	2,538	4,968
Халапеньо	-0,206	0,183	-1,303	1,406	1,388	6,103
Агдас	0,014	6,083	5,617	88,794	7,278	12,388
Зимрид	2,054	-0,357	-0,283	23,042	2,940	8,669
Чегевара	-5,468	-9,517	-9,123	3,431	5,675	3,339
Тестеры						
Каин	2,626	2,566	3,369	25,659	1,079	7,889
Китай	-4,631	-5,491	-4,446	6,108	7,177	19,594
Феферона красная	-0,917	-1,920	-2,817	5,037	2,537	8,949

Красный дракон	1,354	-0,234	0,083	7,681	1,632	18,421
Ежик	1,569	5,080	3,811	59,974	4,524	3,682

Разработано автором публикации

Оценка показателей общей комбинационной способности исследуемых образцов перца острого по признаку «средняя масса плода» позволила выделить материнские линии: Линия 9, Агдас, Лара и отцовские формы Ежик, Каин. Для прогнозирования лучших комбинаций гибридов были вычислены варианси СКС сортов. Низкие эффекты ОКС по комплексу признаков имеют Китай (отцовская), и Чегевара (материнская) формы. Высокая варианса СКС показывает, что отдельные комбинации скрещивания с участием одного и того же сорта существенно отличаются друг от друга по эффекту гетерозиса.

Таким образом, по эффектам ОКС установлены источники высокой средней массы плода – Линия 9, Агдас, Лара, Ежик, Каин их целесообразно использовать для получения крупноплодных гетерозисных гибридов F_1 перца острого.

Библиография:

1. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2021–2025 годы. – URL https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100059 (дата обращения: 27.02.2026).

2. О Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы. – URL https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100059 (дата обращения: 28.02.2026).

3. Бороевич С. Принципы и методы селекции растений = Principi i metodi oplemenjivanja bilja; пер. с сербохорв. В. В. Иноземцева ; под ред. и с предисл. А. К. Федорова. – М. : Колос, 1984. – 344 с.

4. Аутко А. А. Овощеводство Беларуси в начале 21 века // Овощеводство : сб. науч. тр. / Белорус. науч.-исслед. ин-т овощеводства. – Минск, 1999. – Вып. 11. – С. 9–12.

5. Государственный реестр сортов сельскохозяйственных растений [Электронный ресурс] / Гос. инспекция по испытанию и охране сортов растений; отв. ред. В. А. Бейня. – Минск : [Б. и.], 2026. – URL: https://sorttest.by/registry.php. – (дата обращения: 26.01.2026).

7. Генетические основы селекции растений: в 4 т. Т.2 Частная генетика растений/ науч. ред. А. В. Кильчевский, Л. В. Хотылева. – Минск: «Беларуская навука», 2020. – 663 с. (с. 483–572)

8. Дыдышко, Н. В. Анализ комбинационной способности родительских форм перца острого (Capsicum anym L) в защищенном грунте // Овощеводство : сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т овощеводства. – Самохваловичи, 2022. – Т. 30. – С. 14–19.

9. Дыдышко, Н.В. Анализ эффекта гетерозиса у гибридов F1 перца острого по признакам продуктивности / Н.В. Дыдышко, Т. В. Никонович // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – .№ 1. – С. 118-123

10. Пышная, О. Н. Селекция перца / О. Н. Пышная, М. И. Мамедов, В. Ф. Пивоваров. – М.: Изд-во ВНИИССОК, 2012. – 248 с.

11. Савченко, В. К. Генетический анализ в сетевых пробных скрещиваниях / В. К. Савченко. – Минск: Наука и техника, 1984. – 223 с.

11. Турбин, Н. В. Генетика гетерозиса и методы селекции растений на комбиционную ценность / Н. В. Турбин // Вестник с. х. науки. – 1967. – №3. – С. 16–21.

12. Хотылева, Л. В. Принципы и методы селекции на комбинационную способность в селекции гибридной кукурузы / Л. В. Хотылева. – Минск: Наука и техника, 1965. – С. 3–80.

13. Хотылева, Л. В. Анализ различных схем скрещивания для оценки общей комбинационной способности исходного материала томата по раннему и общему урожаю / Л. В. Хотылёва, Л. А. Мишин, Л. В. Тарутина // Овощеводство: сб. научн. тр. – Вып. 9. – Минск, 1996. – С. 38–43.

УДК 339.56(476)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Журавлев Владимир
канд. с.-х. наук, старший научный сотрудник научно-технического отдела
УО «Белорусская государственная академия связи»,
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: zhuravlyov-77@mail.ru
orcid id: 0000-0001-5738-4074

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the import substitution process in the agro-industrial complex of the Republic of Belarus. The article highlights the key achievements of the food security policy, such as achieving self-sufficiency in the main types of products (meat, milk, grain, and potatoes). The authors assess the results of the implementation of the import substitution policy in the Belarusian agro-industrial complex. It is argued that the strategy has been successful in terms of gross production and self-sufficiency in basic products, ensuring a high level of national food security and significant export potential.

Keywords: import substitution, agriculture in Belarus, food security, self-sufficiency, food products

Республика Беларусь поддерживает торговые отношения со 186 государствами. Белорусские товары экспортируются в 143 страны, а импорт осуществляются из 166. В стране зарегистрировано около 15 тысяч предприятий, занимающихся как экспортом, так и импортом продукции [1].

Импортозамещение находится на постоянном контроле правительства Республики Беларусь и является важнейшим государственным приоритетом, от реализации которого зависит сбалансированное развитие страны в целом.

Для достижения установленных целей и повышения продуктивности функционирования реального сектора экономики, политика импортозамещения реализуется посредством комплекса мер, включающих: приоритетное использование местных ресурсов при создании и расширении производств, налаживание кооперационных связей и развитие вспомогательных производств для повышения уровня локализации выпускаемой продукции, что является основным способом снижения зависимости от импорта.

Кроме того, предпринимаются усилия по вовлечению в экономическую деятельность неиспользуемых или недостаточно эффективно используемых промышленных объектов и земельных ресурсов. Активно привлекаются малые и средние предприятия к созданию и производству конкурентоспособных импортозамещающих товаров, способных заменить импортные аналоги, с акцентом на экспорт, учитывая ограниченность внутреннего рынка.

Важным направлением является налаживание сотрудничества с транснациональными корпорациями, действующими в странах ЕАЭС и за его пределами, для освоения и производства высокотехнологичной продукции. Значимым фактором в данной стратегии является стимулирование производственной деятельности, направленной на создание импортозамещающих и экспортно-ориентированных предприятий.

Этому способствует ряд законодательных актов Республики Беларусь:

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. №53-З «Об инвестициях»;

Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. №6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности»;

Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. №7 «О развитии предпринимательства»;

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2025 г. № 814 «О Государственной программе «АПК будущего» на 2026–2030 годы»;

Постановление министерства экономики Республики Беларусь от 10 мая 2022 г. № 9 «О перечне продукции, относимой к импортозамещающей».

Предприятиям предоставляется льготный налоговый режим в качестве резидентов свободной экономической зоны.

Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство» на 2021-2025 годы. Мероприятия программы реализуются за счет бюджетных и банковских ресурсов, а также Белорусского фонда финансовой поддержки предпринимателей.

В Беларуси программы по замещению импорта осуществлялись до 2011 года. В настоящее время действует механизм замещения ввозимой продукции, за который отвечает Министерство экономики Республики Беларусь. Данная схема включает в себя четыре основных блока. Первые три блока структурированы по категориям товаров [2, С. 46-47]:

– продукция, сопоставимая с белорусской, но выпускаемая в недостаточном объеме или уступающая по качеству зарубежным аналогам.

– импортозамещающие товары, чей выпуск планируется или уже налаживается в рамках отраслевых и региональных программ импортозамещения.

– продукция, не производимая в Республике Беларусь, замещение которой экономически невыгодно или невозможно по объективным причинам.

– действия, направленные на снижение доли импортных компонентов в отечественной продукции. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, опираясь на них, разрабатывает планы мероприятий по импортозамещению.

В каждой территориальной области страны ежегодна разрабатывается и реализуется план мероприятий по импортозамещению.

Этот план нацелен на: расширение спектра производимых товаров и увеличение объемов их выпуска; постепенное сокращение использования импортных компонентов в производимой продукции; активное привлечение малого и среднего бизнеса к производству комплектующих и материалов, заменяющих импорт; создание новых и развитие существующих производств, специализирующихся на импортозамещающей продукции (таблица 1); внедрение передовых технологий при освоении новой продукции.

Таблица 1 – Перечень продовольственных товаров, предлагаемых для освоения их производства, выпуска импортозамещающей продукции и развития ассортимента с учетом конъюнктуры рынка на 2026 год

№ п/п	**Номенклатура товаров**	**Основные потребительские характеристики**
Товары, производство которых осуществляется в республике, но в недостаточном количестве и ассортименте, или которые не полностью удовлетворяют спрос по отдельным параметрам (свойствам)		
1	Сыры	Твердые и сверхтвердые сыры, сыры мягкие с белой плесенью, голубые и прочие сыры, содержащие прожилки, полученные использованием Penicillium roqueforti, тертые сыры или сыры в порошке и другие.
2	Лук	Лук шалот, лук порей и прочие луковичные овощи.
3	Капуста	Капуста цветная и брокколи, капуста брюссельская, капуста краснокочанная.
4	Салат	Салат латук кочанный, салат латук прочий.
5	Прочие свежие овощи	Перец сладкий, спаржа, сельдерей, арбузы.
6	Овощи и смеси замороженные	Расфасованные для розничной продажи и весовые.

7	Груши	Различных сортов.

Источник: https://molodechno.gov.by/ekonomika/promyshlennost/o-perechne-importozameshhayushhih-tovarov-na-2026-god/

В структуре ввозимых в страну агропродовольственных товаров традиционно преобладают фрукты и орехи, а также живые растения (деревья, луковицы, срезанные цветы). Существенную долю составляют масличные культуры, отходы пищевого производства, рыба и морепродукты. Также импортируются различные пищевые продукты (экстракты, концентраты, эссенции, соусы и компоненты для их приготовления), алкогольные и безалкогольные напитки, готовые продукты из зерна, овощи и другие товары.

В таблице 2 определены ключевые товарные позиции, производство которых направлено на снижение импортной зависимости внутреннего рынка и обеспечение национальной экономической безопасности.

Таблица 2 – Перечень продукции, относимой к импортозамещающей

Код ТН ВЭД	Наименование продукции по коду ТН ВЭД
8432100000	плуги
8432210000	бороны дисковые
8432291000	рыхлители и культиваторы
8432293000	бороны
8432295000	почвофрезы
8432311100	сеялки точного высева с центральным приводом, применяемые при беспахатной (почвосберегающей) системе земледелия
8432311900	сеялки прочие, применяемые при беспахатной (почвосберегающей) системе земледелия
8432391900	прочие сеялки, прочие
8432399000	прочие сажалки и машины рассадопосадочные
8432410000	разбрасыватели и распределители органических удобрений
8432800000	машины и механизмы прочие для подготовки и обработки почвы; катки для газонов и спортплощадок
8433115100	косилки самоходные для газонов, парков, спортплощадок с сидением
8433205000	косилки тракторные, навесные или прицепные, прочие
8433300000	машины для заготовки сена прочие
8433400001	пресс-подборщики
8433510009	комбайны зерноуборочные прочие
8433520000	машины и механизмы для обмолота прочие
8433531000	картофелекопатели и картофелеуборочные машины
8433591109	силосоуборочные комбайны самоходные прочие
8433598509	прочие машины для уборки урожая, машины или механизмы для обмолота прочие
8433600000	машины для очистки, сортировки или калибровки яиц, плодов или других сельскохозяйственных продуктов
8433900000	части машин или механизмов для уборки или обмолота сельскохозяйственных культур, пресс-подборщиков, прессов для упаковки в кипы соломы или сена; сенокосилок; машин для очистки, сортировки и калибровки
8701100000	тракторы одноосные
8701211011	экологического класса 4 или выше 7
8701300009	тракторы гусеничные, прочие
8701911000	тракторы прочие, новые, с мощностью двигателя не более 18 кВт, для сельскохозяйственных работ (за исключением одноосных тракторов) и тракторы для лесного хозяйства, колесные

8701931000	тракторы прочие, новые, с мощностью двигателя более 37 кВт, но не более 75 кВт, для сельскохозяйственных работ (за исключением одноосных тракторов) и тракторы для лесного хозяйства, колесные
8701941009	новые тракторы, с мощностью двигателя более 75 кВт, но не более 130 кВт, для сельскохозяйственных работ (за исключением одноосных тракторов) и тракторы для лесного хозяйства, колесные, прочие
8701951009	новые тракторы, с мощностью двигателя более 130 кВт, для сельскохозяйственных работ (за исключением одноосных тракторов) и тракторы для лесного хозяйства, колесные, прочие

Источник: https://etalonline.by/document/?regnum=u222e2817

Внешняя мотивация включает государственную поддержку в виде налоговых льгот, льготных кредитов и других мер, направленных на развитие импортозамещающего бизнеса. Это необходимо для оптимизации внешнеторгового баланса, защиты внутреннего рынка и поддержки отечественного производителей, а также для увеличения экспортного потенциала промышленности.

Белорусская политика импортозамещения ориентирована на использование внутреннего потенциала страны посредством развития национального производства. Однако, если внутренний рынок невелик, создание импортозамещающих предприятий может быть экономически нецелесообразным. В таких случаях необходимо ориентироваться на общий рынок ЕАЭС для достижения эффекта масштаба.

Главной тенденцией внешней торговли последних пяти лет является увеличение объемов импорта (таблица 3).

Таблица 3 – Импорт продовольственных товаров в Республику Беларусь

Наименование товара	**Единица измерения**	**Годы**	
		2020	**2021**
Рыба свежая или охлажденная	тонн	16880	18 834
Форель свежая или охлажденная	тонн	11512	13672
Молоко и сливки сгущенные и сухие	тонн	2626	3007
Масло сливочное	тонн	242	270
Сыры и творог	тонн	6292	7258
Яйца	тыс. шт.	10051,5	13533,0
Картофель	тонн	20330	33599
Томаты	тонн	45034	33784
Огурцы и корнишоны	тонн	3474	9988
Пшеница	тыс.тон	17,8	193,3
Рожь	тонн	3446	2908
Ячмень	тыс. тонн	151,4	95,2
Овес тонн	тонн	1672	570
Кукуруза	тыс. тонн	105	57,4

Источник: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/

Импорт продовольствия в Республике Беларусь превышает экспорт, хотя доля продукции пищевой промышленности и сырья для её производства в структуре импорта снижается. Отрицательное сальдо сохраняется из-за значительных объемов импорта продукции, не производимой или производимой в незначительных количествах в стране в силу природно-климатических условий (рыба, морепродукты, кофе, чай, некоторые виды круп, субтропические фрукты и др.), что является допустимым.

Из-за ограниченности ресурсов сырья и мощностей для его переработки, потребность республики в растительном масле обеспечивается собственным производством лишь на 15–20 процентов. Ежегодный импорт этого продукта составляет значительные 125–130 тыс. тонн.

Недостаточная переработка выращенных в стране овощей и фруктов (менее 2 процентов) приводит к высокому уровню импорта плодоовощной консервации (40–50 процентов от общего объема продаж). Значительную часть импорта составляют консервированные овощи и фрукты, не произрастающие в климатических условиях Беларуси или возделываемые в малых объемах (такие как перец, кукуруза, баклажаны, а также соки и компоты из персиков, абрикосов и винограда).

Развитие импортозамещающего производства в агропромышленном комплексе будет способствовать укреплению продовольственной безопасности страны, критерием которой является удовлетворение не менее 80–85% потребности населения в продовольствии за счет отечественного производства (таблица 4), согласно рациональным нормам потребления.

Таблица 4 – Объем производства основных видов сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения по территории Республики Беларусь

Виды продукции сельского хозяйства	**Единицы измерения**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Зерновые и зернобобовые культуры	кг	923	787	943	835	913
Картофель	кг	395	366	418	438	341
Овощи	кг	298	293	310	305	304
Плоды и ягоды	кг	82	66	89	70	78
Свекла сахарная	кг	427	416	458	528	542
Все виды скота и птица	кг	137	134	132	139	147
Молоко	кг	827	840	853	908	958
Яйца	штук	372	379	375	375	407

Источник: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063236

Основными направлениями импортозамещения в агропромышленном секторе являются зерно (твердые сорта пшеницы), продукты переработки картофеля и овощей, фрукты и ягоды, растительное масло, сахар, белково-витаминные добавки для производства комбикормов.

Несмотря на высокие объемы урожая картофеля, потребность страны в продуктах его переработки (крахмал, патока, продукты питания из нее) обеспечивается за счет отечественного производства лишь на 40 – 50%.

Данные в натуральном выражении (таблица 5) отражают физический объем выпуска продукции, что позволяет оценить реальные производственные мощности и динамику развития отраслей. Показатели по конкретным видам продукции является ключевыми для мониторинга реализации политики импортозамещения, обеспечения национальной безопасности и оценки экспортного потенциала страны.

Таблица 5 – Объем производства промышленной продукции в натуральном выражении по видам промышленной продукции

Виды промышленной продукции	**Единицы измерения**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**
Машины почвообрабатывающие	штук			37 767	47 904	41 523
Плуги	штук			16 754	20 149	18 207
Бороны, рыхлители, культиваторы, агрегаты прополочные и мотыги	штук			16 035	21 606	18 402
Сеялки, сажалки и рассадопосадочные машины	штук			2 878	4 116	2 496
Машины уборочные	штук			17 426	21 154	17 449

Косилки, жатки, включая монтируемые на тракторах, прочие (кроме косилок для газонов, парков и спортивных площадок)	штук			4 753	3 645	4 323
Прессы для соломы или сена, включая пресс-подборщики	штук			2 951	3 729	3 802
Машины для уборки клубней или корнеплодов	штук			4 761	6 842	2 945
Тракторы для сельского и лесного хозяйства	штук	38 192	40 829	39 575	39 547	44 890
Машины для внесения минеральных удобрений	штук	346	611	1 205	1 134	1 360
Машины для внесения органических удобрений	штук	584	498	641	713	868
Комбайны зерноуборочные	штук	845	938	640	1 125	1 334
Комбайны кормоуборочные самоходные	штук	15	2			
Комплексы кормоуборочные высокопроизводительные	штук	268	277	254	275	238
Говядина	тонн			282 609	313 601	306 606
Свинина	тонн			283 765	296 926	289 153
Мясо птицы	тонн			525 300	532 739	506 797
Рыба и морепродукты пищевые, включая рыбные консервы	тонн			127 250	127 940	147 589
Масла и жиры растительные нерафинированные (неочищенные)	тонн			417 225	441 595	461 145
Масло соевое и его фракции нерафинированные	тонн			83 318	95 956	61 122
Молоко и сливки, обработанные, жидкие	тонн			975 104	950 821	904 916
Масло сливочное и пасты молочные	тонн			115 840	119 530	119 690
Творог и творожные изделия	тонн			138 848	146 940	157 288
Сыры твердые, сыры в порошке, сыры голубые и сыры необработанные прочие, кроме сыра плавленного	тонн			243 883	270 687	278 555
Корма готовые для сельскохозяйственных животных, кроме муки и гранул из люцерны	тыс.тонн			6 009,4	6 265,3	6 112,5

Источник: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063236

Для достижения целей Доктрины национальной продовольственной безопасности Беларуси до 2030 года планируется увеличить долю отечественных продуктов в розничной торговле до 80–85%.

В республике на различных предприятиях производятся агрегаты, интегрированные с элементами систем точного земледелия. В частности, ОАО «Щучинский ремонтный завод» выпускает разбрасыватели минеральных удобрений РМУ-10. ООО «Агромашресурс» и ОАО «Лидагропроммаш» предлагают, соответственно, опрыскиватели РОСА и ОВС – 4224, оснащенные системами дифференцированного внесения удобрений, работающими на основе данных карт полей. Холдинг «Гомсельмаш» производит зерноуборочные комбайны GS 2124, оборудованные системой мониторинга урожайности, позволяющей фиксировать объем собранного урожая с каждого квадратного метра и определять вынос питательных веществ из почвы. Эта информация используется для точного планирования внесения удобрений в последующих сельскохозяйственных циклах.

Стоит отметить и тракторы BELARUS – 4522 с системой «Автопилот», а также BELARUS–3522 с бортовым компьютером управления. Кроме того, Минский тракторный завод в сотрудничестве с Объединенным институтом машиностроения НАН Беларуси разработал модель BELARUS–3523i, особенностью которой является отсутствие кабины для тракториста, так как машина предназначена для полностью автономной работы [3, С. 63-64].

Политика импортозамещения в белорусском АПК на текущем этапе может быть оценена как успешная на тактическом уровне (замещение конечных товаров), но недостаточная и уязвимая на стратегическом уровне (технологическая независимость).

Страна надежно обеспечивает себя базовым набором продуктов питания (мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, картофель, зерно, сахар, яйца), что снижает зависимость от импортных поставок и является их нетто-экспортером. Это позволило не только гарантировать внутреннюю продовольственную стабильность, но и сформировать мощный экспортный потенциал.

Политика развития перерабатывающей промышленности стимулировала глубокую переработку местного сырья (мяса, молока, зерна), что привело к экспорту не сырья, а готовых пищевых продуктов с более высокой добавленной стоимостью.

Созданы современные перерабатывающие предприятия, соответствующие международным стандартам качества.

Таким образом, внешнеторговая модель политики импортозамещения представляет собой стратегию обеспечения внутреннего рынка на основе развития национального производства.

Реализация политики импортозамещения в сельском хозяйстве Беларуси демонстрирует смешанные результаты. С одной стороны, достигнута значительная самообеспеченность по базовым продуктам питания (мясомолочная продукция, зерно, картофель, яйца), что гарантирует национальную продовольственную безопасность. С другой стороны, сохраняется критическая зависимость от импорта технологических компонентов: семян гибридных культур, средств защиты растений, племенного материала, ветеринарных препаратов и высокотехнологичной сельхозтехники.

Проведя сопоставительный анализ экспортных и импортных операций, можно сделать вывод о том, что политика замещения импорта, проводимая в Беларуси, носит правомерный характер. Однако для оптимизации результативности этих действий необходима поддержка и контроль со стороны государства.

В заключение, стоит подчеркнуть, что реализация политики импортозамещения в белорусском сельском хозяйстве – это не просто ответ на внешние вызовы, а стратегический курс на укрепление национальной продовольственной безопасности и повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса.

Библиография:

1. Импортозамещение в АПК Республики [Электронный ресурс] // http:// rep.polessu.by – Режим доступа: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/476/1/42.pdf – Дата доступа: 26.01.2026.

2. Гусаков Г., Оптимизация импортных потоков в рамках стратегии импортозамещения а АПК Республики Беларусь / Г. Гусаков, Н. Карпович, Я. Бречко, Е. Червинский, С. Макрак, А. Андрющенко, Е. Макуценя // Наука и инновации. – 2021. – №1 (215). – С. 42–48.

3. Журавлев, В. А. Цифровизация сельского хозяйства в Республике Беларусь: технологические решения для развития / В. А. Журавлев // Аграрная экономика. – 2024. – №3 (346). – С.60–69.

УДК 338.43

СУЩНОСТЬ, ЭВОЛЮЦИЯ, ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АГРАРНОЙ СФЕРЫ

Алиновский Александр
аспирант
УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия»
e-mail: mlav-gorki1@rambler.ru
Колмыков Алексей
кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедры «Экономика и МЭО в АПК»
УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия»
e-mail: alex_2704@mail.ru
orcid id: 0009-0005-7270-2655

Abstract. В статье рассматриваются сущность и эволюция концепции устойчивого развития аграрной сферы, а также факторы, определяющие устойчивое экономическое развитие агропромышленного комплекса. Обобщены теоретические подходы к трактовке устойчивого развития АПК, систематизированы и уточнены внутренние и внешние факторы, влияющие на экономическую стабильность сельскохозяйственных организаций. Особое внимание уделено отраслевым особенностям сельского хозяйства, формирующим специфику устойчивости его развития, а также роли аграрной сферы в обеспечении продовольственной безопасности на региональном уровне. Рассмотрены группы индикаторов оценки развития АПК и основные методологические подходы к оценке устойчивого экономического развития сельскохозяйственных предприятий. Полученные результаты могут быть использованы при формировании стратегий устойчивого развития аграрной сферы и совершенствовании механизмов государственного регулирования агропромышленного комплекса.

Keyword: устойчивое развитие, агропромышленный комплекс, сельскохозяйственная организация, экономическая устойчивость, факторы.

Текст. Проведенные исследования позволили установить, что агропромышленный комплекс выполняет стратегическую задачу – формирует продовольственное обеспечение как отдельного региона, так и страны в целом. Основное значение в развитии всего агропромышленного комплекса принадлежит сельскохозяйственным организациям и сельским территориям. Для эффективного функционирования сельскохозяйственных организаций необходимы ресурсы и соблюдение технологии производства. От эффективной производственной деятельности данных предприятий зависит устойчивость их экономического развития (экономическая стабильность). Ряд вопросов, связанных с обеспечением устойчивого экономического развития организаций АПК Республики Беларусь,

раскрыт в трудах отечественных ученых: В. И. Бельского, Г. И. Гануша, В. Г. Гусакова, Л. Н. Давыденко, Л. Ф. Догиля, И. В. Новиковой, Н. В. Киреенко, С. А. Кондратенко, С. А. Константинова, Л. В. Лагодич, Р. К. Леньковой, А. В. Микулича, Л. В. Пакуш, А. В. Пилипука, А. С. Сайганова, Н. С. Яковчика и др.

Мы согласимся с А.Г. Ефименко и И.В. Журовой [3] в том, что в настоящее время достижение устойчивого экономического развития сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь приобретает особое значение, так как они являются ведущим элементом, формирующим агропродовольственный рынок, обеспечивают продовольственную и экономическую безопасность.

Изучения показывают, что понятие устойчивого развития предприятия формировалось в ходе эволюции экономической мысли и управленческих практик под влиянием изменений во внешней среде, усиления конкуренции и нарастающих экологических и социальных проблем. Изначально устойчивость предприятия отождествлялась преимущественно с его способностью обеспечивать стабильные финансовые результаты, сохранять платежеспособность и адаптироваться к рыночным колебаниям.

Впервые термин «устойчивое развитие» в международных документах был использован во Всемирной стратегии охраны природы. 3

На раннем этапе развития данной концепции, вплоть до 1970-х годов, устойчивое развитие предприятия рассматривалось исключительно в экономическом контексте. Основное внимание уделялось росту производства, увеличению прибыли и повышению эффективности использования ресурсов. Экологические и социальные аспекты деятельности предприятия практически не учитывались, поскольку природные ресурсы воспринимались как неисчерпаемые, а негативные последствия хозяйственной деятельности не считались значимыми для долгосрочного функционирования бизнеса.

В 1970–1980-е годы под воздействием глобальных экологических кризисов и научных исследований, в том числе докладов Римского клуба, произошло переосмысление роли предприятия в системе «экономика – общество – природа». В этот период в содержание устойчивого развития стали включаться экологические ограничения, а устойчивость предприятия начала связываться со снижением вредного воздействия на окружающую среду, рациональным использованием ресурсов и соблюдением природоохранных норм.

С конца 1980-х годов, после публикации доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г. Брундтланд, концепция устойчивого развития приобрела комплексный характер. Устойчивое развитие предприятия стало рассматриваться как сбалансированное взаимодействие экономических, экологических и социальных факторов, обеспечивающее долгосрочную эффективность деятельности, социальную ответственность и экологическую безопасность. В этот период усиливается внимание к условиям труда, развитию человеческого капитала и взаимодействию с заинтересованными сторонами.

Вопрос устойчивости развития предприятия и подходы к его определению стали новым течением в рамках Всеобщей концепции устойчивого развития. Идея идентификации корпоративной устойчивости впервые была изложена в статье Дж. Элкингтона «На пути к устойчивой корпорации: беспроигрышная корпоративная стратегия, ведущая к устойчивому развитию». В 1994 году ученый ввел понятие «тройного (триединого) итога», что позволило отойти от финансово-экологического анализа деятельности организации к измерению социально-экономического воздействия, которое до этого практически не принималось во внимание. Согласно мнению Дж. Элкингтона переход к новой парадигме корпоративной устойчивости связан с определенными драйверами современного развития, пережить которые сможет только по-настоящему устойчивая компания [6].

В ходе исследований выявлено, что в настоящее время существует широкий круг различающихся между собой определений понятия «устойчивое развитие» применительно к

аграрной сфере (от 80 до 100 в соответствии с различными литературными источниками), наиболее значимые из которых представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Некоторые дефиниции устойчивого развития агропромышленного комплекса

Автор, источник	Определение
В. Г. Гусаков [5]	Устойчивое развитие сельского хозяйства – развитие, которое, сохраняя колебания объемов производства в отдельные годы, обеспечивает полную компенсацию периодически возникающих дефицитов за счет ранее созданных резервов и запасов
С. В. Пушкарев, И. В. Киреева [7]	Устойчивое развитие АПК – многоцелевая (многоаспектная) категория, включающая, как минимум, пять составляющих: экономическую устойчивость и обеспеченность финансовыми ресурсами для расширенного воспроизводства, расширенное воспроизводство всех ресурсов, развитие производства на основе инноваций, улучшение экологии, устойчивое социальное развитие сельских территорий
Н. М. Винтер [1]	Устойчивое развитие сельскохозяйственных предприятий – это концепция, направленная на обеспечение баланса между экономической эффективностью, социальной справедливостью и экологической устойчивостью. Данная концепция предполагает, что сельскохозяйственные предприятия должны стремиться не только к максимизации прибыли, но и к защите окружающей среды, поддержанию здоровья населения и устойчивому использованию ресурсов
Е. В. Гусаков [2]	Устойчивость агропромышленного комплекса – это возможность различных отраслей и уровней АПК эффективно взаимодействовать между собой, соблюдая паритет товарообмена и экономического стимулирования; возможность различных территорий и зон структурно взаимодополняться с учетом стратегической эффективности; возможность различных объединений и предприятий участвовать в общестрановом разделении труда на принципах кооперации и интеграции, а также способность АПК стабильно функционировать, несмотря на внутренние и внешние угрозы, и обеспечивать целевой рост производства агропродовольственной продукции с учетом сбалансированности рыночного спроса и предложения и его системного научнообоснованного регулирования; способность обеспечивать пропорциональность развития экономической, финансовой, социальной подсистем и сохранять возможность стратегического роста мегакластера (АПК) в целом в связи с необходимостью обеспечения преемственности будущих поколений при организации равновесного использования всех видов материальных, техникотехнологических и экологических ресурсов.

Таким образом, анализ литературных источников позволил нам сформулировать собственное определение понятия. Так, устойчивое развитие агропромышленного комплекса – это способность взаимосвязанных отраслей, территорий и хозяйствующих субъектов АПК обеспечивать долгосрочное и сбалансированное функционирование и целевой рост производства агропродовольственной продукции на основе экономической эффективности и финансовой устойчивости, расширенного воспроизводства ресурсов, инновационного обновления производственного потенциала, рационального и экологически безопасного использования природных ресурсов, а также социального развития сельских территорий, при сохранении адаптивности к внутренним и внешним угрозам и обеспечении продовольственной безопасности и преемственности развития для будущих поколений.

Группы факторов определяющие устойчивое развитие сельскохозяйственных предприятий можно условно разделить на внутренние и внешние.

Устойчивое развитие АПК в целом формируется за счет внутренних факторов:

– организационно-управленческих (структура управления, стратегия развития, деловая репутация, эффективность распределения основных управленческих и производственных функций, четкость постановки целей и задач организационного процесса, качество управленческой деятельности и др.);

– производственно-технических (производственная мощность и уровень ее использования, уровень использования основных и оборотных средств; основные

характеристики продукции; уровень использования передовой техники; уровень износа основных фондов и др.);

– финансово-экономических (уровень платежеспособности предприятия, уровень рентабельности, структура имущества, объем инвестиций, соотношение собственных и заемных средств и т. д.);

– социальных (половозрастной состав работников, уровень их квалификации и образования, уровень заработной платы, наличие системы материального и морального поощрения, условия и режим работы и др.);

– маркетинговых (степень ориентации предприятия на потребителей, разветвленность розничных сетей, уровень использования современных маркетинговых методов продвижения продукции, наличие системы обратной связи с потребителем);

– экологических (уровень экологической безопасности предприятия, количество вредных выбросов в окружающую среду, уровень использования инновационных средств очистки переработанных ресурсов, объемы отходов от основной деятельности предприятия и др.);

– информационных (уровень информационной обеспеченности, наличие системы автоматизации управленческой деятельности, сбалансированность информационных потоков, уровень оснащенности информационной деятельности и др.) [10].

Мы считаем, что в данную группу внутренних факторов также необходимо включить инновационно-кадровые факторы, отражающие способность агропромышленного комплекса к формированию, накоплению и эффективному использованию человеческого и интеллектуального капитала. К ним относятся уровень инновационной активности персонала, наличие системы обучения и повышения квалификации, степень вовлечённости работников в процессы внедрения инноваций, развитость корпоративной культуры, ориентация на знания и технологическое обновление. Включение данной группы факторов обусловлено тем, что в современных условиях устойчивое развитие АПК в значительной степени определяется не только наличием материальных ресурсов и финансовых возможностей, но и способностью персонала генерировать и реализовывать инновационные решения, обеспечивающие повышение производительности, адаптацию к изменениям внешней среды и долгосрочную конкурентоспособность комплекса.

Внутренние факторы, зависящие от самой отрасли, определяют ее возможность эффективно развиваться.

Внешние факторы формируют среду для функционирования отрасли. К их числу можно отнести:

– экономические (условия кредитования; темпы инфляции; уровень доходов и сбережений населения; уровень безработицы и др.);

– политико-правовые (уровень политической стабильности в стране; уровень развития законодательной базы; развитость инвестиционной политики в регионе; уровень поддержки предпринимательства со стороны государства; налоговое, патентное и таможенное законодательство и др.);

– социокультурные (уровень развития социальной инфраструктуры; уровень продолжительности жизни, нравственной просвещенности, образования населения, развития здравоохранения; половозрастной состав населения и др.);

– экологические (уровень загрязнения окружающей среды; почвенно-климатические условия; обеспеченность природными ресурсами и др.);

– рыночные (количество и состав конкурентов на рынке; уровень конкуренции; уровень покупательной способности населения; уровень сложности выхода на рынок; взаимосвязи с государственными органами; взаимоотношения с банковским сектором);

– отраслевые (особенности функционирования отрасли; количество и состав потребителей отраслевой продукции; структура и емкость отраслевого рынка; степень развитости отраслей инфраструктуры; уровень межотраслевого взаимодействия и др.) [10].

По нашему мнению, к числу внешних факторов устойчивого развития агропромышленного комплекса целесообразно также отнести научно-технологические и институционально-информационные факторы, характеризующие уровень развития научной среды, доступность современных технологий и степень интеграции АПК в национальное и глобальное информационное пространство. К ним относятся уровень государственной и частной поддержки научных исследований и разработок в аграрной сфере, степень распространения цифровых технологий и платформенных решений, доступность отраслевой информации, развитие системы аграрного консалтинга и трансфера технологий, а также участие АПК в международном научно-технологическом сотрудничестве. Включение данной группы факторов обусловлено тем, что в условиях ускоренного научно-технологического прогресса и цифровизации именно внешняя научно-информационная среда во многом определяет возможности внедрения инноваций, повышения эффективности производства и обеспечения долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности агропромышленного комплекса.

В научной литературе выделяют несколько отраслевых особенностей экономического развития сельскохозяйственных организаций. Как правило, их связывают с природно-климатическими условиями, ценовой эластичностью спроса, со сроком хранения продукции, а также с влиянием на продовольственное обеспечение [8].

Считаем, что данный перечень не является исчерпывающим и требует дополнения. Мы предлагаем в состав отраслевых особенностей экономической стабильности сельскохозяйственных предприятий включить высокую зависимость результатов деятельности от сезонности производства и биологических циклов, повышенную капиталоёмкость и длительный период окупаемости инвестиций, ограниченную мобильность производственных ресурсов, значительную чувствительность к государственному регулированию и мерам поддержки, а также повышенный уровень производственных и рыночных рисков, обусловленных колебаниями урожайности, цен на ресурсы и агропродовольственную продукцию. Учет данных особенностей позволяет более полно раскрыть специфику формирования экономической устойчивости сельскохозяйственных предприятий и обосновать необходимость применения адаптированных механизмов управления и государственного регулирования в аграрной сфере.

Изучение показывает, что основными принципами устойчивого развития любой отрасли, в том числе и агропромышленного комплекса, являются:

– целеориентированность, предопределяющая достижение такого соотношения между соответствующими элементами, при котором у предприятия будут сохраняться долгосрочные стимулы устойчивого развития;

– адаптивность, ориентированная на возможность приспосабливаться к изменениям во внешней среде для того, чтобы продолжить устойчивое развитие на долгосрочную перспективу. Внешнее окружение является источником проблемных ситуаций в деятельности предприятия, которые следует своевременно выявлять и принимать адекватные решения;

– целостность, которая достигается на основе единства следующих функций: способности обновления (воспроизводства), дополнения недостающих элементов и преобразования себя в качественно новую систему, сохранения финансового равновесия. Принцип целостности является фактором, определяющим результативность деятельности предприятия и его финансовую устойчивость, а также свидетельствующим о сбалансированности и пропорциональности элементов его деятельности (операционной, инвестиционной и финансовой);

– динамичность, отражающая, что изменения в одном из параметров деятельности предприятия, как правило, приводят к изменениям в других. При этом в каждый момент времени предприятие характеризуется определенным набором показателей, которые отражают эффективность его производственно-финансовой деятельности. Вектор устойчивого развития предприятия дает возможность в конкретный момент времени определить его состояние;

– гибкость, которая базируется на исследовании параметров изменения ресурсного потенциала и прогнозировании внешних и внутренних источников саморазвития.

Одной из составляющих устойчивого экономического развития сельского хозяйства является его способность к продовольственному обеспечению на региональном уровне. Ряд авторов для оценки уровня развития АПК предлагают использовать три группы индикаторов, это [9]:

- совпадающие;
- запаздывающие;
- опережающие.

В научных исследованиях установлено, что совпадающие индикаторы отражают текущее состояние и фактический уровень развития агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения региона. К их особенностям относится непосредственная связь с результатами производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций, поскольку данные показатели фиксируют происходящие в данный момент экономические процессы и позволяют оценить степень соответствия объемов производства агропродовольственной продукции текущим потребностям регионального рынка.

Также исследования показывают, что запаздывающие индикаторы характеризуют последствия ранее принятых управленческих решений и сложившихся условий функционирования АПК. Их особенностью является проявление изменений с временным лагом, что делает данные показатели менее чувствительными к краткосрочным колебаниям, но значимыми для оценки устойчивости экономического развития сельского хозяйства в средне- и долгосрочной перспективе, включая уровень продовольственной обеспеченности и социально-экономические результаты отрасли.

В то же время установлено, что опережающие индикаторы отражают потенциальные и прогнозируемые изменения в развитии агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения региона. Их особенностью является способность сигнализировать о возможных тенденциях и рисках еще до их фактического проявления, что позволяет использовать данные показатели в качестве инструмента раннего предупреждения и обоснования стратегических управленческих решений, направленных на обеспечение устойчивого экономического развития сельского хозяйства.

Для оценки устойчивого экономического развития предприятия, в том числе и сельскохозяйственного, предлагается некоторыми авторами предлагается использование нескольких подходов [4]:

- индикаторный подход;
- ресурсно-функциональный подход;
- комплексный подход;
- подход на основе теории экономических рисков.

В научной литературе отмечается, что индикаторный подход к оценке устойчивого экономического развития предприятия основан на использовании системы количественных показателей, отражающих различные аспекты его деятельности. Исследования показывают, что особенностью данного подхода является возможность объективной оценки текущего состояния предприятия и динамики его развития на основе сопоставления фактических значений индикаторов с нормативными или пороговыми уровнями, что позволяет выявлять отклонения и потенциальные угрозы устойчивости.

Также установлено, что ресурсно-функциональный подход ориентирован на анализ обеспеченности предприятия ресурсами и эффективности их использования в процессе выполнения основных производственных и управленческих функций. Его особенностью является акцент на взаимосвязи между ресурсным потенциалом предприятия и результатами хозяйственной деятельности, что позволяет оценить способность организации поддерживать устойчивое развитие за счет внутреннего потенциала.

Исследования показывают, что комплексный подход предполагает одновременный учет экономических, финансовых, социальных, экологических и организационных факторов устойчивого развития. Особенностью данного подхода является системный характер оценки, обеспечивающий целостное представление об уровне устойчивости предприятия и позволяющий учитывать многоаспектность его функционирования, особенно актуальную для сельскохозяйственных организаций.

В свою очередь, в рамках подхода на основе теории экономических рисков устойчивое экономическое развитие предприятия рассматривается через призму вероятности наступления неблагоприятных событий и степени их воздействия на результаты деятельности. Установлено, что особенностью данного подхода является ориентация на идентификацию, оценку и управление рисками, что позволяет повысить адаптивность предприятия к неопределенности внешней среды и обеспечить устойчивость его развития в долгосрочной перспективе.

Таким образом, проведённое исследование позволило обобщить и систематизировать научные подходы к пониманию устойчивого развития аграрной сферы и агропромышленного комплекса в целом. Установлено, что устойчивое развитие АПК представляет собой многоаспектную и динамичную категорию, формирующуюся под воздействием совокупности внутренних и внешних факторов, а также отраслевых особенностей сельского хозяйства. Особая роль в обеспечении устойчивости отводится сельскохозяйственным организациям, поскольку именно их экономическая стабильность определяет уровень продовольственного обеспечения и продовольственной безопасности региона и страны в целом. В ходе исследования уточнены группы внутренних и внешних факторов устойчивого развития АПК, дополненные инновационно-кадровыми, а также научно-технологическими и институционально-информационными составляющими. Обосновано, что учет отраслевых особенностей сельского хозяйства, связанных с сезонностью, биологическими циклами, высокой капиталоёмкостью и рисковостью производства, является необходимым условием формирования эффективных механизмов управления устойчивым развитием. Рассмотренные группы индикаторов и подходы к оценке устойчивого экономического развития позволяют комплексно оценивать текущее состояние, выявлять потенциальные угрозы и формировать обоснованные управленческие решения, направленные на долгосрочное устойчивое развитие аграрной сферы.

Библиография:

1. Винтер. Н. М. Экономическая сущность устойчивого развития сельскохозяйственных предприятий и факторы, ее определяющие / Н. М. Винтер // Вестник НГИЭИ. – 2024. –№12 (163). – С. 82-90.

2. Гусаков, Е. В. Формирование понятийного аппарата устойчивого развития АПК как мегакластера / Е. В. Гусаков // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2018. – Т. 56. – №4. – С. 437–447

3. Ефименко, А. Г. Перспективные направления обеспечения устойчивого экономического развития сельскохозяйственных организаций / А. Г. Ефименко, И. В. Журова // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2024. – № 1. – С. 28-31.

4. Козлов, В. Д. Диагностика устойчивого развития сельскохозяйственного производства, как фактора устойчивого развития сельских территорий / В. Д. Козлов, Н. В. Яшкова, Н. Н. Маланичева // Вестник НГИЭИ. – 2024. – №9 (160).

5. Продовольственная безопасность: термины и понятия : энцикл. справ. / В. Г. Гусаков [и др.]. – Минск, 2008. – 535 с.

6. Суринов, Н. Н. Устойчивое развитие предприятия: эволюция, концепции и методы управления / Н. Н. Суринов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №3-2. – С. 168-171.

7. Устойчивое развитие сельского хозяйства: экономический аспект: учебное пособие / С. В. Пушкарев, И. В. Киреева, Н. Н. Сергеева [и др.]. – М. : Российская сельскохозяйственная академия, 2020. – 254 с.

8. Фролова, О. А. Теоретико-методологические основы анализа развития АПК с позиции формирования продовольственного обеспечения региона // О. А. Фролова, Н. В. Яшкова, Н. Н. Маланичева // Вестник НГИЭИ. – 2024. – № 1 (152). – С. 124–136.

9. Штыканова, Е. Д. Базовые индикаторы устойчивого развития аграрного сектора экономики / Е. Д. Штыканова, В. Г. Широбоков // Финансовый вестник. – 2022. – № 1 (56). – С. 61–65.

10. Экономическое регулирование устойчивого развития аграрной отрасли Беларуси / А. П. Шпак [и др.] ; под ред. А. П. Шпака. – Минск : Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2021. – 129 с.

УДК 631.582

МАКСИМИЗАЦИЯ НАКОПЛЕНИЯ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ РАСТЕНИЯМИ

Петкович Иван
доктор с.-х. наук
НИЦ Гагаузии им. Маруневич М. В., РМ
e-mail: ipetcovici@yahoo.ca
orcid-id: 0000-0003-1698-959X

Abstarct. Maximization of the sun energy accumulation by agricultural plants is a way to provide growing human population with food and soil with organic matter. It can be achieved through decreasing the entropy- reduction of the share of the biospheric, anthropic and anthropogenic energies used in farming which do not take part in sun energy capture, and increasing their negentropy – with smaller energy inputs to produce more organic matter.
Key words: farming, entropy, negentropy, crop rotation, crop energy productivity

Сельскохозяйственная деятельность человека призвана максимизировать собирание солнечной энергии с помощью растений и тем самым удовлетворить потребность растущего населения в продовольствии и почву в органическом веществе. В природных условиях генетически обусловленную максимизацию аккумулирования солнечной энергии осуществляет естественный отбор (12), а достижение ее предельного сбора земной поверхностью обеспечивается постоянной фенотипической эволюцией экониш (11), явлением которое можно было бы назвать естественный подбор.

В сельскохозяйственном способе собирания солнечной энергии задействованы три энергии -биосферная неразумная, биосферная разумная(антропная) и антропогенная. При этом, фотосинтетическая деятельность растений относится к негэнтропийным процессам, тогда как функционирование отмеченных энергий к энтропийным.

Селекция растений представляет собой эволюцию механизмов осуществляющие сбор солнечной энергии. С потребительской точки зрения она состоит в максимизации накопления энергии не вообще, а той которая находится в зерне, в волокнах хлопка, овощах, фруктах и т.д. Для этого селекционеры избавляются от энтропийных генов ответственных за признаки не оказывающие положительный вклад в урожай и проводят накопление негэнтропийных генов

работающих на производимую продукцию и при меньшем потреблении жизненных ресурсов аккумулирующие большее количество солнечной энергии.

Технологии выращивания с/х растений призваны создавать условия для реализации энергетического потенциала продуктивности сортов. Их элементы делятся на 5 групп взаимосвязанных друг с другом законом оптимальности. Первую группу составляют агротехнические приемы осуществляющие внесение питания для растений, а вторую полив и сохранение влаги в почве. Кроме этого, они нацелены на минимизацию энтропии-уменьшению физических потерь отмеченных ресурсов.

Третью группу образуют элементы технологии снижающие потери урожая по причине их поражения вредителями и болезнями, которые поедая органическое вещество растений осуществляют эрозию накопленной энергии. В четвертую группу входят элементы технологии осуществляющие борьбу с сорной растительностью, которая потребляя часть жизненных факторов снижает энергетическую урожайность посева. По отмеченной причине ее виды относятся к энтропийным системам, в то время как с/х культуры являются негэнтропийными организмами. Последнию, пятую группу формируют агротехнические приемы обеспечивающие сохранение и увеличение энергии в почве, которая по способу жизнедеятельности является энтропийной системой с полным(минерализация) и неполным(гумификация) трофическими цепями и поэтому нуждающаяся в постоянном поступлении органического вещества.

Строительство энергетически высокопродуктивных агрофитоценозов осуществляется на двух принципах- комплементарности и минимальной конкуренции. Комплементарность означает, что за счет морфологической и биологической взаимодополняемости культур происходит более полное потребление жизненных ресурсов, в результате чего снижается их физические потери и возрастает продуктивность посева. Конкуренция возникает вследствие отсутствия у растений комлементарности при сохранении прежнего уровня жизненных ресурсов, что ведет к снижению урожайности культур.

В гомозиготных сортах, родительских линиях, гибридах первого поколения перекрестноопыляемых культур и сортах размножающихся вегетативно растения генетически одинаковы. В сортах популяциях растения растения в высокой степени генетически родственны. Согласно теории естественного отбора наибольшая конкуренция возникает между генетически близкими особями, то есть именно между растениями упомянутых селекционных конструкций. Более того, по причине генетической одинаковости их растений между ними невозможна морфологическая и биологическая комплементарность. Однако при определенной густоте растений генетическая конкуренция переходит в фенотипическую комплементарность. Так например , в отделе подсолнечника НИИПК ‘’ Селекция” среднеспелые гибриды подсолнечника изучались при густоте стояний растений 30, 40, 50, 60 и 70 тыс.га. и их равномерном распределении в ряду. Исследования показали, что по мере уменьшения конкуренции путем снижения числа растений, а также увеличения конкуренции за счет высева большего их количества происходило снижение продуктивности товарных семян. Корреляционно-регрессионным анализом установлено, что наибольшая урожайность достигается при наличии на одном гектаре 55 тыс. растений, которая и является густотой максимального перехода генетической конкуренции в фенотипическую комплементарность и была обусловлена оптимальным заполнением почвы и пространства над ней растениями подсолнечника в результате чего посев за единицу времени поглощал наибольший объем питательных веществ и влаги, и аккумулировал максимальное количество солнечной энергии.

К генетически обусловленной пространственной комплементарности также относятся взаимодополняемость возникающая между растениями компонентов межвидовых посевов. Эта комплементарность означает, что продуктивность совместного посева выше, чем раздельные посевы его компонентов. В то же время, в них иногда отсутствует антропогенная комплементарность - одинаковая полезность их технологий возделывания для всех компонентов. Например, невозможно внести гербициды раздельного действия если один

компонент злаковая культура, а другой бобовая, поскольку защищая один вид от сорной растительности можно повредить другой, или компоненты совместного посева поражаются разными вредителями и болезнями и в разные сроки, и защищая каждую культуру в угрожающий ее период, можно увеличить пестицидную нагрузку на посев.

Общим для всех посевов с/х культур является присутствие в них конкуренции в пространстве обусловленной экологическими факторами. Она состоит в том, что некоторые растения получают преимущество в росте и развитии благодаря возникновению лучших условий произрастания по причине биологических свойств растений и несовершенства с/х техники. Например, из-за неполной полевой всхожести семян некоторые растения приобретают большую площадь питания, а неравномерное покрытие поверхности почвы гербицидом ведет к тому, что растения рядом с которыми не произрастают сорняки растут лучше, чем те которые соседствуют с сорной растительностью и т.д. Проблема экологической конкуренции состоит в том, что растения произрастающие в лучших экологических условиях формируют большую урожайность, но она не компенсируют потери урожайности растений которые росли в худших условиях.

Максимизация накопления солнечной энергии во времени достигается применением трех принципов, которые составляют основу севооборотов. Первый заключается в обеспечении чередования культур исходя из их морфологической и биологической комплементарности друг другу, что позволяет им поглощать из почвы элементы питания и влагу не использованные предшественниками, и тем самым снизить их энтропию – покинуть почву без осуществления работы по аккумулированию энергии солнца. Второй состоит в снижении, вплоть до полного исключения конкуренции. Наибольшая конкуренция во времени возникает между посевами одной или родственными культурами, для ослабления которой увеличиваются сроки их возврата на прежнее поле. Промежуточные культуры на зеленое удобрение также могут создать конкуренцию основной культуре за жизненные факторы. В этом случае производитель выбирает в пользу какого посева решить эту проблему. Третий принцип говорит, что культуры чередующиеся во времени не должны быть комплементарными друг другу как источники пищи для вредных организмов. Это положение является обратным действием закона Вавилова Н. И. о гомологических рядах наследственной изменчивости и применительно к севооборотам гласит, что, чем с/х культуры генетически близки, тем больше у них общих патогенов и вредителей, и тем дальше их следует размещать друг от друга в пространстве и времени. Вместе с тем, этот принцип не уменьшает количество инфекционного начала патогенов широкой специализации и если они переносятся воздушными потоками. Например, площадь посева подсолнечника в нашей стране в среднем за 2021-2024 годах оставила 412 тыс. га, что превышает рекомендованные нормы более двух раз, хотя и продуктивность товарных семян в этот период была достаточно высокой (18,5 ц/га). Кроме того, увеличилась площадь посева технических культур и составила 34-35% от пахотных земель при допустимой 25%, что произошло наряду с подсолнечником также благодаря рапсу и сое. Все три культуры поражаются белой гнилью инфицирующая более 350 видов растений из различных семейств и фомопсисом, аскоспоры которого разносятся ветром на большие расстояния. В итоге, отмеченные обстоятельства создали условия для интенсивного накопления и поддержания на высоком уровне поражающее начало этих болезней в природе и резко повысили эпифитотийные ожидания по ним.

Иногда полученный рост продуктивности в исследованиях объясняется прямым вкладом факторов жизни и их взаимодействием т.е. синергизмом (1). В основе этого явления находится утверждение древнегреческого философа Аристотеля о том, что целое больше, чем сумма его частей, известное как синергия. Однако, во -первых, все факторы жизни растений - элементы минерального питания и газообмена, вода и согласно формуле А. Эйнштейна $E = м с^2$ лучистая энергия солнца имеют массу. Поэтому растения не могут создать ни прямым вкладом, ни взаимодействием факторов большую или меньшую массу, чем сумма масс, которые они поглотили. Во - вторых, синергия Аристотеля относится к понятию

эмерджентность – появлению у системы свойств, не присущие ее компонентам. Поэтому если образуется прибавка урожайности, но у растений не появляются новые свойства то, это не является синергией. В исследованиях с севооборотами отмеченная прибавка продуктивности известна как эффект севооборота и обусловлена потреблением из почвы не использованных питательных веществ и влаги во времени, а также снижением урона оказываемого вредными организмами. Однако когда нет механизма в виде морфологической и биологической взаимодопоняемости растений, то и прибавка урожайности как результат взаимодействия факторов отсутствует. Подобный эффект наблюдался в наших исследованиях при установлении влияния сорта, нормы высева и срока скашивания травостоя на сбор сырого протеина люцерны. Изученные факторы не имели внешних источников и механизмов усиления или ослабления и как результат прибавка продуктивности от их взаимодействия составил всего несколько процентов и был обусловлен ошибкой опыта (2).

Севооборот как чередование культур не имеет самостоятельного физического проявления, массу и пространственные размеры, то есть он не материален, и как следствие ничего материального в почву не привносит, ничего материального не создает. Севооборот не фактор жизни, а только порядок посева культур во времени. Хотя эффект севооборота является материальным и создается с/х культурами при соблюдении закона возврат. На каждом поле возделывается свой набор культур исходя из их спроса в рынке, свойств почвы и рельефа местности, и в каждом из низ образуется свой эффект севооборота во времени, однако, поскольку он является процессом, а не состоянием, то он имеет временный характер и нуждается в постоянном поддержании.

В тоже время, пространственного эффекта севооборота не существует. Соседние поля связаны друг с другом только необходимостью ослабления потери урожая, которая может возникнуть вследствие перемещения поражающего начала вредных организмов как неуправляемого фактора, что достигается высевом на них культур некомплементарных друг другу как источники пищи для негативного биотического фактора. Однако пространственные севообороты как организационные структуры объединяющие рядом расположенные поля с целью более эффективного использования с/х техники и рабочей силы существуют. В советское время также практиковался межхозяйственный севооборот, в рамках которого хозяйства согласовывали посев культур на соседних полях, особенно при размножении семян перекрестноопыляемых культур. При соблюдении внутри- и межхозяйственных севооборотов вся территория республики выглядела бы как один научно-обоснованный севооборот.

В экспериментах с севооборотами часто встречаются ряд методических недостатков, в том числе проистекающие из предмета самих исследований. Значение севооборота в выращивании с/х культур известно более 2 тыс. лет поэтому нет необходимости доказывать, что культуры обеспечивают большую продуктивность при возделывании в севообороте, чем в монокультуре. Кроме этого, давно экспериментально установлены лучшие, терпимые и худшие предшественники для каждой культуры. Цель современных исследований с севооборотами состоит в получении больших эффектов севооборота в виде прибавки урожая по сравнению с существующими. В связи с отмеченным, применение монокультуры в качестве контроля в этих экспериментах не является корректным поскольку, во-первых, она не имеет механизм в виде разнообразия культур(поликультуры), который обеспечивает эффект севооборота, во-вторых, монокультура как система земледелия, в нашей стране не практикуется, а только встречаются повторные посевы ряда культур, в третьих, получаемые сверхприбавки продуктивности на поликультурных вариантах по сравнению с монокультурами, создают очень благоприятное впечатление об успешном научном решении несуществующей проблемы.

Одна из сложных проблем в исследованиях с севооборотами состоит в соблюдении принципа единственного различия. Например, в следующем теоретическом 5- польном севообороте состоящий из 1) гороха, 2) озимой пшеницы, 3) подсолнечника, 4) кукурузы на силос и 5) озимой пшеницы, в котором изучается наилучшее, случайное и наихудшее

чередование культур, он соблюдается так как варианты отличаются между собой только порядком посева культур во времени при равенстве других факторов. Однако принцип единственного различия невозможно соблюсти при сравнении севооборотов разной длины, например состоящие из 5 и 7 полей, или севооборотов одинаковой длины, но отличающиеся разным насыщением культур так как увеличение доли одной культуры осуществляется за счет исключения другой, в результате чего изменяются сразу два параметра.

Исследования с севооборотами представляют собой строительство эффекта севооборота в пределах каждого варианта как отдельного агрофитоценоза, поэтому с методической точки зрения важным является сохранение получаемых изменений в пределах делянки максимально ограничив движение живого и неживого вещества между ними. В действительности же фон вредных организмов специфический для каждого варианта, а также растительные остатки и почва свободно перемещаются по опыту ветром и с/ х техникой, а при размещении этих экспериментов на склоновых землях то почва, растительные остатки, влага и элементы питания, особенно азот, двигаются с верних делянок на нижние и далее снижая достоверность получаемых данных.

Разработка систем земледелия состоит в повышении эффективности использования биосферной неразумной, биосферной разумной и антропогенной энергий посредством снижения их энтропийности – уменьшения доли, которая не участвует в фотосинтетической фиксации энергии и повышения негэнтропийности – аккумулирования большего количества солнечной энергии с меньшими затратами.

За свою историю человечество изобрело много систем земледелия. Американский профессор King F. H. в своей книге изданной в 1911 году (10) описал методы земледелия позволившие фермерам Китая, Кореи и Японии сохранить продуктивность их почв в течении 4 тыс. лет. Основными принципами этого земледелия является следующее. Все органическое вещество до внесения в почву подвергалось компостированию; отходы полученные в результате потребления выращенной продукции в виде жизнедеятельности животных и человека, топлива и тканей возвращались назад в поле; выращивался разнообразный набор культур; бобовые травы использовались как сидерат для улучшения почвы; трава с земель не с/х назначения в качестве зеленого удобрения, навоза животных и компонента компостирования, а также канальная грязь (в Китае длина каналов в то время составляла около 200 000 миль, которые использовались для заполнения рисовых чек водой), зола древесины и угля использовались как внешние источники органического вещества и минерального питания; для быстрого разложения органического вещества в почве применялась вспашка; на полях постоянно произрастали с/х культуры; на одном поле одновременно могли выращиваться сразу три культуры находящиеся на разных стадиях развития - одна созревания, вторая роста и третья появления всходов; практиковалось мульчирование почвы канальной грязью в садах, а на полях после дождей в виде разрушения капилляров верхнего слоя почвы; применялся огромный физический труд человека.

Биодинамическое земледелие разработал и изложил в своих публичных лекциях в 1924 году австрийский философ Рудольф Штайнер, основатель антропософии (мудрости человека). По мнению некоторых исследователей фраза о том, что надо кормить почву, а не растения принадлежит именно ему. Цель этого способа хозяйствования состоит не в том, чтобы все оставить все на волю природы, а в том, что бы помогая ей получить более плодородную и богатую жизнью землю. Динамизм в его названии означает, что всё живое находится в постоянной трансформации.

Основным принципом биодинамического земледелия является холистический метод интегрирующий в хозяйство как в живой организм выращивание местных видов растений, севооборот, мульчирование, сидераты, животноводство, навоз и органические отходы, компостирование, отказ от синтетических химикатов, влияние астрологических циклов небесных тел на рост и развитие растений и животных, гомеопатические растворы.

Он предполагает применение двух групп гомеопатических препаратов. Препараты BD 500, BD 501 и BD 508 предназначены для полевого использования и BD 502–BD 507 для применения в компостировании. Например препарат из первой группы BD 500 изготавливается следующим образом. Коровьи рога заполняется свежим коровьим навозом и помещаются в яму на расстоянии 2,5 см друг от друга, основанием вниз, на 50% засыпав их компостом и почвой. Затем яма засыпается влажной почвой и оставляется на 4-6 месяцев для ферментации. Препарат применяется в дозе 100 г на гектар путем опрыскивания поздно днем или вечером 4 раза в год, который предварительно растворяется в 25-50 л теплой воды в течение 1 часа, размешивая ее попеременно по часовой и против часовой стрелки создавая вихревой поток. Используется он для стимуляции роста растений, образования гумуса, улучшения прорастания семян, формирования и развития корней.

Для изготовления препарата BD 503, относящийся ко второй группе, немытые кишки коровы или быка разрезают на куски длиной 15 см, один их конец завязывают хлопчатобумажной нитью, а с другой стороны они заполняются сухими цветками ромашки. Затем пучок наполненных ‘’колбасок” помещают в глиняные горшки с плодородной почвой. Пучки закапывают в землю в октябре и оставляют там до февраля-марта. Препарат помогает в процессах связанных с кальцием и азотом.

Использование космических сил биодинамическим земледелием состоит состоит в осуществлении посева, пересадки растений, культивации, сбора урожая и использования гомеопатических препаратов с учетом астрологических циклов и ритмов луны, планет и звезд . Хотя нет научного подтверждения влияния гомеопатических препаратов и космических тел на физиологию растений и животных, а многие исследователи прямо называют биодинамическое земледелие псевдонаукой, тем не менее оно практикуется в мире на 15 тыс. га (4).

Природное земледелие или зеленая философия. Автором этой концепции является японский фермер и философ Masanobu Fukuoka. Оно строится на полном отказе от обработки земли, применения удобрений в том числе органических в виде компоста, пестицидов и гербицидов, прополки сорняков, обрезки деревьев и механизированной техники, и направлено на использовании минимального физического труда.

Основные положения зелёной философии заключаются в следующем. Природное земледелие это буддийский способ ведения сельского хозяйства оставляющий почву, растения и насекомых в покое. Оно берет начало в философии «Му», или небытия, и возвращается к природе “ничегонеделания”. Природное земледелие является истинной и изначальной формой сельского хозяйства, это бесцельный метод природы, неизменный путь Бодхидхармы (просветления). Хотя оно кажется хрупким и уязвимым, оно могущественно, ибо приносит победу без борьбы. Главным врагом природы являются человеческие знания, которые служат инструментом расчленения и анализа, хаоса и разрушения. Особую опасность представляет попытка восстановить природу посредством знаний. Мир знаний это мир относительностей и противоречий, в котором сильные питаются слабыми. Мир природы это мир гармонии. Самовосстановление природы и возврат человека к богу начинается с отказа от человеческих знаний (7).

Традиционное или индустриальное земледелие характеризуется вкладом больших инвестиций в с/х производство. Оно включает применение всех форм обработки почвы и орошения, внесение органических удобрений, использование синтетических удобрений, средств защиты и стимуляторов роста, механизацию работ, возделывание высокопродуктивных сортов и гибридов, а в странах где позволяет законодательство и возделывание генетически модифицированных сортов. По оценкам Всемирного Банка за последние 50 лет благодаря этой форме хозяйствования продуктивность с/х культур повысилась от 70 до 90 процентов. В то же время традиционное земледелие является причиной ветровой и водной эрозии, потери органического вещества и снижения биологической

активности почвы, загрязнения грунтовых вод удобрениями, пестицидами и гербицидами, и т.д. (6).

Монокультурное земледелие состоит в возделывании одной с/х культуры на всей площади хозяйства, которое особенно широкое распространение получило в выращивании риса и кукурузы. Высокая продуктивность и экономичность монокультурного земледелия достигается за счет сосредоточения внимания фермеров на выращивании и приобретении с/х техники для возделывания только одной культуры, применения повышенных доз удобрений, пестицидов и гербицидов, и получения эффекта масштаба когда рост фермы ведет к снижению себестоимости продукции. В то же время, монокультурное земледелие ведет к снижению биоразнообразия, разрушению органического вещества и повышению кислотности почвы, а также значительному загрязнению экосистемы синтетическими веществами(14).

Экологическое земледелие состоит в включении в традиционное земледелие экологического принципа, что означает признание каждого поля отдельной экосистемой, осуществление мер по поддержанию ее экосистемных функций и использование полученных экологических эффектов в повышении продуктивности с/х растений. Для этого уменьшается количество и применяются разнообразные формы обработки почвы, возделывается широкий набор культур, используется севооборот, навоз и внешние источники органического вещества, уменьшаются объемы внесения синтетических удобрений, сокращается пестицидная и гербицидная нагрузка на посев посредством осуществления контроля вредных организмов биологическими методами и препаратами растительного происхождения. В идеале экологическое земледелие обеспечивает высокую продуктивность, но без ряда негативных эффектов традиционного земледелия (13).

Интегрированная система земледелия представляет собой получение дополнительного роста производительности за счет интеграции отраслей многоотраслевого хозяйства. Так, интеграция растениеводства и животноводства ведет к выращиванию кормовых культур, которые оставляют большое количество органического вещества почвы, а также на поля вывозится навоз; растениеводства, садоводства и овощеводства с пчеловодством повышает продуктивность энтомофильноопыляемых культур; аквакультуры с овощеводством обеспечивает поливом овощные культуры и получается дополнительный доход за счет рыбной продукции и т.д. (3).

Органическое или биологическое земледелие состоит в полном исключении применения синтезированных химических средств и гмо сортов на полях, и антибиотиков на животных, навоз которых будет вносится на этих землях. В качестве источников питания для растений выращиваемых в органическом земледелии используется компост, навоз, зеленое удобрение и костная мука. Кроме этого, применяется севооборот, совместные посевы разных с/х культур, биологические и механические способы контроля вредных организмов, вспашка для заделки в почву внесенного органического вещества (8).

Консервативное земледелие направлено на уменьшение эрозии почвы и сохранении ее органического вещества, и строится на трех принципах: 1) на полном исключении любого рыхления и обработки почвы кроме как при осуществлении прямого высева семян и внесения жидких удобрений, 2) на постоянном покрытии не менее 30 процентов площади почвы органическим веществом в виде растительных остатков и/или сидеральных культур и 3) диверсификации с/х видов, возделывание минимум трех культур и их чередование во времени на научной основе (16).

Следующие три системы земледелия стремятся повысить продуктивность культур используя аналогичные методы заимствованные из других систем земледелия, но отличаются второй целью. Так, регенеративное земледелие также направлено на восстановление плодородия почвы (17), углеродное земледелие на накопление(секвестрацию) углерода в почве в виде органического вещества и тем самым его снижении в атмосфере (15) и климатически оптимизированное земледелие на адаптацию выращивания растений к изменяющемуся климату (5).

Кроме приведенных систем земледелия разработаны точное, клеточное, ландшафтное, урбанистическое, гумусное, холистическое, устойчивое, альтернативное, сбалансированных почв и фертильное земледелие, земледелие с низкими энергозатратами и высокой энергетической отдачей и др.

Таким образом, системы земледелия в зависимости от используемых энергий можно объединить в три группы. Биосферное земледелие это когда биосферная бессознательная энергия сама, без участия человека выращивает продукты необходимые ему. Антропное земледелие состоит в возделывании земли человеком с целью получения большего урожая, чем может обеспечить биосферное земледелие. Для этого тратится биосферная неразумная и антропная энергии и энергия домашних животных. Антропогенное земледелие заключается в максимизации урожайности с/х культур путем использования биосферной неразумной, антропной и антропогенной энергий.

В 70-80 годах прошлого столетия земледелие Республики Молдова находилась в пике своего развития. Продуктивность с/х культур в то время достигла наибольших значений, благодаря развитому животноводству на все поля периодически вносился навоз, площади посева культур по годам были достаточно стабильными, люцерна занимала 200-220 тыс. га и таким образом реализовалась идея академика М.Ф. Лупашку о необходимости выращивания этой культуры на каждом поле один раз в 10 лет с целью улучшения почв. В хозяйствах функционировали отрасли растениеводства, садоводства, овощеводства, животноводства, в степной зоне страны также виноградарства. В целом системы земледелия Республики Молдова того периода можно назвать традиционно-интегрированными, что означает, что в них вкладывались значительные инвестиции и они были многоотраслевыми. В тоже время с/х производство характеризовалась низкой энергетической эффективностью. Некоторые отрасли животноводства и многие хозяйства типа совхозов были убыточными и сохраняли свою жизнеспособность только благодаря дотациям государства. В затратах на производство с/х продукции очень большую долю занимала антропная энергия(человеческий труд). В республике до 55 % населения занимались с/х деятельностью для сравнения в странах с рыночной экономикой эта цифра была почти в 10 раз меньше. Труд в социалистическом способе производства отличался низкой мотивированностью и производительностью, что вело к необоснованным тратам энергии. В итоге, когда остановились поступления дотаций государства многие хозяйства не смогли выжить.

Современное с/х производство нашей страны находятся на стадии энергоматричного становления. Хозяйства разрабатывают свои системы земледелия на основе выращивания рентабельных культур и адаптации технологий их возделывания к изменяющимся климатическим условиям, приобретения с/х техники и строительства соответствующей производственной инфраструктуры. Говоря языком энергий происходит перераспределение и повышение эффективности антропной, антропогенной и биосферной энергий нацеленные на рост конкурентоспособности производимой продукции.

Библиография:

1. Доспехов Б. А. Методика полевого опыта. М., 1985, с. 249.
2. Петкович И.П., Таран М. Г., Возиян В. И. Влияние сорта, нормы высева и фазы скашивания на продуктивность сырого протеина и долговечность травостоя люцерны. Lucrările conferintei internationale stiintifico-practice " Cultura plantelor de câmp - rezultate si perspective". Bâlti, 2004, p. 331-332.
3. Atapattu, A.J., Nuwarapaksha, T.D., Udumann, S.S., Dissanayaka, N.S. Integrated Farming Systems: A Holistic Approach to Sustainable Agriculture. Abstract in Agricultural Diversification for Sustainable Food Production. Sustainability Sciences in Asia and Africa. 2024, Springer, Singapore, p. 89.
4. Basooriya B. S. S. Biodynamic Farming, Principles and Practices, p. 24-34. https://www.kdpublications.in.

5. Climate-Smart Agriculture. FAO UN. https://www.fao.org/climate-smart-agriculture/en/.
6. Fisher M.R. and Editor. Conventional Agriculture. https://pressbooks.umn.edu/environmentalbiology/chapter/conventional-agriculture/.
7. Fukuoka M. The natural way of farming. The theory and practice of green philosophy, Japan Publications, 1985, p.
8. Gamage A., GangahagedaraR., Gamage J., Jayasinghe N., Kodikara N., Suraweera P., Merah O. Role of organic farming for achieving sustainability in agriculture. Farming System 1. 2023, p.1-14.
9. Hannah Ritchie and Max Roser. Half of the world's habitable land is used for agriculture. 2019. https://ourworldindata.org/global-land-for-agriculture.
10. King F. H. Farmers of forty centuries of permanent agriculture in China, Korea and Japan. Organic gardening press Emmaus, Pennsylvania. 1911, p. 13-23.
11. Lewontin R. C. Fitness, survival, and optimality. Analysis of ecological systems. Ohio University Press. 1979, p. 3-21.
12. Lotka A. J. Contribution to the Energetics of Evolution. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, Vol. 8, No. 6. Jun. 15, 1922, p. 147-151.
13. Magdoff F. Ecological agriculture: Principles, practices, and constraints. Renewable Agriculture and Food Systems. 2007, 2, p. 109–117.
14. Monoculture Farming: Practices, Benefits, and Alternatives. 2025. https://www.foodnhotelasia.com/glossary/fnb/monoculture-farming/
15. Nath A.J., Lal R., Das A. K. "Managing woody bamboos for carbon farming and carbon trading". Global Ecology and Conservation. 2015, 3, p. 654–663.
16. FAO UN. https://www.fao.org/conservation-agriculture/en/.
17.https://web.archive.org/web/20170311184654/http://www.csuchico.edu/sustainablefuture/aginitiative/description.shtml.

CZU 634.1:634.22:631.54.12:631.535

ПРИМЕНЕНИЕ АДАПТИВНЫХ ПОДВОЕВ КОСТОЧКОВЫХ КУЛЬТУР КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ УСТОЙЧИВОГО ПЛОДОВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Гендов Наталья,
доктор сельскохозяйственных наук,
orcid.org/000-0002-4509-5918,
gendovnatalia@gmail.com ,
Чернец Александр,
доктор биологических наук,
orcid.org/000-0003-3552-1757
Проданюк Леонид,
доктор биологических наук,
orcid.org/000-0001-8933-715X
Коваленко Галина,
научный сотрудник,
orcid.org/000-0003-3051-0258
Калащан Наталья,
научный сотрудник,
orcid.org/000-0001-8931-4943
Национальный Институт Прикладных Исследований в Области Сельского Хозяйства и Ветеринарной Медицины, лаборатория Вирусологии и Фитосанитарного контроля Садовых Культур, г.Кишинёв

Abstract. Over the past few years, fruit growing in the Republic of Moldova has faced difficulties in selecting rootstocks for stone fruit crops due to the influence of unfavorable abiotic factors. The solution to the problem may be the introduction of adaptive rootstocks into production that are resistant to drought and high temperatures. In this regard, a method for accelerated propagation of the clonal rootstocks Kuban 86 and VC-13, which possess a number of valuable economic traits, was developed. Application of this method will allow for rapid and large-scale cloning, as well as their widespread implementation in the production process. Based on the research conducted, methods for obtaining aseptic cultures for the studied rootstocks were described. Nutrient media for in vitro culture initiation and mass micropropagation were optimized. The reproduction rate per passage ranged from 3.7 to 4.5 new shoots. 95 – 98 % rooting of micro plants was achieved on MS and QL media. Methods for the effective rooting of microplants have been proposed. In a greenhouse, rooted plants were successfully adapted to natural habitats. This allows us to recommend the developed method as reliable, effective, and suitable for reproduction.

Keywords: fruit growing, planting material, climatic factors, rootstocks, stone fruit crops, explant, nutrient media, in vitro propagation, rhizogenesis.

Введение

Негативное влияние климатических изменений на продуктивность плодоводства в Республике Молдова приводит к снижению урожайности, деградации почв, дефициту водных ресурсов и вынуждает к поиску новых подходов, обеспечивающих стабильность отрасли. Освоение новых адаптивных подвоев, устойчивых к засухам и повышенным температурам, является основой для развития современного плодоводства в долгосрочной перспективе [1, p.13-18].

Проблема выбора подвоев для косточковых пород в условиях Республики Молдова является весьма острой. В большинстве случаев в качестве основы для прививки используют

сильнорослые семенные подвои, однако это ограничивает создание насаждений современного типа. Кроме того, у таких сорто-подвойных комбинаций часто проявляется несовместимость подвоя с привоем [9, p.373-388]. Необходимость широкого применения перспективных подвоев, обладающих ценными адаптационными признаками очевидна, однако сдерживается отсутствием достаточного количества посадочного материала на национальном уровне. Импорт клоновых подвоев не всегда способен решить эту проблему. В зарубежном ассортименте многие вегетативные подвои неустойчивы к почвенно - климатическим условиям нашего региона, что сужает перспективы их использования.

На протяжении многих лет лаборатория Вирусологии и Фитосанитарного контроля Национального Института Прикладных Исследований в Сельском Хозяйстве и Ветеринарной Медицине (НИПИСХВМ) (Молдова, г. Кишинёв) проводит научные исследования и развивает стратегии, которые ложатся в основу развития современного устойчивого плодоводства страны [7, p.266-279]. Одной из основных задач является получение и поддержание растений, свободных от вирусов, а также размножение районированных и перспективных для Молдовы клоновых подвоев [2, p.355-358], [3, p.48].

Особое внимание уделяется методам ускоренного размножения с целью изучения и внедрения перспективных клонов в производственный процесс [10, p.10-11], а также расширения перечня клоновых подвоев с высокой адаптационной способностью в условиях климатических изменений, с которыми сталкивается Молдова в последнее десятилетие.

С учётом этого, особый интерес представляют некоторые клоновые подвои косточковых культур, созданные на Крымской опытно- селекционной станции им. Н. И. Вавилова, среди которых Кубань 86 и ВЦ-13. Они представляют собой биотипы, высоко устойчивые к биотическим и абиотическим стрессам, что наделяет их способностью приспосабливаться к экстремальным погодным явлениям. Подвои устойчивы к засухе, к плотным переувлажнённым почвам, к почвоутомлению, что особенно важно для персика [9, p.373-388]. Имеют хорошую совместимость с большинством сортов персика, сливы, вишни и черешни. Прививка на эти клоновые подвои приводит к раннему вступлению в плодоношение и высокой продуктивности.

Эти особенности привлекли наше внимание, в результате чего был разработан метод ускоренного размножения перспективных клоновых подвоев ВЦ-13 и Кубань 86 в условиях in vitro. Применение этого метода позволит быстро и массово клонировать биотипы для получения безвирусного посадочного материала и ускорит их внедрение в производство.

Материалы и методы

Исследования проводились в лаборатории Вирусологии и Фитосанитарного контроля плодовых культур НИПИСХВМ. Объектом исследований стали:

-клоновый подвой универсального типа Кубань 86 (АП-1) - гибрид от переопыления алычи и персика (*P. Cerasifera Erhr × Persica Vulgaris Mill*). Хорошо совместим со всеми сортами персика, миндаля, алычи, с большинством сортов сливы домашней и многими сортами абрикоса.

- клоновый подвой для вишни и черешни ВЦ–13. Выведен скрещиванием вишни Владимирской (*Cerasus vulgaris*) с церападусом Мичурина (*Cerasus vulgaris × Cerasus maacki*).

На этапе инициации в качестве исходного материала использовали верхушки побегов размером 4 - 8 мм, отобранные с вегетирующих растений в стадии активного роста (апрель - май). Стерилизацию растительного материала проводили с помощью перекиси водорода. Испытаны три концентрации - 10, 15, 20 % при экспозиции 5 - 8 минут. Проводили испытания 4 видов питательных сред - среда Murashige and Skoog (MS) (6), Lloyd and McCown (WPM) (5), Quoirin and Lepoivre (QL) (8), Driver and Kuniyuki (DKW) (4). Среды были обогащены аскорбиновой кислотой, витаминами B1, B6, PP, глицином, мезоинозитолом, сахарозой, регуляторами роста - 6-бензиламинопурином (БАП) и индолил-3-масляной кислотой (ИМК).

Растения содержали в культуральной комнате при температуре воздуха +22+24°С, освещении 3-4 тыс. люкс, световом периоде 16 часов и относительной влажности воздуха 60 - 70 %.

Результаты исследований

При введении эксплантов подвоев Кубань - 86 и ВЦ - 13 использовали стандартные методы инициации в культуру in vitro. Изолированные ткани этих биотипов не склонны к окислению. Растительный материал стерилизовали с помощью перекиси водорода. Исходя из наших исследований, установлено, что для подвоя ВЦ-13 оптимально применение 15 % раствора перекиси водорода, а для Кубань 86 – 20 % в течение 8 минут. Такие схемы стерилизации позволили получить сильные, жизнеспособные, стерильные экспланты, потенциально способные к активному размножению. Сокращение времени обработки значительно повышало долю материала, заражённого грибками и бактериями.

За развитием первичных эксплантов наблюдали на двух питательных средах - MS и WPM. Питательная среда по MS лучше подходила для культивирования изолированных эксплантов изучаемых биотипов. Около 70 % из них достигли хорошего уровня развития, в то время как на среде WPM это показатель был в два раза меньше. Формирование первых дополнительных побегов на изолированных эксплантах зафиксировано со второго пассажа.

Нами было изучено влияние минерального состава питательной среды на микроразмножение подвоев. Следует отметить, что у подвоя Кубань 86 несбалансированность макро- и микроэлементов проявлялась нарушением физиологических процессов и замедлением роста и развития побегов (рис.1).

Рис. 1. Микроклональное размножение подвоя Кубань 86 на питательных средах с разным минеральным составом

Источник: архив лаборатории вирусологии НИПИСХВМ

Из испытанных питательных составов оптимальные условия для регенерации подвоя обеспечивали питательные среды с повышенной концентрацией азота – MS и QL. На них побеги активно пролиферировали, отличались развитыми, ярко окрашенными листьями, что является индикатором хорошего фотосинтеза и сбалансированного питания растений. Средняя высота микропобегов составляла около 1,5 см; средний максимум – 3,4 см. Побеги, полученые на питательной среде QL, развивались однородно, в то время как на среде MS часто доминировало несколько лидеров, которые на 1/3 превышали высоту основной массы микропобегов.

На питательных составах с набором макро- микроэлементов по WPM и DKW регенерация у микрорастений Кубань 86 протекала замедленно, наблюдали пожелтение и опадение листьев, что указывает на несоответствие баланса компонентов в питательной среде физиологическим потребностям биотипа.

Для поддержания интенсивного роста и полноценного развития подвоя ВЦ – 13 в условиях in vitro оптимальным оказался минеральный состав по MS.

Установлены оптимальные концентрации БАП в питательной среде которые варьируют от 0,8 до 1 мг/л. Повышенные концентрации цитокинина при микроразмножении подвоев не были целесообразны, особенно для Кубань 86. Культивирование этого подвоя на средах с БАП 1,2 - 1,5 мг/л приводило к необратимым морфологическим изменениям в структуре тканей и клеток. У таких растений снижалась регенерация, часть побегов со временем погибала.

Пик побегообразовательной способности подвоев был достигнут после 4 - 5 субкультивирований. В этом промежутке коэффициент размножения у растений Кубань 86 достигал 3,3 – 3,7 дополнительных побега на среде QL (рис.2), а у подвоя ВЦ – 13 приблизился к 4,3 - 4,5 дополнительных побега на среде MS (рис.3).

Основное количество микрорастений Кубань 86 и ВЦ -13, полученных в культуре in vitro, достигало высоты, рекомендуемой для начала этапа укоренения, поэтому стимуляции с целью удлинения и улучшения качества побегов не требовалось. Для укоренения было использовано не менее 70 % от объёма размноженных микропобегов.

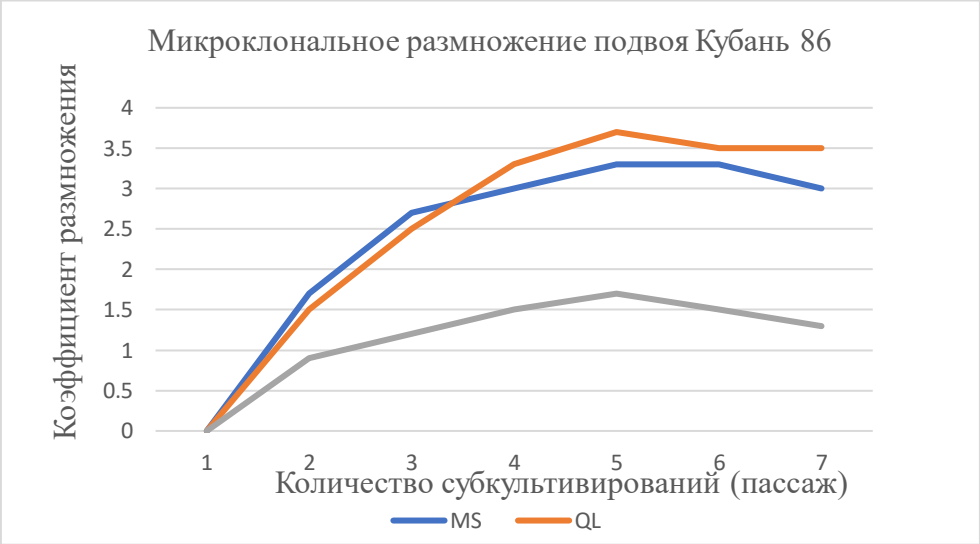

Рисунок 2. Динамика размножения микрорастений подвоев Кубань 86 в зависимости от минерального состава питательных сред
Источник: визуализировано авторами публикации

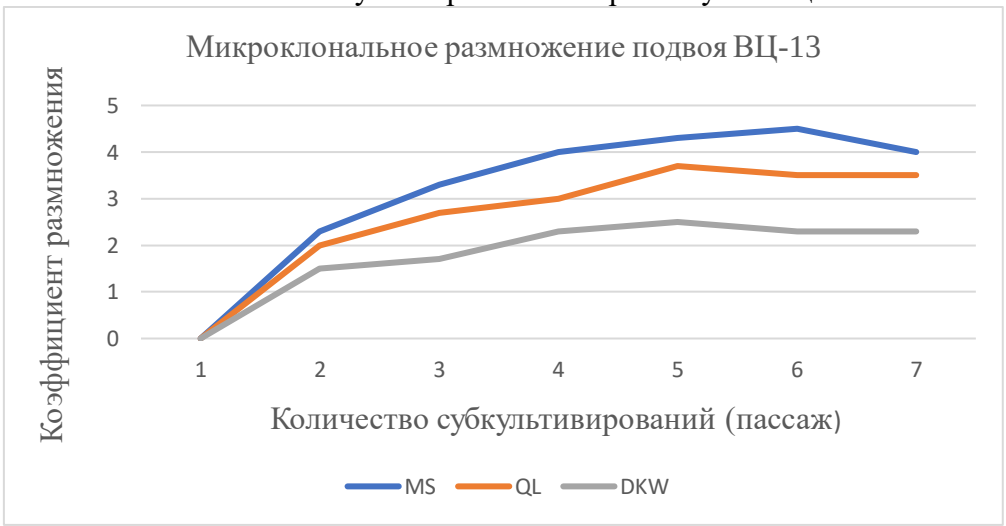

Рисунок 3. Динамика размножения микрорастений подвоев ВЦ-13 в зависимости от минерального состава питательных сред
Источник: визуализировано авторами публикации

Для активации ризогенеза в питательной среде были понижены концентрации минеральных компонентов и сахарозы, а также полностью исключён цитокинин. Изучаемые подвои быстро и активно укоренялись на всех испытанных вариантах (таб.1). Начало корнеобразовательного процесса отмечалось через 11 - 14 дней после посадки.

Таблица 1. Укоренение подвоев для косточковых культур в условиях in vitro

Питательная среда		Укоренилось побегов, %	
концентрация	ИМК, мг/л	Кубань 86	ВЦ- 13
MS, 1/2	0.5	66	75
MS, 1/2	1	90	98
MS, 1/2	1.5	90	96
QL, 1/2	0.5	71	80
QL, 1/2	1	85	90
QL,1/2	1.5	95	86

Источник: данные авторов публикации

У подвоя Кубань 86 высокий процент укоренения (95%) был достигнут на питательной среде QL в присутствии ИМК 1,5 мг/л. 98 % побегов подвоя ВЦ – 13 сформировали корни на среде MS при ИМК 1 мг/л. В рамках эксперимента во всех вариантах доля укоренившихся побегов составила большинство - от 66 до 90% у Кубань 86 и от 75 до 96% у подвоя ВЦ- 13. Это указывает на высокую корнеобразовательную способность изученных биотипов.

Адаптацию растений к естественным условиям проводили в остеклённой теплице. Для посадки использовали субстраты из торфа и перлита обработанные дезинфицирующим раствором. Первые три недели растения содержались в условиях повышенной влажности. Своевременное проведение всех необходимых мероприятий по уходу за растениями, полученными из культуры in vitro, позволило адаптировать более 80 % высаженного материала.

Литература:

1. Balan, Valerian, Șarban, Vasile. Starea pomiculturii în Republica Moldova în ultimele două decenii. In: Lucrări ştiinţifice, Univ. Agrară de Stat din Moldova. 2018, vol. 47: Horticultură, viticultură şi vinificaţie, Silvicultură şi grădini publice, Protecţia plantelor, pp. 13-18.
ISBN 978- 9975-64-296-5.
2. N. Gendov., A. Chernets., G. Kovalenko, Conservation of biodiversity of pome rootstocks in the republic of Moldova., “Genetics, Physiology and Plant Breeding”, International Scientific Conference. Chisinau, October 7-8, 2024, USM, IGPPP, p. 355-358.
ISBN 978-9975-62-766-5
https://repository.utm.md/bitstream/handle/5014/31552/ghendov_355-358.pdf?sequence=1&isAllowed=y
3. N. Gendov., A. Chernets., G. Kovalenko, Preliminary results of micropropagation of vegetative rootstock for plum and apricot Wavit., “Modern trends in the agricultural higher education”, International Scientific Symposium. October 5-6, 2023, Technical University of Moldova, ISBN 978-9975-64-360-3 (PDF) https://ibn.idsi.md/ro/vizualizare_articol/192876
4. Driver J. A., Kuniyuki A.H., (1984) In vitro propagation of Paradox walnut rootstock. HortScience 19 (4): 507-509, DOI:10.21273/HORTSCI.19.4.507
5. Lloid G. & Mccown B. Commercially feasible micropropagation of mountain laurel, Kalmia latifolia, by shoot tip culture.,Comb. Proc. Int. Plant Prop.Soc, 30 (1980) 421-427
6. Murashige T., Skoog F. A revised medium for rapid growth and bioassays with tobacco tissue cultures // Physiologia Plantarum. 1962., V. 15., № 13. P. 473-497

7. Prodaniuc L., Calaşean Iu., Cerneţ A., Luchita V., Covalenco G., Calaşean N., Ghendov N., Prodaniuc E., Majorarea sortimentului de clone devirozate a speciilor pomicole., 2020, p. 266-279, Realizări ştiinţifice în horticultură, oenologie şi technologii alimentare, Chişinău, ISBN 978-9975-56-808-1 https://ibn.idsi.md/ro/vizualizare_articol/190387
8. Quoirin M., Lepoivre P. (1977): Improved media for in vitro culture of Prunus sp. Acta Hort., 78: 437–442, DOI: 10.17660/ActaHortic.1977.78.54
9. Ерёмин Г. В., Косточковые плодовые культуры. Генофонд и его использование в селекции: монография. Краснодар, Просвещение – Юг, 2021, 558 с.
ISBN 978- 5 -93491-881- 2
10. Коваленко Г., Гендов Н., Сохранение генофонда клоновых подвоев косточковых пород методами биотехнологии, Pomicultura, viticultura, vinificatia, 2016, № 3 (63), с 10-11. ISSN 1857-3142 https://ibn.idsi.md/sites/default/files/j_nr_file/Pomicultura-ViticulturaVinificatia-nr-3_2016.pdf

SECTION IV. LAW AND POLITICAL SCIENCES
SEKŢİYA IV. HUKUK VE SİYASİ BİLİMLER
SECȚIUNEA IV. DREPT ŞI ȘTIINȚE POLITICE
СЕКЦИЯ IV. ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

CZU 327.2

OBIECTIVE DE SECURITATE UMANĂ ÎN CONTEXTUL SCHIMBĂRILOR GEOPOLITICE CONTEMPORANE

Serghei Sprincean
Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar, secretar științific
Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al Universității de Stat din Moldova,
Chișinău, Republica Moldova
sprinceans@yahoo.com
orcid id: 0000-0002-7411-9958

Articolul este elaborat în cadrul subprogramului de cercetare: 01.05.01 Securitatea națională a Republicii Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politologice și sociologice.

Abstract:
Contemporary geopolitical changes that prove to be extreme challenges for human society generate new guidelines, tendencies and trends towards new objectives in order to ensure human security and personal safety. In this context, circular culture embodies the human and societal side of the transition of society based on uncalculated consumption, and on an erroneous assessment and estimation of the potential of society and its access to natural resources, towards a circular economy and a security-resilient society. A fundamental objective of human security is the desire to improve the security culture of both the individual, society, and the state, through its institutions. It is an important goal to achieve that in the future human society is able to raise the level of its self-organization so that the geopolitical environment admits security circularity as a plausible dimension in the equation of improving international relations, and circular culture becomes a reference objective for ensuring the security of the person and communities.
Keywords: Human security, geopolitics, security culture, personal safety, circularity culture insecurity, security menaces, risk, circularity

Promovarea valorilor specifice unei societăți civilizate, bazate pe o cultură profundă și o interiorizare clară de către categorii largi ale societății, în corelație cu principiile securității umane, în condiții de dezechilibru securitar și o insecuritate geopolitică, în contextul accelerării provocărilor globale pentru societățile umane contemporane, este direct legată de necesitatea dezvoltării și impunerii unui nou model și abordare a fenomenului siguranței umane, mai cu seamă în contextul amplificării instabilității geopolitice și securitare, a amplificării insecurității și incertitudinii la nivel personal, național și internațional [1, p. 130].

Această nouă abordare constructivă și generalizatoare a evoluției situației geopolitice formată după pandemia de COVID-19 din anii 2020-2022, dar și în perioada războiul din Ucraina, declanșat pe 24 februarie 2022 de Federația Rusă prin invazia militară și hibridă, este pe deplin concordantă cu perspectivele de schimbare a accentului plasat pe conceptele de securitate statală și națională, securitate umană și siguranță personală [2, p. 269]. Societatea umană conține un set de valori și

modele privind contracararea pericolelor și riscurilor bazate pe respectul pentru demnitatea umană, pe necesitatea asigurării siguranței personale [3, p. 64]. Astfel, siguranța personală ocupă un loc primordial în spectrul larg de preocupări în domeniul securității [4, p. 45]. În contextul procesului de globalizare, se pune problema necesității amplificării culturii circularității în plan securitar, precum și a culturii securității, mai ales că societatea contemporană este una a riscurilor dublate de o serie de pericole și amenințări la adresa securității și siguranței persoanei [5, p. 171]. Conceptul de siguranță umană, care pune accentul pe dimensiunile economice, pe puterea soft și dimensiunile non-militare ale securității, implică și promovarea protecției drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, prin consolidarea capacității cetățenilor de autoprotecție și a culturii securității lor [6, p. 39].

Un obiectiv fundamental al securității umane reprezintă dezideratul de îmbunătățire a culturii securității, atât a persoanei, a societăii, cât și a statului, prin instituțiile sale [7, p. 79]. Dar cultura securitară este sortită să realizeze un salt calitativ pentru a deveni mai aplicativă și mai utilă societății viitorului, tot mai mult expusă riscurilor de securitate, care necesită pentru soluționarea problemelor de securitate, resurse tot mai mari și implicarea a tot mai multor categorii sociale [8, p. 192]. Astfel, cultura circulară, uneori denumită cultura economiei circulare căci este inspirată de la acest concept inpvator, evidențiază valorile culturale, mentalitățile și practicile necesare pentru a permite circularitatea în societate pentru bunăstarea persoanei și siguranța statului în egală măsură [9, p. 48]. Această categorie specifică studiilor de securitate, provenită din concepțiile inovatoare ale teoriei economice - cultura securitară, postulează că trecerea la o economie circulară nu este doar o acțiune tehnică sau comercială, ci și o transformare culturală cu o legătură puternică cu siguranța umană [10, p. 87].

O „cultură circulară" implică particiaprea plenară a întregii societăți care apreciază înalt, nu doar longevitatea produselor, nu doar îmbrățișează reutilizarea deșeurilor și partajarea produselor din materiale recilate în locul consumului de noi resurse și consideră deșeurile ca pe o resursă importantă și de viitor pentru o societate rezilientă [11, p. 312]. Dar, de asemenea, conceptul emergent de securitate circulară leagă principiile economiei circulare descrise mai sus cu chestiuni de securitate a resurselor, inclusiv al celor energetice și epuizabile care constituie obiectul unor dispute acerbe pe plan geopolitic [12, p. 128]. De altfel, o „cultură circulară" implică și stabilitate socială și a mediului înconjurător, dar și stabilitate geopolitică, echilibru de putere, la fel și cu siguranța și securitatea umană, care împreună pot forma un anturaj propice pentru progresul social și o condiție a dezvoltării sociale pe termen lung [13, p. 43]. Acest termen - „cultură circulară", reflectă ideea că încetarea risipei de resurse și reducerea dependenței societății umane de materialele noi din natură pot spori reziliența economică și securitatea națională, dar și securitatea umană ca premise pentru un salt conceptual în mentalitatea societății umane a viitorului [14, p. 96].

Tranziția către o un stadiu circular al evoluției societății umane în plan geopolitic nu este o provocare pur tehnică sau politică, ci implică o schimbare fundamentală de cultură, precum și o nouă aborare asupra obiectivelor, dar și a metodelor și căilor optimale care să asigure siguranța umană și securitatea persoanei [15, p. 208]. Cultura circulară se referă la normele culturale, valorile și comportamentele colective care se aliniază cu economia circulară și o susțin, dar și cu circularitatea securitară, când toți actorii sociali importanți participă activ la asumarea responsabilității și asigurarea securității comune [16, p. 74]. Este vorba despre promovarea unei mentalități în societate care nu doar încurajează consumul responsabil, spre deosebire de cultura utilizării unice a resurselor ca fundament pentru paradigma liniară [17, p. 35]. Dar, de asemenea, mentalitatea edificată vine să justifice plasarea securității societății și siguranța individului în vârful piramidei valorilor sociale, pentru care se pot utiliza cele mai valoroase resurse, deoarece securitatea devine garanția și sursa altor valori sociale, precum bunăstarea comună, sănătatea individuală, perspectivele de viitor sau chiar progresul imediat [18, p. 228]. Într-o cultură circulară, to așa cum produsele nu sunt văzute ca

simboluri cu statut de unică folosință, ci ca active valoroase care trebuie întreținute, partajate și reutilizate, unde risipa este descurajată social, iar creativitatea este aplicată pentru a găsi o a doua și a treia viață materialelor, și implicarea fiecărui membru al societății în asigurarea securității comune devine la fel de valoroasă prin diversitatea abordării și prin asumarea rezultatelor acestor eforturi [19, p. 169]. Astfel, excuderea socială sau convingerea insuficientă de a fi atrași în procesele sociale ample de asigurare a siguranței fiecăruia și a celei comune, devine o risipă intolerabilă și inacceptabilă [20, p. 48]. Acest concept al culturii circulare ca o condiție pentru circularitatea securitară este evidențiat în atitudinile împărtășite de liderii și strategii societăților contemporane, care urmeăresc cu precădere implementarea unui model democratic de organizare socială, care recunosc că, fără o cultură de susținere și de sprijinire largă de către populație, politicile circulare pot eșua, afectând grav siguranța și securitatea umană din regiune, nu doar nivelul de dezvoltare socio-economică a societăților contemporane [21, p. 150].

Totodată, promovarea unei culturi circulare nu înseamnă inventarea de idei noi, ci revitalizarea și învățarea din cultura tradițională. Popoarele indigene și comunitățile locale din întreaga lume au gestionat resursele timp de secole în mod circularși inteligent, ghidate de asemenea valori culturale universale cu ar fi: reciprocitatea, administrarea cu rezervă și previzibilitate, dar și cu respect și admirație pentru natură și pentru ciclurile sale de reînoire și regenerare [22, p. 178]. Aceste practici tradiționale includ, de exemplu, agricultura prin rotație, utilizarea fără resturi a fiecărui animal vânat, astfel încât nicio substanță sau material să nu se irosească, transmiterea hainelor și uneltelor din generație în generație și alte ritualuri care impun recoltarea sustenabilă [23, p. 72].

De fapt, abordarea specifică concepției Culturii Circulare care poate deveni un obiectiv pentru o societate reziliență într-un context geopolitic neprietenos și plin de provocări, este construită pe patru piloni ai armoniei: armonia cu natura, armonia cu trecutul, armonia reciprocă dintre persoane și civilizații, societăți și state, și armonia cu nevoia permanentă de schimbare și adaptare. Această perspectivă extinsă depășește obiceiurile de reciclare, implică respectarea limitelor ecologice (natura), învățarea din moștenire și înțelepciunea tradițională (trecut), consolidarea participării comunitare și democratice (reciproce) și îmbrățișarea inovației și a echității în fața schimbării și adaptăii [24, p. 82]. Un astfel de cadru cultural pregătește și educă cetățenii să sprijine inițiativele circulare securitare, geopolitice și economice, de la agricultura urbană la un proces politic tot mai incluziv și transparent, deoarece acestea rezonează cu valorile tradiționale și istoria locală [25, p. 48]. Într-un sens mai larg edificarea și propagarea unei culturi circulare înseamnă insuflarea de noi norme sociale, bazate pe responsabilitate și implicare și, treptat, câștigă acceptul și aprobarea comunității și cetățeanului asemenea activități precum cultivarea toleranței, gratitudinii pentru implicarea și efortul altuia cu scop general-util; repararea obiectelor stricate devine „cool” (sau chiar un motiv de mândrie) mai degrabă decât un semn al sărăciei și imposibilității de a-și permite lucruri noi; afacerile se mândresc cu designurile circulare; modelele de politică și economie colaborativă, cum ar fi cluburilede dezbateri pe teme geopolitice și de administrare locală, dar și bibliotecile de unelte sau schimburile de haine. În context corporativ, unele societății occidentale, mai avansate în promovarea culturii circularității, manifestă necesitatea de formare și construire a unei mentalități și conștiințe circulare în cadrul organizațiilor și comunităților locale, astfel încât angajații sau membrii de la toate nivelurile să încorporeze gândirea circulară. De exemplu, designerii care evidențiază modularitatea sau specialiștii în marketing care inovează cu diverse scheme de abonament și loializare [26, p. 271].

O cultură circulară implică inevitabil dimensiuni securitare individuale și comune cum ar fi identitatea și aspirațiile cetățenilor care se ajustează la nevoile și procesele psiho-emoționale ale acestora [27, p. 234]. Astel, succesul nu este măsurat prin simpla acumulare de putere, resurse, bunuri sau potențial, ci poate fi înțeles și ca un gest de voință socială sau personală de a lăsa o amprentă redusă de deșeuri sau prin utilizarea unor trucuri creative de reutilizare a lor, de a inventa noi

modalități de diversificare a proceselor decizionale ineficiente [28, p. 68]. Această dimensiune culturală a securizării este din ce în ce mai recunoscută ca fiind esențială de către societatea umană supusă unor provocări extreme [29, p. 53].

În acest context, atitudinile culturale, responsabilizarea, implicarea și dispersarea sarcinilor, conștientizarea riscurilor și a rezultatelor nocive, dar și obiceiurile și tradițiile pot constitui bariere sau factori care facilitează schimbarea și adaptarea societății umane în perspectiva supraviețuirii sale [30, p. 41].

În concluzie, constatăm că schimbările geopolitice contemporane care se dovedesc a fi provocări extreme pentru societatea umană generează noi orietari, tendințe și trenduri către noi obiective în vederea asigurării securității umane și siguranței persoanei. În acest context, cultura circulară întruchipează latura umană și societală a tranziției societății bazată pe consum necalculat, și pe o evaluare și estimare eronată a potențialului societății și a accesului ei la resursele naturale, către economia circulară și o societate rezilientă securitar.

Evoluția tradițiilor seculare, a credințelor și practicilor comune pentru societățile arhaice care stau la baza unui mod de viață circular și precaut, promovând siguranța și securitatea umană la nivel comunitar, constituie premisele și baza pentru o conștiință și mentalitate circulară a societății viitorului, capabilă să formuleze un răspuns ferm și decisiv la provocările momentului.

Vom constata că în epoca contemporană a poat-adevărului, comunicarea, mass-media și rețelele sociale joacă un rol tot mai impotant în influențarea culturii sociale și individuale, iar în ultimii ani aceste mijloace au adus în discuția publică noi concepte de circularitate, atât în discursul public, cât și în viața cotidiană prin apariția unor noi soluții tehnologice. Știrile, producția media, documentarele și operele artistice care expun dezavantajele modelului liniar al abordării riscurilor și amenințărilor la siguranța persoanei, cum ar fi criza poluării cu plastic din oceane sau depozitarea deșeurilor electronice, a celor de la centralele atomo-electrice etc., au crescut gradul de conștientizare și alertă a publicului cu privire la motivul pentru care „business as usual” este nesustenabil și nu mai poate fi tolerat, mai cu seamă în societățile unde mecanismele democratice rămân funcționale. Totodată, media, arta și societatea civilă se operează mai des cu povești de succes ale inovației circulare, de exemplu, o companie care folosește plastic oceanic recuperat în noi produse sau o localitate care reușește să se autoorganizeze și să atingă rate ridicate de reciclare a deșeurilor, tratând circularitatea ca pe o narațiune în contextul unor soluții la provocările contemporane.

În contextul dat, rămâne un deziderat important de atins ca pe viitor societatea umană să fie capabilă să ridice nivelul autoorganizării sale pentru ca mediul geopolitic să admită circularitatea securitară ca o dimensiune plauzibilă în ecuația ameliorării relațiilor internaționale, iar cultura circulară să devină un obiectiv de referință pentru asugurarea securității persoanei și a comunităților.

Bibliografie:

1. SPRINCEAN, Serghei, LISNIC, Victoria. Evaluarea impactului programelor-cadru și monitorizarea domeniului de cercetare și inovare. In: *Studia Universitatis Moldaviae (Seria Ştiinţe Sociale)*, 2025, nr. 3(183), p. 128-136.
2. SUHRKE, A. *Human Security and the Interests of States.* In: Security Dialogue, vol. 30, no. 3, 1999, p. 265-276.
3. MARINUŢA, V. Aspecte ale implementării controlului civil democratic asupra sferei militare din Republica Moldova. In: *Revista Militară.* Studii de securitate şi apărare, nr. 1(9), 2013, pp. 62-68.
4. BUZAN, B. *Popoarele, statele şi teama. O agendă pentru studii de securitate internaţională de după războiul rece*. Chişinău: Cartier. 2000, p. 386.

5. JUC, V, UNGUREANU, V. Reconfigurarea structurii sistemului internaţional după încheierea Războiului Rece. In: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, nr. 2 (156), 2011, pp. 163-182.
6. GIONEA, V. Studii de drept constituțional și istoria dreptului. Vol. 3. București: Regia Autonomă „Monitorul Oficial”. 1995.
7. SPRINCEAN, S. *Perspective de fortificare a securităţii regionale în contextul aderării Republicii Moldova la Uniunea Europeană*. În: Conferința Internațională Jean Monnet: “Cooperarea instituţiilor statului în asigurarea unităţii naţionale”. 28-29 martie 2025, Chişinău. / coordonator: Ludmila Roşca. Chişinău: Print-Caro, 2025, p. 73-86.
8. URSUL, A.D.; URSUL, T.A.; ŢÎRDEA, T.N. *Главное управление переходом к устойчивому развитию: социально-политический ракурс*. În: Moldoscopie. Chişinău: USM, nr. 1 (LVI), 2012, p. 183-201.
9. GIDDENS, A. *Fate, Risk and Security*. In: A. Giddens „Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age”. Cambridge: Stanford University Press. 1991, 264 p.
10. CEBOTARI, S. The Republic of Moldova between Neutrality and NATO Memebership Status. In: *Postmodern Openings*, Year 1, Vol 3, September, 2010, pp. 83-91.
11. SPRINCEAN, S. *Prioritățile de securitate națională prin prisma obiectivelor de securitate umană în contextul perspectivei de extindere a UE*. În: Conferința Internațională Jean Monnet “Mecanisme şi modele de adoptare a deciziilor la nivel local/regional/central”,19-20 aprilie 2024, Chişinău / Coord. L. Roşca. Chişinău: Print-Caro, 2024, p. 309-318.
12. БЕК, У. *Общество риска. На пути кдругому модерну* / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой: Москва: Прогресс-Традиция, 2000, p. 384.
13. COTTEY A., EDMUNDS T., FORSTER, A. The Second Generation Problematic: Rethinking Democracy and Civil-Military Relations. In: Armed Forces & Society, vol. 29, nr. 1, 2002, pp. 31-56.
14. SPRINCEAN, S.; SOHOȚCHI, T.-S. *Обеспечение безопасности человека в условиях пандемии COVID-19*. În: Сахаровские чтения 2021 года: экологические проблемы XXI века. Материалы 21-й международной научной конференции, 20-21 мая 2021 г., Минск, Республика Беларусь: в 2 ч. Часть 1. Минск: ИВЦ Минфина. 2021, p. 95-98.
15. BELL, D. *The coming of Post-Industrial Society: A Venture in SocialForecasting*. 2nd ed. New York: BasicBooks. 1976, p. 507.
16. CLAUSEWITZ, C. Despre război. București: Ed. Militară. 1982.
17. FARWELL, J., HAMRE, J. *Persuasion and Power: The Art of Strategic Communication*. Washington, DC: Georgetown University Press. 2012.
18. HUNTINGTON, S. Securitatea națională și relațiile civil-militare. In: Armata și societatea: culeg. de texte de sociologie militară / Coord.: Ionel Nicu SAVA et al. București: Editura INFO-TEAM, 1998, pp. 213-335.
19. BERBECA, V. Controlul civil asupra armatei şi poliţiei. In: *Auditul sistemului democratic în Republica Moldova*: antologie de studii asupra guvernării. Chişinău: IDIS „Viitorul”. 2011, pp. 165-186.
20. SPRINCEAN, S. *Роль гражданского единства в процессе обеспечения безопасности человека в Республике Молдова.* In: Правовые аспекты нациестроительства в России: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 17 апреля 2020 г. Саранск: ЮрЭксПрактик. 2020, p. 44-51.
21. COROPCEAN, I. Organizarea sistemului de conducere în domeniul securității și apărării naționale în situații de criză. In: Cohorta. Revista de Istorie Militară, nr. 1, 2023, pp. 143-158.
22. CERVU, V., CIORANU, V. Regiunea Mării Negre, zonă a schimbărilor geopolitice. In: *Gândirea Militară Românească*, , pp. 166-189.
23. FUKUYAMA, Fr. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Ed. Farrar, Straus and Giroux. 2018.

24. CUȘNIR, V., ALBU, N. Repere conceptuale și fundamente politico-juridice ale politicii de securitate și apărare națională. In: *Akademos*. Revistă de știință, inovare, cultură și artă, nr. 4. 2018, pp. 78-87.
25. ENICOV, V. Consiliul Suprem de Securitate în Sistemul de Asigurare a Securităţii Naţionale. In: *Consiliul Securităţii Naţionale în procesul de luare a deciziilor. Analiză comparată: Republica Moldova, România şi Ucraina*, Chișinău: Cartier. 2006, pp. 46-52.
26. MACLEAN, G. *Instituting and Projecting Human Security: a Canadian Perspective*. In: Australian Journal of International Affairs, nr. 54 (3). 2000, p. 269-275.
27. SPRINCEAN, Serghei. Dezvoltarea umană și siguranța persoanei în contextul preocupărilor pentru securitatea umană. In: *Studii şi cercetări juridice* / Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al USM; colegiul de redacție: Valeriu Cușnir (coordonator ştiinţific) [et al.]. Chişinău: CEP USM, Partea 7-8. Subcap. 7.1. 2024, pp. 231-239.
28. JUC, V. Dificultăţi teoretico-metodologice în pronosticarea încheierii Războiului Rece. In: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice. nr. 1, 2009, pp. 66-76.
29. BATTERSBY, P., SIRACUSA, J. M. *Globalization and Human Security*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 2009. 252 p.
30. SPRINCEAN, S. *Simbioza securităţii şi interesele republcii moldova în perspectiva extinderii UE*. Republica Moldova în contextul noii arhitecturi de securitate regională : Materialele conferinţei ştiinţifice internaţionale, 24 mai 2024 / coord.: I. Coropcean; colegiul de redacţie: C. Manolache [et al.]. Chişinău: AMFA, 2025, p. 32-44.

CZU 327.2

PROVOCĂRI LA ADRESA SECURITĂȚII NAȚIONALE A REPUBLICII MOLDOVA CA BAZA PENTRU EVOLUȚIA RELAȚIILOR SALE INTERNAȚIONALE

Serghei Sprincean
Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar, secretar științific
Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al Universității de Stat din Moldova,
Chișinău, Republica Moldova
sprinceans@yahoo.com
orcid id: 0000-0002-7411-9958

rticolul este elaborat în cadrul subprogramului de cercetare: 01.05.01 Securitatea națională a Republicii Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politologice și sociologice.

Abstract:
The international relations of the Republic of Moldova are directly proportionally determined by its national interests, and the challenges to national security cause important changes in the dominant approaches of the rulers towards the priorities of the Republic of Moldova in its international relations. Thus, we find that the hybrid efforts of the Russian Federation to destabilize the Republic of Moldova in recent years, intensified after the Kremlin administration launched the occupation war in Ukraine, had the effect of a significant change in the preferences of the electorate and the consolidation of pro-European forces in government. The challenges from the Russian Federation to the national security of the Republic of Moldova, the unprecedented support of Romania and the EU for the Republic of Moldova, but especially the continuation and escalation of the war in Ukraine after February 2022, have significantly diminished the electoral support for pro-Russian forces which, thus, have become irrelevant and peripheral for the configuration of the foreign policy of the Republic of Moldova. The European vector, thus, becomes a dominant trend for the electorate of the Republic of Moldova, and rapprochement with Romania becomes a widely discussed option

in society and political circles in the government, especially in the context in which other options for securing the territory and citizens of the Republic of Moldova are not realistic given the persistence of plans to expand the war in Ukraine to the Republic of Moldova.

Keywords: Human security, war in Ukraine, hybrid war, national security, security risk, European Union

Securitatea, atât cea a persoanei, cât și cea a comunităților umane, statelor, regiunilor și securitatea mondială conțin elemente care sunt înțelese în mod obiectiv, la nvelul unor parametri care pot fi evaluați științific independent de percepțiile, senzațiile și impresiile cercetătorului, cât și subiectiv, ca rezultat al unui demers irațional individual, în urma unor impresii formate ca rezultat al contactului cu o realitate percepută și asumată personal [1, p. 599]. În sens subectiv, securtatea se află într-o corelație strânsă cu sentimentul de confort și cu starea generală de bine a persoanei. Iar în sens obiectiv, securitatea devine un concept complex care are capacitatea să se extindă în timp și spațiu și poate fi dovedită prin aplicarea unor metodologii științifice, poate fi verificată și instrumentalizată în perspectiva generării unor beneficii clare și evidente de ordin material sau spiritual pentru subiectul protejat și securizat [2, p. 171].

În general, securitatea pote fi amplificată prin conceptul de beneficiu, care conferă procesului de asigurare a securității un sens aplicativ, o perspectivă dinamică de punere în valoare a celor mai puternice părți, calități sau aspecte [3, p. 109].

Beneficiul care este obținut în urma asigurării prelungite în timp a securității subiectului diferă esențial de avantajele care pot pune într-o nouă lumină subiectul securizat [4, p. 201]. De regulă avantajele obținute în rezultatul asigurării securității demarcă o îmbunătățire a stării anterioare, a situației subiectului vizat prin efortul de securizare, o ameliorare a stării, fără să o schimbe structural sau calitativ [5, p. 516]. Iar beneficiul, în acest context, denotă o stare calitativ nouă, o achiziție și un salt valoric important pe care-l înregistrează subiectul respectiv [6, p. 42].

Beneficul securitar, prin urmare, devine un obiectiv important pentru eforturile de securizare, prin atingerea căruia starea de securitate se amplifică, transformându-se într-o stare calitativ avansată [7, p. 191]. Dar, odată cum securitatea nu poate fi doar îmbunătățită pentru toți participanții la procesele sociale, cele politice, geopolitice și globale, beneficiile obținute de un subiect protejat, sunt invers proporționale cu un nivel degradat de protecție a securității pe care trebuie să-l accepte subecții aflați în concurență cu cel ce înregistrează beneficii securtare [8, p. 18].

Pe de altă parte, dezvantajele pe care le experimentează unii subiecți ai ecuației de securitate ca rezultat al înrăutățirii stării acestora de securitate sau a dificultăților de securitate întâmpinate, sunt corelate invers proporțional cu avantajele nou înregistrate ale altor subiecți ai ecuației securitare, aflați pe un trend ascendent în optimizarea proceselor securitate în care sunt implicați [9, p. 36].

Problmatica dificultății de identificare, evaluare și soluționare a problemelor de securitate nu ține excusiv de aspecte metodologice, ci și de contextul în care se activează, de paradigmele dominante în comunitatea științifică și în socetate, dar și de capacitățile disponibile, atât umane, tehnologico-tehnice, dar și comunicaționale. Un important impact asupra capacității de identificare a problemelor de securitate îl are abilitatea de a conceptualiza în ansamblu starea de securitate. Fără îndoială că aspectele metodologice țin de esența procesului de identificare și evaluare.

Generalizând, impedimentele menționate pot fi grupate în două mari categorii: 1. dificultăți obiective, care sunt determinate de limite metodologice, teoretico-conceptuale, și 2. dificultăți subiective, determinate de opinii și limite umane și sociale, care sunt bazate pe impresii, percepții și sentimente, care nu pot fi evaluate cu precizie, care sunt o exponentă a calității umane [10, p. 221].

Pentru a contracara atacurile hibride din partea Federației Ruse, este imperativ de necesar ca intruziunea hibridă rusă în sistemele sociale, economice și politice din Vest (Europa Occidentală, stetele UE, statele - foste republici unionale ale URSS și Statele unite ale Americii etc.) să devină un obiect de studiu, o preocipare importantă pentru a înțelege mai bine specificul influenței, amploarea, metodele preferate la care se recurge cel mai des, cauzele succesului de intruziune și de presiune asupra factorilor de decizie, dar mai ales breșele posibile din sistemul edificat, punctele vulnerabile

și slabe ale sistemului de intervenție hibridă, informațională construit și folosit de FR pentru a interveni și a influența procesul decizional, mentalitatea socială în statele pe care FR le consideră inamice, rivale sau concurente, mai ales cele din Vest [11, p. 272].

Principiul prioritizării din perspectivă conceptual-metodologică ca metodă științifică și neștiințifică de cunoaștere [12, p. 548]. În domeniul asigurării investigării și cercetării securității principiul respectiv este utilizat des și la ascară largă, cu toate că acest principiu este unul general-științific, dar și un principiu ce aparține activității practice. Prioritizarea în perspectiva evidențierii celor mai importante și mai oportune componente este inerentă procesului de optimizare și ajustare metodologică a studiului științific [13, p. 58]. În plan aplicativ, prioritizarea este necesară pentru a eficientiza demersul practic, activitatea și acțiunea nemijlocită, în concordanță cu resursele disponibile, obiectivele trasate inițial și ajustate pe parcursul procesului [14, p. 170].

În domeniul relațiilor internaționale și a domeniului securității, prioritizarea devine strict conectată de componenta intereselor, atât a celor naționale, cât și a celor corporative, a intereselor personale, a grupurilor de state, a unor formațiuni instituționale internaționale regionale sau modiale [15, p. 68]. Interesele determină formarea și cristalizarea ierarhiei priorităților, a ordinii de promovare a acelor interese. De altfel, în cel mai general sens posibil prioritizarea poate însemna stabilirea unei succesiuni de acțiuni, conform diverselor pricipii, criterii și motivații. Prioritizarea în domeniul securității se raliază logicii asigurării stării de securitate, de obținere a beneficiilor securitare, de edificare a unui sistem eficient care să promoveze securizarea subiectului protejat și securizat [16, p. 301].

Principiul prioritizării are o aplicabilitate deosebită în corelație cu scopul identificării problemelor de securitate, deoarece clasificarea riscurilor, pericolelor și amenințărilor de securitate se realizează conform criteriului stringenței acestora, în corelație cu evaluarea actualității lor, cu gradul probabilității acestora de a se realiza și a pune în pericol starea de securitate a subiectului protejat și securizat [17, p. 150]. Prin urmare, principiul prioritizării poate căpăta valențe totalmente speciale și deosebite în funcție de domeniul în care este aplicat. În același timp, prioritizarea pare a fi o etapă obligatorie a unui proces de realizare a scopurilor, a unei activități supuse unei logici și unui algoritm raționalizat de acțiuni, preconceptualizat, bine calculat [18, p. 37].

Sinergetica securitară se cristalizează ca o concepție științifică care presupune aplicarea postulatelor teoriei sinergetice în context securitar, în probleme de securitate. În linii generale, teoria sinergetică se transformă și se adaptează problemelor de securitate cu care se confruntă societatea, ajutând la îmbogățirea palitrei metodologice și abordărilor conceptuale cu scopul soluționării practice în condiții de maximă eficiență, rapiditate și costuri minime a provocărilor securitare cu care se confruntă societatea umană la scară universală, dar și comunitățile umane la scară regională și locală, precum și provocările securitare pe care le întâmpină persoana la nivelul său individual [19, p. 93]. Sinergetica securitară se prezintă ca o concepție științifică a autoorganizării în cadrul sistemelor responsabile de gestionarea sectorului securității. Interacțiunea componentelor și părților din sistemul de asigurare a securității, componente care tind către o autoorganizare, constituie obiectul de interes al sinergeticii securitare [20, p. 81].

Principiile universale de evoluție a sistemelor dezechilibrate de securitate și generarea în cadrul acestora de structuri noi, la fel se înscriu în obiectul de studiu al acestei discipline care este sinergetica securitară. Sistemele de asigurare a securității pot activa cel puțin în două feluri, formând astfel două categorii distincte: sisteme deschise de asigurare a securității, sau sisteme dezechilibrate, și sisteme de tip închis, în cadrul cărora evoluția poate avea loc previzibil, în mod rectiliniu și direct, fără devieri și perturbări a traiectoriei planificate la etapa inițială [21, p. 48].

Interconexiunea componentelor sistemului securitar devine un fundament forte pentru a înțelege mai adecvat procesele și cauzele acestora care se produc în cadrul sistemelor securitare, și care determină comportamentul și manifestarea acestor sistem într-un context mai larg, în care acestea interacționează cu alte sisteme securitare, dar și cu alte enittăți, în cadrul proceselor obiective în care sunt incluse sau atrase [22, p. 44].

Prin urmare, prisma prin care sinergetica securitară abordează procesele ce țin de domeniul securității, se referă prioritar la dinamica acestor sisteme securitare, la dezvoltarea domeniului securității, în ansamblu.

Problematica aliniarității proceselor securitare se bazează pe principiul ireversibilității și pe cel al polivariabilității, ceea ce determină carcterul aliniar, adică haotic, dezordonat al manifestării sistemelor securitare. Astfel, problemele de securitate, fiind aliniare, pot avea o gamă largă de soluții care corespund multitudinii căilor și variantelor de dezvoltare și evoluție a sistemului securitar respectiv [23, p. 193]. În acest sens, un sistem securitar reprezintă totalitatea de elmente, aspecte și variabile, inclusiv de context, care interacționează reciproc, formând conexiuni organice care se transformă în structuri ale sistemului.

Interconexiunea haosului și ordinii, sau a întâmplării și necesității, la fel, determină o mai profundă înțelegere a mecanismului de funcționare a sistemelor securitare în spiritul autoorganizării acestora [24, p. 88].

Procesul de identificare, evaluare și apreciere a ierarhiei pericolelor de securitate este important, în măsura în care de acesta depinde nivelul de atenție atras, alocarea volumului resurselor din totalul celor disponibile, dar și perioada când se vor elabora și implementa soluțiile de contracarare a consecințelor acelor probleme de securitate [25, p. 171].

Conform ultimelor elaborări în materie de metodologie a evaluării nivelului securității se utilizează simultan o multitudine de perspective și abordări, pentru a permite elaborarea unei imagini cât mai detaliate și mai exacte a situației.

În procesul de evaluare și analiză a stării de securitate este crucial de important și mediul, contextul și conjunctura în care se produce un anumit proces social al cărei stare de securitate este evaluată, pe lângă elementele deja tradiționale pentru ultimele trei decenii care desemnează cele trei direcții de bază în evaluarea și analiza nivelului asigurării securității:

- amenințări de securitate, care se referă mai cu seamă la aspectul extern sistemului al cărui stare de securitate este evaluat.
- riscuri de securitate - vizează cu precădere starea internă a sistemului preconizat a fi protejat prin identifcarea și soluționarea potențialelor probleme de securitate.
- vulnerabilități de securitate - include în principal impedimentele sau obstacolele și părțile slabe ale sistemului al cărui securitate se preconizează a fi protejată.

Pentru Republica Moldova, la începutul lui 2026, se prefigurează următoarea evaluare, conform criteriilor de mai sus:

- principalele amenințări de securitate converg către regimul de la Kremlin care a dus dintotdeauna contra Republicii Moldova o politică ostilă de diminuare a securității sale cu intenția explicită de aș extinde autoritatea sa formală și/sau informală asupra întregului teritoriu actual al Republicii Moldova, nu doar asupra părții transnistrene, controlată de forțe ostile încă de la declararea independenței statului Republica Moldova, și de a transforma populația din Republica Moldova, prin deznaționalizare, rusificare, pauperizare, inspăimântare și terorizare, indiferent de apartența etnică, lingvistică sau socială, în carne de tun în următoarele campanii de ofensivă ale regimul de la Moscova contra vestului. Această politică a fost promovată neîntrerupt în ultimele trei decenii prin numeroase luări de poziție și atitudini ale oficialităților ruse față de problemele prioritare de securitate ale Republicii Moldova, prin exemplele de relații ale statului rus cu Ucraina în ultimii ani, prin aplicarea unui tratament inuman față de populația din Ucraina, a unui tratament înjositor la adresa suveranității și statalității Ucrainei, relații caracterizate și prin atrocitățile și genocidul ucrainenilor în teritoriile ocupate ale Ucrainei de după 2014 și, mai ales, după 2022. În calitate de amenințare securitară pentru Republica Moldova, sub forma sa militară sau hibridă, Moscova a utilizat și, cel mai probabil va regurge și pe viitor la implicarea regimului separatist de la Tiraspol, aflat sub controlul său total, care nu se distanțează deloc de politica ostilă a Moscovei față de securitatea statului Republica Moldova, dar și față de siguranța cetățenilor și securitatea societății în ansamblu, de pe ambele maluri ale Nistrului [26, p. 70].

- principalele riscuri de securitate pentru societatea din Republica Moldova, pentru cetățeni și pentru securitatea națională, constituie deturnarea cursului și trendului de modernizare, de dezvoltare a acestei societăți prin împrumutarea și implementarea standardelor Uniunii Europene în toate domeniile vieții, proces instabil, anevoios și extrem de lent de modernizare socială care coincide, la această etapă, cu procesul de integrare prin aderare, din 2022, a RM în structurile UE. La fel, unul dintre riscurile majore de securitate pentru Republica Moldova și cetățenii ei, coroborată cu principalele amenințări externe menționate mai sus, constituie riscul declanșării unor operațiuni militare ale Federației Ruse prin și/sau cu participarea trupelor militare din Transnistria separatistă, și/sau intensificarea atacurilor hibride de instigare la conflicte interne prin exploatarea celor mai importante clivaje sociale din Republica Moldova, aplicându-se o gamă variată de metode de manipulare, de influență informațională, știri false și isterizarea populației, iar prin aceasta se poate ajunge la pierderea stării de pace și previzibilitate a evoluției vieții sociale, dar și la o degradare bruscă a calității vieții în Republica Moldova [27, p. 172].

- din gama variată de vulnerabilități securitare ce caracterizează Republica Moldova și societatea ei, care se referă în principal la impedimentele, obstacolele și părțile slabe ale sistemului de asigurare a securității, vom scoate în evidență rolul nociv al întregii clase politice din Republica Moldova, care se dovedește a rămâne prizonier, în mare parte, unor interese meschine, contrare interesului general al societății, ale unor interese personale ale politicienilor, ale unor orgolii și îngâmfări - semne ale lipsei de maturitate nu doar politică, ci și psiho-emoțională, lipsă cronică de realism și responsabilitate în comparație cu statutul funcției publice ocupate [28, p. 115]. Această vulnerabilitate a sistemului de securitate semnifică faptul că clasa politică, în general, nu e capabilă (în cel mai fericit caz), dar uneori se dă dovadă și de rea intenție și premeditare, de a asana domeniul securității, de a reacționa adecvat și responsabil la cele mai stringente probleme de securitate (energetică, economică, militară, societală și politică), de a elabora și implementa un cadru normativ și instituțional eficient în domeniul securității, de a identifica, de a argumenta și a izola, proporțional cu pericolele generate, elementele ostile securității naționale, organizatorii și executanții unor acțiuni de provocare la adresa securității naționale și la adresa siguranței persoanei.

După cum se menționa mai sus, în procesul de evaluare și analiză a stării de securitate sunt crucial de importante și asemenea componente precum mediul, contextul și conjunctura în care se produce un anumit proces social al cărei stare de securitate este evaluată, deoarece acestea: mediul, contextul și conjunctura, au un impact fundamental de lungă durată asupra evoluției situației, asupra șanselor de remediere și soliționare a situației de criză securitară [29, p. 178].

În concluzie, relațiile internaționale ale Republicii Moldova sunt direct proporțional determinate de interesele sale naționale, iar provocările la adresa securității naționale cauzează importante schimbări în ceea ce privește abordările dominante ale guvernanților față de prioritățile Republicii Moldova în relațiile sale internaționale. Astfel, constatăm că eforturile hibride ale Federației Ruse de destabilizare a Republicii Moldova în ultimii ani, intensificate după declanșarea de către administrația de la Kremlin a războiului de ocupație din Ucraina, a avut ca efect o schimbare importantă a preferințelor electoratului și de consolidare la guvernare a forțelor pro-europene. Provocările din partea Federației Ruse la adresa securității naționale a Republicii Moldova, sprijinul fără precedent a României și a UE pentru Republica Moldova, dar mai ales continuarea și escaladarea războiului din Ucraina după februarie 2022, au diminuat semnificativ sprijinul electoral pentru forțele pro-ruse care, astfel, au devenit irelevante și periferice pentru configurarea politicii externe a Republicii Moldova. Vectorul european, astfel, devine un trend dominant pentru electoratul Republicii Moldova, iar apropierea de România devine o opțiune larg discutată în societate și cercurile politice de la guvernare, mai cu seamă în contextul în care alte opțiuni de securizare a teritoriului și cetățenilor Republicii Moldova nu sunt realiste în condițiile persistenței planurilor de extindere și în Republica Moldova a războiului din Ucraina.

Bibliografie:

1. SPRINCEAN, Serghei. *Valenţe geostrategice şi securitare ale crizei energetice din regiunea transnistreană a Republicii Moldova*. În: "Ştiinţă. Educaţie. Cultură". Culegere de articole. Conferinţa ştiinţifico-practică internaţională. A 34-a aniversare a Universității de Stat din Comrat. Febr. 2025. / redactor-şef şi editor: Ghenova Svetlana. Vol. 1: Ştiinţe economice. Tehnologii informaţionale, matematică şi fizică. Agricultură şi industria alimentară. Drept şi ştiinţe politice. Comrat: A&V Poligraf. 2025, p. 597-603.
2. JUC, V, UNGUREANU, V. Reconfigurarea structurii sistemului internaţional după încheierea Războiului Rece. In: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, nr. 2 (156), 2011, pp. 163-182.
3. BATTERSBY, P., SIRACUSA, J. M. *Globalization and Human Security*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 2009. 252 p.
4. BUZAN, B. *Popoarele, statele şi teama. O agendă pentru studii de securitate internaţională de după războiul rece*. Chişinău: Cartier. 2000, p. 386.
5. SPRINCEAN, S.L.; BECCIU. S. *The assuring human security in the conditions of intensification of global process of social-political pressure*. În: Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1-3 декабря 2017 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017, p. 514-519.
6. COTTEY A., EDMUNDS T., FORSTER, A. The Second Generation Problematic: Rethinking Democracy and Civil-Military Relations. In: Armed Forces & Society, vol. 29, nr. 1, 2002, pp. 31-56.
7. URSUL, A.D.; URSUL, T.A.; ŢÎRDEA, T.N. *Главное управление переходом к устойчивому развитию: социально-политический ракурс*. În: Moldoscopie. Chişinău: USM, nr. 1 (LVI), 2012, p. 183-201.
8. GIDDENS, A. *Fate, Risk and Security*. In: A. Giddens „Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age". Cambridge: Stanford University Press. 1991, 264 p.
9. БЕК, У. *Общество риска. На пути кдругому модерну* / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой: Москва: Прогресс-Традиция, 2000, p. 384.
10. SPRINCEAN, S. *Valenţe conceptual-metodologice ale unor categorii şi noţiuni specifice domeniului securităţii*. În: Conferința Internațională "Consolidarea rezilienței sociale prin valorificarea capitalului uman în contextul aderării Republicii Moldova și Ucrainei la Uniunea Europeană", 17-18 octombrie 2024, Chişinău / Coord. V. Mocanu. Chişinău: Editura USM, 2024, p. 219-226.
11. SUHRKE, A. *Human Security and the Interests of States*. In: Security Dialogue, vol. 30, no. 3, 1999, p. 265-276.
12. SPRINCEAN, Serghei. *Evoluția metodologiei de cercetare în studiile de securitate în contextul noilor provocări geopolitice*. În: Culegere de lucrări. Promovarea valorilor social-economice în contextul integrării europene. Conferința Științifică Internațională "Promovarea valorilor socialeconomice în contextul integrării europene", Ediţia a 7-a din 6-7 decembrie 2024, Chișinău. / coordonatorul ediției: Șargu Lilia; comitetul științific: Sedlețchi Iurie (președinte). Chișinău: USEM (Pulsul Pieței). 2025, p. 542-553.
13. BELL, D. *The coming of Post-Industrial Society: A Venture in SocialForecasting*. 2nd ed. New York: BasicBooks. 1976, p. 507.
14. SPRINCEAN, S. *Корреляции и соотношения в контексте процесса обеспечения безопасности человека*. În: Другой. Ближний и Дальний: Материалы международной заочной этико-политологической конференции, 15 октября 2017 г. / Отв. ред. Р. Г. Апресян, Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 2017, p. 168-173.
15. FARWELL, J., HAMRE, J. *Persuasion and Power: The Art of Strategic Communication*. Washington, DC: Georgetown University Press. 2012.

16. HUNTINGTON, S. Securitatea națională și relațiile civil-militare. In: Armata și societatea: culeg. de texte de sociologie militară / Coord.: Ionel Nicu SAVA et al. București: Editura INFO-TEAM, 1998, pp. 213-335.
17. COROPCEAN, I. Organizarea sistemului de conducere în domeniul securității și apărării naționale în situații de criză. In: Cohorta. Revista de Istorie Militară, nr. 1, 2023, pp. 143-158.
18. GIONEA, V. Studii de drept constituțional și istoria dreptului. Vol. 3. București: Regia Autonomă „Monitorul Oficial". 1995.
19. FUKUYAMA, Fr. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Ed. Farrar, Straus and Giroux. 2018.
20. CUȘNIR, V., ALBU, N. Repere conceptuale și fundamente politico-juridice ale politicii de securitate și apărare națională. In: *Akademos*. Revistă de știință, inovare, cultură și artă, nr. 4. 2018, pp. 78-87.
21. ENICOV, V. Consiliul Suprem de Securitate în Sistemul de Asigurare a Securităţii Naţionale. In: *Consiliul Securităţii Naţionale în procesul de luare a deciziilor. Analiză comparată: Republica Moldova, România și Ucraina*, Chișinău: Cartier. 2006, pp. 46-52.
22. CLAUSEWITZ, C. Despre război. București: Ed. Militară. 1982.
23. SPRINCEAN, S. *Perspectives on Promoting Human Security Values under Conditions of Political Insecurity*. In: The sustainability of democracy under conditions of regional insecurity: International Collective Monograph / Moldova State University; coordinator: Ludmila Roşca. Chapter 6. Chişinău:Print-Caro. 2025, p. 180-212.
24. CEBOTARI, S. The Republic of Moldova between Neutrality and NATO Memebership Status. In: *Postmodern Openings*, Year 1, Vol 3, September, 2010, pp. 83-91.
25. CERVU, V., CIORANU, V. Regiunea Mării Negre, zonă a schimbărilor geopolitice. In: *Gândirea Militară Românească*, , pp. 166-189.
26. JUC, V. Dificultăţi teoretico-metodologice în pronosticarea încheierii Războiului Rece. In: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice. nr. 1, 2009, pp. 66-76.
27. MACLEAN, G. *Instituting and Projecting Human Security: a Canadian Perspective*. In: Australian Journal of International Affairs, nr. 54 (3). 2000, p. 269-275.
28. SPRINCEAN, Serghei. *Development of conceptual apparatus of the contemporary security studies for better analysis of securing good governance and democracy*. In: Election Integrity and the Quality of Democracy: Challenges and Pathways to Good Governance. The work of the materials of the international scientific conference. Chișinău: CEP USM. 2025, p. 110-123.
29. BERBECA, V. Controlul civil asupra armatei şi poliţiei. In: *Auditul sistemului democratic în Republica Moldova*: antologie de studii asupra guvernării. Chişinău: IDIS „Viitorul". 2011, pp. 165-186.

УДК 349.23/24

ГАРАНТИРОВАННОСТЬ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Щукина Наталья,
д-р хабилитат права,
конференциар, КГУ, г. Комрат, РМ,
e-mail: nataliashchukina@gmail.com
orcid id: 0000-0001-5858-4924

Аннотация: В статье анализируются особенности гарантированности трудовых прав работников в условиях цифровой трансформации экономики и рынка труда. Рассматривается влияние цифровых технологий, платформенной занятости, автоматизации и дистанционных

форм работы на содержание и реализацию трудовых прав. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования цифровых трудовых отношений, обеспечению социальных и трудовых гарантий работников, а также необходимости адаптации трудового законодательства к новым условиям. Делается вывод о значении совершенствования правовых механизмов защиты трудовых прав в цифровой среде.

Ключевые слова: трудовые права, цифровая трансформация, цифровизация труда, дистанционная работа, платформенная занятость, трудовое законодательство, правовые гарантии, защита работников

GUARANTEES OF WORKERS' LABOR RIGHTS UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract: The article examines the guarantees of workers' labor rights in the context of digital transformation of the economy and the labor market the impact of digital technologies, platform employment, automation, and remote forms of work on the content and implementation of labor rights is analyzed. Special attention is paid to the issues of legal regulation of digital labor relations, ensuring social and labor guarantees for workers, and the need to adapt labor legislation to new conditions. The article concludes that improving legal mechanisms for the protection of labor rights in the digital environment is of key importance.

Keywords: labor rights, digital transformation, digitalization of labor, remote work, platform employment, labor legislation, legal guarantees, workers' protection

В условиях цифровой трансформации экономики и активного внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу труда проблема обеспечения гарантий трудовых прав работников приобретает особую актуальность. Цифровизация производственных процессов и управленческих решений сопровождается изменением традиционных моделей занятости, усилением роли алгоритмического управления и расширением использования автоматизированных систем мониторинга и принятия решений. В этих условиях, наряду с повышением гибкости рынка труда, появлением новых «нестандартных» форм занятости, увеличивается риск снижения уровня правовой защиты работника.

Как нами было отмечено, «цифровой» и «зелёный» переходы, влекущие внедрение новых, экологически ориентированных подходов к организации производственных процессов трансформируют рынок труда и социальную сферу. Рассмотрение данных процессов сквозь призму конституционных гарантий и системы прав человека в целом позволяет определить перспективы правового регулирования формирующихся общественных отношений с учётом как социальных, так и экологических аспектов. [17, С. 631; 4, С. 72]

Цифровизация рынка труда, развитие цифровых трудовых правоотношений требуют пересмотра подходов к регулированию взаимоотношений работников и работодателей. При этом определяющим является правовая регламентация и определение понятий работника и работодателя, кто выступает в качестве участников отношений, связных с применением труда. В научной литературе и международных документах цифровые платформы рассматриваются как цифровые инфраструктуры или компании-посредники [3, С. 30], или как «компании, которые используют Интернет для облегчения экономически выгодного взаимодействия между двумя и более независимыми группами пользователей» [5, С. 8]. Аналогичный подход применяется ОЭСР, МОТ и Евростатом в совместной публикации *Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work* [11, С. 40], где цифровые платформы определяются как цифровые интерфейсы или компании-операторы, связывающие поставщиков услуг и их заказчиков. Именно данное понимание цифровых платформ используется МОТ в материалах, посвященных рассмотрению вопросов труда в платформенной экономике [10, С. 18].

Современные цифровые трудовые платформы, функционирующие с применением технологий искусственного интеллекта, условно подразделяются на два основных вида. К первому относятся платформы, основанные на геолокации, в рамках которых работники

самостоятельно выполняют задания в конкретных физических пространствах (например, услуги такси, курьерская доставка и иные подобные виды деятельности). Ко второму виду относятся платформы, использующие веб-технологии, где выполнение заданий осуществляется дистанционно, включая такие виды работ, как графический дизайн, создание текстов, перевод и другие формы удалённой занятости. [16, С. 114] И.А. Филипова и К.Л. Томашевский, подчеркивают, что «Новые сущности в силу их интеллектуальной составляющей фактически расширяют субъектный состав трудового отношения, чем вызывают потребность в изменении правового регулирования для адаптации законодательства к новым вводным данным. Таковым будет включение понятия цифрового трудового правоотношения вначале в доктрину, а позднее — и в материю трудового права с определением круга субъектов подобного правоотношения, особенностей его объекта, а также характерных именно для него субъективных прав и юридических обязанностей участников этого правоотношения.» [16. С. 128]

В Республике Молдова принята **Программа цифровой трансформации малых и средних предприятий** [12], целью которой является развитие цифровой трансформации бизнеса, в котором даются определения ключевых понятий, таких как «цифровая трансформация» и «цифровые технологии», а также формулируется цель Программы цифровой трансформации малых и средних предприятий. В частности, цифровая трансформация рассматривается как интеграция цифровых технологий во все бизнес-процессы, коренным образом изменяющая способы ведения предпринимательской деятельности и создающая значительные преимущества для клиентов, а цифровые технологии определяются как электронные инструменты, системы и ресурсы, ориентированные прежде всего на развитие интеллектуальных процессов (п. 4 главы I). [12] Цель Программы заключается в восстановлении и увеличении их экономического потенциала путем интеграции цифровых технологий, создания новых бизнес-моделей, основанных на повышении связанности и освоении инновационного потенциала (п.1 Главы 10). [12] Вместе с тем анализ содержания данного документа показывает, что в нём фактически не затрагиваются вопросы рынка труда, трудовых ресурсов и кадрового обеспечения цифровой трансформации. Такая лакуна представляется существенной, поскольку в условиях развития бизнеса и активного продвижения цифровых технологий особую роль приобретает человеческий капитал. Игнорирование кадровой составляющей, в том числе, вопросов подготовки работников для новых условий цифровой занятости, адаптации трудовых навыков, переподготовки и социальной защиты занятых, снижает эффективность цифровых преобразований и не позволяет в полной мере реализовать их потенциал.

В этой связи представляется необходимым рассматривать цифровую трансформацию не только как технологический и экономический процесс, но и как комплексное явление, требующее учёта трудовых и социальных аспектов, в том числе на уровне стратегических и программных документов.

Важным этапом формирования правовых гарантий в данной сфере может стать обязательство Республики Молдова транспонировать Директиву ЕС 2024/2831 об улучшении условий труда на цифровых платформах [2] в национальное законодательство к декабрю 2026 года. Директива вводит правовую презумпцию наличия трудовых отношений, а также устанавливает строгие требования к использованию алгоритмов и защите персональных данных работников [1], формируя первые в истории нормы, регулирующие алгоритмическое управление на рабочем месте. Это имеет принципиальное значение для правопорядка Республики Молдова в контексте сближения с правом ЕС и укрепления гарантий трудовых прав в условиях цифровизации.

В соответствии с Законом Республики Молдова № LP315/2022 утверждена Национальная стратегия развития «Европейская Молдова 2030», в которой цифровая трансформация также указывается в качестве одного из факторов устойчивого социально-экономического развития, модернизации экономики и сближения с правовыми стандартами

Европейского союза [6]. Однако, представляется целесообразным комплексное осмысление социально-трудовых процессов, включая трансформацию занятости, развитие трудовых ресурсов и защиту трудовых прав работников с учетом реальных изменений в сфере труда.

Принцип приоритета трудового правоотношения рассматривается Международной организацией труда также в качестве приоритетного при рассмотрении вопросов цифровой занятости. Наличие трудового правоотношения должно устанавливаться прежде всего на основании фактических обстоятельств, свидетельствующих о выполнении работником трудовой функции и получении им вознаграждения, независимо от формального наименования или правовой квалификации отношений в иных договорах или соглашениях, заключённых между сторонами [8]. Применение указанного принципа имеет важное значение и при правовом анализе отношений, возникающих между исполнителем работ и субъектом, организующим труд, в условиях занятости с использованием цифровых платформ. В таких случаях формальное оформление взаимодействия в виде гражданско-правовых договоров не должно препятствовать признанию фактически сложившихся трудовых правоотношений.

Цифровые платформы, используемые для организации труда, в соответствии с положениями Директивы 2024/2831 [2], отличаются от иных онлайн-платформ тем, что в своей деятельности опираются на автоматизированные системы мониторинга и автоматизированные системы принятия решений, посредством которых осуществляется управление работой, выполняемой физическими лицами по запросу получателя услуги — как на разовой, так и на регулярной основе. Как прямо закреплено в Директиве, такие системы обрабатывают персональные данные лиц, выполняющих работу на платформе, и принимают либо поддерживают решения, оказывающие влияние, в том числе, на условия труда.

Указанные характеристики, обусловливают особую правовую природу цифровых платформ для организации труда как специфической формы предоставления услуг профессионалами, отличающейся от традиционных моделей, таких как классические службы вызова такси или системы диспетчеризации транспортных услуг. Кроме того, обращается внимание на возрастающую сложность организационной структуры цифровых трудовых платформ, которая сочетается с их быстрой эволюцией и приводит к формированию гибких, изменяющихся моделей организации работы. В отдельных случаях цифровые платформы могут предоставлять услуги, получателем которых выступает сама платформа либо иной хозяйствующий субъект в рамках одной группы предприятий, либо выстраивать организацию труда таким образом, что размываются традиционные, ранее легко идентифицируемые модели предоставления услуг (п. 19 Директивы) [2].

Аналогичный подход применяется и к платформам микроработы и краудворка, относящимся к онлайн-платформам цифрового труда и предоставляющим предприятиям и иным заказчикам доступ к широкой и гибкой рабочей силе для выполнения небольших задач, осуществляемых дистанционно с использованием компьютера и подключения к сети Интернет [9].

Цифровая трансформация, неизбежно изменяющая рынок труда и взаимоотношения основных участников трудовых правоотношений, вызывает потребность в осмыслении существующих механизмов защиты прав работников, которые в условиях платформенной занятости не приобретают дополнительных гарантий обеспечения своих трудовых прав.

Использование цифровых технологий в процессе труда, внедрение искусственного интеллекта на различных этапах управления трудом, также свидетельствует о необходимости нормативного закрепления базовых трудоправовых гарантий для работников. Например, представляет интерес предложение об установлении на законодательном уровне ограничений в действиях работодателей по отношению к работникам, в частности в целях предотвращения необоснованных увольнений, связанных с внедрением систем искусственного интеллекта [13]. Однако подобные ограничения не могут носить декларативный характер и требуют четкого правового содержания. С учетом принципа взаимности прав и обязанностей сторон трудового договора представляется целесообразным исходить из уже закрепленных гарантий трудовых

прав, предусмотренных действующим трудовым законодательством Республики Молдова, в частности в статьях 9 и 10 Трудового кодекса Республики Молдова [7], которые устанавливают фундаментальные права работников и корреспондирующие обязанности работодателей.

Стандарт защиты прав работников при внедрении искусственного интеллекта на предприятиях, предложенный в качестве модельного акта Республиканским объединением профсоюзов «Федерация профсоюзов Республики Казахстан» содержит следующее положение относительно механизма защиты нарушенных прав работника: «Любое лицо, считающее, что его права были нарушены в результате разработки, внедрения или использования систем искусственного интеллекта государственными или частными субъектами, должно иметь доступ к эффективному средству правовой защиты на национальном уровне. Работник должен обладать правом на пересмотр автоматизированных решений с обязательным участием человека, особенно в случаях, затрагивающих увольнение, понижение в должности или существенное сокращение дохода. Такая процедура должна быть независимой, объективной и обеспечивать реальный учет позиции работника» (п.3.4 Стандарта) [15].

Комиссаром Совета Европы по правам человека при рассмотрении вопросов защиты прав человека в условиях взаимодействия с элементами искусственного интеллекта, также особое внимание обращено на способы защиты нарушенных прав. Отмечается, что лицо, считающее, что его права были нарушены в результате разработки, внедрения либо применения систем искусственного интеллекта государственными или частными субъектами, должно быть обеспечено доступом к эффективным средствам правовой защиты на национальном уровне. При этом государства-члены обязаны гарантировать такие средства защиты и лицам, которые обоснованно полагают, что без их ведома и в условиях непрозрачных процедур в отношении них было принято решение, полностью или в значительной степени основанное на результатах функционирования системы искусственного интеллекта. [14]

Цифровая трансформация экономики, внедрение информационных технологий, включая системы искусственного интеллекта и цифровые трудовые платформы, неизбежно изменяют традиционные подходы к пониманию трудовых правоотношений, их содержания. В этих условиях обеспечение гарантированности трудовых прав работников приобретает особую актуальность и требует системного подхода в совершенствовании правового регулирования.

Для Республики Молдова данная задача имеет особое значение в условиях европейской интеграции. В связи с этим представляется необходимым внести изменения и дополнения в национальное трудовое законодательство, прежде всего в Трудовой кодекс Республики Молдова, с целью учета новых форм занятости и цифровых моделей организации труда. Перспективным видится нормативное закрепление специальных норм, регулирующих трудовые отношения, возникающие с использованием цифровых платформ и автоматизированных систем управления трудом. Принципиально важным вопросом становится определение сторон трудового договора, в связи с чем, требует конкретизации определение понятий «работник» и «работодатель». Положения, гарантирующие право работника на то, чтобы решения, существенно затрагивающие его трудовые права и условия труда, не принимались исключительно в автоматическом режиме, также повысило бы уровень обеспечения гарантий трудовых прав.

Библиография:

1. CNSM призывает к срочным действиям по обеспечению достойного труда и защите работников платформ/Национальная Конфедерация Профсоюзов Молдовы. Официальный сайт. /https://sindicate.md/ru/2025/10/07/cnsm- (дата обращения: 01.02.2026).

2. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work (Text with EEA

relevance)PE/89/2024/REV/1 *OJ L, 2024/2831, 11.11.2024, ELI: http://data.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj* (дата обращения: 01.02.2026).

3. Nick Srnicek and Laurent De Sutter, Platform Capitalism (Cambridge: Polity Press, 2017), 30.

4. Shchukina N. Green Transformation Of The Labor Market: A Legal Perspective On Sustainable Employment. Arceng III. International Congress Of Social Sciences April 25-27, 2025 Sinop,Turkiye. EDITOR: Assoc. Prof. Aygun AHMADOVA P.72 (Thesises) ISBN: 978-625-97514-7-4_Disponibil: https://arcengkongre.com/wp-content/uploads/2025/06/conference-book.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

5. Vera Demary and Christian Rusche, The Economics of Platforms (Cologne: Institut der deutschen Wirtschaft, 2018), 8.

6. Закон Республики Молдова № LP315/2022 — Национальная стратегия развития «Европейская Молдова 2030» [Онлайн]: URL: https://www.legis.md (Дата обращения: 02.02.2026)

7. Кодекс № 154 от 28-03-2003 *Трудовой Кодекс Республики Молдова.* Опубликован : 29-07-2003 в Monitorul Oficial № 159-162 статья № 648. https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=151096&lang=ru# (дата обращения: 01.02.2026).

8. Международная организация труда Рекомендация № 198 - Рекомендация о трудовом правоотношении, 15.06.2006**.** https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=278310 (дата обращения: 01.02.2026).

9. Мотовиц Т. Г. Развитие механизма краудворкинга в условиях цифровой экономики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mehanizma-kraudvorkinga-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 02.02.2026).

10. Обеспечение достойного труда в платформенной экономике Международная конференция труда 113-я сессия, 2025 г. Женева: Международное бюро труда, 2024 г. © МОТ. file:///C:/Users/UpdatusUser/Desktop/wcms_910397.pdf

11. ОЭСР, МОТ и Евростат, Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work, 2023, 40.

12. Постановление № 129 **Правительства** Республики Молдова от 02-03-2022 **об утверждении Программы цифровой трансформации малых и средних предприятий.** Опубликован : 11-03-2022 в Monitorul Oficial № 68-71 статья № 176 https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=147437&lang=ru#(дата обращения: 01.02.2026).

13. Пучкова В. В. Правовое регулирование трудовых отношений в условиях формирования и развития цифровизации: проблемы и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-trudovyh-otnosheniy-v-usloviyah-formirovaniya-i-razvitiya-tsifrovizatsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 01.02.2026).

14. Раскрытие искусственного интеллекта: 10 шагов для защиты прав человека Подготовлено Комиссаром Совета Европы по правам человека. https://rm.coe.int/-10-/16809a42e4 (дата обращения: 01.02.2026).

15. **Стандарт защиты прав работников при внедрении искусственного интеллекта на предприятиях.** Республиканское объединение профсоюзов «Федерация профсоюзов Республики Казахстан». https://kasipodaq.kz (дата обращения: 01.02.2026).

16. Филипова И.А., Томашевский К.Л. Концепция цифрового трудового правоотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 4. С. 114–142. DOI:10.17323/2072-8166.2025.4.114.142 (дата обращения: 01.02.2026).

17. Щукина Н. Конституционные гарантии социально-экологической безопасности и достижение ЦУР ООН " Conferința științifico-practică internațională "Știință. Educație. Cultură" : Culegere de articole / redactor-şef şi editor: Ghenova Svetlana. – Komrat : [S. n.], 2025 (A&V

Poligraf) – . – ISBN 978-9975-83-333-2. https://kdu.md/images/Files/34-a-aniversare-a-universitatii-de-stat-din-comrat-culegere-de-articole-1.pdf P.630-633 (дата обращения: 01.02.2026).
18.

УДК 327.8

КОНЦЕПЦИЯ ОБЕСПНЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Василий Сакович
доктор хабилитат политических наук, профессор,
Молдавский государственный университет
e-mail: 113vs@mail.ru
orcid.org/0000-0002-9130-5285

The article discusses the basic concepts of the terms "hybrid war" and "information war". The article describes the main challenges, threats, and risks of information and psychological influence on individuals and society in the context of information and hybrid wars.

It is proposed to ensure the threats of information warfare using the term homeostasis, which is the ability of an open system to maintain a constant internal state. This is achieved through coordinated actions aimed at maintaining a dynamic balance in society and the state in the face of information and psychological influence, by strengthening the object (society or individual) to the point where it is no longer susceptible to destructive information and psychological influence.

Keywords: information, information security, strategy, protection, technical means, psychology, influence, society, values

На данный момент не существует единого, признанного всеми определения понятия «гибридная война».

Один из создателей этого понятия, бывший сотрудник Министерство обороны США Натан Фрейер определил гибридную войну на основе четырех типов борьбы: традиционные стычки регулярных войск, партизанская война, «катастрофический терроризм» и истребительные техники, подрывающие военное превосходство регулярных войск [12].

Кроме того, анализ, проведенный нами, теоретических тенденций политического дискурса относительно гибридных войн, позволяет выделить следующие ее концептуальные направления определяемая нами как: «четырехблочная война» (Дж. Мэттисс и Ф. Хоффман), в которой авторы определили четыре разновидности вызовов, «метяжевойна» (Е. Месснер), «сетецентричная война» «Артур Себровски, Джон Гарстка и Джей Джонсон) и теория информационных войн (И. Панарин). Каждая из этих концепций нацелена на идею подрыва политической и общественной стабильности противника изнутри, что является одной из основной задач гибридной войны. Можно выделить две особенности гибридной войны:

– отсутствие четкой разграничительной линии между «войной и миром»;
– проблемность установления ответственности.

В концепции Дж. Мэттисс и Ф. Хоффман война трансформируется из традиционной войны в войну, в которой угрозы не носят видимый характер. На основании этого выделяются четыре разновидности вызовов [9]:

1) традиционные вызовы, представляют собой угрозы от государств, обладающих военным потенциалом, силами и средствами для военного противостояния в традиционных (классических) военных конфликтах;

2) нетрадиционные вызовы, исходят от тех, кто использует «нетрадиционные» (необычные) методы противодействия традиционным преимуществам более сильных соперников;

3) катастрофические вызовы, исходящие от сил, имеющие оружие массового уничтожения или обладающие такими методами, применение которых может дать эффект, сопоставимый с использованием ОМУ;

4) разрушительные вызовы, которые исходят от противника, обладающих «прорывными» технологиями.

Этот беспрецедентный синтез вызовов Дж. Мэттисс и Ф. Хоффман назвали «гибридной войной», выиграть которую опираясь, по их мнению, исключительно на военную силу невозможно. Поэтому предпочтение отдается *психологическим и информационным методам* воздействия, то есть методам, которые нарушают внутреннюю стабильность противоборствующего государства.

Е. Месснер ввел понятие *«метяжевойна».* Суть которой заключается в том, что, по его мнению, в современной войне «главной силой становятся не только и не столько войска, сколько народные движения <…>, а в нынешнюю эпоху всенародных войск и народных воюющих движений психологические факторы становятся доминирующими» [4]. Изменяются и цели войны – «на первый план выходят цели психологического, нежели военного или экономического характера» [4].

«Сетецентричная война» (Артур Себровски, Джон Гарстка Джей Джонсон – авторы книги «Сетецентричная война: развитие и использование информационного превосходства») – это новая теория войны в информационную эпоху, которая состоит в «создание мощной и всеобъемлющей информационной сети», которая обеспечивает «широкий доступ к информации своих через сетевые механизмы и инструменты обратной связи, надежно защитив их от внедрения противника» [13].

Профессор И. Панарин: «информационная война — это прежде всего управление, явное или тайное, информационными потоками в своих целях, для достижения определенных результатов» [6]. Направлена она на разрушение у противоборствующей стороны : во-первых, культурных ценностей, во-вторых, духовных, в-третьих, материальных ценностей. Все это является главной целью гибридной войны.

В документах НАТО говорится, что «гибридные конфликты включают в себя многоуровневые усилия, направленные на дестабилизацию функционирующего государства и поляризацию его общества» [10].

Таким образом, анализ показывает, что несмотря на большой разброс мнений и понятий относительно термина «гибридная война», общим является то, что новейшие гибридные войны – это современные войны, которые ведутся с использованием всевозможных доступных тактик борьбы, как регулярных или нерегулярных войск, так и кибернетически-информационных возможностей применения информационных, психологических и пропагандистских методов с использованием информационных и медийных технологий. Информационно-психологическими методами в сочетании с экономическими, научно-технологическими, а в некоторых ситуациях и военно-политическими методами происходит нанесение ущерба конкурирующим странам в борьбе при реализации геополитических интересов. Внедрение информационных методов, военно-политических, экономических и других средств в геополитическую практику без явного военного вторжения – это качественно новое в подходах к организации борьбы за региональное и глобальное доминирование, которое получило название «гибридная война».

В современной гибридной войне важным ее элементом (составляющей) является *информационная война,* которая, приобретая различные оттенки и используя различные методы, так же стала одним из современных, а зачастую и основным средством мировой политики.

Гарольд Дуайт Лассуэлл, выдающийся американский политолог. выделил четыре основные функции средств массовой информации: наблюдение за миром (сбор и распространение информации); «редактирование» (отбор и комментирование информации); формирование общественного мнения; распространение культуры [6, с. 14].

В настоящее время двадцатью странами мира официально признано существование кибервойск [11]. Эти войска нацелены на создание другого информационного нарратива, другой картины мира, другого представления о мире и о миропорядке.

Среди факторов, оказывающих влияние на характер международной политической системы, национальной и международной безопасности, всех сфер общественной жизни все более растущее значение в информационной войне приобрели информационно-телекоммуникационные технологии. Это не только способствует стремительному расширению и качественному изменению транснациональных связей, но и открывает людям иные формы видения мира, другие стили жизни, дало возможность через *информационное воздействие* формировать новые формы и стереотипы *поведения людей.*

Рассмотрим одну из сторон гибридной войны – *информационно-психологическое воздействие* на личность и общество. Данное воздействие образует, по мнению французского социолога С. Московичи, новое явление, которое он назвал «глобализацией масс». «Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, беспрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни, – писал Московичи, – создают и разрушают человеческие сообщества. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп» [5, с. 21].

Благодаря новым информационным технологиям произошла смена логики социального поведения, люди заимели возможность получать информацию не только от национальных и глобальных элит, но и из других источников. В связи с этим «…риски и уязвимости информационной безопасности для личности, общества и государства становятся все более серьезными» [7, с. 184–198]. Несомненно, это затрагивает национальные ценности и исторические обычаи, углубляет эрозию национальной идентичности и приверженность к национальным историческим и культурным истокам.

Появилась реальная возможность через информационно-коммуникационные связи интернета информационно влиять на политические предпочтения, социальную сплоченность, осведомленность и вовлеченность в общественную жизнь граждан. Власти, со своей стороны, получают новые возможности для усиления контроля над населением благодаря мощным информационным системам слежки и возможности контролировать цифровую инфраструктуру. Многие государства, в первую очередь ведущие страны мира, стали использовать возможности социальных сетей в геополитической и внутриполитической борьбе.

И наконец, с помощью современных информационно-коммуникационных технологий стало легко манипулировать людьми, по мнению бывшего разработчика дизайна Google Тристан Харриса производить «взлом мозгов» [3], которое происходит в рамках информационной войны, перешедшей в современный период в другое качество воздействия на личность с использованием социальных и информационных сетей.

Как правило *в информационной войне* информационные атаки для «взлома мозгов» идут по следующим направлениям:

–насильственное вторжение в национальной информационное пространство, добиваясь обеспечения информационного преимущества в политической, идеологической, культурной и других сферах, нанесение ущерба культурному достоянию и системе национальной безопасности;

– организация психологических операций, направленных на осуществление манипулятивного целенаправленного воздействия на сознательные и подсознательные психические процессы населения определенной страны, на его эмоции, чувства, волевые

импульсы, ценностные ориентации и жизненные стратегии, с целью изменить их в желаемом для инициаторов информационных атак направлении [1, с. 164];

– управление поступками людей через психологическое воздействие на подсознание. Главная отличительная особенность современных информационных психотехнологий – они действуют на психику, минуя сознание. Из-за этого человек лишается возможности принимать взвешенные, логически обоснованные решения, а значит, теряет свободу воли. Как известно, «в личном духе человеческом при его единстве есть три силы: разум, воля и чувство, из которых каждая представляет собою нечто особое и отдельное, но в то же время все они составляют единую духовную сущность» [1, с. 164]. Теряя одно из человеческих качеств человек теряет свою духовную сущность и человеческую цельность. В результате вся жизнь человека, включая поведение, желания, эмоции и даже здоровье, оказывается под чужим контролем [8, с. 6];

– в нанесении населению определенной страны тяжелой культурной травмы. Это насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», что приводит к разрушению культурного времени-пространства, а значит, и тех духовных основ, на которых держится любое общество;

– насаждение определенных идей, чуждых историческим традициям народов, чем разрушается национальное самосознание целого народа;

– распространение дезинформации, то есть недостоверной и/или умышленно искаженной информации, направленной на разрушение общественного согласия, на дискредитацию действующей в стране системы власти и политических институтов, разжигание социальной розни, национальной и религиозной вражды, предоставление сопернику ложной информации о собственных целях, намерениях и силах [1, с. 164–165];

– изменение мотивов и ценностных ориентиров людей. Ослабляется связь личности с определенной социальной средой, которая поддерживает и сохраняет установленную систему ценностей, стандартов поведения. Все это приводит к распаду ранее существовавших норм, ценностей, служивших человеку жизненными ориентирами;

– обеспечение кризиса идентичности: подмена памяти об историческом прошлом, выражающейся в своего рода манкуртизме, отрицание национальных символов, утрате веры в национальный идеал или миссию национального государства, жажда разрушения традиций, обесценение ценностей и все более разрастающаяся детабуизация, т.е. отказ от веками выработанных норм морали и правил поведения, делегитимация существующей государственной власти и др.

Причем, в информационной войне не всегда происходит прямое внешнее давление на национальные правительства и на граждан определенного государства. Зачастую внешние силы вступают в сговор с национальной элитой и выступают единым фронтом против собственного народа, подавляя национальное самосознание, волю к сопротивлению и насаждают волю тех или иных внешних сил, которые стремятся доминировать в данном регионе или в мире в целом. Особенно это ярко проявляется во многих постсоветских странах.

Таким образом, *стратегия современной гибридной и информационной войн* – в корне изменить восприятие внутреннего мира человека и его социально-общественное поведение, установить контроль над важными национально-государственными процессами – политическими, экономическими, социальными, духовно-культурными и т. д. Это реализуется за счет подмены и разрушения национальных духовных ценностей: одни из них искусственно принижаются, а роль других, наоборот, преувеличивается. Цель подобных действий одна – манипулирование людьми, заставляя их действовать вопреки собственным национальным интересам. В арсенал информационной войны входят такие методы, как низвержение общественных идеалов, носителей культуры и морали, а также внушение чуждых интересов посредством различных психоаналитических технологий. В следствии чего, культурная составляющая общества размывается, ставя под вопрос духовные ценности, на которых и существует общество.

Как правило, *информационная война* имеет политические цели с их маскировкой в привлекательные лозунги, навязывание своему противнику правил и условий игры, чуждых его национальным интересам. Причем, информационная война, как правило, проводится противоборствующей стороной на протяжении длительного времени, путем упорного и последовательного навязывания различных идей, чуждых национальным традиционным историческим ценностям, размывая идентичность народа, противодействуя осуществлению национальной политики по обеспечению национальных интересов. Главным форматом современных информационных войн является манипулятивные действия по дезинформации общественного мнения. Манипулирование личным сознанием проводится с использованием общественной психологии, методов внушения, приведение больших социальных групп в определенное психическое состояние.

Разрушения, которые наносят информационные войны общественному сознанию и психологическому поведению личности по масштабам и по значению вполне соизмеримы, а порой и превышают последствия вооруженных войн.

Вместе с тем, несмотря на серьезные, абсолютно новые вызовы и угрозы гибридных, информационных и психологических войн в науке обеспечение информационной безопасности по противодействию информационным вызовам и угрозам излагается в традиционном алгоритме «…выявления угроз безопасности с целью их блокирования и предотвращения неприемлемых негативных последствий в дальнейшем…» [2]. Что в условиях прозрачности глобального информационного пространства практически невозможно.

Это показывает и государственная практика по обеспечению информационной безопасности. Национальные правительства большинства стран мира не нашли ничего другого как стать на путь перехода от открытого интернета к такому интернету, который все больше становится объектом государственного контроля, запрета различных средств массовой информации, телевидения радио, интернет-контента [7]. Но эти подходы посредством авторитарного контроля (не только авторитарных, но в последнее время и демократических стран Запада) напоминают попытки заткнуть «пальцем дыру» в информационной «дамбе». Тотальный запрет и закрытие национального информационного пространства от информационного воздействия других стран – это не тот путь, который можно реализовать в условиях информационной глобализации и до конца данный подход проблему информационной безопасности не решает.

Данную проблему можно решать *по методу гомеостаза* в классическом его понимании Уолтера Кэннона, – способностью открытой системы сохранять постоянство внутреннего состояния с помощью скоординированных направленных действий на поддержку динамической равновесия общественной системы. Данное состояние достигается с помощью скоординированных действий общества и государства, направленных на поддержку динамического общественного равновесия в условиях *гибридного, информационно-психологического воздействия* путем укрепления объекта (общества, личности) до его способности не воспринимать деструктивное информационно-психологическое воздействие. Все это возможно на основе сохранения и развития национальной культуры, традиций, обычаев, сохранения национальной идентичности.

Литература:

1. Бабосов Е. М. Наука и человекомерность окружающей реальности. Минск: Беларуская навука, 2021.

2. Бойченко О.В., Иванюта Д.В. Модели информационной безопасности // Экономика строительства и природопользования № 3 (80) 2021 г.

3. Макнейми Р. Социальные медиа зависимые и дилеры // Экономическое обозрение. № 5, 16 февраля 2018 г.

4. Месснер Евгений и «мятежвойна» в XXI столетии // https://rusnasledie.info/evgenij-messner-i-myatezhevojna-v-xxi-stoletii/ (дата обращения – 9. 12. 2025 г.).

5. Московичи С. Век толп. М., 1996. С. 21.
6. Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
7. Сакович В. А. Инновационно-цифровая революция: вызовы, угрозы и риски // Moldoscopie, Nr.4 (LXXXIII). Chișinău, 2018. С. 184–198.
8. Ткаченко С. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. С. 6.
9. Mattis, James N., Hoffman, Frank. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine, November 2005 Vol. 132/11/1, p. 233
10. NATO: Key Issues for the 117th Congress. Congressional Research Service. March 3, 2021.
11. Zecurion Analytics «Кибервойны 2017: Баланс сил в мире». Аналитический центр Zecurion // URL: https://www.zecurion.ru/upload/iblock/cb8/cyberarmy_research_2017_fin.pdf (дата обращения – 25.08.2024 г.).
12. Freier Nathan. The Defense Identity Crisis It s a Hybrid Worid. Parameters 3 (39), 2009.
13. https://varvar.ru/arhiv/texts/dugin1.html (дата обращения – 6. 12. 2025)

УДК 331.105.44:331.101.24:349.2

IMPLICAREA SINDICATELOR ÎN SOLUȚIONAREA PROBLEMELOR PRIVIND STOPAREA VIOLENȚEI ȘI HĂRȚUIRII LA LOCUL DE MUNCĂ ÎN CONFORMITATE CU LEGISLAȚIA INTERNAȚIONALĂ

Babici Boris,
doctorand,
Școala doctorală în drept, științe politice și administrative.
Consorțiu Național al ASEM și USPEE.
e-mail: licdamiris@gmail.com
Sosna Boris,
Doctor în drept, profesor
Universitatea de stat din Comrat
e-mail: sosnaboris99@gmail.com
orcid.org/0000-0002-4806-1756

Rezumat. Articolul examinează rolul organizațiilor sindicale în prevenirea și combaterea violenței și hărțuirii în lumea muncii, în contextul consolidării standardelor internaționale după adoptarea Convenției Organizației Internaționale a Muncii nr. 190. Pornind de la realități sociale și juridice din Republica Moldova, sunt analizate dificultățile de aplicare a normelor privind motivele de prejudecată în cazurile de violență împotriva femeilor, fenomenul subraportării hărțuirii sexuale, precum și instrumentele concrete de intervenție sindicală: dialogul social, negocierea colectivă, politicile interne anti-hărțuire, mecanismele de raportare confidențială și protecția împotriva represaliilor. Articolul valorifică exemple relevante din spațiul public și din practica socială, subliniind necesitatea unei abordări integrate care să conecteze prevenirea violenței bazate pe gen cu securitatea și sănătatea în muncă.

Cuvinte-cheie: sindicate, dialog social, colectivul de muncă, loc de muncă, violență, hărțuire, securitatea, sănătatea în muncă.

Summary. The article examines the role of trade union organizations in preventing and combating violence and harassment in the world of work, in the context of the strengthening of international standards following the adoption of the International Labour Organization Violence and Harassment Convention (No. 190). Building on social and legal realities in the Republic of Moldova, it analyzes the difficulties in applying provisions on bias motives in cases of violence against women,

the phenomenon of underreporting of sexual harassment, as well as concrete trade union intervention tools: social dialogue, collective bargaining, internal anti-harassment policies, confidential reporting mechanisms, and protection against retaliation. The article draws on relevant examples from the public sphere and social practice, emphasizing the need for an integrated approach that links the prevention of gender-based violence with occupational safety and health.

Keywords: trade unions, social dialogue, labor collective, place of work, violence, harassment, occupational safety and health.

Introducere. Transformările recente ale pieței muncii au amplificat necesitatea extinderii protecției lucrătorilor dincolo de paradigma clasică, concentrată exclusiv pe riscuri fizice, accidente de muncă și condiții materiale de lucru. În prezent, conceptul de muncă decentă presupune, în mod inevitabil, protejarea demnității, a integrității psihologice și a egalității de tratament în cadrul raporturilor de muncă. În această logică, violența și hărțuirea nu pot fi tratate ca „incidente izolate", ci ca fenomene care afectează securitatea profesională, coeziunea colectivelor, sănătatea mintală, productivitatea și climatul organizațional [9, p. 189-194].

În iunie 2019, adoptarea Convenției OIM nr. 190 [1] privind eliminarea violenței și hărțuirii în lumea muncii a constituit un pas major în consolidarea cadrului normativ internațional, prin definirea integrată a fenomenului și prin plasarea sa la intersecția dintre drepturile omului, dreptul muncii și politicile de egalitate. Convenția accentuează ideea că violența și hărțuirea sunt alimentate de dezechilibre structurale și de raporturi asimetrice de putere, inclusiv de stereotipuri de gen, ceea ce impune răspunsuri instituționale complexe și coerente.

În Republica Moldova, discuțiile privind Convenția nr. 190 [1] au fost asumate în mod constant de partenerii sociali, în special de organizațiile sindicale, care au subliniat rolul lor de promotor și garant al respectării standardelor internaționale în spațiul profesional. În mod particular, dezbaterile purtate după adoptarea Convenției au pus accent pe necesitatea instituirii unei politici reale de „toleranță zero" față de violență și hărțuire, pe rolul dialogului social și pe integrarea unor măsuri preventive în contractele colective și în politicile interne ale întreprinderilor.

Expunerea materialului de bază. Convenția OIM nr. 190 și responsabilizarea partenerilor sociali. Convenția OIM nr. 190 [1] impune o abordare sistemică asupra violenței și hărțuirii, stabilind că statele trebuie să creeze un cadru normativ și instituțional care să prevină, să sancționeze și să remedieze asemenea fapte. În același timp, Convenția recunoaște explicit rolul partenerilor sociali și, implicit, rolul sindicatelor în proiectarea și implementarea mecanismelor eficiente de protecție. Acest lucru este esențial, deoarece realitățile din lumea muncii indică frecvent că victimele nu dispun de resurse individuale suficiente pentru a se proteja, iar raportul de putere dintre salariat și angajator (sau dintre salariat și superiorul ierarhic) poate produce tăcere, frică, conformism și retraumatizare.

După adoptarea Convenției, organizațiile sindicale din Republica Moldova au analizat în mod constant conținutul acesteia și modalitățile de integrare în practici naționale. Discuțiile au fost purtate atât în cadrul dialogului social național, inclusiv în Comisia Națională pentru Consultări și Negocieri Colective, cât și la nivel de ramură, unde convențiile colective pot deveni instrumente juridice concrete pentru prevenirea hărțuirii și pentru protecția efectivă a victimelor.

În acest cadru, rolul CNSM și al altor structuri sindicale a fost orientat spre: (i) promovarea ratificării și implementării Convenției; (ii) instruirea și sensibilizarea actorilor implicați; (iii) dezvoltarea unor politici anti-hărțuire; (iv) integrarea măsurilor preventive în convenții colective; (v) susținerea principiului confidențialității și a protecției împotriva represaliilor, în special în cazurile de hărțuire sexuală.

Dificultăți de aplicare a cadrului național. „Motivul de prejudecată" și violența bazată pe gen. Deși legislația Republicii Moldova prevede, începând cu 2022, posibilitatea calificării faptelor comise „din motive de prejudecată" drept circumstanță agravantă, aplicarea acestei norme în cazurile de violență împotriva femeilor rămâne incertă și, în practică, restrânsă. Cauzele identificate în discursul public și în analiza instituțională includ: instruirea insuficientă a polițiștilor, procurorilor și judecătorilor; confuzia conceptuală dintre „motivul de prejudecată" și alte noțiuni juridice; reticența

în recunoașterea urii bazate pe gen ca element juridic relevant; precum și tendința de a minimaliza dimensiunea structurală a violenței împotriva femeilor.

Această dificultate de aplicare nu reprezintă o simplă problemă tehnică, ci are consecințe directe: o aplicare limitată a agravantei conduce la pedepse mai blânde și reduce efectul preventiv al normei. În plus, transmite în societate un mesaj de tolerare implicită a violenței bazate pe gen, ceea ce afectează încrederea victimelor în instituțiile statului și contribuie la subraportare.

În acest context, actorii sociali – inclusiv sindicatele – pot avea un rol semnificativ în promovarea instruirilor tematice și în susținerea unei interpretări coerente a normelor, atât în sfera muncii, cât și în sfera conexă a protecției victimelor violenței domestice, întrucât Convenția OIM nr. 190 [1] recunoaște impactul violenței domestice asupra vieții profesionale și necesitatea măsurilor de protecție.

Cazuri publice și reacții sociale: presiunea asupra victimelor și mecanismele psihologice ale negării. Un exemplu relevant, menționat în spațiul public, privește un incident din aprilie 2025, când un deputat a fost implicat într-un caz de violență în familie. Un copil a apelat serviciul 112, semnalând că „mama este agresată de tata". Poliția a intervenit, iar imaginile video au surprins faptul că agresorul o ținea imobilizată pe soția sa, care plângea, fără a se opri nici după sosirea forțelor de ordine. În urma incidentului, autoritățile au emis un ordin de restricție de urgență pentru 10 zile, interzicând agresorului să se apropie de soție și copii. Ulterior, soția a negat public că ar fi fost victima violenței, susținând că apelul copilului a fost o „greșeală" și că nu a solicitat protecție. Cazul a generat reacții intense în societate și dezbateri privind violența împotriva femeilor, inclusiv asupra presiunilor exercitate asupra victimelor pentru a nega agresiunile.

Interpretarea specialiștilor în domeniu a evidențiat faptul că un asemenea comportament al victimei poate reflecta mecanisme de supraviețuire psihologică și un model de „control coercitiv", în care victima caută aparent stabilitate și protecție pentru copii chiar în condiții abuzive. Într-o relatare publicată de presă, directoarea executivă a Centrului de Drept al Femeilor, Angelina Zaporojan-Pîrgari, a subliniat că astfel de situații indică lipsa sentimentului de siguranță și existența unei relații abuzive, cu elemente de control, violență psihologică și fizică (Ziarul de Gardă, nr. 20, 29 mai 2025) [6].

Aceste observații sunt importante pentru lumea muncii, deoarece violența domestică, în formele sale psihologice și economice, se răsfrânge adesea asupra capacității femeilor de a lucra, de a-și păstra locul de muncă și de a raporta abuzuri, inclusiv hărțuire în mediul profesional. Prin urmare, prevenirea violenței și hărțuirii la locul de muncă nu poate ignora contextul social și familial, iar integrarea acestui fenomen în politicile de securitate și sănătate în muncă devine o necesitate.

Date statistice și dimensiunea structurală a violenței împotriva femeilor. O dimensiune deosebit de relevantă pentru fundamentarea politicilor publice este reflectată în datele și rapoartele specializate. Raportul de letalitate elaborat de Centrul de Drept al Femeilor împreună cu Ministerul Afacerilor Interne [8], pe baza datelor comisiei care examinează cazurile de violență în familie soldate cu deces sau leziuni grave, relevă anual aproximativ 86 de cazuri cu consecințe extrem de grave, majoritatea victimelor fiind femei. Reprezentanții centrului au calificat acest nivel drept ridicat în raport cu media europeană, subliniind că violența împotriva femeilor reflectă dezechilibre de putere și persistenta stereotipurilor de gen într-o societate patriarhală.

În planul relațiilor de muncă, această realitate produce cel puțin două efecte: (i) crește vulnerabilitatea femeilor în mediul profesional, inclusiv vulnerabilitatea față de hărțuire sexuală și abuz; (ii) determină o reticență majoră de raportare a abuzurilor, din cauza fricii, rușinii, dependenței economice și a lipsei de încredere în mecanismele de protecție. Tocmai din acest motiv, Convenția OIM nr. 190 [1] impune o abordare integrată, iar sindicatele devin actori cheie în promovarea instrumentelor preventive și în protejarea victimelor.

Experiențe individuale și disfuncționalități instituționale: cazul „Natalița". În analiza fenomenului, relatările individuale nu au doar valoare narativă, ci și valoare explicativă pentru disfuncționalitățile sistemice. Un exemplu îl constituie cazul unei victime (denumită „Natalița"), care a suportat ani de zile umilințe și abuzuri în concubinaj. Abuzul a inclus control economic (lipsa

banilor), interdicția de a munci, izolarea și impunerea unor roluri domestice degradante, deși victima avea inițiată o afacere. Ulterior, abuzul a vizat inclusiv copilul. Victima a revenit în Republica Moldova, însă agresorul a venit sub pretextul dorinței de a vedea copilul, având ca scop răpirea acestuia. În cadrul procedurilor judiciare, victima a prezentat acte privind condamnarea agresorului în Marea Britanie pentru viol, însă instanța ar fi ignorat aceste probe pe motiv că după pedeapsă acesta „posibil s-a corectat", deși argumentele victimei au fost prezentate. În relatare se indică faptul că judecătoarea ar fi putut să nu fie suficient instruită în aplicarea legislației.

Acest tip de situație are relevanță directă pentru subiectul articolului: lipsa instruirii și sensibilizării actorilor instituționali poate produce ignorarea semnalelor de risc și, implicit, o protecție insuficientă a victimelor, inclusiv în mediul profesional. Pentru sindicate, asemenea realități justifică intensificarea eforturilor de instruire și cooperare interinstituțională, inclusiv prin dialog social, pentru a conecta prevenirea violenței bazate pe gen cu politicile de muncă decentă.

Sindicatele și cadrul juridic al muncii: de la definiții la obligații concrete ale angajatorului. În plan normativ, Codul muncii al Republicii Moldova include definirea hărțuirii sexuale ca formă de comportament fizic, verbal sau nonverbal de natură sexuală care lezează demnitatea persoanei ori creează o atmosferă neplăcută, ostilă, degradantă, umilitoare sau insultătoare [3]. Totodată, Codul muncii stabilește obligația angajatorului de a întreprinde măsuri de prevenire a hărțuirii sexuale și măsuri de prevenire a persecutării pentru depunerea plângerilor privind discriminarea și hărțuirea (art. 10 alin. (2) lit. f³). Prevederi relevante există și în legislația privind asigurarea egalității de șanse între femei și bărbați.

Cu toate acestea, existența normelor nu garantează automat eficiența lor. În practică, fenomenul hărțuirii sexuale rămâne un „tabu" în colective, fiind conștientizat cu dificultate, iar majoritatea cazurilor rămân necunoscute și fără adresări la organele competente. Femeile se tem să reclame, fie din cauza rușinii, fie din cauza fricii de consecințe profesionale, fie din cauza faptului că agresorul este superior ierarhic. În plus, unele victime nu recunosc juridic fenomenul, neînțelegând că ceea ce li se întâmplă este hărțuire și neștiind ce instrumente legale pot utiliza.

Acest tablou explică de ce sindicatele trebuie să acționeze nu doar reactiv (după ce un caz a fost produs), ci mai ales preventiv: prin informare, politici interne, proceduri confidențiale, instruiri și negociere colectivă.

Prevenirea ca pivot al politicilor anti-hărțuire. Politici interne, confidențialitate, anti-represalii. În logica Convenției OIM nr. 190 [1] și a practicilor recomandate, prevenirea hărțuirii sexuale trebuie să includă mecanisme care permit raportarea incidentelor fără frică de consecințe, existența unor coduri și regulamente scrise, precum și o politică internă clară împotriva hărțuirii. Angajatorul are obligația de a dezvolta asemenea politici, însă adoptarea lor trebuie să fie rezultatul consultării sau negocierii cu organizațiile sindicale.

Politica anti-hărțuire trebuie să includă, în mod esențial: definirea hărțuirii sexuale; un angajament explicit pentru eradicare și prevenire; sancțiuni disciplinare pentru hărțuitor; procedura de depunere și examinare a plângerilor; garanții de confidențialitate; și, mai ales, o politică anti-represalii care să protejeze reclamantul, martorii și orice persoană implicată în procedură.

În practică, rolul conducerii, al managerului de resurse umane și al reprezentantului organizației sindicale primare este determinant: aceste persoane pot crea condițiile de prevenire, pot identifica rapid riscurile și pot interveni pentru încetarea imediată a comportamentelor abuzive. Reprezentantul organizației sindicale primare, în particular, poate fi primul punct de contact al victimei, asigurând suport inițial, orientare și intervenție în relația cu angajatorul.

Negocierea colectivă după ratificare: protecție universală, recunoașterea dimensiunii de gen, integrarea în SSM. După ratificare, prevederile Convenției OIM nr. 190 [1] devin obiect al negocierilor colective pentru a fi reflectate în contractele colective la nivel de unitate, în convențiile ramurale și în convenția la nivel național. Această abordare este justificată de nevoia de protecție universală a lucrătorilor, indiferent de statut (inclusiv în economia informală, pentru voluntari, stagiari, ucenici), precum și de nevoia de a scoate în evidență violența bazată pe gen, având în vedere vulnerabilitatea disproporționată a femeilor față de hărțuirea sexuală.

În același timp, cadrul european a oferit repere conceptuale relevante. Recomandarea Comisiei Europene 92/131/CEE [4] a definit hărțuirea sexuală ca un comportament abuziv de natură sexuală care lezează persoana, iar acceptarea sau refuzul unei asemenea conduite poate influența decizii privind drepturile în raporturile de muncă. Într-o interpretare modernă, noțiunea include și orice comportament care creează un climat de intimidare, ostilitate sau umilință.

O direcție deosebit de importantă este integrarea violenței și hărțuirii bazate pe gen, inclusiv a violenței în familie, în programele de securitate și sănătate în muncă. În cadrul dialogului social la nivel de unitate economică, acest lucru presupune dezvoltarea de politici, proceduri și instrumente care să prevină violența și hărțuirea, să reducă riscurile psihosociale și să asigure mecanisme de intervenție rapidă.

Activitatea Confederaţiei Naţionale a Sindicatelor din Moldova (CNSM) și mobilizarea socială: instruire, campanii, sensibilizare și riscul derivelor discursive. În plan instituțional, CNSM și alte structuri sindicale și-au exprimat constant intoleranța față de violență și hărțuire, susținând ratificarea Convenției OIM nr. 190 [1]. În decembrie 2022, CNSM a organizat o masă rotundă dedicată promovării ratificării Convenției, cu participarea reprezentanților sindicatelor, a autorităților, a partenerilor internaționali și a actorilor relevanți. În cadrul discuțiilor, s-a subliniat că Convenția definește integral violența și hărțuirea, incluzând nu doar abuzul fizic și verbal, ci și riscurile psihosociale și practicile abuzive în mediul de muncă.

Totodată, materialul semnalează o problemă importantă: calitatea discursului public și riscul interpretărilor simplificatoare sau exagerate. În unele dezbateri, s-au exprimat opinii care confundă prevenirea hărțuirii cu negarea interacțiunilor sociale firești (ex. „complimente”), riscând să producă reacții adverse și polarizare. În mod justificat, se subliniază necesitatea unei soluționări echilibrate, corelate cu obiectivele educaționale, cu transformări în mentalitatea educatorilor și cu o abordare care să distingă clar între comportamente respectuoase și comportamente abuzive.

În plus, sindicatele au participat la campanii de solidaritate și la inițiative internaționale, precum „Șase zile de activism împotriva violenței bazate pe gen”, orientate spre amplificarea vocilor supraviețuitoarelor și spre crearea de modele de soluții pentru ruperea ciclului violenței. Promovarea egalității de gen în sindicate și în societate este prezentată ca obiectiv permanent, inclusiv prin campanii naționale de sensibilizare precum „Fii vocea echității la locul de muncă”, în legătură cu standardele privind egalitatea de tratament, inclusiv cele reflectate în Convenția OIM nr. 156 [5] privind lucrătorii cu responsabilități familiale.

Concluzii. Analiza demonstrează că rolul sindicatelor în prevenirea și combaterea violenței și hărțuirii la locul de muncă este unul structural, nu secundar. Adoptarea Convenției OIM nr. 190 [1] a oferit un cadru internațional robust care obligă la politici integrate și la implicarea reală a partenerilor sociali. În Republica Moldova, există un cadru legal relevant (inclusiv în Codul muncii), însă persistă dificultăți de aplicare, în special în zona violenței bazate pe gen și a motivelor de prejudecată, precum și în zona subraportării hărțuirii sexuale.

Pentru a asigura eficiență, accentul trebuie pus pe prevenire: politici interne negociate cu sindicatele, proceduri de raportare confidențiale, garanții de confidențialitate, mecanisme anti-represalii și integrarea riscurilor psihosociale în SSM. Complementar, instruirea actorilor instituționali și dezvoltarea unei culturi organizaționale bazate pe respect și egalitate rămân condiții decisive. În această arhitectură, sindicatele pot funcționa ca mecanisme de proximitate socială, capabile să identifice rapid riscurile, să sprijine victimele și să transforme standardele internaționale în protecții efective la nivelul fiecărui colectiv de muncă.

Bibliografie:

1. Organizația Internațională a Muncii, Convenția nr. 190 privind eliminarea violenței și hărțuirii în lumea muncii, 2019 - disponibil: https://www.ilo.org (accesat: 30.01.2026).
2. Organizația Internațională a Muncii, Recomandarea nr. 206 privind eliminarea violenței și hărțuirii, 2019 - disponibil: https://www.ilo.org (accesat: 30.01.2026).

3. Republica Moldova, Codul muncii nr. 154/2003. Monitorul oficial al RM, Nr. 159-162, 2003.

4. Comisia Europeană, Recomandarea 92/131/CEE privind protecția demnității femeilor și bărbaților la locul de muncă – disponibil: https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?mode=dsw&docId=9179&langId=ro (accesat: 30.01.2026).

5. Organizația Internațională a Muncii, Convenția nr. 156 privind lucrătorii cu responsabilități familiale (egalitate de tratament și șanse) - disponibil: https://www.ilo.org (accesat: 30.01.2026).

6. Angelina Zaporojan-Pîrgari, declarații citate în material. Ziarul de Gardă, nr. 20, 29 mai 2025 - disponibil: https://www.zdg.md/ (accesat: 30.01.2026).

7. Centrul de Drept al Femeilor & Ministerul Afacerilor Interne, Raport/analize privind letalitatea în violența în familie (menționate în material) – disponibil: https://cdf.md/ (accesat: 30.01.2026).

8. Капша Т., Сосна Б., Захария С., Фрунзэ Ю., Мику В., Бабич Б. Трудовое право Молдовы. Научно-методическое пособие, 2-е издание, переработанное и дополненное. Германия, 2026 г., 701 с. ISBN 978-620-9-47938-0.

9. Capșa T., Sosna B., Sosna A. Development of constitutional and other legal means for eliminating violence and harassment in the sphere of labor. Journal «European Perspectives», Nr. 4, 2025, Ukraine, Kyiv, p. 188-197.

10. Капша Т., Сосна Б., Захария С. Трудовое право Молдовы. Учебно-практическое пособие. Германия, 2016 г., 476 с. ISBN 978-3-659-90413-4.

УДК 341.3

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Лысенко Владлена, доктор хабилитат права,
конференциар-университар
Комратский государственный университет,
мун. Комрат, Республика Молдова
e-mail: Vlada.Lisenco@gmail.com
orcid id: 0000-0002-4584-2637
Катан Анастасия, доктор юридических наук,
конференциар-университар
Европейский Университет Молдовы,
мун. Кишинёв, Республика Молдова
e-mail: catananastasia@gmail.com
orcid id: 0000-0003-4389-2259

Аннотация: Статья анализирует международное гуманитарное право в условиях нарастающей глобальной нестабильности, характеризующейся трансформацией системы международных отношений, усложнением структуры вооружённых конфликтов и ослаблением универсальных правовых механизмов их регулирования. В работе рассматриваются ключевые концептуальные проблемы международного гуманитарного права, включая сложности квалификации конфликтов, соотношение МГП и международного права прав человека, процессы фрагментации международного права и кризис его универсальности. Отдельное внимание уделяется значению МГП как правового и гуманитарного регулятора

вооружённых конфликтов, а также перспективам его дальнейшего развития в контексте технологических изменений, усиления международных механизмов ответственности и конвергенции гуманитарных и правозащитных режимов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооружённые конфликты, глобальная нестабильность, права человека, фрагментация международного права

В условиях стремительно меняющегося глобального порядка международное гуманитарное право приобретает особое значение как универсальный механизм ограничения страданий, причиняемых вооружёнными конфликтами. Глубокие трансформации мировой политики, технологические революции и рост транснациональных угроз создают новые формы насилия, размывают традиционные границы между государственными и негосударственными субъектами конфликта и ставят под сомнение эффективность классических правовых инструментов. На этом фоне международное гуманитарное право выступает не только как система правил ведения войны, но и как индикатор устойчивости международного правопорядка, способный обеспечивать баланс между интересами государств, безопасностью цивильного населения и соблюдением прав человека. Его актуальность сегодня определяется необходимостью адаптации к новым вызовам, интеграции с нормами международного права прав человека и созданием механизмов ответственности, способных поддерживать легитимность и авторитет гуманитарного регулирования в условиях глобальной нестабильности [2, с. 35].

Одной из ключевых характеристик современной международной обстановки, определяющей актуальность международного гуманитарного права, является устойчивый рост числа вооружённых конфликтов и одновременное усложнение их структуры, участников и форм ведения. После окончания холодной войны в конце XX века в международном сообществе утвердились ожидания постепенного снижения уровня глобального насилия и формирования нового мирового порядка, основанного на верховенстве международного права, коллективной безопасности и координирующей роли Организации Объединённых Наций. Распад биполярной системы, символически завершившийся распадом Советского Союза в 1991 году, воспринимался как исторический шанс для консолидации либерального международного консенсуса и укрепления правовых механизмов предотвращения войн.

Особым рубежом в эволюции современных конфликтов стали события 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними «глобальная война с терроризмом». Террористические акты в Нью-Йорке, Мадриде, Лондоне, Париже и других городах привели к коренной трансформации международных представлений о безопасности и допустимых формах применения силы. Военные операции в Афганистане и Ираке, начавшиеся как межгосударственные интервенции, быстро переросли в длительные асимметричные конфликты с участием повстанческих движений, нерегулярных вооружённых формирований и транснациональных террористических сетей. Эти конфликты по своей логике всё больше напоминали войны национального освобождения XX века, но при этом отличались существенно более размытыми правовыми рамками и неопределённым статусом участников.

Рост числа вооружённых конфликтов в XXI веке сопровождается не столько их количественным увеличением, сколько качественным усложнением. Современные конфликты всё реже укладываются в классические модели, предусмотренные Женевскими конвенциями середины XX века. Они характеризуются смешением внутренних и международных элементов, участием транснациональных негосударственных акторов, активным использованием новых технологий и размыванием границ между военными и гражданскими объектами. В совокупности эти процессы формируют принципиально новую реальность, в которой международное гуманитарное право сталкивается с необходимостью адаптации к условиям глобальной нестабильности и нарастающей конфликтной фрагментации.

Традиционно международные вооружённые конфликты (international armed conflicts далее по тексту – IACs) понимались как любые вооружённые столкновения между двумя или

более государствами, тогда как немеждународные вооружённые конфликты (non-international armed conflicts, далее по тексту – NIAC) охватывали вооружённое противостояние между правительственными силами и организованными негосударственными вооружёнными группами либо между такими группами внутри одного государства. Это разграничение имело не только классификационное, но и нормативное значение: к IAC применялся полный комплекс Женевских конвенций, тогда как для NIAC действовали существенно более ограниченные стандарты, закреплённые в общей статье 3 и Дополнительном протоколе II. Однако современная конфликтная реальность всё чаще демонстрирует ситуации, которые не укладываются в эту бинарную схему [5].

Ключевым фактором размывания границ между IAC и NIAC является интернационализация внутригосударственных конфликтов. Современные гражданские войны нередко сопровождаются прямым или опосредованным вмешательством иностранных государств — в форме военной помощи, участия регулярных войск, авиаударов, поставок вооружений или разведывательной поддержки. Возникает вопрос: следует ли рассматривать такие конфликты как немеждународные с иностранным участием или как совокупность нескольких параллельных международных и немеждународных конфликтов? В доктрине и практике международного права до сих пор отсутствует единый подход к этой проблеме, что порождает правовую неопределённость в вопросах применимого режима защиты и ответственности сторон.

Особую сложность представляет ситуация, когда государство применяет вооружённую силу на территории другого государства против негосударственной вооружённой группы без согласия последнего. В таких случаях одновременно присутствуют элементы международного вооружённого конфликта (взаимодействие между двумя государствами) и немеждународного (борьба государства с негосударственным актором). От того, какая квалификация будет признана приоритетной, напрямую зависит, применяются ли, например, нормы о статусе военнопленных, о правомерности интернирования, о допустимых средствах и методах ведения войны. Современные правовые рамки не дают однозначного ответа на этот вопрос, что усиливает фрагментацию правоприменительной практики.

Дополнительное измерение проблемы связано с экстерриториальными военными операциями, включая удары беспилотных летательных аппаратов и специальные операции за пределами национальных границ. Такие действия нередко обосновываются правом на самооборону против негосударственных акторов, однако с точки зрения международного гуманитарного права остаётся неясным, влечёт ли подобное применение силы автоматическое возникновение международного вооружённого конфликта между государством-оператором и территориальным государством, либо речь идёт исключительно о немеждународном конфликте между государством и вооружённой группой. Эта неопределённость подрывает предсказуемость правового регулирования и создаёт риск произвольного выбора более «удобного» правового режима [1, с. 10-11].

Размывание границ между IAC и NIAC усугубляется и тем, что современные негосударственные вооружённые группы всё чаще обладают характеристиками, ранее присущими исключительно государствам. Они устанавливают контроль над территориями, создают параллельные административные структуры, собирают налоги, формируют регулярные вооружённые подразделения и ведут длительные боевые действия высокой интенсивности. Это объективно сближает их с классическими субъектами вооружённых конфликтов, но при этом они не обладают международной правосубъектностью и не связаны теми же объёмами правовых обязательств, что и государства. В результате возникает асимметричная правовая конструкция, в которой фактическое равенство сторон по военному потенциалу не сопровождается равенством их юридического статуса.

Существенные трудности вызывает и вопрос статуса лиц, принимающих участие в боевых действиях в рамках гибридных конфликтов. В классическом международном вооружённом конфликте комбатанты пользуются привилегией законного участия в боевых

действиях и, в случае пленения, статусом военнопленных. В немеждународных конфликтах такого статуса не существует: участники вооружённых групп могут преследоваться по уголовному праву государства за сам факт участия в боевых действиях. В условиях гибридных конфликтов эта разница приводит к правовым парадоксам, когда лица, выполняющие сопоставимые боевые функции, подпадают под радикально разные правовые режимы в зависимости от формальной квалификации конфликта.

Отдельного внимания заслуживает проблема применения норм о задержании и интернировании. В международных вооружённых конфликтах правовые основания и процедуры лишения свободы подробно регламентированы Третьей и Четвёртой Женевскими конвенциями. В немеждународных конфликтах такие нормы либо отсутствуют, либо носят фрагментарный характер. В результате в гибридных конфликтах государства нередко удерживают лиц в правовом вакууме, обосновывая свои действия либо нормами МГП, либо соображениями национальной безопасности, что ставит под угрозу базовые гарантии защиты прав человека.

В совокупности все эти процессы свидетельствуют о том, что классическая бинарная модель вооружённых конфликтов утрачивает свою объяснительную и нормативную адекватность. Современные конфликты всё чаще представляют собой сложные, многослойные образования, в которых переплетаются элементы международного и немеждународного противостояния, государственные и негосударственные акторы, физическое и цифровое насилие. Это не просто усложняет юридическую квалификацию отдельных ситуаций, но и подрывает системную целостность международного гуманитарного права, поскольку разные правовые режимы начинают применяться к сходным по своей сути формам вооружённого насилия.

Размывание границ между международными и немеждународными вооружёнными конфликтами следует рассматривать не как частную техническую проблему квалификации, а как структурный кризис одной из базовых категорий международного гуманитарного права. Он требует либо радикального переосмысления самой дихотомии IAC/NIAC, либо выработки универсального минимального стандарта защиты, применимого ко всем формам организованного вооружённого насилия независимо от их формальной классификации. Без такого пересмотра МГП рискует всё в большей степени утрачивать свою регулятивную эффективность в условиях нарастающей глобальной нестабильности.

Параллельно с размыванием границ между типами вооружённых конфликтов развивается более широкий и системный процесс — кризис универсальности международного права как такового. После окончания холодной войны в международном сообществе сложилось устойчивое представление о формировании либерального международного порядка, основанного на универсальных нормах, многосторонних институтах и принципах коллективной безопасности. Казалось, что эпоха идеологического противостояния уступает место консенсусу вокруг верховенства международного права, а применение силы в международных отношениях будет подчинено жёстким юридическим ограничениям.

В совокупности все эти процессы свидетельствуют о том, что современный международно-правовой порядок переживает глубокий структурный кризис. Универсальность, которая долгое время рассматривалась как ключевое достоинство международного права, постепенно утрачивает своё нормативное содержание, уступая место фрагментации, политизации и селективному применению норм. Для международного гуманитарного права это означает не просто усложнение условий его применения, но и подрыв его легитимности как нейтрального и общепризнанного регулятора вооружённых конфликтов.

В этих условиях особую значимость приобретает вопрос о том, сохраняет ли международное гуманитарное право способность выполнять свою регулятивную функцию в обстановке нарастающей фрагментации и политизации международных норм. С одной стороны, МГП не может быть полностью изолировано от общего кризиса международно-правового порядка и также сталкивается с проблемами избирательного применения, эрозии

доверия и конкуренции правовых режимов. С другой стороны, именно его относительно автономный характер, опора на императивные гуманитарные принципы и универсалистская направленность позволяют рассматривать МГП как один из немногих оставшихся элементов международного права, претендующих на сохранение минимального консенсуса между конфликтующими сторонами. Это противоречивое положение МГП — между уязвимостью перед общим кризисом правопорядка и одновременной нормативной устойчивостью — делает необходимым более детальный анализ его сущности, целей и регулятивного потенциала.

Ключевой предпосылкой актуализации проблематики международного гуманитарного права в XXI веке является глубокая трансформация самого характера вооружённых конфликтов. Если в классическом международно-правовом дискурсе, сложившемся после Второй мировой войны, преобладала модель межгосударственного вооружённого противостояния, то в настоящее время доминирующее положение заняли конфликты иного типа — внутренние, транснациональные, гибридные и асимметричные. Данная эволюция конфликтности радикально изменяет как фактические условия ведения боевых действий, так и юридические рамки их регулирования, ставя под вопрос адекватность традиционных конструкций международного гуманитарного права [6].

Современные вооружённые конфликты в значительной степени утратили симметричный характер, присущий классическим войнам между сопоставимыми по военной и институциональной мощи государствами. Вместо этого всё чаще наблюдаются асимметричные формы противоборства, при которых одна из сторон обладает существенно превосходящими ресурсами, а другая компенсирует этот дисбаланс за счёт нестандартных тактик, скрытности, мобильности и использования гражданской инфраструктуры в военных целях. Подобные конфликты не вписываются в традиционные сценарии фронтовых боевых действий, что приводит к стиранию границ между зоной боевых операций и тылом, а также между комбатантами и гражданским населением. Это, в свою очередь, резко повышает риски для гражданских лиц и усложняет практическую реализацию базовых принципов МГП — различения, пропорциональности и военной необходимости.

Не менее значимой характеристикой современных конфликтов является их гибридность. Под гибридными конфликтами понимаются такие формы противоборства, в которых сочетаются элементы классических военных операций, партизанской войны, террористической деятельности, кибератак, информационно-психологического воздействия и экономического давления [8]. В этих условиях вооружённое насилие всё чаще дополняется немилитарными средствами воздействия, размывающими само понятие «вооружённого конфликта» в его традиционном юридическом смысле. Использование кибероперaций, дезинформационных кампаний и экономических санкций в тесной связке с военными действиями создаёт ситуацию нормативной неопределённости, поскольку действующие нормы МГП были разработаны преимущественно для регулирования кинетических форм насилия и не всегда приспособлены к оценке правомерности гибридных методов ведения войны.

Особое внимание в контексте трансформации конфликтов заслуживает проблема размывания границ между международными и немеждународными вооружёнными конфликтами. Классическая дихотомия, лежащая в основе Женевских конвенций 1949 года, предполагала чёткое различие между войнами между государствами и внутренними конфликтами, происходящими в пределах одной страны. Однако в современной практике всё чаще встречаются ситуации, в которых внутренние конфликты интернационализируются за счёт вмешательства иностранных государств, трансграничной деятельности вооружённых группировок или использования внешней военной и финансовой поддержки. В результате возникают так называемые «смешанные» или «гибридные» конфликты, правовая квалификация которых вызывает серьёзные затруднения.

Такая неопределённость имеет далеко идущие правовые последствия. От отнесения конфликта к международному или немеждународному типу напрямую зависит объём

применимых норм МГП, статус участников боевых действий, допустимые методы ведения войны и характер ответственности за нарушения гуманитарного права. В условиях размытых границ между типами конфликтов возрастает риск селективного толкования правовых норм сторонами конфликта в собственных интересах, что подрывает предсказуемость и универсальность правового регулирования. Более того, государства нередко стремятся квалифицировать происходящее как «внутренний конфликт» или «антитеррористическую операцию» с целью минимизировать объём международных обязательств.

Одной из наиболее острых проблем является квалификация вооружённых конфликтов, от которой напрямую зависит объём применимых норм, статус участников боевых действий и характер международной ответственности. Классическая дихотомия между международными и немеждународными вооружёнными конфликтами, на которой строится система МГП, всё чаще оказывается недостаточной для описания гибридных и транснациональных форм насилия [7, с. 78-81]. Интернационализация внутренних конфликтов, вмешательство третьих государств, трансграничная деятельность негосударственных вооружённых групп и использование прокси-формирований создают ситуации, в которых формально внутренний конфликт приобретает признаки международного, а межгосударственное противостояние разворачивается в форме скрытых или опосредованных действий. В результате правовая квалификация конфликта превращается не только в технический, но и в политический вопрос, поскольку от неё зависит, какие нормы будут признаны обязательными и какие механизмы международного контроля могут быть задействованы. Эта неопределённость подрывает предсказуемость правового регулирования и создаёт пространство для селективного толкования гуманитарных норм в интересах сторон конфликта.

Не менее значимой концептуальной проблемой является соотношение международного гуманитарного права и международного права прав человека. Оба правовых режима направлены на защиту человеческого достоинства и ограничение произвола власти, однако они формировались в разных исторических и нормативных контекстах. Международное гуманитарное право изначально ориентировано на регулирование поведения сторон в условиях вооружённого конфликта и допускает определённые исключения из обычных стандартов защиты личности, исходя из логики военной необходимости. Международное право прав человека, напротив, претендует на универсальность и непрерывность действия, включая периоды вооружённых конфликтов. В условиях глобализации и усиления международных механизмов мониторинга прав человека происходит всё более активное наложение этих двух режимов, что порождает как возможности взаимного обогащения, так и серьёзные нормативные коллизии. Возникает вопрос о том, какие стандарты должны иметь приоритет в ситуации конфликта: специальные нормы МГП как lex specialis или универсальные требования прав человека, особенно в таких чувствительных сферах, как право на жизнь, запрет пыток и произвольных задержаний. Отсутствие единого подхода к решению этой дилеммы усиливает правовую неопределённость и затрудняет формирование устойчивой практики правоприменения.

Традиционные механизмы разработки международного права, основанные на многосторонних переговорах и заключении универсальных конвенций, демонстрируют всё меньшую эффективность в условиях геополитической поляризации и кризиса многосторонности. В отличие от второй половины XX века, современная международная система характеризуется ростом числа «ревизионистских» акторов, не заинтересованных в укреплении существующего нормативного порядка. Это обстоятельство делает маловероятным скорое появление новых универсальных договоров, регулирующих, например, правовой режим кибервойн или автономных боевых систем. В этих условиях на первый план выходит неформальное развитие норм через практику государств, экспертные руководства и постепенное формирование обычных норм, что предполагает переход от классической модели к более «эволюционной» логике правотворчества.

Одним из ключевых направлений такого развития выступает адаптация МГП к новым технологиям на основе так называемого «нормативного предпринимательства», при котором отдельные государства или коалиции государств берут на себя инициативу по формированию новых стандартов поведения, даже если они ещё не получили всеобщего признания. Суть этого подхода заключается в том, что государство добровольно принимает на себя более жёсткие ограничения, чем это формально требуется действующим международным правом, и последовательно демонстрирует их практическую осуществимость и гуманитарную целесообразность. Со временем такие стандарты могут приобрести статус общепризнанных норм в силу их функциональной эффективности и репутационного давления на другие государства. В контексте гуманитарного права подобная стратегия может быть применена, в частности, к регулированию целеуказания при дистанционных ударах, использованию алгоритмических систем принятия решений в военной сфере и обеспечению принципа соразмерности при высокотехнологичных операциях.

Особое значение в этой связи приобретает вопрос о разработке более строгих процедур оценки целей и рисков при применении беспилотных и иных дистанционных средств поражения. Практика последних десятилетий показывает, что даже при наличии формальных правил и многоуровневых механизмов контроля ошибки в выборе целей приводят к гибели гражданского населения и подрывают легитимность военных операций в глазах международного сообщества. Если ведущие военные державы смогут не только усовершенствовать внутренние стандарты принятия решений, но и публично закрепить их в виде обязательств, выходящих за рамки действующих норм, это может создать прецедент для постепенного формирования новых гуманитарных стандартов, применимых к нетрадиционным формам конфликта.

Не менее важным направлением развития МГП является формирование «правил дорожного движения» в киберпространстве. Хотя кибероперации уже оказывают значительное влияние на инфраструктуру, экономику и безопасность государств, их правовой режим остаётся фрагментарным и неопределённым. В отличие от классических средств ведения войны, кибератаки могут осуществляться негосударственными акторами, частными структурами или полугосударственными сетями, действующими с молчаливого согласия или при пассивной терпимости государств. Это обстоятельство ставит вопрос о разработке стандартов должной осмотрительности, обязывающих государства предотвращать вредоносные кибердействия, исходящие с их территории или осуществляемые их гражданами [3, с. 56]. В долгосрочной перспективе подобные стандарты могут стать частью более широкой системы международной ответственности в цифровой сфере и способствовать интеграции кибероперацій в рамки гуманитарного регулирования.

Усиление международных механизмов ответственности является ещё одной ключевой перспективой развития МГП. В условиях, когда традиционные инструменты межгосударственной ответственности всё чаще оказываются политически заблокированными, возрастает значение индивидуальной уголовной ответственности, а также гибридных форм подотчётности, включающих национальные суды, международные трибуналы и универсальную юрисдикцию. Расширение практики привлечения к ответственности за военные преступления, совершённые с использованием новых технологий, может сыграть двойную роль: с одной стороны, оно будет выполнять превентивную функцию, а с другой — способствовать постепенному уточнению содержания гуманитарных норм применительно к новым формам насилия. При этом особое значение приобретает вопрос доказательств и атрибуции в условиях кибероперацій и дистанционных ударов, что требует развития специальных процессуальных стандартов и международного сотрудничества в сфере цифровой экспертизы [4, с. 25-29].

Существенным элементом будущей эволюции МГП становится расширение роли негосударственных акторов в его соблюдении и развитии. В условиях, когда значительная часть вооружённых конфликтов носит немеждународный характер, а ключевыми участниками

боевых действий выступают негосударственные вооружённые группы, классическая модель гуманитарного права, ориентированная преимущественно на государства, теряет часть своей практической эффективности. В этой связи возрастает значение мягких механизмов вовлечения негосударственных акторов в гуманитарное регулирование, включая односторонние декларации о приверженности МГП, специальные соглашения с гуманитарными организациями и разработку кодексов поведения. Хотя такие инструменты не обладают формальной юридической обязательностью, они могут выполнять важную социально-нормативную функцию, формируя у негосударственных субъектов представление о гуманитарных стандартах как об элементе легитимного поведения в конфликте.

Особую роль в этом процессе играют международные и неправительственные организации, прежде всего Международный комитет Красного Креста, которые способны выступать в качестве посредников между государствами и негосударственными акторами, а также как источники экспертных интерпретаций гуманитарных норм. Их деятельность способствует не только распространению гуманитарных стандартов, но и постепенной социализации новых участников конфликтов в логике гуманитарного права. В долгосрочной перспективе это может привести к формированию более инклюзивной модели МГП, учитывающей реальное разнообразие субъектов современного насилия.

Наконец, важнейшей тенденцией развития международного гуманитарного права является его постепенная конвергенция с международным правом прав человека. В условиях, когда вооружённые конфликты всё чаще носят затяжной характер и размывают границы между войной и миром, становится всё менее убедительным жёсткое разграничение сфер действия этих двух правовых режимов. Практика международных судов и договорных органов по правам человека свидетельствует о возрастающем признании применимости стандартов прав человека в условиях вооружённого конфликта, по крайней мере в тех аспектах, которые не противоречат специальным нормам МГП. Эта тенденция усиливает гуманитарную направленность правового регулирования и способствует формированию более целостной системы защиты личности в условиях насилия.

В перспективе такая конвергенция может привести к переосмыслению принципа lex specialis, на котором традиционно основывались отношения между МГП и правами человека. Вместо иерархической модели, предполагающей автоматическое преимущество гуманитарных норм в условиях конфликта, может утвердиться более гибкий, контекстуальный подход, ориентированный на максимизацию защиты человеческого достоинства. Это, в свою очередь, усилит нормативную легитимность МГП и расширит его социальную базу поддержки в условиях глобального кризиса доверия к международному праву.

В условиях технологической революции и политической нестабильности именно такая модель представляется наиболее реалистичным способом сохранения регулятивного потенциала МГП и его адаптации к реалиям современного вооружённого насилия.

Международное гуманитарное право сегодня сталкивается с беспрецедентными вызовами: изменяется характер конфликтов, усложняется состав участников, размываются классические правовые категории и универсальные принципы. Несмотря на эти трудности, МГП сохраняет свою критическую роль как минимальный стандарт защиты человеческой жизни и достоинства, обеспечивая правовые ориентиры даже в условиях растущей нестабильности. Его дальнейшая эффективность будет зависеть от способности международного сообщества адаптировать нормы к современным реалиям, обеспечивая баланс между гуманностью, военной необходимостью и правовой определённостью, что остаётся ключевым фактором поддержания международного порядка в XXI веке.

Библиография:

1. Bartels, Rogier, and Katharine Fortin. "Law, justice and a potential security gap: the ‘organization’requirement in International Humanitarian Law and International Criminal law." *Journal of Conflict and Security Law* 21.1 (2016): 29-48.

2. Brown, A. (2020). International law in crisis: Reflections on sovereignty, human rights, and global justice. Cambridge University Press.
3. Henckaerts, J.-M., & Doswald-Beck, L. (2005). Customary International Humanitarian Law: Rules, Volume I. Cambridge University Press
4. International Committee of the Red Cross. "How is the Term 'Armed Conflict'Defined in International Humanitarian Law?." ICRC opinion paper (2008).
5. Sassoli, Marco, et al. "Challenges to International Humanitarian Law." *100 Years of Peace through Law: Past and Future* 47 (2015) [онлайн]: https://access.archive-ouverte.unige.ch/access/metadata/589c9450-ee4b-4e92-86b0-3b227993ba1c/download (дата обращения 23.01.2026 г.)
6. Бисултанов, А.К. "Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов." *М.: РУДН* (2016) [онлайн]: https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/c366f437-95c7-eb11-a9e3-00155ddceb3d/ (дата обращения: 29.01.2026).
7. Гасанов Э. Международное гуманитарное право в контексте современных вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. №182 [онлайн]: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-v-kontekste-sovremennyh-vyzovov (дата обращения: 27.01.2026).
8. Кудашкин А.В., Н.Н. Мельник. Некоторые концептуальные проблемы международного гуманитарного права и современного права вооруженных конфликтов [онлайн]: https://www.opklex.com/assets/upload/file/files/n05-2022.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

УДК 354(398.9)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В ДАКИИ

Захария Сергей,
доктор, конференциар университар
Комратский государственный университет
ст. научный сотрудник НИЦ Гагаузии
им. М.В.Маруневич
E-mai: skzaharia@mail.ru
orcid id: 0000-0001-5683-6761
Татар Ольга,
доктор, конференциар университар
Комратский Государственный университет
E-mail: olgatatar94@gmail.com
orcid id: 0000-0003-2158-006x

Abstract: The article analyzes the administrative organization of the Roman province of Dacia after its incorporation into the Roman Empire in 106 AD. It focuses on the main territorial-administrative reforms implemented under Emperors Trajan and Hadrian, which resulted in the division of the province into several administrative units. The study examines the powers of the provincial governor and the role of the Council of the Three Dacias in provincial governance. Particular attention is given to local administrative structures, including municipal and colonial authorities, their composition and social requirements. The article also highlights the processes of urbanization and Romanization, as well as the spread of the Latin language in administration, justice, and everyday life in Roman Dacia.

Key words: Roman Dacia; provincial administration; territorial reforms; governor; municipal government; Romanization; urbanization; Latin language.

Введение: Имперской провинцией Дакия была провозглашена после 106 года. При правлении императора Трояна, Дакия находилась под руководством губернатора – *legatus Augusti propraetore* [3, p. 97]. По прошествии времени, в 119 году при правлении Адриана, провинция Дакия была раздроблена на несколько частей: *Dacia Superior* (Северная Дакия) и *Dacia Inferior* (Южная Дакия). Спустя короткий период, в 113 году при правлении того же императора, провинция была разделена на три части, из которых, первая часть – *Dacia Superior*, вторая часть – *Dacia Inferior и Dacia Porolissensis*. Уже спустя два десятка лет, в 167 году при дислокации V легиона Macedonica, была проведена последняя реорганизация, при которой вместо *Dacia Inferior и Dacia Superior* уже *Dacia Apulensis и Dacia Malvensis* [4, p. 56]. После императора управлял провинцией губернатор, наделенный правом издания законов, в руках которого были сосредоточены все виды власти, в том числе и административная и судебная власть.

Кроме губернатора в управлении провинцией Дакией принимал участие и *Совет трех Даций*, в компетенцию которого входило ходатайство перед императором по различным вопросам и сбор денежных средств на сооружение различных памятников деятелям искусства, науки, политики.

Касательно местных органов управления в Дакии, то они делились в соответствии с административно-территориальным делением, а именно: на *городские и сельские*, где городские поселения включали *муниципии и колонии*. Насчитывалось 5 привилегированных колоний, где проживали римские граждане. Как в городах, так и в колониях управление вели *магистры,* которые ежегодно переизбирались, совместно с *городским советом*, члены которого назывались *декурионами*. Отбор которых велся по имущественному цензу. Основными требованиями, для избрания в совет, была личная свобода и значительное состояние. Попасть в городской совет считалось большой привелегией [6, p. 77]. Даже известны были случаи уплаты денег за место в городском совете. Горожане, которые входили в состав институтов власти, избирались сроком на 5 лет и несли ответственность за управление городом. Правители города имели в подчинении большое количество чиновников, которые получали жалование из городского бюджета.

На протяжении римского господства в Дакии возникли 12 новых городов и значительное число сельских поселений. Вся власть находилась в руках римских колонистов, говоривших на латинском языке, живших по римским обычаям, будучи активными носителями римской культуры среди гето-даков.

Города становились административными центрами больших сельских территорий. Как в администрации, в суде, так и в повседневной жизни использовался латинский язык. Для продажи продукции земледелия в городах, местные жители должны были знать латинский язык [8, p. 44].

Финансовое и военное устройство в Дакии

Если говорить о *финансовом устройстве* в римской провинции Дакия, то оно ничем не отличалось от устройства других провинций. В провинции была установлена система налогооблажения в виде: прямого и косвенного налога. Прямые налоги подразделялись на земельный налог и персональный налог. Персональный налог выплачивали жители римской провинции Дакия, а вот купцы были обязаны выплачивать специальный налог, согласно изданному приказу Александра Севера, в протвном случае, налог изымался принудительно. Что касается косвенных налогов, то на них налагались разные проценты от 1%до 5%, а именно: таможенные пошлины – 1-5%, налог на освобождение из рабства 5%, налог от заключения договоров – 1% и т.д. Контроль за взымание налогов и неукоснительная их оплата возлагались на прокуратуру, которая опирались на работу чиновников.

Военное устройство в римской провинции Дакия включало могущественную армию, так как провинция Дакия соседствовала с варварским миром, грозящим опасностью в любой момент. На территории Дакии были размещены легионыI: *XIII легион Gemina и V легион Macedonica, I Italica, VII Claudia, XI Claudia, X Gemina, XXII Primigenis* и вспомогательные и наемные войска – отряды пехоты и всадников. Гарнизоны находились в городах: Берзобий, Потаисс, Апулум. Изначально, во главе легиона находился *legatus,* а немного позже, после правления императора *Gallienus,* командование легионами приняли *praefectus legionis,* а в помошниках у них находились *tribune militum,* в функции которых входил контроль за дисциплиной и подготовкой в легионах и также присечение и назначение наказаний за военные проступки. Нельзя не упомянуть и функции *префектов* из военных лагерей, которые отвечали за размещение и снабжение военных лагерей. Так, для защиты от возможных нападений извне в провинции размещалось примерно 40 000 солдат, составлявших десятую часть всей армии Римской империи. Помимо них, в провинции проживали семьи военных. Границы провинции укреплялись крепостями – кастрами, земельными валами. Дороги охранялись полицией, совместно со специальными отрядами, отвечавшими за общественный порядок как за пределами провинции, так и в ее окрестностях [7, p. 152].

Во время дако-римских войн, а также после покорения Дакии римлянами, гето-даки понесли существенные потери. Большое количество гето-даков было пленено и превращено в рабов. Присутствие даков в Трансильвании доказывается многочисленными и разнообразными археологическими материалами, а также письменными документами. С окончанием войн начинается массовая колонизация новых провинций. Среди большого числа направленных римлянами колонистов, было много чиновников, следивших за ходом лесных работ, за рудниками по добыче золота, соли и ремесленников, обрабатывавших железо.

С созданием провинций Дакия и Мезия много гето-даков было зачислено в римскую армию. В провинциях местное население было поставлено в такие рамки, что оно вынуждено было воспринимать в полной мере язык, культуру, обычаи колонистов. Так как в повседневной жизни применялся латинский язык, язык даков постепенно вытеснялся. На рудниках и стройках, начиная от надзирателя до простого рабочего, все говорили на латыни, однако в горных областях Дакии и в местах, отдалённых от римских центров, ещё оставались сельские поселения, сохранившие язык и обычаи гето-даков.

Уволенные с военной службы ветераны из числа солдат римской империи оставались на покорённых землях. Как гласили законы того времени, ветераны наделялись участком земли (фермами) там, где завершился срок их военной службы. Лишь на территории Нижней Мезии выявлено свыше 93 римских ферм, а к востоку от Нижнего Дуная более 75 римских ферм и различных других строений. На фермах могли работать люди, которые самостоятельно не имели возможности обрабатывать землю. Хозяева земель способствовали распространению как латинского языка, так и римского образа жизни среди местного населения, но т.к. большинство колонистов не были римлянами и не столь хорошо владели латинским языком, возникла *народная латынь.*

Значимую роль в процессе романизации играло *христианство*. В состав римских легионов, которые располагались в провинциях, входило существенное количество римских гражданиз восточных регионов, где данная религия была особо распространена. Многие легионы, которые располагались в Дакии, исповедовали новую религию – христианство.

Начиная с IV в. н.э. к югу от Дуная возросло число христианских общин, что привело к образованию религиозных центров, именуемых *епископатами.* Обнаруженные археологические раскопки доказывают о проникновении христианства и в области, населенные свободными гето-даками. В Будряска и Руджиноаса обнаружены серебряные, бронзовые и костяные крестики. В Нижней Мезии к IV-VI вв. было сооружено множество раннехристианских храмов, именуемых базилик – церковь. Самая ранняя церковь, обнаружена в местности Никулицел в северо-западной части Добруджи. Тут обнаружены останки 6 проповедников христианства (мучеников), принявших смерть за веру. Имена 4 из мучеников

обнаружены на стене крипты: Зотик, Аттал, Камасий, Филипп. Они первые жертвы за веру в румынском пространстве.

Христианство весьма широко распространяется во время правления Константина Великого, но это продолжалось недолго, т.к. его преемники, находясь на троне, возобновили преследование христианских миссионеров. Уже после запрета императором Феодосием в IV в. языческих культов, на территории Нижнего Дуная появилась первая христианская церковь. Миссионеры распространили христианство на Левобережье Нижнего Дуная. Поскольку христианство распространялось посредством латинского языка, это более усилило романизацию.

Распространение христианства на латинском языке происходило благодаря многочисленным миссионерам, которые проповедовали в различных областях к северу от Дуная и в результате совместного проживания с рядовыми христианами, переселившимися из империи или бежавшими от невыносимых повинностей. Таким образом, проникновение к гето-дакам стало одним из основных путей распространения латинского влияния [9, p. 32].

Юридический статус граждан Дакии

После римского завоевания жителей провинции Дакия стали делить на свободных и рабов. Свободные жители провинции Дакия делились на 3 категории: римские граждане, латины, перегрины.

Римскими гражданами признавались лица, проживающие в Риме и наделенные дополнительными правами, которые отсутствовали у остальных жителей Рима. Граждане Рима пользовались гражданскими и политическими правами:

Ius commercii – право заключать правовые акты в соответствии с гражданским законодательством Рима;

Ius connubii – право на заключение брака, действительного по гражданскому праву;

Ius militia – право быть солдатом в римских легионах;

Ius sufragii – избирательное право;

Ius honorum – право баллотироваться в местные или государственные органы власти [5, p. 98].

В конце периода республики и в первое время империи полное имя римского гражданина состояло из пяти частей:

- *praenomen* – имя в собственном смысле слова;
- *nomen* – наименование семьи или рода, к которому принадлежит данное лицо;
- указание имени отца в родительном падеже;
- наименование трибы, в составе которой носитель имени голосует в народном собрании;
- прозвище, которое стало включаться в полное имя гражданина позднее других частей.

Таким образом, полное имя, например, Цицерона было: Marcus (*praenomen*) Tullius (*nomen*) M [*arci*] f [*ilius*] Corneliana (*triba*) Cicero (*cognomen*) [14, p. 106].

Приобретение римского гражданства, возможно, было следующими путями:

- путём рождения от римских граждан;
- в результате усыновления римским гражданином иностранца;
- путем отпущения из рабства;

путём дарования римского гражданства определенным лицам [10, p. 50].

В первом случае ребёнок приобретал римское гражданство, в результате рождения в законном браке, заключённом между римскими гражданами, либо рождения вне брака, но римлянкой. Начиная с I в. н.э. совсем иначе стали подходить к данному вопросу. Было установлено, что, если ребёнок был рождён вне законного брака матерью – римской гражданкой и отцом – не римляном, что не являлось основанием признания его в качестве римского гражданина. Обладателями полной правоспособности признавались свободнорождённые римские граждане. В отличие от них, иностранцы могли приобрести

полную правоспособность и быть приравненными к свободнорождённым в ходе усыновления, осуществлённого полноправными римскими гражданами, проведённого по специально предписанной процедуре. В силу особых предписаний *римское гражданство предоставлялось:*

- определенным лицам за особые заслуги перед римским народом;
- отдельным жителям городов, провинций;
- представителям определённых сословий;

Так, эдиктом императора Каракала в 212 году всем жителям Римской провинции Дакия, завоёванной в 106 году, было предоставлено римское гражданство. До этого романизированные гето-даки имели статус перегринов.

Граждане Рима в силу определённых обстоятельств могли быть лишены правоспособности, а также быть признанными ограниченными в правах. ***Лишение правоспособности*** римских граждан допускалось в случаях: вследствие смерти гражданина; в результате утраты отдельных статусов, таких как: статус свободы, статус гражданства, семейный статус лица [11, p. 18].

Гражданство утрачивалось: в случае потери свободы; в случае принятия гражданства другого государства; в случае применения наказания в виде ссылки.

Римские граждане ***cetățeni romani,*** жили в городах, колониях, муниципиях. Владели следующими правами:

- право избирать и быть избранным;
- право заключать законный брак;
- право заключать сделки;
- право проживать в легионах.

Правовое положение латинов. Изначально ***латинами*** именовались жители Лациума, а совместно с ними и их потомство. Они пользовались также частью гражданских прав, предоставленных римским гражданам, соответственно, *ius conubii* – правом заключать брак, действительный согласно римскому праву, *ius comercii* – правом заключать правовые акты в целях торговли [15, p. 163].

Правовое содержание *latini* определялось их принадлежностью к 1 из 3 категорий: *latini veteres, latini coloniarii*, а также *latini Iuniani.* Для категории латинов *latini Iuniani* особых исключений и привилегий не отводилось, так как умирали они на правах рабов, например, имущество лица, относящегося к *latini Iuniani* после смерти передавалось его прежнему господину, который ранее освободил его из рабства. Все споры, касательно имущества латинов, как и споры римлян были разрешаемы в судах, с соблюдением тех же порядков, что и для римских граждан. Латинам также, как и римским гражданам было дозволено вступать в брак, образовав семью, и при этом, наделялись правом выступать субъектом во всех имущественных отношениях.

Латинам не позволено служить в римских легионах, а также избираться в магистраты. Однако, находясь в Риме, им не запрещалось голосовать на народных собраниях. Именно это право в публичной сфере, которым могли пользоваться латины из всех 3 категорий. К тому же римское гражданство получали „древние латины”, переселившиеся на постоянное место жительства в Рим. Так как это могло привести к серьёзным проблемам, а именно к сокращению населения города Лациума, стало соблюдаться условие, об оставлении своего потомства на прежнем месте. Также получить римское гражданство можно было за заслуги перед государством. Несмотря на своё положение латины не соглашались с политическим неравноправием в сравнении с римскими гражданами, что вылилось в Союзническую войну (90–89 гг. до н. э.). Результатом войны стало наделение правами римского гражданства все население.

Правовое положение перегринов. Границы римского государства заметно увеличились за счет подчинения территорий других государств. Население подчиненных территорий

Римом не пользовалось политическими и экономическими правами, присущими римским гражданам. Население это называлось ***перегринами***. Они являлись обладателями прав лишь в пределах своей национальной правовой системы. Перегрины могли являться субъектами экономического оборота, однако, что касается форм и обязательств, существенно отличались от граждан Рима. Брак римских граждан с перегринами создавал особый случай правового регулирования и вытекающих из этого союза обязанностей, нежели типичные для римлян формы правоустановленного брака. Перегрины не обладали правоспособностью цивильного права в собственном смысле. Однако в рамках *jus gentium* они обладали частных прав считались субъектами хозяйственного оборота в тех формах и в тех обязательствах, которые не полагались присущими только римским гражданам могли заключать договоры купли-продажи, товарищества и так далее, но не могли оформлять сделки посредством манципации [12, p. 37].

Приобретение римского гражданства перегринами возможно было в двух случаях:

- в силу закона, а именно, путём присвоения в результате заслуг, представленных римскому государству;

- в силу особых актов государственной власти, дозволяющих присвоение перегринам римского гражданства. Такого рода решения были приняты с учётом особых соображений, например, за счёт жителей провинций формировались римские легионы, а ведь нести военную службу в Риме имели право только те лица, кто имел римское гражданство. Напомним, что вступление в силу закона, принятого императором Каракаллой в 212 г. н. э. преобразовалось правовое положение перегринов Римской провинции Дакия. Начиная с этой даты, все свободное население получило римское гражданство и перегринами уже признавались лишь иностранцы. Теперь частноправовой статус римских граждан и иностранцев являлся практически равным [16, p. 52].

Существовали две категории перегринов: обычные и дедитичи (deditici). В 212 г. император Каракала издаёт эдикт, согласно которому, все жители провинции имели право получать римское гражданство, исключение составляли перегрины дедитичи, сражавшиеся против римского оккупирования Дакии.

Брак и семья в Дакии

Институт гражданского права, институт брака и семьи регламентировался исходя из римского права. Если заключался брак между римским гражданином и женщиной из категории перегринов, то их дети приобретали статус римских граждан. Те военные, которые не были римскими гражданами и при этом заключали брак с местными женщинами, оставались навсегда в Дакии. Действовали и специфические нормы, распространявшиеся на таких граждан, когда при отчуждении недвижимого приданого, муж был обязан просить разрешение у жены, как в Риме в отношении италийского имущества [13, p. 14].

Ввиду того, что перегрины не обладали правом *jus connubii*, они не имели возможность заключить брак по римскому праву, а лишь согласно законодательству для римских граждан, а касательно перегринов-дедитичей применялось прво народностей. Что касается рабов, то они не могли заключать брак. ***Contubernium*** – союз рабов – не имел статус семьи – ***matrimonium.*** Упоминается о существовании союзов между рабами, имеющими своё имущество ***(peculium)*** и свободной женщиной (перегринкой) или освобождённой из рабства. Известно о наличии институтов опекунства и усыновления, которые применялись у римских граждан, исходя из римских законов, касательно перегринов – согласно ***jus gentium*** [17, p. 31].

Собственность и обязательства в Дакии

В римской провинции Дакия институт собственности имел свои особенности, отражающие как общие принципы римского права, т.к. регламентировался римскими законами, за одним исключением: римские граждане не могли владеть имуществом, если колония не имела статуса" римской земли" так и местные особенности и изменения: Римское право признавало принцип частной собственности (***dominium***), основанный на праве

собственности (***ius utendi, fruendi, abutendi***). Это означало, что владелец имел право пользоваться и распоряжаться своей собственностью.

В Дакии, как и в других провинциях Римской империи, могли существовать местные традиции и обычаи, влияющие на вопросы собственности. Например, римские власти могли учитывать местные формы землевладения и практики при адаптации римского права к местным условиям. Римские граждане имели право (***possesio vel usufructus***). В Дакии была осуществлена римская колонизация, что влияло на установление римских законов и форм собственности. Римские колонисты могли получать земли на условиях, определённых римским правом, что отличалось от прав местного населения.

Римская империя могла также осуществлять государственную собственность (***res publica***), например, в виде земель, принадлежащих империи и использовавшихся для различных целей, включая военные и экономические нужды.

Собственность в Дакии и других провинциях не всегда была чисто частной. Римская империя могла вмешиваться в вопросы собственности, чтобы обеспечить свои интересы в области экономики, обороны и управления провинциями [18, p. 43].

Институт собственности в римской провинции Дакия отражал сложное взаимодействие между общими принципами римского права и местными особенностями, а также интересами самой Римской империи.

Институт обязательств в римской провинции Дакия

В начале XIX столетия в золотых рудниках были обнаружены 25 восковых таблиц, из которых всего лишь 14 содержали тексты договоров:

3 договора найма – ***locatio conductio;***
3 договора займа – ***cautio crediti***;
1 договор товарищества – ***societas;***
1 договор хранения – ***depositum;***
4 договора купли-продажи – ***emptio-venditio***
2 договора – разные.

Институт обязательств в римском праве включал в себя следующие основные элементы: - **соглашения (contractus)**: добровольные соглашения между сторонами, которые порождали юридические обязательства. Примерами могут быть купля-продажа, дарение, аренда и т.д. Первый договор купли-продажи был заключён посредством манципации в марте 139 года, где предметом договора была рабыня 6-ти лет, **деликты (*delicta*)**: действия, противоречащие общественному порядку или причиняющие ущерб другим лицам. Примеры деликтов включали причинение вреда имуществу или личной неприкосновенности, **обязательства из неосновательного обогащения (*quasi-contractus*)**: Эти обязательства возникали не из соглашения сторон, а из фактического обогащения одной стороны за счёт другой без законного основания.

Виды обязательств

В римской провинции Дакия существовали различные виды обязательств, которые в основном соответствовали тем, что были характерны для римского права в целом. Обязательственное право представляет собой базисную основу римского гражданского права, регулирующее различного рода имущественные отношения, как в сфере производства, так и в сфере гражданского оборота. Некоторые исследователи утверждали, что истоки обязательств, следует искать в обычаях первобытных народов, когда люди дарили друг другу подарки во время церемоний. Постепенно привычка дарить подарки превратилась в обязанность, и, если человек что-то получал и ничего не давал взамен, возникало чувство несправедливости [2, p. 84]. В классическую эпоху торговля в Римской провинции получила широкое распространение. Для развития торговли необходимо было практиковать ссуду под проценты, что требовало значительного распространения ростовщических отношений в Риме. Все эти операции, используемые купцами - это и есть *институт обязательств* [1, p. 66].

Обязательство представляет собой оковы правового характера, заставляющие что-либо исполнить в соответствии с принятыми и действующими законами государства [16, p. 58].

Обязательства из соглашений (*contractus*): обязательства из купли-продажи, аренды, займа и других договоров, заключённых между сторонами. **Обязательства из деликтов (*delicta*)**: возникали из противоправных действий, таких как повреждение имущества или личности другого лица. **Обязательства из неосновательного обогащения (*quasi-contractus*)**: возникали в случае, когда одна сторона незаконно обогатилась за счет другой стороны, и закон предоставлял возможность восстановления справедливости. **Обязательства из иных источников (*obligationes ex alio*)**: возникающие из различных других источников, таких как юридические факты (например, утрата вещи) или решения суда.

В Дакии, как и в других провинциях Римской империи, могли существовать местные особенности, влияющие на конкретные аспекты обязательственного права. Это могло касаться как местных обычаев, так и специфических законодательных актов, принятых для учёта местных потребностей и условий.

Исчезновение юридических структур и миграция племён

Исчезновение юридических структур и миграция племён в IV-X столетиях представляют собой сложный процесс, который оказал значительное влияние на развитие Европы в этот период.

В IV веке Римская империя столкнулась с серьёзными внутренними и внешними угрозами, что привело к её постепенному распаду. Падение западной части империи (476 год) ознаменовало начало перехода от римской государственности к более децентрализованным формам управления. Распад империи и уход центральной власти означали, что ранее установленные юридические структуры, основанные на римском праве и регулировании, перестали эффективно функционировать. Миграции варварских племён (гуннов, вандалов, вестготов, франков и др.) привели к военным конфликтам и территориальным изменениям, что также способствовало разрушению юридических структур. В ходе упадка центральной власти и усиления роли местных феодальных владык формировалась система феодальных отношений, где юридические нормы и права могли различаться в зависимости от местных обычаев и договоренностей.

В IV-X веках варварские народы начали мигрировать на запад, на территории Римской империи. Это движение было вызвано различными факторами, включая климатические изменения, внутренние конфликты и поиск новых земель. Миграции привели к созданию новых политических образований и государственных структур на территориях бывшей Римской империи, таких как королевства, княжества и герцогства. Варвары, постепенно обосновавшись на новых территориях, начали интегрироваться в существовавшие культуры и обычаи, что также отразилось на развитии юридических норм и структур. Миграции племён привели к изменениям в экономической структуре общества, переходу к более самообеспечивающим системам и уменьшению обмена и контактов между регионами.

Исчезновение юридических структур и миграция племен в IV-X столетиях Европы являются ключевыми переходными моментами, оказавшими глубокое влияние как на политическую, социальную, так и на юридическую структуру континента.

Выводы: Институт собственности в римской провинции Дакия формировался на основе общих принципов римского частного права, прежде всего признания частной собственности (*dominium*), однако его практическая реализация была адаптирована к провинциальным условиям и местным обычаям. Существенное влияние на правовой режим собственности оказывал статус земель и колоний, а также различие в правовом положении римских граждан и местного населения. Правовое регулирование имущественных отношений в Дакии характеризовалось сочетанием частной, государственной и ограниченной форм собственности. Активное вмешательство имперской власти в сферу собственности было обусловлено экономическими, военными и административными интересами Римской империи, что ограничивало абсолютный характер частного владения в провинции. Институт обязательств в

Дакии в целом соответствовал классическим нормам римского обязательственного права и охватывал обязательства из договоров, деликтов, неосновательного обогащения и иных юридических фактов. Обнаруженные восковые таблицы подтверждают широкое применение договорных форм в хозяйственной и торговой практике провинции. Наиболее распространёнными видами обязательств в Дакии являлись договоры купли-продажи, займа, найма и хранения, что свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений и активной экономической жизни, особенно в период римской колонизации и эксплуатации природных ресурсов. Несмотря на доминирование римского права, в обязательственных отношениях могли сохраняться отдельные местные правовые элементы, что отражало гибкость римской правовой системы и её способность адаптироваться к региональным особенностям провинциального управления. Упадок Римской империи в IV–V веках и массовые миграции варварских племён привели к разрушению устойчивых юридических структур, основанных на римском праве. Ослабление центральной власти и переход к феодальным формам организации общества способствовали утрате единообразия правового регулирования и усилению роли местных обычаев. Таким образом, правовая система римской провинции Дакия представляет собой пример сложного взаимодействия классического римского права, провинциальной практики и последующих трансформаций, вызванных политическими, социальными и этнокультурными изменениями в позднеримский и постримский периоды.

Библиография:

1. Arat, Gh. Drept privat roman. Galați: Univetsity Press. 2008.
2. Corodeanu, N. Obligațiunea romană. București. 1999.
3. Grumeza I. Dacia. Land of Transylvania, Cornerstone of Ancient Eastern Europe. Lanham: Hamilton Books. 2009.
4. MacKendrick P. The Dacian Stones Speak. Edition 1. 2000.
5. Mihalache, Iu. Drept privat roman, Chișinău: Pontos. 2014.
6. *MIRCEA ELIADE*. DE *ZALMOXIS* A *GENGHIS-KHAN*. Humanitas. 1995.
7. *Oltean R, Dacia. The Roman Wars. Sarmizegetusa*. București. 2013.
8. *Pop I., Bolovan I.,* Costea *I. History of Romania: compendium*. Cluj-Napoca. 2006.
9. Tatar, O. Drept privat roman. Note de curs. Comrat. 2021.
10. Tatar, O. Intellectual property right. Textbook. 2022.
11. Zaharia S., Tatar, O. History of the State and Law of the Republic of Moldova: Textbook. Comrat. 2025.
12. Исайчева, Е. Римское право. Москва: Юридическая литература. 2010.
13. Лупашку З. История румынского государства и права. Cartdidact. 2003.
14. Новицкий, И.Б., Перетерский, И.С. Римское частное право. Зерцало-М. 2012.
15. Сафаров, Р.А. Римское право. Ростов на Дону: Феникс. 2008.
16. Татар О. Римское частное право. Курс лекций. Комрат. 2021.
17. Татар О. Система, место и роль международного частного права в правовой системе. В: *Научно-практическая конференция «Роль науки в реформировании правовой и политико-административной системы»* 2023.
18. Татар О. Теория государства и права. Учебное пособие. 2024.

УДК 354(498)

ФОРМИРОВАНИЕ РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И ПЕРВЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ

Захария Сергей,
доктор, конференциар университар
Комратский государственный университет
ст. научный сотрудник НИЦ Гагаузии
им. М.В.Маруневич
E-mai: skzaharia@mail.ru
orcid id: 0000-0001-5683-6761
Татар Ольга,
доктор, конференциар университар
Комратский Государственный университет
mail: olgatatar94@gmail.com
orcid id: 0000-0003-2158-006x

Abstract: The article explores the formation of the Romanian state structure and the emergence of the first feudal legal norms through the development of the Țări—regional principalities that constituted the earliest political entities on the territory of present-day Romania. Particular attention is given to the establishment of Wallachia, Moldavia, and Transylvania, their administrative organization, and the role of rural communities in local governance. The study analyzes the origins of feudal legal relations, shaped by interactions between local customary law and external influences from Roman, Slavic, and Byzantine legal traditions. Special emphasis is placed on the Wallachian Law (Carta Valachorum) as an early written legal act, examining its structure, content, and significance in regulating political authority, land ownership, taxation, judicial organization, and civil and criminal relations. The article demonstrates that the development of early Romanian legal institutions was the result of adapting indigenous traditions to evolving political and legal frameworks in the medieval period.

Key words: Romanian principalities; Țări; feudal law; Wallachian Law; Carta Valachorum; state formation; medieval legal norms; customary law; Wallachia; Moldavia; Transylvania.

Введение: Формирование румынского государственного устройства и первых феодальных правовых норм связано с процессом создания и развития Țări, что в переводе означает "страны" или "земли" — региональных княжеств, ставшие первыми политическими образованиями на территории современной Румынии. В IV-VI веках на территории нынешней Румынии сформировались различные княжества, такие как Валахия (Wallachia), Молдова (Moldavia), и впоследствии, Трансильвания (Transylvania). Эти княжества возникли как результат миграций народов, включая римлян и славянские племена. ***Княжество*** – государственно-правовое формирование, где управление сосредоточено в руках феодального класса, во главе с князем. Власти в этих княжествах начали формировать централизованное управление, хотя оно было скорее феодальным [12, p. 16]. ***Воеводство*** – несколько княжеств под руководством воеводы. На низком уровне население сплачивалось в ***сельские общины*** – социально- экономические формирования, совмещающие коллективную и частную собственность. Управление в сельской общине осуществлялось общим собранием и советом старейшин ***(sfatul)*** [13, p. 17]. Таким образом, на данной территории формировались следующие княжества (Țări):

1. **Влахия (Wallachia)**: Одно из трех основных княжеств.
2. **Молдова (Moldavia)**: Второе княжество.

3. **Трансильвания (Transylvania)**: Третье княжество.

Эти княжества играли ключевую роль в формировании румынской идентичности и в историческом развитии региона. Каждое из них имело своего князя (властителя), который управлял княжеством и формировал его политические и правовые структуры в средневековье и позднее [3, p. 73].

Первые феодальные правовые нормы

В раннем средневековье на территории Румынии начали формироваться феодальные отношения, основанные на взаимных обязательствах между князем и вассалами, которые владели землями в обмен на военную службу или другие услуги. Хотя ранние румынские князья искали образцы для своих законодательных инициатив в римском праве и праве византийской империи, они также создавали собственные нормы, отражающие местные обычаи и потребности. Эти нормы часто регулировали вопросы владения землёй, налогообложения, права собственности и уголовного права [11, p. 66].

Формирование румынского государственного устройства и первых феодальных правовых норм связано с развитием Țări как княжеств, которые находились на стыке культурных и правовых влияний римлян, славян и византийцев. Процесс создания этих княжеств и их юридических основ показывает адаптацию местных обычаев и потребностей к растущей политической и юридической организации румынского общества в средневековье [1, p. 143].

Валашский Закон -структура

"Валашский закон" (Carta Valachorum), также известный как "Хартия Влашко-Молдавская" (*Carta Valachorum et Moldavorum*), представляет собой один из ранних письменных правовых актов, который содержал юридические нормы и положения, регулирующие общественные и правовые отношения в княжествах Валахии и Молдовы.

Структура Валашского закона. Введение, которое обычно содержит указание на цели и основания создания Хартии, а также может содержать упоминание о правовом статусе княжеств и их князей [5, p. 26]

Основные юридические нормы: Права и обязанности князя: устанавливались полномочия князя, его обязательства перед народом, права на владение и управление землёй. *Права знати и бояр*: регулировались права и обязанности знати и бояр, в том числе вопросы владения и управления земельными участками. *Налоговая система*: описывались налоговые обязательства населения, порядок сбора налогов и иные финансовые обязательства перед княжескими властями. *Уголовные нормы*: включались правила и санкции для установления порядка и общественной безопасности, в том числе уголовные наказания за преступления. *Гражданские нормы*: регулировались вопросы гражданского права, включая сделки, наследство, семейное право и другие области.

Содержание Валашского закона. Содержание Хартии включало в себя конкретные правовые нормы, разработанные для регулирования общественной жизни в княжествах: определение прав на землю, правила передачи и управления земельными участками, правила наследования и передачи имущества: установление порядка наследования, правила распоряжения имуществом и соблюдение семейных обязательств, определение видов налогов, методов и сроков их сбора, обязанности населения перед княжеской властью, организация судебной системы, роль и полномочия административных органов, в том числе роль князя и его совета [8, p. 35].

Валашский закон - важный юридический документ в истории румынского права, который стал основой для развития правовой системы княжеств Валахии и Молдовы, отражавший основные аспекты общественной жизни, правовые нормы и нормы управления, которые регулировали отношения между князем, знатью и населением.

Характеристика гражданско-правовых и уголовно-правовых институтов по Валашскому Закону

Валашский Закон представлял собой комплексный правовой документ, который регулировал как гражданские, так и уголовные правоотношения в княжествах Валахии и Молдовы, включавший разнообразные нормы, устанавливающие основные принципы права, которые регулировали жизнь и деятельность населения, а также обеспечивали справедливость и порядок в обществе. Рассмотрим подробную характеристику гражданско-правовых и уголовно-правовых институтов, которые содержались в этом законе:

Право собственности и владения землёй: определялись правила владения и права собственности на землю, устанавливались условия передачи земельных участков и правила наследования земельного имущества, регулировалось использование земель для сельского хозяйства, животноводства и других нужд [2, p. 17].

Гражданские сделки и договоры: определялись виды гражданских сделок, таких как купля-продажа, дарение, аренда и займ, устанавливались правила для заключения, исполнения и прекращения договоров. Главными условиями в договоре признавались:

1. Свобода выражения воли сторон;
2. Добросовестность сторон;
3. Договорённость о форме заключения договора;
4. Проведение специальных ритуалов.

Регулировалась ответственность сторон за неисполнение обязательств по договору. Обязательства устанавливались согласно проведённым церемониям (крещение, венчание). Примером общинной взаимопомощи явилась ***клака (claca)*** – добровольная помощь, оказываемая крестьянами при срочных работах [7, p. 65].

Семейное право: Семья характеризуется патрилокальной и патрилинейной. Расторжение и заключение брака – компетенция церкви. Предшествовала заключению брака помолвка. Заключался брак венчанием в церкви в присутствии свидетелей. Включало правила о брачных отношениях, брачном имуществе и обязательствах супругов. Необходимыми условиями для заключения брака признавались: 1. согласие будущих супругов и их родителей; 2. единая религия; 3. отсутствие родства до 4-го колена; 4. минимальный возраст жениха 13-14 лет, невесты 12-13 лет. Определялись условия и процедуры развода. Церковь допускала расторжение брака по законным мотивам: 1. неизлечимая болезнь супруга; 2. отсутствие жены дома – сутку мужа- 5 лет; 3. уход в монастырь. Регулировались права и обязанности родителей по отношению к детям.

Наследственное право: устанавливались правила наследования имущества, включая долю наследства, которая могла быть передана наследникам. Так как наследование делилось на два вида: наследование по закону и наследование по завещанию, соответственно наследниками по закону признавались: 1. сыновья; 2. братья; 3. родители; 4. племянники от братьев. Определялись правила распределения наследства между наследниками и другими лицами, имеющими право на наследство. При отсутствии первой и второй категории наследников прибегали к побратимству. Дочери наделялись приданным.

Уголовно-правовые институты. Определялись виды преступлений и их квалификации. Существовали 3 категории преступлений: 1. Преступления против личности; 2. преступления против семьи нравственности церкви; 3. преступления против имущества. Устанавливались виды наказаний и меры пресечения: 1. изгнание из общины; 2. штраф; 3. коленопреклонение; 4. позорящие наказания. Регулировались процедуры судебного разбирательства и права обвиняемых и потерпевших. Судила вся община, во главе ***judex.*** Помогал ***совет старейшин – 12 добрых и мудрых людей*** [4, p. 57].

Процедура судебного разбирательства: включала правила о процессуальных гарантиях, таких как право на защиту, сроки предъявления обвинения и т.д. Определялись процедуры судопроизводства, включая состав суда, рассмотрение доказательств и вынесение приговора. На судебных процессах присутствовала ***толпа*** – жители общины. Процесс был публичный,

носящий состязательный характер. Стороны равны в споре. Принимались во внимание следующие доказательства: 1. ***ордалии*** – испытание раскаленным железом; 2. присяга на кресте и Библии; 3. доказательства свидетелей – очевидцев; 4. вещественные доказательства [6, p. 43].

Выводы: Формирование румынского государственного устройства в раннем средневековье было непосредственно связано с процессом возникновения и развития *Țări* — региональных княжеств, которые стали первыми устойчивыми политико-правовыми образованиями на территории современной Румынии. Образование княжеств Валахии, Молдовы и Трансильвании происходило в условиях активных миграционных процессов и взаимодействия различных этнокультурных групп, что оказало существенное влияние на характер политической организации и правового развития данных территорий. Государственная власть в ранних румынских княжествах носила преимущественно феодальный характер и была сосредоточена в руках князя и феодальной знати, при этом элементы централизованного управления сочетались с автономией местных структур, прежде всего сельских общин. Сельские общины играли важную роль в социально-экономической и правовой жизни, объединяя коллективные и частные формы собственности и обеспечивая самоуправление через общее собрание и совет старейшин (*sfatul*), что свидетельствует о сохранении сильных традиций обычного права. Первые феодальные правовые нормы формировались на основе взаимных обязательств между князем и вассалами и регулировали ключевые сферы общественных отношений, включая землевладение, налогообложение, имущественные и уголовные отношения. Существенное влияние на становление румынского права оказали римская, византийская и славянская правовые традиции, однако их заимствование сопровождалось адаптацией к местным условиям, обычаям и потребностям общества. «Валашский закон» (*Carta Valachorum*) стал одним из важнейших ранних письменных источников румынского права, закрепив основы государственного управления, социально-правового статуса князя и знати, налоговой системы, а также гражданских и уголовных норм. Значение Валашского закона заключается в том, что он заложил фундамент дальнейшего развития правовой системы княжеств Валахии и Молдовы, отразив процесс институционализации феодальных отношений и переход от обычного права к более формализованному правовому регулированию.

Библиография:

1. Eliade, Mircea. Drumul spre centru. București. 1991.
2. Eliade, Mircea. Istoria credinţelor şi ideilor religioase. Chișinău. 1992.
3. Eșanu A. Istorie și cultură. Biblioteca Științifică Secția editorial-poligrafică Chișinău. 2018.
4. Firoiu D.V. Istoria statului şi dreptului românesc. Iaşi. 1993.
5. I*oan-Aurel Pop*, Contribuţii la *istoria culturii româneşti. 2021*.
6. Jakotă M.V. Dreptul roman, vol. I, Edit. Fundaţiei „Chemarea”. Iaşi. 1993.
7. NEGRU I. ISTORIA DREPTULUI ROMÂNESC. NAGARD LUGOJ. 2014.
8. Tanase L. D. Pluralisation religieuse et societe en Roumanie. Bern. 2008.
9. Tatar, O. Drept privat roman. Note de curs. Comrat. 2021.
10. Tatar, O. Intellectual property right. Textbook. 2022.
11. Țurcanu I. Bibliografia istorică a Basarabiei și Transnistriei. Chișinău, 2005.
12. Zaharia S., Tatar, O. History of the State and Law of the Republic of Moldova: Textbook. Comrat. 2025.
13. Татар О. Римское частное право. Курс лекций. Комрат. 2021.

УДК 343.352

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ПРАВОВАЯ БАЗА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Георгий СУЛТ,
Доктор права, конференциар университар,
Комратский государственный университет
e-mail: sultgheorghi@gmail.com
orcid: 0000-0002-3636-2359

Abstract. The article examines the anti-corruption mechanisms in the Republic of Moldova, including legislative initiatives, institutions responsible for combating corruption, and international cooperation in this field. Key legal acts regulating anti-corruption policy and the country's participation in international initiatives are analyzed.

Keywords: corruption, Moldova, anti-corruption mechanisms, legal framework, legislation, National Anti-Corruption Center, international cooperation, law enforcement, transparency, accountability.

Борьба с коррупцией является одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Молдова. В последние десятилетия страна предприняла значительные шаги по созданию эффективной системы противодействия коррупционным проявлениям. Были приняты важные законодательные акты, направленные на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений.

Основой антикоррупционной политики Республики Молдова является национальное законодательство, которое постоянно совершенствуется и приводится в соответствие с международными стандартами и обязательствами страны перед международными организациями, такими как Совет Европы и Организация Объединенных Наций.

Важную роль в формировании антикоррупционной политики играют международные договоры, ратифицированные Республикой Молдова, в том числе Конвенция ООН против коррупции. Эти документы устанавливают общие принципы и стандарты борьбы с коррупцией, а также предусматривают механизмы международного сотрудничества в этой области.

Республика Молдова активно сотрудничает с международными организациями в сфере борьбы с коррупцией, такими как Группа государств против коррупции (ГРЕКО) и Программа развития ООН (ПРООН). Это сотрудничество способствует обмену опытом и лучшими практиками, а также получению экспертной и финансовой помощи для реализации антикоррупционных инициатив.

Несмотря на достигнутые успехи, борьба с коррупцией в Республике Молдова остается сложной и многогранной задачей. Коррупционные проявления по-прежнему встречаются в различных сферах общественной жизни, что требует дальнейшего совершенствования антикоррупционных механизмов и усиления ответственности за коррупционные правонарушения.

Законодательная база антикоррупционной политики в Республике Молдова представляет собой сложную и многоуровневую систему, включающую в себя различные нормативные акты, направленные на борьбу с коррупцией.

Основным нормативным актом, регулирующим борьбу с коррупцией в стране, является Закон Республики Молдова №82 от 25 мая 2017 года «О неподкупности» [2].

Данный закон устанавливает комплекс мер по предупреждению коррупции, включая декларирование имущества и интересов, а также механизмы контроля за соблюдением антикоррупционных норм.

Закон Республики Молдова «О неподкупности» является ключевым элементом антикоррупционной политики Республики Молдова и направлен на создание прозрачной и подотчетной системы государственной власти.

Важным элементом антикоррупционной политики также является Уголовный кодекс Республики Молдова, который предусматривает наказания за коррупционные преступления. Уголовный кодекс устанавливает ответственность за такие виды коррупционных правонарушений, как взяточничество, злоупотребление служебным положением, превышение должностных полномочий и другие.

Закон Республики Молдова №325 от 23 декабря 2013 года «Об оценке институциональной неподкупности» направлен на предотвращение конфликта интересов среди государственных служащих. Данный закон устанавливает правила поведения для государственных служащих, включая ограничения на получение подарков, участие в коммерческой деятельности и другие меры, направленные на предотвращение возникновения ситуаций, в которых личные интересы могут противоречить общественным [4].

Закон Республики Молдова №165 от 22 июня 2022 года «Об осведомителях о нарушениях неподкупности» обеспечивает правовую защиту лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях. Данный закон гарантирует конфиденциальность информации, предоставленной осведомителями, а также защиту от преследования со стороны лиц, в отношении которых было сделано сообщение о коррупции [3].

В целом, законодательная база антикоррупционной политики Республики Молдова включает в себя широкий спектр нормативных актов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений. Данная система постоянно совершенствуется и приводится в соответствие с международными стандартами и обязательствами страны перед международными организациями.

В Республике Молдова действует целая система органов, ответственных за борьбу с коррупцией. Каждый из них играет свою роль в этом важном деле.

Национальный центр по борьбе с коррупцией (CNA) является ключевым учреждением в этой области. Именно он занимается расследованием коррупционных преступлений и разработкой различных антикоррупционных инициатив. CNA играет важную роль в выявлении и пресечении коррупции на всех уровнях власти [5].

Национальная комиссия по неподкупности контролирует декларации о доходах и имуществе государственных служащих. Это помогает обеспечить прозрачность доходов чиновников и предотвратить случаи незаконного обогащения.

Антикоррупционная прокуратура, в свою очередь, является подразделением Генеральной прокуратуры, специализирующимся на расследовании коррупционных преступлений, совершенных высокопоставленными должностными лицами.

Важно отметить, что эффективность борьбы с коррупцией зависит от слаженной работы всех этих органов, а также от активного участия гражданского общества.

Республика Молдова придает большое значение международному сотрудничеству в борьбе с коррупцией, поскольку эта проблема носит глобальный характер и требует совместных усилий международного сообщества.

Республика Молдова активно участвует в различных международных инициативах и сотрудничает с авторитетными организациями для достижения прогресса в этой области.

Одним из важных направлений международного сотрудничества является участие Молдовы в работе Группы государств против коррупции (ГРЕКО) [7].

ГРЕКО – это мониторинговый орган Совета Европы, который оценивает усилия стран-участниц по выполнению антикоррупционных рекомендаций. Участие в работе ГРЕКО позволяет Молдове получать экспертную оценку своей антикоррупционной политики и

совершенствовать национальное законодательство в соответствии с европейскими стандартами.

Республика Молдова также является участницей Конвенции ООН против коррупции (UNCAC) [8], которая была ратифицирована ею в 2007 году. UNCAC обязывает страны-участницы принимать меры по предотвращению коррупции и содействовать международному сотрудничеству в этой области.

Важным аспектом международного сотрудничества для Республики Молдова является также ее взаимодействие с Европейским Союзом. Соглашение об ассоциации между Республикой Молдова и ЕС включает положения о верховенстве закона и борьбе с коррупцией, что является важным аспектом европейской интеграции страны [6].

Международное сотрудничество играет важную роль в укреплении антикоррупционной системы Республики Молдова. Оно способствует обмену опытом и лучшими практиками, а также получению экспертной и финансовой помощи для реализации антикоррупционных инициатив.

Несмотря на значительные усилия, Республика Молдова продолжает сталкиваться с серьезными вызовами в борьбе с коррупцией.

Одной из ключевых проблем является недостаточная эффективность исполнения антикоррупционных законов. Несмотря на наличие развитого законодательства, на практике коррупционные схемы продолжают существовать и приносить вред обществу.

Серьезной проблемой остается и политическое влияние на правоохранительные органы. Это может приводить к тому, что коррупционные дела не расследуются должным образом или же, наоборот, используются для политического давления на оппонентов.

Проблемы в судебной системе также препятствуют эффективному расследованию коррупционных дел. Недостаточное финансирование, коррупция среди судей и другие проблемы могут приводить к тому, что виновные в коррупции остаются безнаказанными.

Негативно сказывается на борьбе с коррупцией и низкий уровень доверия населения к антикоррупционным институтам. Для улучшения ситуации необходимы дальнейшие реформы, направленные на усиление независимости антикоррупционных органов, повышение прозрачности государственного управления и развитие механизмов общественного контроля. Важно также повышать уровень правовой грамотности населения и вовлекать граждан в борьбу с коррупцией.

Антикоррупционные механизмы Республики Молдова представляют собой сложную и развивающуюся систему, включающую в себя законодательные нормы, специализированные институты и активное международное сотрудничество. Законодательная база, включающая такие законы, как Закон Республики Молдова «О неподкупности» [2], Закон Республики Молдова «Об оценке институциональной неподкупности» [4] и Закон Республики Молдова «Об осведомителях о нарушениях неподкупности» [3], создает основу для борьбы с коррупцией.

Ключевые институты, такие как Национальный центр по борьбе с коррупцией (CNA), Национальная комиссия по неподкупности и Антикоррупционная прокуратура, играют важную роль в выявлении, расследовании и пресечении коррупционных правонарушений.

Международное сотрудничество с такими организациями, как ГРЕКО и ООН, а также участие в Конвенции ООН против коррупции, способствуют обмену опытом и лучшими практиками, а также получению экспертной и финансовой помощи для реализации антикоррупционных инициатив.

Несмотря на достигнутые успехи, эффективность антикоррупционных механизмов в Молдове требует дальнейшего совершенствования. Необходимо усилить механизмы контроля за деятельностью государственных служащих, сократить коррупционные риски в различных сферах государственного управления [1] и обеспечить независимость антикоррупционных институтов.

Успешная борьба с коррупцией зависит не только от законодательных изменений и институциональных реформ, но и от политической воли руководства страны, а также от активного участия гражданского общества. Важно повышать уровень правовой грамотности населения, вовлекать граждан в процесс контроля за деятельностью органов власти и создавать атмосферу нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Только комплексный подход, сочетающий в себе законодательные, институциональные и общественные меры, позволит Республике Молдова достичь прогресса в борьбе с коррупцией и создать условия для устойчивого развития страны.

Библиография:

1. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1 от 12.08.1994.
2. Закон Республики Молдова №82 от 25-05-2017 «О неподкупности»//Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 229-243 от 07-07-2017.
3. Закон Республики Молдова №165 от 22-06-2023 «Об осведомителях о нарушениях неподкупности»//Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 267-270 от 26-07-2023.
4. Закон Республики Молдова №325 от 23.12.2013 «Об оценке институциональной неподкупности»//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №277-287 от 26-08-2016.
5. Национальный центр по борьбе с коррупцией (CNA). «Годовой отчет 2024». Available at: https://cna.md (дата обращения: 07.01.2025г.)
6. Программа Европейского Союза по борьбе с коррупцией в Молдове. Available at: https://europa.eu (дата обращения: 07.12.2025)
7. GRECO. «Evaluation Report on Moldova», Council of Europe, 2023. Available at: https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations/moldova (дата обращения: 07.12.2025)
8. United Nations Convention Against Corruption (UNCAC), ratified by Moldova in 2007. Available at: https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html (дата обращения: 07.12.2025)

УДК 352:341.231.14

ОБЩИЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Миронова С.А. Доктор политических наук, конференциар КГУ, начальник Представительства Офиса Народного Адвоката РМ.
miranti@mail.ru
orcid id: 0000-0002-6133-3656

Аннотация: в статье рассматриваются основные полномочия органов местного публичного в обеспечении прав человека. Разработана классификация полномочий в области обеспечения прав человека.

Abstract: The article examines the main powers of local public authorities in ensuring human rights. A classification of powers in the area of human rights is developed.

Keywords: local authorities, human rights, taking into account human interests.

Ключевые слова: местные органы власти, права человека учет интересов человека.

В Конституции Республики Молдова, как в высшем нормативном акте государства, закреплена следующая фундаментальная идея: «Республика Молдова - демократическое

правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы … являются высшими ценностями и гарантируются»[3].

Для достижения этой конституционной цели Республика Молдова ратифицировала множество международных договоров, направленных на обеспечение прав человека. Конечно, основные обязательства устанавливаются для органов центральной власти государств, ставших стороной договора, однако часть обязательств также относится к местной власти, к органам местного публичного управления.

Несомненно, права и свободы человека реализуются, прежде всего, на местном уровне, то есть там, где человек живет и работает. Из этого можно сделать вывод, что реализация прав в значительной степени зависит от деятельности органов местного самоуправления. Однако действующее законодательство в области организации и функционирования органов местного самоуправления прямо не закрепляет «уважение и защиту прав и свобод человека» в качестве задачи этих органов. В этом контексте стоит отметить, что в специализированной литературе даже предлагается признать это как отдельную функцию соответствующих органов (полным названием – «функция обеспечения законности, верховенства права и прав и свобод человека и гражданина»)[4]. Деятельность органов местного самоуправления в сфере соблюдения и защиты прав человека достаточно всеобъемлюща, поскольку касается всего населения страны, сгруппированного в местные сообщества, и практически охватывает все права и свободы граждан. Говоря непосредственно о вкладе органов местного самоуправления в реализацию прав и свобод человека и граждан, необходимо подчеркнуть, что это связано, прежде всего, с обеспечением политических прав. По мнению исследователей, это является необходимым условием самого существования местной власти. С этой точки зрения, местное самоуправление рассматривается как определенная форма самоорганизации, которую можно охарактеризовать как административную систему, в которой управляемый субъект (население) имеет возможность существенно влиять на организацию и функционирование административной системы (органов местного самоуправления) и корректировать ее деятельность посредством таких механизмов, как местные выборы, местные референдумы, общественные консультации, подача петиций в местные органы власти и местным выборным должностным лицам и т. д.

Среди международных договоров, ратифицированных республикой, стоит акцентировать внимание на Европейскую Хартию Местного Самоуправления от 15 октября 1985 года, которая устанавливает основные принципы, и стандарты в области местного самоуправления[5].

Хартия является важным инструментом для укрепления демократии на местном уровне. Она способствует децентрализации власти и повышению эффективности управления, служит ориентиром для стран, стремящихся развивать местное самоуправление в соответствии с европейскими стандартами.

Республика Молдова взяла на себя обязательства по исполнению положений Хартии в 1997 году[6], тем самым подчеркивая, что реализация публичных полномочий, в первую очередь, относится к обязанностям, тех органов власти, которые находятся ближе всего к гражданам.

Безусловно, права и свободы человека реализуются, прежде всего, на местном уровне, так как это наиболее близкий к индивидууму уровень власти, где принимаются решения, напрямую влияющие на повседневную жизнь. Кроме того, на местном уровне человек может

[3] Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 1 от 12. 08. 1994

[4] [4] **Vitalie Mazur**. Rolul administraţiei publice locale în asigurarea şi protecţia drepturilor omului. In: *Protecţia drepturilor omului: mecanisme naţionale şi internaţionale*, 11 decembrie 2013, Chişinău. Chişinău, Republica Moldova: 2014, pp. 410-418. URL https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/410-418.pdf

[5] European Charter of Local Self-Government Strasbourg, 15.X.1985

[6] Постановление Правительства № 1253 «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» от 16.07.1997 г. Опубликован: 24.07.1997 в Monitorul Oficial № 48 статья № 423

активно участвовать в управлении, используя свои политические права, например, голосовать на выборах, участвовать в публичных консультациях или инициативах. Это способствует более эффективному учёту интересов населения и укреплению демократии.

Местные органы власти имеют доступ к актуальным потребностям и проблемам граждан, живущих на определённой территории, и способны быстрее реагировать на их запросы. Отсюда видно, что реализация прав существенно зависит от деятельности местных органов публичной власти. Несмотря на это, действующее законодательство, в компетенциях и полномочиях органов местного публичного управления не закрепляет прямой формулировки защиты прав и свобод человека как основную задачу данных органов власти[7]. При этом, анализируя их закрепленные полномочия можно утверждать, что все они основываются на прямой защите прав и свобод человека.

Органами местного публичного управления, посредством которых осуществляется местная автономия в селах/коммунах, городах/муниципиях, являются местные советы, как правомочные органы власти и примары как исполнительная власть.

Таким образом, говоря об обеспечении прав человека органами местного публичного управления необходимо рассмотреть полномочия примара и местных советов, которые направлены на реализацию и защиту прав человека в рамках их территориальной компетенции.

Исходя из положения законов РМ: № 435 «Об административной децентрализации» от 28.12.2006 года[8] и № 436 «О местном публичном управлении» от 28.12.2006 года[9] общие полномочия ОМПУ в области прав человека можно рассматривать в следующем виде:

1. *Административные полномочия* сводятся к обеспечению исполнения законодательства о правах человека на местном уровне, организации и обеспечению доступности государственных услуг для всех категории, а также принятие и контроль за исполнение решений советов, направленных на защиту и реализацию прав человека.

2. *Социальные полномочия* включают разработку и реализацию социальных программ, направленных на защиту уязвимых групп населения, а также предоставлении определенных субсидий или льгот для определенных категорий граждан. Обеспечение доступа к услугам здравоохранения, образования и социального обеспечения, а также принятие мер по соблюдению принципов недискриминации и равенства возможностей для всех граждан равным способом относят к категории социальных полномочий ОМПУ.

3. *Экономические полномочия* выражены в: создание условий для реализации права граждан на труд, включая поддержку предпринимательской деятельности; управление местным бюджетом и ресурсами в целях обеспечения реализации социально-экономических прав граждан; принятие мер для снижения уровня бедности и улучшения уровня жизни населения.

4. *Полномочия в сфере защиты прав и свобод человека*. Выделяются такие аспекты как: мониторинг соблюдения прав и свобод человека на территории административно-территориальной единицы, реагирование на жалобы и обращения граждан в случаях предполагаемых нарушений их прав, содействие работе национальных правозащитных институтов и взаимодействие с международными организациями.

5. *Полномочия в сфере участия общественности в управлении* сводятся к: обеспечению участия граждан и организаций гражданского общества в процессе принятия решений на местном уровне (в частности, местные выборы и референдум), проведение общественных

[7] **Vitalie Mazur**. Rolul administraţiei publice locale în asigurarea şi protecţia drepturilor omului. In: *Protecţia drepturilor omului: mecanisme naţionale şi internaţionale*, 11 decembrie 2013, Chişinău. Chișinău, Republica Moldova: 2014, pp. 410-418. URL: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/96044 *(дата обращения: 14.11.2025).*

[8] Закон № 435 «Об административной децентрализации» от 28.12.2006 г. Опубликован: 02.03.2007 г. в Monitorul Oficial № 29-31 статья № 91

[9] Закон РМ № 436 «О местном публичном управлении» от 28.12.2006 г. Опубликован: 09.03.2007 г. в Monitorul Oficial № 32-35 статья № 116

слушаний, встреч с гражданами для учета их мнений при разработке местных планов, разработка механизмов, способствующих активному участию населения в местном самоуправлении[10].

5. *Информационно-просветительские полномочия* предполагают обеспечение доступа населения к информации о правах человека, правах и обязанностях граждан, организацию мероприятий по правовому просвещению и обучению населения, распространение информации о возможностях участия граждан в управлении местными делами. Не мало важное значение также играет прозрачность принятия решений, а именно регулярное информирование населения о планах, бюджете и результатах деятельности через веб-сайты, публикации и местные собрания.

Таким образом, местный уровень является ключевым и связующим звеном между государством и гражданами в реализации прав человека, так как именно ОМПУ обеспечивают практическую реализацию социальных, экономических, культурных и политических прав человека.

Кроме этого, деятельность местных органов власти в направлении обеспечения прав человека направлена на следующие сферы:

Социальные услуги: Обеспечение доступа к социальной помощи, уход за пожилыми людьми, детьми, людьми с ограниченными возможностями, управление социальными пособиями.

Образование и культура: Поддержка школ, детских садов, библиотек, культурных мероприятий для продвижения права на образование и культуру.

Здравоохранение: Управление местными медицинскими службами (диспансеры, скорая помощь), пропаганда здорового образа жизни и профилактика заболеваний.

Жилищное строительство и градостроительство: Обеспечение социального жилья, инклюзивное городское планирование, доступ к зеленым насаждениям и инфраструктуре.

Общественный порядок и безопасность: Сотрудничество с местной полицией, обеспечение безопасности граждан, предотвращение преступлений.

Окружающая среда и ресурсы: Охрана окружающей среды, управление водными ресурсами, санитария, содействие праву на здоровую окружающую среду.

Участие и прозрачность: Содействие вовлечению граждан (общественные консультации, местные советы) и обеспечение прозрачности принятия решений.

Дискриминация и равенство: Борьба с дискриминацией на местном уровне, содействие гендерному равенству, защита меньшинств.

Естественно, разные контексты требуют разных решений. При рассмотрении обязанностей местных и региональных властей в области прав человека не существует единого правильного подхода к решению проблемы, так же как нет универсального порога для осуществления права. Местные власти лучше всего знают потребности своих граждан, проблемы, с которыми они сталкиваются, и наиболее эффективные подходы к их решению. Подход, основанный на правах человека, предполагает понимание правозащитного аспекта работы и долгосрочного воздействия политики, подчеркивающей уважение этих прав, не только на непосредственных бенефициаров, но и на население села/города/региона в целом. Обеспечение уважения прав человека не обязательно предполагает дорогостоящие политические меры или реформы: организация однодневного мероприятия, поддержка местной ассоциации или просто четкое изложение позиции в прессе могут иметь огромное значение.

Итак, подводя итоги, можно говорить о том, что права и свободы человека являются основополагающими аспектами правового государства и демократии. Они представляют собой совокупность естественных и неотчуждаемых прав, приобретенных при рождении и

[10] Закон РМ № 436 «О местном публичном управлении» от 28.12.2006 г. Опубликован: 09.03.2007 г. в Monitorul Oficial № 32-35 статья № 116

обеспечивающих возможность каждому человеку реализовывать свои интересы, потребности и стремления в рамках сообщества, а также, в случаи необходимости, получать правовую защиту от государства.

Обязательства правительств в соответствии с международным правом в области прав человека распространяются на все уровни и ветви власти. Хотя национальные и региональные органы власти играют важную роль в поощрении и защите прав человека, именно местные органы власти поддерживают самые непосредственные контакты с населением. Они получают требования, иски и жалобы от жителей, разрабатывая и вводя в действие политику, которая непосредственно влияет на жизнь людей.

Глобальная тенденция к децентрализации только еще больше подчеркивает роль местных органов власти в оценке потребностей населения и обеспечении соблюдения прав человека.

Местные органы власти, являясь ключевым и связующим звеном между государством и гражданами в реализации прав человека, обеспечивают практическую реализацию социальных, экономических, культурных и политических прав человека.

Библиография:

1. European Charter of Local Self-Government Strasbourg, 15.X.1985
2. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 1 от 12. 08. 1994
3. Закон № 435 «Об административной децентрализации» от 28.12.2006 г. Опубликован: 02.03.2007 г. в Monitorul Oficial № 29-31 статья № 91
4. Закон РМ № 436 «О местном публичном управлении» от 28.12.2006 г. Опубликован: 09.03.2007 г. в Monitorul Oficial № 32-35 статья № 116
5. Постановление Правительства № 1253 «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» от 16.07.1997 г. Опубликован: 24.07.1997 в Monitorul Oficial № 48 статья № 423
6. Vitalie Mazur. Rolul administraţiei publice locale în asigurarea şi protecţia drepturilor omului. In: Protecţia drepturilor omului: mecanisme naţionale şi internaţionale, 11 decembrie 2013, Chişinău. Chişinău, Republica Moldova: 2014, pp. 410-418. URL: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/96044 (дата обращения: 14.11.2025).

УДК 341.231.14-055.2(478-29)

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН В АТО ГАГАУЗИИ

Миронова С.А. Доктор политических наук, конференциар КГУ,
начальник Представительства Офиса Народного Адвоката РМ.
miranti@mail.ru
orcid id: 0000-0002-6133-3656

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы по продвижению гендерного равенства на территории АТО Гагаузии. The article discusses the main problems in promoting gender equality in the territory of the ATU Gagauzia.

Keywords: gender equality, methods of promoting human rights, rights protection issues. **Ключевые слова**: гендерное равенство, методы продвижения прав человека, проблемы защиты прав.

Несмотря на то, что в последнее время на территории Республики Молдова приняты нормативные рамки по обеспечению гендерного равенства, отмечаются и многочисленные проблемы в практическом их применении. В АТО Гагаузии по состоянию на 01.01.2024 года зарегистрировано 157845 человек, из которых – 82047 женщин и 75798 мужчин.

Сфера трудоустройства.

АТО Гагаузия по уровню средней заработной платы существенно отстает в темпах роста по сравнению со всей Республикой Молдова. Недостаточная профессиональная ориентация, существование половых стереотипов препятствуют избранию некоторых профессий из отдельных отраслей, которые являются преимущественно мужскими. Низкая заработная плата – это основное объяснение низкой привлекательности рынка труда в Молдове. В сфере трудоустройства существует разрыв в оплате труда мужчин и женщин. Согласной официальной статистики, опубликованной Департаментом статистики Республики Молдова 15 октября 2023 года, на сто женщин приходится 93 мужчины. Это соотношение меняется в зависимости от возраста. Например, на сто женщин старше 35 лет приходится 90 мужчин. А на сто женщин старше 65 — 61 мужчина. Женщины вступают в брак раньше, чем представители сильного пола. Обычно они выходят замуж в 25 лет, а мужчины заводят семью в 28. Высшее образование есть у 23% женщин. У мужчин этот показатель на 5% ниже. Кроме того, работающих женщин больше, чем мужчин. Зачастую они выбирают работу в сфере торговли, образования, здравоохранения и гостинично-ресторанном бизнесе. Меньше — в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве. Однако их зарплаты на 14% ниже, чем у мужчин [1].

Разница в заработной плате женщин и мужчин объясняется многими факторами. Основными факторами, определяющими разницу в оплате труда мужчин и женщин, являются горизонтальная и вертикальная сегрегация. Таким образом, около половины женщин из сельской местности трудоустроены в сельскохозяйственном секторе и сфере услуг, где они выполняют самую малоквалифицированную работу и, соответственно, получают более низкую заработную плату, чем мужчины, занимающиеся наиболее квалифицированной работой. Другим фактором различий между заработной платой женщин и мужчин является наличие областей, в которых преобладают женщины, – “женские” виды деятельности (воспитание, здравоохранение), в которых заработные платы ниже, чем в секторах, где доля мужчин выше (строительство, транспорт). Кроме того, женщины недостаточно представлены наверху профессиональной пирамиды. Количество женщин превышает количество мужчин в категории государственных служащих низкого ранга.

На сегодняшний день не существует четких статистических данных, показывающих уровень миграции женщин и мужчин в АТО Гагаузии. Имеющиеся данные Национального Бюро статистики показывают лишь общую для всей Республики Молдова картину. Согласно проведенного социологического опроса среди жителей АТО Гагаузии 68 процентов мужчин и 49 процентов женщин хотя бы раз выезжали на заработки за рубеж (причем среди женщин старше 38 лет этот процент намного выше - 67%).

Женщины чаще жалуются на дискриминацию при трудоустройстве. Так, в приеме на работу отказывают молодым женщинам (возможность забеременеть), женщинам с маленькими детьми (возможность частых больничных), а также пожилым женщинам. Кроме того, женщине труднее заняться предпринимательской деятельностью из-за недостатка свободных финансовых средств и отсутствия необходимых знаний в области экономики. Доступ к существующим программам обучения в бизнес-сфере часто проблематичен из-за отсутствия или ненадлежащего информирования об этих программах. Также данные обучающие программы для женщин в сфере предпринимательства не распространяют своё действие на всю территорию АТО Гагаузии, а только на крупные населенные пункты.

Сфера участия в публичном и политическом процессе принятия решений

В регионе продолжает оставаться достаточно сильным стереотип о невозможности участия женщины в процессе управления, либо о слабых управленческих способностях

женщины. При все этом, В АТО Гагаузия наблюдается положительная динамика в области вовлечения женщин в процесс принятия публичных и политических решений. Так, в 2015 году пост Башкана АТО Гагаузии впервые заняла женщина. Эта тенденция сохранилась и в 2023 году. На данный момент Башканом АТО Гагаузии также является женщина Гуцул Евгения. С 1 депутата- женщины в 5 созыве Народного Собрания АТО Гагаузии 2012-2016 года до 4-5 женщин –депутатов настоящего созыва. До 40 процентов возросло количество женщин – членов Исполнительного Комитета АТО Гагаузии. Среди примарского корпуса АТО Гагаузии появились две женщины (из 26 примэрий). В то же время женщины по-прежнему недостаточно участвуют как в избирательном, так и в политическом процессе и процессе принятия решений, хотя среди служащих избирательной сферы насчитывается до 95 процентов служащих-женщин. Важно то, чтобы тенденции роста числа женщин, участвующих в политической деятельности, будут удержаны и усилены. Основными факторами положительных изменений в данной области являются: изменение и гармонизация законодательства; соблюдение международных обязательств; применение политик и программ, воздействующих на менталитет населения относительно гендерных ролей женщин и мужчин в обществе и семье; устранение гендерных стереотипов и структурных барьеров (таких, как недостаточность услуг, направленных на уход за детьми дошкольного возраста, инвалидами /престарелыми людьми; негибкие графики работы женщин и мужчин). Женщины Молдовы в отличие от мужчин продолжают сталкиваться с дискриминацией в политической и публичной областях, определенной в большой мере существующими стереотипами и сексизмом.

При всём этом, установлены, что те женщины, которые рискнули выдвинуть свои кандидатуры на выборах, как правило, и побеждают. Исходя из этого, можно сделать вывод, что необходимо активизировать процесс выдвижения женщин для занятия государственных должностей.

Сфера социальной защиты и семьи

Система социальной помощи в своей классической форме и в нынешней структуре основывается на патриархальной модели общества, где именно женщины осуществляют неоплачиваемый уход за престарелыми лицами, детьми и больными людьми, а также на более активном вовлечении их в социальную и коммунитарную деятельность. Эта модель, основанная на идее, что в семье имеется доход, полученный как от оплачиваемой работы, так и от неоплачиваемой работы по уходу, существенно ограничивает социальное, политическое и экономическое участие женщин, которые преимущественно оказывают услуги по неоплачиваемому уходу, а также снижает роль мужчин в частной сфере.

В целом, отмечается рост предоставления некоторых социальных услуг, в частности если персональных ассистентов до 2018 году было 47, то уже в 2023 году – 223 человека, однако, реально нуждающихся в несколько раз больше. Действующее законодательство в области государственного социального страхования не содержит никакой дискриминации по отношению к плательщикам и бенефициарам социальных услуг (пенсия, пособия) по половому признаку. Однако, именно в силу слабого развития предоставления социальных услуг (персональный ассистент, мобильная бригада, служба «Респиро») социальной помощью может воспользоваться ограниченное количество бенефициаров.

В АТО Гагаузии открыт один центр временного размещения граждан, находящихся в ситуации риска. Есть настоятельная необходимость открыть социальное учреждение для агрессоров, т.к. им также необходимо предоставлять реабилитационные услуги.

В АТО Гагаузии отсутствует система организации досуга для семей с детьми, для пенсионеров. С учетом обстоятельства, что на данный период женщины выходят на пенсию в 61 год, а мужчины в 63, все они еще остаются достаточно активными, обладающими широкими знаниями и умениями. Ресурс пенсионеров можно использовать при организации различных мероприятий по типу привлечения к волонтерской деятельности. Также, необходимо продумать систему занятости для родителей с детьми, где можно было бы

организовать совместный отдых мам и пап с детьми (дети смотрят мультик, а родители за чашкой чая беседуют и узнают о новых способах общения с детьми). Кроме этого, среди работников культуры практически все работники пенсионного возраста и скоро работать некому будет.

В АТО Гагаузии действует ограниченное количество поставщиков социальных услуг. Среди них необходимо назвать организации «Конкордия» (Конгаз), центр Святого Пантелеймона (Чадыр-Лунга), столовая «Матронушка» (Чадыр-Лунга), общественная столовая «Надежда» (Вулканешты), семья Иванчевых, которая открыла детский дом семейного типа и центр помощи жертвам насилия. Иванчевы действуют по собственной инициативе.

Для оказания помощи детям в ситуации риска действуют Чадыр-Лунгский интернат для детей-сирот, и всего три патронатные семьи. Отмечается тенденция усиления противодействия работе этих учебных учреждений и так называемой оптимизации. В последние годы для обустройства ребенка в эти учреждения необходимо получить направление Министерств Республики Молдова. В итоге уходит драгоценное время для помощи детям. Эти же учебные учреждения можно было бы переориентировать на оказание большого количества социальных услуг населению.

Кроме этого, необходимо увеличивать количество патронатных семей.

В АТО Гагаузии отсутствует единая база данных о поставщиках социальных услуг. Большая часть НПО, оказывающих социальные услуги, действуют временно, пока находятся на поддержке тех или иных доноров. Предполагается, что создание единой базы данных поставщиков социальных услуг сможет полнее учитывать как имеющиеся ресурсы, так и развивать социальный сектор помощи.

Сфера здравоохранения

Несмотря на конкретные меры, предпринимаемые в последние годы для улучшения состояния здоровья женщин и мужчин, по-прежнему существует ряд экономических и медико-социальных проблем, которые влияют на здоровье населения. Таким образом, женщины в сельской местности имеют более ограниченный доступ к качественным услугам в области здравоохранения и воспроизводства, что увеличивает количество проблем со здоровьем. Одной из медико-социальных проблем, которые сильно влияют на здоровье матерей, является частое прерывание беременности, часть которых осуществляется устаревшими методами и в небезопасных условиях. В регионе отмечается недостаток профильных врачей-специалистов. Увеличивается промежуток времени для получения той или иной медицинской услуги по причине больших очередей и малого количества предоставляемых медицинских услуг. Необходимо отметить также, что большая часть людей трудоспособного возраста не имеет медицинский полис по причине неофициального трудоустройства.

Из социологического опроса населения ясно, что только 22% женщин и 31% мужчин оценили своё здоровье как хорошее. Каждый десятый женщина и мужчина оценили своё здоровье как неудовлетворительное.

Исходя из изложенного выше, следует обеспечить разработку и ориентирование политики в области здравоохранения на нужды женщин и мужчин, обусловленные как биологическими, так и социально-экономическими и культурными аспектами.

Сфера насилия и торговли людьми

На нынешнем этапе в сфере насилия и торговли людьми в АТО Гагаузии была проведена определенная работа. Так, была создана комиссия по предотвращению торговли людьми, которую возглавила заместитель Башкана по социальным вопросам. Были созданы и другие институциональные структуры, обладающие особыми полномочиями: региональная комиссия в области насилия в семье. Начинает развиваться сеть услуг для жертв торговли и насилия, проводится работа по формированию интегрированной автоматизированной системы случаев насилия в семье. Профилактика правонарушений на семейно-бытовой почве одно из

приоритетных направлений национальной политики по защите семьи, которая включает в себя соблюдение фундаментальных принципов, регламентирующих семейных отношений по соблюдению прав членов семьи на жизнь без насилия.

Согласно указаниям Генерального Инспектората Полиции МВД РМ Управлением Полиции АТО Гагаузия был разработан план действий по проведению профилактических мероприятий и в целом недопущения правонарушений в семейных отношениях. Во все подчиненные подразделения УП Гагаузии были направлены соответствующие указания. На данный период состоит на учёте: - 101 семейный дебошир (Комрат- 54, Чадыр-Лунга-24, Вулканешты-23).

Также, необходимо отметить функциональные изменения в работе полиции. Сейчас полиция осталась единственным актором защиты жертв насилия. Социальные службы и прамары не имеют достаточных средств для оказания помощи жертвам насилия.

Одновременно отмечается недостаточный уровень осознания обществом проблемы насилия в семье как нарушения прав человека; низкий уровень подготовки специалистов в различных областях по установлению, регистрации и соотнесению случаев насилия в семье; недостаточность квалифицированных людских ресурсов и финансовых ресурсов для оказания помощи жертвам насилия в семье и работы с семейными агрессорами; отсутствие механизмов установления, обработки и разрешения феномена сексуального домогательства; недостаточность служб по оказанию помощи и защите жертв; отсутствие услуг по ресоциализации семейных агрессоров; несовершенство механизма мониторинга и оценки в области насилия и торговли людьми.

Закон N 436-XVI от 28.12.2006 в пункте r) ст. 29 устанавливает полномочия примаров в сфере предотвращения насилия в семье, но на данный момент полиция выявляет проблему, но работать с агрессорами некому. Предлагается ввести специальные обязательные курсы для агрессоров. Кроме этого, при ежегодном отчете примар должен отдельной строкой отчитаться о том, что именно сделано в данной административно-территориальной единице по предотвращению насилия в семье и алкоголизации населения.

В области насилия в семье также отмечается наличие стереотипов, которые проявляются в поговорке: бьёт, значит любит. В регионе наметилась тенденция по усилению роли полиции в разрешении семейных споров и оказании помощи жертвам насилия в семье, при недостаточной активности и оснащенности социальных ассистентов.

Следовательно, при данных проблемах, необходима более слаженная работа местных и региональных органов власти по продвижению гендерного равенства в регионе.

Библиография:

1. https://news.mail.ru/society/35052358/?frommail=1
2. Закон N 436-XVI от 28.12.2006 «О местном публичном управлении»

УДК 349.2:341.45:331.105.55

DIALOGUL SOCIAL CA ELEMENT CONSTITUȚIONAL AL PROMOVĂRII SECURITĂȚII ȘI SĂNĂTĂȚII ÎN MUNCĂ ÎN CONTEXTUL ALINIERII LA STANDARDELE UNIUNII EUROPENE

Sosna Alexandru,
doctor în drept, conferențiar universitar
Universitatea de stat din Moldova
e-mail: alexandrusosna@gmail.com
orcid.org/0009-0000-3555-4538
Babici Boris,
doctorand,
Școala doctorală în drept, științe politice și administrative.
Consorțiu Național al ASEM și USPEE.
e-mail: licdamiris@gmail.com

Rezumat. Securitatea și sănătatea în muncă reprezintă un domeniu prioritar al politicilor sociale contemporane, plasat la intersecția dintre drepturile fundamentale ale salariaților, funcționarea statului social de drept și competitivitatea economică. Articolul analizează rolul dialogului social și al Confederației Naționale a Sindicatelor din Moldova în promovarea și implementarea standardelor de Securitate și sănătate în muncă în Republica Moldova, în contextul integrării europene și al armonizării cu acquis-ul Uniunii Europene. Sunt examinate fundamentele teoretice ale dialogului social, cadrul normativ național (Constituție, Codul muncii, Legea nr. 186/2008), mecanismele instituționale tripartite și relevanța negocierii colective pentru prevenirea riscurilor profesionale. Studiul evidențiază provocările persistente (implementare formală, cultură preventivă redusă, resurse limitate) și formulează direcții de dezvoltare: consolidarea capacității instituționale, întărirea mecanismelor de participare, transferul de bune practici europene și integrarea evaluării performanței în securitatea și sănătatea în muncă.

Cuvinte-cheie: constituțional, drepturi fundamentale, armonizare juridică, stat social, sindicate, pretecție, dialog social.

Summary. Occupational safety and health is a priority area of contemporary social policy, situated at the intersection of employees' fundamental rights, the functioning of the social rule-of-law state, and economic competitiveness. This article analyzes the role of social dialogue and the National Confederation of Trade Unions of Moldova in promoting and implementing Occupational safety and health standards in the Republic of Moldova, in the context of European integration and harmonization with the European Union acquis. It examines the theoretical foundations of social dialogue, the national legal framework (the Constitution, the Labour Code, Law No. 186/2008), tripartite institutional mechanisms, and the relevance of collective bargaining for the prevention of occupational risks. The study highlights persistent challenges (formal implementation, a weak prevention culture, limited resources) and outlines development directions: strengthening institutional capacity, reinforcing participation mechanisms, transferring European best practices, and integrating performance assessment into occupational safety and health.

Keywords: constitutional, fundamental rights, legal harmonization, trade unions, social state, protection, social dialogue.

Introducere. Securitatea și sănătatea în muncă constituie un domeniu central al politicilor sociale moderne, fiind strâns legată de protecția drepturilor fundamentale ale salariaților și de realizarea principiilor statului social de drept. Nivelul de protecție al securității și sănătății în muncă (SSM) nu reflectă doar calitatea normelor juridice, ci și gradul de funcționare a mecanismelor instituționale,

maturitatea relațiilor de muncă și capacitatea societății de a preveni riscurile profesionale prin participare și responsabilitate partajată.

În contextul integrării europene a Republicii Moldova, dialogul social și alinierea la standardele Uniunii Europene în domeniul securității și sănătății în muncă capătă o importanță sporită. Armonizarea legislativă și instituțională cu acquis-ul comunitar nu poate fi redusă la transpunere formală; dimpotrivă, fără un dialog social funcțional, normele europene riscă să rămână declarative, fără efecte reale asupra condițiilor de muncă și fără reducerea accidentelor și bolilor profesionale.

Relevanța științifică a temei decurge din necesitatea analizării rolului partenerilor sociali – în special al Confederației Naționale a Sindicatelor din Moldova (CNSM) – în procesul de armonizare cu modelul social european, unde participarea partenerilor sociali este considerată un mecanism de guvernanță socială. În această logică, scopul articolului este analiza rolului dialogului social și al Confederației Naționale a Sindicatelor din Moldova în promovarea securității și sănătății în muncă în Republica Moldova, raportat la standardele Uniunii Europene și la cadrul internațional relevant.

Actualitatea și relevanța temei. Dialogul social și SSM: fundamente teoretice și semnificație juridico-socială. Dialogul social reprezintă una dintre instituțiile fundamentale ale dreptului muncii contemporan. În accepțiune doctrinară, acesta desemnează ansamblul proceselor de consultare, negociere și cooperare dintre partenerii sociali – salariați, angajatori și autorități publice – orientate spre armonizarea intereselor socio-economice și prevenirea conflictelor de muncă. În plan istoric, dialogul social a apărut ca răspuns la dezechilibrele industrializării, când raporturile de muncă erau marcate de inegalitate structurală, fiind ulterior consacrat la nivel internațional prin instrumentele Organizației Internaționale a Muncii, care a promovat dialogul social ca pilon al justiției sociale și al muncii decente [4,5].

În doctrina modernă, dialogul social nu se limitează la salarizare sau timp de muncă, ci acoperă domenii precum protecția socială, egalitatea de șanse și, esențial, securitatea și sănătatea în muncă. SSM este definită ca un ansamblu de măsuri juridice, tehnice, organizatorice și medicale destinate prevenirii accidentelor de muncă și bolilor profesionale și asigurării unui mediu de lucru sigur și sănătos. Această instituție are o dublă dimensiune: juridică (obligații ale statului și angajatorului) și socială (impact asupra calității vieții, productivității și coeziunii sociale) [4].

În raport cu securitatea și sănătătatea în muncă, dialogul social are valoare instrumentală: el transformă normele imperative în practici aplicabile și adaptate realităților sectoriale, prin implicarea directă a lucrătorilor și a reprezentanților acestora în identificarea riscurilor, evaluarea măsurilor preventive și monitorizarea implementării.

Metodologia cercetării. Cercetarea utilizează: (1) analiza doctrinară asupra dialogului social și a conceptului de muncă decentă; (2) analiza normativă a cadrului național securității și sănătății în muncă; (3) metoda comparativă pentru raportarea soluțiilor naționale la Directiva-cadru 89/391/CEE; (4) metoda logică pentru identificarea relației dintre dialogul social, negociere colectivă și eficiența prevenirii riscurilor. Abordarea este una juridico-instituțională, cu accent pe rolul actorilor colectivi în operaționalizarea normelor.

Reperul internațional și european: rolul Organizației Internaționale a Muncii și modelul social european. Organizația Internațională a Muncii a consacrat dialogul social drept unul dintre pilonii conceptului de muncă decentă, iar standardele internaționale promovează consultarea partenerilor sociali în elaborarea și implementarea politicilor securității și sănătății în muncă [4,5]. În Europa, dialogul social este un element definitoriu al modelului social european și un mecanism recunoscut pentru guvernanța relațiilor de muncă.

În domeniul securității și sănătății în muncă, Directiva-cadru 89/391/CEE reprezintă actul fundamental al Uniunii Europene, consacrând principiul prevenirii riscurilor, obligația evaluării riscurilor profesionale și rolul informării, instruirii și consultării lucrătorilor [7]. Alinierea Republicii Moldova la acest standard nu implică doar preluarea dispozițiilor, ci și funcționarea efectivă a mecanismelor de participare: comitete SSM, consultări reale, negociere colectivă, control și monitorizare.

Cadrul normativ național SSM și rolul dialogului social în aplicarea sa. Reglementarea securității și sănătății în muncă în Republica Moldova este realizată printr-un ansamblu de norme constituționale, legislative și subordonate legii, reflectând obligația statului de a asigura protecția vieții și sănătății lucrătorilor. Constituția oferă fundamentul suprem, consacrând dreptul la muncă și obligația statului de a crea condiții pentru desfășurarea activității în siguranță și cu respectarea demnității umane.

Codul muncii nr. 154/2003 are rol de act normativ central în reglementarea raporturilor de muncă și include obligații ale angajatorului de a asigura condiții de muncă care să nu pună în pericol viața și sănătatea salariaților, precum și drepturi ale lucrătorilor la informare și instruire [8]. Un element important îl constituie recunoașterea rolului sindicatelor: participare la elaborarea măsurilor de protecție, exercitarea controlului sindical asupra respectării legislației și apărarea drepturilor lucrătorilor în caz de încălcări.

Legea securității și sănătății în muncă nr. 186/2008 dezvoltă cadrul general al prevenției, consacrând principii precum evaluarea riscurilor, combaterea riscurilor la sursă, adaptarea muncii la persoană și consultarea lucrătorilor, în consonanță cu Directiva 89/391/CEE [9]. Aplicarea eficientă a legii depinde însă de dialogul social: fără consultare, normele rămân adesea „proceduri pe hârtie”.

Confederația Națională a Sindicatelor din Moldova ca actor strategic: negociere colectivă, control social și cultură preventivă. Confederația Națională a Sindicatelor din Moldova este un actor central al dialogului social instituționalizat, asigurând reprezentarea intereselor salariaților în structurile tripartite și în consultările privind politicile publice SSM. În cadrul Comisiei naționale pentru consultări și negocieri colective, participarea sindicatelor conferă legitimitate socială deciziilor și oferă posibilitatea de a ajusta politicile la realitățile din unități și sectoare.

Negocierea colectivă este unul dintre cele mai eficiente instrumente de concretizare a securității și sănătății în muncă. Prin contractele colective, partenerii sociali pot stabili standarde suplimentare față de minimele legale: reguli privind instruirea periodică, dotarea cu echipamente, proceduri de investigare a accidentelor, evaluări de risc, mecanisme de raportare și măsuri de protecție adaptate activității. În unitățile unde există structuri funcționale de participare (comitete SSM) și unde sindicatele monitorizează implementarea, efectul preventiv este, în practică, mai puternic: riscurile sunt identificate mai devreme, iar conformarea angajatorilor crește.

În plus, Confederația Națională a Sindicatelor din Moldova contribuie la formarea culturii securității și sănătății în muncă prin instruiri și activități de informare pentru lideri sindicali și membri de sindicat, ceea ce permite trecerea de la o abordare reactivă (după incident) la una preventivă (înainte de incident). O asemenea orientare este coerentă cu standardele Uniunii Europene și cu viziunea Organizației Internaționale a Muncii privind prevenția.

Provocări persistente: de ce rămâne implementarea adesea formală. În pofida cadrului normativ relativ dezvoltat, persistă dificultăți sistemice. În practică, accidentele de muncă și bolile profesionale sunt alimentate de câteva cauze recurente: instruire insuficientă sau formală; nerespectarea normelor și control insuficient; resurse limitate pentru echipamente și măsuri preventive (mai ales în sectoarele cu risc ridicat); cultură organizațională slabă a prevenției și deficit de comunicare internă. Aceste cauze confirmă că legislația, de una singură, nu este suficientă; eficiența depinde de mecanisme de participare, control și responsabilitate comună.

Un alt risc important este transpunerea „procedurală” a standardelor europene: existența documentelor (planuri, fișe, instrucțiuni) fără aplicare reală. În această zonă, dialogul social are rol de „verificare socială” a implementării, iar sindicatele pot corecta tendința formalistă prin monitorizare, negociere și sesizarea disfuncționalităților.

Direcții de dezvoltare: de la armonizare juridică la eficiență instituțională. Pentru a atinge un nivel european de protecție în SSM, Republica Moldova are nevoie de acțiuni coerente, dintre care câteva sunt prioritare: elaborarea unei strategii naționale SSM care să coordoneze intervențiile; consolidarea capacității instituționale (inspectori, specialiști SSM, lideri sindicali); integrarea indicatorilor de performanță și evaluări periodice; întărirea mecanismelor tripartite și extinderea

dialogului în sectoarele cu risc ridicat; transferul de bune practici europene prin cooperare cu parteneri din Uniunea Europeană [6,7].

În toate aceste direcții, rolul Confederației Naționale a Sindicatelor din Moldova este strategic: confederația poate facilita trecerea de la adoptarea normelor la interiorizarea lor în cultura organizațională, prin negociere colectivă, instruire și implicarea directă a lucrătorilor în identificarea riscurilor.

Concluzii. Securitatea și sănătatea în muncă este nu doar o obligație legală, ci și un indicator al maturității sociale și economice a statului. Analiza confirmă că dialogul social constituie mecanismul central pentru implementarea efectivă a normelor securității și sănătății în muncă, iar implicarea sindicatelor – în special a Confederației Naționale a Sindicatelor din Moldova – poate transforma cadrul formal într-un sistem funcțional de prevenție. Prin participarea la structurile tripartite, prin negociere colectivă, monitorizare și instruire, Confederația Națională a Sindicatelor din Moldova contribuie la armonizarea practicilor naționale cu standardele Uniunii Europene (în special cu Directiva-cadru 89/391/CEE) și cu reperele Organizației Internaționale a Muncii.

Provocările persistente (implementare formală, resurse limitate, cultură preventivă redusă) indică faptul că progresul depinde de consolidarea instituțională și de participarea efectivă a partenerilor sociali. În perspectivă, transferul de bune practici europene, întărirea mecanismelor de evaluare și dezvoltarea unei culturi organizaționale orientate spre prevenție sunt condiții-cheie pentru reducerea riscurilor profesionale și creșterea calității vieții salariaților.

Bibliografie:

1. Капша Т., Сосна Б., Захария С., Фрунзэ Ю., Мику В., Бабич Б. Трудовое право Молдовы. Научно-методическое пособие, 2-е издание, переработанное и дополненное. Германия, 2026 г., 701 с. ISBN 978-620-9-47938-0.
2. Capșa T., Sosna B., Sosna A. Development of constitutional and other legal means for eliminating violence and harassment in the sphere of labor. Journal «European Perspectives», Nr. 4, 2025, Ukraine, Kyiv, p. 188-197.
3. Капша Т., Сосна Б., Захария С. Трудовое право Молдовы. Учебно-практическое пособие. Германия, 2016 г., 476 с. ISBN 978-3-659-90413-4.
4. International Labour Organization, *Safety and Health at the Heart of the Future of Work*, Geneva, 2019 - disponibil: https://www.ilo.org/ (accesat: 29.01.2026).
5. International Labour Organization, *Promoting Social Dialogue*, Geneva, 2019 - disponibil: https://www.ilo.org/ (accesat: 29.01.2026).
6. European Commission, *EU Strategic Framework on Health and Safety at Work 2021–2027*, Brussels, 2021 - disponibil: https://osha.europa.eu/en/safety-and-health-legislation/eu-strategic-framework-health-and-safety-work-2021-2027 (accesat: 29.01.2026).
7. Directiva 89/391/CEE a Consiliului Uniunii Europene, 12 iunie 1989 - disponibil: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RO/ALL/?uri=celex:31989L0391 (accesat: 30.01.2026).
8. Codul muncii al Republicii Moldova nr. 154/2003. Monitorul oficial al RM, Nr. 159-162, 2003.
9. Legea securității și sănătății în muncă nr. 186/2008. Monitorul oficial al RM, Nr. 143-144, 2008.
10. European Economic and Social Committee, *The Role of Social Partners in Occupational Safety and Health*, Bruxelles - disponibil: https://www.eesc.europa.eu/en (accesat: 30.01.2026).
11. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года - www.mfa.gov.md.
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 года - www.mfa.gov.md.
13. Европейская социальная хартия. Принята Комитетом министров Совета Европы 18 октября 1961 года и пересмотрена 3 мая 1996 года - https://social.gov.md.

14. Устав Международной организации труда от 10 мая 1944 года - https://social.gov.md.
15. Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации. Принята Генеральной конференцией МОТ 18 июня 1998 года - https://social.gov.md.
16. Декларация МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации. Принята Генеральной конференцией МОТ от 10 июня 2008 года - https://social.gov.md.
17. Конвенция МОТ № 11 о праве на организацию и объединение трудящихся в сельском хозяйстве. Принята Генеральной конференцией МОТ 25 октября 1921 года - https://social.gov.md.
18. Конвенция МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде. Принята Генеральной Конференцией МОТ 28 июня 1930 года - https://social.gov.md.
19. Конвенция МОТ № 47 о сокращении рабочего времени до 40 часов в неделю. Принята Генеральной Конференцией МОТ 4 июня 1935 года - https://social.gov.md.
20. Конвенция МОТ № 81 об инспекции труда в промышленности и торговле (и Протокол к ней). Принята Генеральной Конференцией МОТ 19 июня 1947 года - https://social.gov.md.

CZU 349.2:331.101.264.3

STATUTUL JURIDIC AL ȘOMERILOR ÎN REPUBLICA MOLDOVA ABORDĂRI COMPARATIVE CU UNIUNEA EUROPEAN

Ana SACARA
doctor în drept, lector universitar
Universitatea de Stat din Comrat,
Republica Moldova
orcid 0000 -0002-3801-4665
Email: anisoara91@mail.ru

Articolul analizează statutul juridic al șomerilor în Republica Moldova în raport cu cadrul juridic și politicile Uniunii Europene. Sunt examinate condițiile de dobândire a statutului de șomer, drepturile și obligațiile aferente, precum și rolul măsurilor active de ocupare. Analiza comparativă evidențiază o convergență la nivel de principii, în special privind activarea șomerilor și obligațiile reciproce. Totodată, sunt identificate diferențe legate de mobilitatea transfrontalieră și de implementarea politicilor de ocupare. Concluziile subliniază necesitatea armonizării progresive a legislației naționale cu standardele europene.
Cuvinte-cheie: șomaj, statut juridic al șomerului, politici de ocupare, activare, protecție socială.

Abstract

The article examines the legal status of unemployed persons in the Republic of Moldova in relation to the European Union's legal framework and employment policies. It analyses the conditions for acquiring unemployed status, the related rights and obligations, and the role of active labour market measures. The comparative approach reveals convergence at the level of principles, particularly regarding activation and mutual obligations. At the same time, differences persist concerning cross-border mobility and policy implementation. The study highlights the need for further harmonisation with European standards.
Keywords: unemployment, legal status of the unemployed, employment policies, activation, social protection.

Șomajul reprezintă unul dintre cele mai sensibile fenomene sociale și economice ale societății contemporane, având implicații directe asupra nivelului de trai al populației, stabilității economice și

coeziunii sociale. Lipsa unui loc de muncă nu determină doar pierderea veniturilor, ci afectează în mod semnificativ demnitatea persoanei, accesul la servicii sociale și capacitatea de integrare socială și profesională. Din această perspectivă, protecția juridică a șomerilor constituie o componentă esențială a statului social și un indicator relevant al maturității politicilor publice în domeniul muncii [11, p. 45-48].

Statutul juridic al șomerului reprezintă instrumentul prin care statul definește condițiile de recunoaștere a unei persoane ca șomer, stabilește drepturile și obligațiile aferente acestei calități și instituie mecanismele de sprijin destinate reintegrării pe piața muncii. În Republica Moldova, acest statut este reglementat într-un cadru normativ distinct, care reflectă o orientare progresivă spre politici active de ocupare, în concordanță atât cu tendințele europene, cât și cu angajamentele asumate în procesul de integrare europeană.

Uniunea Europeană nu dispune de o reglementare unitară a statutului juridic al șomerului, însă promovează un ansamblu coerent de principii, instrumente și mecanisme de coordonare care influențează profund legislațiile naționale ale statelor membre, precum și ale statelor aflate în proces de apropiere de Uniunea Europeană, inclusiv Republica Moldova. În acest context, analiza comparativă dintre reglementările naționale și cadrul european prezintă relevanță atât din perspectiva armonizării legislative, cât și din cea a eficienței protecției sociale și a politicilor de ocupare [4, p. 6].

Actualitatea temei de cercetare este determinată de transformările profunde ale pieței muncii și de creșterea importanței protecției sociale a persoanelor aflate în șomaj, într-un context marcat de instabilitate economică, migrație a forței de muncă, digitalizare și schimbări structurale ale ocupării. Pentru Republica Moldova, problematica statutului juridic al șomerilor capătă o relevanță sporită în contextul parcursului european și al angajamentelor asumate prin Acordul de Asociere cu Uniunea Europeană, care impun apropierea cadrului normativ național de standardele europene în domeniul muncii și protecției sociale. În aceste condiții, statutul juridic al șomerului nu mai poate fi analizat exclusiv ca un mecanism de protecție pasivă, ci ca un instrument activ de integrare profesională și de adaptare a forței de muncă la cerințele economiei moderne.

Scopul prezentului articol constă în examinarea statutului juridic al șomerilor în Republica Moldova prin raportare la cadrul juridic și politicile Uniunii Europene, cu accent pe noțiunea de șomer, drepturile și obligațiile asociate acestei calități, măsurile active de ocupare și rezultatele obținute în practică. Articolul urmărește evidențierea gradului de convergență dintre cele două sisteme, identificarea lacunelor existente și formularea unor direcții de perfecționare a cadrului juridic național, menite să răspundă mai eficient provocărilor actuale ale pieței muncii și nevoilor reale ale persoanelor aflate în căutarea unui loc de muncă.

Cercetarea este realizată prin aplicarea preponderentă a metodelor juridice, având în vedere caracterul normativ al subiectului analizat. *Metoda juridico-dogmatică* este utilizată pentru analiza actelor normative care reglementează statutul juridic al șomerilor în Republica Moldova, în special Legea privind promovarea ocupării forței de muncă și asigurarea de șomaj, precum și alte acte normative din domeniul muncii și protecției sociale. *Metoda logică* este aplicată pentru formularea concluziilor prin corelarea normelor juridice cu datele statistice oficiale și cu realitățile pieței muncii, permițând evaluarea eficienței aplicării statutului juridic al șomerului. Totodată, *metoda comparativă* este utilizată pentru raportarea reglementărilor naționale la cadrul juridic și politicile Uniunii Europene, inclusiv Regulamentul (CE) nr. 883/2004 privind coordonarea sistemelor de securitate socială, Pilonul european al drepturilor sociale și orientările Strategiei europene pentru ocuparea forței de muncă. Cercetarea este completată de analiza statistică descriptivă a datelor furnizate de Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă pentru anul 2025, care oferă o perspectivă practică asupra aplicării statutului juridic al șomerilor și eficienței măsurilor active de ocupare [2, p. 23-26].

În Republica Moldova, statutul juridic al șomerului este definit expres și dobândit în baza unor condiții legale clare, stabilite de Legea nr. 105/2018. Persoana este recunoscută ca șomer doar dacă este aptă de muncă, nu are un loc de muncă, se află în căutarea activă a unui loc de muncă și este înregistrată la Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă. Această abordare conferă

statutului juridic al șomerului un caracter administrativ și condiționat, orientat spre activare și reintegrare profesională [7].

În cadrul Uniunii Europene, deși nu există o definiție juridică unică a șomerului, accentul este pus pe disponibilitatea pentru muncă și pe căutarea activă a unui loc de muncă, elemente regăsite inclusiv în definiția statistică a șomajului elaborată de Biroul Internațional al Muncii [3, p. 28]. Se poate observa astfel o convergență conceptuală între legislația Republicii Moldova și standardele europene, chiar dacă mecanismele juridice și instituționale diferă.

Diferența esențială constă în faptul că, în Uniunea Europeană, statutul șomerului este reglementat indirect, prin mecanisme de coordonare și mobilitate. Regulamentul (CE) nr. 883/2004 nu stabilește condiții uniforme de acces la indemnizația de șomaj, dar creează un cadru de coordonare a sistemelor naționale, permițând totalizarea perioadelor de asigurare și exportul prestațiilor. În schimb, legislația Republicii Moldova concentrează aceste elemente într-un singur act normativ, oferind o reglementare mai compactă, dar mai puțin flexibilă din perspectiva mobilității transfrontaliere [12, p. 4]. Astfel, stagiul de cotizare realizat în alte state nu este luat în considerare la stabilirea dreptului la indemnizația de șomaj, ceea ce limitează accesul persoanelor cu experiență de muncă transnațională la protecția socială în caz de pierdere a locului de muncă.

Statutul juridic al șomerului în Republica Moldova este construit pe un echilibru între drepturi și obligații. Pe de o parte, șomerul beneficiază de servicii de informare, consiliere profesională, mediere a muncii și, în condițiile prevăzute de lege, de indemnizație de șomaj. Pe de altă parte, acesta are obligația de a căuta activ un loc de muncă și de a participa la măsurile propuse de serviciul public de ocupare [10, p. 17]. Nerespectarea acestor obligații atrage consecințe juridice directe, constând în pierderea statutului de șomer și, implicit, încetarea dreptului la indemnizația de șomaj. Această abordare reflectă caracterul condiționat al protecției sociale în domeniul ocupării forței de muncă, în care acordarea prestațiilor este strâns legată de comportamentul activ al beneficiarului pe piața muncii și de cooperarea acestuia cu autoritățile competente.

În Uniunea Europeană, acest echilibru este consacrat prin principiul *„activării”,* promovat constant în cadrul Strategiei europene pentru ocuparea forței de muncă și consolidat prin Pilonul european al drepturilor sociale. Potrivit acestui principiu, protecția socială acordată șomerilor nu are un caracter pasiv, ci este strâns corelată cu implicarea activă a acestora în măsuri menite să faciliteze reintegrarea pe piața muncii, precum formarea profesională continuă, recalificarea, consilierea individualizată sau participarea la programe de ocupare. Astfel, indemnizația de șomaj este concepută nu doar ca un instrument de sprijin financiar temporar, ci și ca un mijloc de stimulare a responsabilității individuale și a adaptabilității profesionale. În acest context, principiul obligațiilor reciproce — drepturi sociale corelate cu îndatoriri concrete ale beneficiarului — reprezintă un element comun atât sistemelor statelor membre ale Uniunii Europene, cât și legislației Republicii Moldova, chiar dacă mecanismele de aplicare și gradul de flexibilitate diferă [10, p. 3].

Republica Moldova a preluat orientarea europeană spre măsuri active de ocupare, fapt reflectat atât în legislație, cât și în practica instituțională. Datele Agenției Naționale pentru Ocuparea Forței de Muncă pentru anul 2025 arată că 20.733 de persoane au fost angajate cu sprijinul ANOFM, cu 24% mai mult față de anul 2024 [2, p. 18]. Dintre acestea, 6.641 au fost șomeri, iar 14.092 persoane aflate în căutarea unui loc de muncă. Totodată, 1.217 șomeri au beneficiat de măsuri active, inclusiv 557 persoane care au primit vouchere de formare profesională. Prin intermediul echipelor mobile, au fost identificate 2.045 persoane inactive, dintre care 481 tineri NEET, iar 848 persoane au fost ulterior încadrate în câmpul muncii.

Aceste rezultate sunt comparabile cu tendințele promovate la nivelul Uniunii Europene, unde politicile de ocupare sunt orientate prioritar spre formare profesională, recalificare și activarea persoanelor inactive. Analiza comparativă evidențiază o apropiere progresivă a Republicii Moldova de modelul european, deși persistă diferențe semnificative în ceea ce privește resursele financiare și capacitatea instituțională [8, p. 32].

Legea nr. 105 din 14 iunie 2018 a constituit un pas esențial în modernizarea politicilor naționale de ocupare și în apropierea acestora de standardele europene. Adoptarea acestei legi se

înscrie în angajamentele asumate de Republica Moldova prin Acordul de Asociere cu Uniunea Europeană, în special în domeniul politicilor sociale și al ocupării forței de muncă [1].

Această lege este strâns corelată cu Strategia de dezvoltare „Moldova Europeană 2030", care urmărește consolidarea pieței muncii, creșterea gradului de ocupare și îmbunătățirea condițiilor de muncă. Reforma pieței muncii contribuie la stimularea angajării categoriilor vulnerabile, reducerea șomajului, dezvoltarea formării profesionale continue și creșterea atractivității pieței muncii naționale [14].

Analiza comparativă a statutului juridic al șomerilor în Republica Moldova și în Uniunea Europeană demonstrează că, în ultimii ani, au fost realizate progrese semnificative la nivel de principii și orientări de politică publică, în special în ceea ce privește activarea șomerilor și corelarea protecției sociale cu participarea activă pe piața muncii. Cu toate acestea, diferențele continuă să persiste la nivel de implementare practică, diversitate a instrumentelor și capacitate instituțională, ceea ce indică faptul că procesul de apropiere de standardele europene este unul în desfășurare. În acest context, este necesar să fie atrasă o atenție sporită asupra consolidării și perfecționării cadrului juridic și instituțional existent, astfel încât statutul juridic al șomerilor să răspundă mai eficient realităților pieței muncii și nevoilor reale ale persoanelor aflate în căutarea unui loc de muncă.

În vederea perfecționării statutului juridic al șomerilor în Republica Moldova, devine necesară continuarea și aprofundarea reformelor inițiate, prin consolidarea și diversificarea măsurilor active de ocupare, astfel încât acestea să răspundă mai eficient realităților dinamice ale pieței muncii. O importanță deosebită trebuie acordată extinderii formării profesionale bazate pe competențe relevante și adaptabile, capabile să faciliteze reintegrarea durabilă a șomerilor în câmpul muncii. Totodată, dezvoltarea mecanismelor de profilare individualizată și de intervenție timpurie poate contribui la creșterea eficienței serviciilor de ocupare și la reducerea duratei șomajului. În același timp, intensificarea cooperării dintre Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă, instituțiile de învățământ și angajatori este esențială pentru corelarea ofertelor de formare cu cerințele reale ale economiei. Nu în ultimul rând, armonizarea progresivă a legislației naționale cu principiile Pilonului european al drepturilor sociale reprezintă o condiție indispensabilă pentru consolidarea unui sistem modern, eficient și incluziv de protecție socială, capabil să asigure nu doar sprijin financiar temporar, ci și integrarea profesională sustenabilă a persoanelor afectate de șomaj.

În acest context, se impune și consolidarea mecanismelor de monitorizare și evaluare a politicilor de ocupare, prin utilizarea indicatorilor de performanță și a datelor statistice relevante, astfel încât măsurile aplicate să fie permanent ajustate în funcție de impactul lor real asupra beneficiarilor. Abordarea statutului juridic al șomerului trebuie să depășească dimensiunea formal-normativă și să fie orientată spre rezultate concrete, cu accent pe incluziune socială, prevenirea excluziunii de pe piața muncii și creșterea rezilienței profesionale a persoanelor aflate în căutarea unui loc de muncă.

Bibliografie:

1. Acordul de Asociere dintre Republica Moldova, pe de o parte, și Uniunea Europeană și statele membre ale acesteia, ratificat prin Legea nr. 112 din 2 iulie 2014, *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, nr. 185–199/2014.
2. Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă, *Raport anual de activitate pentru anul 2025*, Chișinău, 2026. Home | Anofm site
3. Biroul Internațional al Muncii, *Rezoluția privind statisticile muncii, ocupării și subutilizării forței de muncă*, adoptată la cea de-a 19-a Conferință Internațională a Statisticienilor Muncii, Geneva, 2013.
4. Comisia Europeană, *Employment and Social Developments in Europe,* Bruxelles. https://institutdelors.eu/content/uploads/2025/04/policypaper18-en-3.pdf
5. **Comisia Europeană**, *Guidelines for the Employment Policies of the Member States (incl. Active Labour Market Policies)*, Bruxelles, 2022–2023 https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/2022-2023-guidelines-on-employment-policies.html

6. Consiliul Uniunii Europene, Documente privind coordonarea politicilor de ocupare și protecție socială în statele membre și statele asociate, Bruxelles.
7. Legea nr. 105 din 14 iunie 2018 privind promovarea ocupării forței de muncă și asigurarea de șomaj, *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, nr. 295–308/2018.
8. Organizația Internațională a Muncii, *World Employment and Social Outlook*, Geneva, ediții succesive.
9. Pennings, F., *European Social Security Law*, Intersentia, Cambridge, 2020.
10. Pilonul european al drepturilor sociale, proclamat la Göteborg la 17 noiembrie 2017.
11. Popescu, D., *Politici ale pieței muncii*, București, Editura C.H. Beck, 2019.
12. Regulamentul (CE) nr. 883/2004 al Parlamentului European și al Consiliului din 29 aprilie 2004 privind coordonarea sistemelor de securitate socială, *Jurnalul Oficial al Uniunii Europene*, L 166/2004.
13. Romandaș Nicolai, Ana Sacara. Dreptul protecției sociale. Chișinău 2025.
14. Strategia națională de dezvoltare „Moldova Europeană 2030", aprobată prin Legea nr. 315 din 17 decembrie 2022, *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, nr. 5–8/2023.

CZU 343.98:61

CRIMINALISTIC CONCEPT OF MEDICAL CRIMES

Pisarenco Constantin
doctor of law, associate professor
Free International University of Moldova,
Chișinău, Republic of Moldova
e-mail: constantin.pisarenco@gmail.com
orcid id: 0000-0001-5548-4653

Abstract. This paper reveals the criminalistic concept of medical crimes as an explanatory and normative model for proving harm caused in the course of medical activity. It shows that an unfavorable outcome is not synonymous with illegality: medicine operates in conditions of acceptable risk, probabilistic prognosis, and the inevitability of some complications. The concept differs from the criminalistic characterization in that it sets the framework for verifying versions and interpreting evidence along the chain of „clinical solution – documentation – expert reconstruction – legal assessment." It is proposed to structure the object by identifying the clinical core and peripheral contours of medical illegality. The central tool is the evidence matrix „context – standard – process – documentation – defect – causality – guilt" with mandatory verification of legality filters (extreme necessity and reasonable risk). The role of digital traces and the controlled use of special knowledge is justified.

Keywords: medical crimes; criminalistic concept; defect in medical care; normative corridor; causal link; extreme necessity; reasonable risk.

1. Introduction

Medical activity is one of the socially significant and at the same time socially risky areas in which harm to the life and health of a patient is possible even with the conscientious and professionally correct behavior of medical workers. The use of invasive diagnostic and treatment methods, the use of drugs, and the need to find solutions under conditions of time and information constraints determine the probabilistic nature of clinical outcomes and the inevitability of some adverse outcomes. These features fundamentally distinguish medical practice from most other types of professional activity, where harm is usually a direct consequence of a violation of established rules.

Modern approaches to patient safety emphasize that not all harm in medicine is preventable,

and that professional risk represents an integral part of clinical decision-making [7]. In this regard, formally equating an adverse outcome with illegality and the fault of a healthcare professional is methodologically flawed and dangerous from a law enforcement perspective. At the same time, the state is obliged to ensure effective protection of the life and health of patients, including the identification and investigation of cases of preventable harm caused by defects in medical care or gross violations of professional duties.

This contradiction cannot be resolved solely by means of criminal law or clinical expertise. Criminal law norms establish the limits of liability, but do not provide the tools for reconstructing the medical process and proving causality. Medical science, in turn, focuses on assessing the quality of care rather than establishing legally significant facts and guilt. As a result, there is a lack of methodologically sound tools in law enforcement practice that would allow clinical reality to be translated into evidence.

It is in this context that the need arises to develop a criminalistic concept of medical crimes. This is not about a specific methodology for investigating individual offences, but about an explanatory and normative model capable of organising the process of proving guilt, taking into account the specifics of medical activity. Such a concept should link the mechanism of harm, sources of evidence, normative requirements for medical behavior, and procedural solutions into a single logical system. Without such a concept, the investigation of medical crimes inevitably fluctuates between the unjustified criminalization of clinical risk and the actual unprovability of preventable violations.

The purpose of this paper is to justify the need for and develop a criminalistic concept of medical crimes as an independent branch of criminalistic theory. To achieve this goal, the tasks are set to define the methodological boundaries of the concept, reveal the structure of medical crimes, form an evidence matrix for medical cases, analyze the trace pattern and regulatory corridor of medical activity, and justify the role of legality filters and the controlled use of specialized knowledge.

2. Materials and methods

The study was conducted on the basis of a systemic-structural approach, which allows medical crimes to be considered as an interdisciplinary object in which legally significant features are formed within the clinical process. The formal-legal method was used to interpret norms referring to the „rules/methods" of providing assistance and to analyze institutions of lawful harm. Logical-analytical and logical-reconstructive methods were used to model the clinical chronology and identify „solution points" at which versions of defect and causality are formed. Conceptual modeling was used to construct an evidence matrix of „context – standard – process – documentation – defect – causality – fault". Comparative analysis made it possible to take into account patient safety ideas about the distinction between preventable and unpreventable harm and the systemic nature of errors [8]. The provisions of the loaded chapter served as the empirical basis.

3. Results and discussion

3.1. Methodological design of the concept: from result to process

The criminalistic concept of medical crimes is understood as an explanatory-normative model that organizes evidence not through a list of „typical signs" but through a sequence of verifiable nodes: clinical solution, regulatory framework, documentation, defect, causality, guilt. Unlike a criminalistic characterization, the concept is not limited to a description of typical information about a person and „traces" but sets out the logic of their selection and legal interpretation in a specific investigation situation. In the medical field, this is fundamental: the actual content of an event is shaped by a professional process and is therefore reflected primarily in documentation and digital data, rather than in the material traces of a traditional crime.

The methodological basis of the concept consists in rejecting the reduction of „medical crime" to the „error-harm" model. The patient safety paradigm distinguishes between preventable and unpreventable harm and links safety to risk management [10]. For criminalistics, this means that an adverse outcome is a reason for investigation, but not proof of a defect. Consequently, competing versions must be formed at the outset: harm as a consequence of a defect in care and harm as a

consequence of acceptable risk, the natural course of the disease, emergency, or other circumstances that exclude illegality. This architecture prevents „blame by outcome" and increases the rigor of evidence.

3.2. Object of the concept: clinical core and periphery

The object of the concept is medical crimes as acts whose criminal unlawfulness is functionally related to medical activity and requires reconstruction of the clinical process. The criterion for classifying an act as falling within the sphere of medical activity in a criminalistic sense is determined not by the departmental affiliation of the institution or the formal context, but by the fact that the evidence is based on medical documentation, clinical solutions, and specialized knowledge. Within this array, a clinical core stands out – cases of harm to life and health in the provision of medical care. This is where the maximum criminalistic complexity manifests itself: it is necessary to establish an applicable standard, identify the defect, prove causality, and assess guilt, taking into account the urgency, lack of resources, and team nature of treatment.

The peripheral contours cover acts in the healthcare field that are not clinical in nature (e.g., illegal practice, drug trafficking, corruption, and official crimes). General criminal investigation techniques are more often applicable to these, but certain modules of the concept are still relevant: documents as evidence, digital chronology, confidentiality, and organizational context. In this way, the concept unfolds „from the core to the periphery": the most complex structure of the clinical core provides methodological calibration and sets transferable investigation tools [6; 9].

3.3. Evidence matrix: „context – standard – process – documentation – defect – causality – fault"

The subject of proof in medical cases must be expressed in clinical and organizational coordinates, otherwise the investigation will remain at the level of „result" (death/complication) without a restored causal-temporal line. The proposed evidence matrix includes six interconnected blocks. Clinical context: the patient's initial condition, risk profile, urgency, availability of resources and diagnostic capabilities. Regulatory corridor: what rules and methods were applicable at the time of the event (protocols, standards, internal regulations) and what courses of action were considered acceptable. Actual process: sequence of solutions and interventions, including patient transfers between departments and shifts. Documentation as an evidence environment: completeness of records, time stamps, consistency of documents and electronic data. Defect in care as an operational category: clinically and organizationally recorded deviation from the normative corridor without acceptable professional and legal justification. Causality and fault: establishing the impact of the defect on the outcome (counterfactual logic) and assessing the possibility of acting differently.

The matrix ensures the „anti-variant" nature of the evidence: it prevents retrospective moral judgment and requires verification of each node in the system. This forms the transition to the trace pattern and normative corridor as the basic conditions for reconstructing the event.

3.4. Trace picture: documents, digital traces, and communications

The trace picture of the clinical core is characterized by the dominance of documentary and digital sources. Of central importance are the medical history/outpatient card, appointment sheets, operation and anesthesia protocols, test results, monitoring records, and consultation and advisory protocols. These documents record not only „what was done" but also „why" and „when" — that is, the rationale for the solution and the clinical dynamics. Organizational documents (duty schedules, routing, resource availability) make it possible to assess the context of the conditions in which medical workers operated and to correctly consider the question of „could the subject have acted differently".

In a digital environment, metadata becomes significant: timestamps, change history, audit logs, and comparison of „paper" and „electronic" event lines. Audit logs of electronic medical records are used to reconstruct the sequence of actions and to verify versions of retrospective changes [4]. Communication forms a separate layer of traces: patient transfer between shifts, notification of critical results, and consultation requests. Studies indicate that structured communication practices can reduce the risk of information transfer errors [5]. Therefore, in the forensic model, the communication

circuit is not a „background" but an independent object of verification, linking the clinical process and organizational responsibility.

3.5. Regulatory corridor: three modes of behavior and evaluation criteria

The normative corridor of medical practice is a set of legal and professional regulators that define appropriate and acceptable behavior in a specific clinical situation. It includes legislative requirements, clinical protocols and standards, instructions for the use of drugs and devices, internal protocols of the institution, as well as documentation rules. At the same time, the regulatory corridor in medicine is not rigidly fixed: clinical variability and individual patient characteristics allow for alternative tactics, especially in emergency situations and when resources are limited.

Within the framework of the concept, it is advisable to distinguish between three modes of behavior. The first is compliance with the standard, when actions correspond to the protocol and documentation reflects the implementation of key steps. The second is permissible deviation, when a departure from the standard algorithm is due to clinical necessity, the objective impossibility of a standard step, or the choice of another recognized tactic; here, the justification and recording of the solution become critical. The third is unjustified deviation, when the deviation is not confirmed by clinical grounds, is not documented, and is associated with the risk of harm.

This model makes the assessment of behavior provable: the subject of analysis is not a formal „violation of protocol" but the establishment of a regimen and its rationale. This logically leads to the category of defective care and causality as mechanisms for the transition from a medical incident to a legally significant event.

3.6. Defective medical care as a constructive element of the concept

Medical malpractice is central to the criminalistic concept of medical crimes, since it is through its establishment that the transition from a medical incident to a legally significant assessment of the behavior of a medical professional is made. Within this concept, a defect is not equated with an unfavorable outcome of treatment and is not reduced to any medical error. It is considered a deviation from the normative corridor of medical activity related to a clinical solution, action, or inaction. It has no acceptable professional justification in the specific conditions of care provision.

It is of fundamental importance to distinguish between the medical and legal assessment of a defect. At the medical level, a defect is established by a forensic medical expert or a commission of experts. The expert examines the compliance of the medical professional's actions with clinical recommendations, medical care standards, and rules of diagnosis and treatment that were in force at the time of care. If a deviation from proper medical practice is identified, the expert classifies it as a defect in medical care in the medical sense, indicating its nature (active or passive), form (individual or organizational), and potential clinical significance. At the same time, the expert does not assess guilt, does not establish criminal illegality, and does not draw conclusions about the existence of a crime, since his conclusion is limited to the professional medical sphere.

The legal assessment of the defect is carried out by the court. Based on the expert opinion and other evidence, the court determines whether the identified medical defect has criminal significance. In particular, it assesses whether the deviation from the normative corridor was significant, whether it went beyond the limits of permissible professional discretion, whether it was causally related to the harm that occurred, and whether it was due to circumstances that exclude illegality, such as permissible professional risk or extreme necessity. In this way, not every medical defect is transformed into a legally significant violation, and the final conclusion about the presence of a defect as an element of a medical crime is exclusively within the competence of the court.

3.7. Causal link: counterfactual reconstruction and „solutions"

Establishing causation in medical malpractice cases represents one of the most difficult and fundamental elements of proving a case. This is due to the multifactorial nature of medical harm, in which the adverse outcome is simultaneously influenced by the underlying disease, concomitant pathology, individual characteristics of the patient, timeliness of treatment, organizational conditions for the provision of care, and specific clinical solutions. In such conditions, causality cannot be established using the formula „after means because of" and requires the reconstruction of the clinical

chronology with the identification of key „points of solution".

The forensic concept is based on a counterfactual approach: at each significant point, it is necessary to answer the question of whether the unfavorable outcome could have been prevented with a reasonable degree of probability if the medical professional had exhibited different and appropriate behavior. Such an analysis makes it possible to distinguish between the natural course of the disease, inevitable complications, acceptable professional risk, and medical malpractice that affected the outcome. Counterfactual reconstruction links causality to real alternatives available to the doctor in specific conditions of time, information, and resources. In terms of evidence, the counterfactual model requires: accurate determination of the timing of solutions, completeness of the data available to the subject, and the reality of alternatives (in terms of resources and time). This increases the importance of safety barriers: checklists, double checks, and structured information transfer. Studies show a link between surgical checklists and a reduction in complications when implemented adequately [1], and between medication safety interventions and a reduction in errors in a number of conditions [2].

At the same time, the cause-and-effect connection in medical malpractice cases is established at two levels: medical and legal. A forensic medical expert determines the medical (factual) cause-and-effect connection by answering specific questions that require professional knowledge. The expert investigates the presence of a defect in medical care, determines whether this defect could have caused harm, contributed to the deterioration of the patient's condition, or accelerated the onset of an adverse outcome, and characterizes the relationship as direct, indirect, probable, or absent. At the same time, the expert does not assess guilt and does not make legal conclusions, limiting himself to the medical sphere.

The final legally significant cause-and-effect connection is established by the court. Assessing the expert's conclusion in conjunction with other evidence, the court solves whether the identified violation was a necessary and essential condition for the harm to occur, whether the chain of cause and effect was interrupted by objective circumstances, and whether the medical professional could have foreseen the consequences and prevented them. Even if there is an expert opinion on a probable or indirect connection, the final solution on the existence of a causal link in the crime is made exclusively by the court, which emphasizes the need for a clear distinction between medical and legal assessments of causality.

3.8. Legality filters and expert outline: completion of the evidentiary model

Even in the presence of a defect and an established link to harm, the concept requires mandatory verification of legality filters—circumstances that exclude illegality or influence the assessment of behavior. This is especially important in medicine, as clinical solutions are often made in situations of immediate danger and uncertainty. Extreme necessity reflects the forced choice of lesser harm to prevent greater harm; in evidentiary terms, these are questions about the reality of danger, the absence of alternatives, and proportionality. Justifiable risk reflects the acceptability of risk for a socially useful purpose, provided that precautions are taken; the goal, exhaustion of alternatives, and safety barriers are verified and documented. The integration of legitimacy filters prevents retrospective „blame by outcome" and is consistent with a systemic understanding of errors and risk in medicine [7; 10].

High dependence on specialized knowledge is compensated for by a manageable expert loop. The expert establishes medical facts (the mechanism of the complication, compliance with standards, medical causality), but does not replace the court in its legal assessment. Complex cases require modularity: clinical expertise in the quality of care, forensic medical assessment, and, if necessary, examination of digital traces (metadata, access logs) [4]. The transparency of the source data and the verifiability of the reasoning ensure that expert knowledge is included in the evidence system without losing procedural control.

4. Conclusion

The study confirms that the investigation of crimes committed in the field of medical practice requires not fragmentary solutions, but a comprehensive forensic model that takes into account the specifics of the clinical process. Medical crimes cannot be adequately investigated and proven solely

by means of criminal law or medical expertise, since their actual content is shaped by professional solutions made in conditions of risk, uncertainty, and limited resources.

The development of a criminalistic concept of medical crimes allows this methodological gap to be filled. The proposed concept focuses the investigation not on the assessment of the adverse outcome as such, but on the reconstruction of the clinical solution, the regulatory conditions for its adoption, and its documentary reflection. The central place in the model is occupied by an evidence matrix that includes the clinical context, the normative corridor, the actual trajectory of the medical process, the defect in medical care, the causal link, and guilt. This structure ensures the consistency and verifiability of evidence and prevents retrospective „accusation based on the result".

Of fundamental importance is the inclusion in the concept of filters of legality — extreme necessity and reasonable risk. These institutions reflect the reality of medical practice and allow for a criminally correct distinction between legitimate clinical choices, defects in the quality of care, and criminally significant violations. Ignoring them leads either to the unjustified criminalization of medical activity or to the actual inaccessibility of criminal law protection for patients.

Equally important is the justification of a controlled expert framework. Specialized medical knowledge is essential in cases of this category, but without a criminalistic concept, it either replaces legal assessment or is used fragmentarily. The concept ensures that expert conclusions are included in the evidence system while maintaining procedural control and distinguishing between competences.

In this way, the need to develop a criminalistic concept of medical crimes is due to the objective complexity of this array of cases. Such a concept serves as the theoretical and methodological basis for fair law enforcement, ensuring a balance between protecting patient rights and preventing unjustified criminal liability of medical professionals.

Bibliography:

1. Bergs J, Hellings J, Van Cleemput I, et al. Systematic review and meta-analysis of the effect of the World Health Organization surgical safety checklist on postoperative complications. Br J Surg. 2014;101(3):150-158. doi:10.1002/bjs.9381
2. Ciapponi A, Fernandez Nievas SE, Seijo M, et al. Reducing medication errors for adults in hospital settings. Cochrane Database Syst Rev. 2021;11(11):CD009985. doi: 10.1002/14651858.CD009985.pub2
3. De Vries EN, Ramrattan MA, Smorenburg SM, Gouma DJ, Boermeester MA. The incidence and nature of in-hospital adverse events: a systematic review. Qual Saf Health Care. 2008;17(3):216-223. doi:10.1136/qshc.2007.023622
4. Kannampallil T, Adler-Milstein J. Using electronic health record audit log data for research: insights from early efforts. J Am Med Inform Assoc. 2023;30(1):167-171. doi:10.1093/jamia/ocac173
5. Müller M, Jürgens J, Redaèlli M, Klingberg K, Hautz WE, Stock S. Impact of the communication and patient hand-off tool SBAR on patient safety: a systematic review. BMJ Open. 2018;8(8): e022202. doi:10.1136/bmjopen-2018-022202
6. Pristanskov VD. *Iatrogenic crimes: the concept, approaches to research.* Monograph. St. Petersburg; 2005.
7. Reason J. Human error: models and management. BMJ. 2000;320(7237):768-770. doi:10.1136/bmj.320.7237.768
8. Runciman W, Hibbert P, Thomson R, Van Der Schaaf T, Sherman H, Lewalle P. Towards an international classification for patient safety: key concepts and terms. Int J Qual Health Care. 2009;21(1):18-26. doi:10.1093/intqhc/mzn057
9. Venev DA. Criminalistic support for the investigation of crimes against life and health committed in the provision of medical services. Abstract of candidate of legal sciences dissertation. Moscow; 2016.
10. World Health Organization. Patient safety: key facts. Published 2023. Accessed January

2026. https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/patient-safety

CZU 342.565(478)

ACCESUL INDIVIDUAL LA JUSTIȚIA CONSTITUȚIONALĂ ÎN REPUBLICA MOLDOVA: CARENȚE STRUCTURALE ȘI PERSPECTIVE DE CONSOLIDARE ÎN LUMINA SECURITĂȚII JURIDICE[11]

IACUB Irina, *avocat, doctor în drept,*
conferențiar universitar, cercetător științific superior,
Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al USM
irinaiacub@yahoo.com;
orcid.org/0000-0002-8349-2789
COSTACHI Gheorghe, *doctor habilitat în drept,*
profesor universitar, cercetător științific principal,
Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al USM
costachi1941@mail.ru;
orcid.org/0000-0003-1396-7598

Abstract: The study examines individual access to constitutional justice in the Republic of Moldova from the perspective of legal certainty, highlighting its exclusively indirect and mediated nature. In the absence of an autonomous right of individuals to directly refer cases to the Constitutional Court, the exception of unconstitutionality remains the main procedural mechanism through which constitutional review of legal norms applicable in a concrete case may be triggered. However, an analysis of procedural norms, Constitutional Court jurisprudence and legal doctrine reveals significant structural limitations of this mechanism, arising from its dependence on ordinary courts, the lack of explicit constitutional recognition of the courts' power to refer cases to the Constitutional Court, and insufficient procedural guarantees ensuring effective and predictable access to constitutional justice.

The paper further explores the relationship between constitutional review and conventionality control exercised by ordinary courts, emphasizing the need for coherent interaction between these mechanisms. Additionally, it assesses the relevance of introducing an individual constitutional complaint as a complementary remedy for the protection of fundamental rights. The study concludes that strengthening individual access to constitutional justice requires not the abandonment of existing mechanisms, but their refinement and completion within a coherent framework capable of ensuring the effective supremacy of the Constitution and enhanced legal certainty.

Keywords: individual access to constitutional justice; legal certainty; structural deficiencies; constitutional review; conventionality control; fundamental rights; Constitutional Court.

Rezumat: Studiul analizează accesul individual la justiția constituțională în Republica Moldova din perspectiva principiului securității juridice, evidențiind caracterul exclusiv indirect și mediat al acestuia. În lipsa consacrării unui drept autonom de sesizare directă a Curții Constituționale, excepția de neconstituționalitate rămâne principalul mecanism prin care persoana poate provoca controlul constituționalității normelor aplicabile într-o cauză concretă. Analiza normelor procedurale, a jurisprudenței Curții Constituționale și a doctrinei relevă însă limite structurale ale acestui mecanism, generate de dependența de instanțele judecătorești, de lipsa unei consacrări constituționale exprese a competenței de sesizare și de absența unor garanții suficiente privind caracterul efectiv și previzibil al accesului la jurisdicția constituțională.

În acest context, studiul examinează rolul controlului de conven ționalitate exercitat de instanțele ordinare și necesitatea corelării acestuia cu mecanismele de control constituțional. Totodată, este analizată oportunitatea instituirii plângerii constituționale individuale ca mecanism complementar de protecție a

[11] Studiu realizat în cadrul subprogramului de cercetare – 01.05.01: „*Securitatea națională a Republicii Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politologice și sociologice*" (SENREMO) (pentru 2024-2027), desfășurat de Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al Universității de Stat din Moldova.

drepturilor fundamentale. Concluziile evidențiază necesitatea perfecționării cadrului normativ și instituțional existent, în vederea consolidării accesului efectiv la justiția constituțională și a securității juridice.

Cuvinte-cheie: acces individual la justiția constituțională; securitate juridică; carențe structurale; control de constituționalitate; control de conven ționalitate; drepturi fundamentale; Curtea Constituțională.

Introducere.

Accesul individual la justiția constituțională reprezintă una dintre garanțiile esențiale ale statului de drept, întrucât asigură supremația Constituției în aplicarea concretă a normelor juridice și protecția efectivă a drepturilor fundamentale. În ordinea juridică a Republicii Moldova, acest acces nu este consacrat ca un drept autonom, ci se realizează exclusiv în mod indirect, prin intermediul unor mecanisme procedurale limitate, a căror eficiență și previzibilitate ridică probleme serioase din perspectiva securității juridice.

În prezent, singurul instrument prin care un justițiabil poate provoca controlul de constituționalitate al normelor aplicabile într-o cauză concretă este *excepția de neconstituționalitate.* Reglementată în Codul de procedură civilă și întemeiată pe competența exclusivă a Curții Constituționale, această instituție are o importanță structurală majoră, întrucât permite eliminarea normelor neconstituționale din ordinea juridică și previne consolidarea unor raporturi juridice întemeiate pe dispoziții contrare Constituției. Cu toate acestea, caracterul său mediat, dependența de intervenția instanței de judecată și insuficiența garanțiilor procedurale privind sesizarea efectivă a Curții Constituționale afectează previzibilitatea și uniformitatea aplicării mecanismului.

În paralel, ordinea juridică națională nu recunoaște *plângerea constituțională individuală* ca mecanism autonom de acces direct la justiția constituțională. Această absență nu constituie, în sine, o deficiență normativă, însă devine problematică în măsura în care mecanismul existent – excepția de neconstituționalitate – nu oferă garanții suficiente pentru realizarea unui control efectiv și previzibil al constituționalității normelor aplicabile cauzelor individuale. Din această perspectivă, examinarea oportunității introducerii plângerii constituționale individuale apare ca o consecință logică a limitelor structurale ale mecanismului actual, și nu ca o opțiune teoretică abstractă.

Principiul securității juridice constituie standardul central prin prisma căruia sunt analizate aceste două dimensiuni ale accesului individual la justiția constituțională. Acesta presupune nu doar stabilitatea și claritatea normelor, ci și existența unor mecanisme procedurale previzibile și efective, apte să permită corectarea aplicării normelor neconstituționale în cauze concrete. În lipsa unor asemenea garanții, supremația Constituției riscă să rămână una declarativă, iar protecția drepturilor fundamentale să fie afectată de incertitudinea privind accesul la controlul constituțional.

Pornind de la aceste premise, studiul își propune să analizeze, pe de o parte, rolul și importanța *excepției de neconstituționalitate* ca principal instrument de acces individual la justiția constituțională, precum și carențele de garantare ale acestuia, iar, pe de altă parte, să examineze necesitatea introducerii *plângerii constituționale individuale* ca mecanism complementar, evaluat din perspectiva consolidării securității juridice. Analiza se întemeiază pe interpretarea sistematică a normelor constituționale și procedurale, pe jurisprudența relevantă a Curții Constituționale și pe exigențele statului de drept, având ca obiectiv formularea unor concluzii fundamentate cu privire la eficiența actualului cadru de acces la justiția constituțională.

Rezultate obținute și discuții.

1. Accesul la justiția constituțională ca garanție a supremației Constituției

Spre deosebire de justiția de drept comun, orientată prioritar spre garantarea supremației legii, justiția constituțională funcționează la un nivel normativ superior, având ca finalitate asigurarea supremației Constituției în întregul sistem juridic. Această distincție funcțională este constant subliniată în doctrină, unde se arată că „drepturile constituționale ale omului pot fi protejate în maniera cea mai eficientă doar prin intermediul justiției constituționale” [1, p. 40]. Prin urmare, jurisdicția constituțională nu reprezintă doar o componentă instituțională a statului de drept, ci un mecanism indispensabil pentru garantarea caracterului efectiv al drepturilor și libertăților fundamentale.

În logica statului de drept, accesul la justiție nu poate fi conceput într-o manieră fragmentară, ci trebuie să includă și accesul la justiția constituțională, întrucât „normele juridice sunt edictate pentru binele individului, acesta fiind atât sursa, cât și finalitatea întregului edificiu normativ" [1, p. 40].

Referitor la accesul cetățenilor la Curtea Constituțională, doctrina observă că, „în dreptul intern, se poate vorbi despre existența unei garanții a dreptului de acces la justiție în fața acestei jurisdicții (denumit și acces liber la justiția constituțională), în măsura în care norma constituțională – în speță art. 20 din *Constituția Republicii Moldova* [2] – nu limitează domeniul de aplicare al garanțiilor sale" [3, p. 62; 4, p. 192]. Cu toate acestea, cadrul normativ actual nu confirmă o asemenea deschidere, întrucât nici Constituția, în dispozițiile sale speciale, nici *Legea cu privire la Curtea Constituțională* [5] nu recunosc persoana fizică drept subiect cu competență de sesizare directă a Curții.

O asemenea interpretare nu poate fi reținută în cadrul constituțional actual. Deși art. 20 din Constituția Republicii Moldova consacră dreptul de acces la justiție într-o formulare generală, acesta nu poate fi interpretat ca instituind o garanție a accesului liber la justiția constituțională. Curtea Constituțională nu este o instanță judecătorească în sensul art. 20, ci o jurisdicție constituțională distinctă, cu un regim propriu de competență și sesizare, reglementat exhaustiv de art. 135 din Constituție.

Accesul la Curtea Constituțională nu este guvernat de principiul general al accesului liber la justiție, ci de un mecanism special, de strictă interpretare, bazat pe enumerarea limitativă a subiecților îndreptățiți să o sesizeze. Extinderea domeniului de aplicare al art. 20 asupra jurisdicției constituționale ar conduce, în mod implicit, la eludarea opțiunii explicite a legiuitorului constituant, care nu a consacrat persoana fizică drept subiect autonom al sesizării Curții Constituționale.

În consecință, art. 20 din Constituție nu consacră și nu poate fi interpretat ca instituind un drept de acces la justiția constituțională, nici direct, nici sub forma unei garanții constituționale implicite. Eventuala instituire a unui asemenea drept poate interveni doar ca rezultat al unei revizuiri constituționale exprese sau al unei opțiuni normative clare a legiuitorului constituant, și nu pe calea unei interpretări extensive a dreptului general de acces la justiție.

În concluzie, deși accesul la justiția constituțională este recunoscut, la nivel doctrinar, ca o garanție esențială a supremației Constituției, cadrul normativ intern nu consacră un drept autonom al persoanei de a sesiza direct Curtea Constituțională. În aceste condiții, realizarea efectivă a acestui acces depinde de mecanismele procedurale indirecte prevăzute de lege, care vor fi analizate în continuare din perspectiva rolului lor în asigurarea accesului la justiția constituțională.

2. Excepția de neconstituționalitate ca mecanism central de acces individual indirect la justiția constituțională

În ordinea juridică a Republicii Moldova, *excepția de neconstituționalitate* constituie principalul și, în prezent, singurul mecanism prin intermediul căruia persoana poate declanșa controlul de constituționalitate al normelor aplicabile unei cauze concrete. Doctrina este unanimă în a recunoaște importanța structurală a acestei instituții, calificând-o drept „un mecanism esențial pentru asigurarea accesului indirect al persoanelor la justiția constituțională" [6, p. 50]. Valoarea sa rezidă în faptul că permite examinarea conformității normelor juridice cu Constituția în contextul aplicării lor concrete, prevenind consolidarea unor raporturi juridice întemeiate pe dispoziții neconstituționale.

Literatura de specialitate subliniază că *excepția de neconstituționalitate* privește în mod direct drepturile și libertățile fundamentale ale cetățenilor și constituie, în egală măsură, „o garanție constituțională a apărării intereselor lor" [7, p. 18]. Din această perspectivă, instituția nu are un caracter pur tehnic sau procedural, ci îndeplinește o funcție materială de protecție a drepturilor fundamentale, plasând Curtea Constituțională în poziția de garant efectiv al supremației Constituției.

Potrivit opiniei exprimate în doctrină, „*excepția de neconstituționalitate* reprezintă un procedeu eficient de protecție a drepturilor și libertăților publice, fiind un mecanism defensiv prin care persoana așteaptă aplicarea legii pentru a-i putea contesta constituționalitatea" [8, p. 86]. Această caracteristică evidențiază natura reactivă a mecanismului, accesul la jurisdicția constituțională fiind condiționat de existența unui litigiu pendinte și de aplicabilitatea normei contestate în cauza respectivă.

Într-o altă abordare doctrinară, s-a arătat că, „prin natura sa, *excepția de neconstituționalitate* funcționează ca o garanție constituțională a drepturilor și libertăților conferite cetățenilor, oferind mijloace de apărare împotriva eventualelor ingerințe ale legiuitorului prin adoptarea unor norme neconstituționale” [6, p. 50]. În consecință, „prin intermediul acestui mecanism, Curtea Constituțională, exercitându-și rolul de garant al supremației Constituției, devine implicit și garantul protecției efective a drepturilor și libertăților fundamentale, asigurând accesul cetățenilor la justiția constituțională în scopul apărării acestora” [9, p. 142].

În plan practic, *excepția de neconstituționalitate* intervine în cadrul unui proces judiciar pendinte, în care partea interesată contestă constituționalitatea dispoziției legale ce urmează a fi aplicată la soluționarea cauzei. Procedura de invocare și soluționare a excepției este reglementată de legislația procesuală, în special de art. 12^1 din Codul de procedură civilă [10], fiind pusă la dispoziția justițiabililor ca instrument de protecție juridică [8, p. 86]. Astfel, mecanismul se integrează în logica controlului concret de constituționalitate, exercitat incidental, ca abatere de la regula generală a controlului abstract.

Curtea Constituțională a Republicii Moldova a interpretat noțiunea de *excepție de neconstituționalitate* ca exprimând „o legătură organică între problema de constituționalitate ridicată și fondul litigiului principal”, subliniind că aceasta reprezintă „o procedură prin care instanța de drept comun, la inițiativa părților sau din oficiu, sesizează jurisdicția constituțională cu privire la conformitatea normei aplicabile cauzei. Denumirea de *excepție* reflectă caracterul său derivat și incidental, în opoziție cu controlul abstract exercitat la sesizarea autorităților publice abilitate” [11].

Totodată, Curtea a statuat în jurisprudența sa că *excepția de neconstituționalitate* constituie un mijloc de acces indirect al persoanelor la jurisdicția constituțională, realizat prin intermediul instanței de judecată, și că acest control concret reprezintă singurul instrument care permite cetățeanului să se apere împotriva legiuitorului în situația în care normele edictate aduc atingere drepturilor sale constituționale. În acest sens, dreptul de a accesa Curtea Constituțională prin intermediul excepției de neconstituționalitate este calificat ca o componentă a dreptului la un proces echitabil, mecanismul respectiv oferind Curții posibilitatea de a-și exercita rolul constituțional de garant al supremației Constituției.

Rezultatul analizei doctrinare și jurisprudențiale confirmă că *excepția de neconstituționalitate* reprezintă un pilon central al accesului individual la justiția constituțională în Republica Moldova. Totuși, caracterul său exclusiv mediat și dependent de intervenția instanțelor de judecată conturează limitele structurale ale mecanismului, aspect care impune o evaluare distinctă din perspectiva securității juridice și a efectivității protecției drepturilor fundamentale.

3. Rolul instanțelor judecătorești în mecanismul de acces la justiția constituțională: între jurisprudență și lipsa consacrării constituționale

Procedura ridicării *excepției de neconstituționalitate* este reglementată expres de art. 12^1 din Codul de procedură civilă al Republicii Moldova, care stabilește că, „în cazul existenței incertitudinii privind constituționalitatea normelor ce urmează a fi aplicate la soluționarea unei cauze, instanța de judecată, din oficiu sau la cererea unui participant la proces, sesizează Curtea Constituțională. Instanța de drept comun nu este în drept să se pronunțe asupra temeiniciei sesizării sau asupra conformității normei cu Constituția, limitându-se la verificarea condițiilor formale de admisibilitate”.

Această reglementare reflectă concepția potrivit căreia instanța ordinară îndeplinește rolul unui intermediar procedural între justițiabil și jurisdicția constituțională, fără a exercita un control propriu-zis de constituționalitate, care rămâne apanajul exclusiv al Curții Constituționale.

Relevanță deosebită prezintă evoluția acestui mecanism sub aspect instituțional. Astfel, până în anul 2016, dreptul de a sesiza Curtea Constituțională cu excepția de neconstituționalitate aparținea doar Curții Supreme de Justiție. Prin Hotărârea nr. 2 din 9 februarie 2016 [11], Curtea Constituțională a operat o remaniere esențială a acestui cadru, statuând că dreptul de sesizare revine tuturor instanțelor judecătorești. Totodată, Curtea a precizat că „judecătorul ordinar nu se pronunţă asupra temeiniciei sesizării sau asupra conformităţii normelor contestate cu Constituţia, limitându-se exclusiv la verificarea întrunirii următoarelor condiții: (1) obiectul excepției să se încadreze în categoria actelor

prevăzute la art. 135 alin. (1) lit. a) din Constituție; (2) excepția să fie ridicată de una dintre părți sau reprezentantul acesteia ori din oficiu de către instanța de judecată; (3) prevederile contestate să fie aplicabile cauzei pendinte; (4) să nu existe o hotărâre anterioară a Curții având ca obiect aceleași prevederi".

Prin această jurisprudență, Curtea Constituțională a consolidat substanțial garanțiile accesului indirect al persoanei la justiția constituțională, soluție anticipată și susținută de doctrină cu mult timp înainte [12, p. 121; 13, p. 148; 14, p. 30].

Ulterior, în anul 2018, art. 12^1 din Codul de procedură civilă a fost modificat în strictă conformitate cu această hotărâre, consacrând expres competența instanțelor judecătorești de a sesiza direct jurisdicția constituțională.

Cu toate acestea, se impune a sublinia că, nici până în prezent, Constituția Republicii Moldova nu a fost revizuită în sensul consacrării explicite a competenței instanțelor judecătorești de drept comun de a sesiza Curtea Constituțională, textul constituțional menținând referirea expresă la Curtea Supremă de Justiție. În aceste condiții, extinderea competenței de sesizare se întemeiază pe o soluție jurisprudențială consolidată și ulterior transpusă în legislația procesuală, însă lipsită de o consacrare constituțională expresă.

Această evoluție a condus, în fapt, la o extindere a rolului tradițional al Curții Constituționale de „legiuitor negativ" și la asumarea unor atribuții cu caracter normativ accentuat, impunând respectarea hotărârilor sale interpretative în absența unor modificări corespunzătoare ale Constituției. Așa cum s-a remarcat în doctrină, „interpretarea Constituției, deși indispensabilă pentru garantarea supremației acesteia, poate genera riscuri pentru securitatea juridică atunci când ajunge să substituie intervenția legiuitorului constituant, în lipsa unor limite normative clare" [15, p. 53-74].

Prin urmare, deși *excepția de neconstituționalitate* rămâne un instrument esențial de acces indirect al persoanei la justiția constituțională, funcționarea sa este marcată de limite structurale care decurg din caracterul mediat al accesului, din dependența de instanțele judecătorești și din lipsa unei consacrări constituționale explicite a acestui mecanism. Aceste limite justifică, din perspectiva securității juridice, examinarea necesității unor mecanisme complementare de protecție constituțională a drepturilor fundamentale.

În acest sens, doctrina a subliniat că, deși *excepția de neconstituționalitate* reprezintă un instrument valoros de protecție a cetățeanului, ea rămâne, în același timp, insuficientă [16, p. 68], întrucât accesul efectiv la justiția constituțională depinde de filtrul obligatoriu exercitat de instanțele judecătorești.

4. Excepția de neconstuționalitate și controlul de convenționalitate

În completarea analizei limitelor structurale ale accesului individual la justiția constituțională prin intermediul *excepției de neconstituționalitate,* se impune examinarea raportului dintre controlul de constituționalitate și controlul de conven ționalitate, în special din perspectiva competențelor instanțelor judecătorești de drept comun. Această analiză urmărește delimitarea domeniilor în care instanțele ordinare pot asigura protecția drepturilor fundamentale prin aplicarea directă a Constituției și a Convenției Europene a Drepturilor Omului [18], fără sesizarea Curții Constituționale, precum și identificarea limitelor acestei competențe, în care *excepția de neconstituționalitate* rămâne mecanismul indispensabil de acces la jurisdicția constituțională.

Potrivit doctrinei [17, p. 357], „atunci când o lege sau o hotărâre de guvern conține asemenea limitări, situația juridică diferă în funcție de faptul dacă procedura respectivă intră sau nu sub incidența art. 6 din Convenția Europeană a Drepturilor Omului, pe lângă garanțiile constituționale interne". Această distincție este esențială, întrucât verificarea compatibilității unei norme juridice cu Constituția Republicii Moldova aparține competenței exclusive a Curții Constituționale, în timp ce verificarea compatibilității unei norme interne cu Convenția Europeană a Drepturilor Omului poate fi realizată de orice instanță din sistemul judiciar.

În temeiul art. 4 din Constituție, normele internaționale referitoare la drepturile fundamentale ale omului se aplică cu prioritate față de normele interne. Această prioritate nu are însă un caracter general și nelimitat, ci se manifestă în cadrul competențelor conferite instanțelor judecătorești de drept

comun. Din această perspectivă, controlul de convenționalitate nu echivalează cu un control difuz al constituționalității, ci reprezintă un mecanism distinct, circumscris aplicării Convenției și jurisprudenței Curții Europene a Drepturilor Omului.

Această delimitare este consolidată expres la nivelul legislației procesuale civile. Astfel, potrivit art. 2 alin. (1) din Codul de procedură civilă al Republicii Moldova, *procedura de judecare a cauzelor civile* este stabilită, inter alia, de Constituție, de hotărârile și deciziile Curții Europene a Drepturilor Omului și de hotărârile Curții Constituționale. În același timp, alin. (2) al aceluiași articol consacră prioritatea Constituției în caz de coliziune cu normele Codului de procedură civilă, precum și aplicarea normei ulterioare în caz de discordanță între normele codului şi cele ale unei alte legi organice. Prin urmare, art. 2 CPC consacră integrarea standardelor constituționale și convenționale în ordinea normativă aplicabilă procedurii judiciare, fără a conferi instanțelor ordinare competența de a înlătura aplicarea normelor materiale neconstituționale.

În consecință, controlul de convenționalitate exercitat de instanțele judecătorești permite înlăturarea aplicării normelor procesuale contrare art. 6 din Convenția Europeană a Drepturilor Omului, precum și a acelor norme materiale care, prin efectele lor, afectează direct dreptul de acces la justiție sau garanțiile procesului echitabil [17, p. 357]. În aceste situații, instanța este în drept să asigure protecția drepturilor fundamentale fără a recurge la mecanismul excepției de neconstituționalitate, însă exclusiv sub aspectul compatibilității normelor procesuale cu Constituția și cu Convenția.

Prin contrast, în cazul normelor materiale de fond care reglementează drepturi, obligații sau statute juridice și care sunt incompatibile cu Constituția, instanțele judecătorești nu dispun de competența de a înlătura aplicarea acestora. În asemenea situații, *excepția de neconstituționalitate* rămâne mecanismul indispensabil și exclusiv de acces la jurisdicția constituțională, singurul capabil să determine eliminarea normei neconstituționale din ordinea juridică.

Prin urmare, deși controlul de convenționalitate exercitat de instanțele ordinare nu constituie o formă de acces la justiția constituțională în sens strict, acesta funcționează ca un mecanism autonom de protecție a drepturilor fundamentale, limitat la normele procedurale și la normele materiale cu impact procedural. Această limitare confirmă caracterul indispensabil al excepției de neconstituționalitate pentru controlul constituționalității normelor materiale de fond și evidențiază, totodată, necesitatea unor mecanisme complementare de acces la justiția constituțională, capabile să asigure coerența și efectivitatea protecției drepturilor fundamentale.

5. Plângerea constituțională individuală ca mecanism complementar de acces la justiția constituțională

Analiza limitelor structurale ale *excepției de neconstituționalitate*, inclusiv caracterul său exclusiv mediat, dependența de instanțele judecătorești și delimitările rezultate din raportul cu controlul de convenționalitate, conduce, în mod firesc, la examinarea instituției *plângerii constituționale individuale* ca posibil mecanism complementar de acces la justiția constituțională. În ordinea juridică a Republicii Moldova, un asemenea mecanism nu este consacrat, deși problematica introducerii sale a fost abordată atât în doctrină, cât și în cadrul unor inițiative legislative încă din anul 2004 [19, p. 92].

Plângerea constituțională individuală, denumită și *recurs constituțional individual*, reprezintă o cale distinctă de acces direct al persoanei la jurisdicția constituțională, având ca obiect contestarea actelor autorităților publice care încalcă sau restrâng drepturile și libertățile fundamentale garantate de Constituție. În sens doctrinar, această instituție este concepută ca un instrument de protecție subsidiară, care intervine după epuizarea căilor ordinare de atac și care permite Curții Constituționale să examineze nu doar norme juridice abstracte, ci și efectele concrete ale aplicării acestora asupra situației juridice a persoanei.

La nivel european și internațional, existența unor mecanisme interne efective de protecție a drepturilor fundamentale este încurajată, Curtea Europeană a Drepturilor Omului subliniind necesitatea ca statele să asigure remedii interne reale și eficiente anterior sesizării sale [20, p. 86]. Din această perspectivă, *plângerea constituțională individuală* apare ca un instrument apt să consolideze protecția

drepturilor fundamentale la nivel național și să reducă dependența excesivă de mecanismele jurisdicționale internaționale.

În dreptul intern, opiniile doctrinare cu privire la oportunitatea instituirii *plângerii constituționale individuale* nu sunt unitare. O parte a doctrinei consideră că introducerea unui asemenea mecanism ar fi inoportună, întrucât cetățenii dispun deja de multiple mijloace de protecție a drepturilor și libertăților fundamentale, inclusiv prin intermediul instanțelor judecătorești, al avocaților parlamentari, al procuraturii, al organizațiilor neguvernamentale și al Curții Europene a Drepturilor Omului. În această optică, accesul direct al persoanei la Curtea Constituțională ar putea conduce la suprasolicitarea jurisdicției constituționale și la afectarea capacității acesteia de a-și exercita rolul constituțional [21, p. 61-62; 22, p. 41; 23, p. 297].

De asemenea, s-a susținut că hotărârile Curții Constituționale sunt definitive și irevocabile, iar sesizarea directă a acesteia de către persoană ar putea limita în mod ireversibil posibilitatea valorificării drepturilor sale în alte proceduri jurisdicționale, ridicând probleme suplimentare de protecție efectivă a drepturilor fundamentale. Totodată, s-a atras atenția asupra riscului ca *plângerea constituțională individuală* să fie calificată ca remediu ineficient de către Curtea Europeană a Drepturilor Omului, în lipsa unor garanții procedurale adecvate [22, p. 41].

În opoziție cu aceste opinii critice, o parte semnificativă a doctrinei autohtone susține implementarea *plângerii constituționale individuale* ca instrument valoros de garantare a drepturilor fundamentale la nivel național [24, p. 163; 25, p. 536; 26, p. 47-52; 27, p. 297-301; 28, p. 41-47; 29, p. 208-220; 30, p. 120-124; 31, p. 116-120; 32, p. 156; 33, p. 53; 34; 35; 36]. Potrivit acestei orientări doctrinare, riscul suprasolicitării Curții Constituționale poate fi prevenit prin instituirea unor filtre procedurale clare de admisibilitate, prin delimitarea strictă a obiectului plângerii și prin reglementarea unor termene și condiții precise de exercitare a acesteia, astfel încât mecanismul să rămână unul subsidiar și excepțional, supus unor filtre stricte de admisibilitate, pentru a evita transformarea Curții Constituționale într-o instanță de control general al legalității.

Un argument central în favoarea *plângerii constituționale individuale* îl constituie posibilitatea exercitării controlului constituționalității asupra actelor puterii judecătorești. În prezent, în Republica Moldova, actele puterii legislative și executive pot fi supuse controlului Curții Constituționale, însă hotărârile definitive și irevocabile ale instanțelor judecătorești care contravin normelor constituționale nu pot fi contestate la nivel național. În aceste condiții, persoana este nevoită să se adreseze direct Curții Europene a Drepturilor Omului, care verifică exclusiv conformitatea actelor naționale cu Convenția, și nu cu Constituția Republicii Moldova [1, p. 40].

Această situație evidențiază o lacună semnificativă în sistemul național de protecție a drepturilor fundamentale, întrucât supremația Constituției presupune ca niciun act al autorităților publice, indiferent de natura sa, să nu fie exclus de la controlul constituționalității. Din această perspectivă, *plângerea constituțională individuală* ar putea funcționa ca un instrument eficient de corectare a eventualelor încălcări constituționale rezultate din acte jurisdicționale definitive și de restabilire a drepturilor fundamentale ale persoanei.

Absența unui asemenea mecanism afectează nu doar completitudinea protecției constituționale, ci și securitatea juridică, în măsura în care persoana nu dispune de un remediu intern capabil să corecteze încălcările constituționale rezultate din acte jurisdicționale definitive.

Generalizând, se poate afirma că introducerea *plângerii constituționale individuale* nu reprezintă o opțiune teoretică abstractă, ci o necesitate obiectivă derivată din limitele structurale ale mecanismului actual de acces la justiția constituțională, din imperativul consolidării securității juridice, precum și al protecției efective a drepturilor și libertăților fundamentale la nivel intern [32, p. 156]. Concepută ca un mecanism subsidiar și complementar *excepției de neconstituționalitate,* iar nu ca un substitut al acesteia, *plângerea constituțională individuală* ar putea contribui la completarea arhitecturii naționale de protecție a drepturilor fundamentale, asigurând un acces real și previzibil al persoanei la justiția constituțională.

6. Carențe și recomandări privind mecanismul accesului individual la justiția constituțională

Analiza cadrului normativ, jurisprudențial și doctrinar privind accesul individual la justiția constituțională în Republica Moldova evidențiază carențe structurale și funcționale care afectează efectivitatea mecanismului, coerența protecției drepturilor fundamentale și previzibilitatea rezultatului juridic din perspectiva principiului securității juridice.

În primul rând, **accesul individual la justiția constituțională are un caracter exclusiv indirect și mediat**, fiind condiționat de existența unui litigiu pendinte și de intervenția instanței judecătorești. Această configurație limitează posibilitatea persoanei de a provoca controlul de constituționalitate în situațiile în care drepturile sale sunt afectate prin acte definitive ale autorităților publice, în special ale puterii judecătorești.

În al doilea rând, **deși art. 12[1] din Codul de procedură civilă consacră,** în mod formal, posibilitatea controlului jurisdicțional asupra refuzului instanței de a ridica excepția de neconstituționalitate, acest control este conceput într-o manieră **tardivă și preponderent formală**, fiind exercitat doar odată cu examinarea fondului cauzei. În consecință, verificarea legalității refuzului intervine, de regulă, după ce norma pretins neconstituțională a fost deja aplicată în soluționarea litigiului, ceea ce diminuează substanțial utilitatea practică a mecanismului și afectează caracterul efectiv al accesului indirect la justiția constituțională.

Această carență este accentuată de faptul că, deși art. 12[1] alin. (4) CPC enumeră criterii legale pentru ridicarea sau refuzul ridicării excepției, formularea lor generală și lipsa unor standarde explicite de aplicare și motivare nu permit limitarea efectivă a marjei de apreciere a instanței. În absența unor repere clare și uniforme, mecanismul este aplicat neuniform și imprevizibil, în detrimentul principiului securității juridice.

În al treilea rând, **extinderea competenței instanțelor judecătorești de a sesiza Curtea Constituțională se întemeiază pe o soluție jurisprudențială și legislativă consolidată, însă nu beneficiază de o consacrare constituțională expresă**. Discrepanța dintre textul Constituției și cadrul normativ infraconstituțional afectează securitatea juridică și previzibilitatea mecanismului de acces la justiția constituțională.

În al patrulea rând, delimitarea dintre controlul de constituționalitate și controlul de conven ționalitate nu este suficient de clar formulată la nivel normativ și jurisprudențial. Absența unor criterii explicite privind domeniile de aplicare ale fiecărei forme de control favorizează fragmentarea mecanismelor de protecție a drepturilor fundamentale și poate conduce la soluții divergente, în special în situațiile în care instanțele ordinare exercită controlul de conven ționalitate și de constituționalitate asupra normelor procesuale.

În al cincilea rând, lipsa unor criterii clare de delimitare între situațiile care impun sesizarea Curții Constituționale și cele în care instanțele judecătorești sunt în drept și obligate să aplice direct Constituția și Convenția Europeană a Drepturilor Omului generează riscul utilizării nejustificate a *excepției de neconstituționalitate*. În asemenea condiții, mecanismul excepției este declanșat inclusiv în cauze ce vizează exclusiv compatibilitatea normelor procesuale sau a normelor materiale cu impact procedural cu standardele constituționale și conven ționale, ceea ce poate conduce la suprasolicitarea jurisdicției constituționale și la deturnarea *excepției de neconstituționalitate* de la funcția sa proprie.

În fine, **absența *plângerii constituționale individuale* ca mecanism autonom de acces direct la jurisdicția constituțională** limitează capacitatea sistemului național de a asigura o protecție completă și coerentă a drepturilor fundamentale. În lipsa unui asemenea instrument, persoana este nevoită, în anumite situații, să recurgă direct la mecanismele internaționale de protecție, ceea ce evidențiază o lacună în arhitectura internă a justiției constituționale și a mecanismului intern de apărare a drepturilor fundamentale.

Analizate cumulativ, aceste carențe demonstrează că mecanismul actual al accesului individual la justiția constituțională, deși funcțional din punct de vedere formal, nu oferă întotdeauna garanții suficiente de efectivitate și previzibilitate, din perspectiva principiului securității juridice.

În lumina carențelor constatate, se impune formularea unor recomandări orientate spre consolidarea efectivității accesului individual la justiția constituțională și întărirea securității juridice, după cum urmează:

În primul rând, se impune consolidarea caracterului efectiv al controlului jurisdicțional prevăzut de art. 12^1 CPC asupra refuzului instanței de a ridica excepția de neconstituționalitate, în special sub aspectul conținutului și intensității acestui control. Deși mecanismul este consacrat normativ, exercitarea sa într-un moment ulterior soluționării fondului cauzei și în absența unor repere clare de evaluare tinde să transforme acest control într-o garanție preponderent formală.

În acest context, este necesară orientarea practicii judiciare spre o verificare reală și efectivă a îndeplinirii criteriilor prevăzute de art. 12^1 alin. (4) CPC, printr-o analiză concretă a pertinenței și relevanței excepției de neconstituționalitate pentru soluționarea cauzei. O asemenea abordare este menită să asigure faptul că accesul indirect la justiția constituțională nu depinde exclusiv de aprecierea larg discreționară a instanței de fond, ci dobândește un grad sporit de previzibilitate și securitate juridică.

Totodată, se impune instituirea, fie pe cale legislativă, fie prin consolidarea practicii judiciare, a unui standard unitar și minim de motivare a refuzului de sesizare a Curții Constituționale, care să permită verificarea efectivă a modului de aplicare a criteriilor legale și să prevină soluțiile arbitrare, lacunare sau stereotipe. O motivare riguroasă a refuzului constituie o garanție indispensabilă a transparenței actului de justiție și a securității juridice.

În fine, este necesară asigurarea unei practici judiciare coerente și previzibile în aplicarea mecanismului excepției de neconstituționalitate, în scopul evitării tratamentului diferențiat al justițiabililor aflați în situații comparabile și al consolidării caracterului efectiv al accesului indirect la justiția constituțională.

În al doilea rând, se impune clarificarea raportului dintre controlul de constituționalitate și controlul de convenționalitate exercitat de instanțele judecătorești. Lipsa unor criterii clare de delimitare favorizează fie substituirea controlului constituțional prin aplicarea exclusivă a Convenției Europene a Drepturilor Omului, fie declanșarea nejustificată a excepției de neconstituționalitate în cauze ce țin exclusiv de compatibilitatea normelor cu standardele convenționale.

În acest sens, este necesară delimitarea explicită a situațiilor în care instanțele judecătorești sunt obligate să aplice direct Constituția și Convenția Europeană a Drepturilor Omului, fără sesizarea Curții Constituționale, precum și a ipotezelor în care sesizarea acesteia este indispensabilă. O asemenea delimitare ar contribui la utilizarea proporțională a excepției de neconstituționalitate și la degrevarea jurisdicției constituționale.

În al treilea rând, se recomandă consacrarea constituțională expresă a competenței instanțelor judecătorești de a sesiza Curtea Constituțională cu *excepția de neconstituționalitate,* în vederea eliminării discrepanței existente între textul Constituției, jurisprudența constituțională și legislația procesuală, discrepanță de natură să afecteze securitatea juridică și previzibilitatea mecanismului.

În fine, se poate examina oportunitatea instituirii *plângerii constituționale individuale* ca mecanism complementar de acces la justiția constituțională, conceput ca remediu subsidiar și excepțional. Introducerea unui asemenea mecanism nu decurge dintr-o obligație constituțională directă și nu este impusă de art. 20 din Constituție, însă poate deveni justificată în măsura în care mecanismele indirecte existente se dovedesc insuficiente pentru asigurarea unei protecții constituționale efective și previzibile a drepturilor fundamentale.

Plângerea constituțională individuală ar trebui, în această ipoteză, să fie supusă unor condiții stricte de admisibilitate, pentru a preveni transformarea Curții Constituționale într-o instanță de drept comun și pentru a menține caracterul său de jurisdicție specializată în garantarea supremației Constituției.

În concluzie, consolidarea accesului individual la justiția constituțională în Republica Moldova presupune nu abandonarea mecanismelor existente, ci perfecționarea și completarea lor într-o arhitectură coerentă, capabilă să asigure realizarea efectivă a supremației Constituției și protecția previzibilă a drepturilor fundamentale, în deplină concordanță cu principiul securității juridice.

Bibliografie

1. Puşcaş V., Nagacevschi V., Perevoznic Iu., Urîtu Șt., Zaporojan V. *Accesul la justiţie.* În: „Evaluarea necesităţilor sistemului judecătoresc din Republica Moldova". Chişinău: S.n., 2006.
2. *Constituţia Republicii Moldova* nr. 1 din 29.07.1994. Republicată în Monitorul Oficial nr. 466 din 13.11.2024.
3. Drăganu T. *Liberul acces la justiţie.* Bucureşti: Lumina Lex, 2003.
4. Chiriţă R. *Paradigmele accesului la justiţie. Cît de liber e accesul la justiţie?* În: Pandectele Române nr. 1, 2006.
5. *Legea cu privire la Curtea Constituţională* nr. 74 din 10.04.2025. În: Monitorul Oficial, nr. 187-189 din 17.04.2025.
6. Ţurcan O. *Excepţia de neconstituţionalitate în contextual general al excepţiilor procesuale.* În: Legea şi Viaţa, 2012, nr. 8.
7. Muraru I., Constantinescu M., *Rolul Curţii Constituţionale în asigurarea echilibrului puterilor în stat*. În: Dreptul, 1992, nr. 9.
8. Muraru I. *Drept constitutional şi instituţii politice.* Bucureşti: Actami, 1998.
9. Muraru I., Constantinescu M. *Curtea Constituţională a României*. Bucureşti: Albatros, 1997.
10. *Codul de procedură civilă al Republicii Moldova*, nr. 225 din 30.05.2003. În: Monitorul Oficial nr. 130-134 din 21.06.2013 (versiune în vigoare din 01.06.2018 în baza modificărilor prin Legea nr. 17 din 05.04.18, MO142-148/04.05.18).
11. *Hotărârea Curţii Constituţionale a Republicii Moldova pentru interpretarea articolului 135 alin. (1) lit.a) şi g) din Constituţia Republicii Moldova (excepţia de neconstituţionalitate) (Sesizarea nr. 55b/2015),* nr. 2 din 09.02.2016. În: Monitorul Oficial nr. 55-58 din 11.03.2016.
12. Moroşan I. *Garanţiile juridice privind drepturile şi libertăţile fudamentale ale omului în Republica Moldova.* Teză de doctor în drept, 2001.
13. Zaporojan V. *Protecţia drepturilor fundamentale în justiţia constituţională a Republicii Moldova.* Teză de doctor în drept. Chişinău, 2007.
14. Creangă L. *Căile de asigurare a constituţionalităţii în RM*. Autoref. tezei de doctor în drept. Chişinău, 2012.
15. Iacub I. *Interpretarea Constituției: între necesitate, limite și riscuri.* În: Revista Națională de Drept, nr. 4-6, 2020, *Ediție specială* ce cuprinde materialele conferinței științifico-practice internaționale din 5 iunie 2020 „Jurisdicția constituțională constituțională din Republica Moldova: abordări, probleme și perspective", p. 53-74.
16. Aramă E. *Controlul constituţionalităţii legilor: istorie şi actualitate.* Chişinău: Museum, 2000.
17. Shutter O., Drooghenbroeck S. *Droit international des droit de l'homme devant le juge national*. Bruxelles: Larcier, 1999.
18. *Convenţia europeană pentru apărarea drepturilor omului şi a libertăţilor fundamentale* din 4 noiembrie 1950 (Roma), ratificată prin Hotărârea Parlamentului RM nr. 1298-XIII din 24.07.1997. În: Monitorul Oficial, 21.08.1997, nr. 54-55/502.
19. Pîrlog V. *Compatibilitatea Convenţiei europene a drepturilor omului cu Constituţia Republicii Moldova în materia libertăţii de exprimare*: Teză de doctor în drept. Chișinău, 2013.
20. Pavlovschi S. *Crearea mecanismului naţional de protecţie a drepturilor omului şi libertăţilor fundamentale: rolul şi locul Curţii Constituţionale*. În: „Justiţia constituţională: actualitate şi perspective", materialele conferinţei internaţionale consacrate aniversării a 10-a a Curţii Constituţionale a Republicii Moldova. Chişinău: Cartdidact, 2005.
21. Susarenco Gh., Popa V. *Raportul naţional privind exercitarea justiţiei constituţionale în RM*. Chişinău 2004.
22. Nagacevschi V. *Opinie separată vis-a-vis de problemaaccesului direct al cetăţeanului la Curtea Constituţională prin intermediul plângerii constituţionale.* În: „Evaluarea necesităţilor sistemului judecătoresc din Republica Moldova". Chişinău, 2006.
23. Guceac I. *Constituția la răscruce de milenii.* Chișinău: S.n., 2013.

24. Railean P. *Recursul constituţional individual – condiţie indispensabilă democratizării Republicii Moldova*. În: „Contribuţii ştiinţifice la edificarea şi consolidarea statului de drept”, conferinţă ştiinţifică internaţională din 3 mai 2011. Chişinău: S.n., 2011.
25. Railean P. *Mecanismul jurisdicţional de asigurare a legalităţii în statul de drept.* Chişinău: S.n., 2015.
26. Puşcaş V. *Apărarea demnităţii umane în practica Curţii Constituţionale a Republicii Moldova*. În: „Justiţia constituţională: actualitate şi perspective”, materialele conferinţei internaţionale consacrate aniversării a 10-a a Curţii Constituţionale a Republicii Moldova. Chişinău: Cartdidact, 2005.
27. Chetruş U. *Recursul la organismele internaţionale – un drept necesar într-o societate democratică*. În: „Teoria şi practica administrării publice”, materialele conf. ştiinţifice cu participare internaţională din 20-21 mai 2013. Chişinău: S.n., 2013.
28. Armeanic A. *Jurisdicţia constituţională – remediu naţional al respectării drepturilor şi libertăţilor fundamentale ale omului.* În: „Rolul Curţii Constituţionale în sistemul protecţiei drepturilor omului şi respectarea CEDO şi jurisprudenţei Curţii Europene în jurisprudenţa şi legislaţia naţională”, materialele conferinţei din 13-14 decembrie 2007. Chişinău: S.n., 2007.
29. Osmochescu N. *Drepturile omului în Republica Moldova: mecanisme naţionale de protecţie*. În: „Rolul Curţii Constituţionale în sistemul protecţiei drepturilor omului şi respectarea CEDO şi jurisprudenţei Curţii Europene pentru drepturile omului în jurisprudenţa şi legislaţia naţională”, materialele conferinţei din 13-14 decembrie 2007. Chişinău: S.n., 2007.
30. Zaporojan V. *Premisele implementării instituţiei recursului constituţional în Republica Moldova*. În: „Justiţia constituţională: actualitate şi perspective”, materialele conferinţei internaţionale consacrate aniversării a 10-a a Curţii Constituţionale a Republicii Moldova. Chişinău: Cartdidact, 2005.
31. Zubco V. *Consideraţii privind condiţiile de admisibilitate a sesizărilor persoanelor la Curtea Constituţională*. În: „Justiţia constituţională: actualitate şi perspective”, materialele conferinţei internaţionale consacrate aniversării a 10-a a Curţii Constituţionale a Republicii Moldova. Chişinău: Cartdidact, 2005, p. 116-120.
32. Smochină A. *Tendinţe actuale în evoluţia jurisdicţiei constituţionale moldoveneşti*. În: „Rolul Curţii Constituţionale în sistemul protecţiei drepturilor omului şi respectarea CEDO şi jurisprudenţei Curţii Europene pentru drepturile omului în jurisprudenţa şi legislaţia naţională”, materialele conferinţei din 13-14 decembrie 2007. Chişinău: S.n., 2007.
33. Dabija T., Arseni Al. *Curtea Constituţională a Republicii Moldova – garant al supremaţiei Constituţiei*. În: Revista Naţională de Drept, 2013, nr. 12.
34. Poalelungi M. *Conduita legală şi justiţia*. Teza de doctor în drept. Chişinău, 2007. 203 p.
35. Poalelungi M. *Obligaţiile pozitive şi negative ale statului prin prisma Convenţiei europene pentru apărarea drepturilor omului şi a libertăţilor fundamentale*. Teză de doctor habilitat în drept. Chişinău, 2015. 324 p.
36. Baţalai I. *Jurisdicţia constituţională – modalitatesupremă a controlului constituţional într-un stat de drept*. Autoreferat al tezei de doctor în drept. Chişinău, 2011. 29 p.

УДК 343.824

RESOCIALIZATION OF CONVICTED PERSONS AS A GOAL OF SENTENCE EXECUTION IN THE CONTEXT OF THE EDUCATIONAL FUNCTION IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Postu Ion
Dr. în dr., conf. univ.
Universitatea de stat din Comrat
mun. Comrat, Republica Moldova
e-mail: ion.postu@yahoo.com
orcid.org/0000-0002-5993-8250

Gheorghieva Svetlana
Dr. în dr., lector
Universitatea de stat din Comrat
mun. Comrat, Republica Moldova
e-mail: gheorghieva.sv@gmail.com
orcid.org/0000-0002-7494-1351

Abstract. This article analyzes the resocialization of convicted persons as a key goal of the execution of criminal sentences and examines the role of education as one of the main means of achieving this goal in the Republic of Moldova. It is shown that, despite the normative recognition of the right of convicted persons to education, the content of the educational function within the penitentiary system largely remains formal and traditional and does not adequately reflect the conditions of the digital society.

Based on an analysis of criminal enforcement and educational legislation, as well as international standards, the author substantiates the conclusion that the resocialization potential of education is reduced due to the limited use of modern educational forms and technologies. The article argues for the necessity of transforming the educational function of sentence execution, focusing on the development of digital and socially significant competencies as a prerequisite for enhancing the effectiveness of resocialization and the social integration of convicted persons.

Keywords: resocialization of convicted persons, execution of sentences, education, penitentiary system, digital society, Republic of Moldova.

Rezumat. Articolul analizează resocializarea persoanelor condamnate ca scop fundamental al executării pedepselor penale și rolul educației ca unul dintre principalele mijloace de realizare a acestuia în Republica Moldova. Se evidențiază faptul că, deși dreptul persoanelor condamnate la educație este recunoscut la nivel normativ, conținutul funcției educative în cadrul sistemului penitenciar păstrează, în mare măsură, un caracter formal și tradițional, nefiind adaptat în mod adecvat condițiilor societății digitale.

Pe baza analizei legislației execuțional-penale și educaționale, precum și a standardelor internaționale, se argumentează că potențialul resocializator al educației este diminuat ca urmare a utilizării limitate a formelor și tehnologiilor educaționale moderne. Autoarea justifică necesitatea transformării funcției educative a executării pedepselor, orientată spre formarea competențelor digitale și social relevante, ca premisă pentru creșterea eficienței resocializării și integrării sociale a persoanelor condamnate.

Cuvinte-cheie: resocializarea persoanelor condamnate, executarea pedepselor, educație, sistem penitenciar, societate digitală, Republica Moldova.

Resocialization of convicted persons is regarded as one of the key objectives of the execution of criminal penalties in a state governed by the rule of law. Contemporary penitentiary policy is increasingly oriented not toward punitive measures, but toward preparing convicted persons for their

return to society, making the effectiveness of the system of execution of sentences dependent on its capacity to ensure social reintegration.

In this context, the educational function of the execution of sentences acquires particular importance, acting as a crucial instrument for personal development, the formation of responsibility, and the professional readiness of convicted persons. In the Republic of Moldova, the right to education is закреплено at the normative level; however, its practical implementation within the penitentiary system largely retains a traditional character and does not fully respond to contemporary social challenges.

Under conditions of digital transformation, education implies the development of digital, communicative, and professional competences that are essential for successful social and labour integration. The absence of an updated educational content reduces the resocializing potential of education and deepens the gap between declared objectives and the real possibilities of their achievement.

The aim of this article is to analyse the educational function of the execution of sentences in the Republic of Moldova through the prism of the goal of resocialization and to substantiate the necessity of its transformation in light of contemporary social and legal conditions.

This article develops and synthesizes the results of the author's previous research on the education of convicted persons and the use of information technologies in the penitentiary system, shifting the focus from individual aspects of educational practice to a conceptual rethinking of the educational function of sentence enforcement in the context of a digital society.

In contemporary criminal law and criminal enforcement doctrine, the resocialization of convicted persons is regarded as a complex and long-term process aimed at restoring stable social ties between the individual and society. This process is concerned not so much with the formal observance of rules of conduct in places of deprivation of liberty as with the formation of an internal readiness for a law-abiding way of life after release, the acceptance of social norms, and the performance of social roles.

International standards for the treatment of prisoners emphasize that the execution of sentences should not be limited to isolation and control. On the contrary, the penitentiary system is expected to ensure the preparation of convicted persons for their return to society, which allows resocialization to be regarded as a system-forming objective that determines the content and direction of penitentiary activities.

Among the means of resocialization, education occupies a special place. Unlike other forms of influence, it has a long-term and sustainable effect, contributing to the development of critical thinking, responsibility, social adaptation, and professional self-realization among convicted persons. Academic literature justifiably highlights the multidimensional nature of the right of convicted persons to education, which simultaneously serves as a means of correction and as a factor in preventing recidivism.

Thus, A. Racu, in the study *"Individualizarea executării pedepsei penale privative de libertate: realități și perspective"*, identifies three key components of the resocialization process of persons deprived of liberty: education, social upbringing, and behavioral change [13, p. 33]. A similar position is taken by G. Sult, developing this idea in the monograph *"Preparation for Release and the Resocialization of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty"* [4, p. 214]. The author emphasizes that the problems of the criminal punishment system cannot be resolved exclusively through repressive measures. In his view, the implementation of criminal policy must take into account the social and personal circumstances of convicted persons, their way of life, individual difficulties, and, most importantly, the challenges they face after release. Such a humanistic approach, focused on considering social factors, is regarded as a necessary condition for achieving the goals of resocialization and enhancing the effectiveness of punishment.

The significance of education in the penitentiary system is also confirmed by contemporary empirical research. Thus, I. K. Shchepkina notes that education is "a leading means contributing to the social resocialization of convicted persons, stabilizing the situation in penal institutions and

exerting a positive influence on the criminogenic situation in society as a whole" [5, p. 239]. Consequently, the state should regard the development of educational programs for convicted persons as a priority area of penitentiary policy.

In practice, staff and specialists of penitentiary institutions recognize the potential of education as a tool for the positive transformation of the convicted person's personality. Educational programs are aimed at raising the level of knowledge, developing intellectual and social competencies, and involving convicted persons in socially useful activities [11, pp. 94–95]. Such an impact is particularly relevant for individuals released after long terms of imprisonment, who require adaptation to changed social and economic conditions.

At the same time, a significant obstacle to successful resocialization remains the persistently negative public perception of former prisoners, which limits their opportunities for employment and social integration. In this regard, educational initiatives in places of deprivation of liberty should be accompanied by information and awareness-raising measures aimed at fostering public understanding of the value of a "second chance" and the importance of rehabilitative approaches.

The right of convicted persons to education is implemented within the framework of the Education Code of the Republic of Moldova [3], which establishes a unified education system in accordance with the levels and cycles defined by the International Standard Classification of Education. In penitentiary institutions, education is provided at various levels and in different forms, ranging from basic education programs for persons lacking fundamental literacy skills to lower secondary (gymnasium) programs for juvenile offenders. In addition, considerable attention is paid to vocational education, the purpose of which is to develop in-demand job skills among convicted persons and to prepare them for independent life after release.

The normative consolidation of the educational function of sentence enforcement in the Republic of Moldova is carried out within the framework of criminal enforcement and educational legislation. The Enforcement Code of the Republic of Moldova classifies education among the means of correction and resocialization of convicted persons, alongside labor and educational work [2, Art. 1, Art. 167], thus formally incorporating it into the system of objectives of sentence enforcement.

At the same time, the Education Code of the Republic of Moldova guarantees the right to education regardless of a person's legal status, including persons deprived of liberty, and allows the implementation of educational programs in full-time, part-time, and distance learning formats [3, Art. 6, Art. 10]. This creates a general legal framework for the use of modern educational technologies.

However, an analysis of the legislation shows that criminal enforcement norms are predominantly declarative in nature and do not disclose the substantive content of the educational function in light of contemporary social and technological conditions. The law does not define the goals and priorities of education within the system of correctional measures, minimum standards for educational programs for convicted persons, criteria for their effectiveness from the perspective of resocialization, or mechanisms for adapting education to conditions of isolation.

As a result, in practice educational activities are subordinated to regime requirements and lose their focus on long-term goals of social reintegration. Such an approach does not comply with international standards, according to which education should be regarded as an integral element of correction and preparation for release and should be brought as close as possible to the national education system [7, Rules 28–30; 17, Rules 104–108]. The formal recognition of the right to education without a normative definition of its content and implementation mechanisms cannot be considered a full fulfillment of the state's international obligations.

The insufficient normative clarity of the educational function of sentence enforcement largely determines its formalized character in the practice of penitentiary institutions in the Republic of Moldova. Educational activities are often reduced to meeting minimal requirements aimed at formally ensuring the right of convicted persons to education, without a clear orientation toward achieving sustainable resocialization outcomes.

Research indicates that traditional forms of education, primarily focused on the acquisition of basic knowledge, continue to prevail in the penitentiary system, while the development of

competencies demanded in contemporary society remains outside systematic attention [15, pp. 92–100]. Under conditions of digital transformation, such an approach reduces the practical value of education and limits its impact on the processes of social adaptation after release.

The formalization of the educational function is also manifested in the absence of an individualized approach to the education of convicted persons. As a rule, educational programs do not take into account the level of prior education, professional experience, or the actual needs of the labor market; as a result, education performs mainly a compensatory rather than a transformative role.

In the doctrine of criminal enforcement law, the multifaceted nature of the right of convicted persons to education is emphasized, as it simultaneously serves as a means of correction, a factor in preventing recidivism, and a key element of social reintegration of the individual [14, p. 48]. However, under a formal approach, this potential remains largely unrealized.

One consequence of this situation is the dominance of a restrictive managerial approach, in which priority is given to regime and security considerations rather than to an assessment of educational measures in light of resocialization goals. Such practice does not always comply with the principle of proportionality in restricting human rights.

Thus, the formalization of educational activities in the penitentiary system of the Republic of Moldova is the result of shortcomings in the normative framework rather than the absence of the very idea of education as a means of resocialization. Overcoming this situation requires a rethinking of the educational function of sentence enforcement and its orientation toward the real social conditions of life that convicted persons face after release.

Contemporary society is undergoing profound digital transformation, encompassing all spheres of social life—from public administration and the economy to education and the labor market. In a digital economy, full social integration increasingly depends not only on the level of formal education but also on the availability of digital competencies, the ability to work with information, and the use of electronic services [9; 16].

In the twenty-first century, education has ceased to be a one-time stage of the life course and has become a process of lifelong learning focused on the development of competencies. International strategic documents emphasize that access to modern educational technologies is a key condition for social inclusion and for preventing the marginalization of vulnerable groups [9; 16].

In this context, the educational function of sentence enforcement requires reconsideration. Preparing convicted persons for life after release presupposes the development not only of basic knowledge but also of practical skills necessary for functioning in a digital society, including digital literacy, the ability for self-directed learning, and the use of electronic public services.

International penitentiary standards proceed from the premise that education in places of deprivation of liberty should be as close as possible to the education system outside penitentiary institutions and should take into account social and technological changes [7, Rule 28]. Otherwise, it loses its resocialization significance.

For the Republic of Moldova, this issue is particularly acute in the context of the active digitalization of public services. The lack of basic digital skills among persons released from places of detention objectively hampers their social and labor integration, increasing the risks of renewed marginalization and recidivism.

The preservation within the penitentiary system of predominantly traditional forms of education, focused on transmitting a minimal amount of knowledge, leads to a gap between the content of the educational function of sentence enforcement and the real needs of contemporary society. In conditions of digital transformation, such forms of education prove insufficient for adequately preparing convicted persons for life after release.

Scholarly research in the fields of criminal enforcement law and penitentiary pedagogy indicates that an exclusive orientation toward traditional educational models reduces their practical value and limits the resocialization potential of education [10, pp. 540–559]. Convicted persons who lack digital skills often face difficulties in accessing employment, education, and social services after release, finding themselves in a situation of secondary social isolation [12, pp. 129–130].

In the Republic of Moldova, this problem is further aggravated by normative restrictions on convicted persons' access to information technologies, including the prohibition on Internet use (Article 208(6) of the Criminal Enforcement Code of the Republic of Moldova) [3], which effectively excludes the use of modern educational tools despite the existence of legal grounds for distance learning in educational legislation.

The limitations of traditional forms of education are also reflected in their weak orientation toward labor market needs. Educational programs that are not aimed at developing relevant professional and digital competencies reduce the competitiveness of convicted persons after release and increase the risk of recidivism [1, pp. 351–356].

Under these conditions, the educational function of sentence enforcement requires substantive renewal based on the transformation of the goals, content, and methods of instruction, taking into account digital and social changes. The use of distance learning formats and digital educational resources, provided that appropriate legal regulation is ensured, may become an effective instrument for implementing the resocialization function of punishment [8, p. 18].

In criminal enforcement law, education is traditionally regarded as one of the key means of rehabilitating convicted persons alongside labor and educational work. However, in a digital society, the formal inclusion of education in the system of sentence enforcement is no longer sufficient. Education as such does not ensure the achievement of resocialization goals if its content is not aligned with the social and technological conditions to which a person returns after release.

Resocialization implies restoring an individual's ability to function fully within the legal, social, and economic environment. In this sense, education must go beyond a compensatory function and assume an adaptive role, forming the skills necessary for life in a modern, institutionally complex society.

International standards emphasize that the education of convicted persons should be future-oriented and as closely aligned as possible with the education system outside places of deprivation of liberty, taking into account changes in the social and economic environment [7, Rule 28].

For the Republic of Moldova, this means the need to abandon a formal approach to the educational function of sentence enforcement and to move toward a model in which education becomes a real instrument of social integration for convicted persons.

The transformation of the educational function of sentence enforcement should be comprehensive and oriented toward the real living conditions that convicted persons face after release. First of all, this involves updating the content of educational programs with a focus on developing digital competencies, including basic digital literacy, skills in using electronic services, and an understanding of how the digital state functions. In the context of the active digitalization of public services, the absence of such skills significantly complicates the process of social reintegration.

An important direction of transformation is the expansion of educational formats through the use of distance and blended learning models adapted to conditions of isolation. International experience confirms that, with appropriate legal regulation and oversight, digital technologies can be effectively used for educational purposes without compromising security requirements [16; 7].

Equally significant is the reconsideration of the role of penitentiary administration, which should ensure not only security and control but also the organizational conditions necessary for implementing educational programs, including through cooperation with educational authorities and educational institutions. At the same time, a key prerequisite remains the normative definition of the goals, principles, and permissible forms of educational activities for convicted persons, which would help overcome fragmented practices and reduce dependence on the discretion of individual institutions.

Education oriented toward contemporary social realities contributes to reducing the social isolation of convicted persons and increases their readiness for law-abiding behavior after release. Research shows that participation in comprehensive educational programs during the period of serving a sentence is associated with lower recidivism rates and a higher level of social adaptation [6, pp. 349–354]. In this context, the transformation of the educational function of sentence enforcement

in the Republic of Moldova represents not only a legal task but also an important social condition for improving the overall effectiveness of the penitentiary system.

The conducted research leads to the conclusion that within the system of sentence enforcement in the Republic of Moldova, the resocialization of convicted persons is formally recognized, at the level of goals and principles, as one of the key objectives of criminal punishment. At the same time, the content of the educational function, which should serve as the main instrument for achieving this goal, largely retains a traditional and, in many respects, outdated character.

An analysis of criminal enforcement and educational legislation shows that the right of convicted persons to education is legally закреплено and formally included in the system of corrective measures. However, the existing legal norms are predominantly general in nature and do not disclose the functional content of education in light of contemporary social and technological conditions. As a result, educational activities in penitentiary institutions are often limited to meeting minimum requirements, ensuring formal compliance with the right to education without fostering the competencies necessary for successful social integration after release.

It has been established that the predominance of traditional forms of education in the context of active digitalization of social processes reduces the resocialization potential of education. The lack of systematic integration of digital and practice-oriented elements deepens the gap between the educational process in places of deprivation of liberty and the real conditions of modern society faced by convicted persons after release.

The study substantiates that the transformation of the educational function of sentence enforcement should be regarded not as an optional measure but as a necessary condition for achieving resocialization goals. Such transformation implies updating the content of educational programs, focusing on the development of digital and socially relevant competencies, expanding forms of learning, and strengthening sustainable interagency cooperation in the field of education.

In conclusion, without a normative and conceptual rethinking of the educational function of sentence enforcement, the penitentiary system risks reproducing formal educational models that do not contribute to the sustainable social reintegration of convicted persons. In this regard, further development of legal regulation should be aimed at establishing a comprehensive approach to education as a key instrument of resocialization in a digital society.

Bibliography:

1. Георгиева, С. *Образование осужденных, роль и место в системе основных средств исправления*. În: Conferinţă ştiinţifico-practică internaţională, Comrat, Moldova, 12 februarie 2021. Ştiinţă, educaţie, cultură: USC, Vol. 1, 2021. P. 351-356;
2. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24.12.2004 Опубликован: 05.11.2010 в Monitorul Oficial Nr. 214-220;
3. Кодекс об образовании от 17 июля 2014 года № 152 Опубликован: 24.10.2014 в Monitorul Oficial Nr. 319-324 статья №: 634 Дата вступления в силу: 23.11.2014;
4. Султ, Г. *Подготовка к освобождению и ресоциализация осужденных к лишению к свободе*. В: Монография МГУ Кишинэу; юрфак, 2015. 214 С;
5. Щепкина, И. К. *К вопросу о проблемах образования осужденных.* В: Знание. Понимание. Умение № 3, 2010. 239 С;
6. Canţer, N. *Resocializarea deţinuţilor prin intermediul programelor educaţionale şi terapeutice*. În: Conferința «Managementul educațional: realizări şi perspective de dezvoltare». Moldova, Bălți, 27 aprilie 2017. P. 349-354;
7. Council of Europe. *Recommendation Rec (2006)2 of the Committee of Ministers to member states on the European Prison Rules* (adopted by the Committee of Ministers on 11 January 2006 at the 952nd meeting of the Ministers' Deputies). Strasbourg: Council of Europe, 2006;
8. Moraru, V, Gheorghieva, S. Challenges of providing education in prisons: analysis of the EHPC practice and perspectives for Moldova. In: *Legea şi Viaţa*, 2024, nr. 2 (378), pp. 17-23;

9. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). *Digital Government Index 2019: Digital Government in the Era of Digital Transformation*. Paris: OECD Publishing, 2020. https://doi.org/10.1787/4de9f5bb-en;
10. Polisca, C-E, Cîrnaţ, T. *Protejarea dreptului la educație prin prisma legislației Republicii Moldova și a jurisprudenței Curții Europene a Drepturilor Omului*. În: State, security and human rights: in condition of information society, 12-13.12.2019, Chișinău. Chișinău: Tipografia Artpoligraf, 2020. P. 540-559;
11. Popşoi, E., Codreanu, A. *Dreptul la educaţie în cadrul sistemului penitenciar*. In: Simpozion ştiinţific al tinerilor cercetători: Simpozion ştiinţific al tinerilor cercetători, Ed. 15, 28-29 aprilie 2017, Chișinău, Republica Moldova: Departamentul Editorial-Poligrafic al ASEM, Ediția.15, Vol.2, 2017. P. 94-95;
12. Postu, I., Gheorghieva, S. *Tehnologii informaționale și sisteme educaționale multifuncționale în suportul dezvoltării procesului educațional în instituțiile penitenciare*. In: Supremația Dreptului, nr. 2, 2024. P. 129-130;
13. Racu, A. *Individualizarea executării pedepsei penale privative de libertate: realități și perspective*. Chișinău, 2015. P. 33;
14. Rusu, O. *Instrumente juridice şi dimensiuni de monitorizare a respectării drepturilor condamnaţilor în penitenciar*e. In: Anale ştiinţifice ale Academiei „Ştefan cel Mare" a MAI al RM: ştiinţe juridice, nr. XV (2), 2015. P. 48;
15. Samoilenco, V. Finalitatea pedepsei penale privative de libertate: între resocializare și subculturalizare. In: *Infracţiunea – Răspunderea penală – Pedeapsa. Drept şi Criminologie*, Ed. Ediţia a 3-a, 7-8 decembrie 2023, Chişinău. Chişinău, Republica Moldova: Centrul Editorial-Poligrafic al Universităţii de Stat din Moldova, 2023, Ediţia a 3-a, pp. 92-100;
16. UNESCO. *Education in Prison: A Literature Review*. Paris: UNESCO Institute for Lifelong Learning, 2021;
17. United Nations. *United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules)*. Adopted by General Assembly resolution 70/175 of 17 December 2015. New York: United Nations, 2015.

УДК 34:613.86:316.624-053.6:004.738.5

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ (ГЕЙМИНГ-АДДИКЦИИ) У ПОДРОСТКОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Хорозов Сергей Гаврилович
доктор социологии,
конференциар университар КГУ,
г. Комрат, Республика Молдова
e-mail: horozovserghei11@gmail.com

Abstract. In the context of total digitalization of the social environment, adolescent gaming addiction is no longer merely a private pedagogical issue but is increasingly becoming a national security concern, requiring the development of a comprehensive system of legal restrictions for developers and protective guarantees for underage users. Within the framework of the humanization of education and the shift toward a learner-centered approach, the importance of analyzing and improving the legal and regulatory framework governing the responsibility of the state, educational institutions, and families for creating a safe and supportive developmental environment is growing.

Keywords: gaming addiction, gaming disorder, minors' rights, International Classification of Diseases, 11th Revision (ICD-11), legal regulation, digital security, child protection.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется интенсивным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни, включая систему образования и досуговую деятельность детей и подростков. Компьютерные и онлайн-игры стали неотъемлемой частью подростковой субкультуры и значимым каналом социализации. Однако наряду с положительными возможностями цифровой среды всё более отчётливо проявляются её риски, одним из которых является формирование гейминг-зависимости как устойчивой формы аддиктивного поведения.

Гейминг-зависимость (игровая зависимость, интернет-игровое расстройство) — это форма поведенческой аддикции, проявляющаяся в патологически устойчивом и неконтролируемом увлечении компьютерными и онлайн-играми, которое приводит к нарушениям в учебной, социальной, эмоциональной и личностной сферах подростка. В научной литературе данный феномен также обозначается как *игровая аддикция*, *интернет-зависимость игровой направленности*.

Гейминг-зависимость негативно отражается на психическом здоровье подростков, уровне их учебной мотивации, качестве межличностных отношений и социальной адаптации. В этой связи проблема выходит за рамки исключительно психологической или педагогической и приобретает выраженное социальное и правовое измерение. Речь идёт не только о трудностях воспитания, но и о защите базовых прав ребёнка на здоровье, безопасность и полноценное развитие.

Актуальность данного исследования продиктована критическим разрывом между стремительным совершенствованием технологий психологического вовлечения в игровых индустриях и инертностью нормативно-правовой базы. В современной жизни игровая зависимость перестает быть частной педагогической проблемой и переходит в категорию угроз национальной безопасности, требуя создания комплексной системы правовых ограничений для разработчиков и гарантий защиты для несовершеннолетних пользователей. В условиях гуманизации образования и ориентации на личностно-ориентированный подход возрастает значение анализа нормативной базы, регламентирующей ответственность государства, образовательных учреждений и семьи за создание безопасной развивающей среды.

Объектом нашего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения цифровой безопасности несовершеннолетних и защиты их психического здоровья от аддиктивного воздействия игрового контента.

Предметом исследования являются нормы международного и национального права, регулирующие деятельность субъектов игровой индустрии, а также правовые коллизии, возникающие при реализации механизмов ответственности разработчиков за использование «манипулятивного дизайна».

Цель работы — теоретическое обоснование и разработка предложений по совершенствованию законодательства, направленного на профилактику гейминг-зависимости через внедрение стандартов обязательного саморегулирования отрасли и усиление контроля за играми.

Методологическую основу исследования составили: *Метод сравнительного правоведения,* который позволил проанализировать эффективность «моделей ограничения» (опыт КНР и Южной Кореи) в сопоставлении с «моделями информирования» (опыт ЕС), а также *Формально-юридический метод,* использованный для анализа текущего состояния нормативной базы (международной и национальной) на предмет соответствия новым технологическим вызовам.

В изложение материала считаем необходимым подчеркнуть, что Международно-правовое признание гейминг-зависимости *в Международных правых нормативных документах* создает достаточную нормативную базу для обоснования необходимости системной профилактики данного явления.

Ключевым международным нормативным документом является *Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11),* утверждённая Всемирной организацией здравоохранения в 2019 году. В МКБ-11 официально закреплено понятие *gaming disorder*, отнесённое к расстройствам, связанным с аддиктивным поведением [1]. Данное положение имеет важное правовое значение, поскольку закрепляет гейминг-зависимость как проблему общественного здоровья, создаёт нормативное основание для разработки государственных программ профилактики и легитимирует деятельность педагогов, психологов и медицинских специалистов в сфере профилактики и коррекции. Таким образом, признание гейминг-зависимости в МКБ-11 переводит данную проблему из области субъективных оценок в сферу юридически и социально значимых явлений, требующих системного реагирования.

Важную нормативную основу составляет и *Конвенция ООН о правах ребёнка (1989),* ратифицированная Республикой Молдова [2]. В документе закреплены положения, которые напрямую связаны с проблемой гейминг-зависимости. Это право ребёнка на охрану здоровья (ст. 24); право на защиту от вредных воздействий (ст. 19); приоритет наилучших интересов ребёнка (ст. 3); право на образование, направленное на развитие личности (ст. 28–29). Если чрезмерное увлечение играми приводит к ухудшению психического состояния детей и подростков, снижению успеваемости и социальной дезадаптации, это объективно означает нарушение прав закреплённых Конвенцией прав ребёнка [2]. Следовательно, государство и образовательные институты несут правовую ответственность за профилактику подобных рисков.

Несмотря на то, что термин «гейминг-зависимость» пока прямо не закреплён в национальном законодательстве, действующие нормативные акты Республики Молдова создают юридическую основу для профилактической работы.

Так *Кодекс об образовании Республики Молдова № 152/2014* закрепляет приоритет охраны здоровья и благополучия обучающихся [3]. В документе подчёркивается необходимость обеспечения безопасной образовательной среды; психолого-педагогического сопровождения учащихся; профилактики рискованного и девиантного поведения; защиты физического и психического здоровья детей. С правовой точки зрения это означает, что образовательное учреждение обязано реагировать на любые формы поведения, угрожающие развитию ребёнка, включая аддиктивные формы, к которым относится и гейминг-зависимость [3].

Не менее значимым является *Закон Республики Молдова «О правах ребёнка» № 338/1994,* который закрепляет право ребёнка на гармоничное развитие личности и защиту от факторов, наносящих вред его физическому, психическому и нравственному развитию [4]. Данный закон позволяет рассматривать игровую зависимость не как частную проблему семьи, а как социально значимый риск, требующий системной профилактики и вмешательства специалистов.

На основе национального законодательства в образовательных учреждениях Республики Молдова внедряются *Политики по защите детей,* регулирующие деятельность школ в сфере профилактики насилия, девиантного и рискованного поведения. Эти документы разрабатываются в соответствии с положениями Кодекса об образовании и национальных стратегий в области защиты детства [3; 5]. В рамках данных политик предусмотрено создание безопасной образовательной среды и профилактика психологических рисков для детей и подростков, применительно к деятельности школьного психолога и работе с семьёй и ребёнком в ситуации риска.

Таким образом, проведённый нами анализ нормативно- правовой базы регулирования игровой зависимости подростков показывает, что международные нормы признают гейминг-

зависимость проблемой общественного здоровья [1], что права ребёнка на здоровье, безопасность и полноценное развитие закреплены в международных документах, а национальное законодательство возлагает на систему образования Республики Молдова ответственность за профилактику факторов риска для развития ребёнка [3; 4]. А школьные политики по защите детей призваны создать практический механизм реализации этих норм [5].

В Республике Молдова целесообразно изучение зарубежного опыта правового регулирования проблемы гейминг - зависимости у подростков. Зарубежный опыт можно разделить на две основные модели: Азиатскую , для которой характерны жесткие технические и временные ограничения и Европейскую, с её регулированием через защиту прав потребителей и запрет «азартных» технологий.

Общеизвестно, что страны Азии первыми столкнулись с массовой зависимостью и внедрили наиболее радикальные меры. Так, Китай применяет самую строгую в мире систему регулирования, вводя лимит времени: несовершеннолетним разрешено играть только 3 часа в неделю (с 20:00 до 21:00 в пятницу, субботу, воскресенье и праздничные дни). В период каникул 2025–2026 гг. лимит расширяется до 15 часов на весь период отпуска. Для борьбы с использованием подростками аккаунтов родителей внедрена система распознавания лиц: если система подозревает, что играет ребенок, она требует сканирование лица в течение 3 минут. Кроме того в Китае запрещена любая игра без привязки к государственному идентификационному номеру потребителя, где необходимо указывать реальные имена вступающих в игру. А вот Южная Корея отказалась от ночного запрета на игры (с 00:00 до 06:00), признав его неэффективным. Там вместо общего запрета введена система «Choice Permit» (2025) и родители сами устанавливают часы доступа для ребенка в каждой конкретной игре. А государство активно финансирует реабилитационные лагеря для геймеров и специализированные клиники.

В Европе акцент делается не на времени игры, а на запрете игровых техник, вызывающих привыкание. Вводится система регулирования лутбоксов, когда «ящики с сюрпризами» приравниваются к азартным играм. К примеру, в Бельгии и Нидерландах продажа случайных виртуальных предметов за реальные деньги без лицензии на игорный бизнес является незаконной. Германия приняла поправки к Закону о защите молодежи и игры с лутбоксами и «темными паттернами» (дизайном, заставляющим играть дольше) получают возрастные ограничения18+.

Для Молдовы, которая активно гармонизирует свое законодательство с нормами Европейского Союза, наиболее целесообразно внедрение европейской модели регулирования с учетом местной специфики. Прямые запреты (как в Китае) вряд ли будут эффективны и соответствовать демократическим нормам, поэтому акцент стоит сделать на защите прав потребителей, прозрачности технологий и профилактике игровой зависимости.

В завершение обозначим ***конкретные шаги в области профилактики геймер зависимости, которые целесообразно внедрить в правовое поле Молдовы.***

✓ В Молдове уже действует строгий запрет на рекламу азартных игр. Логичным продолжением станет признание лутбоксов (платных случайных наград) формой азартных игр. Для этого, на наш взгляд, стоит внести поправку в Закон об организации и проведении азартных игр, обязывающую разработчиков раскрывать шансы выпадения предметов и запрещающую продажу лутбоксов несовершеннолетним.

✓ Законодательно необходимо запретить дизайн игр, который манипулятивно удерживает ребенка в сети (например, уведомления в ночное время или технологии, наказывающие за выход из игры).

✓ Целесообразно, на наш взгляд, внедрение стандартизированной, но конфиденциальной системы учета возраста для доступа к игровому контенту 16+ и 18+. А

также ограничение рекламы внутри игр, т.е. регулирование маркетинга энергетических напитков и внутриигровых покупок, ориентированных на подростков.

✓ Правовое поле должно не только запрещать, но и обеспечивать помощь. Поэтому целесообразно официальное закрепление статуса заболевания «Игровое расстройство» в Молдавском Национальном реестре заболеваний (согласно МКБ-11 ВОЗ), что позволит выделять бюджетные средства на лечение и реабилитацию гейминг - зависимых подростков.

✓ В системе образования в школьные программы необходимо внедрить курс «Цифровой грамотности», обязательные предметы о психологических рисках гейминга и механизмах самоконтроля.

Молдова уже начала работу над аналогом европейской системы правового регулирования в области профилактики гейминг- аддикции и её стоит продолжить. А эффективное решение проблемы возможно при условии комплексного подхода, объединяющего правовые механизмы, психолого-педагогические технологии и активное взаимодействие школы, семьи и общества. Именно такой подход позволяет обеспечить защиту прав подростков, сохранить их психическое здоровье и создать условия для полноценного личностного развития в условиях цифровой среды.

Библиография:

1. Всемирная организация здравоохранения. Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11). – Женева : ВОЗ, 2019.
2. Конвенция о правах ребёнка : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989.
3. Кодекс об образовании Республики Молдова №152 от 17.07.2014.
4. Закон Республики Молдова «О правах ребёнка» №338 от 15.12.1994.
5. Министерство образования и исследований Республики Молдова. Политика по защите детей в образовательных учреждениях. – Кишинэу, 2016

УДК 343.824

ОТ ЗАПРЕТА К КОНТРОЛИРУЕМОМУ ДОСТУПУ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ ОСУЖДЁННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Георгиева Светлана
Доктор права, преподаватель
Комратский государственный университет,
мун. Комрат, Республика Молдова
e-mail: gheorghieva.sv@gmail.com
orcid.org/0000-0002-7494-1351

Abstract. The article analyzes the implementation of legal mechanisms for the use of information technologies in the education of convicted persons within the penitentiary system of the Republic of Moldova. It is shown that, despite the formal recognition of the right of convicted persons to education and the development of distance learning within the national education system, penitentiary practice remains predominantly restrictive. Based on an analysis of criminal enforcement and educational legislation, normative gaps and inconsistencies are identified that hinder the use of digital educational tools under conditions of isolation. The expediency of transitioning to a model of limited and controlled access to information technologies is substantiated as a legal mechanism for balancing security requirements with the protection of the rights of convicted persons. Special attention is given to the prospects for the development of legal regulation, the role of penitentiary administration, and interinstitutional cooperation. Proposals de lege ferenda are formulated, aimed at

improving legal mechanisms and strengthening the rehabilitative potential of education in places of deprivation of liberty.

Keywords: penal enforcement system; information technologies; distance learning; penitentiary institutions; legal mechanisms; controlled access; digitalization; convicts' rights; resocialization.

Аннотация. В статье анализируется реализация правовых механизмов использования информационных технологий в образовании осуждённых в системе исполнения наказаний Республики Молдова. Показано, что при формальном признании права осуждённых на образование и развитии дистанционного обучения в национальной системе образования пенитенциарная практика по-прежнему основывается преимущественно на запретительном подходе. На основе анализа уголовно-исполнительного и образовательного законодательства выявляются нормативные пробелы и противоречия, затрудняющие применение цифровых образовательных инструментов в условиях изоляции. Обосновывается целесообразность перехода к модели ограниченного и контролируемого доступа к информационным технологиям как правовому механизму обеспечения баланса между требованиями безопасности и защитой прав осуждённых. Отдельное внимание уделяется перспективам развития правового регулирования, роли администрации пенитенциарных учреждений и межведомственного взаимодействия. Сформулированы предложения de lege ferenda, направленные на совершенствование правовых механизмов и укрепление ресоциализационного потенциала образования в местах лишения свободы.

Ключевые слова: система исполнения наказаний; информационные технологии; дистанционное обучение; пенитенциарные учреждения; правовые механизмы; контролируемый доступ; цифровизация; права осуждённых; ресоциализация.

Цифровизация в XXI веке стала одним из определяющих факторов развития публичной власти и системы предоставления государственных услуг. Информационные технологии активно внедряются в сферу образования, здравоохранения, социального обеспечения и правосудия, трансформируя традиционные формы взаимодействия государства и граждан [15]. Вместе с тем система исполнения наказаний продолжает оставаться одной из наиболее консервативных сфер публичного управления, что обусловлено её специфическим назначением — обеспечением режима изоляции, безопасности и контроля. В условиях цифровой трансформации общества всё более отчётливо проявляется противоречие между необходимостью поддержания надлежащего уровня безопасности в пенитенциарных учреждениях и обязанностью государства гарантировать реализацию фундаментальных прав осуждённых. К числу таких прав относятся право на образование, доступ к информации и подготовка к социальной реинтеграции после освобождения [4]. В доктрине уголовно-исполнительного права обоснованно подчёркивается многозначный характер права осуждённых на образование, которое рассматривается не только как элемент исправления, но и как средство предупреждения рецидива, а также как фактор, способствующий социальной реинтеграции личности после освобождения [17, p. 306].

Что касается использования информационных технологий в данном контексте, то отметим, что оно приобретает двойственный характер: с одной стороны, они выступают важным инструментом личностного развития и ресоциализации осуждённых, с другой — воспринимаются как потенциальный источник угроз режиму исполнения наказаний, что обусловливает осторожный и зачастую ограничительный подход к их применению.

Анализируя практику Республики Молдова отметим, что внедрение информационных технологий в пенитенциарной системе осуществляется преимущественно фрагментарно и носит эпизодический характер. Как правило, такие инициативы реализуются в рамках отдельных образовательных проектов и не сопровождаются формированием целостной модели правового регулирования [3, p. 658]. Отсутствие специальных нормативных механизмов приводит к тому, что вопросы доступа осуждённых к цифровым ресурсам

решаются на уровне административного усмотрения, что нередко влечёт за собой применение чрезмерно ограничительных мер и не всегда соответствует принципам соразмерности и необходимости [14, p. 140]. В этих условиях особую актуальность приобретает научный анализ правовых механизмов обеспечения использования информационных технологий в системе исполнения наказаний. Целью настоящей статьи является исследование действующего правового регулирования в данной сфере и обоснование необходимости перехода от модели полного запрета к модели ограниченного и контролируемого доступа, позволяющей обеспечить баланс между требованиями безопасности и защитой прав осуждённых.

Развитие дистанционных образовательных технологий является закономерным этапом цифровизации системы образования и отражает современные тенденции трансформации образовательных процессов [2, p. 14]. Дистанционное обучение как форма организации учебного процесса основывается на использовании информационно-коммуникационных технологий и позволяет преодолевать пространственные и временные ограничения, обеспечивая доступ к образованию для различных категорий обучающихся, в том числе для лиц, находящихся в условиях ограниченной свободы [16, p. 16].

В Республике Молдова дистанционная форма обучения предусмотрена действующим законодательством. Кодекс об образовании Республики Молдова закрепляет возможность реализации образовательных программ в очной, заочной и дистанционной формах [6]. Данная норма как правило формирует общую правовую рамку для использования дистанционных образовательных технологий, однако не содержит специальных механизмов их реализации применительно к условиям пенитенциарной системы, что порождает существенные трудности на практике. Особую актуальность дистанционное обучение приобрело в период пандемии COVID-19, когда образовательные учреждения были вынуждены в кратчайшие сроки перейти на цифровые форматы обучения [7, p. 2]. Полученный в этот период опыт продемонстрировал как высокий потенциал дистанционного образования, так и наличие значительных нормативных и организационных пробелов. Отсутствие чётких законодательных определений дистанционного обучения, единых стандартов его реализации и требований к цифровой инфраструктуре существенно осложнило организацию образовательного процесса, особенно для уязвимых категорий обучающихся.

В 2025 году в Республике Молдова был утверждён подзаконный нормативный акт, «Положение об организации и проведении дистанционного и заочного обучения в рамках лиценциатуры и магистратуры» регламентирующий дистанционное и заочное обучение в учреждениях высшего образования [8]. Указанный документ официально закрепил возможность реализации программ бакалавриата и магистратуры в дистанционной форме и свидетельствует о поступательном развитии нормативного регулирования дистанционного образования. При этом указанный Регламент [8] ориентирован на условия функционирования учреждений высшего образования в гражданском секторе и не учитывает правовые и режимные особенности пенитенциарных учреждений, в связи с чем его положения не могут быть непосредственно применены к организации дистанционного обучения осуждённых без внесения специальных нормативных адаптаций.

В пенитенциарных учреждениях Республики Молдова реализация дистанционного обучения сталкивается с дополнительными правовыми и практическими барьерами. В соответствии с ч. 6 ст. 208 Исполнительного кодекса Республики Молдова [5] осуждённым запрещён доступ к сети Интернет. Данное ограничение направлено на обеспечение безопасности и предотвращение несанкционированных коммуникаций, однако на практике оно приводит к фактическому исключению возможности использования дистанционных образовательных технологий даже в образовательных целях.

Отсутствие дифференцированного подхода к доступу осуждённых к информационным ресурсам обусловливает применение запретительной модели, при которой информационные технологии рассматриваются преимущественно как источник потенциальных угроз [12].

Такой подход не в полной мере учитывает современные технические возможности обеспечения кибербезопасности, фильтрации контента и контроля доступа к цифровым ресурсам.

В качестве возможного решения обозначенной проблемы представляется целесообразным внедрение модели ограниченного и контролируемого доступа к информационным технологиям. Речь идёт о создании в пенитенциарных учреждениях специализированной цифровой образовательной среды с использованием IP-адресации, фильтрации трафика и «белых списков» разрешённых ресурсов. Подобный подход позволяет обеспечить доступ исключительно к образовательным платформам, электронным библиотекам и академическим базам данных, где будут исключены использования социальных сетей и иных ресурсов, не связанных с образовательным процессом.

Реализация дистанционного обучения в пенитенциарных учреждениях должна сопровождаться рядом обязательных условий: обеспечением осуждённых необходимыми техническими средствами, разработкой адаптированных образовательных программ, подготовкой педагогических кадров, а также внедрением механизмов контроля и мониторинга использования цифровых ресурсов. Существенное значение имеет и проведение обучающих программ по безопасному использованию информационных технологий как для осуждённых, так и для персонала учреждений.

Практика зарубежных государств и международные стандарты, включая Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы) и Европейские пенитенциарные правила, подчёркивают необходимость включения образовательных программ для осуждённых в национальные системы образования и допускают использование дистанционных форм обучения при условии соблюдения требований безопасности [19].

Дистанционное обучение в местах лишения свободы обладает значительным ресоциализационным потенциалом [1, p. 4]. Оно способствует повышению уровня образования и цифровой грамотности осуждённых, снижает риск социальной изоляции и повышает их шансы на успешную интеграцию в общество после освобождения. Исследования показывают, что лица, получившие образование в период отбывания наказания, демонстрируют более низкий уровень рецидивизма и более высокую готовность к легальной трудовой деятельности [10, p. 137].

Таким образом, дистанционное обучение следует рассматривать как легитимный и перспективный инструмент реализации права осуждённых на образование. Вместе с тем его внедрение в пенитенциарной системе Республики Молдова требует дальнейшего совершенствования нормативной базы, в том числе внесения изменений в Исполнительный кодекс Республики Молдова и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, с целью нормативного закрепления механизмов ограниченного и контролируемого доступа к информационным технологиям.

Так исследование действующего законодательства Республики Молдова показывает, что правовое регулирование использования информационных технологий в системе исполнения наказаний носит фрагментарный и несистемный характер. Несмотря на нормативное признание права осуждённых на образование и развитие дистанционных форм обучения в национальной системе образования, в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют специальные нормы, обеспечивающие реализацию этих прав с применением цифровых технологий.

Кодекс об образовании Республики Молдова закрепляет дистанционную форму обучения как одну из законных форм организации образовательного процесса [6]. Более того, нормативные изменения последних лет, включая подзаконные акты 2025 года, свидетельствуют о расширении применения дистанционного обучения в высших учебных заведениях Республики Молдова [8]. Однако указанные нормы ориентированы на общий контекст функционирования образовательной системы и не учитывают специфические

условия деятельности пенитенциарных учреждений, связанные с режимом изоляции и повышенными требованиями безопасности.

В то же время Исполнительный кодекс Республики Молдова содержит прямые ограничения, препятствующие использованию информационных технологий осуждёнными. В частности, ч. 6 ст. 208 ИК РМ запрещает доступ осуждённых к сети Интернет [5]. Данная норма сформулирована в категоричной форме и не предусматривает исключений либо дифференцированных режимов доступа в образовательных целях. В результате возникает нормативное противоречие между закреплённым правом на образование и фактической невозможностью его реализации с использованием современных образовательных технологий, что противоречит принципу соразмерности ограничений прав человека [9].

Отсутствие специальных процедур и критериев допустимого использования информационных технологий приводит к тому, что вопросы доступа осуждённых к электронным образовательным ресурсам решаются преимущественно на уровне внутренней административной практики пенитенциарных учреждений. Такой подход формирует состояние правовой неопределённости, поскольку решения о предоставлении либо отказе в доступе к цифровым ресурсам не основаны на чётко закреплённых нормативных стандартах, а зависят от усмотрения администрации конкретного учреждения.

К числу ключевых нормативных пробелов в рассматриваемой сфере следует отнести: отсутствие определения правового режима использования информационных технологий в местах лишения свободы; отсутствие разграничения уровней и целей допустимого доступа к цифровым ресурсам; отсутствие процедур взаимодействия пенитенциарных учреждений с образовательными организациями и цифровыми образовательными платформами; отсутствие нормативно закреплённых гарантий защиты прав осуждённых при принятии решений об ограничении доступа к образовательным ресурсам.

Указанные пробелы обусловливают доминирование запретительной модели регулирования, при которой информационные технологии рассматриваются преимущественно как источник потенциальной угрозы режиму исполнения наказаний. При этом современные технические возможности обеспечения кибербезопасности, фильтрации контента и мониторинга доступа фактически остаются вне сферы правового регулирования и не используются в качестве альтернативы полному запрету [11].

Особую проблему представляет отсутствие нормативного закрепления механизмов реализации дистанционного обучения в пенитенциарных учреждениях. Несмотря на наличие правовых оснований для дистанционного образования в системе общего и высшего образования, уголовно-исполнительное законодательство не содержит положений, позволяющих адаптировать данные формы обучения к условиям изоляции. В результате складывается ситуация, при которой осуждённые формально обладают правом на образование дистанционно, но лишены реальных инструментов для его осуществления. Таким образом, действующая нормативная база Республики Молдова характеризуется разрывом между декларативным признанием права осуждённых на образование и отсутствием правовых механизмов его реализации с применением информационных технологий. Устранение данного разрыва требует перехода от фрагментарного регулирования к формированию комплексной модели правового обеспечения использования информационных технологий в системе исполнения наказаний, основанной на принципах законности, соразмерности и защиты прав человека.

Реализация правовых механизмов использования информационных технологий в системе исполнения наказаний Республики Молдова в значительной степени зависит от деятельности администрации пенитенциарных учреждений. Именно администрация обеспечивает практическое соотнесение требований режима и безопасности с необходимостью реализации прав осуждённых, прежде всего права на образование и доступ к информации [13, p. 47-51]. В условиях отсутствия детализированного правового регулирования роль администрации существенно возрастает. На практике это нередко

приводит к преобладанию запретительного подхода, при котором цифровые технологии воспринимаются преимущественно как источник угроз, а не как инструмент ресоциализации. Подобная практика не всегда соответствует принципу соразмерности и может приводить к необоснованному ограничению прав осуждённых.

В этой связи особое значение приобретает нормативное закрепление полномочий администрации и процедур принятия решений в сфере использования информационных технологий. Администрация должна быть ориентирована не только на контроль, но и на создание условий для целевого и контролируемого использования цифровых ресурсов в образовательных целях [18].

Ключевыми задачами администрации являются организация защищённой цифровой среды, определение перечня разрешённых образовательных ресурсов, взаимодействие с образовательными учреждениями и мониторинг использования цифровых средств. Реализация этих полномочий должна осуществляться в рамках чётких правовых стандартов и находиться под институциональным и судебным контролем, что позволяет ограничить элементы произвольного усмотрения.

Эффективное использование информационных технологий в пенитенциарной системе невозможно без межведомственного взаимодействия с органами управления в сфере образования и образовательными учреждениями. Такое сотрудничество обеспечивает интеграцию обучения осуждённых в национальную систему образования и признание полученных результатов. Следовательно, роль администрации и межведомственного взаимодействия является ключевой для реализации модели ограниченного и контролируемого доступа к информационным технологиям. Без их нормативного определения внедрение цифровых образовательных решений в пенитенциарных учреждениях будет носить фрагментарный характер и зависеть от субъективных управленческих решений, что не соответствует международным стандартам обращения с осуждёнными.

Важно подчеркнуть, что предлагаемая модель использования информационных технологий в пенитенциарных учреждениях Республики Молдова не предполагает предоставление осуждённым свободного доступа к сети Интернет или средствам неконтролируемой цифровой коммуникации. Речь идёт исключительно о создании защищённой образовательной цифровой среды с ограниченным и контролируемым доступом, предназначенной для реализации образовательных программ и профессиональной подготовки. Такая модель может быть реализована с применением технических средств фильтрации контента, «белых списков» разрешённых ресурсов, локальных серверов и постоянного мониторинга со стороны администрации учреждения. Поэтапное внедрение в формате пилотных проектов в отдельных пенитенциарных учреждениях позволяет минимизировать риски для режима и безопасности, оценить эффективность предлагаемых решений и обеспечить их дальнейшую нормативную адаптацию. В этом контексте использование информационных технологий выступает не как фактор дестабилизации, а как управляемый правовой инструмент ресоциализации осуждённых, полностью совместимый с задачами исполнения наказаний.

Проведённое исследование показывает, что использование информационных технологий в системе исполнения наказаний Республики Молдова находится на стадии нормативного формирования. Несмотря на формальное признание права осуждённых на образование и развитие дистанционного обучения в национальной системе образования, в пенитенциарной системе до настоящего времени отсутствует целостная модель правового регулирования применения цифровых технологий.

Уголовно-исполнительное законодательство ориентировано преимущественно на обеспечение режима и безопасности, что обусловливает доминирование запретительного подхода и формирует разрыв между декларативным признанием образовательных прав осуждённых и реальными возможностями их реализации с использованием современных образовательных технологий.

Нормативные изменения 2023–2025 годов, направленные на развитие дистанционного обучения, не учитывают специфику пенитенциарных учреждений и ограничения, связанные с исполнением наказаний, что приводит к устойчивому нормативному пробелу. В этих условиях обоснована целесообразность перехода от модели полного запрета к модели ограниченного и контролируемого доступа к информационным технологиям, соответствующей международным стандартам обращения с осуждёнными.

Реализация данной модели требует комплексного правового подхода, включающего нормативное определение целей и пределов использования информационных технологий, процедур контроля и механизмов защиты прав осуждённых. Ключевая роль в этом процессе принадлежит администрации пенитенциарных учреждений и межведомственному взаимодействию с органами управления в сфере образования.

В связи с этим представляется целесообразным:

1. внести изменения в Исполнительный кодекс Республики Молдова, закрепив возможность использования информационных технологий в образовательных целях в условиях контролируемого доступа;
2. разработать подзаконный акт, регламентирующий порядок предоставления осуждённым доступа к цифровым образовательным ресурсам;
3. нормативно закрепить создание защищённой цифровой образовательной среды в пенитенциарных учреждениях;
4. обеспечить разграничение полномочий администрации и органов управления в сфере образования;
5. внедрить программы повышения квалификации персонала в области цифровых технологий и кибербезопасности;
6. предусмотреть процедуры обжалования решений об ограничении доступа к образовательным ресурсам;
7. реализовать пилотные проекты дистанционного обучения с последующей оценкой их эффективности.

Реализация указанных мер позволит перейти к управляемой и правово обеспеченной цифровизации системы исполнения наказаний, повысить эффективность ресоциализации осуждённых и привести национальное законодательство Республики Молдова в соответствие с международными стандартами в области прав человека.

Библиография:

1. Алеевская, А. О. *Дистанционное образование в пенитенциарных учреждениях США.* Научно-методическое обеспечение В: Ведомости уголовно-исполнительной системы № 4, 2015. С. 4;
2. Андреев, А. А., Солдаткин, В. И. *Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии.* В: Электронный журнал Cloud of Science. №.1. 2013. С. 14-21. Доступно: https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-i-distantsionnye-obrazovatelnye-tehnologii/viewer (дата посещения 15.12.2025);
3. Георгиева С. *Образование и информационные технологии как инструменты ресоциализации осужденных*. In: Știință, educație, cultură: 34-a aniversare a Universității de Stat din Comrat culegere de articole, 1 ianuarie 2025, Comrat. Comrat: A&V Poligraf, 2025, Vol.1, pp. 656-661;
4. Европейские пенитенциарные правила: рекомендация Rec(2006)2 Комитета министров Совета Европы (с последующими изменениями). https://rm.coe.int/16804cb7ee (дата посещения 10.12.2025);
5. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24.12.2004 Опубликован: 05.11.2010 в Monitorul Oficial Nr. 214-220;
6. Кодекс об образовании № 152 от 17-07-2014 Опубликован: 24-10-2014 в Monitorul Oficial № 319-324 статья № 634;

7. Образование и COVID-19 в Республике Молдова: Использование возможностей, предоставляемых кризисом в образовании, с целью создания более устойчивой системы образования Координируемая ООН Целевая группа по образованию в области COVID-19 Серия тематических документов. рабочий перевод с английского Август 2020, С. 2. (дата посещения 05.01.2026) Доступно: https://www.unicef.org/moldova/media/ (дата посещения 04.01.2026);
8. Положение об организации и проведении дистанционного и заочного обучения в рамках лиценциатуры и магистратуры Постановление № 164 от 26-03-2025 Опубликован: 24-04-2025 в Monitorul Oficial № 195-198 статья № 219;
9. Council of Europe. European Prison Rules. Strasbourg, 2020. https://rm.coe.int/european-prison-rules-978-92-871-5982-3/16806ab9ae (дата посещения 15.12.2025);
10. Davis L. et al. *Evaluating the Effectiveness of Correctional Education*. RAND Corporation, 2013. P. 137;
11. ENISA. Cybersecurity and Education Systems. Brussels, 2021. https://www.enisa.europa.eu/
12. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA). *Cybersecurity in Education*, 2021. https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/enisa-operate-eu-cybersecurity-reserve (дата посещения 15.12.2025);
13. Gheorghieva S. *Информационные технологии и их воздействие на образовательный процесс осуждённых лиц* In: Vector European. – 2023. с 47-51;
14. Gheorghieva S. *Education in penal institutions: a path to rehabilitation and reintegration*. In: Revista Naţională de Drept, 2023, nr. 2(250), pp. 138-146;
15. OECD "Digital Government Index: 2019 results", OECD Public Governance Policy Papers, No. 03, OECD Publishing, Paris. 2020-10-14 https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/10/digital-government-index_cec25265/4de9f5bb-en.pdf (дата посещения 18.12.2025);
16. Postu, I., Gheorghieva, S. *Access to information technology and prospects of distance education in penal institutions in Moldova*. În: Legea și Viaţa Publicaţie ştiinţifico-practică, № 1 (377), 2024, P. 16;
17. Samoilenco, V. *Dreptul persoanelor private de libertate la educație. Temei juridic. Metode de realizare. Semnificație.* În: State, security and human rights: in digital era, 8-9 decembrie 2022, Chișinău: Centrul Editorial-Poligrafic al USM, 2023, Vol.2, P. 306;
18. UNESCO. Education in Prison: A Tool for Rehabilitation and Reintegration. Paris, 1998. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000111884 (дата посещения 10.12.2025);
19. United Nations. *The Nelson Mandela Rules*, 2015; Council of Europe. *European Prison Rules*, 2020. https://rm.coe.int/european-prison-rules-978-92-871-5982-3/16806ab9ae (дата посещения 11.11.2025);

УДК 342.7

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Чирков Евгений
доктор политических наук,
преподаватель кафедры Публичное право КГУ,
г. Комрат, РМ
e-mail: chirkove@mail.ru
orcid id: 0000-0002-6148-5924

Abstract. The article analyzes the legal mechanisms for protecting human rights in the Republic of Moldova, including national and international instruments. The role of state bodies such as the Constitutional Court, the Ombudsman, and international organizations is examined. Special attention is paid to the implementation of international standards, the case law of the European Court of Human Rights (ECtHR), and the challenges faced by the country's human rights protection system.

Keywords: human rights, Moldova, Constitutional Court, Ombudsman, rule of law, ECtHR, legal protection, democracy, international standards, judicial practice.

Права человека являются фундаментальной ценностью любого демократического государства. Республика Молдова, как участница международных договоров и соглашений, активно развивает систему правовой защиты прав и свобод граждан. Основные гарантии прав человека закреплены в Конституции Республики Молдова (1994 г.) [1], а также в ряде международных документов, таких как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), подписанная и ратифицированная Молдовой.

Конституция Республики Молдова провозглашает права человека высшей ценностью и закрепляет широкий перечень основных прав и свобод, таких как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, право на свободу выражения мнения и другие.

Молдова, присоединившись к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Это означает, что граждане Молдовы, исчерпав все внутренние средства правовой защиты, могут обратиться в ЕСПЧ с жалобой на нарушение своих прав, гарантированных Конвенцией.

В последние годы Республика Молдова предприняла ряд важных шагов по укреплению системы защиты прав человека. Были приняты новые законы, направленные на борьбу с дискриминацией, насилием в семье и другими формами нарушения прав человека.

Несмотря на достигнутые успехи, в сфере защиты прав человека в Молдове остаются нерешенные проблемы. К ним относятся такие явления, как дискриминация по различным признакам, насилие в семье, жестокое обращение со стороны правоохранительных органов, нарушения прав человека в местах лишения свободы и другие.

Целью данной статьи является анализ правовых механизмов защиты прав человека в Республике Молдова, выявление существующих проблем и перспектив развития данной сферы в контексте европейской интеграции. В статье будут рассмотрены как национальные механизмы защиты прав человека, такие как Конституционный суд, Народный адвокат (Омбудсмен), суды общей юрисдикции, так и международные механизмы, такие как ЕСПЧ и другие международные организации, занимающиеся защитой прав человека.

Права человека являются краеугольным камнем любого демократического государства. Республика Молдова, будучи участницей многочисленных международных договоров и соглашений, активно развивает систему правовой защиты прав и свобод своих граждан.

Основные гарантии прав человека закреплены в Конституции Республики Молдова 1994 года, а также в ряде международных документов, таких как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), которую Молдова подписала и ратифицировала.

Конституция Республики Молдова провозглашает права человека высшей ценностью и закрепляет широкий перечень основных прав и свобод, таких как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, право на свободу выражения мнения и другие [1].

Молдова, присоединившись к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Это означает, что граждане Молдовы, исчерпав все внутренние средства правовой защиты, могут обратиться в ЕСПЧ с жалобой на нарушение своих прав, гарантированных Конвенцией.

В последние годы Республика Молдова предприняла ряд важных шагов по укреплению системы защиты прав человека. Были приняты новые законы, направленные на борьбу с дискриминацией, насилием в семье и другими формами нарушения прав человека.

Несмотря на достигнутые успехи, в сфере защиты прав человека в Молдове остаются нерешенные проблемы. К ним относятся такие явления, как дискриминация по различным признакам, насилие в семье, жестокое обращение со стороны правоохранительных органов, нарушения прав человека в местах лишения свободы и другие.

Национальные механизмы защиты прав человека в Республике Молдова представляют собой многоуровневую систему, включающую различные институты и правовые механизмы, направленные на обеспечение соблюдения прав и свобод человека.

Конституция Республики Молдова закрепляет широкий перечень основных прав и свобод граждан, включая право на жизнь, защиту частной собственности, свободу выражения мнений, право на справедливое судебное разбирательство и другие. Эти права и свободы гарантируются Конституцией и охраняются законом [1].

Одним из ключевых институтов защиты прав человека является Конституционный суд Республики Молдова. Он рассматривает жалобы граждан на неконституционность законов и других нормативных актов, а также разрешает споры о компетенции между различными ветвями власти.

Конституционный суд играет важную роль в обеспечении верховенства права и защите конституционных прав граждан. Например, в 2019 году Конституционный суд вынес постановление, касающееся соблюдения принципов верховенства права при проведении парламентских выборов (Постановление № 15/2019) [3]. Решение суда способствовало усилению прозрачности избирательного процесса и защите избирательных прав граждан.

Офис Народного адвоката (Омбудсмена) Республики Молдова играет важную роль в обеспечении соблюдения прав человека. Омбудсмен рассматривает обращения граждан, проводит расследования и рекомендует государственным органам меры по исправлению нарушений.

Омбудсмен является независимым и беспристрастным органом, который действует в интересах защиты прав человека. В 2022 году Омбудсмен инициировал расследование условий содержания в пенитенциарных учреждениях, что привело к рекомендациям по улучшению условий для заключенных.

Суды общей юрисдикции обеспечивают защиту прав граждан путем рассмотрения административных и уголовных дел, связанных с нарушением прав человека. Граждане могут обращаться в суд за защитой своих прав и законных интересов.

Важную роль в правозащитной деятельности играют также неправительственные организации (НПО), такие как Центр правозащитных ресурсов и Promo-LEX, активно занимающиеся мониторингом прав человека и предоставлением юридической помощи уязвимым группам населения. НПО играют важную роль в выявлении нарушений прав человека и привлечении внимания общества к этим проблемам.

В целом, национальные механизмы защиты прав человека в Республике Молдова включают различные институты и правовые механизмы, которые обеспечивают защиту прав и свобод граждан. Однако эффективность этих механизмов может быть повышена путем дальнейшего совершенствования законодательства и укрепления независимости судебной власти и других правозащитных институтов.

Международные механизмы защиты прав человека играют важную роль в обеспечении соблюдения прав и свобод человека в Республике Молдова.

Республика Молдова является участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована в 1997 году), что предоставляет ее гражданам право подавать жалобы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) после исчерпания всех национальных средств защиты.

ЕСПЧ является международным судебным органом, который рассматривает жалобы на нарушения прав человека, гарантированных Европейской конвенцией. Граждане Молдовы могут обращаться в ЕСПЧ, если они считают, что их права были нарушены государственными органами или должностными лицами.

Некоторые наиболее значимые дела, рассмотренные ЕСПЧ по жалобам против Молдовы, включают:

- **Ilașcu and Others v. Moldova and Russia (2004)** – дело о нарушении прав человека в Приднестровском регионе, связанное с незаконным лишением свободы. Это дело стало важным прецедентом в области защиты прав человека в конфликтных ситуациях [4].
- **Ojog and Others v. Moldova (2021)** – дело о нарушениях прав собственности в результате незаконного изъятия земельных участков. Это дело подчеркнуло проблему защиты права собственности в Молдове и необходимость совершенствования законодательства в этой области [5].

Согласно Годовому отчету ЕСПЧ за 2023 год, Республика Молдова остается одной из стран с наибольшим количеством жалоб на 100 000 жителей среди стран Совета Европы. Это подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования национальной системы защиты прав человека и повышения эффективности судебной системы.

ООН и ее специализированные агентства, такие как Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ), активно взаимодействуют с Молдовой в сфере защиты прав человека.

В рамках Универсального периодического обзора (УПО) 2022 года ООН рекомендовала Молдове принять дополнительные меры для борьбы с дискриминацией и улучшения условий содержания в пенитенциарных учреждениях. УПО является механизмом, в рамках которого Совет по правам человека ООН рассматривает ситуацию с правами человека во всех государствах-членах ООН.

Молдова также сотрудничает с другими международными организациями, такими как Совет Европы и ОБСЕ, в области защиты прав человека.

Международные механизмы защиты прав человека играют важную роль в обеспечении соблюдения прав и свобод человека в Республике Молдова. Они дополняют национальные механизмы защиты и способствуют укреплению демократии и верховенства права в стране.

Несмотря на значительный прогресс, система защиты прав человека в Молдове сталкивается с рядом вызовов.

Одним из основных вызовов является политическое влияние на судебную систему и органы правозащиты. Это может проявляться в давлении на судей и сотрудников правоохранительных органов, в попытках использовать их в политических целях, а также в недостаточной независимости этих органов от других ветвей власти.

Ограниченные ресурсы для реализации правозащитных инициатив также являются серьезной проблемой. Недостаточное финансирование может приводить к тому, что

правозащитные организации и государственные органы, занимающиеся защитой прав человека, не имеют достаточных средств для эффективной работы.

Проблемы с выполнением решений ЕСПЧ также остаются актуальными. Несмотря на то, что Молдова признает юрисдикцию ЕСПЧ, решения этого суда не всегда выполняются в полной мере и своевременно.

Медленная имплементация международных стандартов в национальное законодательство также является проблемой. Молдова принимает участие в различных международных договорах и соглашениях в области прав человека, однако процесс их имплементации в национальное законодательство может быть длительным и сложным.

Перспективы развития защиты прав человека в Молдове связаны с усилением независимости судебной власти, активным участием гражданского общества в мониторинге прав человека, а также с расширением международного сотрудничества, в частности с ЕС и ООН [7].

Усиление независимости судебной власти является ключевым условием для обеспечения эффективной защиты прав человека. Независимые и беспристрастные судьи должны иметь возможность принимать решения, основанные на законе, а не на политическом влиянии.

Активное участие гражданского общества в мониторинге прав человека также играет важную роль. Гражданские организации могут осуществлять общественный контроль за деятельностью государственных органов, выявлять нарушения прав человека и привлекать внимание общества к этим проблемам.

Расширение международного сотрудничества, в частности с ЕС и ООН, может способствовать укреплению системы защиты прав человека в Молдове. Международные организации могут оказывать экспертную и финансовую помощь, а также делиться своим опытом в области защиты прав человека [6].

В целом, система защиты прав человека в Молдове находится в процессе постоянного развития и совершенствования. Несмотря на существующие вызовы, есть основания полагать, что в будущем ситуация в этой области будет улучшаться.

Правовые механизмы защиты прав человека в Республике Молдова представляют собой сложную и многоуровневую систему, включающую как национальные, так и международные инструменты.

Национальные механизмы защиты прав человека включают Конституционный суд, который является высшим органом конституционного контроля и рассматривает жалобы граждан на неконституционность законов и других нормативных актов. Институт Омбудсмена (Народного адвоката) [2] играет важную роль в обеспечении соблюдения прав человека, рассматривая обращения граждан и проводя расследования по фактам нарушений. Судебная система, включая суды общей юрисдикции, обеспечивает защиту прав граждан путем рассмотрения административных и уголовных дел, связанных с нарушением прав человека.

Международные механизмы защиты прав человека, такие как Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), предоставляют гражданам возможность обратиться за защитой своих прав на международном уровне, исчерпав все внутренние средства правовой защиты. Республика Молдова, будучи участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию ЕСПЧ и обязана исполнять его решения.

Несмотря на наличие разнообразных правовых механизмов защиты прав человека, в Республике Молдова существуют проблемы, связанные с эффективностью их функционирования. Одной из основных проблем является политическое влияние на судебную систему и органы правозащиты, что может приводить к недостаточной независимости и объективности их деятельности. Ограниченные ресурсы, выделяемые на реализацию правозащитных инициатив, также могут препятствовать эффективной защите прав человека. Проблемы с выполнением решений ЕСПЧ и медленная имплементация международных стандартов в национальное законодательство также остаются актуальными вызовами.

Для эффективного функционирования системы защиты прав человека в Республике Молдова необходимо дальнейшее развитие институтов, устранение политического влияния и усиление правоприменительной практики. Важными направлениями развития являются усиление независимости судебной власти, активное участие гражданского общества в мониторинге прав человека, а также расширение международного сотрудничества, в частности с ЕС и ООН [8].

В целом, система защиты прав человека в Республике Молдова находится в процессе постоянного развития и совершенствования. Несмотря на существующие проблемы, есть основания полагать, что в будущем ситуация в этой области будет улучшаться.

Библиография:

1. Конституция Республики Молдова от 29.07.94.//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1 от 12.08.1994.
2. Закон Республики Молдова № 52 от 03-04-2014 о народном адвокате (омбудсмене) Опубликован : 09-05-2014 в Monitorul Oficial № 110-114 статья № 278 ИЗМЕНЕН ЗП452 от 28.12.23, МО28-31/23.01.24 ст.47; в силу с 23.01.24
3. Решение Конституционного суда № 15/2019. https://www.constcourt.md/public /ccdoc/hotariri/h_16_15.06.2019_revizuire_rus.pdf (дата обращения: 12.01.2025г.)
4. Европейский суд по правам человека. «Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia», 2004.
5. Европейский суд по правам человека. «Ojog and Others v. Moldova», 2021.
6. ООН. Универсальный периодический обзор по Молдове, 2022. https://www.ohchr.org (дата обращения: 12.01.2025г.)
7. Омбудсмен Республики Молдова. Годовой отчет, 2023. https://ombudsman.md (дата обращения: 12.01.2025г.)
8. Promo-LEX. «Доклад о правах человека в Молдове», 2023. https://promolex.md (дата обращения: 12.01.2025г.)

УДК 327.56

КРИЗИС В ИРАНЕ (2025–2026) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ АФГАНИСТАНА

Oleksandr Veretilnyk
доктор политических наук (PhD)
Поморская Высшая Школа в Старогарде-Гданьском
г. Старогард-Гданьский, Польша
e-mail: oleksandr.veretilnyk@protonmail.com
orcid id: 0000-0001-5286-4466

Abstract: This article analyzes the escalation of the crisis in Iran during 2025–2026 and its multifaceted impact on Afghanistan's national security. The study argues that the Iran crisis transcends regional boundaries, posing significant humanitarian, economic, and strategic threats to the fragile Islamic Emirate of Afghanistan. The conflict's evolution from a localized confrontation into a broader proxy war involving key regional and global actors has exacerbated instability in the Middle East and generated spillover effects affecting Afghanistan's migration patterns, economic stability, and security landscape. The article underscores the urgent need for adherence to international legal norms to prevent further regional destabilization.

Keywords: Iran crisis, Afghanistan, national security, Middle East conflict, Palestine, Israel, international law

В октябре 2023 года палестино-израильский конфликт вступил в новую фазу эскалации, последствия которой оказали существенное воздействие на региональную стабильность и вновь актуализировали вопрос об эффективности существующих международно-правовых механизмов его урегулирования. Отправной точкой данного витка насилия стала крупномасштабная военная операция под кодовым названием «Наводнение Аль-Аксы» *(Operation Al-Aqsa Flood)*, начатая 7 октября вооружёнными формированиями движения ХАМАС — палестинской организации, осуществляющей фактическое управление сектором Газа [5].

С точки зрения её инициаторов операция представляла собой акт вооружённого сопротивления, направленный на прорыв шестнадцатилетней военно-экономической блокады сектора Газа, пересмотр сложившегося статус-кво и привлечение внимания международного сообщества к проблеме оккупации палестинских территорий [5].

Реакция международного сообщества на данные события с самого начала продемонстрировала раскол по хорошо известным геополитическим линиям. Израиль, Соединённые Штаты Америки, а также ряд их ключевых союзников — включая Европейский союз, Великобританию, Канаду, Австралию и Японию — единодушно осудили действия ХАМАС, квалифицировав их как «террористическое нападение» и «акт неспровоцированной агрессии», мотивированный, согласно доминирующему в данном лагере нарративу, идеологией уничтожения «еврейского государства». Данная интерпретация легла в основу легитимации последующих военных действий Израиля как реализации «неотъемлемого права на самооборону» в соответствии со статьёй 51 Устава ООН [6].

В то же время значительная часть международного сообщества — прежде всего арабские и мусульманские государства, а также многие страны Глобального Юга — предложила принципиально иную интерпретацию данных событий. Не выражая прямой поддержки насильственным методам ХАМАС, представители данного лагеря указывали на то, что структурные причины эскалации коренятся в длительной и системной политике оккупации и поселенческой колонизации палестинских территорий, осуществляемой Израилем. С их точки зрения, подписание Соглашений в Осло (1993 г.) и последовавший односторонний вывод израильских поселений и войск из сектора Газа (2005 г.) не привели к подлинному мирному урегулированию, а были использованы для консолидации израильского контроля над Западным берегом реки Иордан и Восточным Иерусалимом. Политика расширения израильских поселений, квалифицируемая в резолюциях ООН и практике Международного суда ООН как противоречащая международному праву, систематическая дискриминация палестинского населения, а также блокада сектора Газа рассматриваются в рамках данной интерпретации как факторы, подрывающие саму возможность мирного урегулирования и реализации формулы «два государства для двух народов» — консенсусной основы международных усилий по урегулированию палестино-израильского конфликта, предполагающей создание независимого, суверенного и жизнеспособного Государства Палестина в границах 1967 года со столицей в Восточном Иерусалиме [7, 8, 9].

Единственными акторами, открыто одобрившими операцию «Наводнение Аль-Аксы» с самого начала, стали Исламская Республика Иран и её коалиция прокси-сил, известная как «Ось сопротивления». Этот военно-политический альянс, сформированный Тегераном, представляет собой сложную сетевую структуру негосударственных вооружённых формирований, объединённых идеологией антисионизма, антиамериканизма и шиитского фундаментализма. В ядро данного альянса, помимо самого Ирана, входят ливанская «Хезболла», обладающая значительным ракетным арсеналом; йеменское движение «Ансар Аллах» (хуситы), контролирующее часть территории Йемена и представляющее угрозу судоходству в Красном море; коалиция иракских шиитских ополчений «Исламское сопротивление в Ираке»; а также иностранные бригады, такие как афганские «Фатимийюн» и пакистанские «Зайнабиюн», принимавшие участие в сирийском конфликте на стороне режима Башара Асада. Палестинские движения ХАМАС и «Исламский джихад», несмотря на

конфессиональные различия, долгое время рассматривались как стратегические партнёры и де-факто участники этой оси, получая от Ирана финансовую, военную и идеологическую поддержку [3, 10].

Военная операция ХАМАС, первоначально воспринятая как локальный конфликт, вызвала каскадную эскалацию, которая быстро превратилась в крупнейший военно-политический кризис на Ближнем Востоке за последние десятилетия. Ответ Израиля не ограничился масштабной наземной операцией в секторе Газа: он включал регулярные рейды и аресты на оккупированном Западном берегу, а также перекрёстные удары по территории Ливана и Сирии, направленные против целей, связанных с «Хезболлой» и иранским присутствием. Таким образом, конфликт приобрёл трансграничный характер, постепенно вовлекая новых участников. С одной стороны, активизировались члены «Оси сопротивления»: йеменские хуситы начали атаки на судоходство в Красном море, иракские ополченцы — на объекты США в Ираке и Сирии, а «Хезболла» — регулярные обстрелы северных районов Израиля и оккупированных им Голанских высот. С другой стороны, в конфликт напрямую вмешались внерегиональные державы, прежде всего США и Великобритания, оказавшие Израилю беспрецедентную дипломатическую, военную и разведывательную поддержку, а также предпринявшие собственные военные операции в Йемене под предлогом «защиты свободы судоходства» [3].

Интернационализация конфликта создала для Израиля стратегическое пространство для последовательного повышения уровня эскалации и расширения целей военной кампании. Апогеем данного процесса стала прямая атака Израиля на объекты на территории Ирана в июне 2025 года, мотивированная обвинениями Тегерана в поддержке «терроризма» и стремлении к обладанию ядерным оружием. Последовавшая «12-дневная война» между Израилем и Ираном, в ходе которой Соединённые Штаты нанесли удары по иранской ядерной инфраструктуре, стала беспрецедентным примером прямого военного столкновения двух региональных антагонистов с участием сверхдержавы. Заключённое при посредничестве администрации Дональда Трампа перемирие, несмотря на временное прекращение боевых действий, не разрешило фундаментальных противоречий, оставив обе стороны в состоянии перманентной конфронтации, чреватой новым обострением [3].

Подписанное осенью 2025 года отдельное перемирие между Израилем и ХАМАС оказалось нестабильным и неэффективным. Основным фактором его срыва стал отказ Израиля выполнить ключевые условия, связанные с полным выводом оккупационных войск из сектора Газа и снятием блокады, ограничивающей доступ жизненно необходимой гуманитарной помощи. Продолжающийся военный контроль и ограничения усугубили гуманитарную катастрофу. Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ), Международного комитета Красного Креста (МККК) и ведущих правозащитных организаций, таких как Amnesty International и Human Rights Watch, гражданское население Газы в ходе конфликта систематически сталкивалось с массовыми насильственными перемещениями, разрушением критической инфраструктуры (больниц, водопроводов, школ) и искусственно созданным дефицитом продовольствия и медикаментов, что в совокупности квалифицируется экспертами как условия, ведущие к голоду [2, 4]. Ряд специальных докладчиков ООН и исследователей открыто заявляют о наличии убедительных доказательств для рассмотрения действий Израиля в контексте Конвенции о предупреждении преступления геноцида 1948 года, что нашло отражение в решении Международного суда ООН о применении временных мер к Израилю [1, 8, 9].

В декабре 2025 года конфликт приобрёл новое измерение. Масштабные антиправительственные протесты в Иране, возникшие на фоне тяжелейшего экономического кризиса, были жестко подавлены силовыми структурами, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Иранское руководство возложило ответственность на «внешние силы» — Израиль и Соединённые Штаты Америки, обвинив их в подрыве стабильности страны. Жёсткие заявления президента США Дональда Трампа и израильского

руководства, направленные на «защиту иранского народа» с угрозами военного вмешательства, создали прецедент, при котором внутренний политический кризис мгновенно интернационализировался, превратившись в новый очаг прямой конфронтации. Этот продолжающийся кризис (2025–2026 гг.) представляет собой комплексную угрозу безопасности всего региона, включая соседний Афганистан.

Для Исламского Эмирата Афганистан, который в августе 2021 года вышел из двадцатилетнего периода войны и иностранной оккупации и находится в состоянии хрупкого восстановления, дестабилизация ситуации в Иране представляет собой серьёзные и взаимосвязанные вызовы.

Во-первых, любое военное обострение в приграничных и урбанизированных районах Ирана неизбежно вызовет массовый поток беженцев, направляющихся преимущественно в Афганистан, учитывая закрытость других границ и исторические связи между странами. Такой масштабный миграционный кризис усугубит и без того критическую ситуацию с гуманитарной инфраструктурой страны, которая зависит от международной помощи, и вызовет конкуренцию за ограниченные ресурсы, что может привести к вспышкам болезней и росту социальной напряжённости. Кроме того, лагеря беженцев традиционно становятся очагами повышенного риска — здесь могут активизироваться радикальные группировки, включая ИГИЛ, а также развиваться криминальные сети, что создаст дополнительные угрозы внутренней безопасности.

Во-вторых, экономические последствия конфликта в Иране будут ощутимы и для Афганистана. Иран является важным торговым партнёром и транзитным коридором для товаров и топлива. Военные действия приведут к остановке двусторонней торговли и транзита, вызовут резкий рост цен и дефицит ключевых товаров, в том числе горюче-смазочных материалов, а также спровоцируют падение национальной валюты Афганистана — афгани.

В-третьих, военный конфликт повысит вероятность прямых инцидентов на афгано-иранской границе, включая риск попадания ракет или дронов на территорию Афганистана. Одновременно могут активизироваться проиранские шиитские формирования, такие как «Фатимийюн», что создаст предпосылки для внутренних столкновений и даст повод для внешнего вмешательства. Кроме того, ослабление контроля над границей откроет пути для перемещения боевиков, оружия и наркотиков, усугубляя угрозы безопасности обеих стран.

Наконец, наиболее серьёзной стратегической угрозой для правительства «Талибана» станет возможное появление враждебной военной инфраструктуры у западных границ Афганистана. Падение шиитской теократии в Иране и замена её проамериканским или нестабильным режимом может привести к размещению военных баз США и их союзников, включая Израиль, рядом с афганской территорией. Такое развитие существенно изменит региональный баланс сил, окружит Афганистан потенциально враждебными государствами и ограничит стратегическую автономию талибов. Кроме того, присутствие военных объектов у границ создаст прямую угрозу идеологическому режиму «Талибана», который традиционно занимает жёсткую антиизраильскую и антиамериканскую позицию, что может спровоцировать новый виток конфронтации и усиление милитаризации западных провинций страны. Наконец, усилится угроза «цветной революции» и внутренней дестабилизации, поскольку присутствие враждебных сил будет рассматриваться Кабулом как база для поддержки оппозиции и подрывной деятельности, что приведёт к ужесточению внутренней политики и росту расходов на безопасность в ущерб социально-экономическому восстановлению.

Таким образом, новый кризис вокруг Ирана не может рассматриваться Афганистаном как внешнее событие; он представляет собой непосредственную и многогранную угрозу национальной безопасности, экономической стабильности и социальной сплочённости страны, способную вернуть её к состоянию хаоса и насилия.

Проведённый анализ позволяет заключить, что эскалация, начавшаяся в октябре 2023 года, стала не просто очередным витком палестино-израильского противостояния, а качественным переходом к новой, более опасной фазе системного кризиса на Ближнем Востоке. Этот кризис характеризуется тремя взаимосвязанными признаками, которые имеют далеко идущие последствия для международного права и глобальной безопасности.

Во-первых, конфликт выявил глубокий кризис ключевых институтов и норм международного правопорядка. Принцип запрета приобретения территории силой, закреплённый в Уставе ООН, был фактически девальвирован продолжающейся оккупацией и колонизацией палестинских земель. Право на самооборону (статья 51 Устава ООН), используемое Израилем и его союзниками для легитимации своих действий, применялось непропорционально и без временных ограничений. По оценкам экспертов ООН и Международного суда, это трансформировалось в коллективное наказание и операции, сопряжённые с военными преступлениями и действиями, подпадающими под Конвенцию о предупреждении преступления геноцида [1, 7, 8, 9]. Паралич Совета Безопасности ООН вследствие использования права вето легитимировал возврат к праву сильного как основному регулятору международных отношений в регионе.

Во-вторых, конфликт эволюционировал из локального столкновения между Израилем и палестинскими движениями сопротивления в комплексную proxy-войну. Палестинский вопрос стал катализатором и идеологическим оправданием широкомасштабной конфронтации между двумя блоками: проамериканской коалицией во главе с Израилем и «Осью сопротивления» под патронажем Ирана. Прямое военное столкновение Израиля и Ирана в 2025 году стало прецедентом, разрушающим последние табу на межгосударственную войну в регионе и повышающим риски ядерной эскалации. Эта трансформация отодвинула на второй план саму палестинскую проблему, сделав заложниками гражданское население Газы, продолжающее страдать от последствий неоколониальной оккупации и гуманитарной катастрофы, квалифицируемой ведущими правозащитными институтами как рукотворный геноцид [2, 4].

В-третьих, важнейшим выводом исследования является демонстрация того, как кризис в ядре системы — Ближнем Востоке — порождает экзистенциальные угрозы на её периферии. На примере Исламского Эмирата Афганистан наглядно проявляется мультидоменная природа таких вызовов. Потенциальный крах соседней Исламской Республики Иран представляет для Афганистана комплексную угрозу гуманитарно-миграционного, экономического и стратегически-идеологического характера. В частности, речь идёт о рисках массового миграционного кризиса, который способен дестабилизировать внутреннюю устойчивость страны, о вероятности экономической изоляции и коллапса, а также о перспективе размещения военной инфраструктуры США и Израиля у границ, что будет воспринято теократическим режимом Кабула как прямая угроза его существованию.

Таким образом, кризис на Ближнем Востоке становится источником экспортируемой нестабильности, создавая предпосылки для нового витка насилия далеко за пределами своего географического ареала. Итогом является системный отказ от политического урегулирования в пользу силовых методов и умышленное игнорирование норм международного права ради узких политических интересов. Выход из сложившейся ситуации невозможен без возвращения к универсальным правовым принципам: немедленному прекращению оккупации, реализации права палестинского народа на самоопределение и безусловному подчинению всех сторон конфликта – как государств, так и негосударственных акторов — юрисдикции международного правосудия. В противном случае регион и международное сообщество обречены на дальнейшую дестабилизацию с учащающимися и географически расширяющимися циклами насилия.

Библиография:

1. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocity-crimes/Doc.1_Convention%20on%20the%20Prevention%20and%20Punishment%20of%20the%20Crime%20of%20Genocide.pdf (доступ: 29.01.2026).
2. Fact Sheet: Two Years of Israel's Genocide in Gaza, https://imeu.org/resources/resources/fact-sheet-israels-genocide-in-gaza/446 (доступ: 29.01.2026).
3. Israel-Iran Conflict, https://www.britannica.com/event/Israel-Iran-conflict (доступ: 29.01.2026).
4. Israel's genocide against Palestinians in Gaza continues unabated despite ceasefire, https://www.amnesty.org/en/latest/news/2025/11/israels-genocide-against-palestinians-in-gaza-continues-unabated-despite-ceasefire/ (доступ: 29.01.2026).
5. The Al-Aqsa Flood: A year since the glorious crossing, https://english.palinfo.com/reports/2024/10/07/326612/ (доступ: 29.01.2026).
6. Адвокаты Израиля в Международном Суде: война против ХАМАС в Газе – «акт самообороны», https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448552 (доступ: 29.01.2026).
7. Международный Суд ООН: оккупация палестинской территории Израилем должна немедленно прекратиться, https://news.un.org/ru/story/2024/07/1454406 (доступ: 29.01.2026).
8. Международный Суд ООН предписал Израилю предотвращать акты геноцида в Газе, https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448927 (доступ: 29.01.2026).
9. Суд в Гааге предписал Израилю принять все меры для предотвращения геноцида в Газе, https://www.bbc.com/russian/articles/cpvrz9nkr4qo (доступ: 29.01.2026).
10. «Ось сопротивления»: кем управляет Иран на Ближнем Востоке?, https://sarbaz.kz/istoriya/3671-os-soprotivleniia-iranskie-proksi-na-blizhnem-vostoke/ (доступ: 29.01.2026).

УДК 352(478-29):004:378.4

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ПРОЗРАЧНОСТИ В АТО ГАГАУЗИЯ И ПОТЕНЦИАЛ КОМРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ИХ ПРЕОДОЛЕНИИ

INSTITUTIONAL BARRIERS TO TRANSPARENCY IN THE AUTONOMOUS TERRITORIAL UNIT OF GAGAUZIA AND THE POTENTIAL ROLE OF COMRAT STATE UNIVERSITY IN OVERCOMING THEM

Вадим СУХОВ
доктор права,
Комратский государственный университет
E-mail: vadim_suhov@yahoo.com
orcid id: 0000-0001-8699-7216

Rezumat: Articolul analizează rolul Universității de Stat din Comrat în consolidarea mecanismelor de consultare publică și participare civică în Unitatea Teritorial-Autonomă Găgăuzia. Studiul examinează cadrul normativ național privind transparența procesului decizional, practicile existente de consultare publică la nivel regional și deficiențele instituționale care limitează participarea reală a societății civile. Autorul argumentează că instituțiile academice pot acționa ca

intermediari neutri între autoritățile publice și comunitate, contribuind la creșterea calității procesului decizional și la consolidarea încrederii publice. Articolul evidențiază potențialul universităților în promovarea culturii participative și a guvernanței deschise în contexte regionale cu capacitate administrativă limitată.

Cuvinte-cheie: consultări publice, guvernanță participativă, Găgăuzia, societate civilă, transparență decizională, universități.

Abstract: The article examines the role of Comrat State University in strengthening public consultation mechanisms and participatory governance in the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia. It analyzes the national legal framework on decision-making transparency, existing regional consultation practices, and institutional constraints that hinder meaningful public participation. The author argues that academic institutions can function as neutral intermediaries between public authorities and society, contributing to improved decision-making quality and enhanced public trust. The study highlights the potential of universities to promote participatory culture and open governance in regions with limited administrative capacity.

Key words: civil society, decision-making transparency, Gagauzia, participatory governance, public consultations, universities.

Введение

Автономное территориальное образование Гагаузия (АТО Гагаузия) является уникальным институциональным экспериментом на постсоветском пространстве: это регион с особым правовым статусом, трёхъязычной средой и сильной локальной идентичностью. Однако, несмотря на формальные полномочия по самостоятельному нормотворчеству и управлению, на практике Гагаузия демонстрирует один из самых низких уровней прозрачности среди всех административных единиц Республики Молдова. По данным независимого мониторинга, проведённого неправительственной организацией Promo-LEX в 2020 году, ни одно из решений Исполнительного комитета Гагаузии не было внесено в Государственный регистр местных актов, а публичные консультации, предусмотренные Законом о прозрачности процесса принятия решений, проводились формально или вовсе отсутствовали [2 с. 9].

Этот разрыв между нормативными возможностями и реальной практикой создаёт серьёзные институциональные риски, поскольку решения, не опубликованные в Государственном регистре местных актов, нельзя считать юридически вступившими в силу [7 с. 55], а отсутствие синтезов рекомендаций подрывает доверие граждан. В результате прозрачность в Гагаузии остаётся «цифровым фасадом» - сайты Исполкома Гагаузии gagauzia.md [18] и Народного Собрания Гагаузии halktoplushu.md [9] существуют, но не обеспечивают подлинного диалога с обществом.

При слабой институциональной зрелости высшие учебные заведения могут выступать не только как образовательные учреждения, но и как независимые агенты реформы, способные разрабатывать инструменты, проводить мониторинги и выстраивать платформы диалога [14 с. 134]. В этих условиях особую роль приобретает Комратский государственный университет - единственный академический центр в автономии, готовящий специалистов в области публичного управления [1] и обладающий потенциалом стать архитектором доверия между властью и обществом.

Цель данной статьи - проанализировать системные барьеры прозрачности в АТО Гагаузия, обосновать стратегическую роль КГУ в их преодолении и предложить конкретные механизмы, через которые университет может способствовать переходу от имитации открытости к институту подлинного доверия.

В исследовании применялись методы юридического анализа нормативных актов Республики Молдова и АТО Гагаузия; контент-анализ разделов прозрачности на сайтах Исполкома и Народного Собрания Гагаузии; сопоставление фактической практики с данными мониторингов Promo-LEX [2], экспертного отчета, выполненного по заказу Конгресса

местных и региональных органов власти Совета Европы [7] и Отчета Государственной канцелярии об обеспечении прозрачности процесса принятия решений органами государственной администрации в 2024 году [3]; а также аналитико-синтетический подход для интеграции нормативной, эмпирической и сравнительной информации в единый вывод. Такой методологический набор позволил объективно оценить состояние транспарентности и определить роль КГУ как институционального актора, способного компенсировать структурные дефициты открытого управления в Гагаузии.

Правовые основания прозрачности в АТО Гагаузия: между автономией и национальным правом

Правовой статус Автономного территориального образования «Гагаузия» создаёт уникальную правовую конфигурацию, в которой принципы прозрачности формируются на пересечении общереспубликанского законодательства и внутреннего автономного права. Эта двойственность не является противоречием — напротив, она усиливает обязательства органов власти Гагаузии перед гражданами и центральными властями.

Согласно статье 109 Конституции Республики Молдова, органы местного самоуправления действуют на принципах демократии, автономии, подотчётности и гласности [5]. Это конституционное требование распространяется в полной мере и на Гагаузию как особую форму местного самоуправления. Более того, статья 3 Закона о прозрачности в процессе принятия решений» прямо устанавливает, что его действие распространяется на все органы публичной власти, включая автономные, если иное не предусмотрено специальными нормами [13]. Поскольку для Гагаузии таких исключений не существует, Народное Собрание и Исполнительный комитет обязаны соблюдать все процедуры прозрачности: от информирования и публичных консультаций до публикации синтезов рекомендаций и итоговых актов.

Однако ключевая особенность Гагаузии заключается не в подчинении, а в усилении этих обязательств на уровне автономного законодательства. Статья 21 ч. (5) Закона об Исполнительном комитете Гагаузии прямо предписывает: «Исполнительный комитет обеспечивает гласность своей деятельности». Ещё более значима статья 21(3) того же закона, которая обязывает Исполком «принимать и доводить до сведения заинтересованных сторон Внутренние правила организации процедур по обеспечению прозрачности в процессе разработки и принятия решений, разработанные в соответствии с Законом Республики Молдова № 239/2008» [17].

Это положение не является рекомендацией. Оно представляет собой императивную норму, требующую от Исполкома не просто следовать национальному праву, но и институционализировать его через собственные внутренние регламенты. Аналогичные обязательства закреплены и в Регламенте Народного Собрания Гагаузии. Статья 49 требует проведения публичных слушаний и трансляции заседаний на официальном сайте [16].

Таким образом, правовая база прозрачности в Гагаузии не только соответствует, но и превосходит требования, предъявляемые к другим органам местного публичного управления. Автономия получает не просто право на самоуправление, но и повышенную ответственность за его прозрачность и подотчётность.

Именно поэтому систематическое нарушение этих норм приобретает особую тяжесть. По данным мониторинга, проведенного Общественной Ассоциацией Promo-LEX [2], в 2020 году:

- ни одно из шестнадцати заседаний Исполкома Гагаузии не было объявлено одновременно на сайте, стенде и в СМИ, как того требует ст. 13 Закон № 239/2008;
- ни один проект решения не был опубликован на сайте Исполкома несмотря на то, что этого прямо установлено в ст. 10 Закон № 239/2008;
- ни один акт не был внесён в Государственный регистр местных актов, хотя этого требует ст. 101 Закона о местном публичном управлении [12];

• Внутренние правила прозрачности, предусмотренные ст. 21(3) Закона об Исполкоме, так и не были утверждены.

Это свидетельствует не о правовой неопределённости, а о сознательном уклонении от исполнения как общереспубликанских, так и автономных правовых обязательств. Вместо того чтобы использовать свой особый статус как возможность для демонстрации передовой модели открытого управления, органы власти Гагаузии превращают автономию в зону правового вакуума, что подрывает доверие как со стороны населения, так и со стороны центральных властей.

Следовательно, преодоление кризиса прозрачности в Гагаузии начинается не с новых законов, а с реализации уже существующих обязательств, как национальных, так и автономных. Именно в этом заключается основа легитимности особого статуса: не в привилегиях, а в повышенной ответственности и открытости.

Цифровая инфраструктура прозрачности в Гагаузии: между возможностями и реальностью

Наличие правовых обязательств – это необходимое, но недостаточное условие прозрачности. Для их реализации требуется цифровая инфраструктура, способная обеспечить не только публикацию, но и диалог с обществом. В Гагаузии такая инфраструктура формально существует: действуют два официальных сайта - *gagauzia.md* (сайт Исполнительного комитета) и *halktoplushu.md* (сайт Народного Собрания), которые в совокупности охватывают все этапы принятия решений.

Анализ контента сайта *gagauzia.md* показывает, что Исполком публикует повестки заседаний с прилагаемыми материалами, протоколы и видеозаписи заседаний, проекты нормативных актов, действующие постановления, планы закупок, декларации ответственных лиц.

Сайт *halktoplushu.md* содержит два ключевых раздела: «Законотворчество», где содержится перечень законопроектов с номерами инициатив, и «Нормативная база» - с Законом об особом статусе Гагаузии, Регламентом Народного Собрания, местными законами, постановлениями.

На первый взгляд, это соответствует требованиям статьи 15 Закона № 239/2008, которая обязывает публиковать не только итоговые акты, но и проекты, материалы консультаций и синтезы рекомендаций. Однако, при детальном рассмотрении выявляется глубокая фрагментация и отсутствие функциональной интеграции, превращающие цифровые платформы в «информационные острова», изолированные друг от друга и от национальной экосистемы прозрачности.

Во-первых, на обоих сайтах отсутствует обязательный «единый модуль открытого управления», обеспечивающий прямую публикацию проектов в национальный портал *particip.gov.md*, который все органы публичной власти, согласно п. 15. п\п 15) Постановления правительства об официальных веб-сайтах органов публичного управления и публичных учреждений обязаны интегрировать на своих сайтах [10].

Во-вторых, принятые нормативные акты так и не публикуются в Государственном регистре местных актов, хотя, согласно статье 101 Закона о местном публичном управлении, все акты органов местной публичной власти подлежат обязательному внесению в Регистр в течение 5 рабочих дней. Однако, и в 2025 году ни одно решение Исполкома Гагаузии не было внесено в Регистр [4]. Это не техническая ошибка. Это системное игнорирование условия вступления решений в силу.

В-третьих, отсутствуют инструменты участия в процессе принятия решений. На обоих сайтах отсутствуют формы для подачи рекомендаций, контакта ответственных лиц, календари публичных слушаний (раздел «Календарь слушаний» на *halktoplushu.md* пуст), синтезы рекомендаций.

Как подчёркивает Отчет Государственной Канцелярии, только 45% центральных органов публикуют синтезы, а на местном уровне эта цифра стремится к нулю [3 с. 52]. Без

синтеза участие теряет смысл, поскольку гражданин не узнаёт, было ли его мнение учтено, и не может требовать мотивированного объяснения решений.

В-четвёртых, информация не адаптирована под многоязычную специфику Гагаузии. Несмотря на то, что гагаузский и румынский (молдавский) языки имеет официальный статус и признаны в числе официальных языков автономии, все проекты нормативных актов и пояснительные материалы публикуются исключительно на русском языке. Это формально исключает из процесса участия тех граждан, для кого гагаузский или румынский являются единственным или предпочтительным языком общения, особенно в сельской местности и среди старшего поколения.

Таким образом, отсутствие официальной информации на гагаузском и румынском языках нарушает принцип инклюзивности и создаёт барьер для реального участия этнических гагаузов и молдаван в управлении автономией». Это особенно критично в контексте международных стандартов, (в частности, Принципов SIGMA), которые требуют, чтобы информация была доступна на языках, реально используемых населением, а не только на языке административной традиции.

Наконец, документы не соответствуют требованиям открытых данных. В соответствии со ст. 10 ч. (5) Закона о доступе к общественно значимой информации, информация должна быть доступна в машиночитаемом формате и с возможностью скачивания [11]. Однако на сайтах Гагаузии преобладают сканы, изображения и встроенные *iframe*, что делает анализ невозможным и нарушает принцип «открыто по умолчанию».

Таким образом, цифровая инфраструктура в Гагаузии существует формально, но не функционирует фактически. Она создаёт иллюзию прозрачности, но не обеспечивает подлинного диалога. Чтобы преодолеть этот разрыв, требуется не просто обновление сайтов, а институциональное проектирование — интеграция платформ, соблюдение стандартов открытых данных и восстановление связи с национальной системой прозрачности.

Институциональные риски фрагментированной прозрачности: юридическая недействительность, подрыв легитимности и социальная изоляция

Наличие цифровых платформ и нормативных обязательств не гарантирует функционирования системы прозрачности. Как показывает практика Гагаузии, формальное соблюдение отдельных элементов при игнорировании ключевых процедур создаёт фрагментированную модель прозрачности, которая не только не способствует диалогу, но и порождает серьёзные институциональные риски.

Основной и главный риск – это подрыв легитимности автономного статуса. АТО Гагаузия существует не только на основании закона, но и на основе политического договора между центром и регионом. Одним из ключевых условий этого договора является высокий уровень самоуправления и ответственности. Однако, как отмечается в Отчёт о практических аспектах обеспечения прозрачности в процессах принятия решений центральными и местными органами власти, в регионах с низким уровнем прозрачности «граждане теряют доверие к институтам власти и сомневаются в их способности эффективно управлять» [7]. Когда автономия демонстрирует худший уровень прозрачности, чем даже отдельные районные советы, её претензии на «особый путь управления» теряют основания. Вместо «лаборатории демократии» Гагаузия рискует превратиться в зону правового вакуума, что подрывает саму идею автономии.

Кроме того, фрагментация прозрачности ведёт к потере доступа к международным ресурсам. Программы ЕС, такие как «Восточное партнерство» или «Instrument for Pre-Accession Assistance» (IPA), прямо требуют выполнения стандартов открытого управления. Доклад Европейской комиссии о Республике Молдова за 2024 год прямо указывает: «уровень прозрачности и вовлечения заинтересованных сторон в Республике Молдова требует улучшения» [8, с. 71]. Если Гагаузия не сможет продемонстрировать реальные улучшения, её шансы на получение финансирования для развития инфраструктуры, образования или здравоохранения будут серьёзно ограничены.

Таким образом, фрагментированная прозрачность в Гагаузии — это не просто административный недостаток, а стратегическая уязвимость, затрагивающая правовую, политическую, социальную и экономическую сферы.

Стратегия модернизации: от сайта к институту открытого управления

Преодоление кризиса прозрачности в АТО Гагаузия требует не точечных улучшений, а системного институционального проектирования, поскольку эффективная реформа должна быть «не формальной, а целостной, включающей правовые, институциональные и культурные аспекты» [14 с. 134]. Для Гагаузии это означает переход от «цифрового фасада» к созданию института открытого управления, где прозрачность — не внешний ритуал, а внутренний принцип работы.

Первым и обязательным шагом является утверждение Внутренних правил прозрачности, предусмотренных статьёй 21(3) Закона об Исполкоме Гагаузии. Эти правила должны регламентировать порядок проведения публичных консультаций, назначать ответственное лицо за координацию, устанавливать сроки публикации материалов и синтезов рекомендаций, определять порядок многоязычной коммуникации.

Вторым шагом должно стать создание «Регистра нормативных актов Гагаузии» - своего рода регионального зеркала Государственного регистра местных актов. Региональный регистр позволит обеспечить юридическую валидность актов; создать единый, структурированный архив; обеспечить поиск по дате, теме, автору; интегрировать данные в национальную систему через API.

Третий элемент — институционализация публичных консультаций. Сегодня на сайте Народного Собрания отсутствует календарь публичных слушаний, а на сайте Исполкома нет даже формы для подачи рекомендаций. Необходимо ввести обязательный календарь слушаний на 6 месяцев вперёд, разместить на сайте интерактивную форму подачи мнений, публиковать синтезы рекомендаций в течение 10 рабочих дней после завершения консультаций с мотивировкой каждого решения.

Четвёртый элемент — многоязычная доступность. Хотя русский язык выполняет функцию *лингва франка*, гагаузский и румынский (молдавский) языки имеет официальный статус и является языками идентичности. Поэтому все ключевые документы - законы, бюджет, отчёты - должны сопровождаться кратким резюме на гагаузском и румынском языках.

Пятый элемент — интеграция цифровой инфраструктуры. Сайты gagauzia.md и halktoplushu.md должны быть объединены в единый портал «Открытая Гагаузия», где проект закона → консультации → синтез → принятый акт → регистрация → отчёт об исполнении - будут представлены как единая цепочка; все документы будут в машиночитаемом формате (XML, JSON), как того требует статья 10 ч. (5) Закона № 148/2023; будет внедрён модуль particip.gov.md в соответствии с Постановлением Правительства № 728/2023.

Такая стратегия не требует больших бюджетов, но предполагает политическую волю, институциональную дисциплину и готовность к диалогу. Только в этом случае Гагаузия сможет превратиться из «зоны правового вакуума» в лабораторию открытого управления, демонстрирующую, как автономия может стать ресурсом, а не препятствием для демократии.

Роль Комратского государственного университета как архитектора доверия

На фоне системного кризиса прозрачности в АТО Гагаузия Комратский государственный университет обладает уникальным потенциалом стать не просто образовательным учреждением, а независимым агентом реформы открытого управления. Университет, как единственный вуз в автономии, готовящий специалистов по публичному управлению, обладает всеми необходимыми ресурсами для реализации этой миссии.

Первая функция КГУ — подготовка кадров нового типа. Студенты, обучающиеся по специальности «Публичное управление», в рамках курса «Прозрачность в процессе принятия решений» получают знания относительно функционирования Государственного регистра местных актов, платформы *particip.gov.md*. Они изучают такие понятия, как «синтез рекомендаций» и «оценка регулирующего воздействия». Знакомятся с нормативной базой

Гагаузии. Эти компетенции позволяют им не только соблюдать формальные требования, но и внедрять культуру открытости в будущей профессиональной деятельности, поскольку, как отмечают исследователи, «в органах публичной власти отсутствует понимание процедур прозрачности как инструмента качества, а не формальной обязанности» [7 с. 52]. Выпускники КГУ могут стать теми, кто изменит эту установку.

Вторая функция — независимый мониторинг и аналитика. КГУ может ежегодно публиковать собственный «Отчёт о прозрачности органов власти Гагаузия», дополняя или верифицируя национальные мониторинги. Такой отчёт, основанный на методологии Promo-LEX и стандарты SIGMA [15], мог бы воспроизводить объективную картину соблюдения требований открытого управления: полноту публикаций, наличие внутренних правил прозрачности, использование синтезов рекомендаций, соответствие сроков консультаций и внесения документов в Регистр.

Наличие независимого академического отчёта создало бы конкурентную среду ответственности и стимулировало бы органы власти к улучшению практик.

Третья функция — разработка институциональных инструментов. На основе анализов местных и зарубежных экспертов, а также требований международных актов и национального законодательства, КГУ может разработать проект Внутренних правил прозрачности для Исполкома Гагаузии, шаблон многоязычного синтеза рекомендаций на гагаузском, русском и румынском языках, чек-лист для оценки качества публичных консультаций, прототип Регистра нормативных актов Гагаузии как регионального зеркала Государственного регистра местных актов.

Эти инструменты должны быть не теоретическими, а практически применимыми, с учётом ресурсных ограничений малых органов местной публичной власти.

Четвёртая функция — студенческие проекты как пилотные инициативы. Студенты могут запускать реальные проекты, которые демонстрируют, как может выглядеть открытая Гагаузия: «Открытый бюджет Гагаузии» - инфографика на гагаузском языке с пояснением, куда тратятся средства; «Календарь публичных слушаний» - интерактивная карта с датами и темами обсуждений; «Портал открытой Гагаузии» - прототип единой платформы, объединяющей *gagauzia.md* и *halktoplushu.md.*

Такие проекты, даже если они остаются на уровне курсовых работ, становятся демонстрационными моделями, которые могут быть масштабированы при наличии политической воли.

Пятая функция — платформа диалога. КГУ может инициировать регулярный «Форум открытого управления Гагаузия», где представители власти, НПО, бизнеса и образования будут обсуждать барьеры прозрачности, лучшие практики, предложения по реформе. Такой форум мог бы стать институционализированным механизмом совместного проектирования политик - именно тем, что Совет Европы называет «подлинным диалогом» [6].

Таким образом, КГУ обладает возможностью выйти за рамки традиционной образовательной миссии и стать архитектором доверия в Гагаузии. Успех этой роли зависит не от бюджета, а от профессиональной этики, академической независимости и готовности действовать как соучастник реформы, а не как сторонний наблюдатель.

Заключение

Анализ нормативной архитектуры транспарентности, фактической практики органов власти АТО Гагаузия и национальных требований, закреплённых в законодательстве Республики Молдова, позволяет сделать вывод о глубоком разрыве между формальными обязательствами и реальными административными процедурами. Несмотря на наличие законодательных оснований для обеспечения открытости, механизмы прозрачности в автономии остаются фрагментированными, нерегулярными и несистемными. Публикация проектов решений, синтезов рекомендаций и протоколов заседаний осуществляется выборочно, решения Исполнительного комитета не интегрируются в Государственный

регистр местных актов, а синтез рекомендаций либо отсутствует, либо не соответствует установленным требованиям качества.

На этом фоне особое значение приобретает роль институциональных акторов, способных компенсировать дефицит административной зрелости и инициировать процессы модернизации. Комратский государственный университет выступает именно таким актором, сочетая образовательную, аналитическую и общественную функции, что позволяет ему действовать как независимый центр экспертизы и как носителю культуры открытого управления. Университет способен формировать профессиональные компетенции будущих управленцев, обеспечивать объективный мониторинг прозрачности, разрабатывать прикладные регуляторные инструменты и выступать платформой для конструктивного диалога между властью и обществом.

Таким образом, в условиях системного кризиса прозрачности в автономии университет может стать не только участником, но и архитектором институционального доверия. Его потенциал обусловлен не только академическими ресурсами, но прежде всего независимостью, профессиональной этикой и готовностью брать на себя роль посредника между государственными структурами и гражданским обществом. Совокупность этих факторов позволяет рассматривать Комратский государственный университет как ключевой элемент будущей модели открытого управления в Гагаузии, способной обеспечить устойчивость демократических процессов и повышение качества публичной политики.

Библиография:

1. ANACEC. (2023). Decizia Consiliului de conducere al Agenției Naționale de Asigurare a Calității în Educație și Cercetare nr. 44 din 7 iulie 2023. Получено 26 11 2025 г., из ANACEC: https://www.anacec.md/files/D44_07.07.2023.pdf
2. Asociația Promo-LEX. (2020). Monitorizarea transparenței activității autorităților administrației publice locale de nivel II și a UTA Găgăuzia (Raportul nr. 6). Получено 26 11 2025 г., из Asociația Promo-LEX: https://promolex.md/wp-content/uploads/2021/03/Raport_APL_nr.6_2020.pdf
3. Cancelaria de Stat a Republicii Moldova. (2025). Raport privind asigurarea în anul 2024 a transparenței în procesul decizional de către autoritățile administrației publice centrale. Получено 26 11 2025 г., из Guvernul Republicii Moldova: https://old.cancelaria.gov.md/sites/default/files/document/attachments/raport_tpd_apc_2024.pdf
4. Comitetul executiv al Găgăuziei, UTA GAGAUZIA. (2025). Получено 26 11 2025 г., из Registrul de Stat al Actelor Locale: https://actelocale.gov.md/ral/apl/comitetul-executiv-al-g%C4%83g%C4%83uziei-19350.html
5. Constituția Republicii Moldova: nr. 1 din 29.07.1994. Monitorul Oficial nr. 466 din13.121.2024.
6. Council of Europe. (2017). Recommendation CM/Rec(2017)5 of the Committee of Ministers to member States on standards for democracy governance. Получено 26 11 2025 г., из Counsil of Europe: https://search.coe.int/cm#{%22CoEIdentifier%22:[%220900001680726f6f%22],%22sort%22:[%22CoEValidationDate%20Descending%22]}
7. Ermurachi, A., Martinovic, A., Ungureanu, C., Enachi, D., & Țurcanu, M. (2024). Raport privind aspectele practice ale asigurării transparenței în procesele decizionale ale autorităților publice centrale și locale (Expert report commissioned by the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe). Получено 26 11 2025 г., из Guvernul Republicii Moldova: https://www.gov.md/sites/default/files/users-media/media-15/Raport%20RO_V3.pdf
8. European Commission. (2024). Republic of Moldova 2024 Report (SWD(2024) 698 final). Получено 26 11 2025 г., из European Union: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2024/Moldova%20Report%202024.pdf
9. Gagauziya Halh Toplușu: halktoplushu.md

10. Hotărârea Huvernului cu privire la site-urile web oficiale ale autorităților și instituțiilor publice și cerințele minime privind profilurile de socializare ale acestora: nr. 728 din 26.,9.2023. (б.д.). Monitorul Oficial nr. 404-407 din 31.10.2023.
11. Legea privind accesul la informațiile de interes public: nr. 148 din 09.06.2023. (б.д.). Monitorul Oficial nr. 234 din 08.07.2023.
12. Legea privind administraţia publică locală: nr. 436 din 28.12.2006. (б.д.). Monitorul Oficial nr. 32-35 din 09.03.2007.
13. Legea privind transparenţa în procesul decizional: nr. 239 din 13.11.2008. (б.д.). Monitorul Oficial nr. 215-217 din 05.12.2008.
14. Rusu, D. (2025). Participarea societății civile la procesul legislativ. Studiu comparat: teza de doctor în drept. Chișinău. Получено 26 11 2025 г., из https://www.anacec.md/files/Rusu-teza.pdf
15. SIGMA. (2017). Principles of Public Administration. European Commission and OECD. Получено 26 11 2025 г., из OECD: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/1999/01/european-principles-for-public-administration_g17a1de4/5kml60zwdr7h-en.pdf
16. Закон о Регламенте Народного Собрания Гагаузии nr. 59 от 09.07.2024. (2025). Получено 26 11 2025 г., из Gagauziya Halk Toplușu: https://halktoplushu.md/archives/15621
17. Закон об Исполнительном комитете Гагаузии: nr. 31 от 09.07.1998. (2024). Получено 26 11 2025 г., из Gagauziya Halk Toplușu: https://halktoplushu.md/archives/9
18. Официальный сайт Исполнительного комитета Гагаузии: https://www.gagauzia.md/

УДК 342.7

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Султ Михаил
магистр, докторант ЮЗУ «Неофит Рилски», Р. Болгария,
г.Комрат, РМ
e-mail: sult.misa@mail.ru
orcid id: 0009-0000-6692-4079

Abstract. The European Court of Human Rights (ECHR) plays a crucial role in protecting the rights of Moldovan citizens. This article examines key ECHR rulings related to Moldova, their impact on the national judicial system, and the country's legal framework. The mechanisms for implementing ECHR decisions and their influence on human rights protection in Moldova are analyzed.
Keywords: European Court of Human Rights, Moldova, human rights, legal protection, ECHR, court decisions, justice, legal system, European Convention, law.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) играет ключевую роль в защите прав и свобод человека в странах-участницах Совета Европы, включая Республику Молдова.

После ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 1997 году, Республика Молдова активно участвует в системе Европейской конвенции. Несмотря на это, большое количество жалоб от граждан Республики Молдовы в ЕСПЧ указывает на наличие проблем в национальной судебной системе страны.

ЕСПЧ служит важным механизмом, позволяющим гражданам Республики Молдовы обращаться за защитой своих прав, когда национальные средства защиты оказываются неэффективными или недостаточными. Суд рассматривает индивидуальные жалобы на

нарушения прав, гарантированных Конвенцией, и выносит решения, обязательные для исполнения государствами-ответчиками [2].

Деятельность ЕСПЧ не только способствует защите прав человека в Республике Молдове, но и оказывает влияние на развитие национального законодательства и судебной практики. Решения ЕСПЧ часто служат основанием для внесения изменений в законодательство и процедуры с целью обеспечения соответствия стандартам Конвенции.

Важно отметить, что ЕСПЧ является последней инстанцией, к которой могут обратиться граждане Республики Молдовы после исчерпания всех внутренних средств правовой защиты.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) играет важную роль в защите прав граждан Молдовы, рассматривая жалобы на нарушения, которые могли быть допущены государственными органами или судебной системой страны. За годы своей деятельности ЕСПЧ вынес ряд значимых решений против Республики Молдова, касающихся нарушений различных прав, гарантированных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Одной из наиболее важных сфер, в которых ЕСПЧ защищает права граждан Республики Молдовы, является право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в статье 6 Конвенции. ЕСПЧ неоднократно указывал на недостатки в судебной системе Республики Молдовы, такие как чрезмерная продолжительность судебных разбирательств, отсутствие независимости судей и неисполнение судебных решений.

Другой важной областью, где ЕСПЧ защищает права граждан Республики Молдовы, является право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное статьей 5 Конвенции. ЕСПЧ выносил решения, в которых признавал незаконное задержание и арест граждан Республики Молдовы, а также нарушение их права на свободу передвижения.

Кроме того, ЕСПЧ защищает граждан Республики Молдовы от пыток и бесчеловечного обращения, что гарантируется статьей 3 Конвенции. ЕСПЧ рассматривал жалобы на жестокое обращение со стороны правоохранительных органов и указывал на необходимость принятия мер для предотвращения подобных нарушений.

Одним из примеров важного решения ЕСПЧ, которое оказало влияние на правоприменительную практику в Республике Молдове, является дело "Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia" (2004). В этом деле ЕСПЧ признал нарушение прав заявителей, которые незаконно удерживались в Приднестровье. Это решение стало важным шагом на пути защиты прав граждан Республики Молдовы, проживающих в этом регионе [3].

Решения ЕСПЧ не только обеспечивают защиту прав конкретных заявителей, но и способствуют улучшению ситуации с правами человека в Республике Молдове в целом. Они оказывают влияние на развитие национального законодательства и судебной практики, а также на формирование правосознания общества.

Исполнение решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) является важным показателем эффективности механизмов защиты прав человека в стране.

В Республике Молдова были проведены реформы в судебной системе, направленные на приведение национального законодательства в соответствие с требованиями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Несмотря на это, проблемы с исполнением решений ЕСПЧ остаются актуальными, о чем свидетельствует неоднократная критика со стороны Совета Европы.

Решения ЕСПЧ оказывают значительное влияние на правовую систему Республики Молдовы. Они служат основанием для внесения изменений в законодательство и судебную практику с целью обеспечения соответствия стандартам Конвенции. Однако, как показывает практика, принятие законодательных изменений не всегда приводит к реальному улучшению ситуации с исполнением решений ЕСПЧ.

Одним из примеров является дело "Ojog and Others v. Moldova" (2021), в котором ЕСПЧ установил нарушение права на справедливое судебное разбирательство в связи с длительными сроками рассмотрения дел в национальных судах [4].

В результате этого решения Республика Молдова приняла ряд законодательных изменений, направленных на ускорение судебного разбирательства. Однако, как показывает практика, проблема длительных сроков рассмотрения дел в молдавских судах до сих пор не решена.

Эффективное исполнение решений ЕСПЧ требует не только принятия законодательных изменений, но и изменения правоприменительной практики, а также повышения квалификации судей и других участников судебного процесса.

Кроме того, необходимо обеспечить независимость судебной системы и исключить любое вмешательство в ее деятельность со стороны исполнительной власти или других органов государственной власти.

В целом, несмотря на определенные успехи, Республика Молдова сталкивается с серьезными вызовами в области исполнения решений ЕСПЧ. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего в себя не только законодательные изменения, но и реформу судебной системы, а также повышение правовой культуры общества.

Несмотря на положительное влияние Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) на правовую систему Республики Молдова, страна продолжает сталкиваться с серьезными вызовами в области защиты прав человека. Эти вызовы требуют постоянного внимания и принятия мер для улучшения ситуации [5].

Одной из основных проблем остается недостаточная эффективность исполнения решений ЕСПЧ. Несмотря на то, что Республика Молдова принимает законодательные изменения, направленные на приведение национального законодательства в соответствие с требованиями Конвенции, на практике решения ЕСПЧ часто не исполняются в полной мере или исполняются с большими задержками. Это подрывает авторитет ЕСПЧ и создает у граждан ощущение безнаказанности за нарушения прав человека [5].

Другой серьезной проблемой является коррупция в судебной системе. Коррупция препятствует независимому и беспристрастному рассмотрению дел, создает неравенство перед законом и подрывает доверие граждан к судебной системе.

Политическое влияние на суды также остается серьезной проблемой. Независимость судебной власти [1] является одним из ключевых принципов правового государства, и любое вмешательство в ее деятельность со стороны исполнительной власти или других органов государственной власти недопустимо.

Ограниченный доступ граждан к правосудию, особенно для социально уязвимых групп населения, также является серьезной проблемой. Многие граждане не имеют достаточных средств или юридических знаний для того, чтобы обратиться в суд за защитой своих прав.

Для улучшения ситуации в области защиты прав человека в Республике Молдове необходимы дальнейшие реформы, направленные на усиление независимости судебной власти, повышение уровня правовой осведомленности граждан и эффективное исполнение решений ЕСПЧ на национальном уровне.

Важно отметить, что защита прав человека является общей задачей государства и общества. Каждый гражданин должен осознавать свои права и быть готовым защищать их всеми доступными способами.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) играет ключевую роль в защите прав граждан Республики Молдова, оказывая значительное влияние на развитие национальной судебной системы и законодательства страны. Благодаря деятельности ЕСПЧ, граждане Республики Молдовы имеют возможность обращаться за защитой своих прав на международном уровне, когда национальные средства защиты оказываются неэффективными или недостаточными.

Решения ЕСПЧ служат важным инструментом для улучшения ситуации с правами человека в Республике Молдове. Они указывают на системные проблемы в правовой системе страны и способствуют принятию мер по их решению. Благодаря решениям ЕСПЧ, в Республике Молдове были проведены реформы в судебной системе, направленные на

приведение национального законодательства в соответствие с требованиями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [5].

Однако эффективность работы ЕСПЧ во многом зависит от того, насколько добросовестно национальные органы власти выполняют его решения. Проблемы с исполнением решений ЕСПЧ остаются актуальными для Республики Молдовы, что подтверждается неоднократной критикой со стороны Совета Европы. Для улучшения ситуации необходимо не только принятие законодательных изменений, но и изменение правоприменительной практики, а также повышение квалификации судей и других участников судебного процесса.

Дальнейшее сотрудничество Республики Молдовы с международными институтами правосудия, такими как ЕСПЧ и Совет Европы, может способствовать улучшению ситуации в области защиты прав человека в стране. Важно отметить, что защита прав человека является общей задачей государства и общества. Каждый гражданин должен осознавать свои права и быть готовым защищать их всеми доступными способами.

В заключение можно отметить, что Европейский суд по правам человека играет важную роль в защите прав граждан Республики Молдовы. Несмотря на существующие проблемы, сотрудничество с ЕСПЧ и другими международными институтами является важным фактором на пути к построению правового государства, в котором права человека защищены и уважаются.

БиблиографияЖ

1. Конституция Республики Молдова от 29.07.94.//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1 от 12.08.1994.
2. Закон Республики Молдова № 514 от 06-07-1995 о судоустройстве* Опубликован : 19-10-1995 в Monitorul Oficial № 58 статья № 641 ИЗМЕНЕН ЗП135 от 13.06.24, МО271-274/27.06.24 ст.397; в силу с 27.12.24
3. European Court of Human Rights. "Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia," Application no. 48787/99, 8 July 2004.
4. European Court of Human Rights. "Ojog and Others v. Moldova," Application no. 1988/10, 23 March 2021.
5. Council of Europe. "Execution of judgments of the European Court of Human Rights in Moldova." Available at: https://www.coe.int/en/web/execution/moldova (дата обращения: 08.01.2025г.)

УДК 342.2

АВТОНОМИЯ В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ КАК ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аспирант,
Приднестровский государственный
университет им. Т. Шевченко,
Республика Молдова,
e-mail: aleksandr.tarnavskiy@gmail.com
Тарнавский Александр
orcid id: 0009-0002-8998-4642

Abstract. The subject of this study is a set of theoretical concepts and legal doctrines that define the legal nature, status, and functional purpose of autonomy as a constitutional and legal institution within the framework of the state structure.

The aim of this work is to develop the theoretical foundations of public law through a systematic analysis of the evolution of the concept of "autonomy" and the development of its author's definition, taking into account contemporary trends in decentralization and the need to ensure the stability of the state organism.

The research methodology is based on the basic principles of dialectics of cognition and includes a set of general scientific (analysis, synthesis) and special legal methods. The work uses the historical-doctrinal method to study the genesis of ideas, the comparative-legal method to compare national legal schools, and the systemic-structural and functional methods to determine the characteristics of autonomy as a stable legal institution.

The results of the study may be of interest to constitutional scholars, specialists in the field of public administration, and experts dealing with issues of regional policy and legal regulation of interbudgetary and interethnic relations.

The novelty of the work is expressed in the acquisition of scientific knowledge necessary for the formation of a relevant concept of autonomy capable of adapting a unitary state to the challenges of territorial diversity. This includes the author's definition of the concept of "autonomy," which synthesizes the classical requirements of state sovereignty and the modern requirements of institutional guarantees of regional identity.

The main conclusions include: (1) the transformation of the perception of autonomy in doctrine from a form of administrative self-government to an understanding of it as a fundamental element of the constitutional order; (2) the need to identify four mandatory characteristics of autonomy (normative stability, division of powers, institutional subjectivity, and preservation of the unity of sovereignty) in order to distinguish it from simple decentralization; (3) the recognition of autonomy as a dynamic tool that allows potential ethno-political conflicts to be transformed into a constructive channel of institutional interaction.

Keywords: autonomy, constitutional law, decentralization, sovereignty.

В современном публичном праве институт автономии представляет собой одну из наиболее сложных и востребованных моделей организации публичной власти. Его природа заключается в поиске устойчивого равновесия между принципом государственного суверенитета и необходимостью обеспечения институциональной самостоятельности территорий, обладающей политической, культурной или этнической спецификой.

Историко-доктринальная эволюция понятия автономии демонстрирует значительную вариативность его восприятия в различных правовых традициях.

Особое внимание в науке уделяется функциональной динамике развития автономий, механизму их нормативной устойчивости и роли в обеспечении стабильности многонационального и многоуровневого государственного механизма.

Автономия, возникшая как ответ на ограниченность классических подходов к децентрализации, в настоящее время рассматривается как конституционно гарантированный режим, обеспечивающий сочетание локального самоуправления с сохранением единства государственного правопорядка.

Фундамент для юридической легитимации автономии был заложен в немецкой школе государственного права конца XIX - начала XX века, где проблема соотношения централизации и децентрализации рассматривалась в рамках общей теории государства.

Выдающийся немецкий правовед, автор «Общего учения о государстве» Георг Еллинек трактовал автономию как «децентрализованное государственное единство», подчеркивая необходимость институционального включения автономных образований в общегосударственную структуру. В его теории понятия «децентрализация» и «автономия» не подрывают структурное единство государства, а представляют собой правомерные формы институционализации его внутренней дифференциации. Предоставление полномочий Г. Еллинек трактовал как акт самоограничения государства [3, С. 492]. Важнейшей и безусловной заслугой ученого является отрицание абсолютной неограниченности государственной власти. Учреждая автономию, признавая ее права, государство таким образом ограничивает пределы своей власти. Вместе с тем, концепция автономии как «дара» суверена, который может быть отозван по воле центра, делает статус автономии юридически уязвимым перед лицом политической воли государства.

Французская доктрина первой трети XX века, представленная ученым Леоном Дюги (1859–1928), фокусировалась на функциональном характере автономии. Являясь основателем школы солидаризма, Дюги понимал её как делегирование публичных функций в условиях сохранения приоритета центральной власти [2, С. 367]. Именно данная модель государства, по мнению ученого, обеспечивает социальную солидарность. Вместе с тем, сводя автономию к «эффективному управлению», Дюги не учитывал её политическую и культурную природу. В такой модели автономия выступает как инструмент административного менеджмента, лишенный гарантий самостоятельности, обеспеченных на высшем законодательном уровне.

Англосаксонская доктрина начала XX века развивалась под сильным влиянием идей выдающегося английского юриста и конституционалиста, профессора Оксфордского университета, автора классического труда «Основы конституционного права Великобритании» А. В. Дайси. В своих трудах ученый представил модель автономии, функционирующую при сохранении абсолютного суверенитета Парламента Соединенного Королевства. Автономия трактовалась не как разделение суверенитета, а как учреждение подчиненной легислатуры, чья компетенция носит дискреционный характер и юридически полностью зависит от воли центрального законодателя. Дайси подчеркивал прагматичный характер такого устройства: автономия – это политический инструмент управления, который позволяет разгрузить центральное правительство, сохраняя при этом юридическое единство империи и право «последнего слова» за Вестминстером [1, С. 102, 174].

Жесткий принцип парламентского верховенства в любых вопросах, касающихся территориально-политической организации государства, в начале века приводил к острым политическим конфликтам, так как автономные регионы стремились получить конституционные гарантии самостоятельности, которые английская правовая доктрина того времени трактовала как подрыв основ абсолютного парламентского суверенитета.

В российской конституционно-правовой науке начала XX века, напротив, преобладал более «охранительный» подход. Выдающийся ученый Ф. Ф. Кокошкин (1871–1918) последовательно доказывал, что государство должно сохранять правовое единство, а признание автономий по этническому признаку несет риск формирования «государств в государстве». В его концепции автономия – это интегрированная часть единого правопорядка

под жестким контролем центра [4, С. 258]. По нашему мнению, такой концептуальный подход фактически приравнивает автономию и местное самоуправление, что противоречит цели национальных регионов обрести подлинную политическую субъектность.

Научные исследования Г. Еллинека, Л. Дюги, А. В. Дайси и Ф. Ф. Кокошкина заложили фундаментальную теоретическую основу, без которой было бы невозможно современное осмысление конституционно-правовой природы автономии. Впервые автономия перестала рассматриваться исключительно как политическая уступка или случайный компромисс и обрела статус правовой конструкции и научной категории.

Таким образом, классическая доктрина начала XX века не просто подготовила почву, но и заложила фундамент для формирования современного понимания автономии как конституционно-правового института и инструмента обеспечения демократического согласия и стабильности.

Вместе с тем, новые вызовы, связанные с глобализацией и этнокультурным плюрализмом, потребовали переосмысления исторически сформировавшихся правовых понятий и появлению современного подхода к понятию автономии, основанному не на одностороннем делегировании полномочий, а на принципах конституционного партнерства и взаимного признания.

В современной конституционно-правовой науке произошел фундаментальный переход от упрощенного, статичного восприятия автономии как формального разграничения компетенций между центром и периферией. В настоящее время институт автономии признается как инструмент обеспечения системной устойчивости и легитимности государства в условиях динамично меняющейся социально-политической реальности.

Одной из наиболее авторитетных и научно обоснованных концепций современной юридической науки является теория профессора сравнительного конституционного права Университета Вероны и директора Института сравнительного федерализма (Eurac Research) Франческо Палермо. Доктринальный подход Ф. Палермо базируется на понимании автономии как инструмента институционального структурирования многообразия, который трансформирует потенциальные этнополитические противоречия в упорядоченную систему конституционно-правового взаимодействия [7, С. 118-121]. Согласно точке зрения ученого, в многосоставном государстве автономия выступает не как уступка сепаратизму, а как высшая форма конституционной интеграции. Палермо внес неоценимый вклад в конституционно-правовую науку, доказав, что жизнеспособность автономного образования определяется не столько количественным объемом переданных ему полномочий, сколько качеством правовых гарантий его статуса. В своих новейших работах Ф. Палермо развивает данную концепцию, вводя понятие «права многообразия». Ученый подчеркивает, что ключевым индикатором устойчивости системы выступает «процедурный иммунитет» автономии, выраженный в неспособности центральной власти в одностороннем порядке девальвировать правовые гарантии статуса региона в условиях политической конъюнктуры [8, С. 42-45].

Анализ современной правовой доктрины позволяет констатировать, что смещение акцента на юридические конструкции порождает определенный риск «чрезмерной юридизации» политических процессов. Во взаимоотношениях центральных и автономных органов власти избыточное доверие к формальным процедурам может замедлить живой политический диалог, превращая гибкий механизм согласования интересов в процессуальную ловушку.

Выдающийся британский исследователь, профессор политологии Университета Абердина Майкл Китинг блестяще демонстрирует социально-институциональное измерение автономии. Его фундаментальная концепция «территориальной реструктуризации» государственного пространства знаменует собой парадигмальный сдвиг в понимании природы современной государственности, предлагая научно обоснованный взгляд на эволюцию суверенитета в условиях многоуровневого управления [5, с. 72-75, 112]. Китинг рассматривает автономии не как пассивные административные единицы, а как активные

«институциональные пространства», в которых формируется уникальная политическая легитимность. Согласно его теории современное государство - это динамическая конструкция, где региональная идентичность становится не угрозой, а источником развития. Исследования М. Китинга демонстрируют, как институт автономии способствует адаптации государства к вызовам глобализации. Это достигается путем наделения регионов функциональной субъектностью, позволяющей им эффективно сохранять идентичность и самостоятельно адаптировать социально-экономические стратегии к глобальным вызовам, что подтверждает тезис о переходе от жестких иерархий к сетевым моделям государственного управления [6, С. 18-22].

Представляется, что модель «многоуровневого управления», предложенная Китингом, является доктринальным вызовом классической теории суверенитета. Размывание четких границ ответственности между уровнями власти может затруднять правовую идентификацию «конечной точки» принятия решений, что требует от конституционалистов поиска новых форм разделения компетенций в рамках единого правопорядка.

Особое место в современной доктрине занимает юридико-процедурный подход, развиваемый представителем скандинавской правовой школы, профессором публичного права Университета Або Академи Маркку Сукси [9, С. 65-67, 131]. Являясь ведущим мировым экспертом по статусу Аландских островов, профессор Сукси анализирует технологию правового взаимодействия. Он убедительно доказывает, что устойчивость автономии зиждется не на самом факте закрепления прав, а на наличии постоянных, институционализированных каналов диалога между центром и регионом. В работах Сукси автономия предстает как непрерывный процесс коммуникации, подкрепленный конституционными гарантиями. Ученый доказывает, что в условиях современных политических кризисов именно «институциональная устойчивость» процедур, таких как право «вето» автономии на изменение своего статуса или участие в конституционном правосудии, позволяет рассматривать автономию как систему «взаимного признания», где правовые процедуры исключают возможность одностороннего диктата. Это позволяет дефинировать автономию не как статичную уступку, а как «динамическое равновесие» прав и обязанностей центра и региона [10, С. 14-17].

Следует признать, что модель Сукси является идеалистичным правовым решением. Реализация такой модели требует высокого уровня правовой культуры и взаимного доверия сторон, что делает её прямое масштабирование на государства с переходной демократией или высокой степенью политической поляризации крайне сложной задачей, требующей длительного периода адаптации.

Таким образом, научный вклад Ф. Палермо, М. Китинга и М. Сукси позволил сформировать современное научное понятие автономии. Благодаря исследованиям этих ученых автономия в настоящее время понимается не как статичная форма децентрализации, а как динамический конституционно-правовой институт, способный обеспечить долгосрочную стабильность государства через баланс юридических гарантий, политической идентичности и процедурного диалога. Этот теоретический синтез заложил основу для современного доктринального восприятия автономии как неотъемлемого элемента демократического конституционализма XXI века.

Анализ фундаментальных классических теорий и современных компаративистских исследований позволяет выделить систему существенных признаков, которые конституируют автономию как особый институт и позволяют дифференцировать её от простой административной децентрализации или местного самоуправления.

Первым и определяющим признаком является юридическая легитимация на высшем законодательном уровне. Правовой статус автономии закрепляется не на уровне обычного закона или подзаконного акта, а в Конституции государства или специальном Статуте (органическом законе), имеющем силу конституционного. Это обеспечивает процессуальную стабильность статуса: автономия получает защиту от произвольного, одностороннего

пересмотра или упразднения со стороны центральных властей, поскольку изменение такого статуса, как правило, требует сложной процедуры согласования с самой автономией (принцип взаимного согласия). Такая нормативная конструкция превращает автономию из временного политического компромисса в устойчивый элемент государственного порядка организации публичной власти.

Не менее важным признаком выступает наличие специального, законодательно защищенного объема собственных полномочий. В отличие от административной децентрализации, где органы на местах лишь исполняют волю центра, автономия предполагает право на собственное нормотворчество. Речь идет о широком спектре законодательных, административных и фискальных прерогатив, которые имеют юридический иммунитет от необоснованного вмешательства центральных институтов. Наличие собственной законодательной компетенции является своеобразной демаркационной линией, выделяющей автономию от административно-территориальных единиц.

Наличие собственной системы органов публичной власти, формирующихся на основе демократического волеизъявления населения территории, придает автономному образованию статус устойчивого публично-правового субъекта. Наличие собственного законодательного собрания (парламента) и исполнительного органа власти (правительства) позволяет автономии не просто «управлять», а реализовывать собственную региональную политику, обладая при этом высокой степенью политической ответственности перед местным сообществом.

Концептуально значимым признаком автономии является ее функционирование исключительно в пределах неделимого государственного суверенитета. Эта форма внутреннего самоопределения в рамках единого государства не содержит признаков государственной независимости. Правопорядок автономии является составной частью общенационального правопорядка, а автономные органы встроены в общую систему публичной власти государства, что исключает риск превращения автономии в «государство в государстве».

Таким образом, содержание понятия «автономия» претерпело в юридической доктрине фундаментальную трансформацию от ограниченной формы административного самоуправления к пониманию её как полноценного конституционно-правового института.

Современная правовая доктрина демонстрирует динамику осмысления автономии от узкого позитивистского разграничения сфер ведения к признанию фундаментальной роли в обеспечении системной политической стабильности, демократической легитимности и институциональной интеграции территориального многообразия. Следовательно, в настоящее время статичная юридическая конструкция трансформируется в динамичный инструмент адаптации государственности к сложным социальным, этнокультурным и институциональным вызовам.

Анализ достижений фундаментальной юридической науки, современных правовых идей позволяет нам предложить понятие автономии, включающее в себя признаки нормативной устойчивости и функциональной субъектности:

Автономия - это конституционно или статутно закреплённый правовой режим части территории государства, предусматривающий законодательно защищённый объём самостоятельных компетенций (законодательных, административных, финансовых), наличие собственных институтов самоуправления и устойчивых механизмов правовой защиты, функционирующих в рамках единого государственного суверенитета и общего правового порядка.

Таким образом, автономия представляет собой динамическую, многоуровневую модель организации публичной власти, характеризующуюся высокой степенью адаптивности к специфическим условиям развития конкретной государственно-правовой системы. В данной концепции автономия выступает не как потенциальная угроза унитарности, а как способ

трансформации этнополитических конфликтов в конструктивный диалог институционального взаимодействия.

Список литературы :

1. Дайси, А. В. Основы конституционного права Великобритании / А. В. Дайси; под ред. П. Г. Виноградова. - М.: Изд. тип. И. Д. Сытина, 1907.
2. Дюги, Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. - М.: Инфра-М, 2012.
3. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек; вступ. ст. И. Ю. Козлихина. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
4. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. - 2-е изд. – М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912.
5. Keating, M. The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change / M. Keating. - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1998.
6. Keating, M. State and Nation in the United Kingdom: The Fractured Union / M. Keating. - Oxford: Oxford University Press, 2021.
7. Palermo, F., Kössler, K. Comparative Constitutional Justice / F. Palermo, K. Kössler. Oxford: Oxford University Press, 2017.
8. Palermo, F. Federalism and the Law of Diversity / F. Palermo, K. Kössler. - Leiden: Brill | Nijhoff, 2025.
9. Suksi, M. Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions / M. Suksi. - Berlin: Springer, 2011.
10. Suksi, M. Autonomy: Applications and Implications / ed. by M. Suksi. - Leiden: Brill, 2023.

УДК 343.341(100)

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Попов Максим
докторант Софийского университета
«Св. Климент Охридски», Республика Болгария
e-mail: maxim@uni-sofia.bg
orcid id: 0009-0000-1090-2153

Abstract. The article examines modern international terrorism as a global challenge that has transcended national borders and evolved into a supranational phenomenon threatening international security and the global legal order. It analyzes the transformation of terrorism under globalization, technological development, and geopolitical changes, as well as the diversification of its forms and methods.

Keywords: international terrorism; global security; international law; political violence; globalization; counterterrorism; international relations.

Введение. Тема терроризма становится всё более актуальной – ежедневные сводки новостей сообщают о новых терактах, жертвами которых всё чаще становятся гражданские лица. При этом волна террора захлёстывает не отдельно взятые страны, а целые регионы. Понятие терроризм стало наднациональным, вышло за пределы отдельно взятых государств и стало неотъемлемым элементом международной обстановки [6].

Сегодня, терроризм во всех формах и проявлениях и по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости превратился в одну из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости. Проявление терроризма влекут за собой массовые человеческие жертвы, разрушаются духовные, материальные, культурные ценности, которые невозможно воссоздать веками. Он порождает ненависть и недоверие между социальными и национальными группами.

Масштабные террористические действия во всём мире и сопряженные с этим невосполнимые человеческие жертвы заставляют по-новому взглянуть на проблему международного терроризма, которая сегодня превратилась в реальную и серьёзную угрозу стабильности и безопасности мира и прогресса человечества.

Международный терроризм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений, он приобретает всё более разнообразные формы и угрожающие масштабы.

Современный международный терроризм как явление многогранен и противоречив, он имеет целый ряд специфических черт и особенностей. Терроризм сегодняшнего дня уже не укладывается в «классические» модели прошлого. За последние годы претерпели изменения и модернизировались организационные структуры террористических организаций, расширилось использование ими высоких технологий, новых вооружений, позволяющих проводить операции, сопоставимые с военными.

Вызовы международного терроризма последних лет обусловили широкий спектр актуальнейших задач, требующих безотлагательного решения. Это не только выработка стратегии противодействия возникающим и распространяющимся новым формам терроризма, поиск профилактических, превентивных антитеррористических мер, но и проблема создания международной системы мер противодействия терроризму и надежного правового обеспечения антитеррористической деятельности. Суть терроризма остаётся прежней – это противоправное деяние, преступление, вследствие чего борьба с ним должна вестись посредством политики, а также в сфере права, как на национальном, так и на международном уровне [12].

Всё вышеперечисленное делает чрезвычайно актуальным научное осмысление сущности, содержания, типологии международного терроризма, выяснение его особенностей, новых форм и разновидностей, вне чего невозможно говорить об эффективности борьбы с ним.

Общая характеристика международного терроризма. Сегодня, терроризм превратился в явление международного масштаба, приобрёл черты глобальной проблемы человеческого общества, так называемой «чумы XX века», теперь уже и XXI века [11].

Международный терроризм имеет большое количество определений, которые предлагаются различными государствами, политическими деятелями и политологами [2]. Определение терроризма представляется непростой задачей. Формы и методы террористической деятельности существенно менялись со временем. Это явление имеет устойчивую негативную оценку, что порождает произвольное толкование. С одной стороны, существует тенденция неоправданно расширенной трактовки, когда некоторые политические силы без достаточных оснований называют террористами своих противников. С другой, – неоправданного сужения. Сами террористы склонны называть себя солдатами, партизанами, диверсантами в тылу противника [7]. Отсюда трудности как юридически-правовых дефиниций, так и общетеоретического осмысления терроризма.

Политолог Дугин А. высказывает свой взгляд на международный террор. Он считает, что произошла «существенная мутация террора: в однополярном, пусть номинально, мире обнаружился симметричный ему фактор влияния, получивший название «международный терроризм» и новую функциональную нагрузку. Отныне этот термин стал обозначать радикальные действия всех противников однополярного глобализма» [5].

Исследователь Золотарев П. выделяет как формообразующие международного терроризма следующие факторы: 1) процессы глобализации; 2) разрушение двухполюсного миропорядка; 3) цивилизационный кризис; 4) наследие «холодной войны» [8].

Определение терроризма в рамках ООН не удалось, так как одни считают его преступлением, а другие – «борьбой за правое дело». Одно из определений, данное госдепартаментом США гласит: терроризм – «заранее обдуманное, политически мотивированное насилие, применяемое против не участвующих в военных действиях лиц субнациональными группами или подпольными государственными агентами» [15].

Терроризм – это общественный феномен, заключающийся в противоправном использовании крайних форм насилия или угрозы насилием для устрашения противников с целью достижения конкретных политических целей.

Международный терроризм, являясь видовой формой терроризма, обладает рядом специфических признаков. К основным следует отнести:

✓ Международный правопорядок как специфический объект терроризма, защищаемый Уставом ООН, международными конвенциями и другими общепризнанными актами права;

✓ Международный характер ущерба, когда действия террористов затрагивают интересы нескольких государств или международных организаций;

✓ Транснациональный характер действий, проявляющийся в подготовке актов в одной стране и их совершении в другой, вовлечении граждан разных государств в качестве террористов или жертв, а также использовании ресурсов и средств из-за рубежа.

Своё определение предложил бывший Генсек ООН Кофи Аннан: «Всякое действие является террористическим, если оно предполагает смерть или причинение тяжкого увечья гражданским лицам и лицам, не участвующих в боевых действиях, с целью запугивания населения или принуждения какого бы то ни было правительства или международной организации к совершению действия или отказу от действия» [14].

Международный терроризм (лат. terror – ужас, страх) – международное преступление, представляющее собой действия отдельных лиц или организаций, направленные на достижение определённых целей путём применения насилия и совершения террористических актов.

Международный терроризм – это совокупность общественно опасных действий международного масштаба, угрожающих безопасности государств, причиняющих человеческие жертвы и нарушающих дипломатические, транспортные и иные международные связи.

Суть терроризма – насилие с целью устрашения.

Субъект террористического насилия – отдельные лица или неправительственные организации и некоторые государства.

Объект насилия – власть в лице отдельных государственных служащих или общество в лице отдельных граждан (в том числе иностранцев, госслужащих), частное и государственное имущество, объекты инфраструктуры, системы жизнеобеспечения.

Цель насилия – добиться желательного для террористов развития событий – революции, дестабилизации общества, развязывания войны с иностранным государством, обретения независимости некоторой территорией, падения престижа власти, политических уступок со стороны власти и т.д.

Международный терроризм представляет особую угрозу для международного правопорядка, межгосударственных отношений, безопасности государств и жизни людей во всём мире.

В современных условиях наблюдается эскалация террористической деятельности экстремистски настроенных лиц, групп и организаций, усложняется её характер, возрастают изощрённость и античеловечность террористических актов.

Озабоченность мирового сообщества ростом террористической активности обусловлена многочисленностью жертв террористов и огромным материальным ущербом, наносимом

террором. Террористическая деятельность в современных условиях характеризуется широким размахом, отсутствием явно выраженных государственных границ, наличием связи и взаимодействием с международными террористическими центрами и организациями.

Терроризм связан с более общим, родовым для него понятием террора. Террор – это способ управления обществом посредством превентивного устрашения.

Социолог Ильинский И., определяет террор как привилегию власти меньшинства над большинством, он осуществляется «сверху вниз». «Международный терроризм» – это ответная реакция «слабых» на международный террор «сильных». Террор и терроризм – «зеркальные» явления; одно определяет другое. Там, где есть террор, неизбежно возникает терроризм. И наоборот [10].

Обязательное условие терроризма – резонанс террористической акции в обществе. Терроризм принципиально декларативен. Широкое распространение информации о теракте, превращение его в наиболее обсуждаемое событие представляет собой ключевой элемент тактики терроризма. Оставшийся незамеченным теракт утрачивает всякий смысл.

Общественный резонанс террористических актов является необходимым условием их эффективности, поскольку они направлены на воздействие на массовое сознание и изменение общественных настроений. Посредством терактов террористические организации демонстрируют свою силу, решимость и готовность к крайним формам насилия, заявляя о непризнании существующего общественно-политического порядка. Международный терроризм выступает одним из наиболее эффективных по соотношению «затраченные ресурсы – достигнутый результат» инструментов политической дестабилизации. В отличие от таких форм дестабилизации, как военная интервенция, гражданская война или массовые беспорядки, террористическая деятельность требует сравнительно ограниченной социальной поддержки и минимальных организационно-технических ресурсов.

Международный терроризм по содержанию и основным формам проявления является сложным социально-политическим явлением, и его общественная опасность на протяжении последних десятилетий неуклонно возрастает.

При всём разнообразии существующих в международно-правовой теории и практике понятий международного терроризма в настоящее время существует общее мнение о том, что рассматриваемое явление представляет собой одну из разновидностей терроризма как социально-политического явления более широкого масштаба. Как часть терроризма, международный терроризм характеризуется присущими ему общими свойствами (применение насилия, использование принуждения и устрашения и др.).

Международный терроризм обладает рядом характерных признаков, отличающих его от других видов терроризма:

Международно-политическая опасность. Акции международного терроризма угрожают международной безопасности, мировому правопорядку и межгосударственным отношениям, так как затрагивают интересы нескольких государств. В зависимости от характера атак, они могут серьёзно осложнять внутриполитическую ситуацию отдельных стран. Например, убийство государственного деятеля за рубежом может одновременно дестабилизировать межгосударственные отношения и внутреннюю политическую обстановку его страны.

Субъекты международного терроризма. Главными субъектами выступают устойчивые террористические группы и организации, использующие методы террора для достижения целей. Они могут действовать самостоятельно или входить в состав экстремистских движений, националистических и религиозно-политических организаций, а также структур организованной преступности. В последние десятилетия значительную роль играют международные террористические организации с развитой инфраструктурой, действующие на территории нескольких государств.

Транснациональное сотрудничество. Террористические группы из разных стран, близкие по идеологической направленности, устанавливают связи для подготовки и

осуществления международных актов терроризма. Эти контакты политические, организационные и финансово-материальные и диктуются совпадением идейно-политических установок и необходимостью внешней поддержки.

Угрозу мировому сообществу в форме международного терроризма определяют следующие факторы: нищета, низкий уровень культуры и угнетение национального сознания, нарастание культурного и информационного империализма [3].

Формы современного международного терроризма: 1) необъявленные войны; 2) политические убийства; 3) взрывы; 4) похищения людей, избиения и издевательства; 5) захват самолетов, кораблей; 6) захват государственных учреждений, посольств; 7) экспорт революций и контрреволюций; 8) ограбления банков, ювелирных салонов и др.

Расширение угроз международного организованного терроризма заставляет мировое сообщество искать различные средства и способы противодействия этой глобальной угрозе. Здесь и юридический аспект (создание международно-правовой базы) и наращивание мощи силовых структур, и использование научно-технических достижений по предотвращению терактов, поиску источников по финансированию и созданию материально-технической базы антитеррористических организаций.

По мнению экспертов, средства поражения атакующих террористов должны быть самыми высокоинтеллектуальными свойствами поиска, идентификации, определения координат, в выборе метода атаки и гарантированного поражения в короткие сроки с минимальным побочным ущербом для окружающих объектов и населения. Среди новых технологий вооружений и методов борьбы с террористами – применение рассредоточенной сети специальных сенсоров способные обнаруживать импровизированные взрывные и др. боевые средства, заминированные объекты, а также отдельных и мелких групп смертников.

Усовершенствованные высокоскоростные системы управляемого ракетного оружия и дальностями стрельбы в сотни километров также должны эффективно использоваться в борьбе с террористами: (управляемая ракета с гиперзвуковыми скоростями способна достигнуть цели в 9-10 раз быстрее, чем крылатая ракета «Tomaxok») [4].

По некоторым оценкам, стоимость информационного компонента в современных вооружениях и военной технике составляет от 5 до 20% в зависимости от видов вооружений [15]. Для обуздания террористических организаций используется также «искусственная разведка», т.е. математическое моделирование поведения.

Нельзя не отметить, что террористические акции оказывают влияние на власть, на внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств. Так, после взрывов на испанских вокзалах вывод испанских воинских подразделений из Ирака [1]. После захвата в Афганистане талибами группы южнокорейских граждан, со смертельным исходом некоторых из них, правительство Южной Кореи вынуждено было заявить в 2007 г. о выводе своего воинского контингента из указанной страны.

В начале 2008 года было объявлено об отмене международного ралли «Дакар», впервые за всю 30-летнюю историю автомобильных гонок. Основное событие, повлиявшее на решение организаторов, произошло в Мавритании, где 24 декабря 2007 года террористами были убиты четверо французских туристов [13].

Новые формы и методы террористической деятельности. Современный международный терроризм превратился в фактор, серьёзно дестабилизирующий обстановку не только в отдельных странах, но и в мире в целом.

Существенным отличием современного этапа терроризма стало широкое использование террористов-смертников. Так за последние годы более 80% исполнителей всех совершённых в мире террористических актов относятся к этой категории.

В арсенале террористических организаций, террористы-смертники относятся к категории так называемого «оружия священного возмездия», так как акции с их использованием приводят к многочисленным жертвам и всегда широко освещаются в средствах массовой информации.

Кроме того, применение террористов-смертников гарантирует, что атака состоится в наиболее подходящий для террористов момент, нет нужды готовить пути отхода для всей группы, а также нет опасений, что преступник попадет в руки правоохранительных органов и выдаст сообщников, организаторов. Расчёт обычно делается на фактор неожиданности, которая достигается исключением шаблонности в тактике проведения акций, применением различных видов взрывных устройств, выбором наиболее подходящего места и времени проведения акции. Применяются эффективные приёмы маскировки. Так, чтобы усыпить бдительность правоохранительных органов и беспрепятственно пройти к цели, женщины-смертницы выдают себя за беременных, привлекаются и подростки. Могут использоваться лица с различными увечьями. По замыслу организаторов террористических акций, явно выраженные физические недостатки заставляют относиться к подобному человеку с сочувствием, а не опаской, что облегчает проникновение к местам совершения преступлений. Террористы-смертники – это конечное звено исполнителей в разветвлённой террористической организации. Для маскировки своих подлинных целей организаторы терактов стремятся представить исполнителей как религиозных фанатиков, национальных экстремистов, мстителей за личные или клановые обиды. Среди террористов-смертников не более 10% действительно демонстрировали черты фанатизма и экстремизма, остальные – либо пошли на акцию не по своей воле, либо вообще не подозревали о своей судьбе.

Пополнению их рядов способствуют неблагоприятные социально-экономические условия (тяжёлые жизненные обстоятельства, отсутствие перспектив, нищета).

Значительную часть смертников составляют женщины, потерявшие мужей, детей, близких родственников, что равносильно их собственной гибели. Оторванные от семьи и привычного круга общения, подвергнутые мощной идеологической и психотропной обработке, они составляют костяк «шахидок». Сравнительно новым стало использование в качестве террористов-смертников людей, подвергнутых серьезному психопрограммированию «зомбированию». Подобные лица, как правило, не осознают сути программы, их поведение более естественно. В качестве подобных исполнителей выбираются не просто лица определённых этнических групп, но и жители тех населённых пунктов, где планируется проведение террористических актов.

Заключение. Современный международный терроризм характеризуется рядом устойчивых тенденций, определяющих его угрозу для международной безопасности. Ключевыми из них являются: расширение географии терроризма и его интернационализация; усиление влияния социальных, политических и экономических факторов на возникновение и распространение террористической деятельности; повышение уровня организованности террористических структур и создание крупных формирований с развитой инфраструктурой; взаимосвязь терроризма и организованной преступности; рост материально-технического и финансового обеспечения террористических организаций; стремление террористов овладеть средствами массового поражения; использование терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств и неправительственных международных организаций; разработка новых форм и методов, направленных на увеличение масштабов и последствий террористических актов. Поэтому борьба с международным терроризмом требует комплексного подхода, объединяющего усилия государственных институтов, международных организаций и всего мирового сообщества, включая политические, правовые и превентивные меры.

Библиография:

1. Васильев Н. Неизбежность диалога // Литературная газета. 2007. № 46.
2. Военная сила в международных отношениях: учеб. пособие // под общ. ред. проф. В. И. Анненкова. М.: Русавиа, 2009. 480 с.
3. Возженников А.В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. 528 с.

4. Горшков А.Ф. Глобальная война с международным терроризмом // Независимое военное обозрение. 2005. № 1. С. 7.
5. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора; ТИД «Амфора», 2007. 382 с.
6. Заводин Д. Международный терроризм – кому это выгодно? // Военно-политическое обозрение. 2011.
7. Захаров А.В., Бреев А.В. Формы совершения актов терроризма. 2012.
8. Золотарев П.С. Международный терроризм: истоки возникновения и перспективы развития // Социальные и математические средства измерения потенциала общественной безопасности в субъектах РФ. М., 2006. С. 208-220.
9. Иванов О.В. Информационная составляющая современных войн // Вестник МУ. Сер. 18: Социология и политология. 2004. № 4. С. 64.
10. Ильинский И.М. О терроре и терроризме // Между будущим и прошлым. М., 2006. С. 239, 242.
11. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск, 2000. С. 370-371.
12. Лукасевич Е.В. Современный терроризм: новые формы и методы в условиях развития научно-технической революции. М., 2005.
13. Новая газета. 2008. № 2.
14. Коммерсантъ-Власть. 2005. № 12. С. 42.
15. U.S. Department of State. Office of the Ambassador at Large for Counter-Terrorism. Patterns of Global Terrorism: 1986. Washington, 1988.

УДК 347.232:623.44

УТРАТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОРУЖИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ: АНАЛИЗ СИТУАЦИИ

Стефу Лилия
научный исследователь
Института юридических, политических и
социологических исследований Молд. ГУ
e-mail: liliastefu@gmail.com
orcid id: 0000-0002-2208-6453

Аннотация. В статье исследованы актуальные вопросы, связанные с способом утраты права собственности на оружие гражданского назначения В Республике Молдова. Актуальность исследования данного специфического способа утраты права собственности в молдавском обществе обоснована необходимостью, после 14 декабря 2023 года, когда Республика Молдова получила статус кандидата в ЕС для дальнейшей работы по приведению национального законодательства к европейским стандартам.

В результате исследования приходим к аргументированному выводу, что утрата права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств, предусмотренными именно ч. (9) ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/201 представляет собой особый и специальный случай прекращения права собственности. Это специальное основание прекращения права собственности именно на оружие гражданского назначения и ее не следует отождествлять с таким основанием утраты права собственности, указанное в ст. 359 ГК РМ как утрата права собственности вследствие отчуждения имущества, которое в соответствии с законом (в силу закона) не может принадлежать данному лицу на праве собственности. Статья отражает часть результатов исследования научной подпрограммы «Securitatea naţională a Republicii

Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politologice şi sociologice» - «Национальная безопасность Республики Молдова в свете присоединения к Европейскому Союзу: юридические, политологические и социологические аспекты» - код: 01.05.01 при Институте юридических, политических и социологических исследований Государственного университета Молдовы, в рамках институционального проекта (2024-2027).

Ключевые слова: оружие гражданского назначения; основания утраты права собственности; мера безопасности; санкция.

Abstract. This article examines current issues related to the method of loss of ownership of civilian weapons in the Republic of Moldova. The relevance of studying this specific method of loss of ownership in Moldovan society is justified by the need, after December 14, 2023, when the Republic of Moldova received EU candidate status for further work on aligning national legislation with European standards. As a result of the study, we come to the reasoned conclusion that the loss of ownership of weapons for civilian purposes, due to the occurrence of circumstances stipulated by Part (9) of Article 18 of the Law of the Republic of Moldova on the regime of weapons and ammunition for civilian purposes No. 130/201, represents a special and specific case of termination of ownership. This is a specific ground for terminating the right of ownership of weapons for civilian purposes and should not be equated with the grounds for loss of ownership specified in Article 359 of the Civil Code of the Republic of Moldova as loss of ownership due to the alienation of property that, in accordance with the law (by virtue of law), cannot belong to the given person by right of ownership. The article reflects part of the research results of the scientific subprogram "Securitatea națională a Republicii Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politologice şi sociologice" - "National security of the Republic of Moldova in the light of accession to the European Union: legal, political and sociological aspects" - code: 05/01/2011 at the Institute of Legal, Political and Sociological Research of the State University of Moldova, within the framework of the institutional project (2024-2027).

Keywords: civilian weapons; grounds for loss of ownership; security measure; sanction.

Введение.

Целью настоящей публикации является выяснение сущности способа утраты права собственности на оружие гражданского назначения В Республике Молдова.

В ходе исследования автор использовал общетеоретические положения, изложенные в трудах по общей теории государства и права, конституционному, гражданскому и административному праву. В статье сформулирован ряд новых выводов и положений, практических рекомендаций наиболее значимыми из которых являются предложения de lege ferenda на основе которой считаем целесообразным в части (9) ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012, в конце предложения после слов «изымается в принудительном порядке», добавить словосочетание «*компетентными органами полиции на безвозмездной основе».*

Методология исследования базируется на таких общетеоретических методах как анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение.

Результаты исследования.

Утрата - прекращение права собственности, это важный институт гражданского права, который обеспечивает баланс интересов собственников, общества и государства. Каждый случай утраты (прекращения) собственности имеет свои особенности и требует внимательного подхода с учетом положений ГК РМ и других законодательных актов **[1, с.644]**.

Основания утраты-прекращения права собственности - это юридические факты (в виде действий или событий), влекущие утрату права собственности лица на определенное имущество-вещь. При анализе ст. 536 Гражданского кодекса Республики Молдова, явствует, что помимо прямо указанных императивных оснований, данная статья предусматривает, что «никто не может быть принужден уступить свою собственность, кроме случаев, когда в соответствии с законом производятся: […] иные действия, предусмотренные законом».

Иными словами, цитируемая статья указывает на утрату права собственности и в других случаях, предусмотренных законом.

В свою очередь, анализ действующего законодательства РМ дает основание резюмировать, что таким особым и специальным случаем прекращения права собственности представляет собой утрата права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств, предусмотренными ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012. Это специальное основание прекращения права собственности именно на оружие гражданского назначения[12].

Гражданское оружие - это особый объект гражданского права, соответственно требует особой регламентации, в том числе связанные с условиями их приобретения, отчуждения, владения ими, их ношения, использования и совершения с ними операций на территории Республики Молдова. В соответствии с ст. 2 Закона - *гражданское оружие* это оружие, устройства, материальные средства, находящиеся в частной или государственной собственности, предназначенные (приспособленные) для гражданского использования, годные с технической точки зрения для нанесения вреда или иммобилизации человека либо животного, для спортивных целей или охоты, для самообороны, для защиты и охраны материальных ценностей или для имитации их боевых характеристик.

Изначально обратим внимание на два основополагающе моменты этого особого основания прекращения права собственности. А именно:

Во-первых, этот особый случай прекращения права собственности на оружие гражданского назначения *не следует отождествлять с конфискацией*.

Аргументация:

1) В смысле Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012, оружие - это законно добытая вещь. А в свете нормы ч. (5) ст. 501 ГК РМ, повторяющая конституционную норму части (3) ст. 46 Конституции РМ, гарантирующие права собственности, в том смысле, что законно добытые вещи не могут быть конфискованы, за исключением вещей, предназначенных либо использованных для совершения правонарушений или преступлений. При этом, законность добытого предполагается (подразумевается). Поэтому, утрата права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств, предусмотренными ст. 18 Закона № 130/2012 осуществляется в соответствии с правилами, установленными исключительно этим специальным законом.

2) Конфискация оружия гражданского назначения (как и любого имущества) эта *мера безопасности* и допускается на основании судебного решения или административного акта, а не санкция по безвозмездному изъятию имущества у собственника.

3) Утрата права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств, предусмотренными ст. 18 Закона РМ № 130/2012 представляет собой именно *санкцию* по безвозмездному изъятию оружия у собственника за конкретные нарушения - определенные ситуации (не обязательно контравенции или преступления – наше прим.), установленные этой статьей закона.

В этом контексте отметим, что меры безопасности имеют целью устранения последствий деяния в процессе производства о правонарушениях, устранения опасности или предупреждения совершения правонарушений (контравенций) и преступлений. Разница между санкцией и мерой безопасности состоит в том, что санкция прямо предусмотрена в санкции той или иной статьи КоП, УК или другого специального закона, и она применяется только при назначении соответствующего наказания (решением или приговором судебной инстанции, а иногда и решением административного органа), а мера безопасности не

[12] Действие указанного закона не распространяется на режим ***военного оружия***, находящегося в ведении органов публичного управления, обладающих полномочиями в области национальной обороны, государственной безопасности и общественного порядка, который установлен специальными законами и нормативными актами.

предусмотрена в статьях специальной части КоП или УК и она может применятся даже в случае истечения срока давности привлечения к уголовной или контравенциональной ответственности. Конфискация как мера безопасности применяется только на основании Кодекса о правонарушений (контравенциях) РМ (КоП РМ) – ст. 439^4 и 439^7, а также на основании Уголовного кодекса РМ – УК РМ (ст. 106 - специальная конфискация и ст. 106^1 - расширенная конфискация).

Во-вторых, также особенно его не следует отождествлять с таким основанием утраты права собственности как *утрата права собственности вследствие отчуждения имущества, которое в соответствии с законом (в силу закона) не может принадлежать данному лицу на праве собственности (ст. 539 ГК РМ*).

Аргументация:

1) В данном случае обстоятельства совершенно разные. А именно, основание по ст. 539 ГК РМ хоть и принудительные, но всегда возмездные, ибо здесь, даже в случае принудительного отчуждения вещи на основании решения судебной инстанции (по требованию органа местного публичного управления) бывшему собственнику передается вырученная сумма с отчуждении (продажи). Конечно, с удержанием расходов на отчуждение. А в случае, если судебная инстанция постановляет передачу вещи в собственность государства, то бывшему собственнику также возмещаются убытки в размере, установленном судебной инстанцией.

2) Утрата права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств, предусмотренными специальными нормами ст. 18 Закона РМ № 130/2012 это, в принципе не принудительное основание утраты права собственности, а основание *вследствие объективных фактов, конкретно указанных* в ст. 18 Закона № 130/2012.

В этом контексте обращаем внимание, что в соответствии с ст. 5 Закона о нормативных актах № 100/2017 (Официальный монитор Республики Молдова, 2018 г., № 7–17, ст. 34), - «По своему характеру правовые нормы подразделяются на общие, специальные и исключительные. Общие правовые нормы применяются ко всем общественным отношениям или субъектам права либо к некоторым категориям отношений или субъектов без утраты ими своего общего характера. Специальные правовые нормы применяются исключительно к отдельным категориям общественных отношений или прямо определенным субъектам. *В случае противоречия между общей нормой и специальной нормой, которые содержатся в нормативных актах одного уровня, применяется специальная норма*. Исключительные правовые нормы отличаются от рамочных норм в соответствующей области и применяются к определенным *ситуациям.* В случае противоречия между общей или специальной нормой и исключительной нормой, содержащимися в нормативных актах одного уровня, применяется исключительная норма».

Из сравнительного анализа норм ст. ст. 539 ГК РМ и норм ст.18 Закона № 130/2012, на основе положения ст. 5 Закона о нормативных актах № 100/2017 вытекает, что по своему характеру нормы ст. 539 ГК РМ являются обще правовыми нормами, а нормы ст. 18 Закона № 130/2012 являются специальными нормами и, в определенных ситуациях, являются даже исключительными. Из этого прямо вытекает, что нормы ст. 18 Закона № 130/2012 имеют приоритет в применении над нормами ст. 539 ГК РМ, в случае их противоречия. Хотя, их общий буквальный сравнительный анализ не дает какой-либо логический повод утверждать об их противоречии в толковании.

Таким образом, основание утраты права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств-ситуаций, предусмотренными ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012, является отдельным самостоятельным, но специфическим основанием утраты права собственности.

Анализ ст. 18 Закона № 130/2012, «Прекращение права на владение и ограничение права собственности на оружие» показывает, что данная статья имеет своим предметом регулирования 1) прекращение права на владение оружием и 2) ограничение права

собственности на оружие. Из буквального смысла наименования статьи не явствует, что предметом ее регулирования является и утрата, т.е. прекращение права собственности на оружие. Однако из содержания нормы части (9), конкретно из последней ее синтагмы-словосочетания *«а в случае пропуска указанного срока оружие изымается в принудительном порядке»* прямо и недвусмысленно вытекает, что данная статья имеет своим предметом регулирования и утрату права собственности на оружие. И эта «неопределенность наименования статьи vis-a-vis ее содержания» теоретически вполне допустима, ибо если исходить из смысла части (2) ст. 51 Закона о нормативных актах № 100/2017, то «наименование статьи отражает в сжатом виде предмет регулирования, не являясь значимым элементом содержания статьи». Иными словами, наименование статьи не всегда отражает полный предмет ее регулирования.

Статья 18 в части (1), пкт. a)-g) указывает на семь случаев, когда право *на владение* (именно на владение, а не на право собственности - наше прим.) оружием прекращается. Из них, кроме прочих пкт. b) указывает на случай, - когда лицо-владелец находится в одном из положений, предусмотренных пунктами e) – g) части (2) статьи 7, а пкт.c) на случай, когда лицо - не является для визирования разрешения на оружие в течение одного года со дня истечения срока, предусмотренного в части (2) статьи 11.

Учитывая, что цитируемые пункты b) и c) нормы части (1) ст. 18 являются отсылочными, то есть прямо указывающие на конкретную статью или пункт того же акта, где содержание изложено, в избежание двусмысленности рассмотрим далее эти конкретные статьи и пункты. Так, статья 7 «Условия выдачи разрешения на приобретение летального и не летального оружия, подлежащего авторизации, и, по обстоятельствам, разрешения на оружие» в части (2) кроме прочих указывает, что разрешения на оружие не выдаются лицам, которые находятся в одном из трех следующих положений: [..] e) были осуждены вступившим в законную силу судебным решением за умышленное совершение преступлений с использованием оружия или боеприпасов, взрывчатых или отравляющих веществ и материалов, а также наркотических, психотропных веществ и прекурсоров, а равно за их незаконное ношение, хранение, приобретение, производство, изготовление, перевозку или продажу; f) были осуждены вступившим в законную силу судебным решением к лишению свободы за тяжкие, особо тяжкие и чрезвычайно тяжкие преступления, совершенные умышленно; g) представляют опасность для общественного порядка, жизни и физической целостности людей и находятся на специальном учете в органах полиции.

А часть (2) и последующие статьи 11, регулируют процесс визирования разрешения на оружие. Что значит визирование разрешения на оружие? - Разрешение на оружие должно визироваться один раз в 5 лет компетентными органами, а этими органами в условиях Республики Молдова являются орган полиции по месту жительства владельца оружия и уполномоченная служба Генерального инспектората полиции Министерства внутренних дел. Процесс визирования[13] заключается в том, что компетентный орган (читай, орган полиции по месту жительства владельца оружия) заново проверяет если владелец соответствует первоначальным условиям при выдаче разрешения на оружие, а также проверяет если владелец за этот период не совершил какое-либо одно из правонарушений, за совершение которого закон предусматривает лишение права на ношение и использование оружия. В частности, владелец оружия проверяется на предмет обучения владению огнестрельным оружием; проверяются условия обеспечения безопасности и целостности оружия и боеприпасов, т. наличие металлического сейфа, прикрепленным к полу или к стене; проверяется если владелец оружия является дееспособным с психологической и медицинской

[13] Более подробно о процедуре визирования разрешения на оружие смотри: пкт. 64-68 (Глава VII) Положения о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения, утвержденная Постановлением Правительства РМ №293 от 23.04.2014. Опубликован: 06-05-2014 в Monitorul Oficial № 104-109 статья № 324

точек зрения; не имеет ли судимости или если, не являются обвиняемыми или подсудимыми по уголовным делам за совершение умышленных деяний в соответствии с действующим законодательством; были ли владельцы осуждены вступившим в законную силу судебным решением к лишению свободы за тяжкие, особо тяжкие и чрезвычайно тяжкие преступления, совершенные умышлено, в что числе, за умышленное совершение преступлений с использованием оружия или боеприпасов, взрывчатых или отравляющих веществ и материалов, а также наркотических, психотропных веществ и прекурсоров, а равно за их незаконное ношение, хранение, приобретение, производство, изготовление, перевозку или продажу; проверяются на предмет если вообще не представляют опасность для общественного порядка, жизни и физической целостности людей и находятся на специальном учете в органах полиции; также проверяется если в течение последних пяти лет не теряли или у них не было похищено по их собственной вине оружие; проверяется если оружие за 5-летний период подверглось периодическому техническому осмотру в порядке, предусмотренном Правительством и другие.

В случае констатации что, владелец оружия находится в одном из вышеназванных негативных положений, компетентный орган полиции *отзывает* разрешение на оружие, или, по обстоятельствам, *аннулирует* ее. Вследствие этого прекращается право на владение или ограничивается право собственности, путем наложения запрета на владение оружием. В зависимости от конкретного обнаруженного случая ограничение права собственности путем наложения запрета на владение оружием (отзыв разрешения на оружие) может применяется на 5-летний срок, по истечении которого лицо может восстанавливать права хранения, ношения и использования оружия, но перед этим должно повторно пройти курс теоретического и практического обучения владению огнестрельным оружием, организованный в установленном порядке. При этом, на все это время он, в 10-дневный срок, обязан сдать оружие и все боеприпасы к нему в орган полиции по месту жительства с целью их отчуждения или хранения у авторизованного оружейника на весь период, за исключением случаев, когда оружие и боеприпасы к нему изымаются компетентным органом полиции[14].

А в случае констатации серьезных обстоятельств прямо указанных в ч. (9) ст. 18 Закона, ведущих к аннулированию разрешение на оружие, право *на владение* оружием прекращается бессрочно и, как следствие, ограничивается права собственности путем наложения запрета на владение оружием. Соответственно, в этом последнем случае, обладатель права собственности на оружие (он уже потерял статус владельца, ибо его право на ношение оружия, т.е. разрешение аннулировано) в течение не более чем 15 дней обязан: a) произвести отчуждение оружия (например, дарить) или b) сдать его уполномоченному оружейнику (в оружейный магазин) для отчуждения (т.е. продажи) с извещением об этом органа полиции. И это, потому что в соответствии с этим же законом данная вещь, то есть оружие, не может более принадлежать ему на праве собственности. В случае пропуска указанного 15-дневного срока оружие (и боеприпасы к нему) изымаются в принудительном порядке. Принудительное изъятие осуществляется компетентным органом полиции.

В данном случае, принудительное безвозмездное изъятие оружия у собственника выступает как санкция за конкретное нарушения – за не выполнении юридических обязательств, а конкретно – за пропуск 15-дневного срока произвести отчуждение оружия самому либо сдать его уполномоченному оружейнику (в оружейный магазин) для отчуждения. Анализ нормы части (9) ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012 в действующей редакции вызывают споры в ее толковании. Так, сегодня эта норма буквально изложена в следующей редакции: «(9) С момента наступления обстоятельств, предусмотренных пунктами b) или c) части (1), обладатель права

[14] Более подробно смотри: пкт. 72-75 Положения о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения, утвержденная Постановлением Правительства РМ №293 от 23.04.2014. Опубликован: 06-05-2014 в Monitorul Oficial № 104-109 статья № 324.

собственности на оружие обязан в течение не более чем 15 дней произвести отчуждение оружия или сдать его уполномоченному оружейнику для отчуждения с извещением об этом органа полиции, а в случае пропуска указанного срока оружие изымается в принудительном порядке». Во избежание дальнейших двояких интерпретаций, считаем целесообразным уточнить характер изъятия оружия, а также внесудебного порядка этого изымания. Поэтому, в этом логическом смысле, в качестве предложения *de lege ferenda* считаем целесообразным в, в конце предложения после слов «изымается в принудительном порядке», добавить словосочетание «*компетентными органами полиции на безвозмездной основе».*

Далее, по истечении одного года компетентный орган полиции в соответствии с требованиями пкт.24 ппкт.5) или 6) Положения о Государственной комиссии по оценке, уценке и выбраковке оружия, утвержденная Постановлением Правительства №1447/2016 о Государственной комиссии по оценке, уценке и выбраковке оружия[15] передает оружие в эту Государственную комиссию, которая осуществляет оценку, уценку (в зависимости от ее износа) или выбраковку оружия. После оценки и утверждения членами Комиссии акт в 10-дневный срок опечатывается на бумаге, а оружие передается для продажи в магазины экономических агентов, которые обладают лицензией в области продажи оружия, согласно законодательству (деньги в государственный бюджет). Оружие с дефектами, или износ которого не превышает 50% подлежит разборке с оценкой основных деталей оружия (ствол, затвор и т.д.), которые при соответствии требованиям безопасности передаются в оружейный магазин для продажи (деньги от продажи перечисляются в государственный бюджет), а непригодные детали передаются Главному инспекторату полиции Министерства внутренних дел для уничтожения для уничтожения.

Вывод:

Анализ законодательства Республики Молдова, современных тенденций развития в области владения и собственности оружием гражданского назначения, проведённый в представленном исследовании, позволяет сделать некоторые выводы и внести ряд предложений по совершенствованию законодательства об оружие гражданского назначения. А именно, утрата права собственности на оружие гражданского назначения, вследствие наступления обстоятельств, предусмотренными именно ч. (9) ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/201 представляет собой особый и специальный случай прекращения права собственности, а принудительное безвозмездное изъятие оружия у собственника выступает как санкция за конкретное нарушения – за не выполнении юридических обязательств, а конкретно – за пропуск 15-дневного срока произвести отчуждение оружия самому либо сдать его уполномоченному оружейнику (в оружейный магазин) для отчуждения. Это специальное основание прекращения права собственности именно на оружие гражданского назначения и ее не следует отождествлять с таким основанием утраты права собственности, указанное в ст. 359 ГК РМ как утрата права собственности вследствие отчуждения имущества, которое в соответствии с законом (в силу закона) не может принадлежать данному лицу на праве собственности. В качестве предложения de lege ferenda считаем целесообразным в части (9) ст. 18 Закона РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012, в конце предложения после слов «изымается в принудительном порядке», добавить словосочетание «*компетентными органами полиции на безвозмездной основе».*

Библиография:

1. Фрунзэ, Юрий; Стефу, Лилия. Утрата права собственности в молдавском гражданском праве: анализ ситуации. В: Conferința internațională științifico-practică în onoarea a 34-a aniversării a Universității de Stat Comrat. Culegere de articole.Universitatea de Stat din

[15] Официальный монитор Республики Молдова, 2017 г., № 19–23, ст. 33), с последующими изменениями.

Comrat. Komrat, 2025 (A&V Poligraf), - стр. 644-649. ISBN 978-9975-83-333-2 // 978-9975-83-334-9.

2. Гражданский кодекс Республики Молдова. Повторно опубликован в Monitorul Oficial al Republicii Moldova №66-75 от 01.03.2019 ст.132.

3. Закон РМ о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения № 130/2012. опубликован в Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 222-227 от 26.10.2012, с измененеиями на 10.07.25, в силу с 05.02.26.

4. Закон о нормативных актах № 100/2017. Официальный монитор Республики Молдова, 2018 г., № 7–17, ст. 34.

5. Положение о режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения, утвержденная Постановлением Правительства РМ №293 от 23.04.2014. Опубликован: 06-05-2014 в Monitorul Oficial № 104-109 статья № 324.

6. Положение о Государственной комиссии по оценке, уценке и выбраковке оружия, утвержденная Постановлением Правительства №1447/2016 о Государственной комиссии по оценке, уценке и выбраковке оружия. Официальный монитор Республики Молдова, 2017 г., № 19–23, ст. 33), с последующими изменениями.

УДК 347.2/3

СОБСТВЕННОСТЬ НА ВРЕМЯ (PROPRIETATEA PERIODICĂ) И ЕЕ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ

Стефу Лилия
научный исследователь
Института юридических, политических и
социологических исследований Молд. ГУ
e-mail: liliastefu@gmail.com
orcid id: 0000-0002-2208-6453
Фрунзэ Юрий
доктор права, конференциар университар кафедры
частного права КГУ, ведущий научный исследователь
Института юридических, политических и
социологических исследований Молд. ГУ
orcid id: 0000-0002-6407-6640

Adnotare. Abordarea dreptului de proprietate periodică din perspectiva implementării acestuia în practica juridică a Republicii Moldova reprezentă o adevărată provocare, întrucât presupune analiza științifică a acestei noi instituții de drept civil pentru Republica Moldova, care guvernează dreptul de proprietate privată. Studiul debutează printr-o incursiune în timp şi spaţiu asupra conceptelor de timeshare şi proprietate periodică (I), pentru ca apoi să abordeze, în mod sistematic noțiunea dreptului de proprietate periodică (II), temeiul nașterii (III), analiza regimului ei juridic (IV), diferența dintre proprietatea comună pe cote-părți și proprietate periodică (V) și, cauzele de încetarea a acesteia.

Cuvinte-cheie: timeshare; proprietate periodică; cota-parte de proprietate corespunzătoare unităţii de timp (cotă parte temporală); proprietate comună pe cote-părți.

Аннотация. Рассмотрение нового для молдавского правопорядка института собственности на время с точки зрения его реализации в правовой практике Республики Молдова представляет собой серьезную задачу, поскольку оно предполагает научный анализ этого нового института гражданского права, регулирующего право частной собственности. Исследование начинается с анализа во времени и пространстве, понятия таймшера как пророднтеля собственности на время (I), а затем систематически рассматриваются понятие

собственности на время (II), основания для ее приобретения (III), анализ ее правового режима (IV), различие между долевой собственностью и собственностью на время (V) и конкретные способы ее прекращения.

Ключевые слова: timeshare, собственность на время, доли права собственности на промежуток времени; общая долевая собственность.

Annotation. Approaching the right to periodic ownership from the perspective of its implementation in the legal practice of the Republic of Moldova represents a real challenge, as it involves the scientific analysis of this new civil law institution for the Republic of Moldova, which governs private property rights. The study begins with an incursion in time and space on the concepts of timeshare and periodic ownership (I), and then systematically approaches the notion of periodic ownership (II), the basis for its birth (III), the analysis of its legal regime (IV), the difference between common ownership in shares and periodic ownership (V) and the causes of its termination.

Keywords: timeshare; private time ownership; shares of ownership rights for a period of time; joint ownership in shares (common shared ownership).

Введение.

Целью настоящей публикации является выяснение сущности правовой природы собственности на время и в какой степени реалзация этого вида собственности эффективно как для Республики Молдова, так и для других юрисдикций.

В соответствии с целью исследования были выделены следующие задачи:

- исследовать исторические корни собственности на время;
- сделать детальный теоретический анализ правового режима данного правового института;
- провести сравнительный анализ между собственностью на время и ее смежным институтом- общей долевой собственностью.

Методология исследования базируется на таких общетеоретических методах как анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение.

Статья отражает часть результатов исследования научной подпрограммы «Securitatea naţională a Republicii Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politologice şi sociologice» - «Национальная безопасность Республики Молдова в свете присоединения к Европейскому Союзу: юридические, политологические и социологические аспекты» - код: 01.05.01 при Институте юридических, политических и социологических исследований Государственного университета Молдовы, в рамках институционального проекта (2024-2027).

Результаты исследования.

Сегодня отношения собственности в Республике Молдова предусматривает такую разновидность собственности как собственность на время. Вопросы собственности на время и ее правового режима определены в ст. 575 – 580 ГК РМ. Это редкий случай, когда в отсутствие особого регулирования на движимое или недвижимое имущество (вещь), принадлежащее двум и более лицам (сособственникам), на основании сделки (договора) *последовательно и повторно* осуществляется полномочие пользования права собственности специфическим образом, а именно - в определенные, равные или неравные, промежутки времени. «Собственность на время» хоть и не является классическим правовым термином в молдавском гражданском праве, однако этот концепт с 01.03.2019 года уже реализуется через этот специфический правовой институт. В Молдове данный правовой институт из 6 статей был рецептирован в 2019 году нашим законодателем из ГК Румынии (ст. 687-692).

I. История возникновения института «Собственность на время».

В основу становления института «Собственность на время» стоит институт *таймшера*[16]. Концепция *таймшера* появилась очень давно, в XVII веке, 7 ноября 1659 года, когда Людовик XIV Французский и Филипп IV Испанский подписали Пиренейский договор, согласно которому остров Фазана, расположенный посреди реки Бидассоа, на границе между двумя странами, должен был принадлежать Испании 6 месяцев в году, а Франции - также 6 месяцев в году. Это соглашение, заключенное в XVII веке, сохраняется до сих пор, лишь корректируясь с течением времени в результате заключения последующих договоров между двумя государствами (Байонский договор от 2 декабря 1856, 1862 и 1866 годов, который определял франко-испанскую границу и действует до сих пор). В международном публичном праве это формальное соглашение о разделении суверенитета над общей территорией, принадлежащей нескольким государствам, встречается в рамках концепции кондоминиума, которую можно считать основой таймшера.

В правовой системе понятие таймшера, впервые заимствованное в Соединенных Штатах Америки из области информационных технологий (ИТ), в рамках которой оно до сих пор обозначает «систему или услугу, в которой несколько абонентов одновременно используют один компьютер из разных мест» [1, с. 1486], понимается как «совместное владение или найм незанятой недвижимости несколькими лицами, которые по очереди занимают ее в течение определенного периода времени» [2]. Сегодня с развитием цифровых платформ «временная собственность» в области информационных технологий де-факто реализуется через т.н. краткосрочное владение и шеринг (Sharing Economy), означающего переход права владения и пользования на короткий срок (минуты/часы) на основании публичного договора присоединения [3, с.126]. Большинство прав на «временное владение» фиксируется в смарт-контрактах или реестрах цифровых платформ [4, с. 36].

В европейской правовой системе концепция таймшера была введена в начале 1960-х годов как инновационный способ расширения возможностей отдыха в том смысле, что вместо ежегодной покупки недели в курортном комплексе или приобретения недвижимости для отдыха, система таймшера предлагала возможность приобретения прав на проживание в недвижимости для отдыха в течение одной недели или кратных ей периодов, либо бессрочно, либо на определенный период [5, с.213].

В европейском законодательстве Европейский парламент и Совет Европейского союза первоначально приняли Директиву № 94/47/ЕС от 16 октября 1994 года с целью «создания минимальной основы общих правил, касающихся договоров *приобретения права пользования* одним или несколькими объектами недвижимости на условиях таймшера», поскольку национальное законодательство, принятое каждым отдельным государством, было неоднородным, что могло создавать препятствия для надлежащего функционирования внутреннего рынка и искажать конкуренцию.

В тот же период, годом позже, в 1995 году, на основе этой Европейской директивы № 94/47/ЕС от 16 октября 1994 года (Румыния еще не была членом ЕС) автономная администрация «Национальная лотерея Румынии» выпустила новую серию конвертных билетов под названием «Золотая вилла» [6, с. 237], вдохновленную системой таймшеринга. В рамках этой серии конвертных билетов победители, согласно рекламному проспекту, *приобретали право собственности* (а не просто право пользования) на одну неделю в году на трехкомнатную квартиру, меблированную и оборудованную электроникой и бытовой техникой, расположенную на роскошной вилле в курортной зоне Пояна-Брашове. Владелец

[16] *Таймшер* (право на использование в определенный период). Это наиболее близкая форма к «собственности на время», популярная в курортной недвижимости. Его п**равовая природа заключается в том, что ч**аще всего это не право собственности в чистом виде, а долгосрочное право пользования (найм, аренда или членство в клубе). А по правовому режиму – это переход права владения и пользования на определенно короткий срок (минуты/часы/дни/недели) на основании договора и владелец имеет право находиться на объекте, например, строго определенное количество дней в году. При этом, это право может наследоваться или перепродаваться.

периодического права собственности имел возможность отчуждать, сдавать в найм, передавать по наследству или переуступать свое право собственности. Этим первым примером, система таймшера была практически введена в Румынии.

Позже, институт таймшера впервые был включен в национальное законодательство Румынии путем имплементации Европейской директивы № 94/47/ЕС от 16 октября 1994 года в Закон № 282 от 23 июня 2004 года о защите покупателей в отношении определенных аспектов договоров, касающихся приобретения права пользования недвижимым имуществом на ограниченный срок [7]. Таким образом, институт таймшера был официально включен в национальное законодательство Румынии.

В начале 2009 года, европейская директива Европейская директива № 94/47/ЕС от 16 октября 1994 года была отменена принятием Европейским парламентом и Советом 14 января 2009 года Директивы 2008/122/EU о защите потребителей в отношении некоторых аспектов договоров таймшера, договоров на долгосрочный отдых и договоров перепродажи и обмена, целью которой было восполнение пробелов в предыдущем регламенте и укрепление правовой определенности в отношении заключения таких договоров.

В этом же 2009 году в Румынии был принят Новый гражданский кодекс Румынии (Закон №287/2009), который заменил ГК Румынии 1864 года. Соответственно, в отличие от регулирования использования (пользование) имущества в режиме таймшера, румынский законодатель ввел в качестве новшества институт «собственность на время» в Гражданском кодексе Румынии, вступившем в силу 1 октября 2011 года, в главе V раздела II (Частная собственность) книги III (О вещах). Так, согласно статье 687 Гражданского кодекса Румынии, «*собственность на время* - это тот вид собственности, посредством которого «несколько лиц последовательно и повторно (неоднократно) осуществляют полномочие пользования, атрибут специфический для права собственности на движимое или недвижимое имущество, в разные, определенные, равные или неравные временные интервалы (промежутки)». Хотя румынский законодатель, регулируя собственность на время, исходил из института специфического использования имущества в рамках таймшера, в румынской гражданско-правовой доктрине после принятия Гражданского кодекса сформировалось твердое мнение, с которым мы согласны, согласно которому *право собственности на время устанавливается как подлинное непринужденное вещное право общей собственности на «временную» долю* [8, с. 62] и никоим образом не является простым правомочием права собственности, т.е. правом пользования, или просто каким-либо личным обязательственным правом (правом требования). Хотя, в периоде с 2004 (принятие Закона № 282 от 23 июня 2004) до 2009 (принятие ГК Румынии) на основе института таймшера, считалось, что это классическое право пользования как правомочие (атрибут) права собственности [9, с.223]. И это мнение справедливо вытекает из смысла, что по своему характеру *право собственности на время* является общим (на основе сделки), а не принужденным законом вещным правом [10, с.211].

Таким образом, с 2009 года в румынской правовой системе признаются как институт таймшера, так и институт *право собственности на время (как единоличное последовательное и повторное специфическое пользование единым целым имуществом в* заранее *определенные, равные или неравные, промежутки времени без передачи права собственности, с четко установленными правилами*), причем эти два института имеют различные правовые нормы. Что касается четкого закрепления различия этих двух правовых институтов, то в специализированной доктрине один из авторов подчеркнул тот факт, что «ни в одном другом государстве, и особенно во Франции, мы не встречали, чтобы это право рассматривалось как истинное право собственности, а все правовые системы ограничивались рассмотрением его лишь как права пользования, поскольку нетипичный способ его использования не соответствует классической структуре собственности» [11].

II. Понятие собственности на время.

Из смысла нормы ч. (1) ст. 575 ГК РМ собственность на время – это юридический режим, когда несколько лиц (сособственников) в отсутствие особого регулирования, специфическим

образом, то есть *последовательно и повторно* осуществляют *полномочие пользования* права собственности на движимое или недвижимое имущество *в определенные, равные или неравные, промежутки времени*.

Сущность собственности на время состоит в том, что ее участники (сособственники) используют единое целое имущество – вещь (с сохранением ее материального единства), *последовательно и повторно в* заранее *определенные, равные или неравные, промежутки времени* без передачи права собственности, с четко установленными правилами. Имеет место как-бы «*расщепление права собственности*» на заранее определенные, равные или неравные, промежутки времени. Такой режим собственности предусматривает не разграничение всей собственности на части (доли в имуществе), как при режиме обще-долевой собственности, а имеет место темпоральное разграничение именно правомочие пользования (как одной из трех правомочий права собственности) на определенные промежутки времени, где за каждым собственником закрепляется право на это специфическое использование общей собственностью (при этом, промежутки времени по специфическому использованию общего имущества могут быть равными или неравными). Это называется «доли права собственности на промежуток времени».

Необходимость существования законного специфического режима *собственности на время* над общим имуществом связана с тем, что сособственники не обязаны каждый раз заключать соглашения о способе его единоличного использования целиком в определенные промежутки времени. Сособственники изначально определяют свои «доли права собственности на промежуток времени». В сегодняшних условиях Республики Молдова, когда очень большая часть населения, воспользовавшиеся реальным правом на свободное передвижение выехала за рубеж (кто на более оплачиваемую работу, кто на ПМЖ), а на родине оставили свое имущество, иногда без какого-то присмотра, данный институт как никогда наиболее актуален.

Таким образом, собственность на время - это важный правовой механизм, позволяющий эффективно использовать общее имущество без передачи права собственности, с четко установленными правилами.

III. Основания приобретения собственности на время.

В соответствии с нормой ч. (1) ст. 576 ГК РМ собственность на время приобретается (возникает) *на основании сделки* (т.е. договора или завещания). Договор, как многостороняя сделка или завещание как одностороняя сделка являются основным документом, устанавливающие промежутки времени, а также права и обязанности сторон по собственности на время. Гражданский кодекс РМ регулирует общие положения и требования к такому виду договору, соответственно, виду собственности, если это не урегулировано договором или завещанием. *Например*, завещатель в завещании прямо указывает и устанавливает, что его дом, земельный участок и т.д., после его смерти останутся его детям (родственникам и т.д.) на праве собственности на время, с указанием временного промежутка для каждого, или просто общего временного промежутка (например, по 6 месяцев, либо по 3 года на каждого и т.д.).

При этом, временной характер собственности на время, принадлежащей нескольким сособственникам, *должен быть прямо предусмотрен указанием определенного промежутка времени*, который предоставляется приобретателю на основании приобретенной доли права собственности на промежуток времени. Промежуток времени выражается ссылкой на первый и последний день и месяц *исключительного пользования*.

Таким образом, из действующих правовых норм следует, что собственность на время (периодическая собственность) представляет собой особую форму договорной (непринудительного) совместной собственности, характеризующуюся четырьмя существенными особенностями: 1) множественностью собственников; 2) материальным единством имущества; 3) последовательным осуществлением права собственниками в установленные промежутки времени, равные или неравные; 4) недопустимостью судебного раздела (раздел, только договором).

IV. Правовой режим собственности на время.

1) Положения о праве собственности на время *применяются, в отсутствие* особого регулирования право общей долевой собственности.

2) Положения о праве собственности на время *не применяются* в случае, если на имущество имеется режим право общей долевой собственности, а сособственники договорились о способе его использования в определенные промежутки времени (ч. (2) ст. 575 ГК РМ). Ибо, при собственности на время использование права собственности на движимое или недвижимое имущество всегда имеет место последовательно (друг за другом) и повторно (по кругу).

3) При этом, правовые положения об общей долевой собственности *применяются* соответствующим образом к собственности на время в той мере, в какой они не противоречат собственности на время (ч. (3) ст. 575 ГК РМ).

4) Предмет права собственности на время (вещь) материально остается **единым целым,** не дробленным, не делится на доли, а на временные промежутки-периоды, в которые каждый сособственник единолично осуществляет все свои правомочия собственника (владеть, пользоваться и распоряжаться).

5) В отношении принадлежащего ему промежутка времени либо его части любой сособственник может совершать в соответствии с законом *сделки по сохранению, управлению и распоряжению*. Так, он может свободно произвести ремонт вещи, облагородить ее, сдать ее в безвозмездное пользование, в имущественный найм, в аренду (если это участок земли), может обременить залогом или ипотекой, или даже, может отчуждать (продать, дарить, менять и т.д.) свою долю права собственности на промежуток времени.

5.1) При этом, при совершении сделки по распоряжению своей доли права собственности на промежуток времени путем продажи прочие сособственники не обладают преимущественным правом покупки на основании закона, как при общей долевой собственности.

5.2) В случае, когда сособственник захочет совершать сделки по **управлению или распоряжению**, то есть сдать ее в безвозмездное пользование, в имущественный найм, в аренду (если это участок земли), обременить залогом или ипотекой, или отчуждать не только в отношении своей доли права собственности на промежуток времени, а и доли права собственности на промежуток времени другого сособственника, то он обязательно должен истребовать согласия сособственника/ов. В противном случае, сделка в части, в которой устанавливаются либо передаются права, касающиеся доли права собственности на промежуток времени принадлежащая *другому сособственнику*, в отношении третьих лиц (добросовестного покупателя или нанимателя, например) будет считаться *недействующей*[17] до тех пор, пока не получит одобрения со стороны этого сособственника. Как только сособственник/и одобрит ее - (т.е. постфактум даст согласие и устранит основание бездейственности), сделка становится действующей незамедлительно. Если нет, то ее правовые-юридические последствия останутся в состоянии подвешенности (бездейственность сделки). Это вытекает из принципа «*nemo ad alium transferre potest quam ipse habet; nemo dat quod non habet*» - никто не может передать или создать больше прав, чем есть у него самого (ч. (1) ст. 358 ГК РМ). *Например*, сособственник в начале своего 3-годичного промежутка времени, в качестве наймодателя заключил договор имущественного найма и передал нанимателю дом на 5 лет.

6) Каждый сособственник обязан совершать все *сделки по сохранению* таким образом, чтобы не препятствовать или не затруднять осуществление прав прочих сособственников.

[17] Смотри ст. 357 ГК РМ: Недействующая сделка - это сделка, чьи правовые (юридические) последствия находятся в состоянии подвешенности. Если она не является ничтожной или оспоримой, то в этой части является недействующей (бездейственной), то есть не создает юридических последствий.

Сособственник, осуществляющий необходимые расходы на *крупный ремонт*, имеет право на возмещение убытков соразмерно стоимости прав прочих сособственников.

7) Сделки, вследствие которых *полностью или частично потребляется сущность имущества*, могут осуществляться только *с согласия* прочих сособственников

8) По завершении промежутка времени сособственник должен передать имущество сособственнику, правомочному использовать его в последующий промежуток времени.

9) Сособственники могут заключить *договор об управлении* с соответствующим применением положений об общей долевой собственности. При этом, *условие в договоре об управлении недвижимым имуществом*, предусматривающее, что приобретатель доли автоматически присоединяется к договору управления вместо лица, которое произвело отчуждение соответствующей доли, создает последствия (для приобретателя-третьего лица) лишь с момента, когда этот договор внесен в реестр недвижимого имущества (ст. 578 ГК РМ).

10) Несоблюдение обязанностей со стороны сособственника/ов, влечет *обязанность возмещения убытков остальным потерпевшим сособственникам/у*.

11) В случае если один из сособственников серьезно нарушает осуществление права собственности на время, он *может быть исключен судебным решением по требованию потерпевшего сособственника*. При этом, важно, что исключение может быть постановлено, *только если один из прочих сособственников или третье лицо покупает долю исключенного сособственника*. То есть доля права собственности на промежуток времени никак не может переходить по основании судебного исключения, автоматически к остальным сособственникам/у – как говорится, свято место пусто не бывает. Этом механизм предусмотрен именно для того, чтобы предотвратить изменение режима право собственности на время посредством исключения сособственника/ов нарушителя.

12) *Собственности на время* характеризуется недопустимостью судебного раздела. Тот есть сособственник *не вправе требовать раздела имущества*, принадлежащего ему на праве собственности на время, если сособственники не согласились об ином договором. Раздел имущества осуществляется *только на основании договора* (единым соглашением) между всеми сособственниками. При этом, при разделе недвижимого имущества (земельных участков и строений), раздел становится противопоставимым всем остальным лицам только вследствие *внесения отметки о нем в реестр недвижимого имущества* на основе ст. 435 ГК РМ [12, с.153].

***V. В чем состоит разница между обще-долевой собственности и собственности на время*?**

- *В долевой собственности* нет материальное единство имущества. То есть за каждым собственником или участником закрепляется право на долю в общей собственности (доли могут быть равными или неравными). Доля собственности может быть выражена в процентах или в виде дроби, где числитель обозначает долю, которая принадлежит конкретному лицу или группе лиц, а знаменатель обозначает общее количество долей. Участники (сособственники) используют **единое целое** имущество (вещь) непрерывно (т.е. постоянно и ежедневно), но реализуют-осуществляют свои правомочия собственника (по владению, пользованию и распоряжению) исключительно на свою идеальную долю.

- *В собственности на время* сохраняется материальное единство имущества. То есть за каждым собственником закрепляется право на долю в общей собственности, но доли выражены темпорально, то есть в заранее определенные промежутки времени, используемые последовательно и повторно (доли права собственности на промежуток времени могут быть равными или неравными). Сособственники **исключительного пользуются** (используют) **единым целым** имуществом (вещью), но в строго определенные промежутки времени, последовательно и повторно (а не непрерывно и не только в отношении отдельной своей доли, как при обше-долевой собственности) [6, с. 236]. *Например,* «Р» будет исключительного

пользоваться домом/автомобилем весной «V» - летом, «T» - осенью, а «I» - зимой. Или, другой пример на более длительные периоды: «P» будет исключительного пользоваться водоемом в период 2025-2028 гг, для воспроизведения и выращивания рыбы; «V» в период 2029-2031 для организации спорта и отдыха (развитие и коммерческая эксплуатация пляжей и зон отдыха), а «T» - в период 2032-2034 осуществит сброс воды из водного объекта и будет использовать его земельный участок для сельскохозяйственных работ и т.д.

- *В долевой собственности* при продаже одним сособственником своей доли остальные сособственники обладают преимущественным правом покупки на основании закона.
- *В собственности на время* при продаже одним сособственником своей доли права собственности на промежуток времени остальные сособственники не обладают преимущественным правом покупки на основании закона.
- *В долевой собственности* допустим как договорной, так судебный раздел имущества.
- *Собственности на время* характеризуется недопустимостью судебного раздела имущества (раздел, только договором (единым соглашением) между всеми сособственниками).

VI. Прекращение собственности на время.

Собственность на время прекращается:

a) уничтожением общего имущества. При этом, акт об уничтожении имущества (вещи) должен быть согласован всеми сособственниками.

b) на основании приобретения одним лицом всех долей в праве собственности на время. Например, в случае, когда один из сособственников приобретает у остальных доли права собственности на промежуток времени или, когда третье лицо одновременно приобретает доли у всех сособственников.

c) в других предусмотренных законом случаях. *Например*, в случае одновременного отказа от права собственности; или одновременного раздела между собой имущества (предмета собственности); экспроприации имущества в случае общественной необходимости и т.д. При этом, в случае одновременного раздела между собой предмета собственности недвижимого имущества право собственности на время прекращается и становится противопоставимым вследствие внесения отметки о нем в реестр недвижимого имущества.

Заключение.

По результатам исследования можно сделать вывод, что несмотря на то, собственность на время по своей правовой природе похож на классическую обще-долевую собственность, данные правовые институты отличны по их правовому режиму. Собственность на время в законодательствах Румынии и Республики Молдова также отличается от современного понятие «таймшера», так как последнее является обязательственном правом требования, а не вещным правом. Собственность на время - это важный правовой механизм, позволяющий эффективно использовать общее имущество с сохранением ее материального единства, без передачи права собственности, с четко установленными правилами и ограничениями.

Библиография:

1. Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictonary of English Language («Несокращенный энциклопедический словарь английского языка Вебстера»), Gramercy Books, New York/Avenel, 1994, стр. 1486.
2. Американский словарь английского языка, 3-е издание, Hongton Hefflin Company Publishing, Бостон – Нью-Йорк - Лондон, 1992.
3. Sferdian, Irina; A-M Dobreanu. Eficacitatea dreptului de proprietate periodică a unităților administrativ-teritoriale. În: Analele Universității de vest din Timișoara, seria Drept. Nr.1/2023, p.126.

4. Sâmbrian, T. Proprietatea în sistem „time sharing” - proprietatea periodică – o nouă modalitate a dreptului de proprietate, publicat în Revista „Dreptul” nr. 5/1997, p. 36.

5. Stoica,V; Stoica, S. Discuții privind proprietatea în sistem time sharing. Investiții imobiliare în regim „timeshare” – între miraj și posibilități de implementare. În: Revista „Pandectele române” nr. 5/2004, p. 213.

6. Popa, I. Coproprietatea spațio-temporală (II). În: Revista „Pandectele române” nr. 5/2004, p. 237;

7. Закон Республики Румыния № 282 от 23 июня 2004 года. Закон опубликован в Monitorul Oficial Румынии, Часть I, nr. 580 от 30 июня 2004.

8. Lulă, I. Observații asupra reglementării proprietății periodice în Noul Cod civil. B: Revista „Dreptul” nr. 1/2012, pp. 61-76;

9. Pop, L.; Harosa, L.M. Drept civil. Drepturile reale principale. Editura Universul Juridic, București, 2006, p. 223.

10. Bodoaşcă, T. Opinii cu privire la caracterul forțat al dreptului de proprietate periodică și sancțiunea excluderii unuia dintre coproprietari. B: „Revista Română de Drept Privat” nr. 2/2018, pp. 211-213.

11. Bele, N.Ș. Proprietatea periodică - o nouă modalitate a dreptului de proprietate? Электронный ресурс: universuljuridic.ro. Просмотр: 13.01.26.

12. Фрунзэ, Юрие; Сосна, Борис; Захария, Сергей. Гражданское право Республики Молдова. Общая часть: Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Оглашение прав, сделок и юридических фактов. Гражданско-правовая ответственность / университетский курс / КГУ. - Комрат, 2025. – 214 стр.

UDC 336.2:341.176.2

REGIONAL AND LOCAL TAX AUTONOMY UNDER EU CONSTRAINTS: THE EXTERNAL DIMENSION OF SUBNATIONAL TAX POLICY

Filippo Luigi Giambrone (Adjunct Professor),
University of Sannio, Benevento, Italy

Abstract

Subnational taxation is increasingly used to finance local public services and to shape place-based development strategies. In the European Union, however, regional and local tax autonomy operates within a dense set of legal constraints whose effects are not purely internal: they structure cross-border tax competition, determine the credibility of investment incentives, and condition the Union's external commitments to good tax governance. This article develops a compliance-oriented framework for subnational tax policy by connecting (i) the Treaty freedoms and the Member States' retained competence over direct taxation, (ii) the State aid selectivity test and its autonomy-based refinement for regional measures (Portugal v Commission (Azores), Case C-88/03; UGT-Rioja and Others, Joined Cases C-428/06 to C-434/06), and (iii) the Union's broader anti-harmful-tax-competition agenda (Code of Conduct, BEPS Action 5, and Pillar Two). The analysis argues that the decisive issue is not whether a region may differentiate, but whether it can do so through a genuinely general territorial tax system for which it bears real fiscal responsibility and which does not, by design or effect, target a predetermined set of undertakings. The conclusion proposes drafting and governance techniques for regional and local taxes that preserve democratic autonomy while reducing litigation and recovery risks under Article 107(1) TFEU.

Key words: State aid; selectivity; regional autonomy; fiscal federalism; EU law; BEPS.

1. Introduction: why subnational taxes have an "external dimension" in the EU

Regional and local taxation is a central instrument of multilevel governance. Subnational governments use taxes to fund services (fiscal capacity), to manage territorial externalities

(environment, mobility, tourism), and to support development strategies (infrastructure and business ecosystems). In a decentralised state, such policies are normally discussed as an internal constitutional choice: autonomy is traded off against solidarity and equalisation. Within the European Union (EU), however, subnational tax autonomy is structurally exposed to supranational constraints that transform local tax choices into matters of cross-border relevance. The "external dimension" of subnational tax policy is therefore not limited to international spillovers in the economic sense; it is also legal and institutional. EU law determines whether a regional tax rule will be treated as a general expression of territorial autonomy or as a selective advantage equivalent to a subsidy, with consequences for investment decisions, intergovernmental coordination, and ex post recovery of unlawful aid [3, para. 131-139].

This external dimension is reinforced by the EU's participation in global anti-harmful-tax-competition standards. The Code of Conduct for business taxation commits Member States to roll back harmful regimes and refrain from introducing new ones [9, p. 1-6]. The OECD/G20 BEPS Action 5 framework evaluates preferential regimes against transparency and substance, and has influenced EU and Member State practices [10, p. 17-35]. More recently, the global minimum tax (Pillar Two) has changed the practical payoff of many tax incentives by "top-up" mechanisms that may neutralise low rates and certain credits [12, art. 5-9]. Even when regions act within domestic competence, these layers of constraints shape the feasible design space of local taxation and the credibility of territorial incentives vis-a-vis mobile capital.

2. Competence and constitutional background: autonomy as a protected but conditioned value

Direct taxation remains, in principle, a Member State competence. At the same time, the Union must respect Member States' national identities and their fundamental political and constitutional structures, including regional and local self-government [1, art. 4(2)]. The European Charter of Local Self-Government similarly recognises that local authorities should have adequate resources of their own, and that at least part of those resources may derive from local taxes or charges within the limits of law [11, art. 9]. These provisions establish the legitimacy of fiscal decentralisation as a governance choice. They also clarify that the EU's intervention is not, conceptually, a denial of autonomy: it is a discipline on the use of autonomy where it intersects with the internal market and with a common competition framework.

The practical implication is that "autonomy" is evaluated through legal tests that convert constitutional arrangements into EU-relevant benchmarks. This is particularly visible in State aid law. While Treaty freedoms may constrain discriminatory or restrictive measures (for example, where a local tax burdens non-resident operators), the decisive compliance risk for many regional incentives is the State aid selectivity assessment under Article 107(1) TFEU [2, p. 91-92]. Under this framework, a tax advantage may constitute aid where it reduces charges that would normally be borne under the relevant tax system and thereby favours certain undertakings. For subnational measures, the key question becomes: what is the "normal" system, and who is the proper comparator set?

Even where a local tax constitutes a restriction, EU law does not prohibit it per se. Restrictions may be justified by overriding reasons in the public interest and must be proportionate. In corporate taxation, the Court has accepted justifications such as preserving the balanced allocation of taxing powers and preventing tax avoidance, while insisting that measures be targeted and not go beyond what is necessary. Marks and Spencer (Case C-446/03) illustrates this proportionality discipline: even legitimate objectives cannot support blunt measures that over-restrict cross-border activity [14]. For

local policymakers, the compliance lesson is practical: subnational taxes should be designed with a clear objective, a transparent link to the local public service or externality they address, and neutral application criteria. This internal-market constraint complements State aid law by pushing regions away from discriminatory or opaque place-based rules and toward general, territorially coherent tax instruments.

EU free-movement law adds a complementary constraint: local taxes must respect non-discrimination and proportionality where they affect establishment or capital movements (e.g., territorial surcharges, tourism/environmental levies, or taxes linked to a permanent presence) [2, art. 49; art. 63].

3. State aid and taxation: advantage, State resources, and the three-step selectivity analysis

In tax matters, State aid analysis typically focuses on three components: (i) the existence of an advantage (a reduction of the tax burden compared to the normal regime), (ii) imputability and State resources (a loss of revenue equivalent to a transfer of resources), and (iii) selectivity (a differentiation between comparable undertakings) [3, para. 66-99; 3, para. 117-139]. The Court has consistently held that a reduction of tax revenue can constitute an economic advantage granted through State resources because the State forgoes revenue it would otherwise collect [7, para. 23-26]. This reasoning applies irrespective of whether the measure is enacted at national or subnational level, provided the advantage is attributable to the State and affects the public budget in the relevant sense.

Selectivity is the pivotal element. The Commission and the Court apply a consolidated three-step method: (i) identify the reference system (the "normal" regime); (ii) verify whether the measure derogates from that system by differentiating between operators in a comparable factual and legal situation; and (iii) if a derogation exists, assess whether it is justified by the nature or general scheme of the system [3, para. 133-141; 16, para. 36-45]. World Duty Free (Joined Cases C-20/15 P and C-21/15 P) confirms that the reference system/derogation logic is central in tax cases and that selectivity cannot be inferred solely from the existence of an advantage [8, para. 54-58]. Adria-Wien (Case C-143/99) shows that a relief confined to certain undertakings remains selective even when framed through objective criteria [15, para. 41-53]. Conversely, Paint Graphos (Joined Cases C-78/08 to C-80/08) clarifies that a tax difference may escape selectivity only where it follows directly from the system's internal logic (nature/general scheme), not from extrinsic policy goals [16, para. 64-76]. The reference-system approach, and the specific problems of fiscal selectivity in tax rulings and territorial regimes, have been extensively analysed in the scholarship on fiscal State aid and harmful tax competition [20; 21; 22; 23; 27].

For subnational taxation, the reference system problem becomes territorial: should the benchmark be the national system or the regional system? If the national system is the benchmark, any territorial differentiation appears as a derogation and thus a candidate for selectivity. If the regional system is the benchmark, the same measure may be general within that territory. The Court's autonomy-based case law provides criteria for shifting the benchmark, and thereby for constitutionalising certain forms of fiscal decentralisation within State aid doctrine [4, para. 57-67].

4. Regional selectivity and the Azores criteria: autonomy as a jurisdictional rule

In Portugal v Commission (Azores), Case C-88/03, the Court held that a tax reduction limited to part of a Member State's territory is not automatically selective if the territorial authority has sufficient autonomy for its rules to constitute the "normal" regime in that territory [4, para. 57]. The Court articulated three cumulative criteria. Institutional autonomy requires a political and

administrative status distinct from central government; procedural autonomy requires that the authority can adopt the measure without central intervention; economic autonomy requires that the authority bears the financial consequences of the measure, without compensation through transfers from central government [4, para. 62-67]. Only if these conditions are met can the regional rule define the reference system for selectivity analysis.

The economic autonomy criterion is decisive and policy-relevant. It transposes a fiscal federalism insight into legal form: where the region internalises the cost of tax cuts, voters can meaningfully trade off lower taxes against reduced spending or alternative revenues. Where the cost is externalised through compensatory grants or equalisation that neutralises the revenue loss, regional tax differentiation resembles a subsidy financed by general resources, thus triggering State aid concerns. This criterion also disciplines tax competition. It limits the ability of regions to engage in "beggar-thy-neighbour" strategies funded by national resources while capturing local benefits.

5. UGT-Rioja and the intergovernmental reality: autonomy must be "effective"

The UGT-Rioja (Basque Country) judgments (Joined Cases C-428/06 to C-434/06) refined the autonomy test by emphasising that formal legislative competence is insufficient. The regional authority must act as a truly autonomous decision-maker within the intergovernmental framework, and must bear real fiscal responsibility in practice [5, para. 46-54]. Autonomy is evaluated contextually: central "framework" rules may predetermine essential parameters; administrative supervision may amount to a de facto veto; and equalisation mechanisms may offset the regional cost of tax cuts. If these features undermine effective responsibility, the benchmark remains the national tax system, and territorial differentiation becomes a derogation subject to selectivity scrutiny.

For policy design, UGT-Rioja implies that compliance is not only about drafting the tax rule, but also about documenting the governance and public finance context. Regions seeking to introduce differentiated rates or bases must be able to demonstrate: (i) independent decision-making procedures; (ii) stable competence to legislate on the relevant tax elements; and (iii) a credible fiscal incidence analysis showing that the subnational budget absorbs the revenue effect. In practice, this calls for transparent intergovernmental accounting and for ex ante fiscal impact assessments attached to regional tax legislation. The evidentiary dimension is critical because State aid assessment is often ex post and adversarial, with the risk of recovery and interest that can retroactively alter the economics of investment.

6. "Designed selectivity" and the Gibraltar warning: generality cannot be purely formal

Even where a tax regime is territorially general, EU law may treat it as selective if its structure is designed to benefit a predetermined class of undertakings. In Commission and Spain v Gibraltar (Joined Cases C-106/09 P and C-107/09 P), the Court held that a regime may be materially selective where its tax base and rules, taken together, have the effect of excluding certain undertakings from any real tax burden, even if the regime applies to all companies in law [6, para. 101-106]. This doctrine is particularly relevant for subnational regimes because regions may be tempted to use "general" systems (for example, alternative bases, turnover proxies, or nominal rates coupled with exclusions) to attract mobile activities without drafting explicit exemptions.

Gibraltar suggests a functional test: a region may choose local policy objectives, but the internal logic of the tax must be consistent with those objectives and must not systematically spare the targeted beneficiaries. A local corporate tax that is effectively zero for entities with specific business models or cross-border structures risks being treated as an advantage. Similarly, local taxes based on proxies (property footprint, payroll, or headcount) may unintentionally privilege highly mobile, asset-light

undertakings, raising a Gibraltar-type concern if the system is engineered to achieve that result. The practical consequence is that "generality" must be both territorial and economic: the regime must impose a real and non-illusory burden on comparable undertakings within its scope.

7. The external dimension beyond State aid: harmful tax competition standards and Pillar Two

EU constraints on subnational taxation interact with broader standards on harmful tax competition. Under the Code of Conduct for business taxation, Member States politically commit to identify and roll back measures that significantly affect the location of business activity within the Union and that have harmful features [9, p. 1-6]. Although the Code is not a binding legal instrument, it influences coordination and can lead to legislative or administrative changes at national and subnational levels. BEPS Action 5 adds an international layer by assessing preferential regimes against transparency, exchange of information, and substance requirements, with an emphasis on preventing "ring-fencing" and artificial profit shifting [10, p. 17-35].

Comparative snapshot. Italy's Constitution frames fiscal decentralisation through Articles 117 and 119, combining territorial autonomy with coordination and solidarity; in practice, regional/local tax space is largely exercised via surcharges and earmarked levies (e.g., regional IRPEF add-ons, municipal surcharges, and property-based taxation), with limited room for region-specific corporate-rate competition, so EU constraints tend to bite through selective reliefs and administrative discretion rather than through full parallel corporate tax systems [17]. Spain offers the most jurisprudentially salient model: the foral territories (Basque Country/Navarra) possess meaningful competence over corporate taxation within the Concierto framework, which made the autonomy/economic-responsibility analysis decisive in UGT-Rioja and related litigation [5, para. 46-54; 18]. Germany represents a different pattern: Länder have constrained rate-setting powers for major direct taxes, but municipalities can calibrate the Gewerbesteuer via the Hebesatz and shape local fiscal competitiveness; here the key EU risk again concentrates on selective exemptions or base-engineering rather than on decentralised "mini-systems" [19]. Across these models, the compliance core is stable: territorial differentiation is sustainable only when embedded in a general territorial tax system, fiscally internalised, and not designed to preselect beneficiaries [4, para. 62-67; 6, para. 101-106]. In Italy, the post-2001 constitutional settlement is complemented by the fiscal federalism delegation and implementation acts (Law No. 42/2009; Legislative Decree No. 68/2011), which channel regional autonomy mainly through surcharges and earmarked taxes, limiting the structural scope for subnational corporate-rate competition [28; 29]. In Spain, beyond the Concierto, the general framework of regional financing is set by the Organic Law on the Financing of the Autonomous Communities (LOFCA), which reinforces the distinction between ordinary autonomy and foral autonomy in practice [30]. In Germany, the municipal trade tax (Gewerbesteuer) is anchored in federal legislation with a local multiplier (Hebesatz), which makes competition largely rate-based at municipal level while keeping the base federally harmonised [31].

The global minimum tax (Pillar Two) further alters the incentive landscape. Where a multinational group is subject to an effective minimum rate, subnational low-rate regimes may be neutralised by top-up taxation at parent or domestic level, depending on implementation choices [12, art. 5-9]. This changes the external effects of regional tax competition: incentives may become less about statutory rates and more about legally robust, generally available measures that qualify as non-selective, non-aid instruments or as permitted tax credits under minimum-tax rules. As a result, the "external dimension" of regional tax policy now includes not only EU State aid scrutiny but also the

compatibility of incentive design with global minimum-tax mechanics. Regions may shift from headline rate competition to competition through administrative efficiency, legal certainty, and infrastructure-backed place-based policies.

8. Compliance-by-design: drafting and governance techniques for robust subnational tax policy

The case law supports a compliance-by-design approach that preserves autonomy by embedding it into legally robust general taxation. First, articulate a coherent territorial reference system: define the objective of the tax (revenue raising for local services, environmental correction, congestion management) and ensure that the charge applies on objective criteria to all undertakings within scope [3, para. 133]. Second, avoid ad personam or sector-tailored design. Where differentiation is needed, it should follow from measurable externalities or from objective ability-to-pay proxies, applied uniformly to comparable operators.

Third, ensure and document economic autonomy. If the region introduces a rate reduction or an incentive, it should internalise the fiscal cost and avoid compensatory transfers that neutralise the loss [4, para. 65-67]. Where equalisation exists, transparency is essential: the system should not mechanically reimburse tax cuts. Fourth, pre-empt Gibraltar-type risks by stress-testing the tax base and exclusions against foreseeable business models. The regime should not be constructed so that the intended beneficiaries systematically fall outside the charge [6, para. 101-106]. Fifth, align with good tax governance standards: transparency and exchange-of-information compatible administrative design reduces reputational risk and may support the argument that measures are not “harmful” in the BEPS/Code sense [10, p. 17-35].

Finally, governance tools matter. Ex ante consultation with central authorities on State aid risk, publication of fiscal impact assessments, and adoption of clear administrative guidance can reduce the probability of ex post recovery and can strengthen investor reliance. In multilevel systems, coordinated rules on tax rulings and on interpretation of regional taxes can prevent fragmentation and help demonstrate that the regional regime is general rather than discretionary.

9. Conclusions

Subnational tax autonomy in the EU is best understood as a structured space of permissible differentiation. EU law does not deny decentralised taxation, but it disciplines it through a benchmark logic: differentiation is acceptable when it stems from a genuinely autonomous territorial tax system that is general in application and whose fiscal consequences are borne by the territorial authority. Azores and UGT-Rioja constitutionalise effective autonomy within State aid doctrine by allowing the benchmark to shift to the regional level where institutional, procedural, and economic conditions are met [4, para. 62-67; 5, para. 46-54]. Gibraltar warns that formal generality is insufficient where the design of the tax system systematically spares a predetermined group [6, para. 101-106].

The external dimension of subnational tax policy emerges from the interaction between these legal tests and broader standards against harmful tax competition, now further reshaped by the global minimum tax. For regional and local policymakers, the strategic response is compliance-by-design: use general, transparent and fiscally responsible instruments, integrate governance safeguards, and shift the focus from selective incentives to durable place-based competitiveness grounded in legal certainty and public services.

Bibliography:

1. TEU (consolidated version), OJ C 326, 26.10.2012.
2. TFEU (consolidated version), OJ C 326, 26.10.2012, art. 107.

3. European Commission, Commission Notice on the notion of State aid (2016/C 262/01), OJ C 262, 19.7.2016.
4. CJEU (GC), 6 September 2006, Portugal v Commission (Azores), Case C-88/03, ECLI:EU:C:2006:511.
5. CJEU, 11 September 2008, UGT-Rioja and Others, Joined Cases C-428/06 to C-434/06, ECLI:EU:C:2008:488.
6. CJEU (GC), 15 November 2011, Commission and Spain v Gibraltar and United Kingdom, Joined Cases C-106/09 P and C-107/09 P, ECLI:EU:C:2011:732.
7. CJEU, 17 June 1999, Belgium v Commission, Case C-75/97, ECLI:EU:C:1999:311.
8. CJEU (GC), 21 December 2016, World Duty Free Group v Commission, Joined Cases C-20/15 P and C-21/15 P, ECLI:EU:C:2016:981.
9. Council of the European Union, Code of Conduct for business taxation, OJ C 2, 6.1.1998.
10. OECD, Countering Harmful Tax Practices More Effectively (BEPS Action 5), Final Report, 2015.
11. Council of Europe, European Charter of Local Self-Government (ETS No. 122), 15 October 1985.
12. Council Directive (EU) 2022/2523, OJ L 328, 22.12.2022.
13. CJEU, 14 February 1995, Schumacker, Case C-279/93, ECLI:EU:C:1995:31.
14. CJEU, 13 December 2005, Marks and Spencer, Case C-446/03, ECLI:EU:C:2005:763.
15. CJEU, 8 November 2001, Adria-Wien Pipeline, Case C-143/99, ECLI:EU:C:2001:598.
16. CJEU, 8 September 2011, Paint Graphos, Joined Cases C-78/08 to C-80/08, ECLI:EU:C:2011:550.
17. Italy, Constitution, arts. 117 and 119 (Const. Law No. 3/2001).
18. Spain, Law 12/2002 (Concierto Economico), as amended.
19. Germany, Basic Law (Grundgesetz), arts. 105-107 and 28; Gewerbesteuer (Hebesatz).
20. Bacon, K., European Union Law of State Aid, Oxford University Press, 2017.
21. Quigley, C., European State Aid Law and Policy, Hart Publishing, 2022.
22. Lang, M. et al., Introduction to European Tax Law on Direct Taxation, Linde, 2022.
23. Oates, W.E., Fiscal Federalism, Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
24. Tesauro, F. et al., Istituzioni di diritto tributario, Parte generale, Utet Giuridica.
25. Tesauro, F., Istituzioni di diritto tributario, Parte speciale, Utet Giuridica.
26. Falsitta, G., Manuale di diritto tributario, Cedam.
27. Uckmar, V. et al., Diritto tributario internazionale. Manuale, Cedam, 2012.
28. Giambrone, F. L., Considerations Regarding the Double Taxation Agreement (DTA) between Italy and Liechtenstein. Future Perspectives, ITax Papers on Taxation, Working Paper 03-23, 2023.
29. Uricchio, A. F.; Giambrone, F. L., Entwicklungen im italienischen Steuerrecht als Herausforderung des neuen europaischen Entwicklungsprozesses, Cacucci, 2020.
30. Giambrone, F., Aspetti di diritto tributario nazionale ed internazionale del Principato del Liechtenstein. La prospettiva svizzera sulla tassazione dei Trust, Illyria's, 2024, pp. 81-114.
31. Migliaccio, G., La dimensione quantitativa della gestione. Aspetti teorici e applicativi, Milano: FrancoAngeli, 2018.
32. Migliaccio, G.; Napoli, G.M.; Rossetti, L.U.; Rispoli, C., Tecnica amministrativa e ragioneria. Strumenti per l'apprendimento, Milano: FrancoAngeli, 2017.
33. Ianac, I., Pasivitatea juridică – faţetă a conduitei legale în mecanismul asigurării drepturilor şi libertăţilor fundamentale ale persoanei, Autoref. tezei de doctor în drept, Chişinău: A&V Poligraf, 2013.
34. Ianac, I., Legal measures and procedures for fighting corruption (Course syllabus), European Union Network for Environmental Governance (EUNEG), Curricula Collection, Maribor, 2 December 2015.

УДК 327.56

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРИЗНАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСЛАМСКОГО ЭМИРАТА АФГАНИСТАН

Хабибзада Замзама
Независимый исследователь
Кабул, Афганистан
e-mail: habibzadazamzama@gmail.com
orcid id: 0009-0001-4341-9974

Abstract: This article analyzes the consequences of the international non-recognition policy towards the Islamic Emirate of Afghanistan (IEA). The study argues that this strategy has produced a counterproductive outcome: while aimed at pressuring the regime, it has precipitated a severe humanitarian crisis and inadvertently strengthened the position of the Islamic State – Khorasan Province (ISKP), thereby heightening threats to regional security instead of mitigating them.

Keywords: Afghanistan, international recognition; Taliban, humanitarian crisis regional security

Вопрос международного признания занимает центральное место в современной политической истории Афганистана, особенно после установления Исламским Эмиратом Афганистан (ИЭА) полного контроля над территорией страны в августе 2021 года. В основе современных дискуссий о статусе ИЭА лежат два фундаментальных подхода в международно-правовой доктрине: декларативный и конститутивный.

Согласно декларативной теории (сторонниками которой являются Ф.Ф. Мартенс, А.Н. Стоянов, О.О. Эйхельман, С.В. Черниченко, А. Кассезе), государство представляет собой объективно существующую политико-правовую единицу. [3. С. 145] Его возникновение обусловлено совокупностью фактических (эмпирических) критериев и не зависит от актов признания со стороны других субъектов международного права. Классической кодификацией данного подхода служит Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств (1933 г.), которая закрепляет четыре критерия государственности [1. С. 19]:

1. постоянное население;
2. определённая территория;
3. действующее правительство;
4. способность вступать в международные отношения.

Таким образом, государство существует *de facto*, а признание выполняет исключительно декларативную (констатирующую) функцию, не влияя на его правосубъектность [8. С. 310].

Конститутивная теория, напротив, рассматривает международное признание в качестве субъектообразующего акта [10. С. 88], который непосредственно определяет момент возникновения и объем правосубъектности государства. С точки зрения этого подхода, отсутствие признания со стороны международного сообщества означает юридическую несостоятельность режима, даже при наличии у него эффективного контроля над территорией.

Применительно к ситуации с ИЭА данный теоретический дуализм порождает принципиальное противоречие. С одной стороны, правительство талибов формально соответствует декларативным критериям Конвенции Монтевидео: оно контролирует территорию и население, обладает административным аппаратом и ведёт внешние сношения (хотя и ограниченные). С другой стороны, фактически универсальное непризнание ИЭА на уровне ООН (по состоянию на январь 2026 г. ни одно государство не оспорило полномочия

предыдущего правительства в Комитете по проверке полномочий ГА ООН) и последовательная блокировка его доступа к международным институтам отражают доминирование конститутивного подхода в политике ключевых западных держав [7. С. 22]. Это создаёт уникальный правовой парадокс: де-факто существующее государство лишено полноценной де-юре правосубъектности в системе ООН.

На сегодняшний день руководство Исламского Эмирата Афганистан осуществляет устойчивый де-факто контроль над всей территорией страны, реализуя ключевые суверенные прерогативы, включая фискальные функции, охрану правопорядка и монополию на легитимное насилие. Вопреки первоначальным прогнозам о скором коллапсе, правительство талибов демонстрирует административную стабильность: поддерживает работу шариатской судебной системы, эффективно контролирует государственные границы и обеспечивает отсутствие масштабного организованного внутреннего сопротивления после распада вооруженных сил Исламской Республики Афганистан.

Подобная реализация государственных функций в полной мере соответствует классическому в международном праве принципу эффективного контроля, который рассматривается как основание для легитимности *де-факто* власти [10. С. 94]. Однако в случае с ИЭА этот принцип вступает в противоречие с формально-правовой процедурой. Комитет по проверке полномочий Генеральной Ассамблеи ООН на протяжении всего периода с 2021 года систематически откладывает решение о признании полномочий делегации, представляющей талибов. В результате формируется уникальная ситуация правового вакуума и «двойного представительства» [7. С. 40]: место Афганистана в организации *де-юре* сохраняется за представителями свергнутого в 2021 году правительства, в то время как реальный и эффективный контроль над территорией и населением страны осуществляет непризнанное *де-факто* руководство ИЭА.

Правовой основой для ограниченного взаимодействия международного сообщества с ИЭА стала резолюция 2593 [2] Совета Безопасности ООН, принятая 30 августа 2021 года. Данный документ, поддержанный всеми постоянными членами СБ ООН, заложил условный и нормативный фундамент для любого диалога с новыми властями в Кабуле. В резолюции были чётко сформулированы минимальные критерии, соответствие которым рассматривается как необходимое предварительное условие для легитимации режима в глазах ключевых мировых акторов. К ним относятся:

1. Абсолютный запрет на использование афганской территории в качестве базы для деятельности международных террористических группировок, таких как «Аль-Каида» и «Исламское государство – провинция Хорасан» (ISKP);
2. Борьба с терроризмом и обеспечение своевременного вывода иностранных боевиков;
3. Гарантии соблюдения основных прав человека, включая права женщин, девочек и этнорелигиозных меньшинств;
4. Сохранение и беспрепятственное функционирование критической гражданской инфраструктуры (в частности, гражданской авиации) и обеспечение беспрепятственного доступа для гуманитарных организаций.

Выполнение этих условий, особенно в части прав женщин и борьбы с терроризмом, прямо увязано в документах ведущих держав и резолюциях международных финансовых институтов с вопросом о разблокировке замороженных за рубежом активов афганского центрального банка и нормализации экономических отношений. Таким образом, Резолюция 2593 [2] не только фиксирует требования, но и создаёт систему политико-экономических рычагов давления на ИЭА, переводя проблему признания из плоскости деклараций в плоскость конкретных действий и взаимных обязательств. В дополнение к этому, Резолюция 2615 [4] позволила осуществлять гуманитарные операции в обход санкций, а Резолюция 2721 [5] предложила долгосрочную «дорожную карту» по выполнению этих критериев. Несмотря на политический тупик, работа Миссии ООН (UNAMA) была продлена до марта 2026 года согласно Резолюции 2777 [6]

В результате сформировалась гибридная и двойственная модель взаимодействия между международным сообществом и ИЭА. Её суть заключается в сочетании прагматического, преимущественно гуманитарного диалога с принципиальным отказом от юридической легитимации правительства талибов. Эта модель реализуется через несколько каналов:

1. Гуманитарно-административное взаимодействие: Ключевая роль отводится структурам ООН (Миссия ООН в Афганистане – UNAMA, Управление по координации гуманитарных вопросов – УКГВ, Всемирная продовольственная программа – ВПП), через которые обеспечивается доставка жизненно необходимой помощи гражданскому населению и осуществляется оперативный диалог с де-факто властями по техническим вопросам.
2. Опосредованные политические контакты: Политический диалог ведется преимущественно через третьи стороны и на нейтральных площадках. К ним относятся Дохийский офис (постоянное представительство талибов в Катаре), а также многосторонние форматы, такие как «Московский формат» с участием стран Центральной Азии, России, Китая и других региональных акторов.
3. Сохранение дипломатической и финансовой блокады: При этом сохраняется системный отказ от полноценного дипломатического признания. Ни одно государство не открыло посольство или постоянную дипломатическую миссию в Кабуле. Доступ Афганистана к международной финансовой системе остаётся заблокированным: активы центрального банка заморожены, страна исключена из системы межбанковских переводов SWIFT, а взаимодействие с Международным валютным фондом и Всемирным банком приостановлено.

Таким образом, международное сообщество сознательно занимает позицию на стратегическом распутье. С одной стороны, оно вынуждено оказывать гуманитарную поддержку для предотвращения катастрофы, что неизбежно предполагает определенный уровень взаимодействия с властями на местах. С другой стороны, оно стремится избежать любого шага, который мог бы быть интерпретирован как укрепление легитимности ИЭА или предоставление ему финансовых ресурсов, способных консолидировать режим. Эта противоречивая политика направлена на оказание давления с целью выполнения условий СБ ООН, но одновременно порождает глубокие внутренние дисбалансы, усугубляя экономический коллапс и гуманитарный кризис.

Несмотря на то, что Исламский Эмират Афганистан технически сохраняет пассивное членство в ряде специализированных учреждений системы ООН (Всемирной торговой организации, Всемирной организации здравоохранения, Международной организации гражданской авиации и др.), он полностью лишён права голоса и возможности влиять на принятие решений. Это превращает его участие в чисто формальную, не наделённую реальным содержанием процедуру. Более того, попытки правительства талибов получить полноправное членство или вступить в ключевые региональные организации, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация исламского сотрудничества (ОИС), блокируются на неопределённый срок.

Международные санкции, закреплённые в резолюциях Совета Безопасности ООН (в частности, 1267, 1988, 2593 и 2664), а также отключение от глобальной межбанковской системы SWIFT создали режим жёсткой финансовой блокады. Её последствия носят системный характер: легальная внешняя торговля парализована, а государственный бюджет лишился ключевых налоговых поступлений от экспорта. В результате сложился парадокс, при котором де-факто власть осуществляет суверенный контроль над территорией, но при этом системно исключена из мировой финансово-экономической архитектуры.

Это стало одной из фундаментальных причин тотального экономического кризиса. Финансовая изоляция имеет катастрофические последствия для экономики страны. Национальные валютные резервы, оценивавшиеся в 2021 году в $9,5 млрд, остаются замороженными за рубежом. Лишь часть этих средств ($3,5 млрд), переданных в целевой

«Афганский фонд» в Швейцарии, используется для финансирования критического импорта (такого как продовольствие и медикаменты), минуя официальные счета правительства ИЭА. Международный валютный фонд заблокировал доступ к запланированным кредитным линиям на сумму около $450 млн. Единственным регулярным источником ликвидности в стране остаются поставки наличных долларов США, осуществляемые агентствами ООН (примерно $40 млн ежемесячно) для финансирования гуманитарных программ. Эта схема, хотя и предотвращает полный коллапс, лишает национальную экономику инвестиционных ресурсов, необходимых для восстановления, и ещё больше усиливает её зависимость от внешней помощи.

Таким образом можно констатировать, что дипломатическая изоляция ИЭА достигла беспрецедентного уровня. В столице Кабуле на сегодняшний день не функционирует ни одно иностранное посольство с полным дипломатическим статусом. Представительства ИЭА за рубежом (например, в Катаре, России, Китае) действуют в ограниченном режиме, не обладая полным набором консульских привилегий и иммунитетов.

Правительство талибов также отстранено от участия в ключевых глобальных и региональных политических и экономических форумов. Так, на Конференции ООН по изменению климата (COP29) Афганистан был представлен лишь в качестве наблюдателя-«гостя», а на последующей COP30 его делегация и вовсе не была допущена, несмотря на то, что страна входит в число наиболее уязвимых к последствиям засухи и изменения климата. ИЭА также не представлен на глобальных форумах по противодействию терроризму и в важнейших региональных треках безопасности, связанных с масштабными инфраструктурными проектами, такими как Китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC) и Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (TAPI).

Эта всеобъемлющая маргинализация имеет прямые стратегические последствия. Лишённые государственной легитимности на международной арене, представители ИЭА вынуждены вести переговоры исключительно на техническом или рабочем уровне. Это существенно ослабляет их позиции в спорах по жизненно важным вопросам, включая демаркацию границ (в частности, «линии Дюранда» с Пакистаном), трансграничное управление водными ресурсами и регулирование потоков беженцев. Таким образом, политика непризнания не только консервирует внутренний кризис, но и подрывает потенциал для урегулирования нестабильности на региональном уровне.

К настоящему моменту Афганистан достиг состояния системного экономического тупика. Экономика страны характеризуется глубокой рецессией и стагнацией с практически нулевыми темпами роста. Паралич банковской системы, вызванный финансовой изоляцией, привёл к острой нехватке ликвидности («денежному голоду») [9], что, вопреки ожиданиям гиперинфляции, спровоцировало устойчивую дефляцию. Её основной причиной является катастрофическое падение совокупного спроса из-за крайне низкой платежеспособности подавляющего большинства населения.

Продовольственный кризис приобрёл беспрецедентные масштабы. По данным структур ООН, в 2026 году от острого голода страдают более 17 миллионов человек — показатель, выросший в разы по сравнению с периодом трёхлетней давности, в особенности от недоедания страдают дети и женщины, не обладающие в силу текущих правовых ограничений достаточными возможностями для обеспечения своих базовых нужд и доступа к ресурсам [11]. При этом гуманитарные программы обеспечены финансированием лишь на 12% от необходимого объёма, что ставит страну на грань массового голода. Хотя де-факто власти предпринимают определённые меры, Афганистан остаётся в критической зависимости от внешней помощи. Любое сокращение внебюджетного финансирования каналов, осуществляемого через Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и международные НПО, грозит немедленным закрытием сети первичных медицинских клиник и резким ростом детской смертности, которая уже демонстрирует устойчивую негативную динамику из-за хронического недоедания.

Дополнительным ключевым фактором дестабилизации стал мощный миграционный кризис. Принудительная репатриация более 1,5 миллионов афганских беженцев из Пакистана в 2024–2025 годах создала колоссальную нагрузку на инфраструктуру и ресурсы приграничных провинций, спровоцировав новые волны внутренне перемещённых лиц и беженцев в направлении Ирана и стран Центральной Азии. Миллионы людей оказались в «ловушке перемещения» без надежды на стабильность и средства к существованию.

Социально-экономическая политика де-факто властей также усугубляет кризис. Указ о полном запрете на выращивание опийного мака (апрель 2022 года), не сопровождавшийся реалистичными программами альтернативной занятости и доходов для сельских общин, уничтожил традиционные источники существования для сотен тысяч семей. Возникающая в результате социальная безнадёжность и экономическое отчаяние создают благодатную почву для радикализации [12].

Это напрямую способствует укреплению позиций террористической группировки «Исламское государство» – провинция Хорасан (ИГ-К), которая наращивает число атак внутри страны и активизирует вербовку новых членов. Деятельность ИГ-К создаёт прямую угрозу безопасности ключевых транснациональных инфраструктурных проектов в регионе, таких как CPEC и TAPI, и вынуждает соседние государства сохранять режим повышенной готовности на границах, увеличивая риски региональной конфронтации. Таким образом, анализ показывает, что текущая политика условного взаимодействия и непризнания ИЭА привела к опасному тупику с катастрофическими гуманитарными издержками. Стратегические расчеты международного сообщества, направленные на оказание давления на талибов, обернулись непоправимым ущербом для самого уязвимого населения Афганистана, углубляя экономический коллапс и создавая условия для новой волны нестабильности. Политика, призванная минимизировать угрозы, на практике парадоксальным образом способствует их росту, подпитывая почву для терроризма и миграционных кризисов, которые напрямую затрагивают интересы соседних государств и международной безопасности в целом.

На основе проведённого комплексного анализа можно сделать вывод, что политика универсального непризнания Исламского Эмирата Афганистан не только не способствует снижению угроз международной безопасности, но и создает обратный эффект. Масштабная гуманитарная катастрофа, обусловленная экономическим коллапсом, массовым голодом и деградацией социальной инфраструктуры, напрямую способствует укреплению позиций экстремистской группировки «Исламское государство» – провинция Хорасан (ИГ-К). Отчаявшееся население, лишённое базовых средств к существованию и перспектив, становится ресурсной базой для радикальной идеологии, что ведёт к росту рисков вербовки и террористической активности как внутри страны, так и в регионе.

По мнению автора стратегия давления через правовую и финансовую изоляцию не сдерживает террористические угрозы, а системно усугубляет гуманитарный кризис, обрекая миллионы афганцев на жизнь в условиях крайней уязвимости. Де-факто правительство в Кабуле не претерпело ожидаемой международным сообществом либеральной трансформации, однако страна в результате этой политики оказалась на грани полного социально-экономического распада.

Вместо достижения декларируемых целей стабилизации политика непризнания породила порочный круг: попытка обеспечить безопасность через изоляцию ИЭА объективно ведёт к углублению внутреннего кризиса, который, в свою очередь, становится питательной средой для новых, ещё более дестабилизирующих угроз.

Перспективы преодоления кризиса требуют принципиального пересмотра текущих подходов в сторону большей прагматичности и дифференциации. Основой новой стратегии должен стать прагматичный баланс между сохранением политического давления для выполнения ключевых условий (соблюдение прав человека, борьба с терроризмом) и

неотложным выполнением гуманитарных обязательств перед гражданским населением Афганистана. Конкретные меры могут включать:

1. Дифференциация взаимодействия: Разделение гуманитарного, технического и политического диалога. Поэтапная нормализация взаимодействия с техническими министерствами ИЭА (здравоохранение, экономика, по борьбе с наркотиками) при сохранении жёстких ограничений на политическом уровне.

2. Целевое разблокирование активов: Рассмотрение механизмов частичного и строго контролируемого размораживания активов исключительно на финансирование критических импортных закупок (продовольствие, медикаменты, оборудование для водоснабжения) и выплаты зарплат работникам жизнеобеспечивающих секторов (здравоохранение, энергетика) под надзором международных структур (например, через расширенный мандат «Афганского фонда»).

3. Стимулирование регионального диалога: Активная поддержка региональных форматов (Московский формат, консультации с участием Центральной Азии, Китая, Пакистана, Ирана) как платформ для выработки совместных подходов к вопросам безопасности, управления миграционными потоками и реализации инфраструктурных проектов, что может создать косвенное давление на ИЭА в интересах региональной стабильности.

4. Увязка помощи с конкретными шагами: Чёткое, прозрачное и мониторируемое увязывание любых шагов по смягчению финансовой блокады с поддающимися проверке действиями властей ИЭА в сферах, обозначенных резолюцией СБ ООН 2593.

Только такой сбалансированный и прагматичный подход, признающий как реальность контроля ИЭА над страной, так и неприемлемость его внутренней политики, может разорвать порочный круг и создать условия для постепенной стабилизации, отвечающей интересам как афганского народа, так и международного сообщества.

Библиография:

1. Конвенция о правах и обязанностях государств (Монтевидео, 1933 г.) // Действующее международное право. Т. 1. - М.: МНИМП, 1996. С. 18-21.

2. Резолюция СБ ООН 2593 (2021) от 30 августа 2021 г. [Положение в Афганистане].

3. Черниченко С. В. Теория международного права. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М.: НИМП, 1999.

4. Резолюция СБ ООН 2615 (2021) от 22 декабря 2021 г. [Гуманитарные исключения].

5. Резолюция СБ ООН 2721 (2023) от 29 декабря 2023 г. [Дорожная карта интеграции].

6. Резолюция СБ ООН 2777 (2025) от 17 марта 2025 г. [Продление мандата UNAMA до 2026 г.].

7. устав Организации Объединенных Наций (1945 г.). Главы II и IV. М., 1956.

8. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005.

9. Доклад Генерального секретаря ООН (S/2025/120) «Положение в Афганистане». - Нью-Йорк, 2025.

10. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Международное право. Мирное разрешение споров. М.: Юрайт, 2023.

11. Специальный отчет UNAMA. Права человека в Афганистане: 2021-2025. Кабул, 2025.

12. Economic dependence and regional instability // Asia-News (Afghanistan). 2025. - 14 November. – URL: https://afghanistan.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_st/features/2025/11/14/feature-01

УДК 342.4(470):321.7

THE 2020 AMENDMENTS TO THE RUSSIAN CONSTITUTION AS AN ACT OF DEMODERNIZATION

Kozmin Dmitrii

M.A. in political science
Brīvā Universitāte, Republic of Latvia
e-mail: dmicozy@gmail.com
orcid id: 0000-0001-5426-1335

Abstract: The article examines the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation through the theoretical lens of demodernization. Drawing on scholarship on post-Soviet political and social transformations, demodernization is understood not as a simple return to pre-modern or traditional forms, but as a process in which ruling elites replace modern institutions and values with distorted simulacra of tradition that serve contemporary power interests. The article situates the Russian case within broader debates on demodernization, using qualitative textual analysis. The article argues that, taken together, the amendments represent a coherent demodernization project: they resist globalization and pluralism, appropriate for the language of tradition, and institutionalize paternalism as a governing principle. Rather than reviving genuine traditional values, the constitutional changes institutionalize their ideological imitation, confirming the demodernizing trajectory of contemporary Russian constitutionalism.

Keywords: demodernization, constitutional amendments, Russia, traditional values, authoritarianism, post-Soviet space, paternalism, sovereignty, constitutional ideology.

"And everything that in the traditionalist society has not been hybridized is torn away at the level of public consciousness becoming imaginary social values and legal fictions" [18, p. 1245]

The concept of demodernization and its characteristics in the post-Soviet space

One of the earliest discussions of demodernization appears in T.A. Brindley, who sees it as a reaction against modernization by those for whom modern social structures and culture are unacceptable. He emphasises that modernization is not only technological but also involves changes in thought and social organization [5, p. 210], and contrasts modern individualism with demodernist collectivism, portraying demodernization as a utopian longing for a lost order [5, p. 214].

Focusing on the post-Soviet literature, M. Minakov similarly contrasts public and private spheres, arguing that the public leans toward modernism while the private retains traditional forms; he stresses that demodernization differs both from modernization and from genuine tradition, since it erodes the traditional moral orientation of the individual [15, p. 64-65] and instrumentalizes traditional patterns for ideological ends [15, p. 76]. Minakov further describes a variant of demodernization arising after the destruction of "life-world resources," when distorted archaic patterns are reproduced to fill social voids [16, p. 249]; he also links demodernization to economic crises and inequality, especially where privatization failed [16, p. 255].

A. Etkind highlights the role of the "resource curse": extractive economies shape institutions and social ties (for example, oil creates an isolated, better-paid class), and because resource regimes do not require broad human-capital development, they foster demodernizing forms of governance rather than technological modernization [8]. M. Rabkin cautions that deindustrialization and demodernization are distinct—abandoning some industries can be modernizing (e.g., for environmental reasons)—yet he, too, sees rising inequality as part of demodernization [20, p. 23]. Etkind and Minakov note that the ruling party's mode of holding power, plus vertical centralization and the weakening of local self-government, are key demodernizing factors in post-Soviet Russia [9, p. 9]; Minakov likewise identifies reduced local authority as demodernizing [16, p. 257].

Some scholars treat broad mobilization as a modernization process within realist paradigms, since collective state coercion can advance state capacity [11]. Ordenov and Lesha show how elites, seeking to minimize risk, implement minimal changes that preserve their power; when traditionalists steer modernization, it becomes demodernizing and distorts pre-modern practices for elite ends [18, p. 1245]. Finally, Malyarenko and Kormych apply a demodernization framework to Russia's policies in occupied Ukrainian territories, arguing these policies combined intentional and inadvertent export of Russian institutions and legal collapse (2014–2022), though they tend to equate demodernization with deindustrialization—a narrower reading this essay finds incomplete [14].

Overall, the literature suggests demodernization is not a simple return to pre-modernity but a political project: ruling groups manufacture the appearance of tradition, using distorted simulacra of pre-modern values to occupy spaces left by modernity, thereby serving contemporary power interests.

Amendments to the Russian Constitution in 2020

Amendments to the Russian constitution were proposed by Vladimir Putin on January 15, 2020, in his address to the Federal Assembly. On March 14 of that same year, the State Duma prepared an amendment document (in the singular), which contained over 200 amendments. A referendum was held from June 25 to July 1 (however, legally, this referendum was not necessary), and then, on July 3, the Russian president signed the document [10]. There are already some scholarly works devoted to studying the amendments to the Russian Constitution. For example, one examines the legal aspect of how constitutional amendments on state sovereignty have influenced the interpretation of international law [13], other researchers point to the change in the composition of the legislative body, such as the Federal Assembly, and conclude that this amendment has further disrupted the political balance of power [3; 17].

Another researcher, conducting a comparative analysis of the amendments, points out that they are intended to create only the appearance of reform and a connection between the state and society, but in reality are aimed at strengthening the authoritarian regime and were carried out primarily for the sake of one amendment: the ability for Vladimir Putin to continue to run for re-election in presidential elections, since one of the amendments (which received virtually no public discussion in the official state media) removed his previous presidential term limits and allowed him to be elected for two more terms [19]. While agreeing with the author on the main points, it is still worth noting that the content of the remaining amendments, even if they are declaratory, still matters. Of course, if we look at this process from a political science perspective, the remaining amendments were added solely to distract citizens from the amendment resetting presidential terms, which, being the only one on the list, could have raised questions among certain groups of citizens, posing certain risks. However, the content of these amendments had to be precisely such that citizens themselves would want to vote for them. Therefore, from an ideological perspective, it is also important to study the remaining amendments, even if they duplicate previous legal provisions, since their declaratory nature is important in this context.

Another researcher points out that the social benefits promised in some of the amendments could have been an important distraction for citizens. Since the constitution is the country's fundamental law, enshrining minimum wage and pension guarantees therein proved sufficient to sway many citizens to support these amendments [7]. An interesting attempt for this essay is to analyze the content of the constitutional amendments from a postcolonial perspective. Thus, the researcher demonstrates how amendments concerning traditional family values are a marker of a return to imperial Russia. The researcher uses the term "anti-modernism" to describe the amendments regarding traditional values. However, according to the author, the amendments do not introduce anything new but rather expand and entrench existing non-colonialist Russian tendencies [12].

All these studies make an important contribution to the study of amendments to the state's fundamental document under the authoritarian regime. However, an examination of the content of the amendments to the Russian constitution from the perspective of demodernization has apparently not yet been conducted. To fill this gap, this essay will attempt to analyze the 2020 amendments to the Russian constitution from the perspective of demodernization.

Analysis of amendments

To properly structure the analysis of the amendments, they must be divided into groups not by their constitutional number, but by their semantic content. It was decided to divide the amendments into two groups: ideological and structural. The ideological group contains amendments with explicit wording that do not directly change the functioning of government bodies but merely declare certain values and narratives. The structural group will contain amendments that change political rules and processes that directly impact the country's political system. It is also worth noting that among the amendments, there are purely technical ones that do not carry significant value for this study. Therefore, the essay will not mention all available amendments, but only those that are of interest from the point of view of demodernization processes.

Let's start with the addition of Article 67.2.1, which introduces an addition regarding the protection of sovereignty and territorial integrity: *"The Russian Federation shall ensure the protection of its sovereignty and territorial integrity. Actions... aimed at alienating a part of the territory of the Russian Federation, and also calling for such actions, are prohibited."* [6]. Clearly, emphasizing sovereignty and territorial integrity serves a declaratory function. If we consider modernization in the context of globalization, then demodernization will attempt to resist globalist tendencies. In this regard, an emphasis on sovereignty fits perfectly with the logic of demodernization. This also includes additions to Article 79, which declares the maintenance of peace within the state and the prevention of interference in the internal affairs of the state [6, Art. 79.1].

Article 67.1.1 states that "the Russian Federation is the legal successor of the USSR" [6], including in international associations and treaties. However, the Russian Federation already received a permanent seat on the UN Security Council as the successor to the USSR, so this article also serves a declarative function, demonstrating that Russia continues to adhere to certain values and ideals that were characteristic of the USSR. This also has a colonial slant, as the USSR consisted of 15 republics that were formally considered equal entities. The way this continuity is formalized in the constitution demonstrates that the remaining states are not perceived as equal entities. *"United by a millennial history, the Russian Federation, safeguarding the memory of the ancestors who have passed on to us ideals and faith in God as well as the continuity of development of the Russian state, recognises the historically established unity of the state."* [6, Art 67.1.2] Article 67.1.2 is extremely rich in markers of demodernization: references to a thousand-year history, ancestral memory, and faith in God demonstrate the exploitation of the narrative of traditional values. An important point lies in the corollary: the continuity of the state makes it clear that past actions, which occurred many centuries earlier, continue to determine current Russian policy. This approach leaves no room for critical interpretation of past events; they are presented as infallible and something to be unquestioningly relied upon in current political actions. Also significant is the renewed emphasis on "unity of the state", which is also based on events from the historical past.

The next two paragraphs emphasize that the Russian Federation "reveres the memory of defenders of the Fatherland" and "ensures the protection of historical truth," [6, Art. 67.1.3] which demonstrates yet another appeal to the past. The very phrase "historical truth" precludes any interpretation of historical events other than the dominant state narrative, which is also a sign of demodernization, where historical events are presented as the absolute truth, precisely as it suits the current political regime. History as a science is always built on the clash of different approaches and interpretations.

The fact that the state is only using the rhetoric of traditional values, although these values are not such, is indirectly confirmed by the following text of the amendment: *"Children are an essential priority in the state policy of Russia. The state shall create conditions conducive to their comprehensive spiritual, moral, intellectual and physical development of children, and the fostering of patriotism, civic consciousness and respect for their elders." [6, Art. 67.1.4].* According to traditional values, the state should not be involved in raising children; responsibility for their upbringing lies with parents. The family is the one sphere of life in which the state should not interfere. The emergence of kindergartens, public schools, and state youth organizations is a product

of the modern era [1]. The declaration that the state instills in children a sense of patriotism and respect for elders reveals a certain artificiality in the traditional values narrative, since in this picture, without state assistance, parents would be unable to raise their children properly.

Article 68, which prior to the amendments stated the status of Russian as the state language, has now been supplemented with the statement that Russian is the "language of the state-forming people." [6, Art. 68.1] Beyond the obvious colonial marker, which suggests that the Russian people are more important than all others, it's also important to note that this statement envisions not simply a static state of affairs, but "formation," that is, an action aimed at creating a state. In other words, a specific people creates a state, albeit a multinational one. It's also worth paying attention to the articles defining the powers of federal and regional authorities, as these powers have been expanded in the amendments. For example, Article 72.1 was amended to include "*protection of the family, maternity, paternity, and childhood; protection of marriage as a union of a man and a woman; creation of conditions for adequate family upbringing of children, and also for adult children to fulfill the duty of care for their parents*" [6, Art. 72.1]. During the discussion of the 2020 amendments, many drew attention to the phrase "marriage as a union between a man and a woman," but few public figures noted that this is one of the provisions encompassing the jurisdiction of federal and regional authorities. Just as with child-rearing, this is de-subjectifying the family as an independent actor, which speaks not of a return to traditional values, but of demodernization, which merely exploits the narrative of traditional values to serve the interests of the state. Clause 4 of Article 68 is also indicative: "*Culture in the Russian Federation is a unique heritage of its multi-ethnic people. Culture shall be supported and protected by the state.*" [6], as it contains the same symbiosis observed in previous amendments. On the one hand, there is a reference to the past. Culture is a heritage, meaning it is a value inherited from historical times. On the other hand, the same clause immediately after states that culture is protected by the state. Perhaps this refers to the material part of culture; for example, architecture truly needs to be preserved. However, if we are talking about the intangible part of culture, it is not entirely clear what could threaten it and why such a value needs protection from the state at all. Here, the state again appropriates subjectivity from other groups, in this case, the indigenous peoples of Russia.

It should also be mentioned that some of the “declaratory” amendments do not contain direct markers of demodernization, but rather manifest the theses of the welfare state. The number of areas covered by state programs in Article 71 has been expanded, and the obligation to provide medical care and to foster a culture of responsible citizen health care are also specifically outlined (the latter again has a patronage nature, with the state guiding and educating citizens on how to live their lives). Article 75 has been expanded to include three paragraphs on protecting workers' rights through a minimum wage guarantee, pension provision, and pension indexation, as well as social insurance and the indexation of social benefits. The following article states that conditions for economic growth and prosperity are being created for Russian citizens [6]. The inclusion of an environmental agenda in the amendments also seems surprising. For example, one of the additional clauses in Article 114 stipulates that the state will implement measures to protect the environment, preserve natural diversity, and foster a responsible attitude toward animals in society. The state will also create conditions for environmental education of citizens and "fostering ecologically minded attitudes" [6, art. 114]. The word "fostering" is very revealing in this context, as the state once again takes on the mentoring role of a teacher who guides citizens and instills in them certain values, even on a topic that is far removed from classic "traditional Russian values."

By comparison, environmental protection is also enshrined in the constitutions of other countries. In the German constitution, it is formulated as "the state shall protect the natural foundations of life and animals." [2, Art 20a], in the Brazilian Constitution: "All have the right to an ecologically balanced environment." [4]. Sometimes the constitution contains restrictions on people extracting natural resources and controlling organizations, but the narrative that the state should teach citizens anything is absent. Thus, this mentoring stance is an integral part of the 2020 amendments to the Russian constitution and can be interpreted as a marker of demodernization, since under the guise

of caring for citizens, the state assumes a dominant and instructive stance. This narrative also introduces a new clause about supporting compatriots abroad. In addition to promising to protect their rights and interests, it also states that the state supports the "conservation of an all-Russian cultural identity." [6, Art. 69.2]. This formulation again leaves no alternative and assumes that Russians abroad will strive to preserve their Russian cultural identity, something that, in my opinion, is far from obvious to all citizens living outside their own country. Furthermore, citizens are stripped of their agency and presented as someone who needs the government's assistance and protection. Almost all of the amendments from the structural group are aimed at changing the institutional design, so there is no point in analyzing them verbatim. However, it is important to look at how exactly they complement the existing vertical power structure, which, according to some researchers, is also a demodernization project [15, p. 74].

From a semantic standpoint, the only interesting phrase is "public authority," which is presented as a kind of body uniting all branches and organs of government. For example, the local government was included in the "unified system of public authority." [6, Art. 132]. Other researchers have noted in previous works that the reduction of local government is part of demodernization[18]. The new structure of public authority unites all three branches of presidential power. This innovation has had virtually no impact on the Russian political institutions, but nevertheless, formally, it represents another step toward centralization of power. Articles 81 and 83, which describe the election and powers of the president, saw the most changes. Following the amendments, the president can dismiss and appoint ministers without the government's consent, as well as appoint additional senators to the upper house of parliament, who will represent his personal interests rather than regional ones. The amendments also provide a reduction in the number of judges on the Constitutional Court from 19 to 11 [6]. In short, all these amendments are aimed at expanding the powers of the president and reducing the powers of other government bodies. Finally, Article 79, which allows for non-compliance with decisions of international authorities, is another example of resistance to globalization. In essence, it simply grants the right to disregard decisions of the European Court of Human Rights. However, in the context of the discourse on sovereignty, this also constitutes a demodernizing legislative addition.

Conclusion

Analyzing the 2020 amendments to the Russian Constitution through the lens of demodernization, one can conclude that they are twofold. On the one hand, many of the amendments employ a narrative of traditional values, the state's concern for citizens, and the creation of an image of Russia as independent from other countries. However, even purely declaratory amendments are extremely paternalistic. The government must educate the younger generation, instill in its citizens a love and care for the environment, attention to their health, and respect for their elders. The very fact that the state is taking on such tasks demonstrates that these pre-modern values can no longer be reproduced on their own, because modernism, if not destroyed them, has significantly relegated them to the background.

A situation in which government bodies do not guarantee certain aspects of life, but directly infiltrate every social institution (family, social communities, different age groups), is no longer inherently consistent with pre-modern traditional values, since the state (at least according to the logic of the amendments) needs to artificially support these narratives. As has been demonstrated, these narratives are not traditional values in themselves but merely imitate their outward attributes to exploit them for its own ends. Based on this, it can be concluded that the 2020 amendments to the Russian Constitution are, in fact, demodernizing in nature.

[18] e.g. “[Russian] local self-governance is politically subordinate to the center as part of the power vertical in the demodernization phase” [Minakov 2018, p. 257].

References:

1. Allen, A. T. (1988). "Let us live with our children": Kindergarten movements in Germany and the United States, 1840–1914. History of Education Quarterly, 28(1), 23-48.

2. Basic Law for the Federal Republic of Germany in the revised version published in the Federal Law Gazette Part III, classification number 100-1, as last amended by the Act of 22 March 2025 (Federal Law Gazette 2025 I, No. 94). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html [Date of access: 11.01.2026].

3. Birmontienė, T. (2020). 2020 Amendments to the Russian Constitution–Change of the Constitution or Its Collapse?. Gdańskie Studia Prawnicze, 4(48), 130-149.

4. Brazilian Federal Constitution. Chapter VI – Environment. URL: https://braziliannr.com/brazilian-environmental-legislation/brazilian-federal-constitution-chapter-vi-environment/ [Date of access: 11.01.2026].

5. Brindley, T. A. (1979). Modernization and demodernization: a conflict of values. Journal of Thought, 209-215.

6. Constitution of the Russian Federation, passed by nation-wide voting of December 12, 1993, with the amendments approved by nation-wide voting on July 1, 2020. URL: https://constitution.garant.ru/english/ [Date of access: 10.01.2026].

7. Demydova, V. (2020). Russian Constitutional Amendments 2020: Social State or Putin Forever?. Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi, 4(2), 147-164.

8. Etkind, A. (2018). Petromacho, or Mechanisms of De-modernization in a Resource State. Russian Politics & Law, 56(1-2), 72-85.

9. Etkind, A., & Minakov, M. (2018). Post-soviet transit and demodernization. Ideology and Politics Journal, 9(1), 4-13.

10. Eremina, D., & Koval, I. (2020, June 25). Resetting Putin's Term Limits and Other Amendments to the Russian Constitution. Deutsche Welle Russia. URL: https://www.dw.com/ru/главное-о-поправках-в-конституцию-рф-обнуление-сроков-путина-ссср-и-бог/a-52667604 [Date of access: 10.01.2026].

11. Kutuev, P., & Choliy, S. (2018). Mobilization in post-socialist spaces: Between imperatives of modernization and threats of demodernization. Ideology and Politics Journal, 2, 4-22.

12. Küpper, H. (2025). The 2020 Amendments of Russia's 1993 Constitution: A Post-Colonial Interpretation. Journal of Indonesian Constitutional Law, 2(1), 37-59.

13. Mälksoo, L. (2021). International law and the 2020 amendments to the Russian Constitution. American Journal of International Law, 115(1), 78-93.

14. Malyarenko, T., & Kormych, B. (2023). Russian policy towards the economy of occupied Ukrainian territories: crawling de-modernization. Eurasian Geography and Economics, 64(2), 220-237.

15. Minakov, M. (2016). The de-modernization current: An approach to understand ethical and political challenges of post-soviet societies. Ethics and global political theory. The encyclical letter 'caritas in veritate'and critical perspectives of integral human development, 62-78.

16. Minakov, M., & Rabkin, Y. (2018). Demodernization in post-soviet eastern Europe. Y. Rabkin, M. Minakov, eds, 241-260.

17. Noble, B., & Petrov, N. (2021). From constitution to law: implementing the 2020 Russian constitutional changes. Russian Politics, 6(1), 130-152.

18. Ordenov, S., & Kleshnia, H. (2019). Demodernization as a Hybrid Form of Modernization of Traditionalist Society in the Globalized World. Humanities & Social Sciences Reviews, 7 (4), 1241-1247 (2019).

19. Partlett, W. (2021). Russia's 2020 Constitutional amendments: A comparative analysis. Cambridge Yearbook of European Legal Studies, 23, 311-342.

20. Rabkin, Y. (2018). Undoing Years of Progress. Demodernization. A Future in the Past, Stuttgart, ibidem-Verlag, 17-45.

UDC 349.6:341.1

THE DUTY TO COOPERATE FOR THE PROTECTION OF THE ENVIRONMENT IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Bacco Anna
Independent researcher - University of Salerno, Salerno, Italy
e-mail: annabac@hotmail.it
orcid id: 0009-0008-5154-1962

Abstract

From a legal perspective, the evolution of international environmental cooperation can be interpreted in three main phases. First, general international law: the 1945 United Nations Charter recognised cooperation as a fundamental principle. Continuing this approach, the 1970 Declaration on Friendly Relations and Cooperation between States clarified the principle of cooperation, confirming its relevance in general international law. Second stage: environmental functionalism: The 1972 Stockholm Declaration [7], while non-binding, states in Article 24 that States must manage environmental protection and improvement in accordance with the principle of international cooperation. This stage is characterised by sectoral treaties based on the principle of prevention of harm. Third stage: environmental globalism: The 1992 Rio Declaration on Environment and Development [4] extends international cooperation to global environmental issues, concretely applying the concept of sustainable development, anticipated by the 1987 Brundtland Report. In particular, Principle 7 recognises the duty of States to cooperate in environmental protection as an essential element in managing global issues. Subsequently, the duty to cooperate became binding through international treaties such as the United Nations Framework Convention on Climate Change, the Kyoto Protocol [3], and the Paris Agreement [2]. Finally, the International Court of Justice, in its Opinion of 23 July 2025, confirmed the binding nature of the duty to cooperate even in the context of global climate change. This paper analyses the evolution of the duty to cooperate in international environmental law through selected legal instruments, highlighting its role in developing a coherent, progressively binding global legal system.

Keywords: Environmental Law; International Environmental Law; Treaties and Conventions; Sustainable Development Law; Environmental Agreements;

1. Introduction

This work reconstructs the evolution of international environmental law from the Stockholm Conference to the Paris Agreement [2], drawing on a critical synthesis developed personally by the author based on the work of Sergio Marchisio and supplemented by the original texts of the conventions, protocols, and agreements cited.

In international environmental law, the duty of cooperation between States is articulated in three fundamental phases. The first concerns the United Nations Charter of 1945, which establishes cooperation as a guiding principle for the conduct of States.

In the second phase, when the international community recognises the need to address ecological problems, cooperation takes the form of a rule of conduct that specifies States' behaviour. In this phase, known as the phase of sectoral international environmental functionalism, the common interest of States in collaborating on environmental issues begins to consolidate.

Of particular importance in this regard is the United Nations Declaration on the Human Environment in Stockholm 1972 [7], which represents the first concrete expression of the principle of cooperation. The third stage, known as the phase of environmental globalism, sees cooperation crystallise as a binding legal obligation, with the beginning of the second period in the evolution of international environmental law.

To this end, the Brundtland Commission was entrusted with preparing the report Our Common Future, which integrated the emerging concept of sustainable development.

In 1992, the United Nations Conference on Environment and Development was held in Rio de Janeiro, and the Rio Declaration [4] was adopted, which includes Principle 7, which recognises cooperation as an essential element of environmental protection.

During the Conference, two key conventions were opened for signature: the United Nations Framework Convention on Climate Change, which entered into force on 21 March 1994, and the Convention on Biological Diversity, which entered into force on 29 December 1993.

In 1997, the Kyoto Protocol [3] was implemented, aimed at implementing the Framework Convention on Climate Change, which aims to stabilise greenhouse gas concentrations in the atmosphere at levels that prevent dangerous anthropogenic interference with the climate system. In December 2015, during the 21st Conference of the Parties (COP21), the Paris Agreement [2] was adopted, marking a further milestone in international climate cooperation.

2. The Origins of Cooperation: First Moment, General International Law

Article 1, paragraph 2 of the UN Charter [8] establishes that the purposes of the United Nations are to develop friendly relations among nations, based on respect for the principle of equality and the rights of peoples, and to adopt appropriate measures to strengthen peace. Paragraph 3 states that the purposes of the United Nations include promoting international cooperation in solving problems of an economic, social, and humanitarian nature among Member States (UN).

Subsequently, with the Resolution 2625 XXV of 1970 [5], the United Nations General Assembly adopted the Declaration on Principles of International Law relating to Friendly Relations and Cooperation, setting forth fundamental principles for the guidance of cooperation among States (ONURIS).

The document emphasises the content of the duty to cooperate, qualifying it as a general principle of international law. It identifies cooperation not as a political requirement, but as a legal criterion that guides the conduct of States in their mutual relations, respecting sovereignty, equality, and territorial integrity.

Environmental Functionalism Phase: Second Stage, Environmental Functionalism.

Stockholm Conference

States' attention to international environmental issues began to emerge in the 1970s, when a shared interest in mitigating environmental degradation began.

During that period, several accidents occurred, such as the one in the English Channel caused by the spill of tons of oil from a tanker, which destroyed a large portion of marine biological resources.

This event demonstrated the inadequacy of the instruments available to address the situation. During the same period, numerous international environmental conventions on the prevention of marine pollution were adopted. A turning point occurred in 1972 when the United Nations General Assembly convened the Conference on the Human Environment [1, p. 1-12] in Stockholm, during which a Declaration of Principles and a Global Plan of Action were adopted [7].

Among the principles enunciated, Principle 24, which affirms that States should address environmental issues, is of particular importance to this paper, in a spirit of international cooperation.

This phase marks the first evolution of sectoral environmental law, aimed at preventing significant ecological risks.

2. Phase of Environmental Globalism: Third Moment, Environmental Globalism

Rio Conference

Following the evolution of sectoral environmental law in the early 1980s, a new phase of international environmental law began. During this phase, the United Nations assigned experts with

proven expertise to prepare a report, the Brundtland Commission, that included the concept of Sustainable Development.

It was precisely the United Nations Conference on Environment and Development, held in Rio de Janeiro in June 1992 [1, p. 1-12; 4], which marked the beginning of this new phase. The Conference's objective is to reconcile economic development and environmental protection, and also to expand international cooperation to address global environmental problems, such as climate change, biodiversity loss, and deforestation.

At the conclusion of the Conference, the following documents were adopted: the Rio Declaration on Environment and Development [4], consisting of twenty-seven principles; Agenda 21, a program of action aimed at identifying State actions to achieve sustainable development; and an authoritative declaration of non-binding principles on the management, conservation, and sustainable development of forests. For reasons of space, the analysis will be limited to Principle 7 of the Rio Declaration.

This principle states that States have a duty to cooperate for the conservation and protection of the Earth system, in accordance with the principle of common but differentiated responsibilities, taking into account the different impacts of States on environmental degradation. Principle 7 itself recognises cooperation as an essential element for environmental protection [4].

Framework Convention on Climate Change

Another outcome of the Rio Conference was the establishment of global environmental conventions that were opened for signature in 1992. Among these, the analysis [1, pp 12-24] focuses on the United Nations Framework Convention on Climate Change UNFCCC [6].

The UNFCCC is an international treaty binding on the states that have ratified it, establishing general principles and obligations. Established by Resolution 43/53 of the United Nations General Assembly UNGA and adopted on 6 December 1988, it entered into force on 21 April 1994. The Resolution recognised climate change as a common concern for humanity.

To address the climate problem, an intergovernmental body, the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), was established around the same time.

This mechanism was created under the auspices of the World Meteorological Organisation WMO and the United Nations Environment Programme UNEP to assess the severity of the problem. In 1990, the IPCC published its first environmental assessment report, highlighting the impact of human activities on climate. The report was discussed in the UN General Assembly. In the next phase, the United Nations General Assembly UNGA decided to establish the Intergovernmental Panel ING to negotiate a framework convention on climate change.

The United Nations Framework Convention on Climate Change is a framework instrument that establishes general principles and obligations regarding climate change. It contains framework provisions whose concrete implementation is delegated to additional and executive protocols, to be negotiated at a later stage.

The Convention is implemented through the Conferences of the Parties (COPs), a decision-making body that brings together the States Parties to negotiate protocols, adopt operational measures, and define guidelines for the implementation of their obligations.

The Convention also established some general commitments regarding the limitation of CO2 emissions. In accordance with the principle of common but differentiated responsibility, the Convention provides for a dual legal regime.

The first regime concerns industrialised countries and those with economies in transition. Given that industrialised countries are responsible for the largest share of CO2 emissions, they are obliged to adopt national policies to mitigate climate change. The Convention's implementation measures were subsequently clarified and implemented through the Kyoto Protocol [3], adopted in 1997, which introduced quantitative emission reduction obligations for industrialised countries and those with economies in transition.

Kyoto Protocol and the Evolution Toward the Paris Agreement

The Kyoto Protocol is the first binding international instrument translating the general principles of the Framework Convention into measurable and verifiable legal obligations. It was adopted at COP3 in Kyoto in December 1997 and entered into force on 16 February 2005, following ratification by the Russian Federation in 2004 [3]. The Protocol commits industrialised countries and those with economies in transition to a 5% reduction in their primary CO2 emissions by 2010, relative to 1990 levels.

The targets are uneven: the EU is targeted for an 8% reduction, the United States for 7%, Japan for 6%, while Russia, Ukraine, and New Zealand are targeted only to stabilise emissions [1, pp. 24-31]. The Protocol introduces specific flexibility mechanisms to allow states to meet their reduction obligations through cooperative means.

The United States, although not participating in the negotiations, did not ratify the Protocol, believing it would have negative economic impacts and preferring a voluntary system.

In 2007, the United States was invited to COP 13, held in Bali in December 2007, where negotiations began on a new agreement to reduce CO2 emissions for the years after 2012. At the conclusion of the Conference, with the consent of the United States, a work plan was defined to reach a new multilateral treaty. The Plan contained proposals for CO2 reductions.

Based on the scientific data of the fourth IPCC report, the EU proposed that industrialised countries reduce CO2 emissions by 25–40% compared to 1990 levels by 2020. However, the United States opposed it. The Plan, however, contained significant references to technology transfer and incentives to reduce emissions from deforestation [1, pp. 24-31]. In 2009, during COP 15 in Copenhagen, a new binding treaty was not reached, but the Copenhagen Accord was adopted, to limit global warming to 2°C and voluntary contributions NDCs from states.

Subsequent COPs defined two tracks: extending the Kyoto Protocol [3] until 2020 and negotiating a new post-2020 treaty. Concerning the second objective, the negotiations launched in Durban led to the Paris Agreement on 12 December 2015, during COP21 [2].

The Agreement establishes the goal of maintaining global warming within 2°C and promotes adaptation through dedicated financial resources. Article 3 maintains the system established in Copenhagen in 2009, namely nationally determined contributions NDCs, which are the CO2 reduction targets unilaterally declared by individual states.

Therefore, the Agreement does not impose binding reduction obligations or set quotas for Parties, but promotes cooperation in mitigation and adaptation and the transfer of technologies for developing countries, least-developed states, and Small Island Developing States SIDS. Compliance mechanisms and the so-called "global stocktake" are provided for.

The Paris Agreement [2] has not changed the principle of shared but differentiated responsibilities and respective capabilities in light of different national situations, and it will cover the period from 2020 to 2050.

Conclusions

This paper highlights how the principle of international cooperation has become a binding obligation in international environmental law, through conventions, protocols, and multilateral agreements.

The International Court of Justice's opinion of 23 July 2025 confirms that this obligation also applies to climate change, strengthening States' responsibility for global environmental protection.

References:

[1] Cordini. G., Fois, P., Marchisio, S. (2017), *Diritto Ambientale: profili internazionali, europei e comparati*,3 ed., Giappichelli, Torino.

[2] ONU 2015 PARIS AGREEMENT, https://ace.aua.am/wp-content/uploads/2019/06/2015-Paris-Agreement.pdf

[3] ONU KYOTO: KYOTO PROTOCOL TO THE UNITED NATIONS FRAMEWORK CONVENTION ON CLIMATE CHANGE, https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf

[4] ONU RIO Report ofthe UnitedNations Conference on Environment and Development Rio de Janeiro, 3-14 June 1992, https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(vol.I)
[5] ONU RIS DECLARATION 2625 (XXV) Charter of the United Nations (A/8082). https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625-Eng.pdf
[6] ONU UNFCCC, UNITED NATIONS FRAMEWORK CONVENTION ON CLIMATE CHANGE, https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf
[7] ONU CONFERENZA DI STOCCOLMA RAPPORTO DELLA CONFERENZA DELLE NAZIONI UNITE SULL'AMBIENTE UMANO, Stoccolma, 546 giugno 1972, https://wedocs.unep.org/bitstreams/217f4f17-1cea-4429-96bd-b9af2b33b7e6/download
[8] ONU CARTA DELLE NAZIONI UNITE, https://treaties.un.org/doc/Publication/CTC/uncharter.pdf

УДК 341.1

«СОВЕТ МИРА» И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Габец Наталья,
старший преподаватель
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
e-mail: 1sol@mail.ru
orcid id: 0000-0002-2772-2658
Корнева Елена,
старший преподаватель
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
e-mail: korneva_es@mail.ru
orcid id: 0000-0002-3536-4141

Abstract: This article provides an international legal analysis of the new international organization, the Board of Peace, created at the initiative of the United States. It examines its founding documents, structure, decision-making mechanisms, and potential implications for the modern system of multilateral diplomacy. Particular attention is paid to potential conflicts of jurisdiction with the UN and the impact on the existing international security system.

Keywords: Board of Peace, international organizations, UN, international security, conflict resolution, international law

22 января 2025 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе была учреждена новая международная организация – Совет мира. Несмотря на то, что формальным поводом для ее создания послужила реализация т.н. «мирного плана по Газе», одобренного резолюцией 2803 Совета Безопасности ООН от 17 ноября 2025 г.[1], уже сейчас понятно, что изначальный мандат и заявленные цели организации выходят далеко за рамки решения палестинского вопроса. Более того, заявление инициатора создания, президента США Д. Трампа, о том, что Совет мира потенциально «может заменить ООН» [2], указывает на весьма амбициозную цель нового образования.

Целью настоящей статьи является анализ Совета мира с точки зрения норм международного права, оценка его институциональной структуры, особенностей функционирования и возможного влияния на существующую систему международной безопасности.

Данный вопрос является новым и представляет собой значительный интерес для международного права. 20 января 2026 г. от имени Республики Беларусь глава государства А.Г. Лукашенко подписал документ о присоединении Беларуси к Совету мира и выполнении положений Устава организации [3].

Следует отметить, что история создания организации показывает ее тесную связь с ООН. Так, Совет мира является прямым «порождением» резолюции Совета Безопасности ООН 2803, что придает определенную легитимность в рамках главы VII Устава ООН. Вместе с тем, дальнейшее развитие пошло по пути институционального обособления от ООН.

Устав Совета мира, подписанный 22 января 2026 г. [4], закрепляет следующие ключевые принципы его функционирования:

1) ограниченное и избирательное членство – членство в Совет мира предоставляется исключительно по приглашению, что изначально отличает новую организацию от универсальной ООН. Интересным условием также является возможность предоставления статуса постоянного члена за взнос в размере 1 млрд долларов США, что вводит финансовый критерий в основу формирования руководящего органа.

2) централизация власти – Устав устанавливает уникальную для международного права процедуру принятия решений. Хотя решения формально принимаются большинством голосов государств-членов, они вступают в силу только после одобрения Председателя организации. Председатель также обладает правом вето на решения исполнительных органов и решающим голосом при равенстве голосов [4]. Таким образом, такая конструкция позволяет концентрировать исключительные полномочия в руках одного человека – президента США Д. Трампа, что является беспрецедентным для традиционных межправительственных организаций.

3) добровольный выход – членство в организации может быть прекращено простым уведомлением о выходе, что, на наш взгляд, свидетельствует о слабости международных обязательств и потенциальной неустойчивости состава организации.

Кроме того, первоначальный состав учредителей организации (19 стран, включая США, ряд стран Ближнего Востока, Центральной Азии и Восточной Европы) указывает на определенную региональную и политическую избирательность. Приглашение стать членом организации Косово и вовсе демонстрирует политический подход к формированию состава организации уже на самой ранней стадии. Такой же, политически обусловленный характер, подчеркивается и публичным отзывом приглашения Канаде после критической речи ее премьер-министра [5].

Структура Совета мира отражает ее гибридный характер, сочетающий, с одной стороны, дипломатические, а с другой стороны, экономические функции. Ключевым органом организации выступает Исполнительный совет, в состав которого вошли как политические деятели (в том числе, бывшие), так и представители крупного финансового сектора. Это указывает на ставку на экономическое партнерство как на один из двигателей урегулирования конфликтов. В структуре Совета мира есть и Исполнительный совет по Газе – специализированный орган, созданный для управления восстановлением территории. Данная структура фактически должна выполнять функции временной администрации, что сближает ее мандат с историческими примерами международных протекторатов. Примечательно, что штаб-квартира организации расположена во Флориде, а не в традиционных центрах международной дипломатии (Женева, Гаага, Нью-Йорк), что также может символизировать дистанцирование от традиционной дипломатии.

Анализируя Устав Совета Мира, можно отметить отсутствие прямого упоминания сектора Газа, что позволяет рассматривать мандат организации значительно шире, с потенциальным распространением и на другие «кризисные регионы».

Создание Совета мира порождает ряд вопросов, связанных, прежде всего, с возможной правовой и политической коллизией с системой ООН. Несмотря на то, что создание организации частично связано с резолюцией Совета Безопасности ООН, декларируемая

неоднократно президентом США Д. Трампом цель потенциально заменить ООН ставит под сомнение принцип универсальности и равноправия государств, заложенный в Уставе ООН. Некоторые критики справедливо характеризуют Совет мира как «имиджевый проект», направленный на создание альтернативной, менее обременительной с точки зрения процедур и более контролируемой площадки для продвижения интересов ее создателей [6]. На наш взгляд, расширение мандата Совета мира, может привести к наложению его деятельности на усилия, принимаемые Советом Безопасности ООН и ее специализированными учреждениями. Это, в свою очередь, может привести к правовой неопределенности и парализовать усилия по урегулированию кризисных ситуаций.

Отдельно следует остановиться на позиции ряда ведущих государств, которые демонстрируют определенный скепсис. Так, Франция отрыто выразила обеспокоенность «попыткой подмены и снижения влияния ООН» [7]. Угроза же Д.Трампа ввести 200% пошлины на французское вино в ответ на отказ присоединиться переводит дипломатический спор в торгово-экономическую плоскость, подрывая сам дух многостороннего сотрудничества, заложенный Уставом ООН. Российская Федерация, в свою очередь, отреагировала на предложение США финансировать свой взнос в размере 1 млрд долларов за счет активов, ранее замороженных США [8].

Анализировать перспективы развития организации пока рано, однако очевидно, что Совет мира представляет собой попытку создания т.н. «гибкой коалиции» с централизованным управлением для решения конкретных кризисных ситуаций. Потенциальными преимуществами организации являются оперативность, свобода от бюрократии ООН, привлечение частного капитала. Однако эти преимущества одновременно являются его главными рисками.

Так, деятельность Совета мира может привести к дальнейшей эрозии ООН, особенно если последняя не будет способна разрешать существующие кризисные ситуации из-за блокировки резолюций Совета Безопасности ООН, используя право вето. Доминирование в структуре Совета мира представителей финансового сектора ставит под сомнение приоритетность задач организации: устойчивый политический мир или же получение финансовой прибыли. Концентрация власти у Председателя, отсутствие прозрачных процедур и механизмов обжалования решений противоречит стандартам управления международными межправительственными организациями. Наконец, избирательный принцип членства в составе организации может привести к созданию нового клуба «дружественных государств», внося еще больше раскола в международное сообщество.

Таким образом, Совет мира является не просто новой международной организацией. а признаком глубокого кризиса в системе международной безопасности и всей послевоенной системы многосторонности, олицетворяемой ООН. Институциональная структура Совета мира, его «избирательность» бросает вызов традиционным принципам функционирования международных организаций. В краткосрочной перспективе организация, вероятно, сосредоточится на управлении сектором Газа. Однако уже сейчас создание Совета мира актуализировало дискуссию о реформе ООН и о том, какие формы глобального управления могут возникнуть. Очевидно, что в условиях кризиса системы международной безопасности, новая организация может усилить уже существующее недоверие к ООН как к глобальному актору.

Библиография:

1. Резолюция 2803 (2025), принятая Советом Безопасности на его 10046-м заседании 17 ноября 2025 года // ООН. – URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/2803(2025) (дата обращения: 15.01.2026)

2. Magid, J. Trump says Board of Peace ‘might’ replace United Nations, but wants UN to continue / J. Magid // The Times of Israel. – URL:

https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/trump-says-board-of-peace-might-replace-united-nations-but-wants-un-to-continue/ (дата обращения: 25.01.2026).

3. В Совете мира поприветствовали Беларусь в качестве одного из учредителей // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/january/92074/ (дата обращения: 29.01.2026).

4. Magid, J. Full text: Charter of Trump's Board of Peace / J. Magid // The Times of Israel. – URL: https://www.timesofisrael.com/full-text-charter-of-trumps-board-of-peace/ (дата обращения: 22.01.2026).

5. Major, D. Trump says he's withdrawing invitation for Carney to join his Gaza «Board of Peace» / D. Major // CBC. – URL: https://www.cbc.ca/news/politics/trump-board-of-peace-canada-uninvited-carney-letter-9.7057437 (29.01.2026).

6. Knott, M. Trump's peace board plan doesn't mention Gaza, raising fears of UN rival / M. Knott // Brisbane Times. – URL: https://www.brisbanetimes.com.au/politics/federal/albanese-will-respectfully-consider-trump-s-invitation-to-join-gaza-peace-board-20260119-p5nv02.html (дата обращения: 29.01.2026).

7. Франция отклонит приглашение присоединиться к Совету мира, сообщает Reuters // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20260119/frantsija-2068889957.html (дата обращения: 29.01.2026).

8. Путин предложил передать «Совету мира» $1 млрд замороженных активов // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/01/2026/69712b3f9a7947348f591e23 (дата обращения: 28.01.2026).

УДК 347.62

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Дацкая Ольга,
Докторантка
Европейский университет Молдовы,
мун. Кишинев, Республика Молдова
e-mail: oligadat@mail.ru
oligadat@gmail.com
orcid id: 0009-0007-7509-0150

Abstract: The article analyzes modern European trends in the legal regulation of property relations between spouses in the context of the development of the institution of a marriage contract. Special attention is paid to the legal standards of the European Union, primarily Regulation (EU) No. 2016/1103, aimed at expanding cooperation in the field of jurisdiction, applicable law, as well as recognition and enforcement of decisions on the regime of marital property. The main approaches of the EU member states to the contractual regulation of marital property relations and the role of the autonomy of the will of the parties in shaping the property regime of marriage are considered. The study provides a comparative legal analysis of European standards and the national legislation of the Republic of Moldova in the field of marriage contracts, identifies similarities and differences in legal regulation, as well as problems of law enforcement practice. The author substantiates the conclusion that the European experience is an important guideline for further improvement of the institution of marriage contract in the Republic of Moldova, especially in terms of the development of contractual principles of family law and the possible adaptation of the mechanisms of private international law.

Аннотация: В статье анализируются современные европейские тенденции правового регулирования имущественных отношений супругов в контексте развития института брачного договора. Особое внимание уделяется правовым стандартам Европейского союза, прежде всего Регламенту (ЕС) № 2016/1103, направленному на расширение сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, а также признания и приведения в исполнение решений по вопросам режима супружеской собственности. Рассматриваются основные подходы государств-членов ЕС к договорному регулированию имущественных отношений супругов и роль автономии воли сторон в формировании имущественного режима брака. В рамках исследования проводится сравнительно-правовой анализ европейских стандартов и национального законодательства Республики Молдова в сфере брачного договора, выявляются сходства и различия в правовом регулировании, а также проблемы правоприменительной практики. Обосновывается вывод о том, что европейский опыт представляет собой важный ориентир для дальнейшего совершенствования института брачного договора в Республике Молдова, особенно в части развития договорных начал семейного права и возможной адаптации механизмов частного международного права.

Keywords: marriage contract; property relations of spouses; marital property regime; family law of the European Union; cross-border family relations; family law of the Republic of Moldova; harmonization of law

Ключевые слова: брачный договор; имущественные отношения супругов; режим супружеской собственности; семейное право Европейского союза; трансграничные семейные отношения; семейное право Республики Молдова; гармонизация права.

Современное семейное право в странах Европейского союза (ЕС) находится под воздействием процессов глобализации, роста трансграничной мобильности граждан и усиления правоохранительной кооперации. Эти факторы обусловили необходимость упорядочения правового регулирования имущественных отношений супругов, в том числе через гармонизацию частноправовых норм, таких как институт брачного договора. В ЕС данный институт рассматривается не только как инструмент регулирования имущественных прав между супругами, но и как элемент частного международного права, призванный обеспечивать правовую определённость для трансграничных семейных ситуаций. Рассмотрение европейских правовых стандартов несёт важное значение для государств-соседей, таких как Республика Молдова.

Целью настоящего исследования является анализ европейских тенденций регулирования имущественных отношений супругов и оценка их значения для совершенствования института брачного договора в Республике Молдова.

Имущественные отношения супругов охватывают владение, пользование и распоряжение имуществом, нажитым до брака и в период брака, включая порядок его раздела в случае расторжения брака или смерти одного из супругов. Брачный договор выступает специфическим правовым механизмом, позволяющим супругам изменить законный режим совместной собственности и определить правовой режим имущества в браке и после его прекращения [7].

В классической юридической доктрине брачный договор определяется как соглашение лиц, вступающих в брак, или уже состоящих в браке супругов, определяющее их имущественные права и обязанности [5, С.53]. Данный институт исторически восходит к римскому праву, где имущественные отношения было решающим элементом брачных правовых норм.

В контексте Европейского союза ключевым нормативным актом, регулирующим вопросы имущественных отношений супругов с трансграничным элементом, является Регламент Совета (ЕС) «О расширении сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, а также признания и приведения в исполнение решений по вопросам режима супружеской собственности» № 2016/1103 [6].

Регламент применяется в государствах-участниках механизма усиленного сотрудничества (например, Франция, Италия, Германия, Испания и др.) и направлен на:

–установление единых правил определения применимого права к режиму супружеской собственности;

–определение юрисдикции компетентных органов в трансграничных делах;

–обеспечение признания и исполнения решений по спорным вопросам имущественных прав супругов в других государствах-членах ЕС.

Регламент распространяется только на гражданские режимы имущества супругов и не затрагивает вопросы правоспособности, брака как такового, алиментных обязательств или наследования.

Регламент предусматривает возможность супругам выбрать право, которым будет регулироваться их имущественный режим: это право государства их общей или индивидуальной национальности либо права той страны, где супруги имеют общую обычную резиденцию в момент выбора.

Если супруги не сделали выбор, применимое право определяется по ряду связанных критериев:

– первая общая обычная резиденция после заключения брака;
– общее гражданство супругов;
– право государства, с которым супруги имеют наиболее тесную связь.

Также регулирование предусматривает принципы универсальности и единства применимого права: выбранное право применяется ко всему имуществу супругов, независимо от его расположения или происхождения [6].

Регламент содержит детальные нормы о взаимном признании и исполнении решений и аутентичных актов, касающихся режима супружеской собственности. Это направлено на уменьшение барьеров, с которыми сталкиваются международные пары при реализации своих имущественных прав, и на упрощение правоприменительной практики между странами-членами ЕС.

Хотя ЕС устанавливает общие рамки, регулирование имущественных отношений супругов в рамках семейного права остаётся прерогативой национального законодательства. В национальных правовых системах брачный договор часто рассматривается как способ модификации законного режима совместной собственности (community property) в индивидуальный порядок [1].

Например, в ряде стран ЕС, таких как Люксембург, супруги при заключении брачного договора могут устанавливать режим, при котором имущество каждого остаётся личной собственностью, за исключением определённых обязательств или взаимных прав.

В целом, национальные системы обеспечивают значительную свободу в выборе имущественного режима, однако такое регулирование может сопровождаться ограничениями, направленными на защиту основополагающих принципов семейного права, таких как обязательство взаимной поддержки.

В Республике Молдова институт брачного договора закреплён в Семейном кодексе. Согласно ст. 27 Семейного кодекса Республики Молдова, брачный договор представляет собой соглашение, добровольно заключаемое лицами, желающими вступить в брак, или супругами, которое определяет их имущественные права и обязанности в период брака и/или в случае его прекращения [7].

Брачный договор может быть заключён до регистрации брака или в любой момент в период брака, оформляется письменно и подлежит нотариальному удостоверению. Несоблюдение этих требований приводит к недействительности договора.

По содержанию, брачный договор даёт супругам возможность:

– изменить установленный законом режим совместной собственности;

– определить, что имущество, приобретённое каждым из супругов в браке, является его личной собственностью;

– урегулировать порядок взаимного содержания и участие в доходах и расходах;

– предусмотреть имущественные санкции в случае развода.

Однако супругам запрещено включать положения, которые нарушали бы основные права и свободы личности, такие как ограничение правоспособности или право на обращение в суд, а также ущемляющие интересы детей и других лиц, защищённых законом.

Проведя аналогию между законодательством ЕС и Республики Молдова можно выявить, что между ними существуют следующие сходства:

1. Автономия волеизъявления супругов: и ЕС, и молдавское семейное законодательство признают свободу супругов самостоятельно определять режим имущества через заключение брачного договора.
2. Изменение режима имущества: в обеих системах супруги могут, посредством соглашения, изменить законный режим совместной собственности.

Наряду со сходствами присутствуют также отличия между законодательством ЕС и Республики Молдова:

1. Трансграничность: европейские правовые стандарты содержат комплексные нормы, регулирующие вопросы юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений в трансграничных ситуациях между государствами-членами ЕС. Молдавское право, являясь внутренним, не содержит аналогичных норм частного международного права.
2. Международная защита: ЕС стремится к единой правоприменительной практике для международных пар, тогда как в Молдове институционально такие нормы отсутствуют, что создаёт риски правовой неопределённости в международных бракоразводных делах с имущественными спорами.

Сравнительный анализ правового регулирования брачного договора кратко представлен в таблице 1.

Таблица 1:

Сравнительный анализ правового регулирования брачного договора

Критерий	**Европейский союз**	**Республика Молдова**
Нормативная база	Регламент Совета (ЕС) «О расширении сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, а также признания и приведения в исполнение решений по вопросам режима супружеской собственности» № 2016/1103; национальное семейное законодательство государств — членов ЕС	Семейный кодекс Республики Молдова
Правовая природа брачного договора	Инструмент договорного и коллизионного регулирования имущественных отношений супругов	Договорное средство регулирования имущественных отношений супругов
Автономия воли супругов	Широко признана; допускается выбор применимого права	Признана; ограничена рамками национального законодательства
Возможность выбора применимого права	Прямо предусмотрена Регламентом Совета (ЕС) 2016/1103	Не предусмотрена
Трансграничное применение	Детально урегулировано (юрисдикция, признание, исполнение решений)	Отсутствует специальное регулирование
Ограничения содержания договора	Защита публичного порядка, прав детей и экономически слабой стороны	Защита прав супругов, детей, недопустимость ограничения правоспособности

Источник: Составлено автором публикации

Несмотря на гармонизирующие нормы Регламента Совета (ЕС) «О расширении сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, а также признания и приведения в исполнение решений по вопросам режима супружеской собственности», на практике возникают вопросы в определении применимого права, особенно в случаях, когда супруги не имеют общей обычной резиденции сразу после заключения брака, что вызывает сложности в применении критериев, предусмотренных данным Регламентом [6].

Также возникшие коллизии интерпретации отдельных норм, например, касательно изменения права в случае смены общей резиденции супругов, показывают необходимость дальнейшей судебной практики и разъяснений для устойчивой правоприменительной практики.

В Республике Молдова практическая реализация норм о брачном договоре сталкивается с несколькими проблемами:

– Низкая правовая культура населения: многие супруги не используют брачный договор как инструмент планирования имущественных отношений, что приводит к судебным спорам при расторжении брака.

– Ограниченная судебная практика: относительно небольшой объём судебных решений по делам о признании и исполнении брачных договоров снижает предсказуемость правоприменения.

– Отсутствие норм частного международного права: в случаях, когда супруги имеют имущественные интересы за рубежом, национальное законодательство не содержит комплексных правил для решения таких споров, что влечёт за собой неопределённость правового статуса.

Европейские тенденции регулирования имущественных отношений супругов отражают стремление создать комплексную систему норм, обеспечивающих правовую определённость, единообразное применение права и эффективную защиту имущественных интересов в трансграничных ситуациях. Регламент Совета (ЕС) «О расширении сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, а также признания и приведения в исполнение решений по вопросам режима супружеской собственности» является значимым примером таких усилий, предоставляя чёткие правила выбора права, юрисдикции и признания решений.

Для Республики Молдова изучение европейского опыта несёт ценность как ориентир совершенствования национального семейного законодательства, особенно в части развития частноправового регулирования брачных договоров и возможной гармонизации с нормами частного международного права. Внедрение подобных элементов законодательства может способствовать более эффективной защите имущественных прав супругов в международных ситуациях и повышению правовой предсказуемости.

Библиография:

1. Matters of matrimonial property regimes / National information concerning Regulation 2016/1103 // European e-Justice Portal. – Доступно: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/european-judicial-atlas-civil-matters/matters-matrimonial-property-regimes_en (Дата обращения: 31.01.2026)

2. Бостан И. Семейное право. Учебник. – Кишинёв: Технический университет Молдовы (UTM), 2020. – 390 с.

3. Гражданский кодекс Республики Молдова (Codul civil al Republicii Moldova) Nr. 1107 от 06.06.2002 / Monitorul Oficial № 66-75 статья №132 от 01.03.2019

4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года) измененная и дополненная Протоколами № 11, 14 и 15, в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16. – Доступно: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (Дата обращения: 31.01.2026)

5. Лаврищева, О.А. Семейное право: учебное пособие. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2020. – 110 с.

6. Регламент Совета (ЕС) «О расширении сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, а также признания и приведения в исполнение решений по вопросам режима супружеской собственности» № 2016/1103 от 24 июня 2016 года. – Доступно: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R1103-20160708 (Дата обращения: 31.01.2026)

7. Семейный кодекс Республики Молдова (Codul familiei al Republicii Moldova) Nr. 1316-XIV от 26.10.2000 / Monitorul Oficial № 47-48 статья № 210 от 26.04.2001

UDC 316.77:32(478)

Cadrul normativ național privind încetării procesului penal la faza urmăririi penale

Victoria CUȘNIR,
Ofiter superior de investigatii al Serviciului analize crime al Sectiei investigatii infractiuni a Inspectoratului de Politie Ialoveni al IGP al MAI

Rezumat

Urmărirea penală este o fază importantă a procesului penal, desfășurându-se în condiţiile stabilite de lege, care are menirea constatării tuturor circumstanțelor și împrejurărilor faptei. Ofițerul de urmărire penală considerând că probele acumulate sunt suficiente pentru luarea deciziei întocmește raportul privind terminarea urmăririi penale și transmite cauza penală procurorului cu solicitarea de a fi emisă una dintre următoarele soluții: înaintarea învinuirii și transmiterea cauzei în judecată, încetarea urmăririi penale, clasarea procesului penal, scoaterea persoanei de sub urmărire penală.

Cuvinte-cheie: proces penal, legiuitor, cadrul juridic, făptuitor, organ de stat, material probatoriu, etc.

National regulatory framework regarding the termination of criminal proceedings at the criminal prosecution phase

Summary

The criminal prosecution is an important phase of the criminal trial, taking place under the conditions established by law, which aims to ascertain all the circumstances and circumstances of the act. The criminal prosecution officer, considering that the accumulated evidence is sufficient for making a decision, draws up the report on the termination of the criminal prosecution and transmits the criminal case to the prosecutor with the request to issue one of the following solutions: filing the accusation and sending the case to court, termination of the criminal prosecution, closing the criminal trial, removing the person from criminal prosecution.

Keywords: criminal trial, legislator, legal framework, perpetrator, state body, evidentiary material, etc.

Introducere. În faza urmăririi penale, organul de urmărire penală realizează un șir de acțiuni care sunt orientate spre soluționarea sesizării, identificarea făptuitorilor și stabilirea vinovăției, pentru atragerea la răspundere penală. Totodată, urmărirea penală nu poate dura la nesfârșit. Aceasta se datorează prevederilor reglementate de legislația procesual penală, și anume[19]:

- Desfășurarea procesului penal în termeni rezonabili (art.20 din Codul de procedură penală a Republicii Moldova – *în continuare CPP*);

[19] Codul de procedură penală, aprobat prin Legea nr.122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003.

- Termenul urmăririi penale (art.259 CPP);
- Circumstanțele care urmează a fi dovedite în procesul penal (art.96 CPP);
- Aprecierea probelor (art.101 CPP);
- Circumstanțele care exclud urmărirea penală (art.275 CPP);
- Remiterea cauzei procurorului cu propunerea de terminare a urmăririi penale (art.289 CPP).

Terminarea urmăririi penale este etapa finală a fazei prejudiciale. Această etapă are scopul:

- protecției drepturilor și libertăților părților la proces;
- verificării realizării acțiunilor de urmărire penală exhaustiv și obiectiv;
- identificării și înlăturării erorilor admise în cadrul urmăririi penale;
- stabilirii cursului de mai departe a procesului penal.

Ajuns la etapa de terminare a urmării penale, ofițerul de urmărire penală apreciază nu doar probele administrate în cauza penală, dar putem spune că își autoevaluează activitatea realizată. Orice soluție propusă și ulterior dispusă, trebuie să fie argumentată faptic și juridic.

Argumentarea faptică o constituie totalitatea probelor acumulate, iar cea juridică totalitatea normelor de drept care reglementează decizia luată.

Conținutul de bază. Constatând „că probele administrate sunt suficiente pentru a termina urmărirea penală, organul de urmărire penală înaintează procurorului dosarul însoţit de un raport, în care consemnează rezultatul urmăririi penale şi cu propunerea de a dispune una din soluţiile prevăzute la art.291 CPP”[20]:

- de a pune sub învinuire făptuitorul conform prevederilor art. 281 şi 282 CPP dacă acesta nu a fost pus sub învinuire în cursul urmăririi penale, și transmiterea ulterioară în judecată conform art. 289, 291, 297 CPP;
- încetarea urmăririi penale, clasarea cauzei penale sau scoaterea persoanei de sub urmărire penală.

Încetarea urmăririi penale este actul de liberare a persoanei de răspundere penală și de finisare a acțiunilor procedurale, în cazul care pe temeiurile prevăzute la art.275 CPP, legea împiedică continuarea acesteia.

Urmărirea penală nu poate fi pornită, iar dacă a fost pornită, nu poate fi efectuată, şi va fi încetată dacă[21]:

1) nu există faptul infracţiunii;

2) fapta nu este prevăzută de legea penală ca infracţiune;

3) fapta nu întruneşte elementele infracţiunii, cu excepţia cazurilor când infracţiunea a fost săvârşită de o persoană juridică;

4) a intervenit termenul de prescripţie sau amnistia;

4[1])fapta constituie contravenţie;

5) a intervenit decesul făptuitorului;

6) lipseşte plângerea victimei în cazurile în care urmărirea penală începe, conform art.276, numai în baza plângerii acesteia sau plângerea prealabilă a fost retrasă;

7) în privinţa unei persoane există o hotărâre judecătorească definitivă în legătură cu aceeaşi acuzaţie sau prin care s-a constatat imposibilitatea urmăririi penale pe aceleaşi temeiuri;

8) în privinţa unei persoane există o hotărâre neanulată de neîncepere a urmăririi penale sau de încetare a urmăririi penale pe aceleaşi acuzaţii;

9) există alte circumstanţe prevăzute de lege care condiţionează excluderea sau, după caz, exclud urmărirea penală.

Temeiurile enumerate sunt reglementate atât de Codul de procedură penală cât și de alte acte normative și recomandări juridice.

[20] Codul de procedură penală, aprobat prin Legea nr.122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003.

[21] Codul de procedură penală, aprobat prin Legea nr.122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003.

La adoptarea soluției de încetare (stingere) a procesului penal la faza de urmărire penală în baza temeiurilor prevăzute la pct.1)-3), alin.1, art.275 CPP, trebuie să fie luate în calcul și prevederile Codului penal[22] și anume: art.3 (principiul legalității, conform căruia numai legea penală prevede care fapte constituie infracţiuni), art.10 (efectul retroactiv al legii, regulă potrivit căreia operează instituția dezincriminării), art.14 (noțiunea de infracțiune), art.21 (subiectul infracțiunii, conform căreia *până la împlinirea vârstei de 14 ani nici* o persoană nu răspunde penal), art.23 (iresponsabilitatea), art.51 (temeiurile răspunderii penale), art.52 (componența de infracțiune, iar imposibilitatea dovedirii de către organul de urmărire penală a tuturor semnelor componenței de infracțiune atrage stingerea procesului penal în fapt sau în persoană).

Intervenirea termenului de prescripție (pct.4 alin.1 art.275 CPP) este reglementată și de art.60 CP[23] (prescripția tragerii la răspundere penală, conform căreia *prescripţia este o cauză care înlătură atât răspunderea penală, cât şi executarea pedepsei, deoarece trecerea timpului, în anumite condiţii, face fie ca legea penală să nu se mai aplice, fie ca sancţiunea aplicată să nu se mai execute)*, cât și de art. 16[24] (clasificarea infracțiunilor, *în funcţie de caracterul şi gradul prejudiciabil, infracţiunile prevăzute de codul penal sânt clasificate în următoarele categorii: uşoare, mai puţin grave, grave, deosebit de grave şi excepţional de grave*).

Un alt temei te încetare a procesului penal este amnistia (pct.4 alin.1 art.275 CPP), care este reglementată de art.107 CP[25] (*amnistia este actul care are ca efect înlăturarea răspunderii penale sau a pedepsei fie reducerea pedepsei aplicate sau comutarea ei*).

Fapta constituie contravenție (pct.4[1]alin.1 art.275 CPP), este reglementată de normele Codului Contravențional dar și de art.10 (efectul retroactiv al legii, regulă potrivit căreia operează instituția dezincriminării), art.5[26] (componența de infracțiune, iar imposibilitatea dovedirii de către organul de urmărire penală a tuturor semnelor componenței de infracțiune atrage stingerea procesului penal în fapt sau în persoană).

Lipsește plângerea victimei în cazurile în care urmărirea penală începe, conform art.276, numai în baza plângerii acesteia sau plângerea prealabilă a fost retrasă (pct.6 alin.1 art.275 CPP), este un temei de neîncepere a urmăririi penale iar dacă a fost declanșat este un temei de încetare a urmăririi penale, care de rând cu normele de procedură penală este reglementată și de prevederile Codului penal, art.109[27] *(împăcarea este actul de înlăturare a răspunderii penale pentru o infracţiune uşoară sau mai puţin gravă, iar în cazul minorilor, şi pentru infracţiune gravă prevăzute la capitolele II – VI, precum şi în cazurile prevăzute de procedura penală, dacă persoana nu are antecedente penale pentru infracţiuni similare comise cu intenţie sau dacă în privinţa sa nu a mai fost dispusă încetarea procesului penal, ca rezultat al împăcării, pentru infracţiuni similare comise cu intenţie în ultimii cinci ani).*

Încetare a urmăririi penale, în cazurile în care „în privinţa unei persoane există o hotărâre judecătorească definitivă în legătură cu aceeaşi acuzaţie sau prin care s-a constatat imposibilitatea urmăririi penale pe aceleaşi temeiuri” (art.275, pct.7 CPP) și „în privinţa unei persoane există o hotărâre neanulată de neîncepere a urmăririi penale sau de încetare a urmăririi penale pe aceleaşi acuzaţii” (art.275, pct.8 CPP), avem reglementarea art.7 al CP[28] (principiul individualizării răspunderii penale și pedepsei penale, conform căreia *nimeni nu poate fi supus de două ori urmăririi penale şi pedepsei penale pentru una şi aceeaşi faptă*).

Existența altor circumstanţe prevăzute de lege care condiţionează excluderea sau, după caz, exclud urmărirea penală sunt reglementate atât de legislația procesual penală cât și de legea penală și

[22] *Codul de procedură penală a Germaniei,* Strafprozessordnung – StPO: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html.
[23] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[24] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[25] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[26] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[27] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[28] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.

anume: Capitolul III „Cauzele care înlătură caracterul penal al faptei”[29], art.36 *Legitima apărare*, art.37 *Reținerea infractorului*, art. 38 *Starea de extremă necesitate*, art.39 *Constrângerea fizică sau psihică*, art.40 *Riscul întemeiat*, art.40[1] *Executarea ordinului sau dispoziției superiorului*; Capitolul VI „Liberarea de răspundere penală”[30], „*persoana care a săvârșit o faptă ce conține semnele componenței de infracțiune poate fi liberată de răspundere penală de către procuror în cadrul urmăriri penale și de către instanța de judecată la judecarea cauzei în cazurile:* minorilor; tragerii la răspundere contravențională; renunțării de bună voie la săvârșirea infracțiunii; căinței active; schimbării situației; liberării condiționate; prescripției de tragere la răspundere penală (art.54-60)”.

Întru adoptarea soluțiilor de stingere a procesului penal la faza urmăririi penale pe temeiurile prevăzute art.275 CPP, indică asupra importanței cunoașterii minuțioase, în procesul calificării juridice a infracțiunilor, nu numai a semnelor reieșite din conținutul infracțiunii, ci și a unor reguli generale și speciale de calificare a faptelor în limitele unui sau altui conținut normativ, în limitele unei sau altei răspunderi juridice, cu referire la una sau la altă formă de vinovăție prin care se manifestă actul infracțional.

Un alt act normativ care reglementează temeiurile de încetare a procesului penal este Legea fundamentală a statului Constituția Republicii Moldova, și anume, dezincriminarea poate fi identificată și în art.22 din Constituție *Neretroactivitatea legii*[31], conform căreia nimeni nu va fi condamnat pentru acțiuni sau omisiuni care, în momentul comiterii, nu constituiau un act delictuos (*fapta nu este prevăzută de legea penală ca infracțiune*), iar art.53 *Dreptul persoanei vătămate de o autoritate publică*[32], este cu referință asupra drepturilor persoanei în privința căreia urmărirea penală a fost încetată pe temeiuri de reabilitare.

Amnistia la rândul ei se aplică prin lege organică. De la proclamarea independenței Republicii Moldova, legiuitorul a adoptat mai multe legi cu privire la amnistie:

- decret nr. 135 din 14.06.1991 cu privire la amnistia în legătură cu aniversarea adoptării Declarației suveranității Republicii Moldova Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 6/ 1991[33];
- hotărârea nr.203 din 29.07.1994 cu privire la amnistia în legătură cu adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 4-5/1994[34];
- legea nr.565 din 22.07.1995 privind amnistia în legătură cu aniversarea primului an de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 45- 46/1995[35];
- legea nr. 972 din 24.07.1996 privind amnistia în legătură cu aniversarea a V-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 56/1996[36];
- legea nr.1379 din 20.11.1997 privind amnistia unor categorii de persoane Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 70/1998[37];
- legea nr.561 din 29.07.1999 privind amnistia în legătură cu aniversarea a V-a de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 93/1999[38];
- legea nr.420 din 26.07.2001 privind amnistia în legătură cu aniversarea a X-a de la

[29] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[30] *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009.
[31] Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994.
[32] Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994.
[33] Decret nr.135 din 14.06.1991 cu privire la amnistia în legătură cu aniversarea adoptării Declarației suveranității Republicii Moldova Publicat: în Monitorul Oficial nr.6/1991.
[34] Hotărârea Curții Constituționale nr.27 din 21.09.2017, privind excepția e neconstituționalitate a unor prevederi din art.109 alin.(1) din Codul penal (limitarea împăcării în cauzele penale) (pct.48)/ https://www.constcourt.md/.
[35] Legea nr. 565 din 22.07.1995 privind amnistia în legătură cu aniversarea primului an de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 45-46/1995.
[36] Legea nr. 972 din 24.07.1996 privind amnistia în legătură cu aniversarea a V-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 56/1996.
[37] Legea nr. 1379 din 20.11.1997 privind amnistia unor categorii de persoane Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 70/1998.
[38] Legea nr. 561 din 29.07.1999 privind amnistia în legătură cu aniversarea a V-a de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 93/1999.

proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 94- 96/2001[39];

- legea nr.278-XV din 16 iulie 2004 privind amnistia în legătură cu aniversarea a X-a de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr.125/2004[40];

- legea nr.88 din 10.07.2008 privind amnistia în legătură cu declararea anului 2008 An al Tineretului, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 127-130/2008[41];

- legea nr.210 din 29 iulie 2016 privind amnistia în legătură cu aniversarea a 25-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova[102], cât și Recomandarea nr. 97 din 9 februarie 2017, Cu privire la aplicarea prevederilor din Legea nr. 210 din 29 iulie 2016 privind amnistia în legătură cu aniversarea a 25-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova[42];

- legea nr.243 din 24.12.2021 privind amnistia în legătură cu aniversarea a XXX-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 325-333/2021[43].

Împăcarea părților este o procedură legală de remediere a unui conflict de drept penal care poate să fie realizată și în cadrul unui proces de mediere, iar acordul de mediere poate servi drept temei de încetare a procesului penal. Procedura și mecanismul de declanșare, desfășurare și soluționare a raportului de mediere este reglementat de Legea nr. 137 din 03.07.2015 cu privire la mediere[44]. Interpretarea legală a instituției împăcării părților și retragerii plângerii prealabile se regăsește în Recomandarea nr. 56 a Curții Supreme de Justiție *cu privire la aplicarea art. 109 CP şi 276 CPP în cazurile împăcării părţilor*[45] și în Hotărârea Curții Constituționale nr. 27 din 21.09.2017[46], *privind excepţia de neconstituţionalitate a unor prevederi din art. 109 alin. (1) CP (limitarea împăcării în cauzele penale).*

Totodată, există o tendință pe plan mondial potrivit căreia statele caută să se asigure că sistemele lor de justiție sunt în concordanță cu dreptul internațional în domeniul drepturilor omului. Astfel, statele din toată lumea inclusiv și Republica Moldova au preluat principiile internaționale în propriile legi și politici și, drept rezultat, legislațiile în domeniul justiției au fost refăcute.

Există o serie de reguli adoptate de comunitatea internațională ce detaliază modalitățile de lucru de zi cu zi în justiția penală, și anume:

1. *„Dreptul de a nu fi urmărit, judecat sau pedepsit de mai multe ori”,* reglementat de art.4 al Protocolului nr.7 al Convenției Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului şi Libertăţilor Fundamentale[47] și art.50 din Carta drepturilor fundamentale ale Uniunii Europene[48], este punct de origine pentru temeiurile de încetare a urmăriri penale prevăzute de pct.7)-8) alin.1 art.275 al CPP;

2. Recomandarea nr.R.19(99) a Comitetului de Miniștri al Consiliului Europei către statele membre cu privire la mediere în cauzele penale, adoptată la cea de-a 69-a întâlnire a reprezentanților

[39] Legea nr. 420 din 26.07.2001 privind amnistia în legătură cu aniversarea a X-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 94-96/2001.

[40] Legea nr. 278-XV din 16 iulie 2004 privind amnistia în legătură cu aniversarea a X- a de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr.125/2004.

[41] Legea nr. 88 din 10.07.2008 privind amnistia în legătură cu declararea anului 2008 An al Tineretului, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 127-130/2008.

[42] Recomandarea nr. 97 din 9 februarie 2017, Cu privire la aplicarea prevederilor din Legea nr. 210 din 29 iulie 2016 privind amnistia în legătură cu aniversarea a 25-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, de către instanțele judecătorești.

[43] Legea nr. 243 din 24.12.2021 privind amnistia în legătură cu aniversarea a XXX-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 325-333/2021.

[44] Legea nr. 137/2015 din 03.07.2015 cu privire la mediere, publicat în Monitorul Oficial Nr. 224-233.

[45] Recomandării CSJ nr. 56 din 04.11.2013, cu privire la aplicarea art.109 CP și art.276 CPP.

[46] Hotărârea Curții Constituționale nr.27 din 21.09.2017, privind excepția e neconstituționalitate a unor prevederi din art.109 alin.(1) din Codul penal (limitarea împăcării în cauzele penale) (pct.48)/ https://www.constcourt.md/.

[47] Protocolul nr.7 al Convenției Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului, din 22.11.1984 ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 1298 din 24 iulie 1997 privind ratificarea Convenției pentru apărarea drepturilor omului şi a libertăților fundamentale, precum şi a unor protocoale adiționale.

[48] *Carta drepturilor fundamentale a Uniunii Europene* proclamată de către Comisia Europeană, Parlamentul European și Consiliul Uniunii Europene la data de 7 decembrie 2000, în cadrul Consiliului European de la Nisa.

miniştrilor[49], este actul internațional, izvor al Legii nr. 137/2015 din 03.07.2015 cu privire la mediere;

3. Dezincriminarea sau principiul neretroactivității legii, potrivit căruia nimeni nu va fi condamnat pentru acţiuni sau omisiuni care, în momentul comiterii, nu constituiau un act delictuos este oglindit în mai multe acte internaționale, cum ar fi: Declarația Universală a Drepturilor Omului (art.11)[50], Pactul internațional cu privire la drepturile civile şi politice (art. 15)[51], Convenţia Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului (art. 7)[52].

Încetarea urmăririi penale este reglementată de art. 285, capitolul V, titlul I, Partea specială CPP, care se poate lua în orice moment al fazei de urmărire penală, dacă se constată existenţa unei circumstanţe care exclude urmărirea penală.

În cazul în care se constată că fapta nu a fost săvârşită de către bănuit sau de către învinuit, sau în cazul în care se constată alte temeiuri de reabilitare, procurorul dispune prin ordonanţă motivată *scoaterea persoanei de sub urmărire penală* (art. 284 din CPP).

Scoaterea persoanei de sub urmărire penală este o încetare a urmăririi penale în privința persoanei bănuite, învinuite de săvârșirea unei infracțiuni.

La emiterea deciziei de scoatere a persoanei de sub urmărire penală, subiectul competent, trebuie să ia în calcul prevederile art.art.63-66 CPP, care reglementează noțiunea și statutul procesual al bănuitului, învinuitului, inculpatului.

Conform art.64 CPP[53], *„bănuitul este persoana fizică față de care există anumite probe că a săvârșit o infracțiune până la punerea ei sub învinuire”*. Bănuitul își obține statutul procesual prin trei acte procesuale: procesul-verbal de reținere, ordonanța de recunoaștere în calitate de bănuit, ordonanța sau încheierea de aplicare a unei măsuri preventive neprivative de libertate.

Admiterea din partea organului competent, a erorilor și ilegalităților, la dispunerea și menținerea calității procesuale a bănuitului, învinuitului poate avea ca efect scoaterea persoanei de sub urmărire penală.

De aceea, Procesul-verbal de reținere trebuie să corespundă anumitor condiții, prevăzute în art. 167 CPP, iar Ordonanța de aplicare a unor măsuri preventive neprivative de liberate este reglementată de art. 175 CPP. Termenul de 72 ore prevăzut la alin.2, art.63 CPP, începe să curgă din momentul privării *de facto* a libertății și nu din momentul încheierii procesului-verbal de reținere. Odată cu expirarea termenilor de 72 ore (pct.1, alin.2, art.63), 10 zile (pct.2, alin.2, art.63), 3 luni sau 6 luni (pct.3 alin.2, art.63), starea de bănuială prevăzută în ordonanță încetează de drept. În cazul dat, chiar dacă nu este emisă ordonanța și nu este scoasă de sub urmărire penală, starea de bănuit nu mai poate fi prelungită[54].

Conform art.65 CPP, învinuit este *„persoana fizică față de care s-a emis, în conformitate cu prevederile codului de procedură penală, o ordonanță de punere sub învinuire”*.

Clasarea procesului penal (art. 286 CPP), este actul de finalizare a oricăror acţiuni procesuale într-o cauză penală sau pe marginea unei sesizări cu privire la infracţiune, când în cauza penală nu este bănuit sau învinuit şi există una din circumstanţele prevăzute la art. 275 pct. 1)–3).

Concluzii. Urmărirea penală este o fază importantă a procesului penal desfășurându-se în condiţiile stabilite de lege, care are menirea constatării tuturor circumstanțelor și împrejurărilor faptei. Ofițerul de urmărire penală considerând că probele acumulate sunt suficiente pentru luarea deciziei

[49] Recomandarea nr. R 19(99) a Comitetului de Miniștri al Consiliului Europei către Statele membre cu privire la mediere în cauzele penale, adoptată la 15.09.1999 la cea de-a 69-a întâlnire a reprezentanților miniștrilor.

[50] Declarația Universală a Drepturilor Omului, din 10.12.1948, Publicat: în Tratatele internaționale nr.1 din 30.12.1998.

[51] Pactul internațional al ONU, cu privire la drepturile civile și politice Nr. 31din 16.12.1966, ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 217 din 28 iulie 1990 cu privire la aderarea R.S.S. Moldova la Declarația Universală a Drepturilor Omului şi ratificarea pactelor internaționale ale drepturilor omului.

[52] Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului și Libertăţilor Fundamentale, ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 1298 din 24 iulie 1997.

[53] Codul de procedură penală, aprobat prin Legea nr.122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003.

[54] Dolea, Ig., *Codul de procedură penală (comentariu aplicativ),* Ed. Cartea Juridică, Chișinău 2016, ISBN 978-9975-3111-3-7, p.176.

întocmește raportul privind terminarea urmăririi penale și transmite cauza penală procurorului cu solicitarea de a fi emisă una din următoarele soluții: înaintarea învinuirii și transmiterea cauzei în judecată, încetarea urmăririi penale, clasarea procesului penal, scoaterea persoanei de sub urmărire penală.

Totodată în contextul racordării cadrului normativ național la cel internațional, privind respectarea drepturilor și libertăților cetățenilor, legislatorul în adoptarea normelor ce reglementează procedura și mecanismul de încetare a procesului penal s-a conduc de așa acte internaționale cum ar fi: Declarația Universală a Drepturilor Omului (art.11), Pactul internațional cu privire la drepturile civile şi politice (art. 15), Convenţiei Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului (art. 7), Protocolului nr.7 al Convenţiei Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului şi Libertăţilor Fundamentale (art.4), Carta drepturilor fundamentale ale Uniunii Europene (art.50), Recomandarea nr.R.19(99) a Comitetului de Miniștri al Consiliului Europei către statele membre cu privire la mediere în cauzele penale, adoptată la cea de-a 69-a întâlnire a reprezentanților miniştrilor.

Referințe bibliografice:

1) Codul de procedură penală, aprobat prin Legea nr.122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003;

2) *Codul de procedură penală a Germaniei,* Strafprozessordnung – StPO: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html;

3) *Codul penal*, Legea nr.985 din 18.04.2002//Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.72-74 din 14.04.2009;

4) Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994;

5) Decret nr.135 din 14.06.1991 cu privire la amnistia în legătură cu aniversarea adoptării Declaraţiei suveranităţii Republicii Moldova Publicat: în Monitorul Oficial nr.6/1991;

6) Hotărârea Curții Constituționale nr.27 din 21.09.2017, privind excepția e neconstituționalitate a unor prevederi din art.109 alin.(1) din Codul penal (limitarea împăcării în cauzele penale) (pct.48)/ https://www.constcourt.md/;

7) Legea nr. 565 din 22.07.1995 privind amnistia în legătură cu aniversarea primului an de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 45-46/1995;

8) Legea nr. 972 din 24.07.1996 privind amnistia în legătură cu aniversarea a V-a de la proclamarea independenţei Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 56/1996;

9) Legea nr. 1379 din 20.11.1997 privind amnistia unor categorii de persoane Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 70/1998;

10) Legea nr. 561 din 29.07.1999 privind amnistia în legătură cu aniversarea a V-a de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 93/1999;

11) Legea nr. 420 din 26.07.2001 privind amnistia în legătură cu aniversarea a X-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 94-96/2001;

12) Legea nr. 278-XV din 16 iulie 2004 privind amnistia în legătură cu aniversarea a X- a de la adoptarea Constituției Republicii Moldova, Publicat: în Monitorul Oficial Nr.125/2004;

13) Legea nr. 88 din 10.07.2008 privind amnistia în legătură cu declararea anului 2008 An al Tineretului, Publicat: în Monitorul Oficial Nr. 127-130/2008;

14) Recomandarea nr. 97 din 9 februarie 2017, Cu privire la aplicarea prevederilor din Legea nr. 210 din 29 iulie 2016 privind amnistia în legătură cu aniversarea a 25-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, de către instanțele judecătorești;

15) Legea nr. 243 din 24.12.2021 privind amnistia în legătură cu aniversarea a XXX-a de la proclamarea independenței Republicii Moldova, Publicat : în Monitorul Oficial Nr. 325-333/2021;

16) Legea nr. 137/2015 din 03.07.2015 cu privire la mediere, publicat în Monitorul Oficial Nr. 224-233;

17) Recomandării CSJ nr. 56 din 04.11.2013, cu privire la aplicarea art.109 CP și art.276 CPP;

18) Hotărârea Curții Constituționale nr.27 din 21.09.2017, privind excepția e neconstituționalitate a unor prevederi din art.109 alin.(1) din Codul penal (limitarea împăcării în

cauzele penale) (pct.48)/ https://www.constcourt.md/;

19) Protocolul nr.7 al Convenţiei Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului, din 22.11.1984 ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 1298 din 24 iulie 1997 privind ratificarea Convenției pentru apărarea drepturilor omului şi a libertăţilor fundamentale, precum şi a unor protocoale adiționale;

20) *Carta drepturilor fundamentale a Uniunii Europene* proclamată de către Comisia Europeană, Parlamentul European și Consiliul Uniunii Europene la data de 7 decembrie 2000, în cadrul Consiliului European de la ;

21) Recomandarea nr. R 19(99) a Comitetului de Miniștri al Consiliului Europei către Statele membre cu privire la mediere în cauzele penale, adoptată la 15.09.1999 la cea de-a 69-a întâlnire a reprezentanților miniștrilor;

22) Declarația Universală a Drepturilor Omului, din 10.12.1948, Publicat: în Tratatele internaționale nr.1 din 30.12.1998;

23) Pactul internațional al ONU, cu privire la drepturile civile și politice Nr. 31din 16.12.1966, ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 217 din 28 iulie 1990 cu privire la aderarea R.S.S. Moldova la Declarația Universală a Drepturilor Omului şi ratificarea pactelor internaționale ale drepturilor omului;

24) Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului şi Libertăţilor Fundamentale, ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 1298 din 24 iulie 1997;

25) Dolea, Ig., *Codul de procedură penală (comentariu aplicativ)*, Ed. Cartea Juridică, Chișinău 2016, ISBN 978-9975-3111-3-7, p.176.

УДК 343.13

Apariția și stingerea raportului juridic în procesul penal

Ana-Maria Chepestru,
doctorandă, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI

Rezumat

Obiectul procesului penal constă în existenţa unei infracţiuni care a dat loc unui conflict de drept în urma căruia a luat naştere un raport juridic de drept penal. În cursul desfăşurării procesului penal între subiecţii implicaţi în cauza penală se formează anumite raporturi juridice. Spre deosebire de raportul de drept material penal care se naşte prin săvârşirea unei infracţiuni, raportul procesual-penal se naşte când organele publice competente stabilesc probabilitatea existenţei unui raport de drept penal. Subiecţii raportului de drept penal devin şi subiecţi ai raportului de drept procesual penal. Astfel, făptuitorul, care este subiect al infracţiunii într-un raport de drept penal, devine și subiect important al unui raport de drept procesual-penal, pe lângă ceilalți participanți procesuali. Prin intermediul reglementării juridice, faptele sociale capătă o trăsătură specifică şi devin raporturi juridice. Într-o formulare lapidară se poate spune că raportul juridic este o relaţie socială reglementată de norma juridică. Condiţiile fundamentale ale apariţiei raportului juridic sânt: existenţa normei juridice, a subiecţilor de drept şi a faptelor juridice.

Cuvinte-cheie: raport juridic, stat de drept, proces penal, instituții de aplicare a legii, urmărirea penală, făptuitor, legiuitor, etc.

Summary

The object of criminal proceedings consists in the existence of an offense that gave rise to a conflict of law as a result of which a legal relationship of criminal law was born. During the criminal trial, certain legal relationships are formed between the subjects involved in the criminal case. Unlike the substantive criminal law relationship that arises through the commission of an offense, the

procedural-criminal relationship arises when the competent public bodies establish the probability of the existence of a criminal law relationship. The subjects of the criminal law relationship also become subjects of the criminal procedural law relationship. Thus, the perpetrator, who is the subject of the offense in a criminal law relationship, also becomes an important subject of a procedural-criminal law relationship, in addition to the other procedural participants. Through legal regulation, social facts acquire a specific feature and become legal relationships. In a concise formulation, it can be said that the legal relationship is a social relationship regulated by the legal norm. The fundamental conditions for the emergence of the legal relationship are: the existence of the legal norm, of legal subjects and of legal facts.

Keywords: legal relationship, rule of law, criminal trial, law enforcement institutions, criminal prosecution, perpetrator, legislator, etc.

Introducere. Raporturile juridice sunt relaţii sociale reglementate de normele juridice. Conformându-se normelor juridice sau încălcându-le, cetăţenii, destinatarii acestora, adoptă anumite conduite care determină naşterea unor drepturi şi obligaţii juridice. Aceste drepturi şi obligaţii se nasc datorită existenţei unei norme juridice care le descrie şi care le oferă forţă juridică, adică leagă de nerespectarea lor intervenţia forţei coercitive a statului. Raportul juridic reprezintă deci modul, forma în care dreptul se transpune, se realizează în viaţa social[55].

Raporturi sociale care se formează în baza normelor juridice şi în care subiecții apar ca titulari de drepturi şi obligaţii reciproce şi a căror respectare este garantată de forţa coercitivă a statului, sunt raporturi juridice.

Raporturile juridice pot fi de o varietate mare, în funcție de relațiile sociale pe care le reflectă (de familie, de muncă, de relații civile, penale, etc.).

Conținutul de bază. Prin săvârşirea unei infracţiuni ia naştere un raport de drept penal substanţial denumit şi raport substanţial de conflict. Aducerea raportului substanţial de conflict în faţa organelor de drept conduce la apariţia unor raporturi juridice procesual penale. Organele de drept, la rândul lor, au în sarcină soluționarea raportului substanțial de conflict prin îndeplinirea tuturor atribuțiilor care le sunt atribuite de lege.

Norma juridică reprezintă acea normă de drept care prescrie o conduită tipică pe care oamenii au obligația să o urmeze, stabilește limitele și obligațiile fiecărui subiect al unui raport social, anume, în mod generic și în forma lui tipică.

Prin norme juridice procesual penale înțelegem regulile de conduită care au ca obiect de reglementare desfășurarea procesului penal.

Spre deosebire de normele dreptului esențial care se adresează în general, tuturor cetățenilor, regulile procesual penale, denumite în doctrină, de conduită particulară, privesc numai participanții la activitatea procesuală.

Normele de drept procesual sunt cele care stabilesc[56]:

- autoritățile publice care au dreptul și în același timp obligația să constate infracțiunile, să identifice făptuitorii și să-i tragă la răspundere, prevăzând în același timp structura și atribuțiile autorităților judiciare abilitate prin lege în acest sens;
- persoanele fizice sau juridice ce pot fi antrenate în activitatea de înfăptuire a justiției, atribuțiile, drepturile și obligațiile procesuale ale acestora;
- actele și măsurile procesuale precum și mijloacele ce pot fi folosite de organele judiciare, părți și alte persoane în desfășurarea procesului penal;
- sancțiunile ce pot fi aplicate în cazul încălcării normei procesuale (nulitatea,

[55] Zărie, I.M., Teoria generală a dreptului, culegeri de curs, an.I, http://file.ucdc.ro/cursuri/F_1_N16_Teoria_generala_a_dreptului_Ioan_Mircea_Zarie.pdf, (accesat la 20.12. 2024).

[56] https://biblioteca.regielive.ro/referate/drept/structura-normelor-juridice-procesual-_penale-raportul-juridic-procesual-penal-obiectul-si-trasaturile-acesteia-45599.html, (accesat la 21.12. 2024).

inadmisibilitatea, decăderea, amenda judiciară, aducerea silită la organul judiciar, sancțiuni penale). Sancțiunile prevăzute de norma procesuală sunt evident, de grade diferite, în funcție de importanța normei încălcate.

Normele juridice procesual penale au, în general, aceleași trăsături ca și cele ce se referă și altor ramuri de drept. Ele reglementează relațiile sociale ce se stabilesc între autoritățile stalului (organele judiciare), părți și alte persoane antrenate la desfășurarea procesului penal, pe de o parte, și făptuitorul faptei penale, pe de altă parte. Acestea sunt norme speciale de conduită, spre deosebire de normele dreptului substanțial, care se adresează tuturor cetățenilor[57].

Desfăşurarea procesului penal impune prezenţa anumitor persoane, cu anumite calităţi procesuale chemate sau care intervin din proprie iniţiativă în acest cadru procesual[58]. Astfel, persoanele care cooperează în vederea atingerii scopului lor, formează sfera participanţilor la procesul penal.

Categoria de subiecţi ai procesului penal este diferită de cea pe care o cunoaşte dreptul penal. În dreptul penal noţiunea de subiect înglobează persoana fizică şi juridică pasibile, potrivit art. 21 din CP, de răspundere penală, în dreptul procesual penal noţiunea de subiecţi conţine organele şi persoanele care îşi desfăşoară activitatea împreună în vederea realizării procesului penal, finalitatea căruia constituie rezolvarea conflictului născut din săvârşirea infracţiunii. Fiind suprapuse sferele celor două noţiuni, se observă că subiectul în sensul dreptului penal apare în persoana unui singur subiect din categoriile organelor şi persoanelor implicate în procesul penal, în persoana bănuitului, învinuitului, inculpatului[59].

Procesul penal, privit în structura sa, poate fi considerat ca fiind un raport juridic, care se dezvoltă progresiv între diferite persoane participante, interesate în soluţionarea conflictului de drept penal substanţial creat prin săvârşirea unei infracţiuni.

Procesul penal, pornind de la prevederile alin. (1) al art. 1 din CPP, este o activitate complexă reglementată de lege, desfăşurată progresiv şi coordonat, care implică activitatea organelor de urmărire penală şi a instanţelor judecătoreşti cu participarea părţilor în proces şi a altor persoane. Prin urmare, subiecţii procesului penal sunt organele şi persoanele ca titulari de drepturi şi obligaţii, cu interese, poziţii sau roluri diferite.

Faptele juridice procesual penale sunt împrejurări de fapt care determină apariția, naşterea, modificarea, stingerea raporturilor juridice procesuale ori împiedicarea naşterii acestora. În funcție de criteriul efectelor pe care le produc asupra raporturilor juridice procesual penale, faptele juridice procesual penale sunt constitutive, modificatoare, extinctive și impeditive[60]:

Fapte juridice constitutive, dau naștere unor raporturi juridice procesual penale (sesizarea organelor competente despre săvârșirea sau pregătirea unei infracțiuni, recunoașterea în calitate de parte vătămată, recunoașterea în calitate de parte civilă);

Fapte juridice modificatoare, modifică statutul procesual al participanților la procesul penal (victima care solicită să fie recunoscută în calitate de parte vătămată și parte civilă, calitate care îi conferă alte drepturi și obligații);

Fapte juridice extinctive, sting raporturile juridice procesual penale (retragerea plângerii prealabile, împăcarea părților, intervenția prescripției răspunderii penale);

Fapte juridice impeditive, împiedică naşterea raporturilor juridice procesual penale (lipsa plângerii prealabile împiedică declanșarea procesului penal).

Raporturile juridice procesual penale sunt acele raporturi juridice care apar în cursul

[57] https://dreptmd.wordpress.com/cursuri-universitare/drept-international- public/notiunea-si-trasaturile-caracteristice-ale-dreptului-international/, (accesat la 29.12.2024).

[58] Crișu A., Drept procesual penal. Partea generală, Ediţia 2, C.H. Beck, Bucureşti, 2007, p.57, ISBN: 978-973-115-139-7

[59] Dongoroz, V., Drept penal, Bucureşti, Institutul de Arte Grafice, 1939, p.135.

[60] Coltuc, M., Noțiunea și clasificarea faptelor și raporturilor juridice procesual-penale, revista „Suceava News", februarie 2014, https://www.svnews.ro/notiunea-si-clasificarea-faptelor-si-raporturilor-juridice-procesual-penale/31731/.

desfăşurării procesului penal[61].

Ca orice raport juridic, raportul juridic procesual penal este constituit din următoarele elemente[62]:

„- subiecţii raportului juridic procesual penal sunt participanţii la procesul penal, respectiv: organele judiciare (organul de urmărire penală, procurorul, judecătorul de instrucţie, instanţa de judecată), avocaţii, părţile (învinuitul, partea vătămată, partea civilă, partea responsabilă civilmente), precum şi alţi subiecţi procesuali (martorul, expertul, interpretul);

- *conţinutul raportului juridic procesual penal este compus din totalitatea drepturilor şi obligaţiilor conferite de lege subiecţilor raportului juridic procesual penal. În funcţie de particularitatea cauzei şi de etapa procesuală, subiecţii raporturilor juridice procesual penale dobândesc drepturi şi obligaţii specifice, care dau o nuanţă aparte fiecărui raport juridic procesual penal;*
- *obiectul raportului juridic procesual penal constă în stabilirea existenţei (sau inexistenţei) raportului juridic penal şi determinarea conţinutului acestui raport juridic. Astfel, pe măsură ce procesul penal se desfăşoară, fiind administrate probele necesare lămuririi cauzei sub toate aspectele, raportul penal se definitivează, iar soluţia pronunţată la terminarea procesului penal stabileşte existenţa sau inexistenţa raportului de drept penal material”.*

Raportul juridic procesual penal, comparativ cu raporturile juridice proprii altor ramuri ale dreptului, se caracterizează prin anumite trăsături specifice[63]:

- sunt raporturi juridice de putere (de autoritate). În cadrul acestor raporturi juridice se realizează tragerea la răspundere a persoanelor care au comis infracţiuni, organele judiciare ale statului fiind singurele în drept a-l trage la răspundere penală pe făptuitor, prin aplicarea sancţiunii adecvate normei juridice încălcate.
- în marea majoritate a raporturilor juridice procesual penale, unul dintre subiecţi este organul statului. Există, însă, şi raporturi juridice procesual penale în care nu se regăsesc în calitate de subiecţi organe ale statului (de pildă, raportul dintre parte şi apărătorul său).
- de regulă, raporturile juridice procesual penale apar în afara acordului de voinţă al părţilor. Din momentul apariţiei raportului penal conflictual, prin comiterea unei fapte prevăzute de legea penală, dacă organele judiciare sunt sesizate, nu se poate pune problema realizării acordului de voinţă în scopul declanşării procesului penal (acesta este guvernat de principiul oficialităţii). Există şi cazuri în care raportul juridic procesual penal apare cu acordul de voinţă al subiecţilor procesuali (de exemplu, adresarea plângerii prealabile de către persoana vătămată organelor competente, constituirea ca parte civilă în procesul penal, intervenţia părţii responsabile civilmente în procesul penal etc.).
- drepturile subiective ale organelor judiciare au valoare de obligaţii pentru aceste organe[97, p.15]. Acest caracter al drepturilor organelor judiciare este explicabil prin natura scopurilor procesului penal[131, p.19].

Din analiza celor expuse, reiterăm că, raporturile juridice procesual penale iau naștere doar în cadrul unui proces penal, care la rândul său se declanșează odată cu sesizarea organului de urmărire penală despre săvârșirea sau pregătirea pentru săvârșirea unei infracțiuni. Fiecare participant al unui proces penal poate declanșa unul sau mai multe raporturi juridice procesual penale.

Odată născut, *raportul juridic procesual penal* se desfăşoară în timp prin impunerea cerinţei de respectare a regulii de conduită pe care o instituie şi executarea de către destinatarii normei procesual penale a obligaţiei de a se supune dispoziţiilor legii.

Fiecărui raport juridic procesual penal îi corespunde o anumită perioadă de timp, prevăzută de legislație sau stabilită de organele judiciare, în conformitate cu legea, una este cert, că orice raport

[61] Volonciu, N., Drept procesual penal, Ed. Didactică, București, 1972, p.17.
[62] Poiană, I., Păcurariu, I., Drept procesual penal – partea generală, Bucureşti, Ed. Universul Juridic, 2014, ISBN 978-606-673-477-6, p.10.
[63] Neagu, I., *Drept procesual penal, partea generală, tratat,* București, Ed. Global Lex, 2006 ISBN (10) 973-87230-1-9; (13) 978-973-87230-1-6, p.40.

juridic procesual penal încetează odată cu soluționarea definitivă a procesului penal.

Modificarea *raportului juridic procesual penal* poate interveni pe parcursul procesului penal, ca urmare a modificărilor ce intervin în conținutul normei procesual penale, fie prin modificarea statutului procesual, fie prin aplicarea unor norme de constrângere, etc. Drepturile şi obligaţiile participanţilor la raportul juridic procesual penal se vor adapta din mers, în dependenţă funcție de modificările normative făcute şi care au fost aduse la cunoştinţă public, potrivit dispoziţiilor legale, sau altor modificări procesuale intervenite.

Încetarea oricăror raporturi juridice procesual penale, după cum am menționat, au loc odată cu soluționarea definitivă a procesului penal.

Soluționarea definitivă a procesului penal are loc doar prin pronunțarea unei hotărâri penale definitive. Totodată, putem considera că soluțiile de încetare (stingere) a procesului penal la faza urmăririi penale, dispuse de procuror, dacă nu au fost contestate sau nu au dispărut temeiurile, în baza cărora au fost dispuse, de asemenea pot fi considerate ca soluții definitive care cauzează stingerea raporturilor juridice procesual penale.

Referitor la încetarea raporturilor juridice procesual penal la faza de urmărire penală putem conchide următoarele, că „ofițerul de urmărire penală, finalizând examinarea cauzei penale, face anumite concluzii pe rezultatele activităţile sale, apreciază probele administrate din punct de vedere dacă ele obiectiv, complet şi sub toate aspectele relevă circumstanţele cauzei şi dacă sunt eficiente şi destule pentru a lua decizia definitivă în cauza penală”[64].

Un raport juridic procesual penal, la faza urmăriri penale, încetează în legătură cu existența circumstanțelor care împiedică continuarea urmăririi penale sau existența unor motive pentru eliberarea unei persoane de răspundere penală.

Circumstanțele care impun intervenția încetării raportului procesual penal sunt prevăzute la art. 275 CPP[65].

Concluzii. În cursul desfăşurării procesului penal între subiecţii implicaţi în cauza penală se formează anumite raporturi juridice. Spre deosebire de raportul de drept material penal care se naşte prin săvârşirea unei infracţiuni, raportul procesual-penal se naşte când organele publice competente stabilesc existenţa unui raport de drept penal.

Urmărirea penală este o fază importantă a procesului penal desfășurându-se în condiţiile stabilite de lege, care are menirea constatării tuturor circumstanțelor și împrejurărilor faptei. Ofițerul de urmărire penală considerând că probele acumulate sunt suficiente pentru luarea deciziei întocmește raportul privind terminarea urmăririi penale și transmite cauza penală procurorului cu solicitarea de a fi emisă una din următoarele soluții: înaintarea învinuirii și transmiterea cauzei în judecată, încetarea urmăririi penale, clasarea procesului penal, scoaterea persoanei de sub urmărire penală.

Referințe bibliografice:

1. Crișu A., Drept procesual penal. Partea generală, Ediţia 2, C.H. Beck, Bucureşti, 2007, p.57, ISBN: 978-973-115-139-7;
2. Dongoroz, V., Drept penal, Bucureşti, Institutul de Arte Grafice, 1939, p.135;
3. Volonciu, N., Drept procesual penal, Ed. Didactică, București, 1972, p.17;
4. Poiană, I., Păcurariu, I., Drept procesual penal – partea generală, Bucureşti, Ed. Universul Juridic, 2014, ISBN 978-606-673-477-6, p.10;
5. Neagu, I., *Drept procesual penal, partea generală, tratat,* București, Ed. Global Lex, 2006 ISBN (10) 973-87230-1-9; (13) 978-973-87230-1-6, p.82;
6. Codul de procedură penală, Legea nr. 122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al

[64] Neagu, I., *Drept procesual penal, partea generală, tratat,* București, Ed. Global Lex, 2006 ISBN (10) 973-87230-1-9; (13) 978-973-87230-1-6, p.82.

[65] Codul de procedură penală, Legea nr. 122-xv din 14 martie 2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003.

Republicii Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003;
7. Zărie,I.M., Teoria generală a dreptului, culegeri de curs, an.I, http://file.ucdc.ro/cursuri/F_1_N16_Teoria_generala_a_dreptului_Ioan_Mircea_Zarie.pdf, (accesat la 20.12. 2024);
8. Coltuc, M., Noțiunea și clasificarea faptelor și raporturilor juridice procesual-penale, revista „Suceava News", februarie 2014, https://www.svnews.ro/notiunea-si-clasificarea-faptelor-si-raporturilor-juridice-procesual-penale/31731/;
9. https://biblioteca.regielive.ro/referate/drept/structura-normelor-juridice-procesual- penale-raportul-juridic-procesual-penal-obiectul-si-trasaturile-acesteia-45599.html, (accesat la 21.12. 2024);
10. https://dreptmd.wordpress.com/cursuri-universitare/drept-international- public/notiunea-si-trasaturile-caracteristice-ale-dreptului-international/, (accesat la 29.12.2024).

UDC 327(478):323.1(=512.165+=163.2)

Geopolitical Polarization in the Republic of Moldova and Its Influence on the Political Attitudes of the Gagauz and Bulgarian Minorities

Gaidarji V., PhD student, Department of Political Science,
University of National and World Economy (UNWE), Sofia, Bulgaria;
vitaliy.gajdarzhi@unwe.bg
orcid 0009-0009-4570-3272
scientific supervisor: **Semyonova E.,**
Associate Professor, Department of Political Science,
UNWE, Sofia, Bulgaria.
esimeonova@unwe.bg

Abstract. The article examines how geopolitical polarization affects the political attitudes of the Gagauz and Bulgarian minorities in Moldova. Drawing on media monitoring data and sociological surveys by Media Birlii (Comrat) and official statistics, it shows that the media space in the south of the country is highly segmented. In Gagauzia, the primary news sources are the Internet (88.3%) and television (55.6%)[1][2], while the most popular outlets are local media (GRT, Nokta, Laf.md, etc. [3]) and social networks (Instagram 28.3%, Telegram 23.3%, Facebook 21.3%[4][5]). Content analysis reveals the dominance of pro-Russian narratives – "us vs. them" framing, historical analogies, and the victimization of the population[6]. The Bulgarian minority (~2% of the population[7]), concentrated in Taraclia, faces a similar information isolation (the Russian language dominates the public sphere)[8]. The study concludes that southern Moldova effectively operates as a semi-autonomous information space, reinforcing pro-Kremlin attitudes. To mitigate this polarization, targeted measures are needed – bilingual communication campaigns, expanded Romanian-language education, and support for independent local media[9][10].

Keywords: Moldova; Gagauzia; Bulgarian minority; geopolitical polarization; disinformation; media narratives; social media; political attitudes.

Introduction

Moldova's political life is characterized by a strong confrontation between the pro-European and pro-Russian camps[1]. This split is especially noticeable in the autonomous regions with compact minority populations (Gagauzia, Taraclia)[2]. The Gagauz people comprise about 4.6% of the country's population (2014 census – 126,010 people)[3][4] and 83.8% of the population of the Gagauz autonomous region. They speak the Gagauz language (a Turkic dialect) and primarily Russian[3][4]. Bulgarians make up approximately 2% of the population[5] and are concentrated in

the southern Taraclia district (where they form the majority). In everyday life they maintain the Bulgarian language, but in the public and media sphere Russian predominates[6][7].

Under such conditions, informational influences from outside (Russian and other foreign propaganda) have a particularly pronounced effect on the political attitudes of these groups. The aim of this study is to identify the mechanisms by which geopolitical narratives influence the Gagauz and Bulgarian minorities of Moldova[4].

Theoretical Context

Modern studies show that information fault lines along linguistic and ethnic divisions can amplify political polarization in society[8][9]. In Moldova, significant segments of the population are split into Russian-speaking groups (including the majority of national minorities: Gagauz, Bulgarians, Ukrainians, etc.) and Romanian-speaking groups, which exist in virtually separate media spaces[8]. Social media algorithms and specialized information campaigns can intensify such divides, creating "echo chambers"[10][8]. The theory of political polarization emphasizes the role of group identity and media strategies in forming entrenched "us vs. them" narratives. In this analysis, that paradigm is applied to assess the information environment of Moldova's southern regions and its influence on minority attitudes.

Methodology

The study is based on a comprehensive methodological approach. The empirical basis includes:

- publications and reports of civil society organizations (AO Media Birlii – Uniunia Media, the Center for Strategic Communication, etc.),
- results of field surveys of the population of Gagauzia,
- official statistical data.

Materials from the monitoring of disinformation narratives compiled by Media Birlii[11] were used for content analysis, along with survey data on the residents of Gagauzia (Media Birlii, 2024). To assess trust in media and freedom of the press, independent indices were utilized – for example, the Press Freedom Index (CIJ, 2025)[12]. Demographic and linguistic characteristics of the regions were verified against the population census (2014)[13][11] and relevant official statistics. Thus, the combination of qualitative (discourse analysis, expert evaluations) and quantitative (surveys, content monitoring) methods enabled a comprehensive analysis of the influence of media content on the political attitudes of the groups under study[14].

Empirical Analysis

Media Consumption in Gagauzia

According to a Media Birlii survey (N≈1010), the majority of Gagauzia's residents obtain news primarily via the Internet (88.3% of respondents)[15]; television remains an important source for 55.6%[15]. Among online media, local outlets lead: GRT (16.6%), Nokta (15.9%), and Laf.md (15.0%)[15]. Respondents' preferences are fairly diverse – for example, the websites Gagauzinfo.md and Gagauznews each garner about 14–15% of the audience's votes[16]. Notably, almost all respondents actively follow the news: 28.2% read news daily and 39.4% do so several times a week[17]. Thus, residents of the region are generally engaged in consuming information, while still preferring local or Russian-language sources.

Social Networks and Narratives

In the realm of social networks, the people of Gagauzia use Instagram most actively (28.3% of those surveyed) and Telegram (23.3%)[18]. Facebook remains in third place (21.3%)[18]. Independent monitoring analysis confirms that in recent years Telegram has become the main channel for disseminating political information in the region[18][19].

In the collected Russian-language media flow, the most noticeable manipulative strategies are evident: messages are often structured in an "us–them" scheme (fostering an image of conflict), and they contain references to historical events and rhetoric of victimhood[20][21]. For example, narratives have been observed about the "oppression" of Gagauz by the central authorities, calls to protect Gagauz identity, and associations with external powers (Russia, Turkey)[21]. These themes are transformed into a political message: Gagauz voters are urged to support candidates oriented

toward the Kremlin. Taken together, the Gagauz information sphere is saturated with pro-Kremlin and anti-European messages and attitudes[22][23].

Characteristics of the Bulgarian Minority

The Bulgarian minority (~2% of the country's population[7]) lives mainly in Taraclia (Bulgarians constitute the majority there). Within Gagauzia itself, the Bulgarian population is small. Nevertheless, the conditions of information exposure are similar: in the public life of Moldova's Bulgarians, the Russian language dominates[24]. This in part isolates them from the country's Romanian-language information space. The 2014 census shows that a significant portion of Moldova's Bulgarians do not know Romanian and rely on Russian-language media. Researchers note that residents of Taraclia have limited access to national (Romanian) news sources[25][26].

At the same time, there is a factor that counteracts this isolation – close ties with Bulgaria. It is known that many Moldovan Bulgarians obtain Bulgarian citizenship and participate in cultural exchange programs, which gives them greater contact with pro-European networks[27]. These ties can partially mitigate their information isolation by creating alternative channels for information.

Discussion

Data from the monitoring and surveys clearly show that southern Moldova remains an informationally fragmented zone. The Gagauz media space is essentially closed off and forms its own information bubble. Key narratives for the Gagauz are set within regional networks and channels that are close to Russia[28][29]. State media (for example, local broadcasts of Moldovan public TV in Russian) cannot overcome this dominance, and pro-Ukrainian or pro-European messages virtually do not penetrate the daily lives of residents[30][31].

A similar situation is observed among the Bulgarians: limited access to Romanian sources makes them less engaged in nationwide discourse[32][33]. Experts consider such divisions in language and media space to be a vulnerability of the minority communities to malign propaganda[33][34]. The high level of Russian media consumption in Gagauzia is reflected in political orientations: according to election results and surveys, Gagauz and Bulgarians more often support pro-Russian parties and candidates[34][35]. All these facts are consistent with the observation that in Moldova, "geopolitical polarization" is very strong and influences electoral conflicts[34][36].

Conclusions

Isolation of the information space. Southern Moldova (Gagauzia, Taraclia and adjacent districts) effectively functions as a distinct media subsystem. Most of the news content in this space conveys pro-Kremlin positions and stigmatizes the central government[37][38]. Social networks and messaging apps (especially Telegram) reinforce the "us–them" divide.

Vulnerability of minorities. The Gagauz and Bulgarians remain predominantly Russian-speaking in their media consumption, which creates a cultural distance from the pro-European segment of society[39][40]. The Bulgarian minority somewhat compensates for this through ties with Bulgaria (diaspora, dual citizenship), but the Gagauz have far fewer external channels for connectivity.

Necessary measures. Targeted policies could reduce polarization and strengthen information integration, for example: bilingual communication initiatives (Russian/Gagauz–Romanian) for local communities, active promotion of the Romanian language in Gagauzia and Taraclia[41], and support for independent regional media. International reports recommend developing bilingual platforms (Russian or Gagauz together with Romanian) and educational programs that do not infringe on minority rights[42][43]. These steps would "blur" the information boundaries and increase society's resilience to hostile propaganda.

In summary, geopolitical polarization in Moldova is reinforced by the localized information bubbles in the south of the country. Progress toward a sustainable information environment will require systemic efforts in media literacy, the development of bilingual media, and the civic engagement of minority communities, which corresponds with the recommendations of international experts[44].

Bibliography:

1. Mironova S., Gaidarji V., *et al.* Informational Narratives Regarding Gagauzia: Disinformation, Manipulations, Risks (February – May 2025). Comrat: AO "Media Birlii – Uniunia Media", 2025.
2. Mironova S., Gaidarji V., Ghenova S., AO "Media Birlii – Uniunia Media." Information Security: Challenges of the Information Age in Gagauzia. Educational-Methodical Manual. Comrat, 2024.
3. Centrul pentru Comunicare Strategică și Contracarare a Dezinformării (StratCom). Information Manipulation and Democratic Resilience: Malignant Networks and Persistent Informational Threats. Public report. Chișinău: StratCom, January 2026.
4. Index on the State of the Press in the Republic of Moldova in 2025. CIJ Report. Chișinău, 2026. (Accessed 02.02.2026, https://statistica.gov.md)
5. Minority Rights Group International. Gagauz in Moldova. Online: https://minorityrights.org/communities/gagauz/ (accessed: 01.02.2026).
6. Minority Rights Group International. Moldova Country Profile. Online: https://minorityrights.org/country/moldova/ (accessed: 01.02.2026).
7. Cenusa, D. (2024). *Post-Election Geopolitical Alignments of Georgia and Moldova*. GEOpolitics.
8. Keranov, D. (2025). *Bulgaria's Ties to Moldova's Ethnic Minorities: A Channel for Pro-EU Engagement*. German Marshall Fund (GMF) Policy Brief, 24 Sep 2025.
9. Minority Rights Group International (2020). *Gagauz in Moldova*. (https://minorityrights.org/communities/gagauz/).
10. Minority Rights Group International (2020). *Moldova – Minority Rights Group*. (https://minorityrights.org/country/moldova/).
11. *Indicele privind situația presei din Republica Moldova în anul 2025* (2026). Centrul pentru Jurnalism Independent, Chișinău, 2026.
12. Centrul pentru Comunicare Strategică și Contracarare a Dezinformării (2026). *Manipulare informațională și reziliență democratică: Rețele maligne și amenințări informaționale persistente (Raport public, ianuarie 2026).*

---

[1] [2] [3] [4] [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19] [20] [21] [22] [23] [24] [25] [26] [27] [28] [29] [30] [31] [32] [33] [34] [35] [36] [37] [38] [39] [40] [41] [42] [43] [44] Геополитическая поляризация в Республике Молдова и её влияние на политические установки гагаузского (4).docx

file://file_00000000703c720a8298d91b69d96327

УДК 347.23(478)

ВЛАДЕНИЕ И ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Захария Сергей,
доктор, конференциар университар
Комратский государственный университет
ст. научный сотрудник НИЦ Гагаузии
им. М.В.Маруневич
E-mai: skzaharia@mail.ru
orcid id: 0000-0001-5683-6761
Стоянова Антонина,
Магистр права
Комратский Государственный университет
F-mail: antonina.mardari.01@mail.ru

Abstract: Possession as a legal category occupies a distinctive place within the system of real rights, functioning as a connecting link between the factual state of control over a thing and legally recognized proprietary rights. Despite its factual nature, possession is traditionally regarded in legal doctrine as an autonomous object of legal protection, which is обусловлено the need to ensure stability in civil circulation and to prevent arbitrary interference with established property relations.

In the civil law of the Republic of Moldova, the institution of possession has been normatively закреплено in the provisions of the Civil Code of the Republic of Moldova, reflecting a trend toward strengthening its legal significance. The legislator proceeds from the recognition of possession as a legally relevant state deserving protection irrespective of the existence of a real right, which is consistent with contemporary European approaches to the regulation of property relations.

At the same time, the theoretical understanding of possession and its protection within the national legal system remains incomplete. In legal scholarship, there is ongoing debate regarding the legal nature of possession, the correlation between its factual and legal elements, as well as the limits of its protection. Particular attention is paid to issues of classification of possession, the differentiation of its types, and the determination of good faith criteria, all of which directly affect the applicability of protective mechanisms.

Judicial practice in applying the rules governing possessory protection also reveals a number of significant problems. In particular, there is a tendency to substitute possessory remedies with proprietary (real-right) remedies that require proof of ownership, which contradicts the very essence of possessory protection. Moreover, there is a lack of uniformity in judicial practice regarding the determination of the subject matter of proof and the range of persons entitled to protection of possession.

The relevance of this study is further reinforced in the context of harmonization of national legislation with European legal standards. In the case law of the European Court of Human Rights, the concept of “possession” is interpreted broadly and encompasses various proprietary interests, which necessitates the adaptation of national approaches to the understanding and protection of possession.

Key words: possession; possessory protection; right of ownership; factual control; subject matter of proof; good-faith possessor; vindicatory action; protection of property rights; law enforcement practice.

Введение: Владение как правовая категория занимает особое место в системе вещных прав, выступая связующим звеном между фактическим состоянием господства над вещью и юридически признанными имущественными правами. Несмотря на свою фактическую природу, владение традиционно рассматривается в правовой доктрине как самостоятельный объект правовой защиты, что обусловлено необходимостью обеспечения устойчивости гражданского оборота и недопустимости самовольного нарушения сложившихся имущественных отношений.

В гражданском праве Республики Молдова институт владения получил нормативное закрепление в положениях Гражданского кодекса Республики Молдова, в которых отражена тенденция к усилению его правовой значимости. Законодатель исходит из признания владения как юридически значимого состояния, подлежащего защите независимо от наличия вещного права, что соответствует современным европейским подходам к регулированию имущественных отношений.

Вместе с тем, теоретическое осмысление владения и его защиты в национальной правовой системе остается недостаточно завершенным. В научной литературе сохраняется дискуссионность относительно правовой природы владения, соотношения фактического и юридического элементов, а также пределов его защиты. Особое внимание уделяется вопросам квалификации владения, разграничения его видов и определению критериев добросовестности, что напрямую влияет на возможность применения механизмов защиты.

Практика применения норм, регулирующих владельческую защиту, также выявляет ряд существенных проблем. В частности, наблюдается тенденция к подмене владельческой защиты вещно-правовыми способами защиты, требующими доказывания права собственности, что противоречит самой сущности посессорной защиты. Кроме того, отсутствует единообразие судебной практики в вопросах определения предмета доказывания и круга лиц, имеющих право на защиту владения.

Актуальность статьи усиливается в условиях гармонизации национального законодательства с европейскими правовыми стандартами. В практике Европейского суда по правам человека категория «possession» трактуется расширительно и охватывает различные имущественные интересы, что требует адаптации национальных подходов к пониманию и защите владения.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВЛАДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ. Владение как правовая категория занимает особое место в системе вещных прав, представляя собой фактическое состояние господства лица над вещью, которому придается юридическое значение. В отличие от права собственности, являющегося субъективным гражданским правом, владение не обязательно основано на правовом титуле, однако подлежит самостоятельной защите в силу своей социальной и экономической функции.

В доктрине гражданского права владение традиционно рассматривается через призму двух взаимосвязанных элементов: объективного **(*corpus*)** и субъективного **(*animus*).** Объективный элемент выражается в фактическом обладании вещью и возможности осуществлять над ней физический контроль, тогда как субъективный элемент предполагает намерение лица владеть вещью как своей. Наличие указанных элементов позволяет отграничить владение от простого держания, при котором лицо осуществляет фактическое обладание вещью, но признает за другим субъектом право на неё [3, p.53].

Особенностью владения является его двойственная природа: с одной стороны, оно представляет собой фактическое состояние, а с другой — приобретает юридическое значение в силу признания и защиты со стороны государства. Такая двойственность обусловливает сложность его правовой квалификации и является причиной существования различных научных подходов к определению сущности владения.

В зависимости от характера отношения лица к вещи в доктрине и законодательстве выделяются различные виды владения. Прежде всего различают законное и незаконное владение, в зависимости от наличия правового основания для обладания вещью. Наряду с этим

существенное значение имеет деление на добросовестное и недобросовестное владение, которое определяется наличием или отсутствием у лица убеждения в правомерности своего владения. Указанные категории имеют важное значение для решения вопросов, связанных с защитой владения и приобретением права собственности, в частности в порядке приобретательной давности (*uzucapiune*).

Отдельного внимания заслуживает разграничение владения и держания. В отличие от владельца, держатель осуществляет фактическое обладание вещью в интересах и по воле другого лица, не имея намерения владеть ею как своей. Данное различие имеет принципиальное значение для определения круга лиц, обладающих правом на владельческую защиту, поскольку такая защита предоставляется именно владельцу, а не любому фактическому обладателю вещи.

Возникновение владения в гражданском праве Республики Молдова рассматривается как юридически значимый процесс установления фактического господства лица над вещью, которому правопорядок придаёт правовые последствия независимо от наличия у лица права собственности. В современной молдавской цивилистике подчёркивается, что владение не возникает в силу правового акта или государственной регистрации, а формируется как объективно распознаваемое фактическое состояние, выражающееся в устойчивом контроле над вещью и признанное законом в целях обеспечения стабильности имущественного оборота [2, p.34].

Прекращение владения **недвижимостью** имеет свою специфику, связанную с устойчивым характером таких объектов. Владение земельным участком или строением прекращается в момент фактического оставления объекта, выселения, передачи ключей либо утраты реальной возможности пользования имуществом.

ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ. Владельческая защита представляет собой самостоятельный институт гражданского права, направленный на охрану фактического владения независимо от наличия у лица вещного права на соответствующее имущество. Её сущность заключается в обеспечении стабильности гражданского оборота посредством оперативного восстановления нарушенного фактического состояния, без необходимости разрешения спора о праве.

В отличие от вещно-правовых способов защиты, в частности виндикационного иска, направленного на защиту права собственности, владельческая защита ориентирована исключительно на защиту факта владения. Данное различие имеет принципиальное значение, поскольку определяет предмет доказывания и пределы судебного разбирательства.

В рамках владельческой защиты предметом доказывания выступают, прежде всего, наличие факта владения у истца, факт его нарушения, а также причинно-следственная связь между действиями ответчика и нарушением владения.[3] При этом установление права собственности или иного вещного права не входит в предмет рассмотрения по данной категории дел. Требование доказывания титула владения противоречит самой природе посессорной защиты и фактически приводит к её подмене петиторными способами защиты [4, p. 17].

В гражданском законодательстве Республики Молдова положения о защите владения закреплены в Гражданский кодекс Республики Молдова, которые предусматривают возможность защиты владения независимо от наличия права собственности. Данные нормы отражают традиционный для континентальной правовой системы подход, согласно которому владение подлежит защите как самостоятельное юридически значимое состояние.

К числу основных способов владельческой защиты относятся требования о восстановлении владения в случае его утраты, а также требования об устранении препятствий в осуществлении владения. Указанные способы направлены на оперативное восстановление фактического положения, существовавшего до нарушения, и не предполагают разрешения спора о праве собственности.

Особое значение владельческой защиты проявляется в её превентивной функции. Предоставляя защиту фактическому владельцу, законодатель препятствует самовольному

захвату имущества и стимулирует разрешение споров в правовом порядке. Тем самым обеспечивается принцип правовой определенности и исключается возможность самоуправства.

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики в Республике Молдова свидетельствует о наличии существенных отклонений от классической модели владельческой защиты. В частности, суды нередко требуют от истца доказательства права собственности либо иного титула, что выходит за пределы предмета доказывания по данной категории дел. Такая практика приводит к смешению владельческой и вещно-правовой защиты, снижая эффективность первой и усложняя доступ к правосудию.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в европейской правовой традиции владельческая защита рассматривается как автономный и упрощённый механизм защиты, ориентированный на быстрое восстановление нарушенного владения. В практике Европейский суд по правам человека также подчеркивается необходимость эффективной защиты имущественных интересов, включая фактическое владение, как элемента права на мирное владение имуществом.

Таким образом, владельческая защита в гражданском праве Республики Молдова представляет собой самостоятельный способ защиты, направленный на охрану фактического владения и обеспечение стабильности гражданского оборота. Эффективность её применения во многом зависит от правильного понимания её правовой природы и недопущения подмены вещно-правовыми способами защиты.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ. Несмотря на нормативное закрепление института владения и его защиты, правоприменительная практика Республики Молдова свидетельствует о наличии ряда существенных проблем, снижающих эффективность владельческой защиты и затрудняющих её реализацию.

Одной из ключевых проблем является смешение владельческой и вещно-правовой защиты. Как отмечается в доктрине, владельческая защита направлена исключительно на восстановление фактического владения, тогда как вещно-правовые способы защиты ориентированы на защиту субъективного права собственности[1]. Однако на практике суды нередко выходят за пределы предмета доказывания, требуя от истца подтверждения права собственности или иного титула владения, что противоречит сущности посессорной защиты. Защита владения является не только частноправовой, но и общественно значимой гарантией правовой стабильности и предотвращения самоуправства [1, p.55].

Указанная проблема во многом обусловлена недостаточной определенностью подходов к пониманию правовой природы владения. В научной литературе подчеркивается, что владение представляет собой юридически значимое фактическое состояние, не тождественное праву собственности[2]. Тем не менее, в судебной практике нередко наблюдается тенденция к отождествлению владения с правом, что приводит к искажению механизма его защиты.

Второй существенной проблемой является отсутствие единообразия судебной практики по делам о защите владения. Различные подходы судов к определению предмета доказывания, круга лиц, имеющих право на защиту, а также способов защиты создают правовую неопределенность и снижают уровень доверия к судебной системе[3].

Отдельного внимания заслуживает проблема защиты добросовестного владельца. В соответствии с положениями Гражданский кодекс Республики Молдова добросовестность владения имеет значение, в частности, для приобретения права собственности по давности владения. Однако в контексте владельческой защиты критерии добросовестности не всегда получают должную оценку, что может приводить к необоснованному отказу в защите фактического владения.

Кроме того, следует отметить недостаточную разработанность процессуальных механизмов владельческой защиты. В отличие от классической модели посессорной защиты, предполагающей оперативное и упрощенное рассмотрение споров, в национальной практике

такие дела зачастую рассматриваются в общем исковом порядке, что снижает эффективность защиты и увеличивает сроки восстановления нарушенного владения.

Сравнительный анализ европейской практики свидетельствует о том, что эффективная владельческая защита должна носить ускоренный и автономный характер. В практике Европейский суд по правам человека подчеркивается, что защита имущественных интересов, включая фактическое владение, является элементом права на мирное владение имуществом, гарантированного статьей 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции.

В целях повышения эффективности владельческой защиты в гражданском праве Республики Молдова представляется целесообразным:

- четко закрепить в законодательстве пределы владельческой защиты и исключить необходимость доказывания права собственности при рассмотрении соответствующих споров;
- обеспечить единообразие судебной практики посредством разъяснений высших судебных инстанций;
- рассмотреть возможность введения упрощенной (ускоренной) процедуры рассмотрения дел о защите владения;
- уточнить критерии добросовестности владения в контексте его защиты;
- усилить разграничение владельческой и вещно-правовой защиты на уровне правоприменения.

Таким образом, совершенствование института владельческой защиты требует комплексного подхода, включающего как развитие законодательства, так и формирование единообразной судебной практики. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность защиты фактического владения и обеспечить стабильность гражданского оборота.

Дополнительного анализа требует проблема соотношения владельческой защиты с системой государственной регистрации прав на недвижимое имущество. В условиях функционирования кадастровой системы и придания приоритета зарегистрированным правам в правоприменительной практике нередко возникает тенденция игнорирования фактического владения как самостоятельного объекта защиты. Это приводит к ситуации, при которой лицо, фактически владеющее имуществом, но не обладающее зарегистрированным правом, оказывается в менее защищённом положении по сравнению с титульным владельцем.

Между тем, регистрация права и владение выполняют различные правовые функции. Государственная регистрация направлена на обеспечение публичности, достоверности и стабильности, вещных прав, тогда как владельческая защита ориентирована на охрану фактического состояния и предотвращение самоуправных действий. Смешение этих институтов приводит к искажению их правовой природы и снижает эффективность механизмов защиты.

В этой связи представляется важным закрепление в правоприменительной практике подхода, согласно которому наличие или отсутствие государственной регистрации права не должно иметь решающего значения при рассмотрении споров о защите владения. Основное внимание суда должно быть сосредоточено на установлении факта владения и факта его нарушения.

Ещё одной существенной проблемой является сложность доказывания факта владения в отдельных категориях дел, особенно когда речь идёт о недвижимом имуществе или длительных фактических отношениях. Отсутствие чётко закреплённых критериев оценки владения приводит к тому, что суды по-разному подходят к оценке доказательств, что негативно сказывается на единообразии судебной практики.

В целях устранения данной проблемы целесообразно выработать единые подходы к установлению факта владения, включая оценку таких обстоятельств, как:

– длительность владения;
– характер использования имущества;

– наличие внешних признаков владения;
– поведение лица в отношении имущества.

Указанные критерии позволят повысить объективность судебного рассмотрения и снизить уровень правовой неопределённости.

Особого внимания заслуживает проблема соотношения владельческой защиты и самозащиты, гражданских прав. В условиях недостаточной эффективности судебных механизмов защиты владения лица нередко прибегают к самостоятельным действиям, направленным на восстановление нарушенного владения. Однако такие действия могут выходить за пределы допустимой самозащиты и перерастать в самоуправство, что влечёт правовые последствия.

Эффективная владельческая защита должна минимизировать необходимость обращения к самозащите, обеспечивая быстрый и доступный судебный механизм восстановления владения. Это, в свою очередь, способствует укреплению принципа правового государства и снижению уровня конфликтности в обществе.

Дополнительно следует отметить проблему недостаточной теоретической и практической разработанности института владельческой защиты в национальной правовой системе. Несмотря на закрепление соответствующих норм в гражданском законодательстве, их применение требует более глубокого осмысления и систематизации, а также адаптации к современным условиям развития имущественных отношений.

Важным направлением совершенствования является развитие правовых позиций высших судебных инстанций. Принятие разъяснений по вопросам применения норм о владельческой защите позволит сформировать единообразную практику и обеспечить правильное понимание сущности данного института.

Кроме того, представляется целесообразным усиление роли доктрины в развитии института владельческой защиты. Научные исследования могут способствовать выявлению проблем правоприменения, а также разработке предложений по совершенствованию законодательства.

В условиях цифровизации и развития информационных технологий особую актуальность приобретает вопрос взаимодействия владельческой защиты с электронными системами учёта и регистрации. Внедрение цифровых кадастровых систем, автоматизация процессов регистрации прав и доступность информации о недвижимом имуществе создают новые условия для реализации владельческой защиты. В то же время это требует адаптации правовых механизмов к новым реалиям и обеспечения баланса между формальными и фактическими элементами имущественных отношений.

Таким образом, современные проблемы владельческой защиты носят комплексный характер и затрагивают как материально-правовые, так и процессуальные аспекты. Их решение требует системного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие судебной практики и углубление научных исследований.

В конечном счёте, эффективная владельческая защита должна обеспечивать оперативное восстановление нарушенного владения, предотвращение самоуправства и укрепление стабильности гражданского оборота. Реализация данных задач возможна только при условии правильного понимания правовой природы владения и последовательного применения соответствующих норм на практике.

Выводы: Таким образом, институт владения представляет собой самостоятельное юридически значимое фактическое состояние, выполняющее важную функцию в обеспечении стабильности гражданского оборота и защите имущественных интересов его участников. Владение, будучи не тождественным праву собственности, обладает собственной правовой природой и подлежит самостоятельной защите, что соответствует современным европейским подходам к регулированию вещных прав.

Владельческая защита выступает эффективным механизмом охраны фактического владения, направленным на оперативное восстановление нарушенного состояния без

необходимости доказывания права собственности. Такая конструкция способствует снижению уровня самоуправства, предотвращению конфликтов и формированию устойчивых правовых отношений в сфере имущественного оборота.

Вместе с тем, существует ряд проблем, препятствующих эффективной реализации владельческой защиты. К числу наиболее значимых из них относятся смешение владельческой и вещно-правовой защиты, отсутствие единообразной судебной практики, недостаточная определённость критериев оценки фактического владения, а также несовершенство процессуальных механизмов рассмотрения соответствующих категорий дел. Дополнительные сложности вызывает влияние системы государственной регистрации прав, которая в отдельных случаях приводит к недооценке значения фактического владения.

Кроме того, важным направлением развития является уточнение критериев добросовестности владения и формирование единых подходов к установлению факта владения. Существенную роль в этом процессе должна играть правовая доктрина, способствующая более глубокому осмыслению института владения и выработке научно обоснованных решений.

Таким образом, совершенствование института владения и владельческой защиты должно быть направлено на укрепление его самостоятельного значения, повышение эффективности судебной защиты и обеспечение баланса между формальными и фактическими элементами имущественных отношений. Реализация данных задач позволит повысить уровень правовой определённости, укрепить доверие к судебной системе и обеспечить стабильное развитие гражданского оборота.

Библиография:

1. Baieș, S. Drept civil. Drepturi reale, Chișinău: Cartier, 2020
2. Cojocari Eugenia, Cușmir Marcel, Ciobanu Carolina. Drept civil. Drepturi reale. Chișinău: CEP USM, 2003.
3. Digesta Justiniani. Liber 41,) // Corpus Iuris Civilis. Colecție de drept roman. 533 г., Константинополь.
4. Ungureanu,V. Drepturi reale, Chișinău, 2020

УДК 341.24:341.321

PERSOANELE DISPĂRUTE FĂRĂ VESTE ŞI LUPTA CONTRA IMPUNITĂŢII – ASPECTE PRIVIND CONLUCRAREA ACESTOR DOUĂ INSTITUŢII

Abdelaziz MUKHTAR, *drd, ULIM*
Recenzent: ***Alexandr CAUIA**, prof. univ., dr.*

Chestiunea persoanelor dispărute fără veste cu regret rămâne a fi o problemă stringentă în perioadele de conflicte armate. După mai multe regiuni ale globului – Balcani, America Latină, Africa centrală, Asia, iată că și Africa de nord se înscrie în această listă dramatică. Or, situația post-conflict de regulă nu tratează acest subiect ca pe unul prioritar.

Cuvinte-cheie: persoane dispărute fără veste, conflict armat, jurisdicție internațională.

Chestiunea persoanelor dispărute fără veste cu regret rămâne a fi o problemă stringentă în perioadele de conflicte armate. După mai multe regiuni ale globului – Balcani, America Latină, Africa centrală, Asia, iată că și Africa de nord se înscrie în această listă dramatică. Or, situația post-conflict de regulă nu tratează acest subiect ca pe unul prioritar.

Key-words: persoane dispărute fără veste, conflict armat, jurisdicție internațională.

Problema persoanelor dispărute fără veste este una din cele mai stringente în dreptul internaţional umanitar. Nedeterminarea în ce priveşte destinul celui apropiat reprezintă una din realităţile dure ale contemporanităţii a unui număr impunător de familii în situaţii de conflict armat sau de violenţă internă. Părinţii, fraţii şi surorile, soţii şi copiii încearcă disperat să-şi găsească rudele pierdute. Familii şi societăţi întregi, nefiind la curent dacă sunt sau nu în viaţă cei apropiaţi, nu pot întoarce pagina cu evenimentele de groază, ce le-au distrus viaţa. Ei nu pot adera la procesul de reabilitare şi conceliere, nici ca persoane luate aparte, nici ca o societate *in integrum*. Asemenea răni pot deteriora ţesuturile societăţii şi submina relaţiile între grupuri şi naţiuni, uneori şi peste decenii după evenimentele ce au avut loc.

În ultimii ani ONU este preocupat de fenomenul dispariţiei forţate a persoanelor, fenomen, cu care se confruntă majoritatea conflictelor armate, indiferent de calificarea acestora, fie că este vorba despre conflict armat internaţional, fie non-internaţional. În plus, femomenul în cauză este destul de des prezent în condiţiile regimurilor autoritare. Această metodă este pe larg aplicată în diverse regiuni ale lumii,[66] de exemplu, de regimurile autoritare latinoamericane.

O atenţie deosebită acestei probleme i se acordă începând cu ultimul deceniu al sec. XX. În calitate de punct de reper poate fi considerată rezoluţia Adunării Generale a ONU nr.47/133 din 18.12.1992 „Declaraţia privind protecţia persoanelor contra dispariţiilor forţate”.[67]

În opinia experţilor, progresele realizate în procesul de punere capăt impunităţii pentru crimele de război, constituind tribunale internaţionale şi conferind un rol mai activ jurisdicţiilor interne, va trebui să conducă la un respect crescând al dreptului internaţional umanitar, iar ca rezultat – la reducerea numărului persoanelor dispărute, dat fiind că o bună parte din ei sunt rezultatul încălcărilor legale.[68] Aşa cum persoanele care deţin informaţie relevantă au frica să fie predate pe mâna justiţiei, creşterea „pericolului de la Haga” sau, mai general, existenţa unui risc real judiciar antrenează pe calea consecinţelor o diminuare proporţională a şanselor de a obţine informaţii asupra soartei persoanelor dispărute prin intermediul mijloacelor tradiţionale.[69] Este important să fie instaurat un echilibru între această recunoaştere generală a importanţei urmăririi crimelor de război şi punerea în aplicare a mijloacelor eficace de colectare şi selectare a informaţiei necesare asupra persoanelor dispărute.

Asemenea mecanisme vor cere motivarea, ca celor ce deţin informaţie despre soarta persoanelor dispărute să le expună şi să nu rămână neutri în raport cu problema dată. Această sarcină este de durată. Dar între timp s-au înregistrat şi anumite succese. Aşa, în octombrie 2005, de exemplu, preşedinţia CICR, care conducea grupul de lucru asupra dispăruţilor în Kosovo, a atenţionat că numărul persoanelor dispărute se ridică la 2.557 contra celor 3.000 la început de an, menţionând că progresul atins datorează eforturilor întreprinse de medicina legală.

Grupul de lucru s-a reunit la iniţiativa reprezentantului special al Secretarului general al Naţiunilor Unite în Kosovo şi sub preşedinţia CICR în calitatea sa de intermediar neutru. Grupul de lucru are ca mabndat stabilirea urmelor persoanelor considerate dispărute, obţinerea informaţiilor privind soarta lor, precum şi informarea familiilor acestora. Obiectivul grupului de lucru constă în atingerea unui progres real în faţa acestei tragedii, întrucât familiile au dreptul să cunoască ce s-a întâmplat cu cei apropiaţi. Autorităţile ambelor părţi au sarcina să întreprindă măsurile necesare pentru soluţionarea problemei în cauză.

---

[66] În anii’70 ai secolului XX dispariţiile forţate erau practicate în Cipru, Ethiopia, Indonezia şi Filipine. În timpul războiului din Alger această metodă represivă era utilizată de militarii francezi.

[67] Rezoluţia Adunării Generale a ONU A/RES/47/133 «Déclaration sur la protection de toutes les personnes contre les disparitions forcées» http://www.un.org/french/documents/view_doc.asp?symbol=A/RES/47/133 (consultat la 25.10.2011).

[68] Monique Crettol and Anne-Marie La Rosa. The missing and transitional justice: the right to know and the fight against impunity. International Review of the Red Cross. March 2006. Vol. 88. No 862, p.359 http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_862_crettol-larosa.pdf (consultat la 18.04.2012).

[69] Marco Sassòli and Marie-Louise Tougas. The ICRC and the missing. International Review of the Red Cross. December 2002. Vol. 84. No 848, p.727 http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_sassoli.pdf (consultat la 28.02.2012).

Ulterior, conform unei liste provizorii stabilite de către grupul de lucru după mai multe reuniuni, numărul persoanelor a coborât de la 2.919 la 2.716 înregistar cu trei luni anterior.[70]

Preşedinţia CICR a estimat că grupul de lucru va trebui să dispună „de informaţii ce emană din surse care ar putea ajuta la elucidarea soartei persoanelor dispărute şi la localizarea noilor îngropări comune", să lucreze eficient şi „să răspundă aşteptărilor din ce în ce mai mari a familiilor celor dispăruţi".[71]

Practica ne demonstrează că autorităţile naţionale pot adopta diverse strategii asupra aceste chestiuni. În unele cazuri acestea nu au ezitat să lanseze campanii publice de informatizare referitor la persoanele dispărute, demonstrând voinţa politică de soluţionare a acestei chestiuni. Experţii aduc ca exemplu Peru, Chili şi Marocul.[72] În mai multe cazuri CICR a publicat pe site, în cataloage sau în cărţi numele persoanelor dispărute, cu plasarea pozelor acestora sau cu bunurile personale găsite pe corp, pe care autorităţile le-au folosit în eforturile întreprinse pentru clarificarea soartei persoanelor declarate dispărute. Şi din nou ne referim la experţi, care în acest sens aduc exemplul Serbiei, Bosniei, Angolei, Liberiei, Cote d'Ivoir-lui, în special în raport cu căutarea copiilor separaţi de părinţi sau rude în urma conflictelor armate.[73] În unul din cazuri, cu consimţământul familiilor respective, CICR a acordat unei Comisii pentru adevăr şi reconciliere informaţii importante ce reflectă peste 400 cazuri care nu figurau în nici o bază de date. Este vorba despre cazul Peru în cadrul unui parteneriat care prevedea exploatarea sistematică a datelor CICR în căutarea persoanelor şi crearea unei liste unice a persoanelor dispărute.[74]

În alte cazuri, au fost prevăzute diverse mijloace de comunicare a informaţiei asupra persoanelor dispărute (linii telefonice, informaţie transmisă prin intermediul web sau centre de colectare a informaţiei etc.). În unele situaţii au fost acceptate informaţii anonime înainte de a stabili legătura dintre persoana şi anchetă sau de a examina aceste informaţii în cadrul unei proceduri penale. Chiar dacă precizarea informaţiei recuperate poate fi pusă la îndoială, estimăm de exemplu, că în contextul naţional croat, 10% din informaţia anonimă recepţionată a fost considerată utilă în căutarea persoanelor dispărute.[75] Autorităţile în egală măsură pot să-şi concentreze eforturile vizând localizarea persoanelor dispărute prin intermediul procedurii penale, considerând ca factor atenuant transmiterea informaţiei care ar putea ajuta la clarificarea soartei acestora sau care ar prevedea sancţiuni în caz de necooperare. Aceeaşi legătură ar putea fi instaurată cu procedurile de control puse în aplicare la nivel naţional şi în cadrul cărora furnizarea informaţiei privind persoanele dispărute ar fi considerată ca un factor pozitiv în procesul de evaluare. În final, unii au aplicat sau au planuri să acorde o amnistie limitată sau o imunitate de la urmărire acompaniate de forme alternative de justiţie, chiar dacă această abordare pune numeroase întrebări privind compatibilitatea lor cu exigenţele dreptului internaţional umanitar. Măsuri care vor fi interpretate de o manieră ce ar permite criminalilor de război să nu fie urmăriţi în justiţie rămân insuficiente din punct de vedere al dreptului internaţional umanitar. Acestea ar contraveni obligaţiilor ce recomandă statelor să ancheteze crimele comise, să urmărească şi să sancţioneze persoanele presupuse că ar fi comis crime de război.

Mai mult, o amnistie la nivel naţional nu protejează persoanele nominalizate de pericolul unei urmăriri pe plan internaţional. În cazul în care o amnistie a fost acordată în încălcarea obligaţiilor internaţionale, ea nu va avea acoperire legală şi va fi ignorată de tribunalele internaţionale.[76] Totodată

[70] KOSOVO : NOUVELLE REUNION DU GROUPE DE TRAVAIL SUR LES DISPARUS. 03-10-2005 COMMUNIQUE DE PRESSE 05/73 http://www.icrc.org/fre/resources/documents/news-release/serbia-montenegro-news-031005.htm (consultat la 23.03.2012).

[71] Idem.

[72] Monique Crettol and Anne-Marie La Rosa, op. cit., p.362.

[73] Idem.

[74] Idem.

[75] Ivo Josipovic. Responsibility for war crimes before national courts in Croatia. International Review of the Red Cross. Volume 88. Number 861. March 2006 http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_861_josipovic.pdf (consultat la 05.03.2011).

[76] ICTY, Prosecutor v. Anto Furunzija. Judgement. Case № IT-95-17/1, Jugement 10 December 1998, par.155, p.59-60

o asemenea amnistie poate fi ignorată şi la nivel naţional de către instanţele judiciare, în special în cazurile în care justiţia se bucură de un suport logistic internaţional.

Drept exemplu poate servi practica Curţii Speciale pentru Sierra Leone, care la 13 martie 2004 a adoptat o decizie importantă referitor la acţiunea amnistiei din punct de vedere al dreptului internaţional.[77] Camera de Apel a emis încheierea conform căreia amnistiile acordate în baza aşa numitor acorduri de pace de la Lomé persoanelor din cadrul grupărilor participante la războiul civil din Sierra Leone nu constituie obstacol în tragerea acestora la răspundere penală. Aceasta este prima hotărâre a unei instanţe judiciare internaţionale, care prevede în mod expres, că amnistia nu constituie obstacol pentru a trage la răspundere penală persoanele culpabile în comiterea crimelor internaţionale de către instanţele judiciare, inclusiv internaţionale şi naţionale. Adevărul este că această decizie a Curţii a trezit discuţii referitor la influenţa ei asupra dezvoltării dreptului internaţional umanitar.[78]

În final remarcăm faptul că în toate cazurile asociaţiile familiilor persoanelor dispărute, evident în cazul în care acestea există, trebuiesc consultate. Ele sunt nu doar beneficiari de măsuri întreprinse pentru a stabilirea destinului celor apropiaţi, ci, în egală măsură, au un rol deosebit în asigurarea faptului ca entitatea responsabilă în ansamblul său şi în fiecare din componentele sale să ţină cont de mandatul şi de angajamentele sale.

УДК 352/354:659.3

INFORMATION OPENNESS OF STATE AUTHORITIES AND LOCAL PUBLIC ADMINISTRATION BODIES IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: LEGAL FRAMEWORK AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

ROSHKA Sergey
Doctoral candidate at the UNWE,Sofia,
Republic of Bulgaria, roshkaserj@gmail.com
orcid: 0009-0003-0242-5715
Chiosea Dmitrii
Doctoral candidate at Sofia
University “St. Kliment Ohridski”,
Sofia, Republic of Bulgaria
kiosea99@gmail.com
orcid: 0009-0007-9560-960

Abstract. The article examines the theoretical foundations and implementation mechanisms of information openness of state authorities and local public administration bodies in the Republic of Moldova. The regulatory framework governing citizens' access to information about the activities of government bodies is analyzed. Based on empirical research, the effectiveness of the information openness system of central authorities and local public administration bodies of the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia is assessed. The main problems of implementing the principle of government transparency are identified, and recommendations for improving mechanisms for ensuring citizens' access to information about the activities of state and local government bodies are proposed. The study reveals that despite the creation of a comprehensive legal framework, the practical implementation of information openness, especially at the local level, faces significant

http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/fur-tj981210e.pdf (consultat la 30.04.2012).

[77] The Prosecutor v. Morris Kallon and Brima Buzzy Kamara, Special Court for Sieeea Leone, SCSL-2004-15-AR72(E) and SCSL-2004-16-AR72(E), Decision on Challenge to Jurisdiction: Lomé Accord Amnesty (Appeals Chamber, 13 March 2004).

[78] Gamurari V., Barbăneagră A. Crimele de război. Chişinău: Reclama SA. 2008, p.459-477.

challenges including limited financial and human resources, insufficient understanding of the importance of transparency, and weak monitoring mechanisms.

Keywords: information openness, government transparency, access to information, state authorities, local public administration, Republic of Moldova, information policy, civil society, accountability, public participation.

Introduction

Information openness of state authorities represents one of the key principles of functioning of a democratic rule-of-law state. In contemporary conditions of civil society formation, government transparency serves not only as an indicator of the quality of interaction between the state and citizens, but also as a mechanism for preventing corruption, ensuring government accountability, and improving the efficiency of public administration [1, p. 30][79].

The Republic of Moldova, having proclaimed the course towards building a democratic rule-of-law state and developing civil society, has adopted a number of legislative acts aimed at ensuring information openness of public authorities. The Constitution of the Republic of Moldova guarantees every citizen's right to access information concerning their rights and legitimate interests [2][80]. This constitutional provision has been developed in special legislation: the Law "On Access to Information" No. 982 of 11.05.2000 [3][81], the Law "On Transparency of the Decision-Making Process" No. 239 of 13.11.2008 [4][82], and the Government Resolution "On Official Pages of Public Administration Bodies on the Internet" No. 188 of 03.04.2012 [5][83].

However, despite the creation of a legislative framework, the practical implementation of the principle of information openness of state authorities and local public administration encounters a number of problems. The study of mechanisms for ensuring citizens' access to information at the local level, where constitutional rights are directly implemented and daily interaction between authorities and the population takes place, acquires particular relevance.

The problems of information openness of authorities have been studied in the works of A.S. Panarin, N.M. Nikolaev, A.V. Shevchenko, I.M. Ibragimova, N.Yu. Korchenkova, M.A. Sinitsyna,

[79] Ibragimova I.M. Transparency of Power: Fundamentals of Ensuring Information Interaction of State Bodies with the Public (presentation schemes) // United Nations Development Programme in Ukraine; UNDP Project "Good Governance with Citizen Participation: Development of a Comprehensive and Transparent Policy Process in Ukraine". 2002. 132 p.

[80] Constitution of the Republic of Moldova. Adopted on 29.07.1994 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 1994. No. 1.

[81] Law of the Republic of Moldova "On Access to Information" No. 982 of 11.05.2000 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2000. No. 88-90.

[82] Law of the Republic of Moldova "On Transparency of the Decision-Making Process" No. 239 of 13.11.2008 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2008. No. 215-217.

[83] Government Resolution of the Republic of Moldova "On Official Pages of Public Administration Bodies on the Internet" No. 188 of 03.04.2012 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2012. No. 70-71.

nd other scholars [6–9][84][85][86][87]. At the same time, the specifics of implementing information openness of authorities in the Republic of Moldova, especially at the local public administration level, remain insufficiently studied.

Research objective – comprehensive analysis of the legal framework and implementation mechanisms of information openness of state authorities and local public administration bodies in the Republic of Moldova, assessment of the effectiveness of their functioning, and development of recommendations for improving the system of ensuring citizens' access to information about the activities of government bodies.

Research tasks:

1) To define the concept and essence of information openness of state authorities as a theoretical construct;
2) To study the regulatory framework governing information openness of state authorities and local public administration bodies in the Republic of Moldova;
3) To analyze mechanisms for ensuring citizens' access to information about the activities of government bodies;
4) To conduct an empirical study of information openness of central authorities and local public administration bodies of the ATU Gagauzia;
5) To develop recommendations for improving the system of information openness of government bodies.

Research methods. The study employed general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction), special legal methods (formal-legal, comparative-legal), as well as empirical methods (monitoring of official websites of government bodies, content analysis of posted information, surveys of representatives of local public administration bodies).

1. Theoretical foundations of information openness of state authorities

Information openness of state authorities represents a complex socio-legal phenomenon located at the intersection of various spheres of social relations: legal, political, administrative, and informational. In scientific literature, the concept of "information openness" is defined as an organizational and legal regime of activity of a government body that ensures the possibility for interested parties to obtain the necessary volume of information about the structure, goals, objectives, financial and organizational conditions of its activities [10, p. 124][88].

Information openness of authorities performs several crucial functions in a democratic society. First, it is a necessary condition for citizens to exercise their constitutional rights and freedoms. Without access to information about the activities of government bodies, effective protection of one's rights, participation in state governance, and oversight of government activities are impossible. Second, information openness contributes to improving the quality of administrative

[84] Panarin A.S. Revenge of History: Strategic Initiative in the XXI Century. Moscow: Logos, 2006. 392 p.

[85] Nikolaev N.M. State Information Policy. Moscow: Academic Project, 2008. 512 p.

[86] Shevchenko A.V. Information Sustainability of the Political System. Moscow: RAGS, 2007. 216 p.

[87] Sinitsyna M.A. Issues and Proposals on Ensuring Access to Information within the Framework of "Electronic Government" Formation // Right to Access Information: Opportunities and Limitations in the Electronic Environment: collection of materials of the international scientific-practical conference / scientific ed. N.A. Sheveleva. St. Petersburg: Presidential Library named after B.N. Yeltsin, 2012. P. 45-58.

[88] Korchenkova N.Yu. The Principle of Information Openness as a Requirement of Modern Democracy // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2000. No. 1. P. 124-128.

decisions, as it ensures consideration of opinions and interests of various social groups. Third, it is a crucial tool for combating corruption and other abuses by government officials [11][89].

The main principles of information openness of state authorities include:
– the principle of publicity, which implies the obligation of government bodies to actively disclose information about their activities, not limiting themselves to providing information only upon requests;
– the principle of completeness and reliability of information, requiring the provision of comprehensive and accurate data;
– the principle of timeliness, meaning the provision of current information within the timeframes established by law;
– the principle of accessibility, providing for the placement of information in forms and on media that ensure its availability to the widest possible range of citizens;
– the principle of free basic access to information about the activities of government bodies.

2. Legal framework for information openness of authorities in the Republic of Moldova

Legal regulation of information openness of state authorities and local public administration bodies in the Republic of Moldova is carried out on the basis of a multi-level system of regulatory legal acts.

The foundation of constitutional and legal regulation is the Constitution of the Republic of Moldova, Article 34 of which guarantees the individual's right to access any information concerning public affairs, as well as the right to receive reliable information [2][90]. This constitutional provision establishes the fundamental principle of government openness and creates the legal basis for detailed legislative regulation.

The central place in the system of special legislation is occupied by the Law "On Access to Information" No. 982 of 11.05.2000, which regulates in detail the procedure and conditions for exercising citizens' right to access information held by public authorities [3][91]. The Law establishes the list of information subject to mandatory publication, defines the procedure for submitting and considering requests for information, and regulates the grounds and procedure for restricting access to information.

The Law "On Transparency of the Decision-Making Process" No. 239 of 13.11.2008 regulates a special aspect of information openness – citizen participation in the process of developing and adopting regulatory legal acts and decisions of public authorities [4][92]. The Law establishes the obligation of government bodies to publish draft normative acts in advance, organize public discussions, and consider received proposals and comments.

The Government Resolution "On Official Pages of Public Administration Bodies on the Internet" No. 188 of 03.04.2012 establishes mandatory requirements for the content and functioning of official websites of government bodies [5]. The document defines the list of information subject to mandatory placement on official websites, requirements for website structure, information update deadlines, and accessibility for persons with disabilities.

The Law "On Local Public Administration" No. 436 of 28.12.2006 contains special norms regulating information openness of local public administration bodies. The Law establishes the

[89] European Charter of Local Self-Government. Strasbourg, October 15, 1985 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 36. Art. 4466.

[2] Constitution of the Republic of Moldova. Adopted on 29.07.1994 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 1994. No. 1.

[3] Law of the Republic of Moldova "On Access to Information" No. 982 of 11.05.2000 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2000. No. 88-90.

[4] Law of the Republic of Moldova "On Transparency of the Decision-Making Process" No. 239 of 13.11.2008 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2008. No. 215-217.

obligation of LPA bodies to ensure transparency of their activities, inform the population about decisions made, and conduct public hearings on the most important issues of local significance [12][93].

3. Mechanisms for ensuring information openness of government bodies

Analysis of current legislation allows identifying two main types of mechanisms for ensuring information openness of government bodies: mandatory (primary) mechanisms and auxiliary mechanisms.

Mandatory mechanisms include:

1) Official websites of government bodies. According to Resolution No. 188, each public administration body must have an official website with a specific list of information: regulatory framework of the body's activities, structure and contact information, procedure for providing public services, information about budget and expenditure, draft normative acts, activity reports, etc.
2) System for processing information requests. Citizens have the right to submit written or oral requests for information, which must be considered within the timeframes established by law (15 days for written requests, immediately for oral requests).
3) Public discussions of draft normative acts and decisions. Government bodies must organize public discussions of draft decisions affecting citizens' rights and interests.
4) Publication of information in official print media and mass media.

Auxiliary mechanisms include:

–creation of information centers and information access points;
–holding press conferences, briefings, open door days;
–use of social networks to inform citizens;
–organization of hotlines and trust phones;
– placement of information stands and publication of information bulletins.

4. Results of empirical research on information openness of government bodies

To assess the actual state of information openness of government bodies in the Republic of Moldova, an empirical study was conducted, including monitoring of official websites of central government bodies and local public administration bodies of ATU Gagauzia of levels I and II.

4.1. Information openness of central government bodies

Analysis of official websites of central executive bodies of the Republic of Moldova showed a relatively high level of compliance with legislative requirements on information openness. Most ministries and departments have functioning official websites on which mandatory information is posted.

At the same time, a number of shortcomings were identified:
– untimely updating of information (especially in sections on structure and leadership of bodies, contact information);
– absence or incomplete posting of information about budget and expenditure;
– insufficient detail of information about public services provided;
– formal approach to organizing public discussions of draft normative acts;
– lack of effective feedback with citizens (information requests are considered with violations of established deadlines).

4.2. Information openness of local public administration bodies of ATU Gagauzia

Research on information openness of local public administration bodies of ATU Gagauzia revealed significant problems in implementing the principle of government transparency at the local level.

[12] Law of the Republic of Moldova "On Local Public Administration" No. 436 of 28.12.2006 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2007. No. 32-35

Monitoring of LPA bodies of level I (district, city) showed that most of them have official websites, however, the quality of posted information does not meet legislative requirements. Typical problems include:

– incomplete posting of mandatory information (sections on budget, procurement, services provided are missing);
– untimely updating of information (outdated data on composition and structure of administrative bodies, contact information);
– lack of information about public discussions held and decisions made based on their results;
– low quality of website design, making navigation and search for necessary information difficult;
– absence of website versions for persons with disabilities.

The situation with information openness of LPA bodies of level II (rural and urban mayoralties) is critical. The conducted monitoring showed that a significant portion of mayoralties do not have their own official websites. Those mayoralties that do have websites, as a rule, post a minimum amount of information on them, insufficient to ensure real information openness.

A survey of LPA body representatives revealed the following main reasons for the low level of information openness at the local level:
– insufficient funding (lack of funds for creating and maintaining websites, conducting public events);
– absence of qualified specialists in information technology and information work;
– insufficient understanding by LPA body leadership of the importance of information openness for civil society development and improvement of governance quality;
– lack of effective oversight by higher authorities over compliance with legislative requirements on information openness.

Conclusion

The conducted research allows drawing the following conclusions:

1. Information openness of state authorities is a necessary condition for the functioning of a democratic rule-of-law state, ensures the implementation of citizens' constitutional rights, contributes to improving the efficiency of public administration, and combating corruption.

2. The Republic of Moldova has created a sufficiently comprehensive regulatory framework governing information openness of government bodies. The legislation establishes the obligation of government bodies to ensure citizens' access to information and defines mechanisms for implementing this obligation.

3. At the same time, the practical implementation of the principle of information openness, especially at the local public administration level, faces serious problems. A significant portion of LPA bodies do not comply with legislative requirements on information openness or comply with them formally.

4. The main reasons for the insufficient level of information openness of LPA bodies are: deficit of financial and human resources, insufficient understanding by LPA body leadership of the importance of information openness, weak oversight by higher authorities and civil society.

Based on the obtained results, the following recommendations for improving the system of information openness of government bodies in the Republic of Moldova are proposed:
1) Creation of a centralized technical platform for hosting official websites of LPA bodies with standard functionality and design, which will reduce the costs of creating and maintaining websites.
2) Organization of a training and professional development system for municipal employees in the field of information work and use of information technologies.
3) Creation of the institution of information access commissioners in LPA bodies, responsible for ensuring information openness.

4) Strengthening oversight by central government bodies over compliance with legislative requirements on information openness, introduction of a monitoring and evaluation system for information openness of LPA bodies.
5) Development of civil society institutions capable of exercising public oversight over ensuring information openness of government bodies.
6) Improvement of legislation in terms of establishing more detailed requirements for the content and forms of posting information about the activities of government bodies, strengthening responsibility for violations of information openness requirements.

Implementation of the proposed recommendations will contribute to increasing the level of information openness of government bodies, developing civil society, strengthening citizens' trust in authorities, and ultimately – building an effective democratic rule-of-law state in the Republic of Moldova.

References

1. Ibragimova I.M. Transparency of Power: Fundamentals of Ensuring Information Interaction of State Bodies with the Public (presentation schemes) // United Nations Development Programme in Ukraine; UNDP Project "Good Governance with Citizen Participation: Development of a Comprehensive and Transparent Policy Process in Ukraine". 2002. 132 p.
2. Constitution of the Republic of Moldova. Adopted on 29.07.1994 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 1994. No. 1.
3. Law of the Republic of Moldova "On Access to Information" No. 982 of 11.05.2000 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2000. No. 88-90.
4. Law of the Republic of Moldova "On Transparency of the Decision-Making Process" No. 239 of 13.11.2008 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2008. No. 215-217.
5. Government Resolution of the Republic of Moldova "On Official Pages of Public Administration Bodies on the Internet" No. 188 of 03.04.2012 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2012. No. 70-71.
6. Panarin A.S. Revenge of History: Strategic Initiative in the XXI Century. Moscow: Logos, 2006. 392 p.
7. Nikolaev N.M. State Information Policy. Moscow: Academic Project, 2008. 512 p.
8. Shevchenko A.V. Information Sustainability of the Political System. Moscow: RAGS, 2007. 216 p.
9. Sinitsyna M.A. Issues and Proposals on Ensuring Access to Information within the Framework of "Electronic Government" Formation // Right to Access Information: Opportunities and Limitations in the Electronic Environment: collection of materials of the international scientific-practical conference / scientific ed. N.A. Sheveleva. St. Petersburg: Presidential Library named after B.N. Yeltsin, 2012. P. 45-58.
10. Korchenkova N.Yu. The Principle of Information Openness as a Requirement of Modern Democracy // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2000. No. 1. P. 124-128.
11. European Charter of Local Self-Government. Strasbourg, October 15, 1985 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 36. Art. 4466.
12. Law of the Republic of Moldova "On Local Public Administration" No. 436 of 28.12.2006 // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2007. No. 32-35.